ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА. — ПЕТРОГРАД.

Москва, Софийка, ул. Рождественки, д. 4/8. Телефон 1-51-21.

Общественные знания.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 365. Ц. 85 к.

Вагнини, В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С предисл. Д. Рязанова. Стр. 116. Ц. 40 к.

Вольфсон, М. Б. Очерки обществоведения. Изд. 3-е. Стр. 428. Ц. 1 р. 80 к.

Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. Критика теории и практики марксизма („Антибернштейн"). Стр. 227. Ц. 75 к.

Кунов, Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и предисл. Н. Стопанова. Изд. 2-е. Стр. 182. Ц. 85 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В). Собр. сочинений, т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 гг.) Стр. 562. Ц. 1 р. 20 к., в пап.

Его же. Собр. сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 648. Ц. 1 р. 20 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. IV. „Искра", 1900—1903 гг. Стр. 335. Ц. 80 к.

Его же. Собр. соч., т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч. I. 1905—1906 гг. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Гос. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к. в пап. 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч. II. 1906—06 гг. От роспуска 1-й Гос. Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Гос. Думу. Стр. 308. Ц. 75 к., в пап. 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 25 к., в пап. 1 р. 25 к.

Его же. Собрание сочинений, т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в папке 70 к.

Его же. Собрание сочинений. т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 р. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в пап. 1 р. 60 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. 1 р. 50 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455. Ц. 1 р. 50 к. в пап.

Его же. Собрание сочинений, т. XIX. Национальный вопрос (статьи 1910 — 1921 гг.). Стр. 300. Ц. 50 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений, т. I. Статьи и письма (1837—1844 гг.). Стр. 564. Ц. 1 р. 70 к.

Их же. Полное собрание сочинений, т. III. Исторические работы. Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 2-е Стр. 93. Ц. 70 к., в пап. 75 к.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. В. Базарова и Н. Стопанова. Стр. 761. Ц. 2 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. II, кн. II. Процесс обращения капитала. Под ред. В. Базарова и Н. Стопанова. Стр. 499. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы: I—XXVIII. Под ред. В. Базарова и Н. Стопанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. II. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы: XXVIII—LII. Под ред. В. Базарова и Н. Стопанова. Стр. 414. Ц. 1 р.

Его же. Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты" Прудона. С предисл. и примеч. Ф. Энгельса. Стр. 198. Ц. 60 к.

Его же. Замечания на программу германской рабочей партии. Критика Готской программы. С вступит. статьей К. Каутского. Перевод Н. А. Алексеева. Стр. 97. Ц. 30 к.

Плеханов, Г. В. Основные вопросы марксизма. С предисловием Д. Рязанова. Изд. 2-е. Стр. 126. Ц. 35 к.

Его же Сочинения, т. I. Статьи до 1901 г. С предисл. Д. Рязанова. Стр. 363. Ц. 90 к., в пап. 1 р.

Его же. Сочинения, т. II. Статьи 1902—03 гг. С предисл. Д. Рязанова. Стр. 404. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения, т. III. На русские темы. Статьи 1898—99 гг. Стр. 429. С предисл. Д. Рязанова. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения, т. IV. Статьи 1902—04 гг. С предисл. Д. Рязанова. Стр. 382. Ц. 90 к. в пап. 1 р.

Его же. Сочинения, т. VII. Обоснование и защита марксизма. Ч. I. Стр. 331. Ц. 1 р.

Его же. Сочинения, т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Ч. II. Ц. 1 р. 40 к.

Его же. Сочинения, т. XI. Критика наших критиков. Ц. 1 р. 30 к.

Стеклов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883). Стр. 114. Ц. 40 к.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Стр. 297. Ц. 60 к.

Социализм и история социализма.

Бер, М. История социализма в Англии. С предисл. Ф. Розенфельда. Ч. I. Стр. 329. Ц. 75 к.

Бебель, А. Женщина и социализм. Под ред. В. А. Посад. Стр. 488. Ц. 1 р. 10 к.

Брауи, Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. Стр. 256. Ц. 1 р. 60 к.

Валентинов, Н. Шарль Фурье. Биографический очерк. Изд. 2-е. Стр. 160. Ц. 30 к.

Изложение учения Сен-Симона (1828—29 гг.) Перев. М. Лаидау. С предисл. В. Зеньковского. Стр. 304. Ц. 75 к.

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Всесоюзная Книжная Палата
Снято с регистрации
№ 4971
Бюро Международного Книгообмена

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ

1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Vestnik
*QCB

PUBLIC LIBRARY
583023A
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
A P 19 L

Гиз. № 4862. Главлит. № 11520. Москва. Напеч. 8.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

I-й отдел.— Статьи.

Стр.

О кривой капиталистического развития. (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи.) — *Л. Троцкий* 3
Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. (Окончание.)—*М. Покровский* 13
К методологии изучения денежной эмиссии. — *В. Базаров* 28
Материалы по теории и политике денежного обращения в России (период 1914—1923 г.). — *Д. Кузовков* 101
Теория накопления Розы Люксембург. (По поводу статей тов. Двойлайцкого.) — *В.Е. Мотылев* 136
Материальный базис коммунистического общества. — *И. Иванов* 169
Материализация и пролетарское сознание. — *Г. Лукач* 186
Сущность идеологического воззрения. — *И. Разумовский* 223
Организационные принципы социальной техники и экономики.—*А. Богданов* 272
Идеалистическая легенда о Канте. — *И. Борчевский* 285
Комплексный метод в доистории. — *В. Никольский* 309

К постановке проблемы стиля. — *В. Фриче* 350
Мировоззрение и формы стиля. — *З. Циммер* 362

II-й отдел.— Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

Маркс как историк. — *М. Покровский* 372
Действенность и диалектика в философии К. Маркса.—*Г. Аксельрод-Ортодокс* 385

III-й отдел.— Библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. (Продолжение.)—*М. Брокский* . 397
Обзор русской литературы по аграрному вопросу. (Окончание.) — *С. Дубровский* 413
Проблема логики в современной философии. (Обзор литературы 1916—1922 гг.) *Г. Баммель* 431

Рецензии.

Запоздалая критика маркса. (О книге Tönnies'a „Marx Leben und Kritik".) — *И. Ревз* 446
Первый опыт библиографии марксистской критики. (О книге Мандельштама. „Художественная литература в оценке русской марксистской критики".)—*В. Переверзев.* 453

IV-й отдел—Хроника.

Кабинет внешних сношений Соц. Академии 456
Библиотека Соц. Академии за первую треть 1923 г. 457
Курсы по изучению марксизма при Соц. Академии (по поводу 1-го выпуска) 459

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. (Продолжение.) — *Е. Мороховец.* 465
Положение рабочего класса. (Указатель литературы на русском языке.) (Продолжение.) 473
Обзор иностранной периодики, поступающей в Соц. Академию 487
Кабинет внешних сношений Соц. Академии (новые книги) 492
Кабинет экономики Соц. Академии (новые книги) 496

О кривой капиталистического развития.

(Письмо в редакцию вместо обещанной статьи.)

В своем введении к марксовой «Борьбе классов во Франции» Энгельс писал:

«При суждении о событиях и группах событий современной истории никогда не будет возможности дойти до *последних* экономических причин. Даже теперь, когда соответствующая специальная литература доставляет такой богатый материал, невозможно даже в Англии изо дня в день проследить ход промышленности и торговли на мировом рынке, равно как и все изменения, происходящие в способах производства,—невозможно проследить так, чтобы в любой момент можно было вывести общий итог из этих многообразных, переплетающихся и постоянно меняющихся факторов. Самые важные из них к тому же по большей части в течение долгого времени действуют в скрытом состоянии, пока, наконец, внезапно и мощно не найдут себе проявления. Ясная картина экономической истории данного периода не может быть приобретена, пока этот период еще не завершился: она приобретается лишь потом, post factum, когда уже собран и просеян материал. Статистика является здесь необходимым вспомогательным средством, а она плетется всегда позади. Поэтому по отношению к текущей, современной истории слишком часто приходится рассматривать фактор, имеющий наиболее решающее значение, как постоянный; экономическое положение, сложившееся к началу изучаемого периода, как постоянное и неизменное для всего периода; или же приходится обращать внимание лишь на такие изменения в экономическом положении, которые вытекают из явных, несомненных событий и потому так же ясны

и несомненны, как сами эти события. Материалистический метод вынужден поэтому слишком часто ограничиваться сведением политических конфликтов к борьбе интересов между классами общества и фракциями классов, которые уже даны к начальному моменту исследования, уже созданы экономическим развитием, и рассматривать отдельные политические партии как более или менее адэкватное выражение этих самых классов и их фракций.

Само собою понятно, *каким источником ошибок является неизбежное игнорирование одновременно происходящих изменений экономического положения, этого истинного базиса всех исследуемых событий»* («К. Маркс и Ф. Энгельс». Собр. соч. т. III, стр. 6. Госиздат 1921.—Курсив мой).

Эти мысли Энгельса, формулированные им незадолго до смерти, не получили необходимого дальнейшего развития. Насколько могу припомнить, они даже редко цитировались—гораздо реже, чем того заслуживают. Более того, многие марксисты как бы утратили смысл их. Объяснение этому факту кроется опять-таки в указанных Энгельсом причинах невозможности сколько-нибудь законченного экономического истолкования *текущей* истории. Определять те подпочвенные толчки, которые политика сегодняшнего дня получает от экономики, —задача очень трудная, в полном объеме неразрешимая; между тем политические явления нужно объяснять безотлагательно, потому что борьба не терпит. Отсюда—необходимость прибегать в повседневной политической работе к объяснениям, настолько широким, что они, при длительном употреблении, превращаются в шаблоны. Пока политика протекает в одних и тех же формах, в одних и тех же берегах, с одной и той же, примерно, скоростью, т. е. пока накопление экономического количества не переходит в изменение политического качества,—такого рода объяснительная абстракция («интересы буржуазии», «империализм», «фашизм») еще более или менее выполняет свою задачу: не истолкования политического факта во всей его конкретности, а сведения его к знакомому социальному типу, что имеет, конечно, свое неоценимое значение. Но при серьезном изменении обстановки, тем более при крутом повороте, такое общее объяснение обнаруживает всю свою несостоятельность, целиком превращаясь в пустопорожний шаблон. Тут уж

непременно нужно пропустить зонд анализа поглубже, чтобы определить с качественной стороны, а по возможности и количественно измерить толчки экономики в сторону политики. Эти «толчки» представляют собою диалектическую форму «заданий», исходящих от динамического базиса и подлежащих разрешению в сфере надстройки.

Колебания экономической конъюнктуры (подъем—депрессия—кризис) уже сами по себе означают периодические толчки, порождающие то количественные, то качественные изменения и новообразования в области политики. Доходы имущих классов, бюджет государства, заработная плата и безработица пролетариата, размеры внешней торговли и т. д. тесно связаны с конъюнктурой и, в свою очередь, самым непосредственным образом влияют на политику. Уже одного этого достаточно, чтобы понять, насколько важно и плодотворно было бы проследить шаг за шагом историю политических партий, государственных учреждений и пр. применительно к циклам капиталистического развития. Мы этим вовсе не хотим сказать, будто циклы объяснят *все:* этого не может быть уже по тому одному, что сами циклы представляют собою не основные, а производные экономические явления: они складываются на основе развития производительных сил через посредство рыночных отношений. Но циклы объяснят *многое*, образуя своей автоматической пульсацией необходимую диалектическую пружину в механике капиталистического общества. Через переломы торгово-промышленной конъюнктуры ближе всего подойдем к критическим узлам в развитии политических течений, законодательства и всех форм идеологии.

Но капитализм характеризуется не одной только периодичностью своих циклов,—иначе была бы сложная повторяемость, а не динамика развития. Торгово-промышленные циклы имеют в разные периоды различный характер. Главное различие их определяется количественным соотношением между кризисом и подъемом внутри каждого отдельного цикла. Если подъем с избытком возмещает то, что уничтожено или сокращено во время предшествующего кризиса, то капиталистическое развитие идет вверх. Если кризис, знаменующий разрушение или, по крайней мере, сжатие производительных сил, превышает по силе своего

действия соответственный подъем, то мы имеем в результате упадок хозяйства. Если, наконец, кризис и подъем имеют приблизительно одинаковую силу, мы получаем временное застойное равновесие хозяйства. Такова грубая схема. Исторически мы наблюдаем, что однородные циклы группируются сериями: бывают целые эпохи капиталистического развития, когда ряд циклов характеризуется ярко выраженными подъемами и слабыми скоропреходящими кризисами. Это дает в результате резко повышательное движение основной кривой капиталистического развития. Бывают застойные эпохи, когда эта кривая, через частные циклические колебания, сохраняет в течение десятилетий приблизительно один и тот же уровень. И, наконец, в некоторые исторические периоды основная кривая, проделывая, как всегда, циклические колебания, в общем идет вниз, знаменуя упадок производительных сил.

Уже априорно можно предположить, что эпохи энергичного капиталистического развития должны иметь резко отличные—в политике, в праве, в философии, в поэзии—черты от эпох застойных или экономически упадочных. Более того: переход от одной такой эпохи к другой должен, естественно, вызывать наибольшие потрясения в отношениях между классами и между государствами. Об этом пришлось говорить на III конгрессе Коминтерна—в борьбе против чисто механического представления о происходящем ныне капиталистическом распаде. Если периодическая смена «нормального» подъема «нормальным» кризисом отражается во всех областях общественной жизни, то переход от целой подъемной эпохи к эпохе упадочной, или, наоборот, естественно вызывает величайшие исторические пертурбации, и нетрудно показать, что во многих случаях революции и войны стоят на грани двух разных эпох экономического развития, т.-е. на стыке двух разных отрезков капиталистической кривой. Рассмотреть под этим углом зрения всю новую историю есть, поистине, одна из благодарнейших задач для диалектического материализма.

Профессор Кондратьев подошел к этому вопросу после III конгресса Интернационала—тщательно, как водится, обходя ту постановку, какая была дана вопросу на самом конгрессе,— и попытался, на-ряду с «малым циклом»,

охватывающим десятилетний период, установить понятие «большого цикла», охватывающего, примерно, пятьдесят лет. По этой симметрически стилизованной конструкции большой экономический цикл состоит, примерно, из пяти малых циклов, при чем половина их имеет в сумме своей резко выраженный подъемный, а другая половина—кризисный характер, со всеми необходимыми переходными ступенями. Цифровое определение больших циклов, данное Кондратьевым, подлежит внимательной и не очень доверчивой проверке, применительно как к отдельным странам, так и к мировому рынку в целом. Уже заранее можно отвергнуть попытку профессора Кондратьева придать эпохам, которые он называет большими циклами, ту же «строго-закономерную ритмичность», какая наблюдается у малых циклов, как явно ошибочное обобщение по формальной аналогии. Периодичность малых циклов обусловлена внутренней динамикой капиталистических сил, проявляющей себя всегда и везде, раз налицо рынок. Что же касается тех крупных (в 50 лет) отрезков капиталистической кривой, которые профессор Кондратьев неосторожно предлагает тоже назвать циклами, то их, характер и длительность определяются не внутренней игрой капиталистических сил, а теми внешними условиями, в русле которых протекает капиталистическое развитие. Приобщение к капитализму новых стран и материков, открытие новых естественных богатств и, вслед за этим, большие факты «надстроечного» порядка, как войны и революции, определяют характер и смену подъемных, застойных или упадочных эпох в капиталистическом развитии.

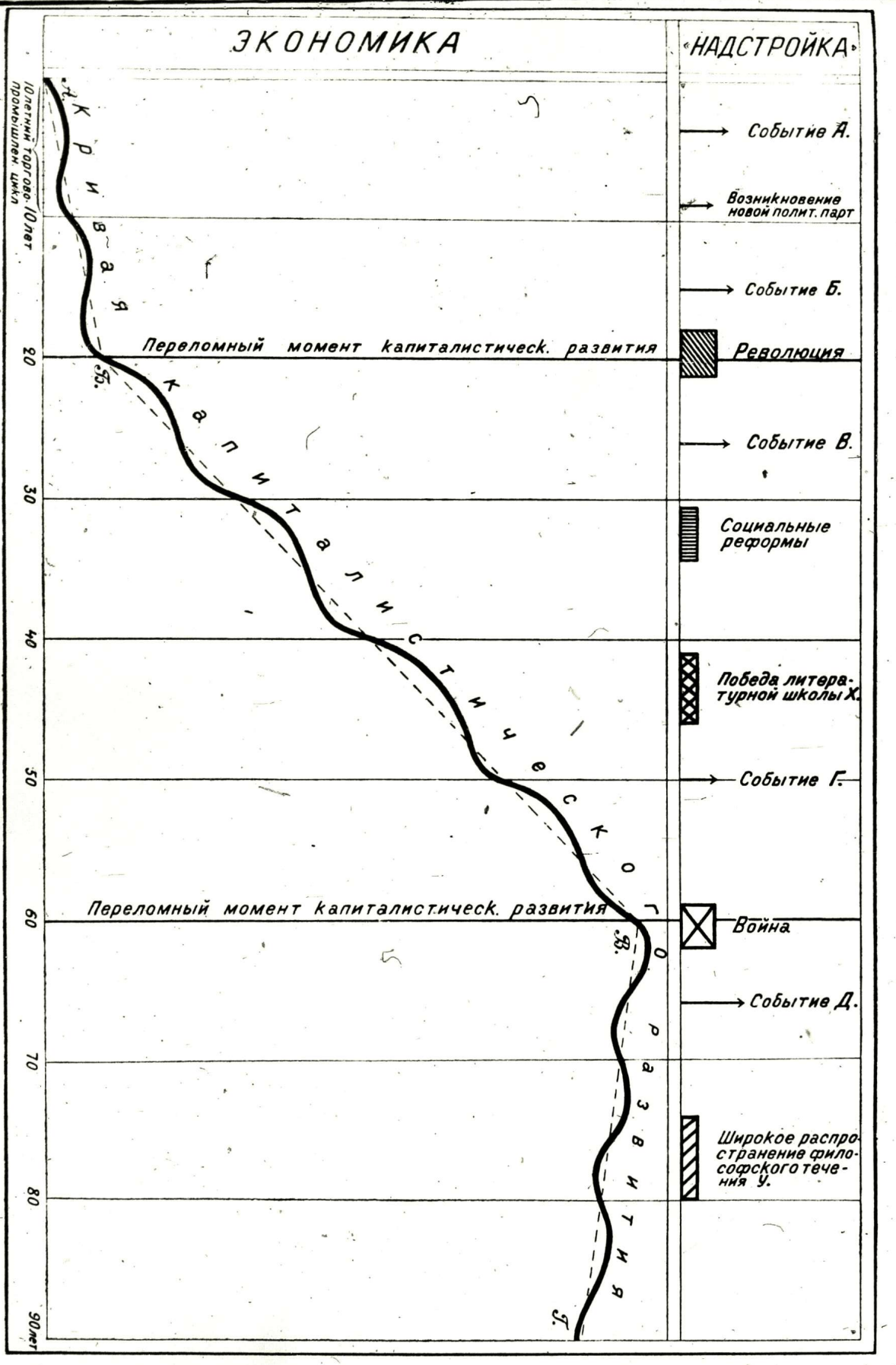
По какому же пути должно итти исследование?

Установить кривую капиталистического развития в ее непериодических (основных) и периодических (вторичных) изгибах и переломах—в отношении к отдельным интересующим нас странам и в отношении ко всему мировому рынку—такова первая часть задачи. Имея перед собой фиксированную кривую (метод ее фиксации есть, конечно, особый вопрос и отнюдь не простой, но он входит уже в область экономико-статистической техники), мы разбиваем ее на периоды, сообразно с углом ее подъема или спуска по отношению к горизонтали (см. таблицу).

Таким путем получим наглядную схему экономического развития, т.-е. характеристику «истинного базиса всех исследуемых событий» (Энгельс). В зависимости от конкретности и детальности исследования нам может понадобиться ряд таких схем: в отношении сельского хозяйства, тяжелой индустрии и пр. Исходя из этой схемы, сопоставленной синхронистически с политическими событиями (в широком смысле), мы ищем не только соответствия или, чтобы выразиться осторожнее, соотношения между определенно окрашенными эпохами общественной жизни и резко выраженными отрезками кривой капиталистического развития, но и тех непосредственных подпочвенных толчков, которые развязывают события. Разумеется, на этом пути не так трудно дойти до вульгарнейшей схематизации и, прежде всего, до игнорирования цепкой внутренней обусловленности и преемственности идеологических процессов и забвения того, что экономика решает лишь в *последнем счете*. Но мало ли какие карикатурные выводы ни делались из марксистского метода! Отвергать, по этой причине, указанную выше постановку вопроса («пахнет экономизмом»), значит демонстрировать полное непонимание существа марксизма, который ведь в изменениях экономического базиса, а не в чем либо другом, ищет причин изменений в общественной надстройке.

Не без опасения вызвать теоретическое негодование противников «экономизма» (а отчасти с прямым рассчетом вызвать их гнев) мы даем здесь схематический чертеж, изображающий произвольно нами конструированную кривую капиталистического развития за девяносто лет. Общее направление основной кривой определяется характером образующих ее частных конъюнктурных кривых. На нашей схеме резко выделяются три периода: 20 лет очень медленного капиталистического развития (А Б), 40 лет энергичного подъема (Б В), 30 лет затяжного кризиса и упадка (В Г). Если мы на эту диаграмму нанесем важнейшие исторические события за то же время, то уже одного наглядного сопоставления крупных политических фактов с изгибами кривой будет достаточно для того, чтобы дать мысли неоценимые отправные точки для историко-материалистического исследования. Конечно, параллелизм политических событий и экономических изменений

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS


ЭКОНОМИКА
«НАДСТРОЙКА»
10-летний торгово-промышлен. цикл
10 лет
Кривая капиталистическ. развития
Переломный момент капиталистическ. развития
Переломный момент капиталистическ. развития
Событие А.
Возникновение новой полит. парт
Событие Б.
Революция
Событие В.
Социальные реформы
Победа литературной школы Х.
Событие Г.
Война
Событие Д.
Широкое распространение философского течения У.
10
20
30
40
50
60
70
80
90 лет

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

является очень относительным: по общему правилу «надстройка» лишь с опозданием регистрирует и отражает новообразования в сфере хозяйства. Но этот закон должен обнаружиться при конкретном исследовании тех сложных взаимоотношений, графический намек на которые мы здесь даем. В докладе на III конгрессе мы поясняли нашу мысль некоторыми историческими примерами: из эпохи революции 1848 г., первой русской революции (1905 г.) и переживаемого ныне периода. К этим примерам мы отсылаем читателя. (См. «Новый Этап».) Они не дают ничего законченного, но достаточно характеризуют исключительную важность выдвигаемого нами подхода, прежде всего, для понимания наиболее критических скачков истории: войны и революции. Если в данном письме мы пользуемся чисто произвольной графической схемой, не пытаясь взять за основу какой-либо реальный период истории, то по той простой причине, что попытка подобного рода слишком походила бы на неосторожное предвосхищение результатов сложного и кропотливого исследования, которое еще только нужно произвести.

Сейчас нельзя, разумеется, сколько-нибудь точно предвидеть, какая часть исторического поля будет освещена, и с какой именно яркостью, материалистическим исследованием, в основу которого будет положено более конкретное обследование капиталистической кривой и ее взаимоотношений со всеми сторонами общественной жизни. Достижимые на этом пути завоевания могут определиться только в результате самого исследования, более систематического, более упорядоченного, чем производившиеся до настоящего времени историко-материалистические экскурсии. И во всяком случае такого рода подход к новой истории обещает оплодотворить теорию исторического материализма гораздо более ценными завоеваниями, чем та, более чем сомнительная спекулятивная игра понятиями и терминами материалистического метода, которая, под пером некоторых наших марксистов, переносит в сферу материалистической диалектики приемы формализма, сводя задачу к уточнению определений и классификаций, к расщеплению пустой абстракции на четыре пустые четверти, словом, софистицирует марксизм пошловато-щегольскими манерами кантианского эпигонства. Нелепо,

в самом деле, без конца точить и оттачивать инструмент, стирая марксову сталь, когда задача состоит в том, чтобы применять инструмент для обработки сырого материала!

Нам кажется, что тема эта могла бы составить предмет плодотворнейшей работы в наших марксистских семинариях по историческому материализму. Самостоятельные исследования в этой области, несомненно, осветили бы новым или, по крайней мере, более ярким светом и отдельные исторические события и целые эпохи. Наконец самая привычка мыслить в указанных выше категориях чрезвычайно облегчила бы политическую ориентировку в нынешнюю эпоху, которая есть эпоха более чем когда-либо обнаженной связи капиталистической экономики, достигшей высшего насыщения, с до конца разнуздавшейся капиталистической политикой.

Я давно уже обещал «Вестнику Социалистической Академии» развить эту тему. До сих пор обстоятельства не позволяли мне выполнить свое обещание. Я не уверен, удастся ли мне выполнить свое намерение и в ближайшем будущем. Ограничусь поэтому пока настоящим письмом.

Л. Троцкий.

21/VI—23 г.

Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия?

III.

(Окончание) [1]).

Как видел читатель, нам с ним пришлось не мало потратить времени, чтобы доказать истину, которая для каждого марксиста должна была быть аксиомой: чтобы доказать, что любая историческая теория есть такой же осколок идеологии определенного класса, как и любая теория экономическая или юридическая. Аншлаг «наука» красуется одинаково на всех этих теориях: и нет решительно никакого разумного основания отказывать в праве на «научность» теории Бем-Баверка, раз мы признаем такое право за теориями Чичерина или Ключевского. Нет никакого основания, если не считаться с тем фактом, что политическую экономию знает всякий марксист на зубок, а с русской историей, особенно древнейшего периода, многие из нас до сих пор знакомы весьма плохо.

Совершенно естественно, что предвзятая теория надевала своего рода шоры на историка. Буржуазная критика приучила нас к воплям, что «люди в шорах»—это марксисты. Весьма любопытно поэтому слегка заняться здоровьем самого врача, и посмотреть, как надетые на его глаза классовые шоры мешали ему видеть факты, которые он отлично знал,—которые он сам цитировал в своих произведениях.

Начнем с самого общего факта—*борьбы со степью*. Примем на минуту, что эта борьба, действительно, была пружиной, толкавшей вперед развитие московского государства, и посмотрим, что получается.

---

1) См. «Вестн. Соц. Ак.» кн. 1 и 2.

Максимум напора степи на русское славянство приходится, безо всякого спора, на XI—XIV столетия. Датами тут могут служить 1068 год,—когда Киевская Русь впервые была разгромлена половцами, и наступление *на степь*, очень заметное при Владимире и Ярославе, сменилось надолго обороной *от степи*—с одной стороны, с другой—1382 год, взятие Москвы Тохтамышем, последний случай, когда новая столица северо-восточной Руси побывала в татарских руках: в 1571 году татарам удалось выжечь московский посад, но против кремлевской артиллерии степная конница оказалась бессильна. На этот промежуток, казалось бы, и должно падать, по крайней мере, *начало* московской централизации, по крайней мере, начало пресловутого «закрепощения».

Обратимся к Соловьеву. Констатировав, что «северо-восточная европейская украйна, принявшая с половины IX века название Руси, России, по природному положению своему должна была вести постоянную борьбу с азиатами», вот как характеризует он внутреннее состояние этой «украйны» за отмеченный нами период—самый критический период «борьбы со степью».

«В человеке признаки дряхлой старости бывают одинаковы с признаками слабого младенчества. Так бывает и в обществах человеческих; одряхлевшая Римская империя оканчивает бытие свое разделением; видимым разделением начинают бытие свое новые государства европейские, вследствие слабости несложившегося еще организма. Во внутренних борьбах гибнут государства устаревшие; сильную внутреннюю борьбу видим и в государствах новорожденных. И древняя русская история, до половины XV века, представляет беспрерывные усобицы: «Тогда земля сеялась и росла усобицами; в княжих крамолах век человеческий сокращался. Тогда по русской земле редко раздавались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля между собою трупы; часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу. Сказал брат брату: это мое, а это мое же; и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю русскую. Встонал Киев тугою, а Чернигов напастями; тоска разлилась по русской земле». Русь превратилась в стан

воинский: бурным страстям молодого народа открыто было широкое поприще; сильный безнаказанно угнетал слабого. Как же могло существовать общество при таких обстоятельствах? Чем спаслось оно?»[1]).

По мнению Соловьева, оно спаслось «нравственными» силами, «ибо материальные были бесспорно на стороне Азии». Не будем об этом спорить—для нас важно то, что сам автор теории, объяснявший возникновение московской государственности потребностями национальной обороны от «степных хищников», должен был признать, что на период, когда эта оборона была особенно нужна, когда стране грозила «конечная гибель» от этих хищников, падает максимум *децентрализации*, максимум *разложения*, а не *сложения* сил. Действие борьбы со степью походит, таким образом, на действие некоторых заражений—малярией, например,—когда болезнь начинает проявляться лишь долго спустя после момента заражения. Когда-то боролись со степью, это привило микроб «закрепощения»—и, лет этак через полтораста, микроб начал действовать. . .

Лет через полтораста, ибо «закрепощение»—т.е. обязательная военная служба помещиков,—падает на середину XVI столетия (между 1550 и 1556 г. г. См. «Курс» Ключевского, ч. II, стр. 273—274). Но защитники теории скажут нам: позвольте, однако, ведь на XVI век приходится все-таки целых два крупных набега татар (крымских) на Москву, 1521 и 1571 годов. Последний составил эпоху—от 1571 года, от «татарского разоренья», вели летосчисление, как впоследствии от 1812 года. Разве этого было не достаточно?

Как раз сравнение с 1812 годом и показывает, что весьма, конечно, недостаточно: до сих пор никто еще не выставил теории, объясняющей милитаризм Николая I уроками 1812 года. Но примем, что татарские набеги XVI столетия, действительно, могли сыграть роль в «закрепощении»; из затруднения мы все-таки не выйдем.

Первый большой набег татар имел место в 1521 году. Имело ли после него место закрепощение? От 1539 года до нас дошла писцовая книга Тверского уезда, пере-

[1]) Собрание сочинений, изд. Обществ. Пользы, стр. 794. Из статьи „Древняя Россия".

числяющая тогдашних тверских землевладельцев. Их всего 572; из них великому князю служило только 230 человек; 126 были на службе у крупных землевладельцев (больше всего у тверского архиерея и у князя Микулинского), а 150 человек *не служили никому*. Общеобязательной военной службы всех землевладельцев великому князю еще не было.

После 1556 года эта служба была несомненным фактом: но «степная бацилла» и тут дожидалась 35 лет, чтобы начать действовать. И так как набег 1571 года все же хронологически ближе (всего *пятнадцать* лет против *тридцати пяти*),—то остается предположить, не обладала ли бацилла обратным действием, вызывая болезнь *до* заражения? Степные хищники так коварны...

Конечно, если вспомнить, что на этот период, 1550-е—1560-е годы, падает расцвет московского империализма XVI века: в эти годы был захвачен южный конец великого речного пути из Европы в Азию, от Казани до Астрахани, и началась попытка захватить северный конец, выход на Балтийское море, началась Ливонская война—если это вспомнить, пожалуй, не нужно будет никаких предположений более или менее сверхъестественного характера. Но нужна ли тогда будет и гипотеза «борьбы со степью»?

Так дело обстоит с «закрепощением» благородного российского дворянства. Лучше ли обстоит оно с—настоящим, уже безо всяких ковычек,—закрепощением сидевших на земле этого дворянства крестьян?

Для того, чтобы связать его с оборонческой теорией, нужно, конечно, чтобы закрепощение было актом той государственной власти, которая руководила этой самой обороной. Естественно, что создавшие нашу теорию историки не мало потратили труда и времени на то, чтобы отыскать этот акт. Чем кончились их поиски, лучше всего рассказать словами В. О. Ключевского.

«Первым актом, в котором видят указания на прикрепление крестьян к земле, как на общую меру, считают указ 24 ноября 1597 г. Но этот указ содержанием своим не оправдывает сказания об общем прикреплении крестьян в конце XVI в. Из этого акта узнаем только, что если крестьянин убежал от землевладельца не раньше 5 лет

до 1 сентября (тогдашнего нового года) 1597 года и землевладелец вчинит иск о нем, то по суду и по сыску такого крестьянина должно возвратить назад, к прежнему землевладельцу, «где кто жил», с семьей и имуществом; «с женой и детьми и со всеми животы». Если же крестьянин убежал раньше пяти лет, а землевладелец тогда же, до 1 сентября 1592 г., не вчинил о нем иска, такого крестьянина не возвращать, и исков и челобитий об его сыске не принимать. Больше ничего не говорится в царском указе и боярском приговоре 24 ноября. Указ, очевидно, говорит только о беглых крестьянах, которые покидали своих землевладельцев «не в срок и без отказу», т.-е. не в Юрьев день и без законной явки со стороны крестьянина об уходе, соединенной с обоюдным расчетом крестьянина и землевладельца. Этим указом устанавливалась для иска и возврата беглых временная давность, так сказать, обратная, простиравшаяся только назад, но не ставившая постоянного срока на будущее время. Такая мера, как выяснил смысл указа Сперанский, принята была с целью прекратить затруднения и беспорядки, возникавшие в судопроизводстве вследствие множества и запоздалости исков о беглых крестьянах. Указ не вносил ничего нового в право, а только регулировал судопроизводство о беглых крестьянах. И раньше, даже в XV в. удельные княжеские правительства принимали меры против крестьян, которые покидали землевладельцев без расплаты с ними. Однако из указа 24 ноября вывели заключение, что за пять лет до его издания, в 1592 году, должно было последовать общее законоположение, лишавшее крестьян права выхода и прикреплявшее их к земле. Уже Погодин, а вслед за ним и Беляев, основательно возражали, что указ 24 ноября не дает права предполагать такое общее распоряжение за пять лет до 1597 года; только Погодин не совсем точно видел в этом указе 24 ноября установление пятилетней давности для исков о беглых крестьянах и на будущее время. Впрочем, и Беляев думал, что если не в 1592 г., то не раньше 1590 года должно было состояться общее распоряжение, отменявшее крестьянский выход, потому что от 1590 г. сохранился акт, в котором за крестьянами еще признавалось право выхода, и можно надеяться, что со временем такой указ будет найден в

архивах. Можно с уверенностью сказать, что никогда не найдется ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 года, потому что ни тот, ни другой указ не был издан»[1]).

«Итак,—заканчивает Ключевский,—законодательство до конца изучаемого периода (т.-е. до конца «смуты» М. П.) не устанавливало крепостного права. Крестьян казенных и дворцовых оно прикрепляло к земле или к сельским обществам по полицейско-фискальным соображениям, обеспечивая податную их исправность и тем облегчая действие круговой поруки. Крестьян владельческих оно ни прикрепляло к земле, ни лишало праве выхода, т.-е. не прикрепляло прямо и безусловно к самим владельцам»[1]). Мы не выписываем промежуточных страниц, где Ключевский очень тонко и обстоятельно развивает свою известную теорию об обязательствах крестьянина к помещику, как возникших на почве исключительно *гражданских правоотношений*, безо всякого вмешательства государства. Что теория эта бьет в лицо развиваемую тем же Ключевским в других лекциях теорию закрепощения, едва ли нужно на этот счет распространяться; историк, т.-е. бессознательный марксист, взял здесь у Ключевского верх над буржуазным публицистом. И, как всегда бывает с новой и свежей мыслью, ею стараются объяснить слишком много. Нет сомнения, что прямое вмешательство государства даже и в XVI веке было значительнее, чем изображает Ключевский. Классовое, землевладельческое правительство (с 1565 г. отражавшее интересы не только крупно-феодальной верхушки, а всей помещичьей массы) не могло же в борьбе крестьянина и помещика соблюдать нейтралитет. Для XVII века этого прямого вмешательства не отрицает и сам Ключевский. Но характерно тут то, что, чем дальше от «борьбы со степью», тем это вмешательство смелее и бесцеремоннее. Первые указы, не мифические, а вполне реальные, о крестьянской крепости, появляются на фоне помещичьей реакции после «Смуты», начиная с чрезвычайно характерного указа Шуйского (7 марта 1607 г.), закрепившего результаты разгрома болотниковского восстания: поражение крестьянской рати под Котлами

[1]) „Курс" II, стр. 385—6.

и обратное взятие царскими войсками Коломенского имели место за три месяца до указа; в момент его издания правительство боярско-купеческой реакции всюду уже перешло в наступление—между прочим, и на фронте крестьянской политики. «Борьба со степью» была бы, в приложении к этому моменту, чистой иронией—поскольку пришедшие с границ степи казаки представляли собою наиболее боеспособную часть болотниковского ополчения.

А когда степь совсем скрылась за горизонтом русской внешней политики, прочно заменившись финскими болотами, указ Петра 1723 г. совершенно незаметно, мимоходом, смешал крестьян в одну кучу с холопами. И, как нарочно, максимума своего географического распространения крепостное право достигло именно в год завоевания русскими Крыма—как бы для того, чтобы окончательно обелить «борьбу со степью» от обвинения в содействии гибели крестьянской свободы. В 1783 г., когда Екатерина распространила крепостное право на Украину, вести борьбу было не с кем—в последнем гнезде «степных хищников» господствовали русские штыки. Но связь между их появлением в Крыму и распространением крестьянской крепости на всю площадь русского чернозема, конечно, была: Черное море теперь открылось для русской пшеницы и черноземному помещику, как никогда, нужны были рабочие руки.

Таким образом, теорию «закрепощения» с удобством можно разрушать руками ее создателей. Но эти последние дают больше: при их помощи легко устранить и ту, quasi-марксистскую, подпорку, которою пытались подпереть их утлое здание, когда оно явно стало шататься.

Этой подпоркой была «примитивная экономическая основа», на которой, будто бы, возникло русское самодержавие XVI века. Раз внутреннее экономическое развитие не оправдывало, не объясняло той роскошной надстройки, которая воздвигалась над Московской Русью того времени, оставалось опять прибегнуть к внешней политике, как к ключу, отпиравшему все замки. Если бы нам удалось поколебать эту уверенность в «примитивности»

[1]) Там же, стр. 406.

московской экономики времен Грозного, исчезла бы надобность ставить самый вопрос. Возникновение московского самодержавия было бы лишено ореола таинственности и чудесности и стало бы столь же тривиальным фактом, как возникновение любого европейского абсолютизма — всюду, в качестве составной части примитивного капиталистического аппарата, истощавшего производительные силы страны, но нигде не вынужденного «обгонять развитие» туземных «экономических отношений».

Фактически, пишущему настоящие строки приходилось заниматься этим вопросом много раз в своих исторических работах. В последний раз я привел кое-какие факты в своих заметках по поводу «1905» тов. Троцкого [1]). Но факты, приведенные мною, могут быть заподозрены — со стороны их «объективности». Положим, что вероятность такого заподозривания не очень велика — ибо, какие способности у меня ни предполагай, едва ли кому придет в голову утверждать, что я в состоянии выдумать три столетия русской истории, да еще с цитатами, ссылками на документы и т. д. Но все же приятно констатировать, что предрассудок о «примитивной экономической основе» разрушен еще 50 лет тому назад одним из создателей той теории, которую хотят этой «основой» спасти от окончательного провала.

В 1866 году В. О. Ключевский, тогда еще не знаменитый историк, а скромный — хотя и подававший уже большие надежды — студент московского университета, выпустил книжку под заглавием «Сказания Иностранцев о Московском Государстве». Пишущего эту статью тогда еще и на свете не было — так что в деянии Ключевского он невинен более, нежели новорожденный младенец. Книжку эту, чисто описательную, не стремящуюся ни к каким обобщениям, и тем не менее весьма полезную, переиздал еще предшественник Госиздата, «Литературно-Издательский Отдел Наркомпроса». На это издание 1918 года я и буду дальше делать ссылки.

Я возьму у Ключевского показания не моложе *шестнадцатого* века и постараюсь говорить его подлинными словами.

---

[1]) «Красная Новь» 1922 г., кн. VII.

Характерной особенностью «примитивного» экономического быта является прежде всего чисто *деревенский* вид страны: где есть крупные городские центры, там не может быть речи о «примитивности». Как с этой стороны обстояло дело в Московском государстве начала XVI века?

«Иовий говорит, что по выгодному положению своему в самой населенной стране, в средине государства, по своему многолюдству и *удобству водяных сообщений* Москва есть лучший город в государстве, преимущественно перед другими заслуживает быть его столицей и, по мнению многих, никогда не потеряет своего первенства. Так думали в XVI веке московские люди и думали справедливо». («Сказания», стр. 214.)

Ключевский очень правильно отмечает, что «так думали в XVI веке московские люди»: Павел Иовий [1]) писал со слов московского дьяка Герасимова, который был послом Василия III к папе Клименту VII, в 1525 году. В науке объяснение возвышения Москвы ее значением, как дорожного узла, было высказано впервые Соловьевым и повторено Ключевским. Мы видим, что оба историка XIX века только повторяли в данном случае то, что отлично сознавалось и высказывалось русскими современниками. Для «примитивных» экономически людей это была, нужно сказать, большая дальнозоркость.

Размеры этого крупнейшего торгового центра Московской Руси вполне соответствовали обычным размерам крупных городов позднего средневековья. Дадим опять слово Ключевскому. «Поссевин приблизительно определяет пространство, которое занимала Москва до сожжения ее татарами (в 1571-м году) в 8.000 или 9.000 шагов. По Флетчеру она имела тогда до 30 миль в окружности. Этим объясняется, почему Меховский (писавший в 1517-м году. *М. И.*) говорит, что Москва вдвое больше Флоренции и Праги, а англичанам, приезжавшим в Россию в 1553-м году, она показалась с Лондон. Флетчер считает Москву со слободой Нативками (теперешнее Замоскворечье. *М. И.*) даже больше Лондона». («Сказания», стр. 215.)

---

[1]) Пользуюсь случаем исправить грубую обмолвку «Русской истории с древнейших времен»: Иовий назван там у меня (том I, стр. 195) «итальянским путешественником». Он никогда не был в России.

Замоскворечье носило тогда такое название, потому что в нем существовала тогда свободная продажа спиртных напитков: то была привилегия *иностранцев*, которые селились, преимущественно, в этой части города. Это характерно в том отношении, что показывает, куда выходили главные торговые пути тогдашней Московии. Они смотрели на юг и юго-восток: когда, во второй половине века, англичане пробили дорогу на Архангельск, иностранный квартал передвинулся на северо-восток (Немецкая Слобода, теперешнее Лефортово). Что касается размеров Москвы, то ближе всего к реальности, вероятно, показание Поссевина. Он считал, конечно, римскими шагами, двойными. Это дает окружность Москвы в те времена от 10 до 12 верст — приблизительно длина теперешней линии бульваров, которые и выросли, как известно, на месте старинных укреплений (отсюда до сих пор сохранившиеся урочища, Мясницкие Ворота, Пречистенские Ворота и т. под.). Флетчер явно преувеличивает, если даже считать, что он брал не «город» в тогдашнем смысле этого слова, т.-е. укрепленную часть, а все поселение, с пригородными слободами и селами. Наиболее реальным представляется показание того же Поссевина и относительно *числа* жителей: 30.000 человек. Так как это было вскоре после «татарского разорения», то цифра населения Москвы в предшествующее, более нормальное, время должна была подходить к *пятидесяти тысячам*. Если вспомнить, что в Германии XV века не было ни одного города, который имел бы более 40.000 жителей, что Лондон того же столетия считал их только 50.000, мы получим приблизительное представление об уровне развития городского центра в Московской Руси около времени Грозного. Это был тот уровень, на котором стояла Западная Европа лет за 100—200 ранее. Т.-е. как раз в ту эпоху, когда в Западной Европе начали складываться абсолютные монархии того же, примерно, типа, как и царство Ивана Грозного.

Москва была самым крупным, но не единственным крупным городским центром тогдашней России: тот же Поссевин считал в Новгороде (сильно тогда уже упавшем) 20.000 жителей, и столько же, или немного больше, во Пскове. И тот и другой были бы крупными городами по германскому масштабу предшествующего столетия.

Как существовали эти городские центры? Конечно, предположить их на экономическом фоне «натурального» хозяйства нет никакой возможности. Совершенно естественно, что практичные иностранцы даже конца XV столетия без особого удивления находили в Московии обстановку средневекового *товарного хозяйства*. Но дадим опять слово Ключевскому.

«Москва имела значение преимущественно как центр внутреннего торгового движения. В продолжение всей зимы привозили сюда из окрестных мест дрова, сено, хлеб и другие предметы; в конце ноября окрестные жители убивали своих коров и свиней и во множестве свозили их замороженными в столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой, как камень, что очень дивило иностранцев. Цены этих товаров, свозившихся в Москву, казались иностранцам необыкновенно дешевыми. Барбаро говорит, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; — за один марк (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса. 70 кур стоили червонец: по словам Иовия, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребывания Контарини в Москве 10 венецианских стар (30 четвериков) пшеницы стоили червонец; так же дешево продавался и прочий хлеб; три фунта мяса стоили один сольд, 100 кур или 40 уток — один червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов. Контарини видел на московских рынках много зайцев, но другой дичи почти совсем не было видно. Герберштейн говорит, что мера хлеба продавалась в Москве по 4 и по 6 денег. Можно верить такому обилию припасов на московских рынках и их дешевизне, зная, что Москва была главным средоточием внутреннего торгового движения страны»[1]).

Чтобы осмыслить эти показания, нужно дать несколько хронологических справок. Читатель заметил, что при Барбаро в Москве не умели еще вешать мясо. Но знаете ли вы, когда Барбаро был в Москве? В 1436-м году, *в первой половине пятнадцатого века*. Уже тогда в Москве был мясной рынок, достаточно, конечно, примитивный. Ко времени Контарини, т.-е. к 1473-му году, ко *второй по-*

[1]) «Сказания», стр. 252—253.

ловине того же столетия, продажа съестных припасов сделалась обиходным явлением в Москве: при чем особенно характерно, что московский рынок снабжался и *дичью*. Даже и лесные промыслы, как охота, были уже втянуты в кругооборот товарного хозяйства.

Эти показания иностранцев дают великолепный комментарий к многочисленным «уставным грамотам» этой эпохи. Повод для появления этих «уставных грамот» был всегда один и тот же: необходимость перевести натуральные повинности населения в денежные. Каждая грамота, подробно перечислив, что должно было платить население в натуре, стереотипно добавляла: «А не люб наместнику корм», то за барана — столько то, за хлеб столько то, за курицу столько то и т. д. Барбаро, Контарини и Герберштейн объясняют нам, почему тогдашнему губернатору, «наместнику», могло не понравиться натуральное вознаграждение: с деньгами в кармане тогдашний человек чувствовал себя гораздо свободнее, нежели в условиях натурального хозяйства, которое ветшало день ото дня.

Совершенно естественно, что через сто лет после Контарини, во второй половине XVI века, внутренние торговые сношения Московии рисуются нам как совершенно развившиеся. «Агенты Английской компании писали, что из областей по верхней Волге каждое лето ходило к Астрахани до 500 больших и малых судов за солью и рыбой. Некоторые из этих судов были в пятьсот тонн. По значению в торговле первое место после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи отдаленного северного края с внутренними областями государства. В системе Северной Двины также были пункты важные во внутренней торговле России. Такова была Вологда, о которой один агент Английской компании писал, что нет города в России, который не торговал бы с нею. Преобладающими предметами на Вологодском рынке были лен, пенька и сало. На значение Вологды, как средоточия торгового движения по Северной Двине, указывает и другое английское известие, что Вологодским купцам принадлежала большая часть насадов и дощаников, плававших по Северной Двине, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду». («Сказания», стр. 255.)

К этим показаниям остается только напомнить, что крупнейший корабль английского флота этого времени имел всего 1500 тонн водоизмещения, чтобы у нас не осталось поводов думать, будто Московская речная торговля была так уж «примитивнее» европейской торговли вообще в эту эпоху. Это—*внутренняя* торговля. Но для образования Московского государства еще больше значения имела, разумеется, торговля *внешняя*.

«Стараясь завязать политические сношения с Западно-Европейскими государствами,—говорит Ключевский,—Московское правительство вместе с тем старалось завести с ними и деятельные торговые сношения. В половине XVI века открылась торговля с англичанами; шведским купцам, которые во время Герберштейна могли торговать только в Новгороде, дано было право ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай, с условием, чтобы и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Любек, Антверпен и Испанию. Иоанн IV долго и упорно добивался гавани на Балтийском море и потратил огромные средства для достижения этой цели. Но если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то также ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей». («Сказания», стр. 267 — 8.)

Таким образом, то объяснение внешней политики Ивана Грозного, которое давали марксистские историки, давным давно можно было найти в старой-престарой книжке, написанной еще в 1860-х годах скромным студентом Московского университета. Характерно, однако, что мыслям этого студента пришлось дожидаться появления на Руси марксизма, для того, чтобы оплодотворить «ниву Российской истории».

Но будем читать Ключевского дальше. «В одно время с расширением западной торговли Московского государства усиливалась его торговля на Востоке; главным пунктом этой торговли была Астрахань»... Здесь мы пропускаем слишком длинный проект одного итальянца — при помощи Московских речных путей через Астрахань создать конкуренцию для только что открытого португальцами мор-

ского пути в Индию. Любопытно только, что Московское правительство заинтересовалось этим проектом в такой степени, что именно он послужил поводом к отправлению в Рим того посольства дьяка Герасимова, о котором говорилось выше, и которое снабдило сведениями о Московии Павла Иовия... «Во второй половине XV века из Москвы ежегодно ходили по Волге в Астрахань суда за солью. По словам Контарини, хан астраханский ежегодно отправлял к великому князю Московскому посла за подарками; с этим послом обыкновенно отправлялся целый караван татарских купцов с джедсскими тканями, шелком и другими товарами, которые они меняли на меха, седла, мечи и другие им нужные вещи. Вообще Астрахань и в XV веке была для Москвы важным посредствующим рынком в торговле ее с востоком. Из Дербента ездили в Астрахань купцы с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими товарами востока, и меняли их там русским купцам на меха и другие предметы, требовавшиеся в Дербенте. В княжение Василия относительно восточной торговли принята была московским правительством мера, имевшая важное значение как для московских, так и для восточных купцов: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великий князь велел быть ярмарке в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческом острове, недалеко от города. Казанцы, конечно, много потеряли от этой меры, но не менее их потеряла в первое время и Москва, потому что во всех товарах, доставлявшихся Каспийским морем и Волгой из Персии и Армении, оказался на московских рынках большой недостаток, и они очень вздорожали; особенно поднялась в цене волжская рыба». («Сказания», стр. 270—271.)

Взятие Казани в 1552 году — какой это благодарный мотив в эпопее «борьбы со степью»! А вот оказывается, что этому поэтическому событию предшествовала как нельзя быть более прозаическая *таможенная война* между «оседлыми земледельцами» и «степными хищниками». Внешняя торговля стала пружиной внешней московской политики задолго до похода Грозного в Ливонию. Московский торговый капитализм приходится опустить на несколько десятилетий глубже, — к чему, впрочем, рассказы

Контарини и Герберштейна, цитированные и здесь, и в статье «Красной Нови», давно подготовили читателя.

Легенда о «примитивной экономической основе», на которой воздвигалась московская государственность задолго до Романовых, должна быть сдана в архив вместе с легендами о «борьбе со степью» и «закрепощении и раскрепощении» — все три легенды составляют одно неразрывное целое. Московская Русь XVI века была не примитивнее, по своим экономическим условиям, нежели любая европейская страна позднего средневековья. Но она вступила на стезю капитализма (в те времена только торгового) *последней* из европейских стран. Ей и приходилось *догонять* других, отбивать место на солнце у более счастливых соперников. Это, естественно, вызывало исключительно сильное напряжение всех экономических возможностей, исключительно яростную, если можно так выразиться, эксплоатацию сил и средств населения. Но это делалось не во имя мифической «национальной самообороны», которой тогдашний капитализм не успел выдумать еще и в теории, а во имя интересов этого самого капитализма. Политический момент и в России, как во всех других странах, никогда не был самодовлеющим: московский абсолютизм не «сбгонял» развитие экономических отношений, а был точным их отражением.

М. Покровский.

К методологии изучения денежной эмиссии.

I. Постановка вопроса.

Денежная эмиссия, как источник извлечения государственного дохода, есть бесспорно явление патологическое. Достаточно указать на то, что при господстве «эмиссионной системы» государственного хозяйства промышленность лишена возможности точно калькулировать продажные цены своих продуктов и вынуждена страховать себя от потерь на курсе путем произвольно установленных и неизбежно преувеличенных надбавок. Но точный учет есть предпосылка той строгой рационализации, той «научной организации» производства, о которой теперь так много рассуждают и пишут. Таким образом, не говоря уже о поощрении спекулятивных тенденций в среде частного предпринимательства, эмиссия деморализует и государственную промышленность, ограничивая технический прогресс кругом грубо эмпирических и, так сказать, глазомерно-приемлемых улучшений.

С другой стороны, опыт последних лет в России, Германии и др. странах, страдающих денежной инфляцией, показывает, что неограниченная казначейская эмиссия, при всех своих вредных последствиях, не приводит к полному хозяйственному хаосу и краху, как того следовало бы ожидать согласно довоенным взглядам экономической и финансовой науки. «Эмиссионная система» есть весьма несовершенный, весьма скудный и бедный творческими возможностями modus vivendi, но все же modus vivendi, а не хозяйственная смерть, не сплошная катастрофа.

Убеждение в неизбежном *катастрофическом* конце государственного хозяйства, опирающегося на денежную эмиссию, никогда, строго говоря, не было научно аргументировано и покоилось, как мне кажется, на некоторой под-

сознательной дедукции наивно-арифметического характера. А именно, давно уже было известно, что для извлечения более или менее регулярного дохода надо непрерывно усиливать эмиссию, а следовательно, вызывать все более и более быстрое падение курса денежной единицы. Что государство может кое-как хозяйствовать при понижении реальной стоимости рубля в 10, 20, 30 раз ниже номинала, это еще казалось правдоподобным; но как быть, когда рыночная расценка рубля опустится до $\frac{1}{10}, \frac{1}{100}, \frac{1}{1000}$ копейки? Не окажется ли столь решительное приближение рубля к нулю равносильным его полному аннулированию на рынке, т.-е. крах самой денежной системы?

Практика разрешила эти тревожные вопросы в довольно успокоительном смысле: наш рубль обесценился в сорок миллионов раз, количество бумажных рублей в обращении мы исчисляем квадриллионами, и не слишком уже далек тот момент, когда сумма этих номинальных рублей превзойдет число всех атомов (электронов), из которых состоит наша планета. Но и в этом случае непреодолимое затруднение возникло бы для Наркомфина лишь при желании придать каждому отдельному рублю независимое материальное бытие. При нашей же системе экономизировать бумагу посредством ежегодного зачеркивания трех-четырех нулей никаких производственных опасностей указанная перспектива не представляет. Что же касается ее экономических последствий, то, разумеется, мы будем испытывать вредное влияние инфляции до тех пор, пока она фактически не исчезнет; но ни теория, ни практика не дает основания думать, что вред этот должен возрастать пропорционально количеству зачеркиваемых в единицу времени нулей. «Эмиссионная система»—не катастрофа и не лавинообразный процесс, приводящий к катастрофе, а своеобразный тип «подвижного равновесия», имеющий свои устойчивые закономерности, допускающий методическое изучение.

Одной из наиболее интересных по замыслу попыток такого изучения является работа О. Ю. Шмидта «Математические законы денежной эмиссии», напечатанная в 3-й книге «Вестника Социалистической Академии». Автор,

отправляясь от анализа кривой, графически изображающей рост логарифма бумажно-денежной массы в обращении, приходит к установлению закона постоянства темпа эмиссии. Вычисления и диаграммы, приведенные в цитируемой статье, показывают, что действительность следует этому закону с редкой точностью,—с такой точностью, какой, по справедливому замечанию автора, «не достает многим физическим законам».

Однако, как раз слишком большая строгость закона, найденного О. Ю. Шмидтом, слишком идеальное совпадение его с фактами невольно вызывает известный скептицизм по отношению к методам, примененным автором. В самом деле, в общественной жизни возможны и действительно наблюдаются вполне точные математические закономерности, когда дело идет о суммировании миллионов явлений, механически накладывающихся друг на друга. Классический образчик: проблемы статистики народонаселения. При всем индивидуальном своеобразии факторов, обусловливающих каждое единичное событие рождения или смерти человека, для многомиллионного народа в целом теория вероятности дает почти столь же строгие выводы относительно прироста, смертности, распределения по возрастам, как и какое-нибудь «каноническое уравнение распределения энергии» в термодинамике. Однако к интересующему нас случаю теория вероятности и больших чисел не применима. Хотя каждый отдельный выпуск эмиссии и состоит из триллионов номинальных рублей, но, как экономическое явление, он отнюдь не есть совокупность триллионов индивидуумов. Темп месячной эмиссии представляет собой вполне индивидуальный акт, определяемый волей правительства; и поскольку это последнее сознательно или бессознательно не руководилось уравнением О. Ю. Шмидта, *математически строгое* совпадение фактического темпа и теоретической формулы на протяжении нескольких десятков месяцев совершенно не правдоподобно именно с точки зрения теории вероятности. Остается допустить, что на диаграмме, благодаря не вполне удачному выбору измерителя изучаемого явления, индивидуальные колебания последнего скрадываются и ясно проступает только некоторая *средняя тенденция*. Ниже я покажу, что так оно и обстоит на самом деле.

Экономический смысл тенденции, выражаемой формулой О. Ю. Шмидта, не вскрыт с достаточной отчетливостью опять-таки вследствие непоказательности тех основных измерителей, на которых строится автором вся его теория. Но об этом ниже. Пока ограничусь замечанием, что если математический анализ О. Ю. Шмидта и не дал всех тех выводов, которых экономист может требовать от теории денежной эмиссии, то это решительно ничего не говорит против самого применения математического анализа. Наоборот, для исследования эмиссионной проблемы арсенал тех математических категорий, которыми обычно оперируют экономисты и статистики, т.-е. понятий «суммы» «разности» и «процентного отношения»—явно недостаточен. Общеизвестный факт непрерывного роста размеров эмиссии при извлечении более или менее стационарной суммы реального дохода намекает на некоторую функциональную зависимость, более сложную, чем прямая или обратная пропорциональность, удобно укладывающаяся в процентные отношения.

Более сложное и более гибкое математическое орудие необходимо не только для решения теоретических вопросов о природе эмиссии, о пределах ее эффективности и т. д., но и для толкового выполнения тех повседневных счетных операций, которыми нас на каждом шагу заставляет заниматься текущая советская практика. Так, например, у нас практикуются различные способы исчисления реального месячного дохода от эмиссии: большинство пользуется для этого индексом цен на 1-е число следующего месяца, другие средним месячным индексом, при чем этот последний опять-таки устанавливается не всегда одинаково. В пользу каждого приема исчисления приводятся те или другие аргументы, но мне не известно ни одного случая, когда бы аргументы эти облекались в строгую форму учета пределов погрешности, связанной с применением того или другого метода.

Еще сложнее вопрос о взаимоотношении эмиссии и налогов. Общеизвестно, что налоговая система имеет крупные преимущества перед эмиссионной, но количественная сторона проблемы опять-таки остается совершенно не разработанной. Если вы спросите: сколько бумажек надо извлечь путем налога, чтобы при прочих равных условиях

получить тот же самый реальный доход, какой дает определенная порция эмиссии?—то различные теоретики и практики назовут вам неодинаковые суммы, и ни один из них не сможет с полной строгостью обосновать правильности своего расчета. Наконец, полный хаос мнений господствует в приемах оценки тех реальных *потерь*, которые несет население вследствие эмиссии.

Задачей настоящей статьи является отыскание и обоснование такой формулы, которая могла бы послужить надежным базисом для перечисленных исследований теоретического и практического характера.

Исходным пунктом анализа я возьму не какую-либо эмпирически наблюдаемую закономерность, а *теоретически чистый* случай эмиссионного хозяйства, т.-е такую рыночную конъюнктуру, при которой «равенство всех прочих условий» обеспечивает вполне отчетливое проявление специфических закономерностей денежной эмиссии, как таковой. Формула, выведенная этим путем, будет удовлетворять своему назначению лишь при наличности трех предпосылок: 1) положенный в основу ее «чистый случай» должен быть действительно теоретически чистым,—другими словами, не должен включать в себя никаких других переменных величин, кроме тех, которые являются функциями эмиссии, но зато должен учитывать все экономические показатели, характеризующие эмиссию, как таковую. 2) Формула должна быть не только искусственным орудием технического учета, но и выражать собой реальную закономерность изучаемого процесса,— ибо иначе она не могла бы служить базисом для теоретического анализа. 3) Предел погрешности, неизбежно возникающей при переходе от чистого случая, выраженного формулой, к сложной конкретной действительности, должен поддаваться математическому учету.

В порядке выполнения этих трех методических требований я и построю дальнейшее изложение. Я начну с анализа чистого случая. Затем распространю найденную формулу на общий случай и постараюсь установить пределы возможной ошибки для тех из наблюдавшихся в советской практике конъюнктур, которые дают максимальные отклонения от исходного построения. Всесторонне обследовав таким образом основное орудие анализа и убе-

дившись в его доброкачественности, я в заключение применю его к изучению указанных выше отдельных проблем, представляющих особый теоретический или практический интерес.

II. Основной закон денежной эмиссии.

Введем следующие обозначения:

1) X—*номинальная* стоимость бумажно-денежной массы, находящейся в данный момент в обращении.

2) α —индекс товарных цен данного момента [1]).

3) R—*товарная* стоимость бумажно-денежной массы, т.-е. X/α.

4) w—*реальный*, выраженный в «товарных» рублях, доход от эмиссии за некоторый промежуток времени.

Три из только что указанных величин, а именно, номинальная стоимость денег X, реальная стоимость рубля (т.-е. обратная величина индекса $\frac{1}{\alpha}$) и реальный доход от эмиссии w, очевидно, необходимы для экономической характеристики эмиссии и связанных с нею частных вопросов. Что же касается четвертой величины R—товарной стоимости бумажно-денежной массы—то, повидимому, я делаю ошибку, вводя ее в качестве особого элемента в основную формулу, ибо R вполне определяется величинами X и α, являясь частным от деления первой на вторую. Не трудно, однако убедиться, что на-ряду с этим аналитическим значением R имеет самостоятельный экономический смысл и представляет собой показатель, чрезвычайно характерный для рыночной конъюнктуры вообще,

[1]) Универсального, одинаково пригодного для всех экономических расчетов индекса товарных цен у нас, как известно, не существует,—в зависимости от поставленной задачи приходится пользоваться различными индексами. Очевидно, например, что для оптового торговца реальная ценность данного количества умножих рублей всего лучше определяется индексом *оптовых* цен данного набора товаров. Для розничного торговца наиболее подходящим будет индекс *розничных* цен соответственной группы товаров. Для рабочего самый правильный критерий оценки дает индекс набора продуктов, определяющего рабочий потребительный *бюджет*, т.-е. так назыв. „бюджетный индекс" Госплана. Так как основной статьей государственных расходов является заработная плата и жалование, то и с государственной точки зрения реальную доходность эмиссии следует оценивать по бюджетному индексу Госплана. Этот последний и положен мной в основу всех дальнейших конкретных расчетов.

для теории и практики денежной эмиссии в частности. В самом деле, *при прочих равных условиях*, — а именно, при одинаковой быстроте обращения товаров и денег, при неизменной относительной роли кредита и безденежных сделок, наконец, при постоянном коэффициенте денег, находящихся вне оборота в качестве накопленного «сокровища», — величина R прямо пропорциональна совокупной стоимости всех находящихся на рынке товаров и таким образом служит мерою *емкости рынка*.

Спрашивается, в какой степени предположенное нами «равенство прочих условий» имеет место в действительности?

Относительную роль кредита и безденежных сделок высшего капиталистического типа (чековый оборот, *clearing* и т. п.) мы без всякой опасности впасть в сколько-нибудь заметную ошибку, можем признать постоянной, а именно равной нулю, не только для революционного и военно-коммунистического периода, но и для первого года НЭП'а. Напротив, безденежный оборот докапиталистического типа, — непосредственный натуральный продуктообмен, играет бесспорно крупную роль на нашем рынке, а в 1919-20 гг. удельный вес его был еще больше; при сравнении военно-коммунистической эпохи с современностью необходимо серьезно считаться с этим обстоятельством.

Накопление бумажных денег в форме «сокровища», или так называемая «тезауризация», настолько противоречит сущности эмиссионной системы, что сколько-нибудь существенное значение этот фактор мог иметь только в самые первые месяцы революции, пока отсталые слои крестьянства еще не успели освоиться с природой неограниченной денежной эмиссии. Наконец, быстрота оборота товаров и денег, по всей вероятности, меняется с изменением рыночной конъюнктуры. Естественно предположить, например, что рабочий или служащий старается тем быстрее реализовать свой заработок, чем интенсивнее повышаются цены на предметы массового потребления. Есть основания думать, что эти колебания быстроты денежного обращения в значительной степени компенсируются соответственными изменениями быстроты оборота товаров. Однако, центр тяжести вопроса лежит не в этой предполагаемой

компенсации, которая, быть может, и не осуществляется в достаточной мере, а в том, что колебания быстроты обращения денег, поскольку они функционально связаны с реальными переменами рыночной конъюнктуры, отнюдь не в состоянии ослабить значение R в качестве показателя *динамики* рынка. В самом деле, в период, когда количество обращающихся на рынке товаров понижается, индекс a начинает расти быстрее, чем это вызывалось бы одними только законами денежной эмиссии, — значит при данном X величина R уменьшается; увеличение быстроты денежного обращения действует на R, очевидно, в том же самом понижательном направлении, и, таким образом, *усиливает* его чувствительность к перемене реальной рыночной конъюнктуры, заставляет несколько гипертрофированно отражать реальное сжатие емкости рынка. Напротив, в период расширения емкости рынка и вызываемой этим обстоятельством «стабилизации» курса, быстрота оборота денег падает, что опять таки обостряет восприимчивость R к повышательному движению рыночной конъюнктуры.

Взглянув на помещенную ниже диаграмму III, где за ряд лет изображены колебания R, читатель убедится, что только что изложенные теоретические соображения в полной мере оправдываются на практике. Не только в период вполне развернувшегося НЭП'а, но уже начиная с 20-го года, сезонные колебания R носят правильно повторяющийся характер и с величайшей чувствительностью отражают реальное движение емкости русского рынка, которая растет осенью и в первые зимние месяцы благодаря усиленному крестьянскому спросу и предложению, медленно падает во вторую половину зимы и быстро опускается вниз весною, достигая минимума летом, незадолго до сбора урожая. Особенности отдельных лет также стоят в очевидной связи с рыночной конъюнктурой. Так, невысокий максимум конца 1921 г. и стремительное падение начала 1922 г. очевидно обусловлены последствиями голода. Ранний подъем летом 1922 г. вызван выбрасыванием на рынок продовольственных запасов в виду ожидаемого хорошего урожая; высокий максимум конца 1922 г. есть следствие реализации обильного урожая.

Тем не менее, прямой пропорциональности между величиной R и размерами товарооборота не существует. К этому

выводу заставляет прийти уже один тот отмеченный выше факт, что натуральный продуктообмен в различные периоды революционного и послереволюционного времени играл неодинаковую, но всегда значительную роль.

Таким образом, наше предположение о «равенстве всех прочих условий» не соответствует действительности. И однако теоретические и практические выводы настоящей работы этим обстоятельством нисколько не подрываются. Дело в том, что теория казначейской эмиссии, как специфического государственного дохода, со всеми вытекающими из нее последствиями, а также проблема взаимоотношения между эмиссией и прочими денежными доходами государства вовсе не требует, чтобы R отражало колебания *общей* продуктовой емкости рынка. Для всех этих целей необходимо и достаточно, чтобы R было точным мерилом емкости рынка *по отношению к бумажным деньгам*. А в этом не может быть никакого сомнения: конкретная рыночная цена товара является для экономиста единственным показателем спроса на данный продукт, и так как R есть не что иное, как рыночная цена денежной массы, находящейся в обращении ($X/\alpha = R$), то пригодность R в качестве показателя *рыночного спроса на деньги* не требует доказательства, ибо аналитически вытекает из самого определения этой величины. Вопрос о конкретной рыночной конъюнктуре вне влияния этой последней на курс рубля возникает лишь при учете потерь населения от эмиссии, да и то, как увидим ниже, лишь в одном частном случае, когда выгоды государства, связанные с эмиссией, превышают эмиссионный «налог» в строгом смысле этого слова. Но в этом случае общая теория денежной эмиссии ограничивается указанием интегрального итога; заполнить его конкретными слагаемыми можно лишь путем дифференцированного анализа наличной рыночной ситуации, для которого я и не пытаюсь дать математической формулы. Таким образом, в пределах поставленной здесь задачи, R является вполне надежным показателем и потому в дальнейшем изложении я уже без всяких оговорок буду называть эту величину «емкостью рынка».

Установив основные понятия, перейдем к исследованию теоретически *чистого случая* эмиссионной системы. Чистый случай мы получим, допустив, что емкость рынка

R есть величина постоянная. Экономически это означает следующее: мы допускаем, что в рамках периода наблюдения (квартала, месяца, декады) на рынок в произвольно выбранный промежуток времени поступает ровно столько новых реальных ценностей, сколько изъемлется частными потребителями с одной стороны, государственной эмиссией с другой, — так что в результате равновесия «источников» и «стоков» рыночного «поля» совокупная емкость рынка остается неизменной. Очевидно, что только при такой *стабилизации рыночной емкости* будет элиминировано воздействие всех внешних осложняющих факторов и влияние самой эмиссии на рыночную цену бумажного рубля проявится в *чистом* виде. Итак, мы начинаем анализ с предположения, что в основном уравнении, выражающем связь между номинальной стоимостью всей бумажно-денежной массы X, индексом данного момента α и емкостью рынка R, эта последняя есть величина постоянная $\frac{X}{\alpha} = R = constans$.

При постоянном R уравнение это может быть очень демонстративно изображено графически. Если мы, как это сделано на диаграмме 1, на оси абсцисс отметим величины X, соответствующие количеству денежной массы на рынке в различные моменты периода наблюдения; затем проведя перпендикуляры к оси абсцисс в каждой полученной таким образом точке, отложим на них величины $\frac{1}{\alpha}$ (где α индекс данного момента), и, наконец, соединим верхушки этих перпендикуляров сплошной кривой,—то получим изображенную на диаграмме равностороннюю гиперболу AB, концы которой, постепенно выпрямляясь, «асимптотически» приближаются к осям X и $^1/_\alpha$. Гипербола эта и выражает графически основной закон денежной эмиссии в его чистом виде: соединив любую точку гиперболы, напр. B., перпендикуляром с осью $^1/_\alpha$, мы получаем линию, выражающую номинальную стоимость бумажной массы в данный момент; опустив из той же точки перпендикуляр на линию OX, мы получаем отрезок, выражающий соответственную величину $^1/_\alpha$, т. е. реальную стоимость единицы этой денежной массы, или курс рубля. Сопоставление длины этих отрезков для различных точек кривой и даст нам тот строгий закон, по которому изменяется стоимость

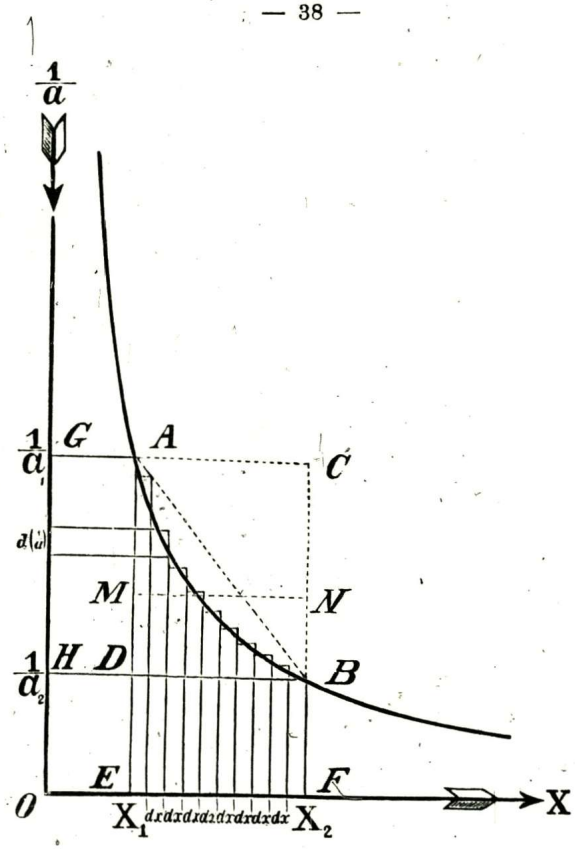


Диаграмма I.

денежной единицы с ростом выброшенной на рынок бумажно-денежной массы.

Впрочем, закон этот настолько прост (обратная пропорциональность), что для пояснения его не стоило бы чертить диаграммы. Значение последней состоит в том, что она позволяет нам подойти к выяснению другой закономерности, значительно более сложной и с экономической точки зрения гораздо более интересной, а именно, к отысканию функциональной связи между размерами эмиссии и реальным доходом от нее. При этом мы заранее откидываем всякие примерные статические исчисления, оперирующие с средними величинами: мы ищем вполне

точной и строгой формулы, учитывающей доход от эмиссии динамически, в процессе ее непрерывного течения по непрерывно меняющемуся индексу. Пусть в начале того периода, за который мы хотим определить реальный доход от эмиссии, номинальная стоимость денежной массы была X_1, индекс a_1, в конце периода соответственно: X_2 и a_2 [1]). Очевидно сразу найти текучую формулу дохода для всего месячного выпуска эмиссии $X_2 - X_1$ нам не удастся, и придется разбить $X_2 - X_1$ на весьма *малые* порции (dX), последовательно входившие в обращение в течение месяца, исчислить доход от каждой такой порции в отдельности и затем просуммировать полученные результаты. Как видно из диаграммы I, доход от каждой такой порции, $\frac{dX}{a}$ или $dX\ \frac{1}{a}$ выражается площадью длинного и тонкого столбика, основание которого dX, а высота $\frac{1}{a}$ (т. е. соответствующая данной порции эмиссии обратная величина индекса). Чем больше число таких столбиков, а следовательно, чем меньше толщина каждого из них, тем ближе подходит ступенчатая линия их верхушек к нашей кривой AB. *В пределе*, т. е. когда интервал $X_2 - X_1$ разобьется на бесконечно большое число бесконечно малых порций dX, верхняя граница столбиков вполне точно совпадет с гиперболой AB; вместе с тем сумма площадей столбиков, выражающая собою, как мы видели, реальный доход от месячной эмиссии, сделается равной площади фигуры, ограниченной снизу *абсциссой* $X_2 - X_1$, с боков *ординатами* AE *и* BF (т. е. величинами $\frac{1}{a_1}$ и $\frac{1}{a_2}$) и сверху отрезком гиперболы AB. Площадь $EABF$, дающая динамически строгое выражение дохода от эмиссии, меньше площади прямоугольника $EACF$, выражающей доход от эмиссии $X_2 - X_1$ исчисленный по индексу начала месяца (a_1), и больше площади $EDBF$, выражающей тот же доход по инде-

[1]) Вообще, условимся раз навсегда отмечать значком «1» величины, относящиеся к началу, значком «2» величины, относящиеся к концу периода наблюдения, каковым для нас в большинстве случаев будет календарный месяц. Согласно этому условию, доход от месячной эмиссии, исчисленный по среднему индексу, выразится формулой $\frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2}$ средняя месячная емкость рынка $\frac{R_1 + R_2}{2}$ и т. д.

ксу конца месяца (a_2), при чем истина на сей раз лежит не посредине, а несколько ближе к концу месяца, чем к началу. Что же касается дохода, исчисленного по среднему индексу MN, то в зависимости от того, как определен этот средний индекс, доход, выражаемый площадью $EMNF$, может дать цифру и большую и меньшую действительной [1]).

Однако наглядное графическое изображение эмиссионного дохода не может нас удовлетворить. Как для теоретических исследований, так и для нужд практического учета необходима формула, *аналитически выражающая* основной закон эмиссии, как доходной статьи государственного бюджета. Задача сводится, следовательно, к исчислению площади $EABF$. Это один из простейших случаев так называемой квадратуры площадей. Если мы, как условлено выше, обозначим реальный доход от месячной эмиссии буквой w, то для элементарного дохода, выражамого одним из наших бесконечно-тонких столбиков, получим: $dw = \frac{dX}{a}$ или, подставляя значение a из уравнения $\frac{X}{a} = R$, $dw = R\frac{dX}{X}$; откуда имеем: $w = R\ln\frac{X_2}{X_1}$; $\frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{w}{R}}$ . . . . . (1)

где «ln» означает «натуральный логарифм», а буква «e» есть основание натуральных логарифмов = 2,71828.

При постоянной емкости рынка формула (1) дает вполне строгий метод учета эмиссионного дохода и притом *не зависящий от темпа эмиссии*. Параметр «время» не входит в наши уравнения. Будет ли эмиссия в течение месяца проникать на рынок постепенно и равномерно, или же порывистыми скачками, результат исчисления останется один и тот же: интервалы, соответствующие периодам медленного темпа, изобразятся на диаграмме сравнительно узкими полосками, периоды быстрого темпа при той же продолжительности дадут более широкие полосы, — результирующая же площадь (которая зависит только от величины X_1 и X_2 и соответственных $\frac{I}{a_1}$ и $\frac{I}{a_2}$) нисколько от этого не изменится.

---

1) Как увидим ниже, формула, исчисляющая доход по средней арифметической от индексов начала и конца месяца, дает величину меньшую действительной.

В словесном выражении формула (1) означает: для того, чтобы получить доход, возрастающий в арифметической прогрессии, надо увеличивать обращающуюся на рынке денежную массу в прогрессии геометрической. Если же, как это чаще всего бывает, государство стремится гарантировать себе ежемесячное извлечение одной и той же суммы реального дохода, оно должно усиливать эмиссию с таким расчетом, чтобы отношение между бумажно-денежной массой, выброшенной на рынок к концу и к началу каждого месяца, сохранялось неизмененным. Все это, разумеется, в предположении, что емкость рынка не меняется. Но так как реальная действительность очень далека от этого идеального «чистого» случая, то, прежде чем сосредоточить свое внимание на экономических выводах из найденной формулы, надо придать этой последней большую гибкость, сделать ее приложимой к случаям, далеко отклоняющимся от идеального постоянства R и выяснить степень ее точности при таком расширенном применении.

Как мы уже видели выше, R колеблется в очень широких пределах, при чем самый беглый взгляд на диаграмму III убеждает нас, что амплитуда и характер этих колебаний определяются причинами, не имеющими ничего общего с эмиссией и ее темпом. Сезонные приливы и отливы крестьянского спроса и предложения на рынке, общие меры экономической политики («военный коммунизм», «нэп»), размеры текущего урожая оказывают на емкость рынка влияние гораздо более могущественное, чем выпуски бумажных денег. Мы были бы повинны, поэтому, в заведомо неправильном подходе к проблеме, если бы попытались путем анализа эмпирически данных кривых или каким-нибудь иным способом установить причинную зависимость R от X. Полученная формула оказалась бы в лучшем случае искусственным техническим орудием, пригодным для данного интервала кривой, но она не давала бы нам никакого права на экстраполяцию, никаких указаний на природу изучаемого явления.

Раз нет экономической закономерности, связывающей движение емкости рынка с размерами эмиссии, приходится сделать какое нибудь условное допущение, позволяющее охватить вариации этих величин единой формулой. Самое простое и естественное допущение будет со-

стоять, очевидно, в том, что емкость рынка в пределах месяца меняется таким же темпом, каким нарастает эмиссия. При этой предпосылке вся реформа, которую надо внести в формулу (1), чтобы приспособить ее к анализу самого общего случая, ограничится заменой постоянной емкости рынка—R—выражением $\frac{R_1+R_2}{2}$, т.-е. средней арифметической, выведенной из емкости начала и конца месяца.[1]) Таким образом, обобщенная формула исчисления дохода от эмиссии будет иметь такой вид:

$$w = \frac{R_1+R_2}{2} \ln \frac{X_2}{X_1}, \text{ или } \frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{2w}{R_1+R_2}} \quad \ldots\ldots\ldots (2)$$

III. Пределы точности основной формулы.

Каковы пределы возможных ошибок при пользовании только что выведенной формулой (2)?

Априори ясно, что ошибка будет тем значительнее, чем сильнее отклоняется действительность от «чистого» случая, с полной строгостью учитываемого уравнением (1),

[1]) Разобьем исследуемое изменение емкости рынка R_2-R_1, на n небольших интервалов одинаковой величины. Мерой темпа эмиссии является $\frac{\Delta X}{X}$, где ΔX—приращение бумажной массы, соответствующее одному интервалу. Емкость рынка для первого интервала, очевидно, R_1, для второго $R_1+\frac{R_2-R_1}{n}$, для третьего $R_1+\frac{2(R_2-R_1)}{n}$ и т. д. За весь месяц доход от эмиссии будет: $w = R_1\frac{\Delta X}{X} + \left(R_1+\frac{R_2-R_1}{n}\right)\frac{\Delta X}{X} + \left(R_1+2\frac{R_2-R_1}{n}\right)\frac{\Delta X}{X} \ldots$ Так как, согласно нашему допущению относительно одинаковой быстроты изменения темпа эмиссии и емкости рынка, $\frac{\Delta X}{X}$ есть величина постоянная, то последнее уравнение можно переписать так:

$$w = \frac{\Delta X}{X}\left\{\frac{[nR_1+(n-1)R_1+\ldots 2R_1+R_1]+[R_2+2R_2+\ldots(n-1)R_2+nR_2]}{n}\right\} =$$

$= \frac{\Delta X}{X}\frac{n+1}{2}(R_1+R_2)$ или $w = \frac{R_1+R_2}{2}\sum_m \frac{\Delta X}{X}$, где $m = n+1$. Переходя к пределу, получаем $w = \frac{R_1+R_2}{2}\sum_m \frac{\Delta X}{X} = \frac{R_1+R_2}{2}\int_{X_1}^{X_2}\frac{dX}{X} = \frac{R_1+R_2}{2}\ln\frac{X_2}{X_1}$

т.-е. чем больше разница между R_1 и R_2. Другими словами, наибольшее отклонение от действительной величины эмиссионного дохода вычисление по обобщенной формуле $\frac{R_1+R_2}{2}\ln\frac{X_2}{X_1}$ должно дать на двух крайних полюсах рыночной конъюнктуры: 1) в периоды, так называемой «стабилизации» курса, когда исключительно быстрый рост емкости рынка компенсирует вызываемое эмиссией падение цены и 2) в периоды максимально быстрого падения курса вследствие сокращения емкости рынка.

Попытаемся найти формулы, учитывающие с полной строгостью эмиссионный доход для каждого из этих максимальных отклонений от чистого случая, чтобы затем, сопоставив их с уравнением (2), установить пределы возможных погрешностей этого последнего.

1) При действительной стабилизации курса, т.-е. при неизменности индекса α на протяжении месяца, идеально точным измерителем дохода от эмиссии является, очевидно, обычная статическая формула,—эмиссия, деленная на индекс. Обозначив доход, исчисленный по этой формуле через w', имеем:

$$w' = \frac{X_2-X_1}{\alpha}$$

Формула (2) принимает в этом случае вид:

$\frac{R_1+R_2}{2}\ln\frac{X_2}{X_1} = \frac{1}{2}\left(\frac{X_1}{\alpha}+\frac{X_2}{\alpha}\right)\ln\frac{X_2}{X_1}$, или $\frac{X_1+X_2}{2\alpha}\ln\frac{X_2}{X_1}$; обозначим доход, исчисленный по формуле (2) через w'' и найдем отношение w''/w'. Разлагая. $\ln\frac{X_2}{X_1}$ по правилу Маклорена в бесконечный ряд, имеем:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{X_1+X_2}{2\alpha}\cdot 2\left[\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}+\frac{1}{3}\left(\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}\right)^3+\frac{1}{5}\left(\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}\right)^5+\ldots\right] : \frac{X_2-X_1}{\alpha}$$

или по сокращении:

$$\frac{w''}{w'} = 1+\frac{1}{3}\left(\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}\right)^2+\frac{1}{5}\left(\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}\right)^4+\frac{1}{7}\left(\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}\right)^6+\ldots \quad (3)$$

Как видим, w'' всегда несколько больше w', при чем отношение между ними тем сильнее отличается от единицы, чем значительнее относительная величина месячной эмиссии или дробь $\frac{X_2 - X_1}{X_1 + X_2}$, где числитель есть месячная эмиссия, а знаменатель — сумма бумажно-денежных масс, бывших в обращении к началу и к концу месяца. В русской советской практике, — а последняя, насколько мне известно, является рекордной для всех времен и народов, — максимальная относительная величина эмиссии наблюдалась в декабре 1921 года, когда номинальная стоимость отпечатанных за месяц денэнаков достигла 78% стоимости бумажно-денежной массы, находившейся в обращении к началу месяца, или $X_2 - X_1 = \frac{3}{4} X_1$. В этом предельном случае размер возможной ошибки определяется из формулы (3) следующим образом. Подставив $\frac{3}{4} X_1$, вместо $X_2 - X_1$, имеем:

$$\frac{w''}{w'} = 1 + \frac{1}{3}\left(\frac{3}{11}\right)^2 + \frac{1}{5}\left(\frac{3}{11}\right)^4 + \frac{1}{7}\left(\frac{3}{11}\right)^6 + \ldots\ldots\ldots$$

Заменим, несколько преувеличивая, возможную ошибку, коэфициенты $^1/_7$, $^1/_9$, $^1/_{11}$ и т. д. в членах разложения, начиная с четвертого, одним и тем же коэфициентом $^1/_5$:

$$\frac{w''}{w'} = 1 + \frac{1}{3}\left(\frac{3}{11}\right)^2 + \frac{1}{5}\left[\left(\frac{3}{11}\right)^4 + \left(\frac{3}{11}\right)^6 + \left(\frac{3}{11}\right)^8 + \ldots\ldots\ldots\right]$$

В скобках сумма членов бесконечно убывающей геометрической прогрессии, равная

$$\frac{\left(\frac{3}{11}\right)^4}{1 - \left(\frac{3}{11}\right)^2} = \frac{1}{169}$$

Итак:

$$\frac{w''}{w'} = 1 + \frac{3}{121} + \frac{1}{5} \cdot \frac{1}{169} = 1 + \frac{1}{39}$$

Отношение w''/w' отличается от единицы не больше, чем на $^1/_{39}$, и таким образом, для случая стабилизации цен максимальный предел ошибки при исчислении эмиссионного дохода по обобщенной формуле $\frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$ определяется в 2,6%.

В действительности, за все время советской эмиссионной практики погрешность, связанная с применением формулы (2) ни разу не достигала этого теоретического предела. Относительная «стабилизация» курса наблюдалась в истории нашего эмиссионного финансового хозяйства три раза: в сентябре 1918 г., в июле—августе—сентябре—октябре 1921 года и в июне—июле—августе 1922 года. Как показывает приводимая ниже таблица, разница между исчислением по формуле (2) и по среднему индексу (формула $\frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2}$ превращающаяся для случая полной стабилизации в идеально-точную $\frac{X_2 - X_1}{a}$), везде совершенно ничтожна и лишь для июля 1922 года превысила 1%.

ТАБЛИЦА I.

ДАТА.	Темп эмиссии. $\frac{X_1 - X_2}{k X_1}$ в % %	Темп колебаний курса: $\frac{a_2}{k a_1}$ в % %	Реальный доход от эмиссии, исчисленный по формуле: $\frac{X_1 - X_2}{2} \cdot \frac{2}{a_1 + a_2}$	$\frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$
1.	2	3	4	5
1918 г. сентябрь	6	100,0	29,980	29,980
1921 г. июль	20	99,5	5,73	5,74
„ август	25	93	8,96	9,02
„ сентябрь	29	106	12,93	12,97
„ октябрь	43	116	21,97	22,01
1922 г. июнь	50	114	19,63	19,77
„ июль	48	96	27,11	27,55
„ август	46	103	38,23	38,59
„ сентябрь	31	108	32,63	32,72

Случай полной стабилизации курса ($a_2 = a_1$), а следовательно и полной строгости формулы $\frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2}$ имел ме-

сто только один раз, в сентябре 1918 г. Так как темп эмиссии был тогда сравнительно не велик (всего 6%), то совпадение между исчислениями по обеим формулам получалось идеальное,—расхождение начинается во всяком случае не раньше шестого знака.

2) Перейдем к анализу противоположной крайности: благодаря исключительно быстрому падению емкости рынка, темп возрастания индекса значительно обгоняет темп эмиссии. Здесь мы не имеем готовой формулы, дающей математически точный учет эмиссионного дохода. Но для одного частного случая в пределах изучаемой нами крайности такую формулу не трудно построить. А именно, предположим, что емкость рынка убывает за данный период времени как раз настолько, сколько стоит в товарных рублях выпущенная за тот же период эмиссия. Другими словами, мы предполагаем, что рынок был бы стабильным при отсутствии эмиссии; вся же та сумма реальных ценностей, какую извлекает эмиссия, ничем не замещается на рынке и, таким образом, автоматически понижает на соответственную величину рыночную емкость. Переводя только что сказанное на язык наших алгебраических символов, получаем для элементарного дохода от эмиссии dw такое уравнение:

$$dw = (R_1 - w)\frac{dX}{X}, \text{ или } Xdw + wdX = R_1 dX \quad . \quad . \quad ^1).$$

Для законченного месячного периода имеем:

$$w = R_1 \frac{X_2 - X_1}{X_2}; \frac{X_2}{X_1} = \frac{R_1}{R_1 - w} \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (4)$$

Сопоставляя эту формулу с нашей основной формулой (2) и обозначая, согласно предыдущему, доход, исчисленный по формуле (2), символом w'', а доход, исчисленный по идеально точной для данного частного случая формуле (4), символом w', получаем:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1} : R_1 \frac{X_2 - X_1}{X_2}, \text{ где } R_2 = R_1 - w = R_1 \frac{X_1}{X_2}$$

[1]) Уравнение это легко интегрируется—его левая часть есть точный дифференциал: $d(wx)$—и дает $wX = R_1 X + C$, где C—произвольная постоянная, значение которой для нашего частного случая определяется условиями начального момента наблюдения. В начале месяца $X = X_1$, а эмиссионный доход $w = o$. Таким образом имеем: $O = R_1 X_1 + C$ или $C = -R_1 X_1$. Вставляя найденное значение C в общий интеграл, получаем $wX = R_1 X - R_1 X_1$ или для всего месяца $wX_2 = R_1 X_2 - R_1 X_1$.

следовательно:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{R_1\left(1 + \frac{X_1}{X_2}\right)}{2} ln \frac{X_2}{X_1} : R_1 \frac{X_2 - X_1}{X_2} = \frac{X_1 + X_2}{2(X_2 - X_1)} ln \frac{X_2}{X_1}$$

или по разложении $ln \frac{X_2}{X_1}$ в бесконечный ряд и сокращении:

$$\frac{w''}{w'} = 1 + \frac{1}{3}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_2 - X_1}\right)^2 + \frac{1}{5}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_2 + X_1}\right)^4 + \ldots \ldots \ldots$$

т.-е. уже знакомую нам формулу (3).

Таким образом, в случае сокращения емкости рынка на всю сумму извлеченных эмиссией реальных ценностей погрешность при исчислении эмиссионного дохода по формуле $\frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$ алгебраически определяется совершенно так же, как и в случае расширения емкости рынка до пределов действительной стабилизации курса. Следовательно, при данных эмпирических условиях (максимальный темп эмиссии 78%) и здесь возможная ошибка *не может превысить 2,6%*.

Надо, однако, заметить, что для периода быстрого падения емкости рынка,—в противоположность периодам стабилизации курса,—разобранный нами частный случай отнюдь не дает предельного отклонения от нормы $R_1 = R_2$. В то время, как стабилизация курса была тем максимальным эффектом, которого достигала повышательная тенденция рынка в периоды ее наибольшего напряжения [1]),—падение рыночной емкости на сумму извлекаемого эмиссией дохода далеко не является крайним случаем. Наоборот, за весь период революции и военного коммунизма, включая и первую половину 1921 года, было общим правилом, что в сезоны сжатия рынка, емкость этого последнего по отношению к деньгам сокращалась гораздо быстрее нарастания дохода от эмиссии: разница между R_2 и R_1 нередко вдвое и даже втрое превышала эмиссионный доход данного месяца.

Возникает, следовательно, вопрос о методе точного исчисления дохода для этих действительно крайних случаев.

[1]) Повышение курса, как видно из таблицы 1, наблюдалось дважды—в августе 1921 г. и в июле 1922 г., но настолько незначительное, что влияние его может сказаться лишь в сотых долях процента ошибки.

Вполне строгий математический анализ здесь едва ли осуществим, но легко так обобщить нашу формулу (4), чтобы она с весьма большим приближением годилась для указанной цели. Допустим, что емкость рынка уменьшается не на сумму извлеченного за данный период времени дохода w, а на величину nw, где n есть постоянный для изучаемого месяца коэффициент (отношение между понижением емкости рынка и доходом от эмиссии за произвольно выбранный промежуток времени). Очевидно, при таком допущении мы отклонимся от истины лишь в той степени, в какой движение рыночной емкости и поступление эмиссионного дохода в *рамках избранного месяца* меняют свой относительный темп. Большей точности едва ли можно и требовать. С этой поправкой дифференциальное уравнение, служащее исходным пунктом формулы (4) примет такой вид:

$dw = \left(R_1 - nw\right)\frac{dX}{X}$, или $dw + \frac{nw}{X}dX = \frac{R_1}{X}dX$. Интегрирующий множитель, очевидно, X^n. Общий интеграл: $X^n . w = \frac{R_1}{n}X^n + C$; $C = -\frac{R_1}{n}X_1{}^n$. Следоват., $X^n w = \frac{R_1}{n}\left(X^n - X_1{}^n\right)$ или, для законченного месяца:

$$w = \frac{R_1}{n}\frac{X^n{}_2 - X^n{}_1}{X_2{}^n}\,;\quad \frac{X_2}{X_1} = \sqrt[n]{\frac{R_1}{R_1 - nw}} \qquad \ldots\ldots (5)$$

Находить предел возможной ошибки, как мы это делали раньше, путем сравнения точной формулы (5) и нашего испытуемого уравнения (2), было бы слишком кропотливо. Поэтому на этот раз мы предпочтем непосредственную эмпирическую проверку: а именно, сопоставим исчисление дохода от эмиссии по формулам (2) и (5) за все те месяцы, когда падение емкости рынка более чем вдвое превысило реальную стоимость эмиссии. Для нахождения размеров этого превышения, т.-е. величины n, применим уравнение (5), припомнив, что $R_1 - nw$ есть R_2 — емкость рынка к концу месяца. Следовательно, $\frac{X_2}{X^1} = \sqrt[n]{\frac{R_1}{R_2}}$ или

$$n\ lg\frac{X_2}{X_1} = lg\frac{R_1}{R_2};\ \text{откуда}\ldots\ n = \frac{lg\ R_1 - lg\ R_2}{lg\ X_2 - lg\ X_1}.$$

Приводим результаты этих двух методов подсчета для месяцев максимально быстрого падения емкости рынка:

ТАБЛИЦА II.

Дата.		1917 год. апр.	1917 год. июнь.	1917 год. нояб.	1918 год. янв.	1918 год. февр.	1918 год. июнь.	1918 год. нояб.	1919 год. янв.	1919 год. февр.	1919 год. март.	1921 г. май.
n		1,96	2,59	2,82	2,97	3,20	2,12	3,29	2,28	3,20	2,30	2,65
Эмисс. доход исчисленный по формуле.	$w = \frac{R_1+R_2}{2}ln\frac{X_2}{X_1}$	133,6	170,6	205,0	80,0	47,0	38,2	25,0	22,4	16,7	19,8	4,038
	$w = \frac{R_1}{n}\frac{X^n_2 - X^n_1}{X^n_2}$	133,5	170,6	205,0	80,5	46,93	38,12	25,02	22,51	16,68	19,78	3,995

Разница для всех одиннадцати месяцев очень не велика— меньше 1% и в большинстве случаев близка к пределам погрешности вычисления (при помощи логарифмической линейки).

Подводя итоги исследованию применимости обобщенной формулы $\frac{R_1 + R_2}{2} ln\frac{X_2}{X_1}$ мы можем, таким образом, сказать с полной уверенностью, что с 1 января 1916 по 1 марта 1923 года не было ни одного месяца, для которого ошибка исчисления реального дохода от эмиссии по этой формуле достигла бы $2^1/_2\%$. Тем самым доказано, что формула (2) не только пригодна для практических вычислений, но вместе с тем с достаточной точностью выражает основной закон денежной эмиссии в самых разнообразных условиях рыночной конъюнктуры и при всех акробатических прыжках темпа эмиссии, наблюдавшихся у нас за последние 7 лет.

Чтобы покончить с формальным анализом методов исчисления, нам остается еще проделать обратную пробу,

т.-е. исследовать, какова точность обычного способа определения месячного дохода от эмиссии по среднему индексу [1]).

Рассмотрим прежде всего тот случай, когда закон денежной эмиссии проявляется в чистом виде, и наша логарифмическая формула обладает идеальной точностью. Это, как мы знаем, случай неизменной емкости рынка:

$$R_1 = R_2 = R$$

Следовательно,

$$\frac{X_1}{a_1} = \frac{X_2}{a_2} = R.$$

Формула дохода, исчисленного по среднему индексу, может быть преобразована таким образом:

$$w'' = \frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2} = R\,\frac{2(a_2 - a_1)}{a_1 + a_2}$$

Формула $\frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$ соответственно примет вид:

$$w'' = R\, ln\, \frac{a_2}{a_1}$$

Сравнение обеих формул методом, совершенно аналогичным тому, какой мы применяли выше, дает:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{a_1 + a_2}{2(a_2 - a_1)} \ln \frac{a_2}{a_1} \text{ или } \frac{w''}{w'} = 1 + \frac{1}{3}\left(\frac{a_2 - a_1}{a_1 + a_2}\right)^2 + \frac{1}{5}\left(\frac{a_2 - a_1}{a_1 + a_2}\right)^4 + \ldots.$$

т.-е. мы получим сходящийся ряд, построенный так же, как и разобранная выше формула (3), но с той разницей, что место номинальной ценности бумажной массы в начале и в конце месяца (X_1 и X_2) заняли соответственные индексы товарных цен—a_1 и a_2. Однако, в то время, как темп эмиссии выражался, как мы уже видели, максимум 78% ($X_2 = 1{,}78\, X_1$), в советской эмиссионной практике были случаи, когда индекс конца месяца почти в два с

[1]) Метод исчисления по индексу на 1-е число следующего месяца будет подробно рассмотрен ниже.

половиной раза превышал индекс начала месяца. Для $a_2 = 2{,}5\, a_1$:

$$\frac{w''}{w'} = 1 + \frac{1}{3}\left(\frac{3}{7}\right)^2 + \frac{1}{5}\left(\frac{3}{7}\right)^4 + \frac{1}{7}\left(\frac{3}{7}\right)^6 + \ldots. = \text{прибл. } 1 + \frac{3}{49} + \frac{1}{5}\left[\left(\frac{3}{7}\right)^4 : \left\{1 - \left(\frac{3}{7}\right)^2\right\}\right] = 1 + \frac{1}{13{,}3}$$

т.-е. ошибка может достигать *заметной величины* в 7—8%.

Как и следовало ожидать, еще менее удовлетворительный результат дает применение формулы $\frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2}$ к исчислению эмиссионного дохода при быстром *падении* емкости рынка. Для большей наглядности мы возьмем для сравнения частный случай, выраженный формулой (4), которая, как мы видели, далеко еще не охватывает крайних проявлений интересующей нас тенденции (формула (5) при $n = 3$).

Итак, допустим, что емкость рынка убывает как раз настолько, сколько реального дохода извлекается путем эмиссии. Обозначим доход, исчисленный по точной формуле буквой w''. Формула (4) гласит $w'' = R_1 \frac{X_2 - X_1}{X_2}$ и $\frac{X_2}{X_1} = \frac{R_1}{R_1 - w''}$, где $R_1 - w'' = R_2$ отсюда: $\frac{X_2}{X_1} = \frac{R_1}{R_2}$; заменив R_1 и R_2 из уравнений $R_1 = \frac{X_1}{a_1}$ и $R_2 = \frac{X_2}{a_2}$ имеем:

$$\frac{X_2}{X_1} = \frac{X_1 a_2}{a_1 X_2};\quad \left(\frac{X_2}{X_1}\right)^2 = \frac{a_2}{a_1}$$

т.-е. емкость рынка падает пропорционально росту бумажно-денежной массы, а индекс увеличивается пропорционально *квадрату* этого роста. Если отношение между X_2 и X_1 назовем m то $\frac{a_2}{a_1}$ будет m^2. Для дохода, исчисленного по формуле (4), получим:

$$w'' = R_1 \frac{X_2 - X_1}{X_2} = R_1 \frac{m X_1 - X_1}{m X_1} = \frac{m - 1}{m} R_1$$

для дохода, исчисленного по среднему индексу:

$$w' = \frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2} = 2\,\frac{m X_1 - X_1}{a_1 + m^2 a_1} = \frac{2(m-1)X_1}{(m^2+1)a_1} = \frac{2(m-1)}{m^2+1} R_1.$$

Отношение обеих формул дает:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{m^2+1}{2m} \text{ или } \frac{w''}{w'} = \frac{1}{2}\left(m + \frac{1}{m}\right);$$

для эмпирически-максимального m (1,78) имеем:

$$\frac{w''}{w'} = \frac{1}{2}\left(1{,}78 + \frac{1}{1{,}78}\right) = 1{,}17;$$

ошибка достигает 17%.

Сопоставление формулы (4) и формулы среднего индекса представляет не только практический, но и теоретический интерес, показывая, какие неожиданные метаморфозы могут претерпевать иногда технические орудия, построенные на угадывании примерной средней, а не на анализе действительной закономерности изучаемого явления. Точная формула $w'' = \frac{m-1}{m} R_1$ показывает, что в рассматриваемом нами частном случае при возрастании эмиссии доход увеличивается все более и более замедляющимся темпом, но все же продолжает расти с каждым новым выпуском денег, пока, наконец, «в пределе», при бесконечно большом выпуске не исчерпается вся наличная емкость рынка R_1 (при m бесконечно большом $w'' = R_1$). Если же мы будем исчислять эмиссию по среднему индексу, то предел возможного дохода будет достигнут гораздо раньше; формула $w' = \frac{2(X_2 - X_1)}{a_1 + a_2}$, равнозначная в данном случае выражению $\frac{2(m-1)}{m^2+1} R_1$, достигает максимального предела, когда $m = 1 + \sqrt{2}$ [1]), т.-е., когда доход от эмиссии составляет всего 41,4% первоначальной емкости рынка; более значительные выпуски должны дать, судя по этой формуле, не повышенную, а пониженную величину реального дохода w',—вывод явно нелепый. Примерная формула, вполне пригодная в известных рамках, при недостаточно критическом употреблении, не только

[1]) В самом деле: $\frac{d}{dm}\left(\frac{m-1}{m^2+1}\right) = \frac{1+2m-m^2}{(m^2+1)^2}$. Приравнивая эту производную нулю, получаем для максимума $m = 1 + \sqrt{2}$, для минимума $m = 1 - \sqrt{2}$.

приводит к фактическим ошибкам, но может внушить совершенно ложные понятия о природе измеряемого явления. В нашем случае точная формула, выражающая *закон явления*, дает кривую, которая все медленнее и медленнее, но все же непрерывно, идет вверх и на расстоянии, близком к R_1, становится почти параллельной оси абсцисс. Приблизительная счетная формула то же явление изображает кривой, поднимающейся менее, чем на половину высоты R_1, достигающей здесь максимума и затем вновь опускающейся к оси абсцисс.

ТАБЛИЦА III.

Месяц. \ Год.	1919			1921			1922		
	Доход по формуле:		Разница между 2 и 1 в %% к 1-ой *).	Доход по формуле:		Разница между 5 и 4 в %% к 4-ой *).	Доход по формуле:		Разница между 8 и 7 в %% к 7-ой *).
	$\frac{2(X_2-X_1)}{a_1+a_2}$	$\frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$		$\frac{2(X_2-X_1)}{a_1+a_2}$	$\frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$		$\frac{2(X_2-X_1)}{a_1+a_2}$	$\frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	22,34	22,51		6,78	6,84		30,26	31,49	4,1
Февраль . . .	16,45	16,68	1,4	7,69	7,69		21,34	22,85	7,2
Март	19,53	19,84	1,6	6,26	6,34	1,1	17,88	19,35	8,1
Апрель	15,73	15,84		5,88	5,89		13,95	14,27	2,3
Май	24,52	24,73		3,91	3,99	2,1	18,55	18,62	
Июнь	14,56	14,66		3,15	3,189	1,0	19,63	19,77	
Июль.	17,17	17,25		5,73	5,74		27,11	27,55	1,5
Август	17,65	17,66		8,96	9,02		38,23	38,50	
Сентябрь . . .	25,34	25,36		12,93	12,97		32,63	32,72	
Октябрь . . .	19,19	19,69	2,6	21,97	22,01		32,16	33,02	2,7
Ноябрь	14,22	14,39	1,2	28,84	29,07		26,17	26,73	2,2
Декабрь . . .	15,43	15,64	1,4	36,1	38,4	5,6	29,43	29,98	1,8

*) В графах 3, 6 и 9 цифры проставлены лишь для тех месяцев, когда разница была более 1%.

Надо, впрочем, заметить, что в эмиссионной практике советской России периоды особенно быстрого падения емкости рынка характеризуются сравнительно умеренным темпом эмиссии, и потому погрешности формулы среднего индекса фактически не достигают указанных выше пределов. В вышеприведенной таблице я сопоставил доход от эмиссии, исчисленный по логарифмической и средне-индексной формуле за все месяцы 1919, 1921 и 1922 г. (в 1916, 1917, 1918 и 1920 г.г. расхождения формул были еще меньше).

Фактически отклонения формулы среднего индекса от логарифмической не превышают 7—8%, при чем неточность второй формулы не может, как мы знаем, быть больше $2^1/_2\%$.

IV. Эффективность эмиссии.

Назовем *абсолютной эффективностью эмиссии* ту сумму реального дохода, которую извлекает номинальная единица бумажно-денежной массы, брошенная в обращение (наприм., 1 миллиард дензнаков). Как мы уже не раз имели случай убедиться, абсолютная эффективность эмиссии зависит от состояния рынка и в конечном счете определяется тем законом, по какому в каждом частном случае меняется *емкость рынка*,—этот основной показатель рыночной конъюнктуры. Все безконечное разнообразие рыночных конъюнктур, создаваемых внутренними силами хозяйственного развития или упадка, а также внешними влияниями экономической политики, войн и революций [1]), может быть аналитически разбито на три типичные тенденции, то или другое сочетание которых и создает конъюнктуру изучаемого момента в ее своеобразной конкретной определенности. В чистом виде эти три тенденции формулированы тремя разобранными выше основными уравнениями:

$$1.\ w = \frac{X_2 - X_1}{a}.$$

[1]) Само собою разумеется, что эти «внешние» влияния в *конечном счете* являются продуктом внутренних сил экономического развития, но на данной ступени анализа методологически полезно выделить их в особую группу.

Подвижное равновесие рыночного полнокровия: емкость рынка интенсивно растет, не только возмещая утечку рыночных ценностей в сферу частного и государственного потребления, но и создавая постоянный избыток; вследствие чего спрос на денежные знаки идет вровень с эмиссией, и курс рубля «стабилизируется». Доход прямо пропорционален эмиссии; каждый вновь выпущенный миллиард извлекает ту же самую сумму реальных ценностей. Коэффициент абсолютной эффективности эмиссии есть величина постоянная. Связь между количеством денег в обращении и товарной стоимостью денежной единицы выражается прямой линией, идущей параллельно оси X;— линия CD на диаграмме II.

$$2.\ w = R\,ln\,\frac{X_2}{X_1} \text{ или } \frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{W}{K}}.$$

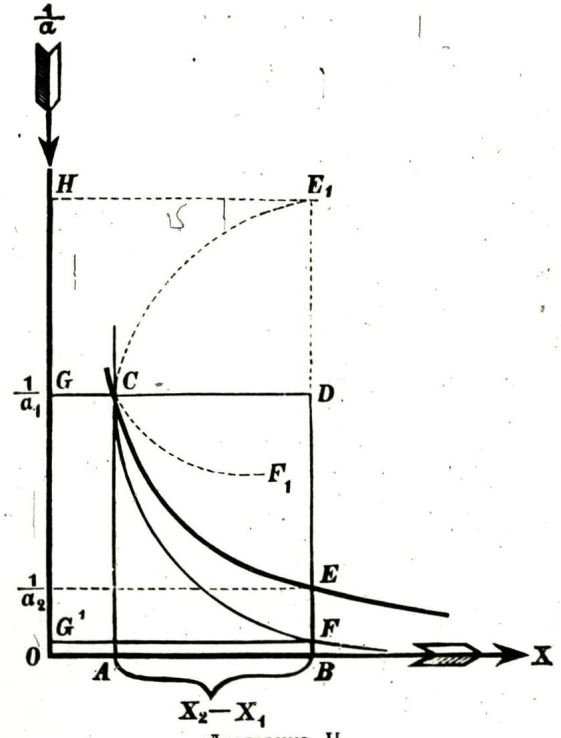


Диаграмма II.

Система подвижного равновесия при стабилизованной емкости рынка. Спрос на деньги не меняется, и, следовательно, всякие внешние по отношению к эмиссии факторы, могущие влиять на колебание курса денежной единицы, взаимно уравновешены. Движение индекса товарных цен есть функция одной только эмиссии, и основной закон последней проявляется в чистом виде. Абсолютная эффективность эмиссии непрерывно падает. Для того чтобы в равные промежутки времени извлекать путем эмиссии равный доход, надо в каждый следующий промежуток времени выбросить на рынок больше бумажно-денежной массы, чем в предыдущий, и как раз настолько больше, чтобы отношение $\frac{X_2}{X_1}$ оставалось неизменным. Если же государство желает увеличивать свой доход от эмиссии, то отношение $\frac{X_2}{X_1}$ должно расти гораздо быстрее дохода: в геометрической прогрессии, при условии, что доход возрастает в прогрессии арифметической. Товарная цена денежной единицы падает обратно пропорционально номинальной сумме денег, выброшенных на рынок; и связь между этими двумя величинами выражается гиперболой,—линия *CE* на диаграмме II.

$$3.\quad w = \frac{R_1}{n}\cdot\frac{X_2^n - X_1^n}{X_2^n} \text{ или } \left(\frac{X_2}{X_1}\right)^n = \frac{R_1}{R_1 - nw}.$$

Рынок систематически сокращается. В единицу времени емкость рынка убывает на величину nw, где w—реальный доход от эмиссии, а n—эмпирически установленный коэффициент, выражающий соотношение между абсолютной эффективностью эмиссии и темпом истощения рынка. При падающей емкости рынка извлечение равного дохода в равные промежутки времени требует уже не постоянства, а непрерывного роста величины $\frac{X_2}{X_1}$ и при том роста тем более быстрого, чем меньше становится разница между суммой извлекаемого дохода и соответственно сжимающейся емкостью рынка. Если в основной формуле, характеризующей разбираемый случай, заменить $R_1 - nw$ через R_2, то получится соотношение:

$\left(\frac{X}{X_1^2}\right)^n = \frac{R_1}{R_2}$, или (так как $R = \frac{X}{a}$), $\left(\frac{X_2}{X_1}\right)^n = \frac{X_1}{a_1} : \frac{X_2}{a_2}$; т.-е.

$$\left(\frac{X_2}{X_1}\right)^{n+1} = \frac{a_2}{a_1};\ \frac{X_1^{n+1}}{a_1} = \frac{X_2^{n+1}}{a_2} = \text{constans.}$$

Падение курса рубля прямо пропорционально не номинальному количеству всех выпущенных в обращение денег, как при стабильной емкости рынка, а количеству этому, возведенному в $(n+1)$-ую степень. Принимая n равным единице, т.-е. рассматривая тот частный случай, когда емкость рынка понижается как раз на сумму извлеченного эмиссией дохода, получим:

$$\left(\frac{X_2}{X_1}\right)^2 = \frac{a_2}{a_1};\ \frac{X^2}{a} = \text{constans.}$$

Т.-е., когда бумажно-денежная масса возрастает вдвое, индекс товарных цен повышается вчетверо; при возрастании бумажно-денежной массы втрое, реальная ценность денежной единицы падает в девять раз и т. д. Постоянной, характеризующей закон денежной эмиссии, является не емкость рынка, не частное от деления номинальной стоимости денег на индекс текущего момента, а частное от деления на этот индекс *квадрата* номинальной стоимости денег. Кривая, выражающая эту закономерность графически—так называемая *адиабата*—падает вниз гораздо быстрее соответственной гиперболы (линия *CF* диаграммы II).

Диаграмма II наглядно показывает, как складывается абсолютная эффективность эмиссии для трех рассмотренных нами типичных случаев рыночной конъюнктуры. Та же самая эмиссия $X_2 - X_1$ даст при стабильном курсе реальный доход, выражающийся площадью прямоугольника *ACDB*, при стабильной емкости рынка—частью этой площади, ограниченной сверху гиперболой *CE*, при убывающей емкости—частью этой части, ограниченной адиабатой *CF* [1]).

---

[1]) Читатель, конечно, уже заметил, что уравнения, формулирующие законы эмиссии, тождественны с уравнениями идеальных газов. Бумажно-денежная масса, выброшенная в обращение, соответствует *давлению* газа, курс рубля (обратная величина индекса)—*объему* газа. Емкость рынка, характеризующая *уровень энергии системы*—произведению так назыв.

Проблема эффективности эмиссии интересует нас не только теоретической своей стороной, но прежде всего практически. Выяснение организационных связей, характеризующих наблюдающиеся в этой области типы равновесия, развития и деградации, важно не само по себе, а как орудие финансовой политики. Можно ли, исходя из анализа законов денежной эмиссии, сделать какие-нибудь выводы относительно пределов ее эффективности? Вот основной вопрос. Как мы только что видели, исчислить эффективность эмиссии с любой степенью точности не представляет никакого труда, раз известен тот тип рыночной конъюнктуры и та рыночная емкость, при которых она будет осуществляться. Что же касается самих этих данных, то нам уже не раз приходилось подчеркивать, что они отнюдь не являются функцией эмиссии, но определяются всей совокупностью экономических и даже социально-политических условий жизни страны, а, следовательно, могут быть установлены лишь путем специального и совершенно конкретного исследования наличной действительности.

На диаграмме III параллельно изображены: движение рыночной емкости с начала 1916 до конца 1922 года и движение абсолютной эффективности эмиссии за тот же период времени. Рассматриваемое семилетие довольно явственно распадается на три периода: 1). С первого января 1916 по ноябрь 1917 г. кривая емкости рынка сначала медленно, потом все быстрее и быстрее падает,

клапейроновской постоянной на абсолютную температуру. Доход от эмиссии—*работе газа при расширении*. Там, как и здесь, собственная закономерность системы (закон Бойля-Мариотта) проявляется в чистом виде при *стабилизованном* уровне внутренней энергии системы, т.-е., когда приток энергии извне—поддерживает на неизменном уровне, в одном случае емкость рынка, в другом—абсолютную температуру газа. Стабилизация курса отвечает тому случаю, когда газ нагревается извне настолько, что упругость его, несмотря на расширение, не падает. Наконец, эмиссионный доход при падающей емкости рынка выражается тем же уравнением, как и работа *изэнтропически* расширяющегося газа, т.-е. газа, вовсе не получающего теплоты извне и расходующего исключительно запасы своей внутренней энергии.

Это не случайная аналогия, не курьезное совпадение, а один из безчисленных примеров действительного единства или, точнее говоря, *тождества организационной структуры* в явлениях, по материальному составу своему совершенно различных.

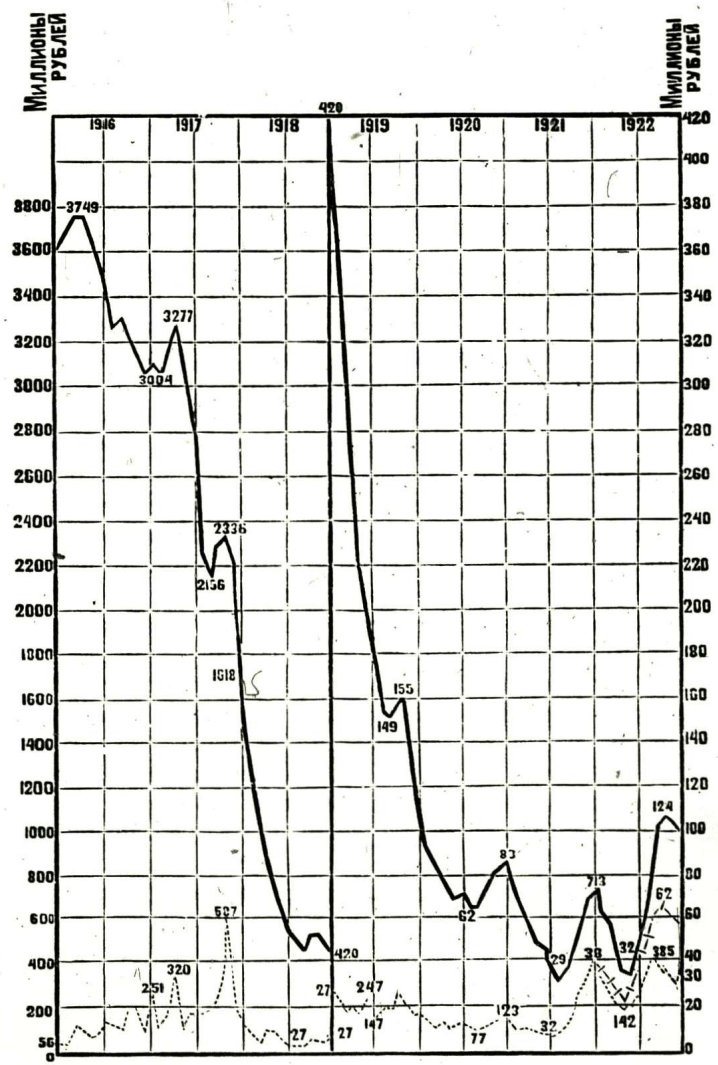


Диаграмма III.

снижаясь с 3,5 до 2 миллиардов рублей; навстречу ей подымается кривая эмиссионного дохода, которая начинается скромной цифрой в 56 миллионов, идет вверх неправильными скачками и заканчивает свое повышательное движение гордым взмахом в октябре 1917 г., давшим рекордную сумму месячного дохода в 587 милл. товарных рублей [1]). 2) В 1918 и 1919 г.г. емкость рынка продолжает падать с удвоенной стремительностью, лишь едва заметно приостанавливаясь на один—два месяца в периоды благоприятной осенней конъюнктуры; в 1920 году падение это, достигнув 80 миллионов рублей, несколько замедляется, и вместе с тем характерные для нашего рынка сезонные колебания становятся более ярко выраженными. Доход от эмиссии в последние месяцы 1917 и в начале 1918 годов летит вниз еще быстрее емкости рынка, но, снизившись к лету 1918 года до 30 миллионов рублей, сразу замедляет темп своего падения, дает ряд неправильных зигзагов, но в общем и целом продолжает постоянно уменьшаться и достигает минимума в 3,2 миллиона лишь к июлю 1921 года. 3) 1921 и 1922 года характеризуются чрезвычайно резко выраженными сезонными колебаниями как рыночной емкости, так и эмиссионного дохода, при чем емкость в конце 1921 года имеет ту же величину, что и вначале, обнаруживая отчетливую повышательную тенденцию только со второй половины 1922 г., в то время как доход от эмиссии начинает возрастать с лета 1921 года; в 1922 его сезонный минимум (14,2 милл.) уже значительно выше прошлогоднего,—сезонный максимум его, правда, почти одинаков за два последние года, но если в 1922 году присоединить впервые появляющийся здесь доход от налогов и гос. предприятий, то получится превышение на две трети (62 милл. рублей вместо 38).

Если мы сопоставим количественно доход от эмиссии и колебания рыночной емкости, то получим следующую картину:

---

[1]) В последних изданиях Наркомфина цифры эмиссии за 1917 и отчасти 1916 г.г. почему-то изменены по сравнению с официальными данными, которые публиковались в те годы, и которые использованы для нашей диаграммы.

ТАБЛИЦА IV.

Эмиссия и емкость рынка.

Периоды наблюдения.	Извлечено дохода путем эмиссии.	Сокращение или расширение емкости рынка.	Разница между 1-й и 2-й графой.
	1	2	3
	в миллионах товарных рублей.		
1916 г.	1606	— 579	+ 1027
1917 г.	2616	— 1779	+ 837
1918 г.	530	— 944	— 414
1919 г.	244	— 278	— 46
1920 г. 1 янв.—1 июля.	69	— 30	+ 39
1920 г. 1 июля—1 дек.	41	+ 20	+ 61
1920—1922 гг. 1 дек.—1 июля.	46	— 53	— 8
1920—1922 гг. 1 июля—1 дек.	79	+ 42	+ 121
1921—1922 гг. 1 дек.—1 мая.	126	— 40	+ 86
1921—1922 гг. 1 мая—1 окт.	138	+ 94	+ 232

В 1916 и 1917 годах, несмотря на значительное сокращение рынка, годовой доход от эмиссии значительно превышает убыль емкости рынка,—мы имеем 3-й тип рыночной конъюнктуры; господствует формула:

$$\left(\frac{X_2}{X_1}\right)^n = \frac{R_1}{R_2}$$

но при n меньшем единицы.

В 1918 и 1919 годах тот же 3-й тип не только сохраняет, но углубляет и обостряет свою диктатуру над рынком; теперь сокращение емкости рынка выражается в цифрах, значительно превышающих годичный доход, извлеченный посредством эмиссии: в формуле

$$\left(\frac{X_2}{X_1}\right)^n = \frac{R_1}{R_2},$$

попрежнему определяющей связь между эмиссией и рынком, показатель n делается больше единицы.

Начиная с 1920 года сплошная понижательная тенденция рынка уступает место периодическим колебаниям сезонного характера. В первой половине каждого из трех последних лет конъюнктура подчинена адиабатическому закону, однако показатель n только в 1921 году поднимается немного выше единицы. Вторая половина года обнаруживает тенденцию к стабилизации курса, но в 1920 году эта последняя еще маскируется не вполне завершонным общим понижательным движением рынка, и лишь, начиная с 1921 года, устанавливается на три-четыре осенних месяца равновесие 1-го типа, характеризуемое формулой: $\frac{X_2 - X_1}{a} = w$.

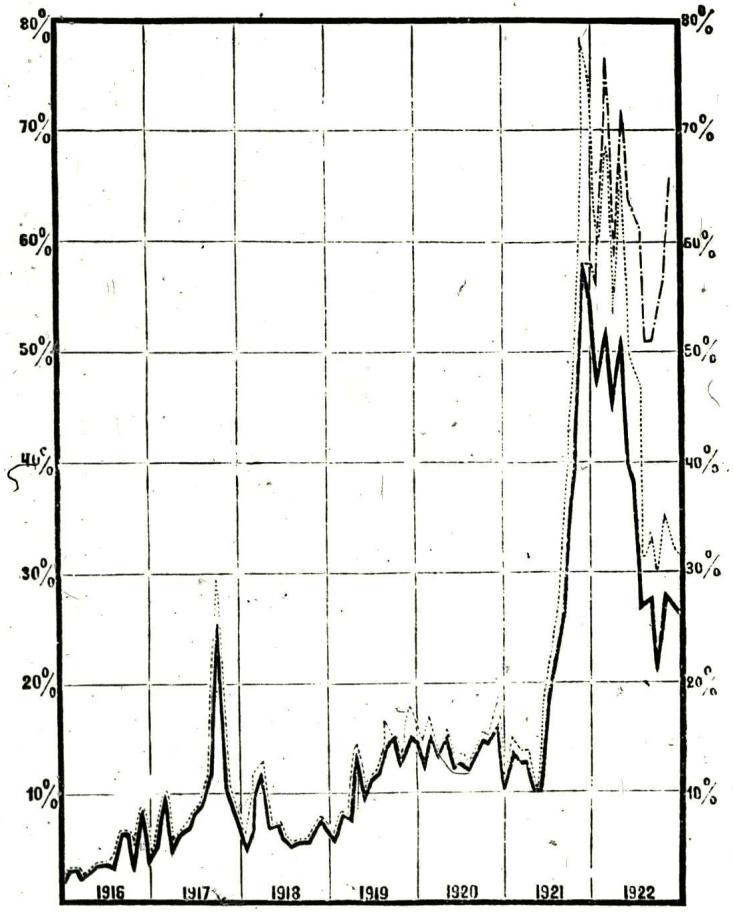
Необходимо еще сделать одну оговорку, о которой уже упоминалось в начале статьи. В 1919 и 1920 г.г. отношение величины $\frac{X}{a}$ к реальной емкости рынка было иное, чем в 1921—1922 г.г. Если и в наше время, как показывают крестьянские бюджеты, безденежный продуктообмен играет видную роль, то три года тому назад удельный вес его был еще несравненно больше. Причина особенно интенсивного устранения денежных знаков из сферы обращения в период военного коммунизма заключается отнюдь не в «эксцессах» эмиссионной системы, ибо в 1921—22 г.г. нажим эмиссии на рынок был и абсолютно, и относительно гораздо значительнее. Деньги выталкивались из оборота, главным образом, экономической политикой того времени и фактом гражданской войны. В «изолированном государстве» бумажные деньги могут выполнять функцию всеобщего эквивалента при любом количестве номинальных нулей, но для этого безусловно необходима одна предпосылка: та экономическая функция, для обслуживания которой государство эмитирует бумажки, должна, в свою очередь, признаваться государством, регулироваться и охраняться его законами. Но когда девять десятых рыночных оборотов объявлены вне закона, когда государственной властью обсуждаются и проводятся в жизнь меры, долженствующие упразднить товар и создать систему непосредственного продуктоснабжения, государственные деньги, естественно, теряют всякий рыночный престиж: загнанный в подполье рынок в

ожидании официального аннулирования денег извергает из себя это легальное орудие нелегальных операций и начинает обходиться собственными средствами. Что же касается гражданской войны, то уже один тот факт, что обе стороны по понятным причинам отказывались признавать валюту противника, заставлял широкие массы населения в захваченных фронтами районах избегать какой бы то ни было валюты.

Само собой разумеется, что безнаказанно нажимать на рынок эмиссионным прессом можно лишь в известных пределах. Теоретически совершенно бесспорно, что, изъяв при помощи эмиссии сумму рыночных ценностей, превышающую известные размеры, можно обескровить рынок, ухудшить рыночную конъюнктуру, превратив первый тип ее во второй, второй в третий. Но указать эти пределы конкретно, найти критическую точку эмиссионного нажима дело довольно трудное. Тут приходится принять во внимание не только размеры рынка, но прежде всего структуру тех производственных отношений, которые им обслуживаются; очевидно, например, что *относительная* эффективность эмиссии будет без вреда для рынка тем значительнее, чем интенсивнее обмен веществ между рынком и окружающей средой, чем быстрее отливающие в каналы потребления товары замещаются новыми. И можно думать, что в этом отношении количественно ничтожный и примитивный рынок отсталой страны может представлять известные преимущества по сравнению с мощным, но сложным и громоздким рынком развитого капитализма.

Для нашего русского рынка движение *относительной эффективности эмиссии* (под этой последней я разумею отношение месячного дохода от эмиссии к средней месячной емкости рынка, выраженное в $^0/_0{}^0/_0$) представлено диаграммой IV.

Относительная эффективность эмиссии, в противоположность абсолютной, не обнаруживает в период военного коммунизма заметной понижательной тенденции. С 1916 по 1919 год она, испытывая довольно резкие и неправильные колебания, держится в пределах $5-10^0/_0$; с половины 1919 года подымается до $10—14^0/_0$ и остается на этом уровне до половины 1921 года, когда начинается



Относительная эффективность казначейской эмиссии.

Относительная эффективность эмиссии и денежных налогов

Темп казначейской эмиссии.

Диаграмма IV.

ее стремительное движение вверх: в ноябре она достигает 58%, к концу 1922 года снова падает до 20—30%, но понижение это с лихвой компенсируется денежным доходом от налогов. Если рассматривать реальный доход от эмиссии и налогов вместе взятых, то максимум придется на февраль 1922 г., когда обоими этими методами была добыта сумма реальных ценностей, составляющая 76% рыночной емкости. И любопытно, что такой грандиозный по размаху и исключительно быстрый по темпу эмиссионный нажим не оказал заметного влияния на рыночную конъюнктуру. В 1921 г. ноябрьский максимум в 58% не нарушил восходящей осенней ветви кривой рыночной емкости, которая, как обычно, повышалась до декабря (см. диаграмму III); нисходящая весенняя ветвь следующего года, несмотря на 45—50% нормы относительной эффективности эмиссии, опять-таки имела вполне типичный для данного сезона вид, почти в точности воспроизводя сезонное колебание прошлого года, когда эмиссионный нажим на рынок был ровно в пять раз слабее.

Все это, разумеется, отнюдь не может служить целям апологии эмиссионной системы. К тем общим аргументам против нее, которые я уже привел в начале статьи, можно присоединить сотни других. И ни один из них ни в малой мере не колеблется нашими диаграммами. Эти последние дают слишком мало материала для уяснения общего экономического значения эмиссии,—они позволяют лишь констатировать один факт: в русской эмиссионной практике, несмотря на все ее эксцессы, не было такого момента, когда бы эмиссия явно пересилила влияние других факторов, создающих рыночную конъюнктуру, заменив повышательную тенденцию емкости рынка стабильной или понижательной.

На диаграмму IV вместе с кривой относительной эффективности эмиссии нанесена кривая, характеризующая *темп эмиссии*, т.-е. выраженное в процентах отношение месячного выпуска денежных знаков к общей их наличности в начале месяца. Эта вторая кривая, изображенная пунктиром, с величайшей точностью налегает сверху на первую, проделывая все ее зигзаги на протяжении $5^1/_2$ лет и лишь, начиная с середины 1921 г., дает заметный уклон вверх. Столь строгая взаимная зависимость не есть результат стихийной корреляции экономически самостоятель-

ных явлений, но чисто аналитически вытекает из самого определения понятий темпа эмиссии, с одной стороны, относительной ее эффективности—с другой. Припомним эти определения. Темп эмиссии есть $\frac{X_2 - X_1}{X_1}$, относительная эффективность $\frac{2w}{R_2 + R_1} = \frac{R_1 + R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1} : \frac{R_1 + R_2}{2} = ln \frac{X_2}{X_1}$. Отношение между этими двумя величинами равно

$$\frac{X_1}{X_2 - X_1} ln \frac{X_2}{X_1}.$$

Развернув логарифм в бесконечный ряд и избрав на этот раз ту форму разложения, в которой чередуются отрицательные и положительные члены, имеем: $\frac{X_1}{X_2 - X_1}$

$$ln \frac{X_2}{X_1} = \frac{X_1}{X_2 - X_1} \left[\frac{X_2 - X_1}{X_1} - \frac{1}{2}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_1}\right)^2 + \frac{1}{3}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_1}\right)^3 - \right.$$

$$\left. - \frac{1}{4}\left)\frac{X_2 - X_1}{X_1}\right)^4 + \ldots\ldots \right] \text{или: } \frac{X_1}{X_2 - X_1} ln \frac{X_2}{X_1} = 1 - \frac{1}{2}\frac{X_2 - X_1}{X_1} +$$

$$+ \frac{1}{3}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_1}\right)^2 - \frac{1}{4}\left(\frac{X_2 - X_1}{X_1}\right)^3 + \ldots\ldots$$

Каждый отрицательный член этого ряда больше следующего за ним положительного, следовательно, интересующее нас отношение меньше единицы, и притом тем заметнее отличается от единицы, чем больше абсолютная величина дроби $\frac{X_2 - X_1}{X_1}$. Другими словами, кривая темпа эмиссии должна всеми своими точками лежать выше кривой относительной эффективности эмиссии. При умеренном темпе эмиссии первая кривая почти совпадает со второй (отношение близко к единице), но дает все более и более значительное отклонение вверх по мере повышения темпа эмиссии,—что фактически и наблюдается на диаграмме. Заметим, что расхождение этих кривых неправильно было бы интерпретировать, как симптом ослабления эффективности эмиссии. [1]) Раз уже установилась эмиссионная система,

[1]) Как это утверждает С. О. Фалькнер в своей интересной работе «Прошлое и будущее русской эмиссионной системы», где сделана первая в нашей литературе попытка систематического анализа эффективности эмиссии.

вопрос о том, сколько номинальных нулей стоит с правой стороны каждой выброшенной на рынок денежной единицы, в конце концов, не имеет существенного экономического значения,—а ведь именно к увеличению количества нулей и сводится повышение «темпа эмиссии». *Реальным* симптомом острого угнетения рынка эмиссией было бы, как мы только что говорили, нарушение нормального хода кривой рыночной емкости.

Предшествующий анализ дает достаточно опорных пунктов для того, чтобы оправдать те замечания по поводу теории О. Ю. Шмидта, которые были сделаны мною в начале статьи. О. Ю. Шмидт формулирует свой закон постоянства темпа эмиссии следующим образом: если номинальное количество рублей в обращении в начале изучаемого периода было X_0, а по прошествии времени t оно стало X, то $\frac{X}{X_0} = e^{nt}$, где n есть величина постоянная; для периода с мая 1919 г. по август 1921 г., когда закон постоянства темпа эмиссии выполнялся с идеальной математической строгостью, это $n = 1{,}55$.

Если отнести в формуле О. Ю. Шмидта X к концу периода, принятого за единицу, и сопоставить эту формулу с моей основной формулой (1), то получится:

моя формула:	формула О. Ю. Шмидта.
1) $\frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{w}{R}}$	2) $\frac{X_2}{X_1} = e^n$, *где* $n = const.$

Обе формулы выведены из одного и того же уравнения количественной теории денег и различаются между собой лишь способом обозначения показателей при «e». Очевидно показатели эти, $\frac{w}{R}$ и n, в обоих случаях символизируют одну и ту же реальную величину и должны быть тождественно равны друг другу: $\frac{w}{R} = n$. Но, по теории О. Ю. Шмидта, n есть величина постоянная, при чем, как только что было упомянуто, закон постоянства «n» особенно точен для периода военного коммунизма. Между тем рассмотренная выше диаграмма IV показывает, что тождественная с «n» величина $\frac{w}{R}$ (относительная эффек-

тивность эмиссии) отнюдь не является постоянной,—в частности за период времени с мая 1919 г. по август 1921 г. линия, изображающая движение этой величины, имеет неправильно зубчатый вид и, во всяком случае, очень далека от той математически строгой параллельности оси абсцисс, которая бы должна была иметь место, если бы закон постоянства темпа эмиссии существовал в природе. Повторяем: что дело идет об одной и той же величине,— в этом не может быть сомнения, и сам О. Ю. Шмидт не раз указывает в своей статье, что постоянство темпа эмиссии равнозначно постоянству той доли ценностей, какую эмиссия в единицу времени извлекает с рынка. Как же могло случиться, что та же самая функция при одной и той же системе координат на одной диаграмме изобразилась причудливо-зигзагообразной кривой, на другой—идеально правильной прямой линией? Произошло это исключительно потому, что для второй диаграммы были взяты такие масштабы и методы исчисления ординат отдельных точек, при которых неправильности кривой чрезвычайно сглаживаются. А именно, О. Ю. Шмидт, вместо того чтобы наносить на чертеж колебания отдельных месяцев, брал интервал за длинный промежуток времени и затем делил его на протекшее время, что, разумеется, автоматически выравнивает месячные колебания в ту и другую сторону, и притом тем сильнее, чем дальше мы отходим от начальной точки исследования. Для того, чтобы демонстрировать эти соображения наглядно, я проделал соответственные вычисления, т.-е. для каждого месяца за период с мая 1919 по август 1921 г. вычислил величину $n = \frac{lgX - lgX_0}{t}$ и, приняв цифру мая 1919 г. за сто, выразил остальные в %%. Вот результат:

Движение показателя «n».

	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Январь	—	119	124
Февраль	—	120	125
Март	—	121	124
Апрель	—	121	124
Май	100	123	123
Июнь	95	123	122
Июль	98	123	124
Август	101	122	—
Сентябрь	110	123	—
Октябрь	112	123	—
Ноябрь	109,5	124	—
Декабрь	116	125	—

Как мы видим, за первые полгода об идеальном постоянстве величины n не приходится говорить: амплитуда колебаний простирается от 95 до 116%. При сколько-нибудь демонстративном масштабе чертежа эта часть линии должна выйти далеко не прямой; но чем дальше, тем заметнее сказывается стабилизирующее влияние Шмидтовского метода исчисления, и, начиная с 1920 года, мы получаем почти строгое постоянство параметра n,—амплитуда колебаний не превышает 2,5%.

Если же взять не разницу логарифмов за большие интервалы, чтобы делить ее потом на истекшее время, а вычислить соответствующую величину $\left(lg \frac{X_2}{X_1}\right)$ для каждого месяца в отдельности, то получим тот самый показатель относительной эффективности эмиссии, который изображен на нашей диаграмме IV. Последний никаких признаков стабилизации на всем протяжении периода военного коммунизма не обнаруживает,—уже в самом конце его, в декабре 1920 года, мы имеем падение с 16% до 10,3%, в январе 1921 г. прыжок вверх с 10,3% до 13,5% и т. д.

О. Ю. Шмидт подошел очень близко к формулировке основной закономерности денежной эмиссии, но, слишком рано осложнив проблему произвольной гипотезой и слишком быстро поверив в правильность этой гипотезы, он вывел закон, который, повидимому, является функцией не каких-либо реальных экономических процессов, а исключительно тех масштабов и тех приемов измерения, какие применялись автором.

V. Эмиссия как налог.

При всем своеобразии экономической функции эмиссии как источника государственных доходов позволительно видеть в ней налог *sui generis*. Однако налог этот трудно без серьезных натяжек подвести даже под самые общие рубрики существующей в этой области классификации. Оче-

видно эмиссия не есть прямой налог. Можно было бы, повидимому, рассматривать ее как косвенный налог, падающий не на меновые товарные ценности, а на пользование их всеобщим эквивалентом. Но и тут бросаются в глаза существенные различия: в то время как косвенный налог обычного типа уплачивается потребителем обложенного товара в количестве, пропорциональном числу потребленных единиц, размер эмиссионного налога есть обратная функция *быстроты* «потребления» денег в качестве орудия обращения; эмиссионный налог падает на единицу объекта обложения тем меньшей ставкой, чем скорее эта единица реализуется на рынке.

Тем не менее одно обстоятельство оправдывает подведение эмиссионного дохода под понятие налога без всякой дальнейшей спецификации. Вызываемые эмиссией потери населения *перекладываются* с одной группы на другую согласно тому же самому принципу, какой господствует в сфере налоговых платежей. Производитель, затрачивающий падающую валюту на покупку орудий и средств производства, стремится возместить и, как общее правило, действительно возмещает потери на курсе в цене изготовленного продукта. В конечном счете эмиссионный доход уплачивает государству *последний потребитель*, т.-е. тот, кто тратит обесценивающиеся деньги на приобретение предметов своего личного потребления: наряду с нормальной прибылью и обычными издержками производства он оплачивает и курсовую разницу, фиксированную в цене товара.

Само собой разумеется, что в отдельных конкретных случаях отыскание «последнего плательщика» эмиссионного налога может представить большие трудности; но по характеру своему эти трудности не представляют ничего специфически свойственного эмиссии, как таковой. Вопрос о «переложении» платежей ставится здесь совершенно так же, как и по отношению ко всякому иному налогу, решается теми же методами, проверяется теми же критериями. Так как задача настоящей статьи—выяснение *особенностей* эмиссии, то в дальнейшем изложении проблема перелагаемости эмиссионного налога будет затронута лишь постольку, поскольку это необходимо для указанной специальной цели.

Если вопрос о конечном плательщике очень сложен, то для налогов обычного типа никакой сложности не представляет определение общей суммы уплачиваемых населением платежей. Само собой понятно, что население уплатило данного налога ровно столько, сколько поступило его в кассы государственного казначейства, и, раз эта последняя величина нам известна, вопрос о сумме исчерпан, и остается лишь проблема раскладки.

Далеко не так элементарно ясно обстоит дело с эмиссионным налогом. На первый взгляд может показаться, что при известных рыночных конъюнктурах эмиссионный доход государства не только не равен соответственным потерям населения, но даже связан с ними обратной функциональной зависимостью. В самом деле, в периоды стабилизации курса государство получает от эмиссии повышенный доход, в то время как население, повидимому, ровно ничего не теряет: реальные ценности, извлекаемые государством, берутся неизвестно откуда. Напротив, в периоды падения рыночной емкости (III тип рыночной конъюнктуры) эмиссионный доход государства относительно низок, а потери населения на курсе громадны. Выходит, как будто бы, что государство получает от эмиссии тем больше, чем меньше теряет население и наоборот.

Одной из попыток преодолеть этот парадокс является довольно распространенный у нас взгляд, что «в конечном счете» эмиссионный налог несут те группы, для которых конъюнктура данного момента наименее благоприятна. При чем под конъюнктурой понимаются здесь не те общие рыночные условия, которые определяют курс рубля и символизируются нашим показателем R, а колебания спроса и предложения на определенные товары в пределах данной рыночной емкости,—другими словами такие нарушения равновесия между отдельными частями рынка, благодаря которым одна группа товаров продается ниже, другая выше своей действительной стоимости. Так как конкретный рынок никогда не бывает в состоянии идеального равновесия между всеми своими составными элементами, то на практике при любой общей конъюнктуре—в период стабилизации курса так же, как и в период его особенно быстрого падения—имеется группа, для которой такая специальная или частная рыночная конъюнк-

тура особенно неблагоприятна. Отнеся на счет этой группы всю сумму эмиссионного налога, взысканного государством, мы, повидимому, находим выход из указанного выше парадокса: если в данный момент ниже своей действительной стоимости продается товар «рабочая сила», т.-е. реальная заработная плата не достигает *existenz-minimum*'а, то эмиссионный налог несут рабочие; если цены на продукты промышленности растут быстрее цен на сельскохозяйственные продукты, тяжесть эмиссии падает на крестьянство и т. д. Можно ли, однако, признать такое решение вопроса достаточно обоснованным? Не подлежит спору, что владелец такого товара, который вследствие избыточного предложения продается на рынке ниже его действительной стоимости, испытывает гнет эмиссии, как и всякого иного государственного налога или сбора, особенно интенсивно. Но мера этой субъективной тяжести платежа не имеет ничего общего с исчислением его объективных размеров, и преодоление парадокса, намечающееся здесь, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимым. В самом деле, использование в качестве козла отпущения группы, максимально страдающей от специальной рыночной конъюнктуры, не разрешает проблемы баланса эмиссионных доходов и расходов ни с количественной, ни с принципиальной стороны. С количественной стороны указанный выход не является действительным потому, что сплошь да рядом группа, страдающая от неблагоприятной специальной конъюнктуры, оказывается слишком маломощной для того, чтобы можно было отнести за ее счет всю сумму эмиссионного дохода государства. Так, например, в текущем году, по мнению большинства наших экономистов, специальная рыночная конъюнктура неблагоприятна для крестьянства. С другой стороны, согласно новейшим исследованиям (проф. Литошенко и др.) современное крестьянство покупает продуктов промышленности примерно на 350—400 миллионов реальных рублей в год; *денежный* товарооборот в пределах самого сельского населения выражается в еще меньшей сумме. Таким образом средний месячный размер крестьянских покупок определяется, грубо говоря, в 50—60 миллионов реальных рублей. Среднее месячное обесценение рубля за истекшую часть бюджетного 1922—23 г. было—34,7%. Предположим далее, что крестьянин раз в месяц выносит свои продукты на рынок и вырученные от их продажи деньги держит у себя в течение целого месяца, предоставляя им обесцениваться, и затем уже затрачивает их на покупку нужных ему предметов потребления. Даже при таком нелепом предположении, заведомо во много раз преувеличивающем потери крестьянства от эмиссии, оказалось бы, что средние эмиссионные платежи деревни достигают максимум 17—20 милл. рублей в месяц. Между тем средний месячный доход государства от эмиссии за этот же промежуток времени гораздо выше 20 милл. Ясно, что попытка переложить на крестьянство всю сумму эмиссионного налога привела бы к абсурдному количественному выводу. Да и с теоретической точки зрения такая попытка явно не приемлема. *Специальная* рыночная конъюнктура лежит вне сферы влияния эмиссии. Воздействие последней на рынок заключается всецело и исключительно в изменении *интегрального* товарного индекса или курса рубля. Поэтому при исчислении потерь населения, вызываемых эмиссией, необходимо *элиминировать* те колебания рыночных цен, которые создаются нарушением равновесия между отдельными подразделениями рынка.

Принцип этот, совершенно очевидный и бесспорный по отношению ко всем вещественным товарам, может, однако, вызвать известные сомнения в применении к товару «рабочая сила». Номинальная заработная плата обычно отстает в своем повышательном движении от индекса товарных цен, и, таким образом, падение реального заработка рабочих и служащих представляется как бы автоматическим следствием эмиссионной системы. В действительности и здесь эмиссия, как таковая, отнюдь не является непосредственной материальной причиной продажи товара ниже его стоимости, она создает лишь некий социально-психологический момент, помогающий предпринимателю осуществить пониженную расценку рабочей силы, поскольку эта последняя отвечает рыночным отношениям, от эмиссии не зависящим. При твердой валюте для уменьшения реальной заработной платы необходимо понизить тарифы и расценки, и соответственная инициатива предпринимателя естественно встречает организованное сопротивление рабочих; при падающем курсе уменьшение

реальной заработной платы происходит «само собой», и требуется организованная инициатива рабочих и служащих для того, чтобы путем номинального повышения тарифов и расценок удерживать действительный заработок на неизменном уровне. Во втором случае социально-психологическая обстановка классовой борьбы складывается для предпринимателя более благоприятно, чем в первом. Но, по существу дела, понижение реальной заработной платы здесь, как и там, равнозначно росту нормы прибавочной ценности; потери рабочего балансируются при этом соответственным повышением предпринимательской прибыли. Государство, поскольку оно выступает в качестве работодателя, может также получить в этом случае добавочную прибыль (или сделать экономию на жаловании служащих, не создающих рыночных ценностей) [1]), но эти выгоды, очевидно, не имеют ничего общего с эмиссионным доходом.

Таким образом, *во всех без изъятия случаях, по отношению ко всем категориям выступающих на рынке продавцов и покупателей методологически обязательно исчислять эмиссионный налог, исходя из предположения, что товары (или «услуги») продаются по их действительной стоимости.*

Если колебания частных или специальных рыночных конъюнктур, как явления от эмиссии независимые, должны быть скинуты со счета, то, очевидно, размеры эмиссионного налога определяются исключительно движением *общей* рыночной конъюнктуры, и только анализ этой последней может дать нам разрешение формулированного выше парадокса.

При этом возможно итти различными путями. Технически наиболее простое и теоретически наиболее выдержанное решение вопроса состояло бы в том, чтобы считать эмиссионным налогом ту сумму реальных ценностей, которая извлекается эмиссией, когда действие присущего ей специфического закона не нарушается никакими посторонними причинами, т.-е. когда емкость рынка

[1]) С моей точки зрения всякий служащий создает рыночные ценности, раз его труд качественно и количественно общественно-необходим. Но для данного случая эта сторона проблемы не имеет значения, и, чтобы не осложнять без нужды вопроса, я прибегаю к ходячей формулировке, хотя и не считаю ее теоретически корректной.

не меняется и возрастание индекса товарных цен прямо пропорционально увеличению бумажно-денежной массы в обращении. Как мы уже знаем, при таком определении понятия «эмиссионный налог» реальная величина его определялась бы формулой $R\ ln\frac{X_2}{X_1}$. Я только что сказал, что это определение эмиссионного налога было бы теоретически более выдержанным. В самом деле, обобщенная формула $\frac{R_1+R_2}{2}\ ln\ \frac{X_2}{X_1}$ в применении к повышающейся или падающей рыночной конъюнктуре (т.-е. когда R_2 не равно R_1) содержит в себе на-ряду с доходом чисто эмиссионного характера добавочный доход (при $R_2 > R_1$) или убыток (при $R_2 < R_1$), получаемый государством не в качестве субъекта монопольного права выпускать в обращение новые денежные знаки, но в качестве владельца денег, *реализующего наличные денежные знаки* на рынке при данных условиях его общей конъюнктуры. Совершенно такие же барыши или убытки имел бы и частный капиталист, если бы он, приобретая валюту на рынке, затрачивал ее на покупку реальных ценностей в таком же количестве и в те же сроки, как государство свою месячную казначейскую эмиссию [1]).

Остановимся сначала на 1-ом типе рыночной конъюнктуры: емкость рынка повышается, и как раз в такой степени, что, несмотря на эмиссию, курс рубля остается стабильным; кривая, символизирующая движение курса, превращается в прямую, параллельную оси абсцисс (см. диаграмму II). Очевидно прямая эта есть равнодействующая двух тенденций: понижения курса рубля по гиперболе *CE* вследствие эмиссии и *повышения* курса рубля, вызываемого ростом рыночной емкости и выражаемого графически такой же гиперболой CE^1 (пунктирная линия диаграммы II), но обращенной выпуклостью в противо-

[1]) По своей экономической природе доход этого второго типа близок к *ренте*, так как является результатом «редкости» данного товара, создающей для его владельцев монопольное положение на рынке. Однако дело идет здесь не об устойчивой, а о текучей конъюнктурной монополии, которая при падающей емкости рынка превращается в свою собственную противоположность и создает не доход, а убыток. Поэтому аналогия с рентой была бы не выдержана.

положную сторону. По закону, изображенному этой второй гиперболой, поднимала бы курс рубля растущая емкость рынка, если бы не было эмиссии. Отсюда видно, во-первых, откуда берется эмиссионный доход в случае стабилизации курса: он представляет собой вполне реальную потерю держателей денег: потерю того *барыша*, который создается для них ростом R, но экспроприируется в пользу государства посредством эмиссии. Во-вторых, что касается размеров эмиссионного налога, то из предыдущих рассуждений ясно, что доход, доставленный государству эмиссией, как таковой, при растущей емкости рынка, точно так же, как и при его неизменной емкости, выражается на диаграмме II площадью $ACEB$ и аналитически формулируется уравнением $w = R_1 \ln \frac{X_2}{X_1}$; весь же добавочный доход CDE, дополняющий площадь $ACEB$, ограниченную сверху гиперболой, до площади $ACDB$, которую мы выше принимали за меру эмиссионного дохода при стабильном курсе $\left(w = \frac{X_2 - X_1}{a} \right)$, — весь этот добавочный доход есть, строго говоря, не доход эмиссионера, а доход денежного капиталиста, реализующего при повышающейся рыночной конъюнктуре денежные знаки на сумму $X_2 - X_1$ номинальных рублей.

В случае падающей рыночной емкости эта последняя понижает курс рубля независимо от эмиссии по линии CF_1 диаграммы II. Эмиссия, как и всегда, роняет курс по гиперболе CE; в результате этих двух тенденций, направленных на этот раз в одну и ту же сторону, курс круто спускается вниз по адиабате CF. Но, как и в первом случае, сумма эмиссионного дохода в собственном смысле слова выражается площадью $ACEB = R_1 \ln \frac{X_2}{X_1}$, а фактический недобор до этой суммы (площадь FCE) есть убыток, понесенный государством в качестве капиталиста, реализовавшего данную денежную сумму при неблагоприятных рыночных условиях.

Если принять это теоретически строгое понятие эмиссионного налога, то исчисление соответственных убытков населения не представит уже никаких принципиальных

трудностей. При всякой рыночной конъюнктуре расчет надо строить так, как будто бы господствовал схематически изображенный на диаграмме I тип рыночного равновесия, при котором закон казначейской эмиссии проявляется в чистом виде. Определим сначала совокупные потери населения на всей находящейся в обращении денежной массе, включая сюда и непрерывно выбрасываемые на рынок порции эмиссии. Для элементарно-малого интервала, в течение которого курс рубля успел измениться на незначительную величину $d\left(\frac{1}{a}\right)$ потери населения будут $-Xd\left(\frac{1}{a}\right)$ [1]), если X — номинальная сумма бумажных рублей, находящихся в обращении в момент наблюдения; на чертеже I величина эта выразится площадью бесконечно тонкого горизонтального столбика, длина которого X, а ширина $d\left(\frac{1}{a}\right)$. Взяв сумму площадей таких столбиков, начиная с момента 1, когда курс был $\frac{1}{a_1}$, а денежная масса X_1, и кончая моментом 2, когда курс стал $\frac{1}{a_2}$, а количество рублей в обращении X_2, мы получим площадь фигуры $GABH$, ограниченной с одной стороны ординатой GH, равной разнице курса в начале и конце месяца, с двух других сторон абсциссами GA и HB, соответственно равными X_1 и X_2, и с четвертой стороны отрезком гиперболы AB. Аналитически этот совокупный убыток от месячной эмиссии — назовем его «u» — формулируется так: $u = R \ln \frac{a_2}{a_1}$ или, так как в рассматриваемом чистом случае рост индекса прямо пропорционален росту номинального количества рублей в обращении: $u = R \ln \frac{X_2}{X_1}$, т.-е. потери населения на падении курса всех денег, бывших за данный месяц в обращении, включая и новую эмиссию, равны доходу государства от месячной эмиссии: $u = w$ — баланс прибылей

[1]) Знак минус взят потому, что курс *убывает* с ростом X, и, следовательно, элементарное приращение $d\left(\frac{1}{a}\right)$ надо считать отрицательным.

и убытков от эмиссии подведен. Для общего случая произвольной рыночной конъюнктуры применяем ту же формулу с заменой R величиной R_1, т.-е. емкостью рынка, имевшей место в начальный момент наблюдения.

Логарифмическая формула $u = R \ln \frac{X_2}{X_1}$ применима к исчислению убытков с денежной суммы, номинальная величина которой (количество бумажных рублей) растет с падением курса рубля по закону, выражаемому гиперболой. Но при исчислении эмиссионного налога, падающего на отдельные классы или группы населения, нам приходится иметь дело с обесценением определенного, *номинально не меняющегося* количества бумажных рублей. Допустим, например, что мы хотим определить долю эмиссионного налога, падающую на рабочий класс. Пусть исследование рабочих бюджетов или экспертные показания дали нам возможность установить, что в среднем каждая бумажная единица, полученная рабочим в виде заработной платы, остается у него на руках в течение одной недели. Значит, месячная заработная плата рабочего подвергается до реализации обесценению в течение $^1/_4$ месяца. Таким образом, исчислив коэффициент недельного обесценения валюты за данный месяц и помножив его на среднюю заработную плату и общее число всех рабочих, мы и получим ту долю эмиссионного налога, какую за данный месяц выплатил рабочий класс.

Как определить коэффициент недельного обесценения рубля? Из предыдущего ясно, что месячное обесценение рубля мы должны исчислять не по фактическому индексу конца месяца, а по теоретически условному: по тому курсу, какой имел бы место, если бы рубль падал под влиянием эмиссии: $\frac{X_1}{a_1} = \frac{X_2}{a_2}$ или $a_2 = a_1 \frac{X_2}{X_1}$. Отношение $\frac{a_1}{a_2}$, или $\frac{X_1}{X_2}$, и определит собой искомую условную стоимость бумажного рубля в конце месяца, если его стоимость в начале месяца мы примем за единицу; потеря равна $1 - \frac{a_1}{a_2}$, или $1 - \frac{X_1}{X_2} = \frac{X_2 - X_1}{X_2}$, т.-е. отношению эмиссии ко всей бумажной массе, находившейся в обращении к концу месяца.

Недельное обесценение рубля будет, очевидно, равно корню четвертой степени из этого отношения: $\sqrt[4]{\frac{X_2 - X_1}{X_2}}$ [1])

Исчислив подобным же способом потери всех других групп населения, на которые в конечном счете перелагается эмиссионный налог, мы в итоге получим все элементы, из которых складывается площадь $GABH$ (диаграммы I), выражающая сумму понесенных населением затрат на уплату чисто-эмиссионного налога.

Надо, однако, оговориться, что было бы практически нецелесообразно положить строгое понятие эмиссионного налога в основу классификации соответственной части государственного бюджета. С точки зрения государственной казны весь реальный доход, являющийся последствием факта эмиссии, есть одно целое. Проводить ту часть поступлений, которая создается эмиссией, как таковой, по статье эмиссионного налога и выделять в особую статью бюджета тот добавочный доход или убыток, который обусловливается влиянием конъюнктуры, от эмиссии не зависящей, не имело бы для Наркомфина никакого практического смысла. Вот почему в предшествующих главах, где речь шла об эмиссии как государственном доходе, я и оперировал обобщенной формулой, дающей суммарный итог доходов того и другого типа.

Напротив, при исчислении эмиссионных убытков населения уточнение понятий практически необходимо, ибо добавочные конъюнктурные доходы на эмиссию получаются из *иных источников*, нежели нормальный чисто-эмиссионный налог. В случае стабилизации курса этот последний равен поглощенной эмиссией прибыли держате-

---

[1]) В самом деле, в начале месяца бумажный рубль стоит реально $\frac{1}{a_1}$, в конце месяца $\frac{1}{a_2}$; если мы первую величину принимаем за единицу, т.-е. множим на a_1, то то же самое надо сделать со второй,— получаем $\frac{a_1}{a_2}$ или разницу стоимости $1 - \frac{a_1}{a_2}$. Пусть, далее, недельное обесценение рубля равно Z. К концу второй недели каждая единица этого Z снова обесценится в Z раз, т.-е. двухнедельное обесценение единицы равно Z^2, месячное $Z^4 = 1 - \frac{a_1}{a_2} = 1 - \frac{X_1}{X_2} = \frac{X_2 - X_1}{X_2}$.

лей денежных знаков, количественно выражаемой площадью фигуры GCE_1H на диаграмме II. Площадь эта в точности равна $ACEB$, т.-е. государственнному налогу чисто-эмиссионного происхождения. За счет держателей денег нельзя отнести ни одного рубля из той добавочной суммы дохода, которая выражается площадью $CDE\ (= CDE_1)$ и учитывается обобщенной формулой как интегральная часть всех реальных ценностей $ACDB$, поступивших в распоряжение государства в итоге эмиссионной деятельности. По экономической своей природе эта часть дохода, как уже было не раз упомянуто, есть выгода, извлеченная государством в качестве денежного капиталиста из благоприятной конъюнктуры, не вполне аннулированной эмиссией. Но конъюнктура, благоприятная для владельцев денег, неблагоприятна для товаровладельцев. Следовательно, добавочную часть эмиссионного дохода внесли *товаровладельцы*, т.-е. не плательщики чисто-эмиссионного налога, а частью иные группы населения, частью те же самые, но с рыночных сделок иного характера. Самый подход к уловлению пострадавших «в последнем счете» здесь должен быть совершенно другой. В частности, рабочие и вообще лица с фиксированным денежным заработком от этой доли связанных с эмиссией платежей освобождены целиком. Из лиц, выносящих на рынок товары (кроме рабочей силы), уклониться от уплаты добавочного эмиссионного дохода могли те, которые были в состоянии переждать период усиленного предложения товаров и приступить к реализации своих запасов позднее, когда изменившаяся конъюнктура позволит быстрее взвинчивать цены. Естественно, что в наибольшей своей части добавочный эмиссионный доход должен падать на ремесленников и беднейших крестьян, лишенных экономической возможности откладывать реализацию продуктов своего труда. Напомню, что у нас в России благоприятные для б мажных денег осенние конъюнктуры как раз и создаются интенсивным выступлением на рынке крестьянства. Проблема осложняется еще тем обстоятельством, что игнорирование *частных* колебаний рынка, методологически обязательное, когда речь идет о чисто-эмиссионном налоге, методологически недопустимо при исчислении добавочного дохода. Общее повышение емкости рынка есть алгебраическая сумма тех частных ее

повышений, которые создаются избыточным предложением отдельных товарных групп. И само собой понятно, что недоборы продавца данного товара будут тем значительнее, чем интенсивнее предложение именно этого товара на рынке.

Таким образом, вопрос о распределении между различными группами населения добавочного эмиссионного дохода представляется чрезвычайно сложным. Я ограничусь указанием основных принципов его решения, поскольку эти последние намечаются предыдущим анализом. Добавочный эмиссионный доход количественно равен $\frac{R_1+R_2}{2} ln\frac{X_2}{X_1} - R_1\ ln\frac{X_2}{X_1}$, или $\frac{R_2-R_1}{2}\ ln\frac{X_2}{X_1}$. В периоды рыночного полнокровия, когда R_2 больше R_1, это есть величина положительная, автоматически прикладывающаяся к эмиссионному налогу $R_1\ ln\frac{X_2}{X_1}$; в периоды рыночного худосочия, когда R_2 меньше R_1, $\frac{R_2-R_1}{2}\ ln\frac{X_2}{X_1}$ есть величина отрицательная $\left(-\frac{R_1-R_2}{2}\ ln\frac{X_2}{X_1}\right)$, автоматически понижающая доходы государства от эмиссионного налога. Добавочный эмиссионный доход уплачивается продавцами товаров в размерах тем больших, чем менее благоприятна данная конъюнктура для владельца данного товара. Налог этот нельзя переложить, но его можно избежать, воздерживаясь от реализации товара до более благоприятного момента; коэффициент этого «воздержания», очевидно, должен возрастать с ростом экономической мощности товаровладельца.

Как мы только что сказали, в период падающей емкости рынка государство получает на $\frac{R_1-R_2}{2}\ ln\frac{X_2}{X_1}$ меньше суммы чисто-эмиссионного налога $R_1\ ln\frac{X_2}{X_1}$. Само собой понятно, что пониженный эмиссионный налог целиком уплачивается теми же слоями населения, на которые при благоприятной конъюнктуре падает нормальный эмиссионный налог. Но если в пользу государства они платят лишь часть этого последнего, то отсюда отнюдь не следует, что от уплаты остальной части они вообще освобождены. Наоборот, общая сумма их потерь,

выражаемая площадью $GCFG'$, гораздо больше не только фактического дохода государства $ACFB$, но и нормального эмиссионного дохода $ACEB$ [1]). Вся эта добавочная потеря компенсируется доходами лиц, реализующих товары, индекс которых повышается особенно быстро. В противоположность предыдущему случаю, «воздержание» от использования выгодной конъюнктуры практикуется по преимуществу маломощными товаровладельцами,—сливки снимают «спекулянты». Но все эти соображения приходится принимать во внимание лишь постольку, поскольку мы хотим учесть совокупность убытков и выгод населения при падающей емкости рынка. Для баланса государственных доходов от эмиссии и *соответственных* потерь населения учет подобного рода не нужен. В противоположность случаю повышающейся конъюнктуры, баланс этот конструируется здесь относительно просто: государственный доход $\frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{X_2}{X_1}$, составляющий лишь часть нормального эмиссионного дохода, распределяется, как мы уже сказали, на тех же основаниях и между теми же классами населения, на которые перелагается в конечном счете чисто-эмиссионный налог.

Мне остается сделать лишь несколько замечаний относительно техники исчисления эмиссионных потерь населения при падающей конъюнктуре. При неизменной по величине емкости рынка месячное обесценение рубля надо, как мы видели, исчислять по индексу $a_2 = a_1 \frac{X_2}{X_1}$, отвечающему величине эмиссионного налога в строгом смысле этого слова. При падающей конъюнктуре, когда весь извлекаемый эмиссионной деятельностью государства доход меньше нормального эмиссионного налога, такой индекс является, очевидно, преувеличенным; исчисленные на основании его эмиссионные потери населения не балансировались бы с эмиссионным доходом государства. Точнее

[1]) На диаграмме II этого не видно благодаря тому, что расстояние OA, изображающее бумажно-денежную массу в обращении к началу месяца, слишком мало по сравнению с эмиссией $X_2 - X_1$. Для того, чтобы приблизиться к действительным пропорциям, надо бы сильно отодвинуть ось ординат OG влево и соответственно опустить вниз ось абсцисс AB. При этом чертеж стал бы слишком громоздким и мало демонстративным в других отношениях.

говоря, баланс имел бы место лишь для всей совокупности потерь, определенных по логарифмической формуле $u = \frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{a_2}{a_1}$. Приняв в этой формуле $a_2 = a_1 \frac{X_2}{X_1}$, но оставив для R_2 конкретную величину емкости рынка, наблюдавшейся в конце месяца, мы получим равенство доходов и расходов $u = w$ или $\frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{a_2}{a_1} = \frac{R_1+R_2}{2} ln \frac{X}{X_1}$. Но к исчислению потерь, связанных с реализацией на рынке отдельных денежных сумм, например, фиксированных заработков, логарифмическая формула не применима. Приходится вести расчет по среднему коэффициенту обесценения каждого отдельного рубля, и так как при таком методе исчезает поправка на падающую емкость рынка, имевшаяся в логарифической формуле, то конечный итог неизбежно окажется преувеличенным. Необходимо, следовательно, выразить как доход государства, так и потери населения однородной по конструкции формулой, применимой не только к текучей, благодаря непрерывному нарастанию эмиссии, денежной массе, но и к единичной фиксированной сумме бумажных денег. При этом обычному исчислению эмиссионного дохода по среднему месячному индексу $\frac{2(X_2-X_1)}{a_1+a_2}$ следует предпочесть исчисление по среднему курсу, несколько менее точное, но более приспособленное к условиям данной задачи. Доход, высчитанный по среднему месячному индексу, выражается, как мы знаем площадью прямоугольника $EMNF$ (см. диаграмму I), ограниченного с трех сторон теми же прямыми, которые замыкают площадь, отвечающую строгой логарифмической формуле, а с четвертой стороны прямой MN, пересекающей отрезок гиперболы AB несколько ниже его середины. Доход, определенный по среднему курсу, мы получим, если проведем прямую линию, замыкающую площадь, не в направлении MN, а между точками A и B, т.-е. заменим дугу кривой соответственной хордой. Построенная таким образом средняя выразит эмиссионный доход площадью трапеции $EABF$, высота которой $EF = X_2 - X_1$, параллельные стороны $AE = \frac{1}{a_1}$ и $BF = \frac{1}{a_2}$, т.-е. $w = \frac{X_2-X_1}{2}\left(\frac{1}{a_1}+\frac{1}{a_2}\right)$. Убытки населения выразятся трапецией $GABH$, площадь

которой $GH.\frac{GA+HB}{2}$, или $u=\left(\frac{1}{a_1}-\frac{1}{a_x}\right)\frac{X_1+X_2}{2}$. Обозначим для упрощения формулы курс бумажного рубля, т.-е. величину $\frac{1}{a}$ буквой a:

$$w=(X_2-X_1)\frac{a_1+a_2}{2};\quad u=(X_1+X_2)\frac{a_1-a_x}{2}$$

(a_x обозначает тот курс рубля, который надо принять для конца месяца, чтобы сбалансировать государственные доходы и убытки населения). При постоянной емкости рынка падение курса прямо пропорционально нарастанию бумажно-денежной массы, т.-е. $a_2=a_1\frac{X_1}{X_2}$; поэтому для чистого случая, как легко убедиться путем подстановки $a_1\frac{X_1}{X_2}$ вместо a_2, наши приближенные формулы балансируются, дают $u=w$ при $a_x=a_2$, чего не было бы, если бы мы положили в основу расчета средний индекс.

Для a_x при понижающейся емкости рынка имеем

$$(X_2-X_1)\frac{a_1+a_2}{2}=(X_2+X_1)\frac{a_1-a_x}{2}\text{ или }\frac{a_1-a_x}{a_1+a_2}=\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2};$$

и наконец:

$$a_x=a_1-\frac{X_2-X_1}{X_1+X_2}(a_1+a_2)$$

Это и есть та формула, по которой следует определять условный курс рубля на конец месяца. Исчисленное по такому условному курсу обесценение рубля дает возможность с достаточной точностью исчислить те доли эмиссионного налога, которые уплачиваются отдельными группами населения при падающей емкости рынка.

VI. Исчисление эмиссионного дохода при несовпадении номинальной и активной эмиссии.

До сих пор мы предполагали, что количество новых бумажных рублей, фактически поступивших в обращение в течение наблюдаемого месяца, нам точно известно. Предположение это не соответствует действительности. Официальные публикации последних 6 лет дают лишь количество бумажных рублей, *отпечатанных* за данный месяц,

и, только начиная с октября прошлого года, Наркомфин публикует, какая часть номинальной денежной эмиссии находилась на 1-е число каждого месяца «в пути» и в запасном фонде. Однако и за те шесть месяцев, за которые мы имеем эти дифференцированные данные, установление суммы денежных знаков, действительно выброшенных на рынок в течение месяца, представляет немалые трудности. Дело в том, что по отчетности Наркомфина эмиссия, поступившая в губернские кассы на текущие нужды, числится вошедшей в обращение, между тем как доход эмиссия начинает приносить лишь в тот момент, когда она фактически затрачивается на удовлетворение каких-либо государственных нужд. Некоторые из наших экономистов полагают, что и этот момент еще не является определяющим, ибо часть эмиссии, выплаченная государством, скажем в виде жалования, действительно входит в обращение не тогда, когда это жалование получено, а тогда, когда оно реализовано для приобретения рыночных продуктов. Однако здесь уже, очевидно, смешиваются два критерия и два момента: момент, когда эмиссия начинает активно влиять на курс рубля, и момент, когда она начинает приносить доход государству. Если рабочие или служащие задерживают у себя полученную ими часть эмиссии и, таким образом, несколько отсрочивают ее понижающее влияние на курс рубля, то государство, реализовавшее известную сумму своего эмиссионного дохода в момент выплаты им жалования, от этого ровно ничего не теряет, — напротив, выигрывает, извлекая повышенный доход при реализации следующих порций эмиссии.

Как бы то ни было, представляет, несомненно, известные трудности установить, какая часть номинально выброшенной на рынок эмиссии действительно приносила государству доход в течение данного периода времени. Вопрос этот относится частью к общей теории денег, частью к детальному изучению нашей конкретной действительности и в рамки настоящего исследования не входит. Я ограничусь лишь методологической стороной дела. Пусть теоретически бесспорно установлено, с какого момента эмиссия начинает приносить доход, и фактически выяснено, какая доля номинальной эмиссии данного месяца является в этом смысле «активной». Вычис-

ление месячного дохода должно вестись, исходя из полученных таким путем данных, по логарифмической формуле или по какому-либо среднему индексу. При пользовании логарифмической формулой надо предварительно найти, какой процент бумажно-денежной массы, номинально числившейся в обращении в начале и конце месяца, был фактически активным, определить соответственно этому емкость рынка и подставить найденные величины X_2, X_1, R_1 и R_2 в формулу $v = \frac{R_1 + R_2}{2} \ln \frac{X_2}{X_1}$. При пользовании формулой среднего индекса надо разделить на этот последний сумму тех частей номинальной эмиссии прошлого и текущего месяца, которые фактически были реализованы за текущий месяц; так как эмиссия с падением курса неизбежно растет, то указанная сумма *меньше* номинальной эмиссии данного месяца.

У нас особенной популярностью пользуется метод исчисления месячного дохода от эмиссии по индексу конца месяца или, что практически одно и то же, по индексу начала следующего месяца. Единственным аргументом в пользу такого приема является то соображение, что месячная эмиссия начинает вступать в обращение примерно на 12 — 15 дней позднее начала календарного месяца, так что первое число следующего месяца приходится посередине фактического периода ее реализации. Если бы даже гипотеза эта, весьма слабо обоснованная, и оказалось правильной, то и тогда исчисление по индексу конца месяца надо было бы отвергнуть вследствие целого ряда связанных с ним погрешностей. Прежде всего вместо средней за данный период здесь пользуются индивидуальным, конкретным показателем, который, несмотря на свое нахождение «посередине» может оказаться вовсе не типичным для всего периода наблюдения. Далее доход, исчисленный таким образом, относится не к текущему месяцу, а ко второй его половине плюс первая половина следующего месяца, так что полученная цифра хронологически неоднородна, а потому статистически несопоставима с другими данными, приуроченными к календарному месяцу. Наконец, — и это самое важное — метод передвижения индекса на конец месяца совершенно извращает *природу* той поправки, которую в данном случае надлежит сделать. Очевидно, в самом деле, что пребывание в каждый данный момент известной доли эмиссии в пути и в кассах систематически *уменьшает* месячный доход от нее, и притом уменьшает в более или менее постоянном отношении, зависящем не от рыночной конъюнктуры, а от устройства соответственных аппаратов Наркомфина и др. госорганов. Пусть к началу данного месяца 20% всей бумажно-денежной массы, номинально числящейся в обращении, находилось в неактивном состоянии. К началу следующего месяца % этот может измениться в зависимости от работы транспорта, от директив, данных Наркомфином своим местным органам и др. причин государственно-организационного характера, но отнюдь не от того—

ТАБЛИЦА V.

Дата.	Доход. исчислен. по формуле: Индекса конца месяца.	Доход. исчислен. по формуле: 85,5 % от $\frac{R_1+R_2}{2}\ln\frac{x_2}{x_1}$.	Гр. 1-я в % % ко 2-й.	Доход, исчислен. по формуле. Индекса конца месяца.	Доход, исчислен. по формуле. 86,5 % от $\frac{R_1+R_2}{2}\ln\frac{x_2}{x_1}$.	Гр. 1-я в %% ко 2-й.
	1	2	3	1	2	3
	1921 г.			1922 г.		
Январь	6,0	5,75	104	23,0	27,5	84
Февраль	6,8	6,55	103	15,8	19,9	79
Март	5,6	5,5	102	13,0	16,7	78
Апрель	5,4	5,1	106	11,2	12,4	91
Май	3,3	3,5	94	16,9	15,2	109
Июнь	2,8	2,72	103	18,6	16,9	110
Июль	5,8	4,9	108	27,6	24,0	115
Август	9,1	7,7	118	37,0	33,3	111
Сентябрь	12,4	11,0	113	29,6	23,1	128
Октябрь	20,4	18,8	115	26,3	28,7	93
Ноябрь	24,4	24,4	100	21,6	23,1	94
Декабрь	26,4	32,8	81	26,1	25,9	101
Итого	128,7	128,7		266,7	266,7	

много или мало продуктов сельского хозяйства выбросило за это время на рынок крестьянство. Между тем индекс конца месяца делает коэффициент активности эмиссии функцией рыночной емкости, чрезвычайно понижая эмиссионный доход в периоды падения и совсем не понижая, порой даже слегка *повышая* его, в периоды подъема конъюнктуры. Насколько велики размеры этого явного искажения действительности, показывает вышеприведенная таблица, в которой сопоставлены два ряда цифр: доход от номинальной эмиссии, рассчитанный по индексу начала следующего месяца и тот же номинальный доход, исчисленный по логарифмической формуле и уменьшенный на 14,5 % для 1921 г. и 13,5 % для 1922 г.; общая годовая сумма получается при этом одинаковая: и тем отчетливее выступают искажения месячного дохода при пользовании индексом начала следующего месяца.

В месяцы максимального падения курса формула индекса начала след. месяца на 22% преуменьшает, в месяцы стабилизации курса на 28% преувеличивает государственный доход от эмиссии. Ясно, что такая формула мало пригодна даже для приближенных исчислений.

VII. Казначейская эмиссия и другие денежные доходы государства.

В течение всего периода военного коммунизма и первого года Нэп'а эмиссия была единственным источником денежных доходов государства. В 1922 году на-ряду с эмиссией появляются и начинают играть все более и более крупную роль в государственном бюджете денежные налоги и доходы от государственных предприятий. Вместе с тем возникает вопрос о взаимоотношении этих двух элементов.

Темы этой касается в цитированной выше статье О. Ю. Шмидт: «Мы всюду предполагали отсутствие государственных доходов, пишет он». И действительно, они были слишком ничтожны в течение всего рассматриваемого времени, не исключая и начального периода новой экономической политики. С развитием последней значение доходов быстро возрастает, так что в формулы надо ввести поправку. Пусть в единицу времени возвращается в виде

госдоходов часть r от наличности, т.-е. сумма rX [1]), тогда *фактическая* эмиссия за приод dt будет $dX = nXdt - rXdt = (n-r)\,X\,dt$, а решение этого уравнения есть $X_2 = X_1\, e^{(n-r)t}$

Вместо n всюду войдет $n-r$. *Ясно, что с ростом r эмиссия должна замедляться, прекращаясь вовсе, когда будет достигнуто $r = n$.* (Курсив мой В. Б.)

Рассуждение это, как и вся теория О. Ю. Шмидта, грешит тем, что результат, определяемый директивой Наркомфина, выставляется здесь в качестве *естественного закона* или объективно необходимого следствия данных соотношений ($r = n$).

Как мы видели выше, коэффициент «n» есть мера относительной эффективности эмиссии w/R, где w — реальный доход от эмиссии, а R — емкость рынка. Если номинальную сумму взысканных налогов назовем Y, а реальный доход от них w_y, то формулу О. Ю. Шмидта отнеся ее к единице времени (t=1), можно переписать так:

$$\frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{w - w_y}{R}}.$$

Т.-е. если Наркомфин поставил себе целью в течение данного периода времени извлечь в денежной форме совокупный доход w и установленные налоги Y дают ему w_y реальных ценностей, то при помощи эмиссии остается добрать $w - w_y$, и сумма необходимого для этой цели выпуска денежных знаков определяется только что написанным уравнением. Если налоги дали всю потребную сумму, то от эмиссии можно воздержаться. Но так как величина $n = \frac{w}{R}$, вопреки теории О. Ю. Шмидта, отнюдь не является постоянной и максимальный предел ее весьма причудливых колебаний определяется упругостью рынка, быстротой возобновления извлекаемых с него реальных ценностей, т.-е. факторами, от законов денежной эмиссии не зависящими, то ни откуда не следует, что эмиссия *должна* понижаться с приближением w_y к w и аннулироваться при $w = w_y$. Слишком большое напряжение налогового пресса может разорить ряд товаропроизводите-

[1]) Чтобы не путать читателя, я заменяю буквенные обозначения О. Ю. Шмидта теми, которые приняты в этой статье.

лей, взвинтить цены и соответственно понизить платежеспособный спрос, одним словом, обескровить рынок. В результате I-й тип рыночного равновесия перейдет во II-й или в III-й, реальный доход от каждого вновь выпущенного миллиарда понизится, однако *возможность* эмиссии останется, *некоторый* доход она приносить будет вплоть до того предельного и практически, очевидно, неосуществимого случая, когда налоги совершенно ликвидируют рынок, сняв с него все обращающиеся на нем ценности.

Проблема взаимоотношения между казначейской эмиссией и прочими денежными налогами заключается не в отыскании абсолютных пределов, а прежде всего в уяснении того влияния, которое оказывает эмиссия на величину дохода, извлекаемого путем налога и, обратно, налог на величину дохода от эмиссии.

Как мы только что видели, влияние налогов на эмиссию выражается при постоянном R [1]) такой формулой

$$\frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{W - W_y}{R}}.$$

Пусть налоги дали половину всего денежного дохода данного месяца; тогда $\frac{X_2}{X_1} = e^{\frac{1}{2}\frac{W}{R}} = \sqrt{e^{\frac{W}{R}}}$. При этом величина $e^{\frac{W}{R}}$ равна, как мы знаем, тому отношению между количеством денег в обращении к концу и к началу месяца, какое имело бы место, если бы весь доход w был извлечен путем эмиссии. Следовательно, при новых условиях отношение $\frac{X_2}{X_1}$ должно равняться квадратному корню своей прежней величины. Поясним эту зависимость примером. Допустим, что для получения всего потребного государству дохода путем эмиссии надо было бы выпустить новые дензнаки в количестве 44% ко всей наличной денежной массе. Если половину всего дохода дают налоги, то для получения остальной половины потребуется $X_2 = \sqrt{1{,}44 X_1} = 1{,}20 X_1$, или эмиссия в размере 20%

[1]) Если емкость рынка меняется, то под R надо разуметь среднюю емкость рынка $\frac{R_1 + R_2}{2}$.

наличной денежной массы. Если вместо 44% извлечение всего дохода требовало 69% эмиссии, то для половины достаточно будет 30-процентного выпуска. Выпуск новых бумажек благодаря взиманию половины госдохода в форме налогов понижается не вдвое, а в несколько большей степени.

Для исследования обратного соотношения нам надо иметь формулу, позволяющую исчислять доходы от налога при падающей валюте. Всего целесообразнее в данном случае взять ту среднюю, которую мы один раз уже применяли выше и которая исчисляет доход от налогов по среднему месячному курсу рубля, т.-е.:

$$w_y = \frac{Y}{2}\left(\frac{1}{\alpha_1} + \frac{1}{\alpha_2}\right)$$ [1]).

Под Y мы понимаем здесь то количество собранных налогами дензнаков, которое *действительно поступило* в распоряжение государства и затрачено на удовлетворение его бюджетных нужд в течение месяца. Количество это устанавливается таким же методом, какой был применен в предыдущей главе по отношению к казначейской эмиссии; надо определить % налогов, находившихся в неактивном состоянии («в пути» и т. п.) и на соответственную величину уменьшить взысканную с населения сумму. Исчисление по номинальному Y и какому-нибудь *отодвинутому* индексу, напр., по индексу начала следующего месяца, дает, как уже было доказано, совершенно неудовлетворительные результаты.

[1]) Формула эта совершенно точно учитывает доход от возрастающих налоговых поступлений по падающему курсу в процессе непрерывного течения обеих этих величин, при том условии, что темп поступления налога пропорционален темпу падения курса. Назовем курс рубля (обр. величину индекса: $\frac{1)}{a}$ Z и допустим, что $dY = -KdZ$, где K есть величина постоянная. Тогда $dw_y = ZdY = -KZdZ$. Откуда $w_y = \frac{K\left(z_1^2 - z_2^2\right)}{2}$.

С другой стороны: $K = \frac{Y}{Z_1 - Z_2}$, т. - е.: $w_y = \frac{Y}{2}\frac{Z_1^2 - Z_2^2}{Z_1 - Z_2} = \frac{Y}{2}(Z_1 + Z_2) =$

$$= \frac{Y}{2}\left(\frac{1}{\alpha_1} + \frac{1}{\alpha_2}\right).$$

Если на-ряду с налогом при неразменной денежной валюте выпускается новая эмиссия, то изменение индекса на протяжении месяца зависит от двух факторов: 1) эмиссии, 2) колебаний рыночного спроса на деньги (емкость рынка). Второй фактор остается во всяком случае,—первый должен быть элиминирован. Другими словами, чтобы учесть влияние эмиссии на реальный доход от налога в Y номинальных рублей, надо вместо конкретного индекса конца месяца a_2 в приведенной выше фурмуле поставить теоретически вычисленную величину a_x, определяемую из пропорции $a_x : a_1 = a_2 : a_1 \frac{X_2}{X_1}$.

Отсюда $a_x = a_2 \frac{X_1}{X_2}$ и $w_y = \frac{Y}{2}\left(\frac{1}{a_1} + \frac{X_2}{a_2 X_1}\right)$.

Т.-е. если бы вся сумма реального дохода государства была за данный месяц извлечена в форме налогов, то каждая номинальная единица взысканных налогов выразилась бы в более крупном реальном доходе, нежели при смешанной эмиссионно-налоговой системе финансов. Для иллюстрации размеров понижающего воздействия эмиссии возьмем тот частный случай, когда емкость рынка не меняется: $a_2 = \frac{a_1 X_2}{X_1}$ и $a_x = a_1$. Доход от налогового поступления Y при чисто налоговой системе был бы тогда $\frac{Y}{a_1}$, при смешанной: $\frac{Y}{2}\left(\frac{1}{a_1} + \frac{X_1}{a_1 X_2}\right)$ или $\frac{Y}{a_1}\frac{X_1 + X_2}{2X_2}$; вторая величина в $\frac{X_1 + X_2}{2X_2}$ раз меньше первой. Пусть эмиссия составляла 50 % наличной к началу месяца денежной массы, т.-е. $X_2 = 1,5X_1$; $\frac{X_1 + X_2}{2X_2} = \frac{2.5}{3} = \frac{5}{6}$. Следовательно, при указанных условиях 50-процентная эмиссия понижает реальный доход единицы налоговых поступлений на $^1/_6$ или на $16^1/_2$ %.

Таким образом при смешанной налогово-эмиссионной системе взаимоотношение обеих составных частей денежного дохода государства сказывается в двояком влиянии их друг на друга: с одной стороны, налоги и прибыли от предприятий, уменьшая на соответственную величину эмиссию, повышают реальный доход остающейся ее части,—с другой стороны, эмиссия, поскольку она все-таки существует, понижает реальный доход от налогов и прибылей по сравнению с той его величиной, какая имела бы место, если бы весь доход данного месяца был извлечен внеэмиссионным путем.

Первая попытка теоретически правильно подойти к анализу взаимоотношений между эмиссионной и налоговой частью нашего современного бюджета была сделана С. Г. Струмилиным в статье «Эффективность эмиссии в качестве бюджетного рессурса» («Экон. Жизнь» 22/III 1923 г.). Отметив факт повышения эмиссионной части дохода благодаря влиянию налогов и понижения налоговой части благодаря влиянию эмиссии, автор демонстрирует эти соотношения путем соответственного пересчета конкретных данных за все месяцы 1922 года, в течение которого «налоги и доходы» впервые заняли заметное место в советском бюджете на-ряду с эмиссией. А именно, определив обесценение налоговых поступлений благодаря соседству эмиссии, С. Г. Струмилин *прибавляет* полученную величину к доходу от налогов, рассчитанному по фактическому индексу конца месяца; учтя затем то добавочное обесценение, от которого избавляет эмиссию наличность налогов, он *вычитает* соответственную сумму из эмиссионного дохода, полученного также путем деления эмиссии на индекс конца месяца. В результате получается такая табличка: (см. таблицу на стр. 92).

Табличка эта, если не считать крупных ошибок, вызываемых учетом доходов по индексу конца месяца, и сравнительно небольших технических погрешностей в исчислении цифр 4-го столбца, может, действительно, служить наглядной иллюстрацией взаимодействия между налогами и эмиссией. Необходимо, однако, помнить, что иллюстрации подобного рода носят совершенно условный характер; они рисуют нам не те доходы, которые реально получаются, а те которые *получались бы* от данной суммы налога или эмиссии, *если бы* вместо наличной смешанной системы мы имели чисто-эмиссионную или чисто-налоговую. Между тем С. Г. Струмилин забыл об этом обстоятельстве, осложнил свои расчеты новым произвольным построением и закончил свою статью тезисом, теоретически, на мой взгляд, необоснованным и наталкивающим мысль читателя на выводы, чреватые практическими опасностями.

Дата.	Реальное значение.			
	Налогов и доходов.		Эмиссии.	
	При наличности эмиссии.	Без эмиссии.	При наличности доходов и налогов.	Без налогов и доходов.
1922 г.	1.	2.	3.	4.
Январь. . . .	2,3	3,8	23,0	22,5
Февраль. . . .	2,5	4,1	15,8	14,9
Март.	2,7	4,5	13,0	12,0
Апрель. . . .	3,2	5,0	11,2	10,1
Май.	6,9	11,5	16,9	14,5
Июнь.	10,4	15,4	18,6	15,5
Июль.	16,6	24,6	27,6	23,1
Август. . . .	20,4	29,9	37,0	31,4
Сентябрь. . .	23,4	34,7	29,6	24,4
Октябрь. . . .	20,1	26,8	26,3	22,1
Ноябрь. . . .	24,7	32,1	21,6	17,7
Декабрь. . . .	31,1	42,1	26,1	20,0
Итого.	167,2	234,5	266,7	228,2

Как явствует из только что приведенной таблички, доход от эмиссии за 1922 год повысился благодаря наличности налогов на 38,5 милл. рублей (266,7 вместо 228,2), а доход от налогов благодаря эмиссии снизился на 67,3 милл. рублей (167,2 вместо 234,5). Весь этот ущерб, умозаключает С. Г. Струмилин, надлежит исключить из дохода от эмиссии и прибавить к реальному доходу от налогов, присоединив туда же и «косвенный эффект» налогов, т.-е. ту долю обесценения эмиссии, которая не осуществилась благодаря наличности налогов. Таким образом реальный доход от эмиссии, уже пониженный на величину того обесценения, которое *произошло бы, если бы* господствовала чисто эмиссионная система, еще раз уменьшается на весь добавочный доход, который *поступил бы* от налогов, *если бы* господствовала чисто-налоговая система, и полученный вдвойне фиктивный результат автор называет «чистым» доходом от эмиссии. Само собой понятно, что при таком методе исчисления «чистый» доход от эмиссии становится чрезвычайно тощим, а «чистый» доход от налогов соответственно разбухает. Так, например, за декабрь 1922 г. доход от налогов вместо 31,1 милл. рублей, получаемых при обычном исчислении, дает 48,2 милл., а доход от эмиссии вместо 26,1 милл. всего 9 милл. рублей. «За один год», пишет в конце своей статьи С. Г. Струмилин, «эмиссия понизилась в общей сумме денежных поступлений с 83 до 16%... Песенка эмиссии спета, она умирает своей смертью».

Я назвал это заключение теоретически не обоснованным и чреватым практическими опасностями.

Теоретическая необоснованность его явствует из предыдущего. Когда нам говорят, что «песенка эмиссии спета», так как она дает всего 9 милл. или 16% денежного бюджета, то мы, естественно, заключаем отсюда, что достаточно увеличить налоговые поступления на 16%, чтобы добрать эти недостающие 9 милл. руб. и обойтись вовсе без эмиссии. Между тем какой бы мы расчет не применили, всегда окажется, что для достижения этой цели надо взвинтить налоги гораздо более, чем на 16%. Так, примененная нами выше формула $\frac{Y}{2}\left(\frac{1}{a_1}+\frac{1}{a_x}\right)$ дает при замене всей декабрьской эмиссии налогом общую сумму налога в 910 трил. руб. вместо 660,5, формула среднего индекса 925 трил. руб., наконец, формула индекса на первое число следующего месяца 906 трил. р.; т.-е. в первом случае увеличение налогов, необходимое для полной замены эмиссии, определяется в 38%, во втором в 40%, в третьем в 37%. Все цифры достаточно далекие от 16%.

Чрезмерно оптимистические перспективы подобного рода практически опасны, ибо, порождая неосуществимую надежду на немедленную ликвидацию эмиссионной системы, заставляют забыть об отрицательных последствиях чрезмерного нажима налогового пресса. Между тем эти отрицательные последствия весьма болезненно отражаются не только на народном хозяйстве в его целом, но рикошетом

и на самой финансовой системе. В самом деле, допустим, что повышенные прямые налоги заставили ряд коммерческих и производственных предприятий закрыться, а повышенные косвенные налоги резко сократили платежеспособный спрос на обложенные продукты массового потребления,— допущения, как известно всякому наблюдателю современной жизни, далеко не фантастические. Непосредственный результат такого прыжка налоговой политики может оказаться благоприятным для государственного казначейства: разоряющиеся предприниматели за данный месяц все-таки вынуждены будут уплатить налог; обложенные вздутыми акцизами и пошлинами товары вызовут на некоторое время относительное переполнение рынка, будут частично продаваться ниже себестоимости и, таким образом, создадут благоприятную конъюнктуру для реализации некоторой части эмиссии. В следующий момент ликвидация обложенных непосильным налогом предприятий и сокращение производства обремененных высокими акцизами продуктов приведут к тому, что объекты обложения численно уменьшатся и *повышенные ставки налогов выразятся в пониженных реальных доходах*. Вместе с тем указанные причины резко сожмут размеры рыночных оборотов, емкость рынка по отношению к деньгам катастрофически падет, и для получения прежнего или даже для пониженного дохода придется во много раз *усилить эмиссию*. Один молодецкий взмах налоговой политики может сразу аннулировать успехи многих месяцев и повернуть уже наладившуюся смешанную систему вспять, в сторону чисто-эмиссионного государственного хозяйства, да еще при искусственно-дезорганизованной рыночной конъюнктуре.

Разумеется, полная замена эмиссионной системы налоговой является тем маяком, к которому надлежит неуклонно направлять бег нашего государственного корабля, но путь к этой цели на каждом шагу усеян подводными рифами; здесь требуются опытные лоцманы, вооруженные не только твердостью и смелостью, но и точным званием фарватера, а также умением лавировать среди невидимых препятствий.

VIII. Практические выводы.

Практические выводы, вытекающие из настоящего анализа намечались попутно в самом ходе теоретического изложения проблемы. В заключение мне представляется полезным резюмировать лишь наиболее общие из этих выводов,— те, которые касаются эмиссионной политики и ее перспектив в целом.

1. *Стабилизация курса не осуществима до тех пор, пока эмиссия остается источником государственного дохода.*—Каждой осенью, когда благоприятная сезонная конъюнктура рынка создает временную устойчивость курса, у нас возникают оптимистические теории, рассматривающие этот «успех» как достижение нашей финансовой политики, как начало действительной и прочной стабилизации рубля. Каждою весной, когда неблагоприятная сезонная конъюнктура вызывает быстрое падение курса, появляются теории пессимистические, приписывающие это явление ошибкам финансовой политики и рекомендующие те или другие «ударные» мероприятия для спасения наших финансов от окончательной катастрофы. Как этот сезонный оптимизм, так и этот сезонный пессимизм наших теоретиков и публицистов проистекает из явного недоразумения. Эмиссия, как таковая, всегда и неизбежно роняет курс рубля по одному и тому же строго определенному закону, от воли Наркомфина совершенно независящему. Фактические же колебания курса являются равнодействующей двух сил: эмиссии и рыночной емкости, при чем движение этой последней опять-таки находится вне сферы влияния эмиссионной политики. Проблема стабилизации курса при наличности опирающегося на казначейскую эмиссию бюджета тожественна по своей теоретической структуре с проблемой отыскания perpetuum mobile (в обоих случаях ставится цель: извлечь конечное количество полезной работы из конечного запаса энергии при неизменной разности потенциалов).

2. Пока эмиссия практически неустранима из государственного бюджета, *целесообразно перенести центр тяжести эмиссионной деятельности на осенние и зимние месяцы, соответственно ослабив работу Гознака весною и летом.* Этим

и на самой финансовой системе. В самом деле, допустим, что повышенные прямые налоги заставили ряд коммерческих и производственных предприятий закрыться, а повышенные косвенные налоги резко сократили платежеспособный спрос на обложенные продукты массового потребления,— допущения, как известно всякому наблюдателю современной жизни, далеко не фантастические. Непосредственный результат такого прыжка налоговой политики может оказаться благоприятным для государственного казначейства: разоряющиеся предприниматели за данный месяц все-таки вынуждены будут уплатить налог; обложенные вздутыми акцизами и пошлинами товары вызовут на некоторое время относительное переполнение рынка, будут частично продаваться ниже себестоимости и, таким образом, создадут благоприятную конъюнктуру для реализации некоторой части эмиссии. В следующий момент ликвидация обложенных непосильным налогом предприятий и сокращение производства обремененных высокими акцизами продуктов приведут к тому, что объекты обложения численно уменьшатся и *повышенные ставки налогов выразятся в пониженных реальных доходах*. Вместе с тем указанные причины резко сожмут размеры рыночных оборотов, емкость рынка по отношению к деньгам катастрофически падет, и для получения прежнего или даже для пониженного дохода придется во много раз *усилить эмиссию*. Один молодецкий взмах налоговой политики может сразу аннулировать успехи многих месяцев и повернуть уже наладившуюся смешанную систему вспять, в сторону чисто-эмиссионного государственного хозяйства, да еще при искусственно-дезорганизованной рыночной конъюнктуре.

Разумеется, полная замена эмиссионной системы налоговой является тем маяком, к которому надлежит неуклонно направлять бег нашего государственного корабля, но путь к этой цели на каждом шагу усеян подводными рифами; здесь требуются опытные лоцманы, вооруженные не только твердостью и смелостью, но и точным званием фарватера, а также умением лавировать среди невидимых препятствий.

VIII. Практические выводы.

Практические выводы, вытекающие из настоящего анализа намечались попутно в самом ходе теоретического изложения проблемы. В заключение мне представляется полезным резюмировать лишь наиболее общие из этих выводов,— те, которые касаются эмиссионной политики и ее перспектив в целом.

1. *Стабилизация курса не осуществима до тех пор, пока эмиссия остается источником государственного дохода.*—Каждой осенью, когда благоприятная сезонная конъюнктура рынка создает временную устойчивость курса, у нас возникают оптимистические теории, рассматривающие этот «успех» как достижение нашей финансовой политики, как начало действительной и прочной стабилизации рубля. Каждою весной, когда неблагоприятная сезонная конъюнктура вызывает быстрое падение курса, появляются теории пессимистические, приписывающие это явление ошибкам финансовой политики и рекомендующие те или другие «ударные» мероприятия для спасения наших финансов от окончательной катастрофы. Как этот сезонный оптимизм, так и этот сезонный пессимизм наших теоретиков и публицистов проистекает из явного недоразумения. Эмиссия, как таковая, всегда и неизбежно роняет курс рубля по одному и тому же строго определенному закону, от воли Наркомфина совершенно независящему. Фактические же колебания курса являются равнодействующей двух сил: эмиссии и рыночной емкости, при чем движение этой последней опять-таки находится вне сферы влияния эмиссионной политики. Проблема стабилизации курса при наличности опирающегося на казначейскую эмиссию бюджета тожественна по своей теоретической структуре с проблемой отыскания perpetuum mobile (в обоих случаях ставится цель: извлечь конечное количество полезной работы из конечного запаса энергии при неизменной разности потенциалов).

2. Пока эмиссия практически неустранима из государственного бюджета, *целесообразно перенести центр тяжести эмиссионной деятельности на осенние и зимние месяцы, соответственно ослабив работу Гознака весною и летом.* Этим

путем могут быть достигнуты положительные результаты троякого рода:

а) Государство получит максимальный годовой доход при данных размерах номинальной эмиссии, а следовательно и при данном годичном падении курса ($X_2 : X_1 = a_2 : a_1$).

в) Усиливая и ослабляя давление эмиссии в зависимости от сезонных колебаний рыночной конъюнктуры, можно сделать более или менее «стабильным» не курс рубля, а *темп его падения*, что чрезвычайно облегчило бы калькуляционные задачи производственников, устранило бы периодические пароксизмы рыночной паники и вообще, внеся известную динамическую устойчивость в меновые отношения, оказало бы оздоровляющее влияние на всю хозяйственную жизнь страны.

с) В V главе было показано, что в периоды благоприятной конъюнктуры львиная доля эмиссионного дохода государства (весь чистый эмиссионный налог) представляет экспроприацию «незаслуженного прироста ценности» денег (становящихся временно «редким» продуктом), тогда как в периоды неблагоприятной конъюнктуры львиная доля вызываемых эмиссией потерь трудового населения идет не в пользу государства, а на покрытие барышей, получаемых спекулянтами. Поэтому не только с точки зрения интересов фиска, но и с точки зрения интересов рабочих и служащих чрезвычайно желательно приурочить собирание эмиссионного дохода к осенне-зимнему периоду повышающейся рыночной конъюнктуры. Интересы ремесленников и крестьян в качестве покупателей продуктов потребления солидарны с интересами рабочих и служащих. В качестве продавцов продуктов своего труда мелкие товаропроизводители имеют обратные интересы: они страдают от усиленной эмиссии в период растущей емкости рынка, так как на их долю падает добавочный эмиссионный доход,—однако и для этих слоев населения конечный *баланс* убытков от эмиссии сложится наиболее благоприятно при эмиссионной политике, стабилизирующей темп падения рубля.

3. *Стабилизация рубля при отсутствии золотого запаса и свободного размена требует эмиссии, но не в качестве источника самостоятельного государственного дохода, а в качестве регулятора рыночных отношений.*—Даже в довоенное время, при наличности золотого обращения, министерство финансов вынуждено было в интересах стабилизации курса эмиттировать осенью определенное количество кредитных билетов, с тем, чтобы снова извлекать их из обращения весною. Тем более необходима такая регулирующая функция эмиссии в настоящее время, когда золотое обращение неосуществимо, а сезонные колебания емкости рынка *относительно* гораздо более значительны, чем в довоенное время. При этом, в зависимости от годичного итога рыночных сезонных колебаний, возможны три случая: 1) емкость рынка по истечении бюджетного года понизилась—регулирующая функция эмиссии дала государству убыток, 2) емкость рынка после весеннего падения и осеннего подъема достигла к началу следующего года своей исходной величины — регулирующая функция эмиссии не принесла государству ни прибыли, ни убытка, и 3) емкость рынка в итоге сезонных колебаний возросла — регулирующая функция эмиссии принесла государству доход.

4. Новая экономическая политика обеспечивает на некоторое время повышение емкости рынка *по отношению к деньгам* (величины R), даже при стационарном состоянии производительных сил страны. Поэтому *в ближайшее время одна только регулирующая эмиссия должна давать государству определенный доход.*—В самом деле, емкость рынка по отношению к деньгам сократилась за последние 7 лет в *тридцать* раз (с 3.000 милл. золотых рублей в 1916 г. до 100 милл. в 1922-23 г.г.); между тем товарный оборот страны, судя по размерам промышленной продукции и товарной части сельско-хозяйственной продукции, должен составлять в настоящее время не менее *одной пятой* своей довоенной величины (прикидка, разумеется, весьма грубая). Следовательно, современный рынок, если бы он сохранил свою довоенную структуру, требовал бы в 5-6 раз больше денежных знаков, чем он требует их в настоящее время. Новая экономическая политика (расширение и упрочение торговли, замена натуральных налогов денежными и т. п.) автоматически увеличивает спрос на деньги, приближая структуру рынка к довоенному типу. Если допустить, что в ближайшие 2-3 года эта эволюция структуры рынка будет завершена при *неизменном уровне производительных сил*, то одна только регулирующая работа

2239234

эмиссии принесет государству за это время 1/2 миллиарда золотых рублей чистого дохода. Таким образом, *стабилизация курса могла бы быть достигнута уже в настоящее время, при условии ограничения годичного дохода от эмиссии суммой в 150—200 рублей золотом и накопления в государственном казначействе некоторого запасного фонда, позволяющего Наркомфину маневрировать*, приспособляясь к сезонным колебаниям рынка. Операционный запас — но без ограничения эмиссионного дохода — необходим и для осуществления программы, намеченной в пункте 2, т.-е. для стабилизации темпа падения курса.

В. Базаров.

15 апр. 1923.

Материалы по теории и политике денежного обращения в России.

1914—1923 г.г.

I. Период деградации и распада денежной системы.

(Эпоха твердых цен.)

Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Общество имени Чупрова. Москва, выпуски I—IV. 1915—1916 г.г.

К. Ловатской. Покрытие расходов европейской войны и финансовые проблемы ближайшего дня. «Эк н. Обозрение» № 1, 1916 г.

Экономика и политика твердых цен. Сборник статей М. Н. Смит, С. А. Фалькнер, М. Е. Шефлер. Отдел Экономич. Исследований В. С. Н. Х., 1918 г.

С. А. Лурье. Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении Р. С. Ф. С. Р. Доклад из сборника: «Денежное Обращение и Кредит», изд. Института Эк. Исследов. Н. К. Ф. 1914—1921 г.г.

А. Гольцман (Я. Бояркoв). Регулирование и натурализация заработной платы. Москва, изд. Центр. Ком. Всер. Союза Металлистов.

II. От твердых цен к натурализации народного хозяйства.

Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коминтерна 1921 г.

Е. Преображенский. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. Госуд. Изд., 1920 г.

К. Ф. Шмелев. Основные вопросы учета в государств. хозяйстве пролетариата. В сборнике «Денежное Обращение и Кредит».

С. Струмилин. Проблемы трудового учета. «Эконом. Жизнь», 1920 г. № 237, 284, 289, 290; 1921 г. № 14.

Ф. Варга. Исчисление стоимости производства в безденежном хозяйстве. «Эк. Жизнь», 1920 г. № 259.

А. Чаянов. Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве. «Эк. Жизнь» 1920 г. № 225, 231;

Его же. Субстанция ценности и система трудовых эквивалентов. «Эк. Жизнь», 1920 г., № 247.

Ф. Варга. Проблема денег в эпоху диктатуры пролетариата. Из «Проблемы эконом. политики при пролетарской диктатуре». Гос. Изд., 1922 г.

В. Железнов. Роль денег в товарообмене. Доклад 25/VI-20 г. из сборника «Денежное Обращение и Кредит».

З. Каценеленбаум. Проблема денег и оценки в социализме. Там же.

А. Соколов. Социалистическое хозяйство, деньги и цены. Там же.

А. Соколов. Вещно-натуралистическая точка зрения и понятие ценности.

Б. Брушкус. Проблемы народного хозяйства при социалистическом хозяйстве. «Экономист» I—III.

Социальная революция и финансы. Сборн. III Коминтерна.

С. Первушин. Вольные цены и покупательная сила русского рубля. 1917-21 г.г. из сборника «Денежное Обращение и Кредит».

С. Фалькнер. Обесценение русской бумажной денежной валюты. Там-же.

III. Период восстановления денежной системы.

А. Общие вопросы теории и истории денежного обращения.

Деньги и денежное обращение в освещении марксизма. Сборник ст. Бауера, Варги, Гильфердинга, Каутского и др.

С. Фалькнер. Бумажные деньги французской революции.

А. Смирнов. Кризис денежной системы французской революции.

Фридман. Госуд. хозяйство и денежное обращение с 1914 по 1918 г.

С. Фалькнер. Эмиссионное хозяйство как экономическая категория. Из сборника «Деньги и Кредит».

З. Каценеленбаум. Обесценение бумажных денег на внутреннем рынке. Из сборника «Денежное Обращение и Кредит».

З. Каценеленбаум. Учение о деньгах и кредите. I, II. Ярославль, 1922 г.

М. Боголепов. Бумажные деньги. 1922 г.

Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл.

К. Диль. Золото и валюта.

К. Бендиксен. Деньги.

И. Трахтенберг. Бумажные деньги.

А. Соколов. Понятие и сущность денег.

А. Соколов. Количественная теория и опыт денежного обращения за время и после войны.

О. Шмидт. Математические законы денежн. эмиссии. Вестник Соц. Акад., кн. III, 1923 г.

Б. Финансовая политика за период восстановления денежной системы.

Е. Преображенский. Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле. Вестник Соц. Акад., кн. III, 1923 г.

Е. Преображенский. Вопросы финансовой политики.

» » Причины падения курса рубля.

А. Сокольников. Хозяйство и деньги.

» » Борьба с финансовым развалом.

» » Задачи финансовой политики.

» » Государственный капитализм и новая финансовая политика.

» » Денежное обращение и экономика Советской России.

С. Фалькнер. Прошлое и будущее русской эмиссионной системы. Соц. Хозяйство, 1923, № 2—3.

З. Каценеленбаум. Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. 1918 г.

Материалы по денежной реформе 1895 — 1897 г.г. Под ред. А. Буковецкого. 1922 г.

А. Соколов. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринодар. 1920 г.

Очередные вопросы финансовой политики. 1922 г. Гос. Издат. *„На новых путях“.*

Девятилетний период от 1914 по 1923 год представляет собой невиданный в истории, почти законченный цикл распада денежной системы и новой ее реконструкции. Начавшись в 1914 году, процесс деградации товарно-денежного хозяйства в России, осложненный в 1917 году социально-политическим переворотом, гражданской войной и блокадой, привел в течение 1917-20 г.г. к почти полному крушению денежной системы, за которым затем с 1921 г. началось постепенное восстановление этой системы.

Совершившись в условиях разложения денежного хозяйства, социальный переворот пытался найти выход в доведении этого разложения до его логического конца с тем, чтобы с одного удара перейти к обобществленному безденежному хозяйству. Увлеченный невиданным в истории успехом, пролетариат пытался «на плечах противника» ворваться в царство будущего, в царство безденежного планового хозяйства, а затем, отброшенный назад, он поставил на место прежнего, частного капитализма капитализм государственный и приступил к восстановлению необходимой для него денежной системы.

По иронии судьбы капитализм, выросший на основе товарно-денежного хозяйства, в силу своих внутренних противоречий пришел (в течение 1914-1917 г.г.) к разложению этого хозяйства, а пролетариат, носитель будущего и могильщик товарно-денежной системы, попытавшись вначале довести это разложение до конца, занят сейчас восстановлением и укреплением этой системы.

Почти закончившийся цикл деградации, распада и нового восстановления денежных отношений отразился в литературе по денежному обращению, которая представляет собой чрезвычайно поучительный материал.

Соответственно отдельным периодам указанного цикла, литература, касающаяся денежного обращения, может быть разделена на 3 группы.

Первая группа «литературных памятников» относится к периоду, который можно назвать периодом стихийного распада товарно-денежной системы и попыток борьбы с ростом цен; в этот период созревает и выявляется кризис денежной системы и рыночного хозяйства, начавшийся в 1914 году; денежная система изуродована, а вся экономика

искривлена, однако об отказе от услуг рыночного механизма и денег еще не думают; формально эти годы (1915-1918) проходят под знаком системы твердых цен. Только к концу этого периода, в 1918 г., паралич рынка, углубленный и расширенный системой твердых цен и хлебной монополии, приводит отдельных авторов к мысли об отказе от денежно-рыночной системы и об ускорении перехода к безденежному плановому хозяйству.

Второй период характеризуется попытками построения такого хозяйства. Этот период проходит под лозунгами перехода от твердых цен к натурализации хозяйства, от рынка к единому хозяйственному плану.

Третий период, начавшийся признанием невозможности перейти непосредственно к обобществлению хозяйства и неизбежности продолжительного периода социалистического накопления и предварительного организационного периода на почве государственного капитализма, проходит под знаком восстановления механизма рынка и денежной системы; это — период преодоления ошибочных перспектив предыдущих лет и кропотливой работы.

Надо сказать, что при стремительном темпе процесса, его стихийности и малой осознанности его со стороны действующих классов и отдельных лиц, количество его «литературных памятников» чрезвычайно незначительно; почти весь колоссальный материал, который ждет еще обработки, рассеян в бесчисленных законодательных актах, в газетах и журналах, столичных и провинциальных, в неопубликованных докладах, отчетах, проектах, инструкциях, похороненных в архивах различных учреждений, а часто и совершенно погибших. Приводимая литература представляет собою «видимые» памятники грандиозного процесса. Задачей настоящего обзора является дать возможность интересующимся на основе этих видимых памятников восстановить отдельные наиболее основные моменты указанного цикла и охарактеризовать основные течения теоретической мысли по денежному обращению за этот период.

В предыдущие годы денежная система распадалась или ее сознательно, постепенно, по частям уничтожали, теперь же эту сломанную и разобранную машину собирают вновь.

Поскольку дело идет о реконструкции механизма, существовавшего сотни и тысячи лет, литература вопроса на первый взгляд сводится как бы к повторению давно пройденного, и тем не менее она представляет колоссальный научный интерес.

Сложившийся в течение столетий, путем медленного, часто незаметного для глаза процесса, механизм сначала разрушается, а потом восстанавливается в короткий промежуток времени, на глазах у экономистов, вооруженных теорией и опытом; при таких условиях все основные элементы проблемы денежного обращения получают особую, ощутимую выпуклость; многие стороны вопроса, которые прежде были затушеваны и смутны даже для посвященных, теперь получили определенные очертания, ясные даже для невооруженного глаза; присутствуя при разрушении, а потом при собирании по частям механизма денег, мы начинаем отчетливо понимать значение каждой отдельной части и общий смысл всей системы.

I. Период деградации и распада денежной системы.

1. Труды Комиссии по изучению современной дороговизны.

Осенью 1914 г., вскоре после начала мировой войны, финансист Государственной Думы и партии «Народной Свободы», А. И. Шингарев, выступил в Чупровском Обществе с программой по финансированию войны. Заявив, что «никакой тут Америки не откроешь», он выдвинул тот самый метод покрытия военных расходов, который русское самодержавие практиковало со времен Екатерины и даже за столетие до нее, — порчу денег. Кредит не мог дать тех неслыханных сумм, которые были необходимы для миллионных армий; косвенные налоги, доведенные и раньше почти до критической «точки», грозили, даже при незначительном повышении ставок, дать «податную осечку»; пойти к крестьянству и трудящимся классам города с высокими прямыми налогами не осмеливалось ни одно буржуазное государство ни одной страны во всей европейской истории; не осмеливалось, конечно, это сделать и русское самодержавие,—

тем более в момент, когда надо было всеми средствами подогревать настроение армии; поэтому прямой налог, этот единственный метод, при посредстве которого государство может взять у народного хозяйства все то, что оно вообще способно дать, был без обсуждения отвергнут во всех «сферах».

Прямой налог, который через 5—6 лет в годы невиданнаго обнищания крестьянства был в форме натурального налога проведен Республикой трудящихся, был не по-плечу ни демократическим республикам банкиров, ни монархии русских помещиков.

«Нельзя,—говорил будущий министр финансов Временного Правительства,—собрать воду, разлитую в песке; нельзя при помощи налогов вычерпать мелкие сбережения, распыленные у миллионов населения, — это можно сделать только путем выпуска бумажных денег» [1]).

Заслушав эту «программу» финансирования войны, почтенное ученое общество, соединявшее в себе цвет русской буржуазной экономической науки, приняло ее к сведению. Ученые экономисты приложили штемпель своего общества к программе дезорганизации денежной системы, представляющей единственный регулятор сложного и тонкого механизма народного хозяйства.

Здесь встает интересный вопрос: понимали ли представители буржуазной экономической науки, которые прекрасно знали и многовековую историю порчи денег, которые должны были отлично знать роль денежной системы в народном хозяйстве XX столетия, — понимали ли они, что они делали, принимая программу дезорганизации денежного обращения?

Эта позиция ученого общества, на первый взгляд, могла быть объяснена тем, что осенью 1914 г. возможная продолжительность начавшейся мировой войны самыми признанными авторитетами исчислялась месяцами, и никто не мог предполагать, что она затянется на годы.

Однако, если осенью 1914 г. все ошибались относительно размеров войны, то в то же время одинаково ошибались и относительно выносливости и приспособляемости денежной системы,—ибо никто в то время не предпола-

[1]) За отсутствием протоколов, цитирую по своим запискам.

гал, что государство может позволить себе так долго и в таких размерах разрушать тонкий механизм денег.

Справедливость по отношению к представителям экономической науки требует признать, что, санкционируя программу разрушения народного хозяйства, они не понимали, что они делают, ибо, как увидим ниже, из «трудов» комиссии по дороговизне и из других материалов, даже через 1—1½ года после начала войны, когда уже с полной силой проявились последствия эмиссионной системы финансирования войны, русские экономисты, члены Чупровского О-ва, не осознали еще этих последствий; и если еще в 1915 и 1916 гг. экономисты не понимали, к чему привела система вычерпывания «воды, разлитой в песке», при помощи печатного станка, то еще менее они могли понимать и предвидеть это осенью 1914 года.

Что это было именно так,—в этом мы убедимся, просмотрев «труды комиссии по изучению современной дороговизны» при Обществе имени А. И. Чупрова, к характеристике которых мы и перейдем.

Составленные при участии лучших экономистов, четыре тома «трудов» могут считаться важнейшим источником по изучению периода деградации денежной системы во время войны. Исследуя причины дороговизны и ее последствия, «труды» пересматривают одну за другой все важнейшие отрасли народного хозяйства и, таким образом, дают почти исчерпывающую картину тех явлений, которые обнаружились под влиянием эмиссии в первый ее период.

В анализ входит, как общее движение товарных цен (П. Маслов), так и движение цен на хлеб (Троман, Иванцов, Липкин, Барыков и др.), мясо и скот (Прокопович, Лосицкий), масло, яйца (Черненков), сахар (А. Соколов), лен (Чаянов), мануфактура (А. Федотов), топливо (Л. Кафенгауз); одновременно исследуется движение заработной платы (П. Маслов, В. Милютин, С. Тюрин), состояние денежного обращения (З. Каценеленбаум), положение транспорта (А. Арцимович), влияние железно-дорожного налога (Поплавский) и др. новых налогов (П. Гензель), роль спекуляции банков (П. Гензель) и т. д.

Борьба за налог и его распределение.

Как показывает статья З. Каценеленбаума («Война и русский рубль»), уже за первые 10—11 месяцев войны эмиссия увеличила более чем в 2 раза количество бумажных денег и более чем в 1½ раза общее количество денег в обращении. В результате этого к июлю 1915 года произошел огромный, невиданный для того времени сдвиг всех товарных цен в сторону их повышения.

Статья П. Маслова показывает, что в силу различных причин повышение цен с особой силой коснулось предметов первейшей необходимости и в частности — что казалось особенно неожиданным — хлеба и мяса, которые в связи с закрытием экспорта, казалось бы должны были, если не абсолютно, то относительно, сильно подешеветь.

К июню 1915 года цены на ржаную муку поднялись на 51%, на гречневую крупу — на 100%, на хлопок — на 57, на шерсть — на 35, в то время как цены на золото — только на 20%.

Так как огромная доля государственных доходов тратилась на закупку предметов продовольствия и фуража, то этот рост цен бил прежде всего по государству, доходы которого стали соответственно обесцениваться. Если иметь в виду, что обычный государственный и местный бюджеты в 1914 г. превышали 4 миллиарда, к которым присоединялось до 4 миллиардов военных расходов (внутренних), то повышение цен на 10—15% было равносильно потере государством около 1 миллиарда, колоссальной по тому времени суммы. Рост цен грозил подрезать основные источники государственных доходов и парализовать «борьбу до полной победы».

Так начинается борьба государства с дороговизной. Повышением товарных цен народное хозяйство стихийно реагирует на эмиссионный налог и на то бремя, которое взваливает на него война. Наоборот, государство, выпуская новые милдиарды и пытаясь остановить рост цен, стремится взять от народного хозяйства максимум. Борьба за цены для государства превращается в борьбу за свои доходы. Вслед за государством на борьбу с ростом цен

выступают трудящиеся классы города: они имеют только деньги и никаких реальных ценностей, и кроме того весь доход их состоит из фиксированной заработной платы; эмиссия заставляет их терять и в пользу государства, и в пользу работодателя. Допустить повышение цен — это значит взять на себя огромную долю эмиссионного налога плюс — заплатить дань работодателю. Борьба против повышения цен для них — это борьба против эмиссионного налога и его побочных последствий.

Наоборот, все обладатели реальных ценностей стоят за повышение цен, мотивируя это вполне основательно ростом издержек производства и переоценкой всех ценностей. Получить обычную капиталистическую прибыль в условиях всеобщего роста цен для предпринимателя обозначает понести убыток и даже потерю части капитала. Продавать товар по прежним ценам в то время, как цены на другие товары, сырье и топливо повысились и стихийно повышаются, в то время, когда волна повышения заработной платы грозит докатиться или уже докатилась до данной отрасли или предприятия — это значит взять на себя весь эмиссионный налог. Отсюда борьба за повышение цен для владеющих классов — это борьба за перенесение эмиссионного налога на другие классы.

Так начинается социальная борьба из-за налога и из-за распределения его тяжести между различными классами. Та борьба, которая обычно разгорается при установлении тяжелых налогов между государством и плательщиками и между отдельными классами плательщиков, здесь превратилась в борьбу за цены со стороны государства и трудящихся классов города, с одной стороны, и обладателей реальных товарных ценностей — с другой.

Действуя в интересах бюджета, а также стремясь сохранить свой престиж среди широких масс, которые послали на фронт многомиллионную армию, и среди самой армии, царское правительство, несмотря на свои симпатии к владельцам реальных ценностей, вынуждено было часто становиться на сторону городского потребителя против этих последних.

Впрочем, долгое время оно жертвует только интересами торгового капитала и только в конце принуждено было пойти против интересов землевладельцев, домовладальцев,

промышленников, (твердые цены на хлеб, на жилище и т. д.) Эта роль государства ярко подчеркивается выступлением главнокомандующего Петербургского Военного Округа ген.-адъютанта Фан-дер-Флита:

„Мною замечено, что многие торговцы, пользуясь обстоятельствами военного времени, искусственно повышают цены на различные предметы торговли, не без участия некоторых кредитных установлений. Прошу не забывать, что в России — обилие всякого рода продуктов и что в военное время соотношение между спросом и предложением не может играть в деле определения цен той решающей роли, которую оно имеет при мирных условиях государственной жизни".

Смысл такс с последующими твердыми ценами и социальную борьбу вокруг них, а также роли отдельных участников ее можно видеть еще и из статьи М. Н. Смит, помещенной уже в другой книге («Экономика и Политика твердых цен»):

„Когда вопрос о твердых ценах был поднят осенью 1916 г., спор об их размере носил ясно-выраженный классовый характер: помещики и зажаточные крестьяне, собравшиеся на областные и губернские съезды, не скрывали своих классовых аппетитов, вопили, просили, требовали, грозили.

Дань, которую городские потребители хлеба и беднейшее крестьянство должны были им платить, считалась еще тогда одним из важных факторов ценообразования. С протестом же против введения в исчисление твердых цен этого фактора ценообразования выступил тогда только представитель союза городов В. Г. Громан, отстаивавший интересы городской демократии. Торг был долгий и жаркий, и представитель союза городов был, конечно, в меньшинстве. Однако его неожиданно поддержал военный министр Шуваев, которому нужно было иметь дешевый хлеб для армии. В результате были приняты компромиссные цены (43).

Запрещения вывоза.

Одним из первых приемов борьбы государства против роста цен было запрещение вывоза.

Статья С. Прокоповича посвящена изображению этого остроумного метода борьбы буржуазно-помещичьего правительства с ростом цен. Для того, чтобы обеспечить агентам государства возможность закупки по низким ценам, издаются постановления, запрещающие вывозить хлеб из хлебных губерний, скот и мясо—из скотоводческих районов, лен—из районов льноводства, овес — из всех районов,

где он только растет; в очень многих губерниях запрещается вывоз сена и даже... соломы.

Затем губернаторское «регулирование народного хозяйства» развивается и доходит до того, что Киеву, например, не разрешается закупать продовольствие дальше, чем за 60 верст от города, уездным городам—закупать в своем собственном уезде; степным районам запрещено получать дрова из Полесья и т. д. (власть на местах!!)

„Подобные запрещения, — пишет С. Прокопович, — возвращают нас к натуральному строю хозяйства... к тому строю народно-хозяйственной жизни, когда не существовало еще городов, питающихся подвозом из деревень.

Как мы видим, Новгородский губернатор разрезал свою губернию на ряд независимых в продовольственных отношениях и несообщающихся между собой уездных хозяйственных единиц“ (133,111).

Статья С. Прокоповича не оставляет сомнений в том, что первым инициатором регулирования цен являются не трудящиеся классы, а военное министерство вместе с министерством внутренних дел, которое, организуя закупки для армии, прежде других чувствовало, как тают предоставленные ему кредиты в условиях нарастающей дороговизны. Командующие военными округами, уполномоченные по закупке хлеба и губернаторы были, по иронии судьбы, первыми борцами против спекуляции, которую потом в других формах продолжали и представители «общественных сил».

Результатом этих первых мер борьбы за налог со стороны государства было то, что они дезорганизовали внутреннюю торговлю хлебными продуктами и создали искусственные барьеры между рынками потребления и рынками производства. Запрещения вывоза, как пишет С. Прокопович, обострили расчленение России на ряд изолированных местных рынков и дали небольшую экономию, вероятно, в 10—20 милл. руб. в расходах на закупку продовольствия и фуража для армии (152).

Местные таксы.

На-ряду с запрещениями вывоза государство прибегло к системе твердых цен, которые сначала вылились в форму местных такс, устанавливаемых для отдельных городов, уездов и губерний, а потом, через таксы районные и областные, превратились в общероссийские твердые цены.

Таксы и твердые цены — это попытка максимальную долю эмиссионного налога свалить на имущие классы и товарное земледелие, это — попытка заставить их отдавать за дешевеющие деньги реальные ценности не только государству, но и всем потребителям.

Таксам посвящена большая работа Н. А. Свавицкого в IV томе «Трудов». Лишенная совершенно экономического анализа этого явления, работа дает богатейший материал по истории этого средневекового метода борьбы против повышения цен. Автор констатирует, что инициатором такс были Министерство Внутренних Дел, губернаторы и градоначальники, руководившиеся, конечно, мотивами бюджетного свойства, с одной стороны, и настроениями миллионных масс и армии — с другой.

„Усиленная деятельность городов и отчасти земств по урегулированию цен на предметы первой необходимости явилась в значительной степени результатом воздействия администрации: Циркуляр министра внутренних дел в конце июля 1914 г., согласно которому губернаторам „надлежало озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости“, выдвинул таксы как могущественное средство борьбы с повышением цен.

На воздействие губернаторов при издании такс указывают и журналы заседаний различных городских дум.

Уступая требованиям администрации, города составляли таксы даже в тех случаях, когда сами и не придавали таксам значения в борьбе с дороговизной“.

О том, как составлялись таксы и к чему они приводили, Свавицкий пишет:

„Роль городского управления, по мнению Симферопольской городской управы, в деле урегулирования цен сводилась, в сущности, к наложению штемпеля на цены торговцев. Без большой ошибки эта характеристика может быть отнесена к деятельности по урегулированию цен и многих других городов.

В резолюции Самарского Съезда говорится, что „нормировка цен при нынешних условиях таксации их фиксирует лишь установившееся по разным причинам повышение цен, что городские самоуправления, не располагая объективными данными о наличности запасов, размере потребления и пр., вынуждены при установлении такс считаться лишь с заявлениями торговцев и что при неустойчивости и легком их изменении в сторону повышения цен нормировка их при таких условиях не способствует удешевлению предметов массового потребления“. Резо-

люция же Всероссийскаго Совещания по экономическим вопросам при Главном Комитете *Всероссийского Союза Городов 11—13 июля текущего года* так характеризует таксы, изданные в год войны: „В прошлом таксы, составляемые большею частью на основании показаний торговцев, санкционируют повышенные цены. При существующих у нас условиях они по большей части не способны остановить рост цен, но падение их задерживают".

Будучи издаваемы *вполне самостоятельно* по отдельным городам и районам и *не будучи согласованы* друг с другом, таксы неизбежно должны вносить расстройство в торговый оборот.

Годные еще для средневекового оборота с почти обособленными городскими хозяйственными районами, таксы были нелепостью в развитом народном хозяйстве:

„Такие колебания обязательных цен, естественно, отражались самым отрицательным образом на снабжении городов предметами потребления так как товары направлялись в те местности, где таксы выше.

В мае месяце, благодаря низкой таксе, целые караваны хлеба *проходили мимо Нижнего-Новгорода.* В Петрограде, вследствие низкой, по сравнению с Москвой, таксой на мясо, в апреле наблюдалось сильное сокращение подвоза скота".

Это повело к попытке областных такс:

Вследствие этого почти одновременно во всех концах России (на Кавказе, в Москве, Казани, Тамбове и Киеве) возникает мысль о районных, областных и всероссийских таксах.

Тамбовский Продовольственный Комитет 31-го марта высказался за установление по всей России порайонных предельных цен на зерно, пшеницу, рожь и овес.

Но произведенные за последний год опыты подобных таксировок нельзя признать удачными.

Областная таксировка, произведенная в марте Главным Начальником Одесского Военного Округа, не может не вызвать возражений, так как для всего округа, несмотря на экономические различия входящих в него местностей, были установлены одинаковые цены.

А за областными таксами логически должны были последовать всероссийские.

Попытки к устранению спекулирующего посредника, а за ним и спекулирующего производителя.

В процессе классовой борьбы на распределение эмиссионного налога население городов наряду с таксами выдвинуло также и другие методы, одним из которых

была попытка устранения спекулирующего торгового посредника между потребителем и производителем. Как мы теперь знаем, в условиях эмиссионного хозяйства, прибыль торговца, как и процент за отданный в ссуду капитал, неизбежно номинально сильно увеличивается; чтобы компенсировать обесценение вложенного в торговлю или отданного в ссуду капитала, предприниматель или кредитор вместо 6—10 процентов берет 20—30, а то и 100—200 процентов, в зависимости от темпа обесценения денег. Экономическая закономерность этой «спекуляции» была, как известно, подтверждена практикой Государственного Банка, который в 1922 г. взимал по 30 % в месяц—ставка, которая привела бы в ужас обывателей и экономистов в 1915—16 г.г. и которая тем не менее в условиях 1922 г. была показателем проедания основного капитала Гос. Банка.

Но то, что стало азбукой в 1921 г., было недоступно не только для обывателя, но и для квалифицированного экономиста в первые годы эмиссионного хозяйства.

Повышение прибыли торговца-посредника объективно было показателем лишь того, что торговый капитал перелагал эмиссионный налог на потребителей, субъективно же в головах современников это воспринималось как ограбление потребителя торговцем. Отсюда — стихийное стремление потребителя к устранению посредника; это стремление вылилось, с одной стороны, в невиданное развитие кооперации потребителей *), а с другой — в организацию муниципальных закупок.

На место посредника, который требовал «эмиссионной» нормы прибыли, выступала кооперация или муниципалитет, которые довольствовались «нормальной» прибылью: и кооперация и муниципалитет брали эмиссионный налог на себя и продавали потребителю дешевле, чем обыкновенный посредник. За счет уменьшения ре-

*) Несомненно, кооперация и муниципальная торговля имеют ряд преимуществ, которые позволяют им в обычных условиях вытеснять частного посредника, однако в данном случае дело было не в этих обычных преимуществах, — это вытекает уж из одного хронологического совпадения стихийного развития кооперации со стихийным ростом цен.

альной ценности вложенных в дело капиталов они делали покупателю скидку *).

Однако экономическая аберрация, созданная незаметным обесценением денежной единицы, господствовала над умами не только широких масс, но и ученых экономистов, и поэтому борьба с ростом цен путем устранения посредников получила широкое распространение.

Эти моменты получили свое отражение в «Трудах» Чупровского Об-ва. Потребительской Кооперации как средству борьбы со спекуляцией посвящена специальная статья А. Н. Лаврухина (IV том).

Совершенно не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг него, считая, что все зло от спекулянта-посредника, автор, с несокрушимой уверенностью настоящего кооператора, думает побороть все затруднения самоорганизацией потребителей. Свое отношение к роли спекуляции, автор характеризует следующим образом:

«После полутора лет настоящей вакханалии на всех почти рынках можно считать доказанным, что «военная дороговизна» жизни, естественно вытекла из свойств современного торгово-промышленного строя, „надлежащим образом“ использовавшего понижение производства продуктов при расширившемся спросе и расстроенном транспорте» (400). Спекуляция, как известно, приняла неслыханные размеры. «Запасы товаров искусственно задерживались. На рынок искусственно выпускалось недостаточное количество товаров; сами мародеры всюду вопили о голоде, в то время как в их складах были припрятаны тысячи и миллионы пудов товара, который выпускался постепенно, медленно, чтобы все время поддержать впечатление острого недостатка“. Факты, один вопиющее, чудовищнее другого, раскрывались с каждым днем. И когда обрисовалась полная картина, все ахнули: грандиозное гнездо людей без чести, без совести, без родины, людей, лишенных самой ничтожной доли того священного огня, который горит в миллионах русских, держали в своих грязных преступных лапах весь рынок, наживались с каждым днем, жирели, как жиреют пауки в своей паутине» (391).

«Широкие массы, под влиянием наглядных уроков, преподанных им частными торговцами, с одной стороны, и потребительными обществами, с другой, впервые поняли, что (как говорил Шарль Жид)—„покупатель есть король хозяйственного строя, но до сего времени он был ленивым королем, который и не царствовал, и не правил“, хотя, добавим, давно имел полную к тому возможность. Население массами вступало в старые потребительные общества, а кроме того за это время организовались тысячи новых обществ». (390).

«Как характерное явление можно отметить, что городские кооперативы организуются теперь сразу крупного типа, в них входят такие массы потребителей, о каких ранее не приходилось слышать» (407).

«Богатый треволнениями, новыми знаниями и новым опытом период войны доказал, что вне самоорганизации потребителей им нет спасения от растущей дороговизны жизни» (408).

«При едином, цельно построенном плане и согласовании работы кооперативов с земскими и городскими мероприятиями, спекуляция не имела бы почвы для своего развития в том виде, как она наблюдалась и наблюдается» (395).

*) Впрочем, возможность делать скидки объяснялась не только проживанием основного капитала, но и тем, что кооперация как общественная организация была поставлена в особые условия при закупках по твердым ценам, пользовалась правом вне-очередной отправки и получения грузов и т. д. (IV, 369).

Однако и А. Лаврухин начинает понимать, что дело не только в спекуляции посредника, но и в спекуляции производителя.

«Что делать при таком положении вещей? Есть городские продовольственные лавки, есть городские (и земские) капиталы для заготовки продуктов, есть всяческое администр. содействие и попечение, есть таксы, есть вагоны, а товара нет. Применять репрессии, реквизировать товары? Но это уже проделали с сахарозаводчиками, однако они, чувствуя себя господами положения, не смущаясь, хотя и „применяясь к обстоятельствам“, идут прямо к своей намеченной цели, и с ними действительно ничего не поделаешь. Устраивать ли городам, земству и казне свои мельницы, фабрики и заводы? Это единственный радикальный путь, но задача городам, земству и казне несвойственная. Эту задачу должна разрешить и разрешает потребительная кооперация» (409).

Таким образом, в процессе борьбы против эмиссионного налога, принявшего форму непрерывного повышения цен, миллионы потребителей, представителем которых является Лаврухин, сначала пытаются устранить спекулянта-посредника, а затем, натолкнувшись и на спекулирующего производителя, начинают думать и об устранении этого последнего.

Работа Л. Г. Шлезингера посвящена другому методу борьбы с дороговизной, аналогичному с «самоорганизацией потребителей»,—муниципиальным закупкам. 79 ответов городов на анкету союза городов характеризуют отношение к этой форме устранения посредника.

«Звенигород: „Самым рациональным выходом из создавшегося положения — открытие общественных лавок“. Ставрополь: «Наиболее действительной мерой для борьбы с недостатком и дороговизной предметов первой необходимости, по мнению Городской Управы, является закупка

этих предметов городом и организация муниципальных мясных и хлебных лавок, но для осуществления этих мероприятий нужны оборотные средства, каковых у города в настоящее время не имеется. Таким образом...помощь...должна выразиться в субсидировании города оборотными средствами" (278).

«В настоящее время городам открыт кредит через Главный Продовольственный Комитет, из 5% годовых» (282).

Чтобы предохранить от обесценения свой капитал, частный посредник должен был «заработать» не 5% годовых, а гораздо больше, муниципальные же лавки, получив на таких условиях кредит, могли позволить себе продавать по пониженным ценам, беря на себя часть эмиссионного налога.

Однако пониженные цены вели не только к скрытым убыткам в виде обесценения капитала, но и к прямым дефицитам:

«В связи с организацией кредита для финансирования закупочных операций возникает вопрос, являются ли эти операции чисто коммерческими, или цель и сущность их не всегда совместимы с основными принципами коммерческого предприятия. Если городские закупочные операции ставят своей целью не получение прибыли, а борьбу с дороговизной путем снабжения населения предметами массового питания, то им *приходится отступать от коммерческого принципа и итти на риск убытков при покупке по высокой цене и продаже по низкой*» (284).

«Представители Петроградского городского управления указывали, что городу иногда приходится закупать продукты *для перепродажи населению при условиях, на которые не пойдет ни один торговец*. Если закупочные операции иногда необходимо связаны с убытком, то, помимо обычного коммерческого кредита, должен быть особый государственный кредит на покрытие убытков, и помимо этого городам должны быть с той же целью предоставлены некоторые особые фискальные полномочия» (285).

И поскольку скидки в ценах делались в конечном счете за счет государственных средств и вели к расширению эмиссии, постольку эта форма борьбы с дороговизной еще более форсировала дороговизну.

Сдержанный спрос деревни.

В условиях развитого эмиссионного хозяйства, когда, наученные опытом нескольких лет, все привыкают к тому, что цены растут и *будут итти*, никто не бережет свои

деньги и не отказывается от покупки товаров, потому что они вздорожали на 10—15 процентов; никто не ждет понижения цен,—наоборот, все уверены в их дальнейшем росте; поэтому здесь рост цен толкает не к тому, чтобы беречь деньги, а к тому, чтобы скорее их тратить; точно также и обладатели товаров, умудренные опытом, не задерживают обращение товаров, а только учитывают дальнейший рост цен и «среднюю норму обесценения денежной единицы». Но это усвоение законов эмиссионного хозяйства дается путем длительного и тяжелого процесса, который на целый период извращает весь кругооборот товарного обращения; чтобы понять, что деньги не надо беречь, а надо скорее тратить, хотя бы цены бешено росли, что держать до бесконечности на руках товар не имеет смысла — для этого в головах многомиллионного населения, особенно в головах крестьянства, должен был произойти огромный психологический перелом во взглядах на деньги, цены, прибыль и т. д. Пока же этого перелома не произошло, механизм рынка на долгое время оказывается дезорганизованным. До войны в нормальных условиях денежного обращения цены имели огромную устойчивость: «цены — бог строит»,—поэтому, когда спекулянты начинают «загибать» невиданные, несуразные цены, обыватели, и даже квалифицированные экономисты, рассматривают это как случайное, временное явление, вызванное злой волей продавцов, будучи твердо уверены, что все вернется к прежнему положению.

При таком настроении крестьянство, выручив хорошие цены за хлеб, бережет вырученные деньги до того времени, когда *цены на другие товары* станут нормальными. Если даже буржуазные экономисты в 1915 году еще сомневаются в обесценении денег, то крестьяне в этот период верят в незыблемость их ценности полностью; то, что *они* продавали дорого свой товар — это им кажется еще счастливой случайностью, которая совсем не обязательна для всех других продавцов товаров. Выручив *„эмиссионные"* цены за хлеб, они берегут деньги, чтобы купить товары по *нормальным* ценам.

Отсюда — сдержанный спрос крестьянства на вздорожавшие продукты промышленности и широкое распространение припрятывания денег в «кубышки» разного рода.

Это характерное явление первого периода эмиссионной экономики отмечается в статье С. В. Сперанского «Нижегородская ярмарка в 1915».

«Объявленная при самом начале ярмарки прибавка (в 1 копейку на аршин ситца), казалось, нисколько не затормозила развития спроса, но это только так казалось.

«Небывало высокий уровень цен на хлопчато-бумажный товар исключал собою возможность продолжительной бойкой торговли. Ярмарочные покупатели из глухой провинции говорили, что они просто боятся явиться к себе домой с такими ценами, *что население не поверит им*, когда они будут указывать, во что товар обошелся себе, что *может начаться погром лавок*. Эти соображения заставляли их ограничивать свои закупки потребностью одного-двух ближайших месяцев и воздерживаться делать запасы на будущее.

«В результате, когда к 15 августа ярмарка с хлопчато-бумажным товаром окончилась, на ней оказались — *вопреки всем ожиданиям* — *непроданными даже остатки товаров, именно светлых ситцев* и отчасти бельевого товара».

Как известно, за свое непонимание законов эмиссионного хозяйства крестьянство дорого заплатило впоследствии, когда с дальнейшим обесценением рубля все сокровища кубышек превратились в разноцветный хлам, но пока-что эта тенденция беречь деньги до наступления «нормальных» цен задерживала обесценение денег и эксплоатировалась в полной мере самодержавием (которое, впрочем, вместе с буржуазными экономистами само мало разбиралось в том, что происходит) [1]).

Статья Ф. А. Липкина «О хлебных ценах во второй год войны», помещенная в последнем томе «Трудов», говорит не о сдержанном спросе, а о «сдержанном *предложении* деревней» хлеба, хотя был очень урожайный год. Пытаясь найти объяснение этому, автор пишет:

«Для крестьян так же, как и для торговцев хлебом, оказывалось чрезвычайно выгодным задерживать продажу хлеба, так как всякое задерживание продажи означало для крестьян значительный рост их дохода ввиду растущих цен на хлеба, а всякий обмен на деньги, которые не нужно было немедленно расходовать, означал, напротив, падение дохода ввиду падения ценности денег».

[1]) До чего доходила путаница в головах буржуазных экономистов, видно, например, из того, что в министерстве финансов а также многими серьезными экономистами разрабатывались проекты, которые, *с целью задержать обесценение денег*, стремились к развитию чековой системы и к тому, чтобы запрятанные в кубышки деньги попали в оборот.

Получалось, что крестьяне уже в 1915 году постигли законы эмиссионного хозяйства, которые еле-еле, да и то позднее, стали понимать патентованные экономисты. Если бы это было так, как думает Ф. А. Липкин, если бы крестьянское население можно было сравнивать в понимании законов эмиссии с торговым капиталом, то ни о каких кубышках у крестьян нам не пришлось бы слышать, как никто не слышал о кубышках у торговцев; в действительности же крестьянство начало сознавать положение лишь в 1917 г. (примерно, к средине), в период же 1916 г., а тем более 1915 г. оно еще твердо верило в ценность своих бумажных сокровищ. Ошибка Ф. А. Липкина объясняется тем, что психологию торгового капитала он приписывает крестьянству, которое позднее всех разобралось в положении дел. Та же сдержанность предложений деревни в ноябре и декабре 1915 года, которая занимает Липкина, была одним из эпизодов борьбы за хлебные цены путем временного сокращения предложения. Дальнейшая же «сдержанность деревни», которая в конце концов повела в 1917 г. к хлебной монополии, была результатом нежелания продавать по твердым ценам, установленным в январе 1916.

Переход к общероссийским твердым ценам.

Мы видим, что многочисленные таксы, введенные отдельными городами и вызвавшие пертурбации в товарном обращении, скоро стали сливаться в областные. Затем логика вещей приводит к общероссийским таксам, получившим название твердых цен.

Первой ласточкой была твердая цена на сахар, которой посвящена вторая статья А. Соколова в IV томе. Кроме того, что она была первой всероссийской таксой на предметы потребления, эта такса характерна тем, что сразу же показала, что дело не только в посреднике, но и в производителе, и если сказали «А», то придется сказать «Б» и все прочие буквы алфавита эмиссионной экономики.

А. Соколову, как и А. Лаврухину приходится уже говорить о контроле, если не над производством, то над производителями-сахарозаводчиками.

«С момента образования указанных организаций (картель сахарозаводчиков под контролем государства) свободная продажа сахара заводами прекращается. Вся продажа сахара производится через упомянутое учреждение, при чем оно обязуется продавать сахар по установленным ценам» (IV, 52).

В том же томе А. Лаврухин живописно рассказывает, к чему привела твердая цена на сахар, который, кстати сказать, легче всего таксировать (концентрация производства и односортность продукта):

«Начали производить закупки по твердым ценам. Представители сахарозаводчиков на местах отказывались заключать какие бы то ни было сделки: „Обращайтесь на заводы". Агенты потребительных союзов выехали на заводы, рассчитывая скоро получить товар. В кабинетах сахарозаводчиков происходили следующие диалоги:

— Сахар имеется в некотором количестве, и можем продать его... По восьми рублей за пуд.

Озадаченный представитель потребительного союза спрашивал:

— А как же установленная предельная цена на сахар?

— Предельная цена для вас, а не для нас.

— Но и вас заставят продавать по фиксированной цене.

— Кто и как заставит? заставят нас продавать по 6 руб. 20 коп. Мы будем вырабатывать вместо 15 тыс. пудов в день по 1—2 тыс. пуд. И сумеем доказать, что больше сейчас не можем. Сахар исчезнет с рынка и сам потребитель закричит, что низкие цены не дают возможности появиться товару на рынке. Сам будет просить, чтобы цены повысили. И их повысят. Если вы не купите сейчас сахар по восьми рублей, потом заплатите еще дороже.

Сахарозаводчики сдержали свое слово и в феврале 1916 г. продавали сахар со сдачей в апреле и мае по восьми с полтиной за пуд франко-станция отправления, а в дальнейшем обещали торговать по девяти рублей» (402).

В условиях высокого темпа эмиссии, та же история, конечно, повторилась и со всеми другими общероссийскими таксами, и для того, чтобы иметь возможность осуществить твердые цены, приходилось итти дальше и ставить уже вопрос о государственных монополиях.

А за гос. монополиями (торговыми) обрисовывались уже контуры «кооперирования» промышленности, о котором пока случайно, по дороге, говорит А. Лаврухин, или национализации промышленности, о которой заговорят миллионы в 1918 г. в пылу социальной борьбы.

Стихийный процесс борьбы между различными классами за распределение эмиссионного налога ставит один за другим вопросы о реорганизации самой буржуазно-капиталистической системы. Чтобы избежать налога в виде роста цен, добираются сначала до спекулирующего посредника, а затем и до производителя. Само собой разумеется, что проблема реорганизации товарно-капиталистической системы, поставленная *с такого* конца и в *такой* связи, ничего, кроме дальнейшей дезорганизации денежной системы и товарного обращения, дать не могла.

Эти вопросы трактуются уже за пределами «Трудов» Чупровского Об-ва. Последним моментом, отразившимся в «Трудах», было установление в январе 1916 г. твердых цен на хлеб, которые повели к нелегальной продаже, а через это автоматически — к хлебной монополии.

Отношение теоретиков.

«Под докторской шляпой теснятся порой
Бессмысленных знаний громоздкие груды».

Те, кто хочет изучать законы бумажно-денежного хозяйства не только на теоретических турнирах представителей различных «школ», а также и на конкректном материале, для тех «Труды» представляют первостепенную ценность, — и притом в двух отношениях. Годы войны с точки зрения теории денежного обращения были годами грандиозного эксперимента, происходившего часто почти как бы в лабораторных условиях. Давая научно-систематизированную картину первого года войны и эмиссии, «Труды» представляют незаменимый материал [1]).

С другой стороны, поскольку в составлении «Трудов» участвовали лучшие русские экономисты, представляет большой интерес то, как преломлялся в их головах устроенный историей эксперимент. Давая прекрасный материал для изучения народного хозяйства в первый год эмиссионной политики, большинство участников трудов сами представляют, sub specie histriae, благодарный объект для

[1]) Например, таблицы и диаграммы, характеризующие движение товарных цен в первый год эмиссии, помещенные в работе П. Маслова, представляют собой высокую ценность для теории денежного обращения и должны войти необходимым элементом в трактаты по денежному обращению; соответствующие таблицы у Туган-Барановскаго в сравнении с ними — кустарщина («Бумажные деньги и металл»).

изучения законов денежного обращения: формулируя свое отношение к экономическим явлениям того времени, они этой формулировкой и самыми своими ошибками выявляют, подчеркивают и заостряют основные вопросы эмиссионного хозяйства.

Если внимательно просмотреть четыре тома «Трудов» под этим углом зрения, то прежде всего напрашивается следующий вывод: русские экономисты, прожив полтора года в условиях эмиссионного хозяйства, решительно не замечают этого; многие из них почти наизусть знают историю бумажных денег и тем не менее, когда на их глазах происходит невиданная бумажно-денежная инфляция со всеми типичными последствиями (рост цен, спекуляция, прирост вкладов в банки и сберегательные кассы), они как бы не замечают этой инфляции и отказываются связать с ней основное ее следствие—рост цен, изучением которого они заняты. Возьмем пару примеров.

В I-й работе I тома Я. М. Букшпан приводит целый список «причин» дороговизны, «заслуживающих монографического изучения»:

«Наша дороговизна вызвала большую газетную литературу, выходящую в своих рассуждениях за местные пределы, в которой мнения колеблются от объяснений крайне эмпирических (*А. Шингарев* [1])—„всего больше действуют причины местные“) до обобщения „высокосоциологических“ (В. Тотомианц, опираясь на Ферреро, утверждает: „глубокая причина дороговизны кроется в современном урбанизме“).

Довольно распространенное мнение утверждает, что одною из важнейших причин дороговизны следует считать неблагоприятные условия подвоза грузов в столицу; вообще — транспортные стеснения, ощущаемые во всей стране.

Города считают причинами этого явления: расстройство железнодорожного движения, спекуляции торговцев, недостаток подвижного состава, усиленный спрос продуктов со стороны военного ведомства, запрещение вывоза их из мест производства, повышение провозной платы и увеличение оборота, неподготовленность городов в смысле отсутствия посреднических и общественных организаций и т. д., и т. д.

Выдвигается еще ряд других факторов: сдержанное настроение в сбыте производителей сельско-хозяйственных и фабрично-заводских продуктов

[1]) Это тот самый А. Шингарев, который пропагандировал в Чупровском обществе «вычерпывание воды». Получается пикантная история: будучи комми-вояжером самодержавия по части распространения идей эмиссионного налога, он глупо таращит глаза, когда в результате этого налога начинают вздуваться цены.

и развитие на этой почве спекуляции, обложение многих товаров новыми налогами.

Как бы ни были изучены отдельные причины дороговизны, надо признать, что на нее влияет не та или иная причина в отдельности, а именно общая их совокупность.

Сам М. Я. Букшпан в качестве причины дороговизны оттеняет, что «государство, ведущее войну, создало колоссальный спрос на массовые предметы, так или иначе связанные с войной, спрос, передающийся на ряд других предметов, более отдаленного и совсем отдаленного от войны свойства, и повышающий общей уровень спроса» (I, 24).

Автор даже не задается вопросом, *каким образом* государство может повысить свой спрос; ему не приходит в голову поставить вопрос, как действовал бы этот «колоссальный спрос», если бы он производился за счет денег, взятых не из-под печатного станка, а из карманов плательщиков налогов, и что было бы с ценами, если бы государство, прежде чем выступить на рынке покупателем, предварительно лишило бы население соответствующей части его покупательных средств.

Вопросу о влиянии на цены эмиссионной политики он уделяет очень мало внимания и дает расплывчатый или даже прямо отрицательный ответ:

«Факторы (дороговизны), относящиеся к денежному обращению, обнаруживают свое непреодолимое влияние только в течение более или менее продолжительного времени. Но чем короче рассматриваемый промежуток времени, тем более влияние колебания между спросом и предложением благ должно перевешивать влияния колебаний, исходящих из сферы денежного обращения» (I, 27).

Одиннадцать месяцев эмиссионной политики и увеличение денежной массы с 2.300 мл. до 3.600 мл.—это, видите ли, недостаточный фактор для того, чтобы «перевесить» колебания спроса и предложения. М. Я. Букшпан готов в микроскоп специальных монографических исследований рассматривать всех букашек, но отказывается видеть стоящего перед ним во весь рост слона; почти точно так же воспринимают происходящее и большинство других составителей «Трудов».

А. Лосицкий причины дороговизны мяса видит в «вожделениях торговцев мясом и скотом» (II, 57).

А. Соколов по вопросу о вздорожании сахара пишет (II, 154):

«Из предшествующего изложения видно, что все указанные причины ни порознь, ни в совокупности не могут нам объяснить полностью того, почему сахар при обилии его запасов столь сильно вздорожал в настоящее время, притом вздорожал не только на потребительских рынках, но и на местах производства. Поэтому необходимо притти к выводу, что вздорожание сахара в значительной мере вызвано спекуляцией».

Б. Черненков, пытаясь объяснить, почему стали дорожать яйца, которые миллиардами вывозились за-границу, пишет, что в районах потребления они поднялись в цене из-за расстройства транспорта, «что же касается мест производства, то здесь единогласно указывается как главная причина — широкая спекуляция» (II, 12).

П. Гензель о спекуляции банков в соответствующей работе пишет:

«Та . . . спекуляция, которая была ими проявлена, сыграла огромную роль вообще в деле поощрения торговой спекуляции на продукты массового потребления» (III, 266).

Будучи профессором-финансистом, П. Гензель, не в пример диллетанту — Шингареву, казалось бы, прежде всего должен был бы указать на истинные причины дороговизны и предложить меры к изменению способов финансирования войны, а вместо этого он, как и рядовые обыватели, которые направляют свои мероприятия против спекулирующего посредника, предлагает:

«Учредить контроль за скупщиками, требовать от частных банков списки скупщиков, мукомолов и спекулянтов, прибегающих к их услугам, . . . обязать скупщиков отчетностью о произведенных скупках, наметить схему реквизиций в случае неудачи нормальных закупок, вести постоянную регистрацию произведенного и поступающего в оборот зерна . . . учредить общественный контроль за деятельностью уполномоченных по закупке хлеба» (III, 268).

Даже З. С. Каценеленбаум, специалист по денежному обращению, знающий вдоль и поперек историю бумажных денег, на стоящий перед ним вопрос: является ли эмиссия основным фактором роста цен,—дает чрезвычайно неопределенный ответ (III, 50):

«Теорию Рикардо о *пропорциональном* падении курса бумажных денег по мере увеличения их количества приходится признать неправильной.

Это не дает, однако, основания отрицать *всякое* (еще бы!) влияние *количества* бумажных денег на их ценность.

«Поскольку дело касается вопроса о денежном обращении в России в настоящий момент, необходимо также признать, что о понижении курса рубля пропорционально количеству выпущенных кредитных билетов не может быть и речи... Как мы видели, количество денежных знаков увеличилось за время войны на 60%. Говорить о соответствующем увеличении товарных цен в зависимости от одних лишь перемен в области денежного обращения — не приходится. Если цены некоторых товаров возросли [и больше, чем на 60%, то это произошло по разным другим причинам, независимым от денежного обращения».

В то же время обилие денег не могло не оказать известного влияния на цены товаров внутреннего рынка (III, 50).

Потому что в данный момент нет полной пропорциональности между ростом цен и ростом денежной массы (чего, между прочим, никогда не утверждал Рикардо) *поэтому*, увеличение массы денег на целых 60% превращается в фактор, который не мог неоказать «*известного влияния*» на цены товаров.

Как мы видели, Ф. Липкин считал, что к концу 1915 года даже крестьяне на свой манер поняли, что они живут в условиях эмиссионного хозяйства, — это было, конечно, преувеличение, но что толковый торговец и обыватель в 1916 году уже начинал понимать положение вещей и делать из этого *практические* выводы — это факт; профессор же по денежному обращению, вооруженный «новейшими» теориями ценности денег, который должен был со всей силой оттенить роль эмиссии в движении товарных цен, дает этому фактору мало говорящую характеристику.

Работа С. А. Первушина: «Прекращение продажи питей, как один из факторов современной дороговизны», точно так же чрезвычайно характерна. Мы, марксисты, сторонники давно «ниспровергнутой» теории, привыкли по своей отсталости думать, что основу ценности в товарном обществе составляет труд работника, что же касается налогов, функция которых состоит в передаче уже готовых ценностей от населения государству, то они являются фактором не образования ценностей, а лишь перераспределения их; изменяя издержки производства отдельных товаров, они в лучшем случае способны оказывать влияние на их цены, но не на их ценность. Введение новых налогов, как и отмена старых, не имея

никакого отношения к созданию ценностей, изменяет только их распределение.

Совершенно иначе думают представители «новейших теорий». У них налоги влияют не только на цену отдельных товаров, но и на их ценность и на общий уровень цен, и при этом — что особенно замечательно — цены и *ценность* способны повышаться одинаково, как от того, что государство *вводит* новые налоги, так и от того, что оно их *отменяет*.

Профессора П. Гензель и А. Соколов с серьезнейшим видом в III томе «Трудов» исследуют, насколько введенные во время войны налоги способствовали всеобщему росту цен, а профессор С. Первушин в IV томе с не менее серьезным видом занят исследованием, насколько повысились цены и *ценность* товаров от того, что государство *отменило* налог на водку.

С. Первушин начинает свою работу следующим теоретическим размышлением:

«Причины колебаний товарных цен, а следовательно, и подъема их могут корениться как в изменении ценности денег — измерителей, в которых выражается цена товаров, так и в изменениях их *абсолютной* (!) ценности. Настоящая работа имеет своею целью выяснить, в какой мере последний подъем товарных цен в России во время войны может быть объяснен изменениями в *абсолютной ценности товаров*, иначе говоря — изменениями в условиях их спроса и предложения, поскольку таковые являются следствием прекращения продажи питей.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что при нормальных условиях прекращение продажи питей привело бы к *значительному подъему* русского народного *хозяйства* в его целом, *следовательно, и к повышению товарных цен*».

Таким образом, отмена монополии повела к изменению «абсолютной» ценности товаров, а подъем народного хозяйства, т.-е повышение производительности труда, ведет не к *падению* этой абсолютной ценности товаров, а к повышению. Отчего только не повышается эта «абсолютная» ценность!—И от введения налогов и от отмены их, и от разрушения народного хозяйства и от улучшения его, и от того, что казна вводит казенные пайки для солдатских семей (IV, 108), и от того, что она отменяет их, и от «субъективных оценок» потребителей и еще чорт знает от чего,—но эта «абсолютная» ценность решительно ничего не хочет слышать о таком архаическом факторе, как труд человека, который создает товар!

Вполне понятно, что, вооруженный таким усовершенствованным методом экономического анализа, Первушин просмотрел сущие пустяки: через полтора года после начала напряженной и разрушительной войны, Первушину кажется, что российское народное хозяйство, не только не разрушается, но даже расцветает.

На стран. 88 он пишет:

«Однако даже и в настоящее, исключительно тяжелое военное время прекращение продажи питей самым существенным образом отразилось на благосостоянии населения (*всего* населения! Д. К.), в частности же и в особенности на нашем сельском хозяйстве».

Отменив водочный налог, самодержавие установило в форме эмиссии налоги еще более высокие: за взятые для армии у крестьянства миллионы лошадей, коров, хлеб, фураж, шерсть, холст, оно навязывало бумажные деньги, которые будучи сложены в кубышки или сберегательные кассы, постепенно превращались в мусор. Народное хозяйство начало проживать свои накопленные ценности, а проф. Первушину бросались в глаза бумажные «сбережения» крестьян, невиданный рост вкладов в сберегательные кассы и т. д.

Названная работа С. А. Первушина сделалась в *феврале 1916 года* предметом доклада на торжественном годичном собрании Чупровского Об-ва. И когда автор настоящих строк, при обсуждении доклада, указал, что докладчик «из-за деревьев не видит леса», что цены растут не от того, что поднялось благосостояние, а потому, что народное хозяйство беднеет и печатный станок выбрасывает миллиарды новых денег, — это было воспринято докладчиком и другими членами собрания, как некая ересь.

Таким образом, представители буржуазной экономической мысли, эпигоны исторических, психологических, австрийских и проч. «школ» оказались бессильны осмыслить происходящие на их глазах экономические процессы и отличить основные причины от их последствий.

Предназначенные не для того, чтобы вскрывать сущность явлений, а для того, чтобы затушевывать ее, их экономические теории оказались негодны для того, чтобы

помочь им ориентироваться в непривычной им обстановке.

Бессильные охватить весь процесс народного хозяйства в его целом и те изменения, которые создались в нем в условиях эмиссионного хозяйства, они хватались за мелочи, которые лежали на поверхности явлений и бросались в глаза всякому, не вооруженному никакими мудреными теориями обывателю.

Характерно в этом отношении то исключительное внимание, которое они уделяют спекулянту-посреднику как самостоятельному «фактору ценообразования». При переходе к эмиссионному хозяйству на долю торгового капитала выпадает неблагодарная роль — быть первым носителем его законов. В таком хозяйстве вместо обычной устойчивой нормы прибыли устанавливаются свои особые «эмиссионные» нормы.

С. А. Фалькнер, который в литературе первый — правда уже в 1918 г. — формулировал этот закон эмиссионной системы писал:

«В системе эмиссионного хозяйства цены всех капиталистически производимых товаров имеют тенденцию строиться на основе умножения капиталистических издержек производства на среднюю норму обесценения денежной единицы за время производственно-менового обращения капитала». (Экономика и политика твердых цен, 14).

Переход к эмиссионным нормам совершается не сразу, а постепенно, и первым вступает на этот путь торговый капитал. В этой форме капитал имеет наиболее короткий период обращения, и поэтому в этом случае раньше всего становится ясно, что в формуле обращения капитала Д—Т—Д' для того, чтобы Д' не оказалось реально меньше Д, оно номинально должно отличаться от него не на 10 — 15%, а на 20 — 30, а иногда и на 100 — 200%; кроме того торговый капитал, приняв товарную форму и остановив превращение ее в форму денежную (припрятывание товаров), легче всего может прервать нормальный процесс товарного обращения и вынудить у покупателя повышение цен. В дальнейшем к эмиссионным нормам прибыли переходят и все другие виды капитала, которые точно также приобретают спекулятивный характер, понимая под спекуляцией (speculo — предвижу) предвидение факта дальнейшего обесценения денег; однако роль первого нарушителя установившегося соотношения цен и традиционных норм прибыли выпадает на долю торговца-посредника. Торговец первый «заламывает» невиданные и, казалось бы, ничем не оправдываемые цены, он первый начинает получать «бешеную» прибыль. Тем самым он становится объектом ненависти обывателя и мишенью, в которую прежде всего метят «обязательные постановления» и твердые цены, выдвигаемые всеобщим возмущением. Авторы трудов, представляющие буржуазную экономическую науку, проявили в 1915—16 г.г. не больше понимания экономических явлений, чем ген.-ад. Фан-дер-Флит, который «просил торговцев не забывать, что в России — обилие всякого рода продуктов».

Нетрудно понять, почему о спекуляции и спекулянтах слишком много говорили также и марксисты; отыскивая революционные лозунги, понятные миллионным массам, они, естественно, не всегда заботились о полном соответствии этих лозунгов правильной теоретической оценке явлений; в их головах революционные инстинкты перевешивали их верность марксистскому методу экономического анализа. Но совершенно невозможно понять, как почтенные идеологи капиталистической системы превратили торговый капитал в козла отпущения, повинного за все последствия ими самими санкционированной эмиссионной политики. Это можно понять только в том случае, если помнить, что буржуазная экономическая наука по существу не понимает и не хочет понимать основных законов буржуазно-капиталистического общества, что она оказывается банкротом всякий раз, когда нельзя обойтись без такого понимания.

Среди составителей «Трудов» особо стоит группа марксистов (П. Маслов, В. Громан, Ф. Липкин-Череванин). Положение марксистов-теоретиков в условиях того времени было чрезвычайно затруднительное. Воспитанные на черных хлебах нелегального и полулегального существования, отстраняемые систематически от научной работы в высшей школе, они не имели ни времени, ни возможности работать над такого рода проблемами, как денежное обращение и финансовая система. И, однако, несмотря на все эти неблагоприятные условия, владея только одним могучим методом, они ориентировались в окружающей обста-

новке гораздо быстрее, чем академики от финансов и денежного обращения.

П. Маслов прямо ставит вопрос об обесценении денег:

«При отсутствии вывоза и при увеличении благодаря этому предложения продуктов, повышение их цен во всей стране может быть вызвано только двумя главнейшими причинами: 1) уменьшением покупательной силы денег и 2) увеличением спроса на соответствующие продукты внутри страны» (I, 45).

В спекуляции и нарушении движения товаров П. Маслов видит не самостоятельный фактор ценообразования, а лишь *средство* для повышения цен: «орудием повышения цен товаров являлась отчасти спекуляция или условия, препятствовавшие свободному обращению товаров» (51). Нельзя не отметить между прочим своеобразное представление автора о том процессе, при посредстве которого происходило обесценение бумажного рубля.

«Так как критерием ценности бумажного рубля является золото, то на внутреннем рынке служат показателем цены бумажного рубля: цены на золото бумажного рубля по отношению к золоту падали с неуклонной правильностью, как видно из диаграммы (показывающей падение к маю 1915 г. на 20% Д. К.). *Падение цены бумажного рубля на внутреннем рынке неизбежно должно было отразиться и на цене товаров.* Те товары, цена которых, измеряемая золотом, осталась неизменной в бумажных деньгах должны были повыситься к маю 1915 г. на 20%».

Здесь, конечно, было ошибкой утверждение, что «цены на золото на внутреннем рынке служат показателем цены бумажного рубля»,— это мы слишком хорошо знаем по той чехарде, в которую на наших глазах играют цены на золото с общим уровнем товарных цен, которые и являются «ценой бумажного рубля»; главное же — не в этой ошибке (хотя и очень характерной), а в том, что, по мнению П. Маслова, сначала падает цена бумажного рубля в золоте, а потом уже это «отражается» на цене товаров,—в действительности же, поскольку золото перестает быть деньгами и превращается в такой же простой товар, как вакса или пуговицы, «цена» бумажного рубля, как и общий уровень цен, устанавливается уже без его услуг, через его голову, путем непосредственного соотношения между бумажными деньгами и товарами.

В этой ошибке П. Маслова, выражается его смутное и даже прямо неправильное представление о процессе роста цен и обесценения денег.

В. Г. Громан так же, как и П. Маслов, учитывает обесценение денег как фактор ценообразования и определяет влияние этого фактора в процентами, выведенными Масловым из цен на золото; но он слишком увлечен задачами политической борьбы. Вопрос о хлебных ценах он использует, главным образом, для того, чтобы доказать, что «самоорганизация нации будет происходить в той мере, в которой удастся преодолеть *бесправие граждан, осуществить свободу печати и свободу общественных соединений*; поскольку удастся *обновить власть* и побудить ее итти в согласии с отстаивающей свою независимость (!!) нацией» (I, 362, 363).

Поэтому губернаторы, землевладельцы, банки, торговцы и спекулянты всех сортов у него превращаются в самостоятельные «ценообразующие факторы», при чем один только торговый и банковый капитал взвинтил хлебные цены «процентов на 30 выше того уровня, на котором они стояли бы при данных объективных условиях производства и обмена, транспорта и потребления» (301).

Ф. Липкин полагает, что обесценение денег играло «видную роль», но так же, как и у В. Громана, у него действуют и другие «ценообразующие факторы», а главный из них — то, что

«готовность казны платить высокие цены (хотя эта казна ради экономии средств разрезала губернии на мелкие клочки. Д. К.) за закупаемые продукты и нерациональная постановка этих закупок проложили окончательно дорогу монополистам и спекулянтам, овладевшим рынком и поднявшим цены до небывалой до сих пор высоты» (I, 301).

Однако очень быстро испытанный метод помогает авторам-марксистам за внешними явлениями разглядеть сущность происходящего процесса. Во второй своей работе, напечатанной в IV томе «Трудов» Ф. Липкин говорит уже другим языком:

«Таким фактором (роста цен) является, прежде всего, падение покупательной силы рубля. Это падение в известной мере порождается падением курса рубля на международном рынке и изменением отношения между бумажным рублем и золотом. Но еще в большей мере, вероятно, это падение порождается огромными затратами, производимыми в связи

с войной, затратами, которые не берутся из ресурсов, добываемыми из производительных сил страны, которые текут извне, из-за границы, путем займов или являются мобилизацией накопленных внутри страны средств путем внутренних займов, или, наконец, добываются просто печатным станком путем выпуска новых бумажных денег. Бросание полученных этими способами миллиардов на нужды войны означает колебание не отношения отдельных отраслей производства и их продуктов между собой, а напряжение спроса на огромную массу разнообразных продуктов, распространяющееся, благодаря связи между всеми продуктами на почве их производства и потребления, в конце концов на всю массу продуктов.

А раз даны эти общие условия, создающие несоответствие между спросом и предложением по отношению ко всей массе продуктов, на почве этих условий с неизбежностью расцветает спекуляция, которая это несоответствие усиливает до громадной степени.

Спекуляция в данном случае является естественным результатом создавшейся ситуации. Когда экономическая жизнь направляется фатально по пути систематического падения покупательной силы денег, перед всяким обменивающим товары на деньги стоит опасность в промежуток, когда он будет обменивать деньги снова на товары, потерять на падении покупательной силы денег более или менее значительную долю своего состояния и своего дохода. Отсюда стремление возможно больше задерживать продажу товаров в ожидании повышения цен на них».

Здесь уже прежние «факторы» низводятся на второстепенные роли, на первое же место выдвигаются — раньше чем у других — действительные факторы ценообразования: возрастание бумажно-денежной массы и падающая производительность народного хозяйства. Таким образом, статистик Череванин гораздо быстрее и лучше разбирается в явлениях денежного обращения, чем специалисты по денежному обращению.

2. *К. Ловатской. Покрытие расходов европейской войны и финансовые проблемы ближайшего дня.*

Экономическое обозрение, книга I, 1916 г.

Приступая к разбору статьи, написанной когда-то им самим (под псевдонимом), автор настоящих строк находится в вполне понятном затруднении. Однако почти полное отсутствие в тот период работ, специально трактующих вопросы денежного обращения, написанных марксистами, заставляет его все же включить указанную статью в этот обзор.

Спекуляция, дезорганизация товарного обращения, предпринимательская горячка, рост вкладов в сберегательные кассы, повышенный «спрос государства» которые в «Трудах» Чупровского Об-ва играют роль, самостоятельных ценообразующих факторов, превращаются здесь в производные явления основного фактора — эмиссионного метода покрытия военных расходов.

Производная роль спекуляции характеризуется так:

«В обычных условиях сокращение предложения товаров поднимает цены и ведет к сокращению потребления; сокращение же потребления, обостряя на рынке конкуренцию производителей, ведет к падению цен, т.-е. *в обычных условиях длительная спекуляция по всей линии есть nonsens;* невыгодность такой длительной спекуляции усиливается еще тем, что продавцы, задерживая выпуск товаров на рынок, заставляют неподвижно лежать свой капитал и несут убытки».

Останавливаясь на неясном для того времени вопросе о том, *как* происходит самый, *процесс* обесценения бумажных денег и переоценки товаров, автор дает следующий ответ:

«Хозяйственное равновесие мало нарушается в тех случаях, когда потребности государства в продуктах и услугах быстро расширяются (война), *если эти экстраординарные расходы покрываются налогами или займами.* При последнем условии частные хозяйствующие субъекты обладающие денежными средствами и имеющие предъявить обычный спрос на продукты и услуги передают казначейству свои денежные средства, а вместе с ними и право на часть хозяйственных благ.

При таких условиях меняются только субъекты спроса, общая же сумма спроса на продукты и услуги мало изменяется. Различие в двух случаях может произойти в том смысле, что государство как потребитель может предъявить спрос на другие продукты и услуги, чем обычно предъявляли частные хозяйствующие субъекты, но общая сумма спроса останется прежней. Под влиянием изменения *направления* спроса повышаются цены продуктов, усиленно потребляемые государством (металлы, кожа, мясо, и т. д.), но в то же время неизбежно понижаются цены на продукты, которых государство не потребляет, а частные лица, лишившись обычных ресурсов, не могут купить. Повышение цен на одни категории продуктов органически связано с падением цен на другие их категории и *общий уровень* цен не терпит существенных изменений.

Совершенно иное дело в том случае, когда государство выступает на рынке с денежными знаками, полученными не из карманов хозяйствующих лиц, а из-под печатного станка. В этом случае новый спрос не замещает обычный спрос хозяйствующих лиц, а *присоединяется* к нему.

Не устраняя предварительно на рынке своих конкурентов, государство вступает с ними в соревнование, и, обладая огромными средствами и не останавливаясь перед высокими ценами, оно побеждает своих конкурентов.

Вдвинутые в экономический оборот денежные знаки являются в первое время как денежный капитал, который стремится превратиться в капитал товарный; с ростом товарных цен этот фиктивный денежный капитал тает и превращается в обычное орудие обращения товаров, чем и завершается процесс вздорожания (58—60).

Д. Кузовков.

Теория накопления Розы Люксембург.

Тов. Тальгеймер на IV Конгрессе Коминтерна в докладе о программе поставил ребром вопрос об отношении теоретиков Р. К. П. к теории накопления Розы Люксембург. «Критика, направленная в Германии и Австрии австро-марксистами против этой теории, по-моему, должна считаться опровергнутой, и те товарищи, которые отвергают эту теорию,—имеется целый ряд русских товарищей, отвергающих ее,—обязаны занять в этом вопросе определенную теоретическую позицию... Для меня важно, чтобы было положено начало теоретической дискуссии, представляющейся мне совершенно необходимой[1]).

С последним заявлением тов. Тальгеймера вряд ли можно не согласиться. Работы Розы Люксембург о накоплении капитала[2]), вызвавшие обширную и оживленную дискуссию среди немецких и австрийских марксистов,—в России систематически замалчивались [3]). А между тем, по заявлению Франца Меринга, этот труд Розы Люксембург подходит «ближе всего к прообразу (к «Капиталу» Маркса. *В. М.*) по обширности сведений, блеску языка, логической ясности исследования, независимости умственной работы, выходящей за пределы простого научного изучения вопроса... Резкие нападки, которым подвергалась эта книга со стороны так называемых марксистов австрийской школы (Ekstein, Hilferding и т. п.), служат блестящим про-

[1]) «Бюллетень IV Конгресса Коминтерна». № 14-15, стр. 17 и 20.

[2]) Роза Люксембург. «Накопление капитала». 1921 г. Ответ критикам дан в другой работе. «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса». 1922 г.

[3]) Появление труда Розы Люксембург было отмечено лишь не-марксистом Туган-Барановским в 3-м издании его известной работы «Периодические промышленные кризисы».

явлением марксистского поповства» [1]). Хотя эта оценка Меринга, как мы увидим ниже,—слишком восторжена,—он не учитывает ряда серьезных ошибок Розы Люксембург,—тем не менее она доказывает, что работы Розы Люксембург заслуживают серьезного внимания.

Замалчивание этих работ в русской марксистской литературе является тем более странным, что они продолжают обсуждение круга проблем, который в девяностых годах усиленно дебатировался русскими марксистами в их спорах с народниками. Вместе с тем, эти работы значительно дополняют теоретическое освещение империализма, развитое в работах Ленина, Бухарина, Каменева.

Все это побуждает нас приветствовать инициативу тов. Ш. Дволайцкого—переводчика этих работ Р. Л.,—в постановке этих проблем на обсуждение. Тов. Дволайцкий, являясь противником теории накопления Розы Люксембург,—направляет свою критику против центрального пункта теории,—против ее утверждения, что в «чистом» капиталистическом хозяйстве невозможна реализация той части прибавочной стоимости, которая подлежит накоплению. Тов. Дволайцкий пытается доказать возможность накопления в «чистом» капиталистическом обществе, пытается вскрыть механизм реализации в таком обществе прибавочной стоимости. Статьи его заслуживают, ввиду этого, серьезного внимания. Разбор критических рассуждений и аргументов тов. Дволайцкого поможет нам, надеемся, выявить сильные и слабые стороны теории накопления Розы Люксембург.

Мы не станем излагать основных положений теории, ибо это сделано удачно тов. Дволайцким в его статьях [2]). Переходим непосредственно к рассмотрению его критических рассуждений и аргументов.

I.

Тов. Дволайцкий придает огромное значение тому обстоятельству, что Роза Люксембург в своих исследованиях

[1]) Франц Меринг. «Карл Маркс», Птр. 1920, стр. 434.

[2]) См. след. статьи: 1) Ш. Дволайцкий. «Накопление капитала и проблема империализма», «Красная Новь», 1921 г. № 1; 2) «К теории рынка», «Вестник Соц. Академии», 1923 г. № 3.

абстрагировалась от роли кредита. «Именно абстрагирование от кредита привело Розу Люксембург к тому выводу, что реализация прибавочной ценности представляет собою в условиях чистого капитализма неразрешимую задачу»,—утверждает тов. Дволайцкий и пытается доказать, что кредит делает эту реализацию возможной и осуществимой. В первой статье он исходит в своих рассуждениях из анализа роли кредита рабочим, кредита потребительского; во второй—из анализа роли торгового,—оборотного кредита.

Допустим, говорит в первой статье тов. Дволайцкий, что жизненные потребности рабочего населения, в силу его естественного размножения, увеличились за неделю на 10.000 руб., и что рабочие, пользуясь недельным кредитом в мелочных лавках, купят дополнительно продуктов на эту сумму. Часть якобы не поддающейся реализации прибавочной стоимости будет, таким образом, реализована, и накопление окажется возможным. Расширение производства в одних отраслях вызовет по закону цепной связи волнообразное расширение в ряде других отраслей. Произойдет в связи с этим волнообразное увеличение во всех этих отраслях количества рабочих,—увеличение совокупного переменного капитала. Таким образом, сверх той, скажем, миллионой суммы, которою рабочие в целом располагали обычно в конце недели, они теперь имеют дополнительную сумму. Из этого прироста и будут черпаться ими средства для уплаты тех 10.000 р., на которые они кредитовались у торговцев. Таким образом, потребительский кредит делает возможным расширенное воспроизводство.

Во второй своей статье, напечатанной в № 3 «Вестника Соц. Академий», тов. Дволайцкий доказывает ту же мысль, анализируя торговый, оборотный кредит. При нормальном функционировании системы торгового кредита, фабрика сбывает свои товары в кредит оптовику, оптовик—в кредит розничному торговцу и т. д. С другой стороны, фабрика получает в кредит необходимые ей элементы производства. Сбыв в кредит оптовику ту часть товаров, которая представляет собою часть «m», подлежащую накоплению,—каждая фабрика, пользуясь в свою очередь кредитом или дисконтировав в банке векселя торговцев, может начать расширенное воспроизводство. Но расши-

рение производства в одних отраслях вызывает по закону цепной связи общее расширение производства, а значит, увеличение количества рабочих, т.-е. совокупной величины переменного капитала. Это увеличение покупательной способности рабочих масс сделает возможным реализацию торговцами тех товаров, которые они купили в кредит у фабрик. Продав товары, они уплатят фабрикантам суммы, на которые кредитовались, и, таким образом, фабриканты получат возможность расплатиться со своими кредиторами. Расширенное воспроизводство благополучно закончилось и может тем же способом начаться снова.

Центральным пунктом рассуждений т. Дволайцкого в обеих статьях является, очевидно, положение, что кредит создает возможность реализации прибавочной стоимости, ибо вызываемое им волнообразное расширение производства увеличивает совокупный переменный капитал, т.-е. покупательную способность масс.

Действительно ли, однако, кредит обладает такой магической способностью делать возможным накопление в «чистом» капиталистическом обществе? — Разберемся!

Тов. Дволайцкий в своих рассуждениях совершенно не учитывает роста технического состава капитала, роста нормы прибавочной стоимости и нормы накопления. Он исходит фактически из молчаливого предположения неизменного уровня техники и производительности труда, неизменной нормы прибавочной стоимости и неизменной нормы накопления.

Совершенно очевидно, что даже при неизменном уровне техники и производительности труда расширенное воспроизводство приводит к увеличению количества выбрасываемых на рынок товаров. Из самого понятия расширенного воспроизводства вытекает, что с каждым оборотом капитала количество производимых товаров увеличивается. Итак, расширенное воспроизводство даже при неизменной технике и производительности труда должно вызывать беспрерывный рост, после каждого оборота капитала, количества как средств производства, так и предметов потребления.

Допустимо ли, однако, при обсуждении проблемы накопления абстрагирование от роста технического состава капитала,—от роста нормы прибавочной стоимости, от роста нормы накопления?

Маркс во втором томе «Капитала» в рассуждениях и схемах, касающихся проблемы накопления, абстрагируется от всех этих реальных условий накопления. Этот прием применяется им, как мы это выясним ниже, для упрощения и облегчения задачи выявления *механизма* воспроизводства. В третьем томе, возвращаясь к проблеме накопления и анализируя реальный процесс накопления, Маркс учитывает все эти реальные условия, в которых он протекает. И поскольку тов. Дволайцкий вовлекает в анализ проблемы накопления роль кредита и переходит фактически к анализу реального процесса накопления, постольку он уже не может игнорировать указанных реальных условий накопления, ибо последние не в меньшей мере имманентны капитализму,—хотя бы и «чистому»[1]). Стремясь доказать, что осуществляемое при посредстве кредита расширение производства увеличивает количество рабочих и совокупную покупательную их способность, и превращая это положение в центральный пункт своей критики,— тов. Дволайцкий уже методологически и логически не вправе не учитывать влияния этих реальных условий накопления на величину переменного капитала. Хотя технический прогресс наталкивается при капитализме на ряд препятствий, замедляющих его,—тем не менее, рост технического состава капитала происходит неуклонно, замедляясь в одни периоды, ускоряясь в другие.

---

[1]) Оговариваемся: т. Дволайцкий указывает мимоходом, что в его задачу входит доказать лишь теоретическую *возможность* накопления в «чистом» капитализме. Но в том то и дело, что он все свои рассуждения и выводы применяет затем для решения вопроса о соотношении *реально* развивающейся капиталистической системы и соприкасающейся с нею некапиталистической среды. Таким образом, он переносит свои выводы на реально развивающуюся в некапиталистическом окружении капиталистическую систему и применяет их для решения проблемы рынка. Между тем, как мы докажем ниже, схемы и построения второго тома «Капитала», защищаемые т. Дволайцким, не могут быть непосредственно применяемы для решения вопроса об отношении развивающегося капитализма к некапиталистической среде и для решения проблемы рынка; ибо они верны лишь при их гипотетических, нереальных предпосылках. Кроме того, т. Дволайцкий вовлекает в анализ некоторые реальные условия (роль кредита, роль государства) накопления, абстрагируясь от других. Все это побуждает нас рассмотреть рассуждения и выводы т. Дволайцкого с учетом реальных условий накопления.

«В ходе накопления мы наблюдаем не только количественный и одновременный рост различных элементов капитала: развитие производительных сил общественного труда, приносимое этим движением, выражается также в качественных изменениях, в постепенных изменениях технического состава капитала. Объективный, вещественный фактор процесса труда увеличивается по сравнению с субъективным, личным фактором, т.-е. масса средств труда и сырых материалов увеличивается по сравнению с суммой применяемых им рабочих сил. *В той мере, как капитал делает труд более производительным, его спрос на труд уменьшается по сравнению с его величиной*». («Капитал», т. 1-й, стр. 638, изд. 1920 г. Курсив наш). Маркс подчеркивает здесь, что накопление сопровождается ростом технического состава капитала. И если т. Дволайцкий решительно утверждает, что основным источником ошибочных воззрений Розы Люксембург является абстрагирование от кредита, то мы с неменьшей решительностью утверждаем, что именно абстрагирование от роста технического состава капитала и роста нормы прибавочной стоимости и нормы накопления является главной причиной ошибочных представлений о магической силе кредита при *реальном* процессе капиталистического накопления.

И, действительно, ведь рост технического состава капитала означает, что расширение производства может произойти относительно с небольшим увеличением количества рабочих и переменного капитала, — может произойти за счет увеличения количества средств производства. С другой стороны, независимо от накопления, рост технического состава капитала проявляется *в прогрессирующей замене до того работавших рабочих машинами, в постоянном высвобождении до того занятых рабочих*. Как мог тов. Дволайцкий отвлечься от этого «всеобщего закона капиталистического накопления», рассматривая процесс накопления в реальных условиях? Абсолютного роста количества рабочих и величины переменного капитала может ведь при расширенном воспроизводстве иногда и не быть, или этот рост может происходить в небольших размерах по *сравнению с размером расширения воспроизводства*.

«Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы

труда, вызываемое им изменение органического состава капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления или с возрастанием общественного богатства,— *они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление или абсолютное увеличение всего общественного капитала сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале — техническим переворотом в первоначальном капитале*. С прогрессом накопления отношение постоянной к переменной части капитала изменяется таким образом, что если первоначально оно составляет 1 : 1, то потом оно превращается в 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1, и т. д., так что по мере возрастания капитала в рабочую силу превращается не $^1/_2$ его общей стоимости, а прогрессивно лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., в средства же производства — $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то *он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала вместо того, чтобы, как мы предполагали* раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, *ускоряющейся с возрастанием этой величины*. Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в *постоянно убывающей пропорции*. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и *даже того*, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала,—*уже функционирующие рабочие сохранили работу*,—условием этого становится ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала. Мало того, это возрастающее накопление и централизация в свою очередь сами превращаются в источник нового изменения состава капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной». («Капитал», т. 1, стр. 646, изд. 1920 г. Курсив наш).

Но зато, с другой стороны, этот рост технического состава капитала, введение новых машин знаменует собою

рост производительности труда, рост количества товаров, выбрасываемых на рынок. Если расширенное воспроизводство при неизменной технике ведет к увеличению количества производимых товаров, то расширенное воспроизводство при растущем применении машин должно бесспорно вести к постоянному и прогрессирующему росту массы выбрасываемых на рынок товаров.

Происходит ли это расширяющееся увеличение массы товаров только за счет роста количества средств производства? Судя по критике т. Дволайцким теории накопления Туган-Барановского,—он, очевидно, не станет отрицать, что расти будет и количество средств потребления, что рост количества средств производства невозможен без роста количества предметов потребления [1]). Зависимость роста количества средств производства от количества предметов потребления четко формулирована Марксом в его утверждении, что «непрерывное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом... в первое время независимо от личного потребления, в том смысле, что оно никогда в него не входит, но... в конечном счете ограничено личным потреблением, потому что *производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но совершается только потому, что его более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление*» [2]). Эта же мысль неоднократно подчеркивается и развивается и Лениным в его работах, относящихся к девяностым годам. «Средства производства изготовляются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления» [3]). Рост технического

[1]) Мы считаем этот вопрос центральным пунктом проблемы. Рассуждения и построения т. Дволайцкого были бы неуязвимы, если бы подразделение средств производства могло расти независимо от подразделения предметов потребления. Критикуя эту теорию Тугана, т. Дволайцкий облегчает нам критику его воззрений. Зависимость производства от потребления и ошибочность воззрений Тугана прекрасно выяснены Л. Исаевым. См. его «Кризисы в народном хозяйстве». 1913 г.

[2]) «Капитал», т. III, I ч. стр. 288. Изд. 1922 г. Курсив наш.

[3]) В. Ильин «Ответ г. П. Нежданову», «Жизнь» за 1899 г., № 12. Об этом же см. «Развитие капитализма в России». Стр. 16, 17, 18 и статью. «Заметки к вопросу о теории рынков» в «Научн. Обозрении» за 1899 г. № 1. Эти статьи Ленина вошли в недавно вышедший II-й том сочинений.

состава капитала означает, что подразделение средств производства растет быстрее, чем подразделение предметов потребления. Но именно этот рост количества средств производства, отражаясь на уровне техники и производительности труда отраслей, изготовляющих предметы потребления,—ведет к неимоверному росту массы предметов потребления. «Развитие производительности общественного труда совершается таким путем, что все бо́льшая часть этого труда затрачивается на подготовительные операции производства средств производства; наоборот, все меньшая доля совокупного труда общества затрачивается на производство средств потребления, *и именно поэтому* (курсив Бухарина) неимоверно растет масса последних in natura, как потребительных ценностей» [1]).

Таким образом, накопление капитала сопровождается двумя параллельными процессами: процессом прогресирующего вытеснения человека машиной и процессом прогрессирующего роста массы потребительных благ.

Кто же будет покупать эту все возрастающую массу предметов потребления, чтоб тем самым делать возможным накопление как в отраслях, производящих предметы потребления, так и в отраслях, изготовляющих средства производства?

Все рассуждения т. Двойлацкого покоятся на положении, что вызываемое кредитом расширение производства увеличивает совокупную величину переменного капитала, т.-е. покупательную способность населения, а это делает возможным благополучную расплату по всей цепи кредитных отношений. Можно ли, однако, в свете развитых нами положений утверждать, что это расширение производства, а значит, и количества товаров,—вызовет *соответственное же* увеличение переменного капитала? Совершенно очевидно, что если даже рост переменного капитала и будет происходить,—*то он будет все более и более отставать от величины накопления и от прогрессирующего роста массы товаров.*

Если при расширении производства, осуществляемом при помощи кредита рабочим, количество рабочих и сово-

[1]) Н. Бухарин: «Мировое хозяйство и империализм». 1923 г. Стр. 19 и 20.

купная величина переменного капитала возрастут, то ведь необходимо будет обратить часть этого капитала на уплату сумм, на которые рабочие кредитовались. По вычете этих сумм может оказаться, что совокупная покупательная способность по сравнению с предыдущим периодом оборота капитала либо осталась неизменной или даже уменьшилась, либо, в лучшем случае, возросла незначительно, между тем, как масса потребительных благ возросла гораздо более значительно. Таким образом вопрос о реализации части «m», подлежащей накоплению снова стоит во всей его остроте. Совершенно аналогичное явление мы будем иметь, если возьмем за основу анализа не кредит рабочим, а торговый, оборотный кредит. Количество товаров у фабрикантов возрастет, в то время как возросшая покупательная способность масс может оказаться недостаточной, чтоб потребить ту массу товаров, которая в порядке оборотного кредита была фабрикантами раньше продана торговцам. Если для решения проблемы реализации возросшей прибавочной стоимости снова сослаться на кредит, то совершенно ясно, что в конце следующего рабочего периода мы будем иметь то же противоречие на еще более расширенной основе. Оно будет обостряться еще тем обстоятельством, что по мере роста, с каждым периодом оборота капитала, массы прибавочной стоимости,—капиталисты смогут потребить все меньшую и меньшую ее часть и все большая ее часть должна будет подлежать накоплению, т.-е. норма накопления будет возрастать. В реальном капитализме капиталист вынужден увеличивать норму накопления под давлением конкуренции.

Если б капиталисты расширяли производство, опираясь на предлагаемые т. Дволайцким способы использования кредита, то скоро обнаружилось бы огромное перепроизводство, началась бы волна банкротств, которая привела бы к волнообразному сокращению производства ниже прежнего уровня. *Вообще, в реальном процессе накопления кредит может лишь отдалить выявление противоречия, но, воспроизводя его на расширенной основе, он расширяет и углубляет его и обостряет, тем самым, формы его последующего проявления.*

Итак, мы видим, что в «чистом» капитализме, взятом в реальных условиях развития, кредит вовсе не обладает

магической способностью, которую ему приписывает тов. Дволайцкий. Кредит расширяет рынок сбыта лишь в том размере, в котором последний *потенциально* уже имеется в наличии. Он устраняет препятствия к использованию *наличных* рынков сбыта, вытекающие из несоответствия моментов и величины потребности в элементах производства или предметах потребления и моментов наличия их на рынке—с моментами наличия соответственных средств для их покупки. Он делает возможным *выявление потенциально существующих рынков* и полное использование наличных рынков сбыта; он делает возможным развитие производительных сил там, где рынок сбыта имеется, но где отсутствуют капиталы, необходимые для производства. Противоречия между прогрессирующим ростом массы товаров и относительным сокращением покупательной способности масс—кредит в реально развивающемся капитализме устранить не мог бы. Наоборот, он воспроизводил бы его на расширенной основе.

II.

Все вышесказанное выявляет с очевидностью, что при предположении роста технического состава капитала, роста нормы прибавочной стоимости, роста нормы накопления и т. п., т.-е., если «чистый» капитализм анализируется не в гипотетических, нереальных, опытных условиях, а в условиях вполне реальных,—*бесконечный и прогрессирующий* процесс накопления оказывается в нем невозможным. Раньше или позже,—процесс накопления в «чистом» капитализме столкнулся бы с растущим противоречием между грандиозным ростом производства и все более и более отстающим от него потреблением. *Реальный «чистый» капитализм мог бы существовать лишь в условиях застойной техники, падающей низкой нормы накопления, частых и продолжительных кризисов и депрессий, прерываемых лишь краткими периодами оживления.* Отсюда следует, что чем больше будет капитализм приближаться к «чистому»,—тем ярче начнут в нем выступать черты застойности.

Все построения и рассуждения Маркса во втором томе «Капитала» неразрывно связаны с тем, что Маркс гипотетический «чистый» капитализм абстрагирует от реальных

условий его развития. Он анализирует простое и расширенное воспроизводство в условиях неизменной техники и производительности труда, — неизменной нормы прибавочной стоимости, — невозрастающей (хотя и колеблящейся) нормы накопления, — благоприятного для анализа состава капитала. Вопреки мнению Розы Люксембург, воспроизводство в таких гипотетических, нереальных и искусственных условиях — теоретически мыслимо. Какую цель преследуют, однако, построения Маркса во втором томе «Капитала»? Можно ли делать из них вывод о возможности действительного реального, развития «чистого» капитализма? Мы утверждаем, что это значило бы исказить смысл и назначение построений второго тома, обнаружить непонимание методологии Маркса и его системы в целом. *Маркс ни в какой мере не занимается во втором томе вопросом о возможности бесконечного и прогрессирующего накопления в «чистом» капитализме.* Смысл и назначение построений второго тома — в изучении *механизма* воспроизводства общественного капитала. Для *упрощения и облегчения* этой задачи Маркс берет гипотетический «чистый» капитализм; с этой же целью он абстрагирует его от всех реальных процессов, сопровождающих накопление. Маркс сам подчеркивает это во второй части «Теорий прибавочной стоимости», в главах, посвященных проблеме накопления. «Мы рассмотрим здесь только различные формы, которые принимает капитал в своем дальнейшем развитии. Следовательно, реальные отношения, в пределах которых происходит действительный процесс производства, не развиваются. Все время предполагается, что товары продаются по их ценности. Конкуренция капиталов не рассматривается, равно как не рассматриваются ни кредит, ни действительное строение общества, которое отнюдь не состоит только из класса промышленных капиталистов, и в котором, следовательно, потребители и производители не тождественны [1]).

Марксу необходимо было выявить ошибочность воззрений А. Смита и Рикардо, полагавших, что накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату. Выявив механизм воспроизводства в упрощенных, опытных условиях, предполагающих возможность реализации

[1]) См.: К. Маркс. «Накопление капитала и кризисы» из «Theorien über den Mehrwert». Перевод С. А. Бессонова, Москва, 1923.

данною,—Маркс подготовил, тем самым, постановку проблемы реализации [1]).

Если бы Маркс продолжил разработку проблемы во II-м томе, то вслед за этими схемами последовало бы несомненно исследование реального капитализма и выяснение действительных условий расширенного воспроизводства. И соответственные места в 1-м и 3-м томах дают основание для утверждений, что Маркс разработал бы свое учение о глубоком противоречии между расширением производства и сокращением потребительного рынка, из которого вытекает с совершенной бесспорностью *невозможность длительного прогрессирующего накопления в «чистом» капитализме без некапиталистической среды.* Мы не станем приводить многих замечательных мест VII отдела 1-го тома «Капитала» и ограничимся лишь одной убедительной цитатой из 3-го тома.

«Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей производства *и потребительной силой общества.* Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребления огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся *лишь в более или менее узких границах. Она ограничена, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к произ-*

[1]) Все это понимает и подчеркивает А. Финн-Енотаевский в его работе «Современное хозяйство России». «Во II-м томе «Капитала» Маркс дал анализ процесса воспроизводства лишь с чисто *формальной* стороны, т.-е. предполагая, что все условия необходимые для реализации... соответственно наперед даны... Он и не мог дать во II-м томе теории рынков, потому что для этого ему нужно было бы раньше исследовать так называемое «общественное потребление», которое регулирует принцип спроса.. А это могло быть исследовано только в III-м томе. Задача, которую Маркс поставил себе прежде всего в третьем отделе II го тома, была: показать каким образом происходит реализация постоянного капитала, его возмещение и расширение.. Во всем II-м томе рассматриваются лишь *формы*, которые проходят капитал на различных стадиях своего развития». (Стр. 14).

водству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый *постоянными революциями в самых методах производства*, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, *необходимостью совершенствовать производство* и сохранять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. *Поэтому рынок должен постоянно расширяться*, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. *Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более вступает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление*». («Капитал», т. III, ч. I, стр. 225, изд. 1922 г. Курсив наш).

Цитата эта доказывает с полной очевидностью, что Маркс не считал возможным *бесконечное и прогрессирующее* накопление в «чистом» капитализме, что длительный и прогрессирующий реальный процесс накопления он считал возможным лишь при наличии внекапиталистических рынков и потребителей. На это он прямо указывает в заключительных строках цитаты. При чем, цитата эта не является в 3-и томе изолированной. Вся пятнадцатая глава («Развитие внутренних противоречий закона») изобилует не менее яркими и убедительными заявлениями и рассуждениями. Но вместе с тем, все эти цитаты не противоречат II-му тому, ибо Маркс исходит в 1-м (VII отдел: «Процесс капиталистического накопления») и в 3-м томах не из гипотетических, нереальных условий накопления,—он учитывает сопровождающие реальный процесс накопления рост технического состава капитала и производительности труда, рост нормы прибавочной стоимости и нормы накопления и т. д.

Таким образом, положительная часть теории накопления Розы Люксембург, заключающаяся в установлении невозможности прогрессирующего реального накопления в «чистом» капитализме и необходимости некапиталистической среды для того, чтобы такое реальное накопление совершалось,—эта часть является, с нашей точки зрения, прямым

продолжением и развитием учений Маркса. Эта положительная часть ее теории ослабляется, однако, тем обстоятельством, что Роза Люксембург исходит из представлений об абсолютно тесной и непосредственной зависимости каждого этапа роста производства от роста некапиталистической среды. В ее изложении получается, что на основе данной величины потребления возможны лишь небольшие волны расширения производства,—что поэтому даже краткие периоды расширенного воспроизводства невозможны без постоянного соответственного расширения некапиталистических рынков. Розе Люксембург был, очевидно, недостаточно ясен закон цепной связи отраслей производства и его значение для рынка. Между тем, каждая отрасль производства является рынком для других. Поэтому на основе данной величины потребления возможно волнообразное расширение производства; даже относительно—небольшое расширение потребительского рынка может оказаться достаточным для нового волнообразного роста производства. В процессе этого волнообразного расширения, по причинам очерченным нами выше, *развивается и противоречие между производством и потреблением.* Но благодаря значению цепной связи для рынка,—это противоречие обнаруживается в результате более длительных периодов развития. Правильно определив *принципиальное* значение некапиталистической среды для прогрессирующего роста накопления, Роза Люксембург преувеличила хронологическую, так сказать, зависимость каждого этапа роста производства от роста некапиталистических рынков.

Положительная часть ее теории накопления, кроме того, ослабляется тем обстоятельством, что она пытается также доказать невозможность накопления даже в тех гипотетических, нереальных, опытных условиях, которые предполагаются схемами и построениями Маркса во 2-м томе. В этой части аргументация Розы Люксембург неубедительна. *При неизменности всех прочих условий расширенное воспроизводство должно равномерно увеличивать постоянный капитал, переменный капитал и массу прибавочной стоимости. При неизменной же норме накопления и норме прибавочной стоимости это должно увеличивать потребление рабочих и капиталистов. Между тем, при неизменной производительности труда масса продуктов возрастает также равномерно.*

Все это делает теоретически мыслимым накопление в условиях, предполагаемых схемам 2-го тома.

Чувствуя, очевидно, слабую убедительность аргументов о невозможности накопления даже в условиях предполагаемых схемами Маркса, Роза Люксембург спешит перейти к критике схем в реальных условиях накопления. Усложняя эти схемы рядом моментов, приближающих накопление в «чистом» капитализме к реальным условиям, Роза Люксембург пытается доказать, что тогда схемы и построения Маркса оказываются неверными [1]). Совершенно верно! Но в том-то и дело, что Маркс сознательно абстрагирует свои схемы и построения от реальных условий накопления *для того*, чтобы тем явственнее выступил *механизм* расширенного воспроизводства в его *натурально-вещественных элементах*. И лишь это абстрагирование сделало возможным выявление сложного механизма воспроизводства [2]).

И если бы тов. Дволайцкий ограничился в своих статьях критикой этих ошибок и крайностей теории Розы Люксембург, мы не имели бы оснований для дискуссии с ним. Поскольку же т. Дволайцкий оспаривает в целом теорию

---

[1]) Следует, однако, отметить, что к подобному анализу схем Роза Люксембург вынуждена была прибегнуть, чтобы опровергнуть их использование «эпигонами» для доказательства возможности реального накопления в «чистом» капитализме.

[2]) Лишь непониманием этого можно объяснить критику Розою Люкс, рассуждений Маркса о деньгах при воспроизводстве. Она упрекает Маркса в том, что он исследует вопрос об источнике денег, вместо того, чтоб ставить вопрос о покупателях части «m», не поддающейся реализации. Она думает, что второй вопрос маскируется у Маркса первым. Между тем во II-м томе Маркс не занимается вторым вопросом, ибо при предпосылках его схем проблема реализации отсутствует. Маркс исследует механизм процесса воспроизводства. Естественно, что он должен был уделить внимание вопросу об источниках, о воспроизводстве денег. Тот факт, что Маркс «пришел, в конце концов, к золотопромышленнику» объясняется весьма просто: в «чистом» капитализме золото, необходимое для выполнения денег,— воспроизводится золотопромышленниками.

Не менее ошибочной является критика Розою Люксембург схем Маркса в том отношении, что размер накопления определяет исключительно подразделение I-е, II-е же только следует этому движению. В действительности, в схемах имеет место не односторонняя зависимость, а взаимозависимость обоих подразделений. С равным правом можно утверждать, что II-е определяет I-е. Эта взаимозависимость есть выражение пропорциональности.

накопления Розы Люксембург и фактически доказывает возможность *бесконечного* и прогрессирующего реального процесса накопления в «чистом» капитализме, мы считаем его воззрения ошибочными. Следует ведь помнить, что проблема обсуждается с целью выяснить условия накопления в реальном капитализме, и всякая неясность приведет к неправильному пониманию проблемы циклов, кризисов, империализма. Можно абстрагировать капитализм от некапиталистической среды, но нельзя абстрагировать процесс накопления от реальных его условий, если хотят познать его законы.

В своей первой статье, напечатанной в «Красной Нови» и в предисловии к русскому переводу «Накопления Капитала» тов. Дволайцкий свою критику обосновывал не только ролью кредита, но и ролью государства в накоплении. Государство, настаивал тов. Дволайцкий, является вторым могучим фактором, способствующим накоплению в «чистом» капитализме. Оно берет на себя выполнение ряда функций производственного характера: прокладывает железные дороги, роет каналы, строит гавани, орошает безводные пространства и т. п. Средства для этого государство получает от налогов,—«которые составляются,главным образом, из прибавочной стоимости. Таким образом, капитализм в лице государства приобретает весьма крупного «потребителя», который присваивает себе часть общественного продукта и тем самым освобождает капиталистов от неприятных поисков за покупателями, хоть некоторой части не поддающейся сбыту прибавочной стоимости».

Стоит, однако, вдуматься в смысл подобного явления, чтоб стало до очевидности ясным, что оно не подтверждает возможности реального *капиталистического* накопления в «чистом» капитализме. И, действительно, раз мы имеем дело с «чистым» капитализмом, то государство может черпать свои средства почти только от налогов на капиталистов. Таким образом, государство принимает у них часть прибавочной стоимости. Это вызовет сокращение потребления капиталистов и уменьшение накопления. Но, быть может, волнообразный спрос, вызываемый производительной деятельностью государства, расширит рынок и облегчит реализацию и накопление остальной части «m»? Если это и произойдет, то не следует забывать, что, с другой стороны, эта деятельность государства сократит

рынок для капиталистической промышленности, ибо государство, занимаясь производительной деятельностью, берет на себя удовлетворение потребностей населения. Вместе с тем, производительная деятельность государства вызовет рост товарной массы и усилит противоречие между количеством товаров и покупательной способностью масс. И если такая деятельность государства кажется тов. Дволайцкому необходимой, чтобы сделать возможным существование реального «чистого» капитализма, то это подтверждает лишь невозможность в нем *капиталистического* накопления, т.-е. вопреки намерению т. Дволайцкого, — доказывает невозможность бесконечного развития «чистого» капитализма. Мы увидим, однако, ниже, что соображения т. Дволайцкого верны, в применении к непроизводительной деятельности государства,—к милитаризму.

III.

Наша точка зрения на роль некапиталистических рынков, свободная от ошибок и крайностей Розы Люксембург, совпадает с точкой зрения К. Каутского, формулированной им в «Теориях кризисов», и близка к позиции А. Финн-Енотаевского, развитой им в первых главах «Современного хозяйства в России». Она совпадает вместе с тем с точкой зрения Парвуса, формулированной последним в «Handelskrisis und gewerkschaften».

«С ростом богатства капиталистов»,—писал Каутский в 1902 г. в «Теориях кризисов»,—«и с увеличением численности рабочих рынок все более расширяется, но так как это расширение рынка совершается медленнее, чем накопление капитала и рост производительности труда, то спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств потребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью. Последняя должна искать добавочного рынка за пределами капитализма — в отраслях и странах, не производящих еще капиталистически. Она находит этот рынок и расширяет его все больше и больше, но все же не в достаточной мере, ибо этот добавочный рынок далеко не обладает той эластичностью и способностью к расширению, какою отличается капиталистический способ производства... Таким образом, всякая эпоха процветания, которою сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее осуждена на недолговечность, и кризис является ее естественным завершением». (Стр. 36—37 русск. перевода 1923 г.).

Противники теории накопления Розы Люксембург изображают ее часто таким образом, будто некапиталистическая среда понимается ею как рынок сбыта предметов потребления. При такой интерпретации нетрудно доказать, что некапиталистическая среда далеко не всегда может быть рынком сбыта и что, вообще, роль ее в облегчении накопления весьма ограничена. Подобное изложение роли некапиталистических рынков облегчает критику теории. Тем важнее для нас подчеркнуть абсолютную неверность этой интрепретации. В 26-й главе «Накопления» Роза Люксембург обстоятельно выясняет, что некапиталистическая среда может играть роль не только как рынок сбыта предметов потребления, но и как рынок сбыта средств производства. В главе 30-й выясняется, что некапиталистические страны и районы использовываются, прежде всего, для железно-дорожного строительства. Широкое железно-дорожное строительство возможно и необходимо в них как для развития товарного хозяйства, так и для развития их производительных сил. Это использование некапиталистических стран и районов в первую очередь для жел.-дор. строительства превращает их в рынок сбыта товаров металлургии и вызывает, тем самым, в соответствующих капиталистических странах волнообразное расширение производства. Вместе с тем, проведение жел. дорог развивает в этих странах товарно-денежное хозяйство и превращает их в результате и в рынок сбыта предметов потребления, сельско-хоз. машин и т. п. Как это прекрасно выяснено Розою Люксембург,—постройка железных дорог при посредстве займов и путем гарантии доходности — является также способом выжимания средств у некапиталических производителей. Таким образом некапиталистическая среда облегчает накопление капиталов, как база для доходных в перспективе огромных сооружений (железных дорог, каналов и т. п.) и как рынок сбыта предметов потребления и средств производства.

С другой стороны, из защищаемой нами в статье теории накопления вытекает роль милитаризма в расширении сбыта. В главе 32-й Роза Люксембург выясняет обстоятельно роль милитаризма, как поприща капиталистического накопления. Милитаризм, как мы это выясним в конце нашей статьи,—создает в росте вооружений новый потребительский рынок, облегчающий накопление. И поскольку борьба за некапиталистические страны питает милитаризм, постольку она и в самом милитаризме создает новый потребительский рынок.

Верность нашей интерпретации и критики воззрений т. Дволайцкого, нашего анализа проблемы накопления и нашей оценки положительных сторон теории накопления Розы Люксембург—должна быть проверена теперь на анализе промышленных циклов и кризисов. Если защищаемая нами точка зрения на реальный процесс накопления верна, то это должно подтвердиться и на анализе кривой капиталистического развития, ибо теория накопления должна служить основой для теории промышленных циклов и торгово-промышленных кризисов. Тот факт, что Роза Люксембург при анализе проблемы воспроизводства отвлеклась от кризисов и от смены конъюнктур и исходила из «средней величины воспроизводства»,—не означает, однако, взаимной независимости этих проблем. Роза Люксембург правильно отмечает в «Антикритике» связь теории промышленных циклов и промышленных кризисов с теорией накопления. К сожалению, механизм этой связи совершенно не разработан ею. Проблема слишком обширна, чтобы мы могли ее развить в пределах данной статьи. *Нам придется ограничиться лишь выяснением основных линий этой связи.*

В первую очередь мы переходим к проблеме закономерности так называемых больших циклов. Если среди марксистов имеются лица, отрицающие закономерность больших циклов [1]), то это можно приписать лишь недостаточно вдумчивому анализу ими кривой капиталистического развития на протяжении XIX века. Достаточно сопоставить по малым циклам индексы цен, средний уровень дисконта, данные об учредительстве, кривую движения металлической наличности банков и выработки железа и прочие показатели конъюнктуры,—достаточно сопоставить периоды подъема с периодами депрессий, чтобы стало совершенно очевидным, что на протяжении XIX и XX веков мы имеем следующую закономерность больших циклов: вторая четверть XIX столетия является в общем и целом эпохой депрессии; пятидесятые и шестидесятые годы (до 1873 г.)—эпохой подъема; семидесятые, восмидесятые и часть девяностых—эпохой депрессий; с половины девяностых снова начинается эпоха подъема, продолжающаяся до войны. Мы видим, таким образом, что эпохи подъема и эпохи депрессий чередуются, образуя большие циклы. Развивающиеся в пределах каждой части большого цикла, малые циклы не нарушают существенно общего характера каждой части большого цикла.

Чем объясняется эта странная закономерность в развитии капитализма? Не приходится сомневаться, что эта закономерность—равнодействующая целого ряда условий и факторов. Но, вместе с тем, мы полагаем, что решающую роль играет закономерность втягивания капитализмом в его орбиту и использования им некапиталистических рынков. В данной статье мы постараемся иллюстрировать это на примере самой передовой в XIX веке в капиталистическом отношении страны—Англии. При этом мы будем ссылаться на исследователя, которого вряд ли можно заподозрить в сочувствии идеям Розы Люксембург,—на Туган-Барановского.

Чем объясняется депрессия второй четверти XIX века?—Предоставим слово Туган-Барановскому. «Развитие фабричного производства чрезвычайно повысило производительную силу английской промышленности. Количество

---

[1]) На закономерность больших циклов указывал ряд авторов (К. Каутский—в «Теориях кризисов», Парвус—в «Handelskrisis und gewerkschaften» и др.). Последнее время наличие такой закономерности подчеркнуто было проф. Кондратьевым в V отделе его книги «Мировое хозяйство». Тов. Н. Осинский в статье о мировом хозяйстве («Мировое хозяйство в оценке наших экономистов», «Красная Новь»; 1923 г., № 2) иронически отзывается об этой теории, не дав себе труда привести хотя бы какие-нибудь факты и соображения против нее. Между тем, совершенно несомненно, что изучение этой закономерности имеет огромное значение для установления общей закономерности и общей тенденции развития капитализма. Это было правильно отмечено т. Троцким в его докладе на IV Конгрессе Коминтерна. Проблеме больших циклов мы надеемся посвятить особую работу, где осветим ее на основе подбираемых нами статистических данных и где попытаемся разработать ее теоретически.

продуктов, изготовляемых в Англии, увеличилось в несколько раз, а между тем рынок для сбыта английских продуктов вне расширялся. Внутренний рынок Англии сократился следствие обеднéния массы английского населения, а на внешнем рынке английская торговля встречала непреодолимые препятствия в виде запретительных или строго-охранительных тарифов. Бóльшая часть английского вывоза должна была направляться в некультурные или мало-культурные страны Старого и Нового Света... Таким образом, спрос на английские товары внутри страны и за границей возрастал очень медленно... На внутреннем рынке... спрос на бумажные ткани не возрастал, а сокращался [1])...

Этот период был в Англии периодом сильного роста производства. Казалось бы, что согласно утверждения тов. Дволайцкого, должно было расти и потребление масс. Оказывается, однако, что потребление не только не росло, но сокращалось, и не только на ткани, но и на предметы питания, например,—как это отмечается Туганом,—на сахар. Чем же это объясняется? Тем, что этот период был периодом мощного прогресса техники, и развитие совершалось, главным образом, за счет постоянного капитала, а не переменного. Почему же оно могло, однако, происходить?— Потому что, с одной стороны, имелся рынок для средств производства, и происходил усиленный рост подразделения средств производства, и, с другой стороны, для возрастающей массы товаров все же открывались новые рынки. Но недостаток этих рынков приводил к тому, что «развитие шло путем продолжительных тяжелых кризисов» [2]).

Чем объясняется подъем пятидесятых и шестидесятых годов?

Туган-Барановский резюмирует следующим образом причины подъема.

«Переход Англии и, в меньшей степени, остальной Европы от системы протекционизма, стеснявшего международную торговлю, к системе свободной торговли и постройка железных дорог, уменьшившая во много раз стоимость сухопутной перевозки товаров, чрезвычайно расширили рынок для сбыта английских произведений. Но действие

[1]) Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы», 3-е изд., стр. 24—25.

[2]) Там же, стр. 27.

этих двух факторов еще было усилено открытием необыкновенно богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии... Значение этих открытий для английской торговли заключалось прежде всего в том, что спрос на английские товары в Калифорнии и Австралии быстро увеличились в несколько раз» [1])...

Таким образом, подъем объясняется расширением рынков сбыта: открытием новых рынков и более интенсивным использованием старых (Ост-Индия), благодаря постройке железных дорог, развитию сухопутных и морских сообщений.

Каковы причины депрессии семидесятых, восьмидесятых и части девяностых годов?

Что касается Англии, то Туган-Барановский причины находит опять-таки в условиях рынка. «Промышленность энергично развивалась в тех странах, которые Англия привыкла считать как бы своим наследственным рынком.

Северная Америка... быстро подвигалась вперед по пути к освобождению своего внутреннего рынка от иностранных фабрикантов. Английские колонии, как Канада и Австралия, успешно развивали при помощи покровительственных пошлин свою собственную промышленность. Страны Дальнего Востока, поглощавшие главную массу английских хлопчато-бумажных тканей и пряжи, стали с конца 70-х годов заводить собственные фабрики; бумаго-ткацкие и бумаго-прядильные фабрики Бомбея не только явились серьезным конкурентом Ланкшира на индийском рынке, но мало-по-малу захватили и некотрые иностранные рынки, которые раньше были в монопольном владении Англии. Так, вывоз бумажной пряжи из Англии в Японию и Китай почти не возрастал с половины 70-х годов, из Индии же увеличился уже настолько сильно, что английская пряжа стала составлять только ничтожную долю иностранной пряжи на этих рынках. Индийская пряжа почти целиком захватила японский и китайский рынок. С конца 70-х годов повсюду начинается поворот в сторону протекционизма» [2])...

Далее, Туган-Барановский отмечает мощный расцвет капитализма в Западной Европе, и в особенности — в

[1]) Там же, стр. 90.

[2]) Там же, стр. 133.

Германии, и усиление, в связи с этим, конкуренции на мировом рынке.

Разве эти вынужденные признания Туган-Барановского не являются ярким подтверждением защищаемой нами теории накопления? Ведь Туган объясняет депрессию сокращением некапиталистической среды! Больше того, он доказывает, что развитие капитализма в Индии вызвало вывоз из нее товаров, т.-е. создало и в ней потребность в рынках.

Депрессия этой эпохи вызывает у всех капиталистических государств усиленное стремление к захвату новых колоний. Последняя четверть прошлого века является периодом окончательного дележа земного шара, захвата и подчинения колоний. Вместе с тем, депрессия вызывает усиленное приложение капиталов в колониях в железнодорожном строительстве. Параллельно идет процесс разложения как методами экономическими, так и методами внеэкономическими — натурального строя в колониях и остатков этого строя в метрополиях и создания товарного и денежного хозяйства. Все это вызывает новое расширение мирового рынка и создает возможность нового подъема в начале XX века.

Таким образом, мы видим, что закономерность больших циклов может быть познана лишь на основе защищаемой нами теории накопления. Чем объясняется правильное чередование эпох подъема и эпох депрессий? *Очевидно, он объясняется тем, что присоединение, подготовка и использование новых рынков является процессом закономерным.* Присоединение и использование нового рынка наталкивается на ряд препятствий: необходимо этот рынок политически приобрести и подчинить, необходимо в нем разложить натуральное хозяйство, создать товарно денежное хозяйство, необходимо, далее, построить железные дороги, чтобы суметь этот рынок использовать [1]). Эпохи депрессий

[1]) Для нас важно подчеркнуть, что периоды усиленного железнодорожного строительства совпадают скорее с эпохами депрессии, нежели с эпохами подъема. Рекомендуем читателям проверить это наше утверждение путем анализа таблиц расширения мировой жел.-дор. сети. См. проф. К. А. Оппенгейм: «Общие сведения о жел. дорогах», Гос. Тех. Изд. 1922 г. таблицы на стр. 95 и 97. Все наши соображения применимы как к географически-внешним, так и к географически-внутренним некапит. рынкам.

являются преимущественно эпохами подготовки рынков, эпохи подъема — преимущественно эпохами интенсивного использования их. И тот факт, что Туган-Барановский, вопреки своей теории рынка, вынужден объяснять чередование эпох подъема и эпох депрессий отношением капиталистического производства к внекапиталистическому рынку,— свидетельствует о том, что при историческом анализе кривой капиталистического развития эта зависимость столь очевидна, что ее игнорировать невозможно.

Переходим к вопросу о малых промышленных циклах и торгово-промышленных кризисах [1]).

Тов. Двойлайцкий полагает, что признание теории Розы Люксембург ведет к отрицанию всякой закономерности в колебании конъюнктур, ибо, по ее теории, для чередования циклов необходимо периодическое вовлечение новых рынков. Таким образом, чередование циклов ставится в связь со случайным явлением. Маркс, между тем, выводил периодичность кризисов из способа оборота и воспроизводства основного капитала и нигде не делал попыток объяснять периодичность кризисов открытием и использованием новых рынков.

Действительно ли Маркс считал возможным абстрагировать теорию кризисов от проблемы рынка? Действительно ли он выводил их *только* из характера оборота и воспроизводства основного капитала? — Мы могли бы привести много цитат, опровергающих это. Но вряд ли это необходимо. Достаточно прочитать приведенную нами цитату из 3-го тома о противоречии эксплоатации и условий ее реализации, о неминуемых столкновениях растущих производительных сил с узким базисом, на котором покоится потребление, о необходимости постоянного расширения рынка,—чтобы стало очевидным, что периодичность кризисов Маркс ставит в самую тесную связь с расширением и использованием рынков. Приведем лишь одну краткую, но убедительную цитату. «Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и

[1]) Считаем необходимым отметить, что мы ограничиваемся лишь выяснением вопроса о связи малых циклов и кризисов с проблемой накопления и рынка, что проблема циклов и кризисов в целом нами в данной статье не ставится. Зависимости их от ряда других условий мы сознательно не касаемся.

ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистическаго производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества». (Капитал», т. III, ч. II, стр. 22, изд. 1923 г.)

Тов. Дволайцкий вынужден отметить, что Маркс «подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистическаго характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства, и что *эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой*». (Курсив наш.) В какие именно моменты? Почему тов. Дволайцкий не выражается яснее? Не в момент ли кризисов?!. *Ведь это значит, что закономерность и периодичность кризисов вытекает не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала, но и из того, что этот оборот и это воспроизводство основного капитала совершаются на основе закономерного вовлечения и использования рынков*. Выше мы указывали на факт чередования эпох подъема и депрессии и установили их связь с вовлечением и использованием некапиталистических рынков. Но ведь характер каждой такой эпохи определяет характер составляющих ее малых циклов и происходящих на ее протяжении кризисов. В эпохи депрессии периоды подъема малых циклов бывают непродолжительными, периоды депрессии — длительными, кризисы — затяжными и опустошительными. В эпохи подъема — наоборот. Таким образом, отношение к некапиталистическим рынкам (хотя бы и внутри страны) определяет характер циклов и кризисов. Больше того—каждый период подъема малого цикла часто связан с расширением рынка. В период депрессии малого цикла капиталисты усиленно ищут рынки и подготовляют их использование. Тем самым создаются предпосылки для периода подъема малаго цикла. Закономерность характера оборота и воспроизводства основного капитала и закономерность вовлечения и использования рынков переплетаются и опираются друг на друга. Если отвлечься от рынков сбыта, то оборот и воспроизводство основного капитала вовсе не должны вызывать кризисы. Они вызывают их, лишь поскольку наталкиваются на ограниченность рынка. Что очерченное

нами понимание зависимости малых циклов и кризисов от некапиталистических рынков не является произвольным и необоснованным, можно доказать ссылками на историю малых циклов и кризисов. Наиболее правильную периодичность кризисов мы имеем во второй четверти XIX века в Англии (1825, 1836, 1847, 1857 г.г.). Казалось бы, что их никак нельзя ставить в связь с таким «случайным» явлением, как использование новых рынков. Оказывается, однако, что каждый период подъема малого цикла неразрывно связан с использованием нового рынка, а кризис—с исчерпыванием этого рынка и с чрезмерным производством на его основе, с перепроизводством по сравнению с ним. Мы будем ссылаться на того же автора—Туган-Барановскаго, ибо его выводы тем показательней, что противоречат его теории рынка. Подъем 1823—1825 г.г., предшествующий кризису 1825 г., неразрывно связан с открытием нового рынка для капиталов и товаров в Южной и Центральной Америке [1]), а кризис — с чрезмерным развитием производства в процессе использования этого рынка. Подъем 1833 — 1835 г.г. неразрывно связан с использованием рынка в Соединенных Штатах и с расширением внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог. Кризис—с перепроизводством по сравнению с величиной рынка [2]). Подъем 1843—1846 г.г. неразрывно связан с использованием нового рынка в Китае. Кризис 1847 г.—с неурожаями и перепроизводством [3]). Подъем пятидесятых годов и кризис 1857 г. неразрывно связаны с использованием новых рынков для экспорта капиталов и товаров в Австралии, Калифорнии, Америке [4]).

Мы могли бы, таким образом, доказать, что весьма часто периоды подъема даже малых циклов неразрывно связаны с использованием новых внешних или внутренних некапиталистических рынков. Даже в тех случаях, когда подъем создается железно-дорожным строительством и расширением основного капитала без открытия новых рынков, — это может происходить лишь потому, что расширение потребительского рынка, имевшее место в предыдущих циклах,

[1]) Туган-Барановский. Там же, стр. 35.
[2]) Там же, стр. 52—57.
[3]) Там же, стр. 69—86.
[4]) Там же, стр. 115.

создало предпосылку для роста подразделений средств производства и средств передвижения. Таким образом, и здесь подъем опирается на то расширение потребительского рынка, которое подготовило рост подразделения средств производства [1]). Мы не станем продолжать наших экскурсов в область истории циклов и кризисов и отсылаем читателя к историческим частям работ Туган-Барановского, Лескюра [2]), Вирта [3]).

Итак, анализ проблемы больших и малых циклов и проблемы кризисов подтверждает ту теорию накопления, которая защищается нами в статье и которая развита Розой Люксембург в положительной части ее работ.

IV.

Огромное значение теории накопления для выяснения корней и природы империализма и милитаризма и для суждений о перспективах капиталистического развития— совершенно очевидно. Если верна защищаемая нами теория накопления, то стремление к увеличению некапиталистической питательной среды, капиталистическая экспансия— оказывается абсолютно имманентным капитализму, органически связанным с его природой. Эта потребность в некапиталистической среде должна тогда нарастать по мере развития капитализма и вызывать усиление капиталистической экспансии. Империализм оказывается связанным органически с природой капитализма. Значит ли это, что империализм нельзя тогда рассматривать как особый этап капитализма на определенной ступени его развития? Конечно нет! Не следует забывать, что количественная разница создает качественные отличия. *Хотя капитализм*

[1]) Как мы отметили выше, в силу цепной связи отраслей производства,—на основе определенной величины или определенного расширения потребительского рынка возможен волнообразный рост производства и транспорта. Вот почему на основе значительного потребительского рынка возможен длительный рост производства и транспорта, возможен целый ряд малых циклов развития (пример: Америка).

[2]) Жан Лескюр. «Общие и периодические промышленные кризисы» 1903 г.

[3]) Макс Вирт. «История торговых кризисов в Европе и Америке», 1877 г.

характеризуется экспансией и на других ступенях развития, но лишь при определенных условиях это количественное накопление экспансии, переходит в качество, и она становится в такой мере определяющей силой капиталистического развития, что трансформирует капитализм в империализм [1]).

Каковы же эти условия?—Условия эти обстоятельно выяснены Гильфердингом, Бухариным, Лениным. Но теория накопления Розы Люксембург в ее положительной части значительно дополняет развитое ими освещение империализма, дает возможность сведения ряда условий к экономистическому основанию [2]). Вместе с тем, эта теория делает бесспорным, что империализм есть действительно последний этап капитализма, что устранить империализм при сохранении капитализма невозможно. Между тем, при отрицательном отношении к этой теории накопления подобный вывод может оспариваться. Лучшим подтверждением является позиция австро-немецких социал-демократов и самого Гильфердинга по этому вопросу. Тальгеймер в своем докладе привел характерные цитаты из их статей. Освежим в нашей памяти наиболее показательные цитаты.

В апреле 1912 г. Каутский писал в «Neue Zeit»: «Эти лихорадочные вооружения имеют свои экономические причины, но они не основаны на экономической необходимости... Прекращение этих лихорадочных вооружений отнюдь нельзя считать экономически невозможным»...

На Хемницком партейтаге Бернштейн развивал следующие соображения: «Я могу многое возразить на утверждение будто то, что мы ныне требуем, т.-е. разоружение, является утопией... Это неверно... Всемирная история шла неверными путями»...

Гильфердинг в ноябре—декабре 1916 г. писал в статье «Теория катастроф»: «Свободная торговля в качестве противовеса империалистической торговой политике и самому

[1]) Таким образом, вопреки мнению тов. Дволайцкого, злоупотребления терминологией и неисторических рассуждений здесь нет. К сожалению Роза Люксембург не подчеркнула этого и дала тем самым повод для подобной критики.

[2]) Следует отметить, что Роза Люксембург видит корни империализма не только в борьбе за рынки сбыта товаров и экспорта капиталов (Т—Д), но и в борьбе за сырье и топливо (Д—Т). Это развито ею обстоятельно в 26-й главе «Накопления». См. стр. 252 и 259.

империализму становится неизбежным боевым лозунгом пролетариата»...

В январе 1922 г. Гильфердинг писал: «Капиталистическое хозяйство знает два способа увеличения прибыли: конкуренция и соглашение. По мере развития капитализма соглашение все более вытесняет конкуренцию. То же самое можно сказать о международной политике капиталистических государств... Результатом последней войны явилось образование двух могущественных центров, господствующих над всеми остальными. Вместе с тем эта война доказала всю гибельность войны. Чтобы достичь известных успехов, нужно изменить методы, на место борьбы нужно поставить соглашение»...

Мы видим, таким образом, что автор «Финансового Капитала» Гильфердинг и автор «Теории кризисов» Каутский—оба считают возможным ликвидировать империализм без ликвидации капитализма. Все это делает необходимым борьбу с ними на почве правильной теории накопления.

Стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и экспортом капитала т. Двольайцкий, в согласии с Бухариным, выводит из имманентного капитализму стремления к максимальной прибыли. Не невозможность приложения капиталов и сбыта товаров внутри национально-государственных границ, а более низкая норма прибыли гонит капиталы и товары все дальше от их «родины».

Если, однако, корни империализма только в этом стремлении к максимальной прибыли, то мыслимо перспективное преодоление империализма при распространении капиталистического производства в отсталых странах и исчезновении огромных различий в норме прибыли. Во всяком случае, для соглашательских мозгов открывается возможность изыскания способов борьбы с «империализмом» без уничтожения капитализма. Между тем, развитая теория накопления делает настолько ясным органическую неизбежность империализма, что выбивает почву из-под ног соглашателей.

Мы совершенно согласны, конечно, с т. Двольайцким, что при научном анализе нельзя исходить из желательности или нежелательности той или иной теории. Но поскольку мы считаем защищаемую теорию накопления

объективно верной, постольку для нас важно подчеркнуть то огромное значение, которое она имеет для анализа природы империализма.

Защищаемая нами теория накопления делает также возможным более глубокое выяснение природы милитаризма. Милитаризм следует рассматривать не только как неизбежное следствие империализма, но и как потребительский рынок [1]), играющий значительную роль в деле облегчения капиталистического накопления и предупреждения колоссального товарного перепроизводства. Спрос, который предъявляет государство по военному бюджету, является спросом потребительским, ибо как предметы питания и снаряжения солдат, так и военные суда, самолеты, орудия, ружья и т. п., употребляются совершенно непроизводительно. Между тем, в силу цепной связи отраслей народного хозяйства, всякий спрос военного ведомства вызывает волнообразное расширение производства. Таким образом, милитаризм, расширяя потребительский рынок, увеличивает возможность накопления. *Милитаризм является также средством предупреждения и уничтожения товарного перепроизводства, товарного полнокровия.* Если бы не было милитаризма, то масса товаров сильно возросла бы, и возможность частого перепроизводства и затяжных кризисов усилилась бы. Не следует, конечно, забывать, что государство черпает средство на милитаризм, главным образом, с широких народных масс и тем самым сокращает их покупательную способность, т.-е. потребительный рынок. Глубокая разница, однако, заключается в том, что военный потребительный рынок является совершенно непроизводительным, в то время как соответственные средства в руках, скажем, крестьян привели бы к росту сельского хозяйства, т.-е. к увеличению массы товаров. Даже та часть затрачиваемых на милитаризм средств, которая черпается государством посредством налогов из прибавочной стоимости, облегчает капиталистическое накопление остальной части, ибо вызываемый ею волнообразный спрос больше ее величины. Все это свидетельствует о том, что милитаризм гораздо глубже связан с природой капитализма,

[1]) На эту сторону милитаризма указал А. Богданов в его статье «Мировые кризисы, мирные и военные». «Летопись». 1916 г.

чем это думают австро-немецкие эпигоны, считающие возможным уничтожить милитаризм и войны без уничтожения капитализма.

Очерченное выше понимание закономерности больших циклов проливает яркий свет на дальнейшие изгибы кривой капиталистического развития. Оно дает все основания для утверждения, что мы вступили ныне во вторую часть большого цикла, характеризующуюся депрессией. Первая часть, протекавшая до 1920 г., характеризовалась интенсивным развитием производства на основе наличных рынков. Теперь мы вступаем в эпоху крайнего обострения проблемы рынка. Мировая война дала возможность Англии и Франции расширить рынок за счет разгромленной и вытесненной Германии. Это явилось одной из причин переживаемого ими подъема. Но проблема рынка тем не менее обострилась вследствие огромного роста производства в Америке, превращения Франции в промышленную страну, роста промышленности в колониях, обнищания Германии, сокращения рынка в России. Все это свидельствует о том, что эпоха, в которую мы вступили, явится эпохой депрессии, эпохой, когда периоды подъема малых циклов будут все более краткими, периоды депрессии—продолжительными, кризисы—затяжными. Обостренная потребность в рынках будет неминуемо вызывать вооруженные столкновения в мировом масштабе. Мы вступили в эпоху «гражданских войн и битв народов». Тем самым проливается яркий свет на перспективы социальной революции!..

В. Е. Мотылев.

Материальный базис коммунистического общества.

Точного, научного ответа на вопрос — что такое коммунистическое общество — до сих пор нет. Определения либо туманны и расплывчаты, либо носят на себе явные следы утопизма.

Причину этого Маркс вскрывает в своей «Критике готской программы», говоря о первой ступени коммунистического общества [1]):

«Здесь мы имеем дело с ком. обществом *не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе* (курсив наш), а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, значит, — еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит».

На своей собственной основе — эти слова постоянно надо иметь в виду. Лишь установив, что́ понимать под собственной основой ком. общества, и изучив эту основу, можно научно подойти к вопросу, что же такое ком. общество, каковы его структура, линии и этапы развития.

Указав в I т. «Капитала», что «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и живоных», Маркс продолжает:

«Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного

---

[1]) *К. Маркс.* Замечания на программу германской рабочей партии («Критика готской программы»). Москва 1923. Стр. 53.

человека, история этого *материального базиса каждой особой общественной организации*»? (курсив наш) [2]).

Определения ком. общества не из его собственной основы, не из его материального базиса, неизбежно были некритичными.

И чтобы покончить с подобным положением, к изучению ком. общества необходимо подходить с вопроса:

Чем отличается материальный базис ком. общества от материального базиса кап. обществ?

Исходя из монизма хозяйственной структуры, необходимо рассуждать так: в основе распыленного управления хоз. жизнью лежат распыленные орудия труда; в основе более концентрированных форм хоз. управления лежат более концентрированные орудия труда; следовательно, в основе *единого* управления хоз. жизнью — и *единая* система орудий труда, *технически единый* материальный базис — словом, *единая* машина, заполняющая всю хозяйственную сферу общества. Это было бы полным соответствием. Наличность такой единой машины в материальном базисе исключала бы всякую возможность *не-единого* управления хоз. жизнью.

Мысль о такой единой машине может показаться химерой, сведением к абсурду идеи об укрупнении производства. Но вот любопытное мнение крупного германского практика, генерального директора всеобщей компании электричества (*AEG*), Ратенау, заявившего в 1914 году, что *технически* было бы возможно производить нужную для Европы электрическую энергию *в одном месте* и распределять этот электрический ток *по всей Европе* и даже дальше [3]). Здесь мысль об единой машине кажется уже не столь химеричной.

Для точной обрисовки вопроса необходимо строго придерживаться тех формулировок, которые выработал Маркс при изучении кап. общества.

Что такое машина?

«Всякая вполне развитая машина, — говорит Маркс, — состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, передаточного механизма, наконец,

[2]) «Капитал», т. I, Москва 1920. Стр. 363.

[3]) *Edmund Fischer*. Das socialistische Werden. 1918. Стр.

исполнительного механизма или собственно рабочей машины [4]).

$$M = Д + П + Р.$$

Машина — техническое триединство из двигателя ($Д$), передаточного механизма ($П$) и рабочей машины ($Р$).

Из этого элемента кап. производство выработало свою форму развития средства труда, столь для него характерную. Форму эту Маркс определяет так:

«В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточного механизма лишь от одного центрального автомата, машинное производство приобретает наиболее развитую форму». В другом месте: «... средство труда... получает свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин *на фабрике*» (курсив наш) [5]).

Наиболее развитой формой материального базиса является фабрика:

$$Ф = Д + П + \text{много } Р.$$

Эволюция этой формы заключается в укрупнении ее, увеличении размеров $Д$, увеличении числа $Р$, уменьшении числа $Ф$ (централизация производства). В этом направлении кап. форма материального базиса достигла огромных результатов, в значительной степени устранила прежнее микроскопическое распыление материального базиса, переросла рамки капитализма и начала взрывать их; в то же время концентрировала, организовала и дисциплинировала рабочий класс. Словом, открыла дорогу для выхода из капитализма и подготовила средства для приближения к ком. строю.

Но... даже на высшей ступени эволюции носит в себе свою капиталистическую сущность и не может стать *собственной основой* ком. общества.

Кап. форма до конца остается технически-ограниченной, замкнутой, неспособной вполне устранить распыление материального базиса. После 150-летнего процесса централизации фабрики считаются десятками тысяч. С этой формой связаны известные пределы централизации, в ее плоскости неосуществимо техническое единство не только всего хозяйственного аппарата общества, но даже

[4]) «Капитал», т. I, над. 1920. Стр. 363.

[5]) «Капитал», т, I, Стр. 373,387.

многочисленных отдельных отраслей производства [6]). И это в обрабатывающей и горной промышленности. Торговля, домашнее и сельское хозяйство почти совершенно ею не затронуты. Даже о сельском хозяйстве Соед. Штатов т. Ленин пишет: «... капитализм в земледелии находится в стадии ближе к мануфактурной, если сравнить его эволюцию с эволюцией промышленности, чем к крупной машинной индустрии [7]). Правда, за последние годы эта форма проделывает широкий прорыв в земледелии; машина, не рабочая машина P (это началось гораздо раньше), а «вполне развитая машина» $(Д+И+Р)$ быстро распространяется в земледелии. Производство тракторов в Соед. Штатах:

1916 — 29.670	1919 — 164.590
1917 — 62.742	1920 — 206.590 [8])
1918 — 132 697	

И все же Баллод в «Государстве будущего», конструируя среднее сельско-хозяйственное предприятие Германии уже не в 200 гектаров, как в 90 годах, а в 500 гектаров, считает необходимым организовать 36.000 таких хозяйств [9]).

Кап. форма средства труда, взрывая рамки конкуренции и требуя новых организационных форм, своей технической множественностью и ограниченностью приводит к тому, что объединение исходит сверху, а не снизу, из контор, управлений, банков, а не из материального базиса (тресты, государственный капитализм). Организационная головка объединяет технически множественный аппарат, десятки технически замкнутых предприятий.

Подход к ком. хозяйству идет с этой же стороны: головка кап. треста заменяется головкой ком. треста, материальный же базис остается капиталистическим.

Это и есть коммунизм не на своей собственной основе, «покрытый родимыми пятнами старого общества». Здесь еще не видно разницы в материальном базисе между кап.

[6]) О причинах этой ограниченности см. мою статью «Электричество и коммунизм». «Молодая гвардия», 1922, окт.—дек.

[7]) *Ильин.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. I. Капитализм в земледелии С. Штатов. 1918. Стр. 101.

[8]) *Проф. Макаров.* Условия и пределы применения трактора в сел. хозяйстве. Москва 1923. Стр. 5.

[9]) *Баллод.* Государство будущего. Москва 1921. Стр. 52—3.

и ком. обществами. Единое управление строится на основе кап. распыления, а потому организационные задачи крайне сложны, неизбежны бюрократизм и Нэп не только в России, но и в экономически более передовых государствах. Ком. организация лишь по мере изживания кап. формы будет становиться более простой (отмирание бюрократизма, вытеснение административных задач техническими).

Мог ли Маркс нащупать в материальном базисе его времени хотя бы в зародыше *коммунистическую* форму средства труда и развить из нее основы ком. общества так же, как он развил из кап. формы основы кап. общества, его эволюцию и неизбежность его краха? Не мог, так как тогда даже зародышей еще не было. Зато он предвидел, что кап. форма в своем развитии в сторону централизации имеет известные пределы. И говоря о конечных точках централизации, говорил о централизации собственности, но не о технической централизации средств труда.

«В каждой данной отрасли предприятий централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один единственный капитал. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов» [10]). Не одна фабрика, не один производственный аппарат, а... *одно единственное общество капиталистов.* Энгельс и Каутский в примечании к этому месту указывают на тресты как на объединяющие головки предсказанного Марксом предела. И вполне естественно, так как кап. форма не могла дать технического единства в материальном базисе.

Эта необходимость исходить из организационной головки, а не из материального базиса тяготела над всеми новейшими (о старых, конечно, и говорить не приходится) конструкциями ком. хозяйства (Богданов, Каутский, Баллод). Здесь корень интереса к «финансовому капиталу» со стороны Гильфердинга. Естественный и законный подход, пока говорили о «родимых пятнах» младенца, но

[10]) *Маркс,* Капитал Т. I. Стр. 643.

очень рискованный путь, лишь только начинали определять сущность младенца на основании этих «родимых пятен».

Причина в том, что ком. форма — продукт самого недавнего времени и до сих пор не стала еще объектом теоретического изучения со стороны марксистов.

Основная особенность новой, ком. формы средства труда — способность машины (вполне развитой машины, $Д + И + Р$) к беспредельному расширению, перерастание машиной размеров отдельной фабрики, превращение фабрики в рабочий орган новой машины. Если в кап. форме машина ($Д + И + Р$) была меньше фабрики, то в новой она в десятки, сотни, тысячи раз больше фабрики.

Переворот произведен электрификацией передаточного механизма *И*. Если при старом *И* машина могла растягиваться на десятки *саженей*, то при электрическом *И* она растягивается на десятки и сотни *верст*. Отсюда возможность присоединения тысяч и десятков тысяч *Р* к одному *Д*, отсюда колоссальный рост *Д*, доходящий уже до 80.000 л. с. и даже до 93.000 л. с. на один *Д*, с намечающимся пока пределом в 213.000 л. с.[11]). В Пруссии в 1914 г. средняя паровая неподвижная машина насчитывала 75,1 л. с.[12]). Следовательно, *Д* в 93.000 л. с. заменяет свыше 1.200 таких паровых машин.

Новая форма вырывает из фабрики $Д + И$ и оставляет только *Р*, превращая эту усеченную фабрику в свой рабочий орган, подобно тому как инструменты стали органами рабочей машины, а рабочая машина — органом вполне развитой машины.

Новая форма универсальна. Она втягивает в свои недра предприятия не одной какой-либо отрасли промышленности, а *всех* отраслей, и не только промышленности, но и торговли, и транспорта, и сельского, и домашнего хозяйства. Подъемная машина, электрическая кухня, вагон трамвая, подъемный кран, электрический плуг и рабочие машины на фабриках одинаково становятся ее органами на все больших и больших протяжениях.

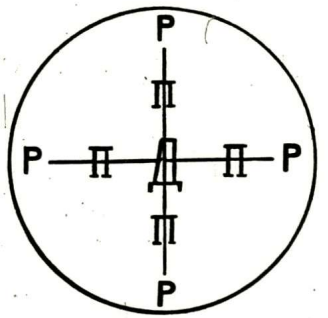
---

[11]) *Инж. Иванов-Смоленский.* Успехи электротехники и проекты электрификации в Зап. Европе и Америке. Петроград 1922. Стр. 16—17.

[12]) *Saitzew.* Die Motorenstatistik. 1918. Стр. 100.

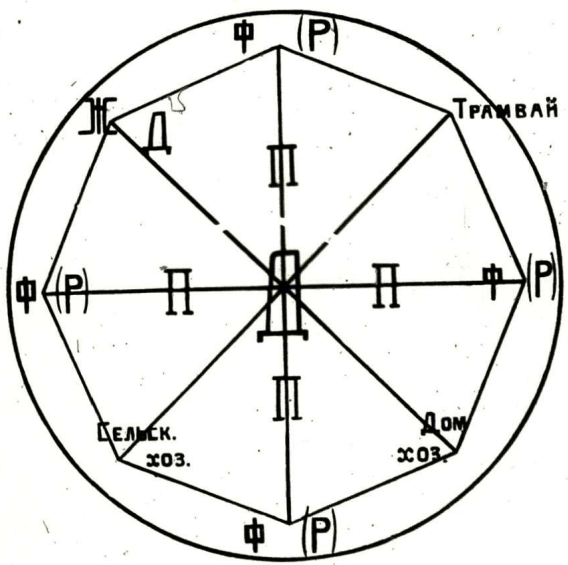
Единая ком. форма средства труда ложится в основу хоз. жизни районов, провинций, государств, готовится охватить целые материки.

Основная тенденция ее — техническое единство всей хоз. жизни, устранение множественности и распыленности, уничтожение индивидуальной ограниченности предприятий, универсализм.



№ 1. Кап. форма (фабрика).

И если кап. форма представляет *фабрику* с расчлененной системой рабочих машин, получающих через посредство передаточного механизма движение от одного центрального автомата, то ком. форма представляет *район*, *провинцию*, *целое государство*, расчлененная система рабочих машин которых (во всех сферах хоз. жизни) получает энергию через единый для всей территории передаточный механизм от одной централизованной системы автоматов.



№ 2. Ком. форма (единая машина).

Старая форма даже в виде мировых фабрик занимает каких-нибудь 5 кв. верст, новая уже теперь добирается до 500.000 кв. верст, пространства, равного величиной Германии (радиус в 400 верст).

В Соед. Штатах—в Сев. и Юж. Каролине, Георгии, Алабаме и Тенесси, пространством в 500.000 кв. верст—слились в одну сеть семь электрических компаний, располагая центральными станциями общей мощностью в 1.010.355 л. с.—высший размер протяжения, какого в настоящее время достигла новая форма [13]).

Вопрос об единой вполне развитой машине—не химера, а быстро растущая действительность, создающая единую техническую основу, единый машинный аппарат в материальном базисе общества.

Маркс не мог говорить об этой форме, так как первая крупная победа ее относится к 1891 г. и то лишь в области электр. освещения. Уже позже проникла она в индустрию, заметные размеры получила только в XX столетии.

При кап. форме каждое предприятие самостоятельно производит свою энергию, при новой оно пристегнуто к центральной станции, *арендует* энергию, является частью огромной вполне развитой машины.

Обрабатывающая промышленность Соед. Штатов дает такую картину роста новой формы:

	Кап. форма. Лош. сил.	Ком. форма. Лош. сил.
1899	9.915.331	182.562
1914	18.629.919	3.917.655[14])

Промышленность Японии:

1912	788.472	50.319
1918	1 301.270	701.828

В 1918 г. новая форма охватывала в Японии *больше трети* промышленности. Особенно продвинулась в этом отношении японская *текстильная* промышленность:

1912	146.327	10.170
1918	206.427	388.947

[13]) Manch Guard. Comm. 7 дек. 1922.

[14]) Statisticul Absbract of the U. St. 1913, 1919.

Почти две трети японской текстильной промышленности вошли в состав новой формы [15]).

Ком. форма, кладущая в основу хоз. жизни общества единый машинный аппарат, единую вполне развитую машину, превращающая материальный базис в единое связное целое, пока еще стоит на втором плане. И количественно, и качественно она только начинает развивать свои возможности, не вырвалась еще из карликовых рамок и тисков кап. материального базиса. Но она уже налицо и растет не по дням, а по часам. Она составит собственную основу ком. общества, из нее надо исходить при желании выяснить структуру и этапы развития этого общества.

Таким образом, ответ на вопрос, чем отличается материальный базис ком. общества от материального базиса кап. общества дан: в основе кап. материального базиса лежит старая, ограниченная форма средства труда, даже на высшей ступени развития не устраняющая элементов множественности, распыления, индивидуальной разорванности; в основе ком. общества будет лежать новая форма — универсальная, единая, превращающая все орудия труда в единую машину, единый механизм, исключающий возможность множественности и распыленности в управлении, допускающий хозяйствование лишь из одного центра.

Внутренняя сущность новой формы, зависимость ее отдельных звеньев не получили еще достаточной выпуклости, а поскольку получили — еще далеко не изучены. Но уже и те данные, которые имеются, позволяют более конкретно подойти к выяснению ее роли.

В Соед. Штатах эта форма охватила в одном месте район в 500.000 кв. верст, правда, пока еще очень экстенсивно: она располагает всего 1.010.000 л. с., т.-е. небольшой частью потребяемой в районе энергии. Перенесем эту форму в Германию с ее силовым аппаратом в 30 мил. л. с., примем во внимание лишь те достижения, которые технически уже проделаны. Если предположить среднюю величину $Д$ в Германии в 100 л. с., получим, что число двигателей в Германии доходит до 300.000 единиц. При $Д$ в

[15]) *Prof. Shotaro Kojima (Kyoto).* The influence of the great war upon japanese national economy. Weltwirt. Arch. 1922. Apr. 542-3.

90.000 л. с. каждый—потребовалось бы всего 330—340 *Д*. Считая на центральную станцию по 5 работающих и 1 резервному *Д*, получим приблизительно 55 центр. станций, связанных в одну централизованную систему, один централизованный *Д* Германии.

Первым результатом явилось бы *огромное уменьшение расходов на 1 л. с.* (по оборудованию, обслуживанию и снабжению топливом), а следовательно, огромное удешевление и крайняя доступность (не только техническая, но и экономическая) двигательной силы. Это дало бы колоссальный толчок распространению *Р* [16]), замене мускульного труда машинным. Удешевление энергии, доступность и гибкость ее — основная пружина роста новой формы, переворачивающая в то же время весь строй труда, дающая могучий толчок вертикальной эмиграции раб. класса в высшие сферы труда — машинного и умственного.

Это общее положение можно дополнить рядом более конкретных последствий:

1) Вся система *Д* + *П* непосредственно сливается в один государственный механизм. Меняется даже внешний вид страны: леса фабричных труб исчезают.

2) Централизуется система сооружения, возобновления и расширения этого *Д* + *П*.

3) Централизуется соответствующая часть строительной, машиностроительной и вся электротехническая промышленность, работают теперь на один центр.

4) Вместо множества потребителей топлива остается *один* потребитель, вместо 300.000 мест потребления—несколько десятков центров.

5) Централизация добычи и подвоза топлива, автоматизация подачи его и удаления отбросов. Американский транспорт уже теперь дает примеры углевозных поездов в 7 верст длиною. Там же колоссальное развитие автоматической нагрузки и разгрузки поездов и пароходов, автоматической загрузки котлов углем.

---

[16]) *Каммерер* в своем докладе «О влиянии технического прогресса на производительность» (Schriften des Vereins fur Sozialpolitik, B. 132 1910) подчеркивает огромную роль новых способов производства и передачи энергии и влияние этих способов на распространение *Р* (в особенности подъемных кранов всякого рода).

6) Исчезает целая армия в 300.000 машинистов, заменяется 300—400 инженеров.

Уже из этих беглых штрихов видно, что ком. форма совершенно несоизмерима с капиталистической и по масштабу централизации, и по автоматизации производства, и по производительности труда, и по степени вытеснения физического и низших форм технического труда. Достаточно сопоставить уход за двигателем в 100 л. с. и уход за двигателем в 90.000 л. с. Каммерер в своем интересном докладе (см. примечание 16-ое) уже в 1909 г. привел немало примеров вытеснения чернорабочего, необученного труда. Маршалл с своей стороны [17]) отмечает падение в С. Штатах спроса на так называемый квалифицированный труд и этим объясняет ослабление переселения из Англии и Германии в С. Штаты. Широкое развитие новой формы совершенно несовместимо с капиталистическими рамками и особенно с положением в них рабочего класса, угрожая ему такой безработицей, перед которой бледнеют обычные капиталистические картины. Только в странах редко населенных, как С. Штаты и Канада, с гигантским простором для развития производства, эта форма может до некоторой степени дольше уживаться с кап. системой. В общем же задача ее развития — задача ком., а не капит. общества.

Высшая ступень автоматизации, столь характерная для централизованного *Д* + *П*, ведет в том же направлении и *Р*. И если фабрика раннего капитализма представляла скопление больших толп рабочих в небольших помещениях, а теперешняя все больше поражает своим возрастающим безлюдьем, то ком. форма стремится к положению, когда усеченная фабрика, став органом единой общественной машины, будет представлять автомат под надзором одного рабочего или инженера; такие примеры уже теперь встречаются. На станции у Радужного водопада (на реке Миссури), дающей 46.000 л. с., инж. Колясников, к своему удивлению, встретил лишь одного человека — инженера, записывавшего расход энергии. В здании было пусто [18].) Этот процесс влечет за собой упрощение и отмирание административного аппарата и замену его чисто техниче-

---

[17]) *Marshall.* Industry and Trade. 1919. Стр. 148—9.

ским надзором. Фабрика с 1.000 рабочих требует иного управления, чем фабрика-автомат. Вместе с тем устраняются препятствия к дальнейшей централизации *Р*, вытекавшие из того, что рост административно-бюрократического аппарата фабричной конторы ставил предел максимуму отдельного предприятия.

Даже теперь, в недрах кап. общества, ком. форма производит на фабрике целый ряд изменений, существенно влияющих на ее развитие.

1) *Д* + *И* с фабрики исчезают. Остаются лишь конечности передаточного механизма.

2) Освобождается место из-под двигателя и передаточных механизмов.

3) Исчезает топливо, склады под него.

4) Часть капитала фабрики, расходуемая на *Д* + *И* и связанные с ними устройства, освобождается и может быть употреблена на увеличение числа и улучшение *Р*.

5) Упрощаются функции фабричного управления, что облегчает путь к дальнейшей централизации производства.

6) Облегчается контроль за работой фабрики по времени отпуска и количеству отпускаемой энергии (в Индии это обстоятельство использовано, между прочим, фабричным законодательством).

7) Легче регулируется быстрота хода машин, что уменьшает расход энергии, а также сокращает расходы по ремонту и изнашиванию машин.

8) Растет продуктивность машин: на прядильных и ткацких фабриках присоединение к электр. станции повышает продуктивность *Р* на 5 — 12% [18]).

Новая форма с ее дешевой и доступной энергией делает крайне выгодной замену рабочего всевозможными вспомогательными механизмами. В 1862 г. Маркс, напр., ничего не говорил о подъемных кранах у Круппа в Эссене, в 1912 г. там насчитывалось уже до 1.000 таких кранов. Автоматические системы *Р*, самостоятельно снабжающие одна другую материалом для переработки, *перерастают размеры отдельных предприятий* и, с своей стороны, требуют технической интеграции предприятий различных ступеней производства. Этот

[18]) *Siegel.* Der Verkauf elektr. Arbeit. Berlin 1917. Стр. 31. Интересно письмо бумажного фабриканта по этому вопросу, стр. 32-3.

процесс непосредственного сращивания систем автоматических *Р* в единую систему проделывает пока первые шаги. К связанности через *Д* + *И* присоединяется непосредственная связанность *Р*. Предел — полный автоматизм единой машины, составляющей материальный базис ком. общества.

Выводы:

1) Чем больше территориально заполняет новая форма протяжение данного государства, чем глубже и интенсивнее втягивает она в себя элементы хоз. жизни общества, чем меньше клеток (двигателей и центральных станций) в централизованном общественном *Д*, чем теснее непосредственная техническая связь между системами *Р* и превращение всех *Р* в одну непосредственно спаянную систему *Р*, чем выше автоматизм новой формы, тем больше отмирают административно-бюрократические задачи управления хозяйст. жизнью, тем больше управление людьми заменяется управлением вещами.

2) Новая форма, устраняя в своем развитии распыление хоз. жизни и связывая в одно техническое целое все ее отрасли, уничтожает цеховые перегородки между рабочими, устраняет отделение города от деревни, дает универсальную базу для объединения рабочего класса.

3) Содействуя огромному распространению и автоматизации *Р*, доводя специализацию этих *Р* до крайних пределов, новая форма *деспециализирует* рабочего, превращая его в руководителя, наблюдателя за автоматическим процессом производства, устраняя также и горизонтальные перегородки между рабочими (ступени ремесленной квалификации).

4) Сводя к минимуму физический (обученный и необученный) труд, новая форма проталкивает рабочий класс кверху, в сферу умственного труда, превращая рабочих в пролетарскую техническую интеллигенцию.

5) Превращая рабочего в инженера, наблюдающего за целыми системами *Р*, отдаляя его пространственно все больше от других рабочих в процессе производства, новая форма уничтожает последние следы фабричной толпы, создает почву для индивидуального сосредоточения отдельного работника.

6) С развитием автоматизма новой формы чрезвычайно усиливается процесс выталкивания живой рабочей силы из материального процесса производства, сводя это количество к быстро убывающей, относительно небольшой величине.

7) На высших ступенях развития новой формы влияние материального производственного процесса на выработку психики общества резко ослабеет, уступая место влияниям условий высших сфер умственного труда.

8) Ком. общество более высокой ступени развития это — не общество работников материального процесса производства, а общество умственных работников, общество мыслителей в полном смысле слова.

Новая, ком. форма, конечно, не творит все из ничего. Эти процессы намечаются, хотя и в сравнительно слабой степени, уже в капиталистическом обществе, особенно с сильным развитием машинизма, как, напр., в Соед. Штатах. Но она, благодаря своей универсальности, дает этим слабым процессам колоссальный толчек, развертывает возможности во всю широту, создает количественно и качественно совершенно новую обстановку. Например, *Д* в старой форме: средняя неподвижная паровая машина в Пруссии располагала мощностью: в 1879 г. — 29,7 л. с., в 1900 — 46,9 л. с., в 1914 — 75,1 л. с. [19]). Несомненный рост, но рост карликовый, медленный. Под влиянием же ком. формы уже в 1916 г. в Дрездене на заседании большого комитета союза Саксонских промышленников один из крупных промышленников заявил, основываясь на своем опыте, что, по его мнению, *все паровые машины до* 300 л. с., а может быть еще выше, исчезнут [20]). Другими словами, должно исчезнуть практически почти все существующее теперь оборудование германской промышленности с ее карликовыми *Д*. Появление *Д* в десятки тысяч л. с. и центральных станций в 100 — 200 и больше тысяч л. с. (в С. Штатах строится центр. станция в *миллион* лош. сил) неизбежно осуждает на небытие капиталистическую пыль в виде карликовых *Д*. Теперь даже на Формозе (японская колония) и в Китае (Шанхай) вырастают станции по 130.000 л. с.

[19]) *Saitzew*. Die Motorenstatistik. 1918, стр. 100.

[20]) *Edmund Fischer*. Das sozialistische Wenden. 1918. Стр. 126.

Ступенью к преобладанию ком. формы явится несомненно захват ею жел. дорог, поглощающих почти треть мирового силового аппарата.

Жел. дороги представляют форму, промежуточную между капиталистической и коммунистической. По территориальному размаху они подобны ком. форме. У них имеется общегосударственное материальное сцепление (рельсы). Но и различие огромно. Здесь нет централизованного *Д + П*. Распыление двигателей (в С. Штатах свыше 60.000 локомотивов) не дает единой машины *Д + П + Р*. Лишь электрификация создаст эту централизацию, заменит десятки тысяч *Д* связной системой

№ 3. Ступени развития ком. общества.

центральных станций. Процесс уже начался, но даже в Соед. Штатах продвигается крайне медленно. Эту задачу, повидимому, придется выполнить ком. обществу.

Начало новой формы, сколько-нибудь заметное, совпало с эпохой империализма (1896 — 1914), эпохой высшего расцвета кап. формы. Новая форма быстро развивается, но является еще как бы придатком к кап. форме, оказывая, однако, ускоряющее влияние на ее развитие. Эпоха финансового капитала, капит. трестов и картелей.

Первая ступень ком. общества пробегает по рельсам старой, капит. формы, подготовляя, однако, торжество новой формы, всасывая в нее жел. дороги и сельское хозяйство, до сих пор стоявшее на до-капиталистическом материальном базисе (отсутствие *Д + П + Р*). Ступень, сплошь покрытая родимыми пятнами старого общества. До-капи-

талистич. остатки материального базиса дают Нэп, — кап. форма требует большого бюрократического аппарата. Эпоха социалистических трестов.

Вторая ступень — быстрый рост преобладания новой формы, собственной основы ком. общества. Отмирание бюрократического аппарата, выветривание Нэпа, технический аппарат становится на место бюрократического. Управление вещами, не людьми.

Мировое хозяйство — из небольшого числа таких форм-государств, с тенденцией к слиянию в одну мировую машину, в единый мировой производственный аппарат (беспроволочная передача энергии чрезвычайно ускорила бы этот процесс).

Третья ступень — почти полное устранение физического труда, ничтожная доля общественной энергии, непосредственно поглощаемой материальным процессом производства, подавляющее преобладание высших сфер умственного труда, формирование общественной жизни на этом умственном труде. Полное отсутствие государственного аппарата, анархический коммунизм.

Таков единственный путь для научного подхода к вопросу — что же такое коммунистическое общество.

Материал для изучения «собственной основы» ком. общества уже имеется и быстро растет (с ростом новой формы), но до сих пор почти не использован марксистской мыслью. Даже капит. форма материального базиса за время после Маркса не получила еще всесторонней систематической обработки. «История образования производительных органов общественного человека» за время с 1867 г. все еще ждет работников.

Изучение высших ступеней кап. формы материального базиса, выяснение технико-экономической сущности, тенденций и тридцатилетнего развития ком. формы дадут не только фундамент для теоретического конструирования ком. общества, но явятся ценным арсеналом указаний для практической работы. Это особенно важно для России, которой предстоит проделать колоссальный экономический и технический скачок, чтобы нагнать опередившие и стремительно движущиеся вперед народы. Несомненно, что

быстрое развитие ком. формы на Западе и даже на Востоке облегчает этот скачок и намечает средства и пути достигнуть результата с наименьшей затратой энергии. Дешевая и идеально гибкая энергия — лучший помощник, новая же форма как раз вырабатывает необходимые для этого методы.

Иосиф Иванов.

Материализация и пролетарское сознание [1]).

Ни в какой мере не является случайным то обстоятельство, что оба великих и зрелых произведения Маркса, имеющих своею целью представить нам капиталистическое общество во всей его совокупности и вскрыть его основную сущность, начинаются с анализа товара ибо для данной ступени капиталистического развития нет ни одной проблемы, решение которой не упиралось бы в необходимость разрешить предварительно проблему товара и его структуры. Конечно, всеобъемлющее значение этой проблемы может быть понято нами, когда сама постановка этой проблемы достигнет той глубины и ширины, которую она занимает в анализе самого Маркса, а именно, когда проблема товара выступит пред нами не как отдельная проблема и даже не как центральная проблема политической экономии как отдельной науки, а как центральная конструктивная проблема капиталистического общества, взятого во всех его жизненных проявлениях. Ибо только при таком подходе можно будет в структуре товарных отношений вскрыть прообраз всех форм объективного и всех им соответствующих форм субъективного в буржуазном обществе.

I.

Феномен материализации.

Сущность товарной структуры общества достаточно часто анализировалась. Сущность эта состоит в том, что

[1]) Глава из недавно вышедшей книги автора под названием: «Политические очерки». Термин Verdinglichung переведено словом «материализация» вместо обычного «овеществления».

отношения, связь между людьми, принимает характер отношений между вещами и получает, таким образом, характер «призрачной объективности», которая в своей строгой, с виду вполне замкнутой и рациональной, внутренней закономерности скрывает всякий след ее настоящей сущности, т.-е. отношений между людьми. Здесь мы не будем исследовать того, как этот вопрос стал центральным пунктом для самой политической экономии, а также того, на какие экономические выводы был осужден вульгарный марксизм вследствие пренебрежения этим исходным методическим пунктом. Имея предпосылкой экономический анализ, сделанный Марксом, мы укажем здесь лишь на ту основную проблему, которая возникает благодаря фетишистскому характеру товара как формы овеществления, с одной стороны, и фактора, влияющего на субъективную деятельность — с другой. Лишь понимание этой проблемы даст нам возможность ясно понять сущность капиталистической идеологии и проблему гибели капитализма.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению самой проблемы, мы должны себе отдать ясный отчет в том, что сама проблема товарного фетишизма является *специфической* проблемой нашей эпохи — эпохи *новейшего* капитализма. Циркуляция товаров и соответствующие ему субъективные и объективные товарные отношения были знакомы обществу еще на очень ранних его ступенях развития... У нас же будет итти речь о том, как далеко может пойти влияние циркуляции товаров на всю внешнюю и внутреннюю жизнь общества. И вопрос о том, в какой мере циркуляция товаров является господствующей формой материального обмена в обществе, нельзя просто трактовать (согласно установившейся фетишистской привычки мыслить под влиянием господствующей теперь товарной структуры) как вопрос количественного различия. Различие между обществом, где товарная форма является господствующей, решительно влияющей на все жизненные проявления, и таким обществом, в котором эта форма лишь эпизодически выступает, является в большей степени качественным различием, ибо совокупные, субъективные, как и объективные процессы данного общества знают соответственно этому свои качественно различные формы овеществления. Маркс очень

резко подчеркивает эпизодический характер товарной формы для примитивного общества [1]): «Непосредственная меновая торговля — естественно выросшая форма менового процесса — скорей представляет начало превращения потребительных ценностей в товары, нежели товаров в деньги. Меновая ценность не приобретает еще никакой самостоятельной формы. Она является еще непосредственно сросшейся с потребительной ценностью. Это проявляется двояким образом: само производство в целой своей организации направлено на создание потребительных ценностей, а не меновых, и поэтому только в этой части, которая за удовлетворением личных потребностей составляет излишек, потребительные ценности перестают быть ими и делаются средством обмена товарами. С другой стороны, они становятся здесь товарами только в границах непосредственного их потребления, хотя и располагаются на противоположных концах, так что обмениваемые владельцами товары должны быть потребительными ценностями для обоих. Но каждый товар — потребительная ценность для того, кто не владеет им. В действительности, товарный обмен возникает первоначально не в пределах естественно выросших общин, но там, где они кончаются на их границах, на тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда проникает внутрь общины, на которую она действует разлагающим образом». При этом наличие разлагающего действия товарной циркуляции, проникающей внутрь, вполне ясно указывает на качественные изменения, которые возникают из господства товарной формы. Однако и это действие на внутреннее строение общества еще недостаточно, чтобы форму товаров считать конститутивной формой общества. Для этого товарная форма должна, как это уже было выше подчеркнуто, проникнуть во всю совокупность жизненных проявлений общества и преобразовать их по своему образу и подобию, не ограничиваясь лишь установлением связи между независимыми обществами, построенными на производстве потребительных ценностей. Качественное различие между товаром, как одной (из многих) форм об-

[1]) Zur Kritik der pol. Ök. S. 30. (Русский перевод Воронича.)

мена веществ в обществе, и между товаром, как универсальной формой всей структуры общества, заключается не только в том, что товарообмен как единичный факт оказывает весьма отрицательное влияние на данную систему общества, а заключается в том, что это различие имеет обратное действие на форму и сущность самой категории. Товарная форма как универсальная форма, взятая сама по себе, носит совсем иной характер в сравнении с тем, когда она встречается как нечто частное, случайное, не господствующее. Но то, что и здесь переходы являются постепенными, не должно скрывать от нас качественного характера основного различия.

Отличительные черты товарнаго обмена, еще не ставшего господствующим, Маркс [1]) характеризовал так: «Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга сначала совершенно случайно. Они принимают товарную форму потому, что они вообще могут обмениваться, т.-е. потому, что они суть выражение одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярно евоспроизводство в целях обмена все более устраняют этот элемент случайности, но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самой своей деятельностью он устанавливает эквивалентность. Торговый капитал служит только вначале посредником в движении между двумя крайними пунктами, которые не подчинены ему, и между наперед данными отношениями, которые не им созданы». Это развитие товарной формы в действительно господствующую форму во всем обществе завершается лишь при современном капитализме. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на заре капиталистического развития экономическое отношение как отношение между людьми выступает относительно гораздо отчетливей, и наоборот, чем дальше идет развитие, тем более сложными и менее непосредственными делаются формы и тем все более трудным становится рассмотреть человеческие отношения за материализированной их оболочкой. Маркс говорит [2]): «При

[1]) «Kapital» III. 1. 314. (Русский перевод Степанова.)
[2]) «Kapital» III. II. 367.

прежних общественных формациях эта экономическая мистификация выступает преимущественно лишь в форме денег и приносящего проценты капитала. Она исключена по самой своей сущности, во-первых, там, где производство, главным образом, ведется для собственного потребления, для непосредственного удовлетворения собственных потребностей; во-вторых, там, где, как, например, в античном мире и в средние века, рабство и крепостничество образует широкий базис общественного производства. Господство условий производства над самими производителями прикрыто здесь крепостническими отношениями, роль которых в качестве движущих стимулов производства вполне очевидна».

Ибо товар в своей незамаскированной сущности может быть понят лишь как универсальная категория всего общественного бытия. Только тогда, возникающая на основе товарных отношений, материализация приобретает решающее влияние как на объективное развитие общества, так и на отношение людей к нему, на подчинение их сознания тем формам, в которых проявляется эта материализация, на попытки понять этот процесс или уклониться от его гибельного действия, освободиться от рабства по отношению к этой «второй природе». Маркс [1]) описывает сущность материализации следующим образом: «Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещественный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к коллективности представляется им, находящимся вне их, общественным отношением вещей. Вследствие такого qui pro quo продукты труда становятся товарами, вещами, сверхчувственными или общественными. Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами».

[1]) «Kapital» I. 38—39.—С этим противоречием стоит сравнить с чисто экономической точки зрения разницу между обменом товаров по их стоимостям и между обменом по ценам их производства.

На этом основном факте надо прежде всего установить, что, благодаря всему этому, человеку противостоит его собственная деятельность, его собственный труд, как нечто объективное, от него не зависящее, подчиненное своим внутренним законам и над ним господствующее. И это не только в объективном, но и в субъективном отношении. Объективно, поскольку существует мир готовых вещей и вещественных отношений (мир товаров и их движение на рынке), законы какового мира хотя постепенно и делаются известными людям, но в данном случае противостоят им как непреложные, из себя действующие силы. Хотя знание этих сил и может быть использовано индивидуумом для своей выгоды, но ему не дано своей деятельностью повлиять на их реальный ход. Субъективно, поскольку при развитом товарном хозяйстве человеческая деятельность объективируется по отношению к нему самому, «превращается в товар, который подчинен чуждой человеку объективности необходимых общественных законов, постольку, следовательно, эта деятельность должна протекать независимо от человека, как какая-то товаровидная вещь, удовлетворяющая известную потребность. «Для капиталистической эпохи,— говорит Маркс [1]),—характерным является именно то, что рабочая сила для самого рабочего получает форму ему принадлежащего товара. С другой стороны, только с этого момента товарная форма продукта труда делается всеобщей. Универсальность товарной формы обусловливает собой, как объективно, так и субъективно, абстракцию человеческого труда, который материализуется в товарах. (С другой стороны, историческая возможность этой формы, в свою очередь, обусловлена реальным развитием процесса абстрагирования.) Объективно товарная форма как форма эквивалентности и обмениваемости качественно различных предметов делается возможной только потому, что она (в отношении, при котором только она и может овеществиться как товар) представляется формально одинаковой для всех случаев,—при чем формальная эквивалентность оценок возможна по существу лишь как продукт абстрактного (следовательно, формально одинакового) человече-

[1]) «Kapital». I. 133.

ского труда. Субъективно эта формальная одинаковость абстрактного человеческого труда делает его не только общим измерителем, к которому сводятся различные предметы при товарообмене, но и реальным принципом действительного процесса производства товаров. Само собой разумеется, мы не задаемся здесь целью изложить, хотя бы и бегло, этот процесс, показать, как сложился современный производственный процесс, как появился разрозненный «свободный» рабочий и возникло разделение труда. Здесь нам приходится лишь установить, что абстрактный, ровный, сравнимый, измеряемый со все большей точностью, общественно необходимый труд, капиталистическое разделение труда, в одно и то же время возникает и как продукт в ходе капиталистического развития и как предпосылка этого развития.

Следовательно, лишь в ходе развития в общественную категорию форма объективизации как объекта, так и субъекта оказывает влияние на возникшее таким образом общество, на его отношения к природе и на создающиеся в нем отношения между людьми [1]). Если проследить путь развития процесса труда, начиная с ремесла через кооперацию, мануфактуру вплоть до машинной индустрии, то становится заметной постоянно увеличивающаяся рационализация, все усиливающееся разделение качественных, человеческо-индивидуальных свойств рабочего. С одной стороны, это проявляется в том, что процесс труда во все растущей мере разделяется на абстрактно-рациональные, частичные операции, благодаря чему отношение рабочего к труду как едино цело разрывается, и его труд сводится к какой-либо специальной функции, механически лишь повторяющейся. С другой стороны, это происходит потому, что, благодаря этой рационализации и вследствие ее, общественно-необходимое рабочее время, основа рациональной калькуляции, фигурирует сначала как эмпирически взятое, как среднее время, и лишь позже из-за все усиливающейся механизации и рационализации процесса труда — как объективно измеримый труд, который противостоит рабочему в готовой и законченной объективности. Вместе с «новейшим психологическим» разделением

[1]) Vgl. «Kapital». I. 286—287, 310 u. s. w.

процесса труда (система Тейлора) эта рациональная механизация проникает даже в «душу» рабочего: его собственные психологические свойства отрываются от всей его личности, объективируются по отношению к ней и, укладываясь в рациональную и специализированную систему, делаются объектом определенной калькуляции [1]).

Для нас является особенно важным принцип, выступающий здесь в полном объеме: это принцип рационализации, основанной на калькуляции, на способности к калькуляции. Решительные изменения, которые происходят при этом в субъекте и объекте, суть следующие: во-первых, измеримость процесса труда требует разрыва с органически иррациональным, всегда качественно обусловленным единством самого продукта. Рационализация в духе постоянного, точного, предварительного исчисления всех искомых результатов достижима лишь при помощи тщательного разложения каждого комплекса на его элементы путем исследования специальных частичных законов его проявления. Она (рационализация) должна, следовательно, с одной стороны, разорвать с органическим производством всего продукта, основанном на *традиционной и эмпирической связи всех процессов труда*: рационализация немыслима без специализации [2]). Целостный продукт (называющийся в политэкономии в новой связи — потребительной ценностью) как объект трудового процесса исчезает. Процесс превращается в объективную связь рационализированных отдельных операций, которые объединены на основе калькуляции и связь между которыми кажется случайной. Чисто рационально, калькуляторское разделение процесса труда уничтожает органически необходимую связь взаимно зависящих друг от друга операций, находящих свое единство в продукте. Единство продукта как товара не совпадает с единством продукта как потребительной ценности. Техническое обособление отдельных трудовых манипуляций и их развитие при капиталистической перестройке общества получает свое эко-

[1]) Весь этот процесс исторически и систематически изложен в I томе «Капитала». Сами факты, конечно, без отношения их к проблеме овеществления мы находим также и в бурж. нац. эконом. — у Бюхера, Зомбарта и друг.

[2]) «Kapital». I. 451.

номическое выражение в обособленности отдельных частичных работ, в относительном увеличении товарного характера продукта на различных ступенях его производства [1]). При этом с возможностью пространственно-временного разъединения производства потребительной ценности должно, как обычно, итти рука об руку пространственно-временное объединение частичных манипуляций, которые, в свою очередь, гетерогенно связаны потребительной ценностью. С другой стороны, этот разрыв объекта производства означает также неизбежно одновременный разрыв с о субъекта. Вследствие рационализации процесса труда человеческие свойства и особенности рабочего проявляются все больше *лишь как источники нарушения* рациональной, заранее учтенной абстрактной закономерности этих частичных операций. Человек при этом ни объективно, ни в его деятельности в процессе труда не выступает как носитель этого труда, а является лишь механизированной частью, присоединенной к механизму системы, которая целиком и полностью функционирует независимо от него, законам которой он должен лишь невольно подчиняться [2]). Это невольное подчинение увеличивается еще тем, что в связи с все растущей национализацией труда и механизацией процесса труда, деятельность рабочего все больше теряет характер своей действенности и сводится к созерцательному состоянию [3]). Это созерцательное поведение по отношению к механически-закономерному процессу, который является независимым от сознания, неподдающимся влиянию человеческой деятельности, следовательно, проявляющимся как готовая замкнутая система, изменяет также основные категории непосредственного отношения человека к миру пространство и время при-

[1]) Там же, стр. 320.

[2]) С точки зрения индивидуального сознания понятно возникновение подобного представления. Если же говорить о целом классе, то необходимо заметить, что подобное извращение представления есть продукт долгой борьбы; и лишь по мере организации пролетариата, на более высоком уровне сознания, вновь восстанавливается правильное представление о вещах.

[3]) «Kapital». I 338—339, 387—388, 425 u. s. w. Само собой понятно, это «созерцание» может быть более напряженным и повышенным, чем ремесленная «активность». Но последнее лежит вне сферы нашего рассмотрения.

водится к одному знаменателю—время уравнивается с пространством. Маркс говорит: «Благодаря подчинению человека машине» возникает такое состояние, «при котором люди, противостоящие труду, исчезают, так что маятник часов становится ножом в отношении выполнения работ двух рабочих, таким, каким он стал для скорости двойного локомотива. Таким образом, нельзя больше сказать, что один (рабочий) час одного человека равен часу другого человека, а надо скорее говорить, что человек во время одного часа имеет такую же ценность, как другой человек во время одного часа. Время — все, а человек ничего больше не представляет собой, он в лучшем случае лишь овеществление времени. Речь больше не идет о качестве. Само качество отличает все: один час от другого часа, один день от другого дня...» [1]). Тем самым время теряет свой качественный, изменяющийся, текучий характер: время окостеневает и превращается в точно ограниченную, количественно-измеримую продолжительность, наполненную количественно измеримыми вещами (оматериализированными, механически объективированными от всей человеческой личности, точно разъединенными трудовыми «функциями» ,словом,—время превращается в пространство [2]). В этом абстрактном, точно измеримом времени, которое стало физическим пространством, окружающим мир, и которое является одновременно предпосылкой и следствием научно-механически разделенного и специализированного производства объекта труда, должны точно так же соответственно подвергнуться рациональному разложению и субъекты. Поскольку, с одной стороны, механизированный и специализированный труд и объективизация рабочей силы в противовес личности ее носителя, уже благодаря продаже этой рабочей силы, делается фактом повседневной действительности во всей ее неопреодолимости, постольку эта личность становится и здесь бездеятельным созерцателем того, что происходит с ее собственным существованием как с изолированной частицей, включенной в чужую систему. С другой стороны, это механизирующее разделение производственного процесса разрывает и ту цепь, которая связывает в

[1]) «Elend d. Philosophie». 27.

[2]) «Kapital». I. 309.

одно общество эти единичные субъекты труда при «органическом» производстве. Но механизация производства делает из субъекта и в этом случае изолированно-абстрактные атомы, которые уже не являются более непосредственно органически-соединенными, благодаря процессу труда, но связь их друг с другом за исключением абстрактных закономерностей механизма, которым они подчинены, становится все больше и больше опосредствованной.

Конечно, внутренне-организационная форма индустриального предприятия не могла бы оказывать такого действия (также и внутри предприятия), если бы здесь не проявлялась в концентрированном виде структура всего капиталистического общества. Ибо доходящее до крайних пределов угнетение, эксплоатация, попирающая человеческое достоинство, были уже налицо и в до-капиталистическом обществе, которому были знакомы огромные предприятия с механической однотипной работой, как, например, проведение каналов в Египте и в верхней Азии, горный промысел в Риме и т. п. [1]). Но, с одной стороны, массовый труд никогда не мог там свестись к труду *рационально-механизированному;* с другой стороны, эти массовые предприятия были там отдельными явлениями в обстановке господства другого (натурального) способа производства при сохранившейся общине. Эксплоатировавшиеся этим путем рабы стояли вне рамок того, что тогда считалось «человеческим» обществом; их современники и даже величайшие и благороднейшие мыслители не интересовались их судьбой, не считая их людьми. С того момента, когда категория товара делается всеобщей, это положение меняется радикально и в качественном отношении. Судьба рабочего становится судьбой всего общества; универсальность такого выравнивания под рабочего является предпосылкой того, что и процесс в предприятии складывается в этом же направлении. Ибо рациональная механизация процесса труда стала возможной лишь с появлением этого «свободного» рабочего, который может свободно продавать на рынке свою рабочую силу, «принадлежащую» ему как товар, как вещь, которой он «владеет». Пока же этот процесс находился в своей начальной стадии, то, несмотря на то, что в этот период способы выжимания прибавочной стоимости были более откровенно брутальны в сравнении с методами эксплоатации на последующих стадиях, процесс материализации труда, следовательно, и материализация сознания рабочего продвинулись значительно менее. Ибо для успеха этого процесса безусловно необходимо, чтобы удовлетворение потребностей всего общества происходило через товарообмен. Отрыв производителей от средств производства, разложение и распад всех натуральных способов производства, все экономически-социальные предпосылки развития современного капитализма влияют все в том же направлении: установить рационально-овеществленные связи вместо патриархальных форм, выявляющих более открыто человеческие отношения людей в работе. Маркс [1]) говорит о докапиталистических обществах следующее: «Общественные отношения людей в процессе труда „проявлялись“ во всяком случае как их личные отношения и не были задрапированы в общественные отношения вещей продуктов труда». А это значит, что принцип рациональной механизации и измеримость должен охватить все формы жизни. Объекты удовлетворения потребностей уже не являются тут элементами органического жизненного процесса общества (как, наприм., в сельской общине), а представляют из себя, с одной стороны, абстрактные видовые экземпляры, которые принципиально не различаются от других экземпляров такого же вида, с другой стороны, они представляют из себя отдельные вещи, обладание или необладание которыми определяется рациональным расчетом. И лишь после того, как вся жизнь общества раздробилась на такие отдельные акты обмена товаров, мог возникнуть „свободный“ рабочий; его судьба должна была в то же время стать и судьбой всего общества.

Конечно, создающаяся при этом обособленность и атомизация товаров есть лишь одна видимость. Движение товаров на рынке, происхождение их стоимости и вообще все реальные возможности и простор для рациональной калькуляции

[1]) См. у *Gottl*: Wirtschaft und Technik. Grundriss der Socialoekonomik. II, 234, ff.

[1]) «Kapital». I. 44 (Русск. перев. Степанова).

не только строго обусловлены, но и сама калькуляция возможна лишь на основе закономерности всего происходящего как основы калькуляции. Следовательно, автоматизация индивидуума является лишь сознательным отражением того, что «естественные законы» капиталистического производства охватили все жизненные проявления общества и что (впервые в истории) все общество включается (или, по крайней мере, имеет тенденцию к этому) в единый хозяйственный процесс, в результате чего одни и те же законы управляют судьбой всех членов этого общества (в то время как благодаря органическому единству до-капиталистических обществ обмен веществ в них происходил независимо друг от друга). Однако это — видимость, и как видимость необходима; дело в том, что непосредственное, как практическое, так и психологическое обособление индивидуума от общества и непосредственное производство и воспроизводство всех жизненных условий (при чем для отдельного индивидуума товарная структура всех «вещей» и «естественная закономерность» их связей представляется как нечто заранее данное) может происходить лишь на основе вышеописанной формы рациональных и изолированных актов обмена между отдельными товаровладельцами.

Как выше уже было подчеркнуто, рабочий должен сам смотреть на себя, как на «владельца» своей рабочей силы-товара. Особенность его положения заключается в том, что эта рабочая сила и есть его единственная собственность. В положении рабочего является характерным для строения всего общества то обстоятельство, что эта самообъективизация, это превращение в товар одной из функций человека выявляют обесчеловеченный и обесчеловечивающий характер товарных отношений вообще.

Эта рациональная объективизация заволакивает прежде всего качественный и материальный, непосредственно-вещный характер всех вещей. И поскольку все без исключения потребительные ценности являются товарами, они приобретают новую объективность, новую вещность, которой они раньше, в эпоху исключительно-случайного обмена, не имели,—новую объективность, в которой их первоначальная собственная вещность уничтожена, исчезла.

«Частная собственность, — говорит Маркс [1]), — отчуждает не только индивидуальность человека, но и индивидуальность вещей. Земля не имеет ничего общего с земельной рентой, машина ничего общего не имеет с прибылью. Для помещиков (землевладельцев же) земля имеет лишь значение земельной ренты; он сдает в аренду свою землю и получает ренту, — свойство (качество), которое может потерять земля, помимо присущих ей свойств, помимо, например, потери части плодородности, а такое качество — масштаб, существование которого зависит от общественных отношений, может погибнуть или быть восстановлено без содействия землевладельца. Точно так же обстоит с машиной». И если единственный объект, которому человек в качестве ли производителя или потребителя противостоит непосредственно, благодаря своему товарному характеру, сам превращается в свою противоположность, то этот процесс должен, разумеется, итти тем дальше, чем менее непосредственны те отношения, которые устанавливает человек в своей общественной деятельности к предметам, как объектам жизненного процесса. Здесь, само собой разумеется, мы не задаемся целью дать анализ всей экономической структуры капитализма. Ограничимся констатированием того факта, что современный капитализм в процессе своего развития не только преобразовывает соответственно своим потребностям производственные отношения, но включает в свою систему и те формы примитивного капитализма, которые в до-капиталистических обществах вели изолированное, обособленное от производства существование, и заставляет их служить делу капитализации всего общества (купеческий капитал, роль денег в качестве сокровища или денежного капитала).

Хотя эти формы капитала объективно и играют служебную роль по отношению к основной задаче капитала — выжиманию прибавочной стоимости в самом процессе производства — и таким образом могут быть поняты только

---

[1]) Имеется в виду здесь прежде всего капиталистическая частная собственность.—Der heilige Max. Dokumente des Sozialismus. 363. В связи с рассматриваемым вопросом Маркс делает здесь несколько ценных замечаний, как материализация проникла и в язык. Соответствующее филологическое исследование на основе исторического материализма могло бы дать интересные результаты.

из существа индустриального капитализма, они представляются, однако, в сознании человека из буржуазного общества чистыми, характерными и специфическими формами капитала. И именно потому, что в них скрытые за товарными отношениями отношения людей друг к другу и к действительным объектам, удовлетворяющим их потребностям, совершенно затушеваны и непостигаемы, они неизбежно должны были для материализированного сознания выражать существо современной общественной жизни. Вещный характер товара, абстрактно-количественная форма измерения фигурирует здесь в своем наиболее чистом виде: эта форма для материализированного сознания неизбежно превращается в форму проявления его собственной непосредственности, за пределы которой оно в качестве материализированного сознания и не стремится выйти; наоборот, оно стремится эти подмеченные закономерности закрепить и увековечить путем «научного обоснования». Так же как капиталистическая система постоянно производит и воспроизводит себя на все более высокой ступени, так и система материализации проникает в ходе развития капитализма неизбежно все глубже в сознание человека и укрепляется в нем. Маркс очень ярко описывал эту склонность сознания к материализации. Приведем здесь только одно место [1]): «Поэтому в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет в себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег к самим себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь проявляется лишь бессодержательная форма этого превращения ... Производить стоимость, приносить процент, становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши. Как такую, приносящую проценты, вещь, заимодавец и продает свои деньги. Но этого мало, как мы видели, — даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент, не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал.

[1]) „Kapital". III. I. 378—379. (Русск. перев. И. Степанова.)

«Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т.-е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капитал выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль, превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, кажется просто аксессуаром, продуктом, привходящим в процессе воспроизводства. Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише готовы. В Д—Д' мы имеем перед собою иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления отношений производства: форму, приносящую проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; мы имеем перед собою способность денег или товара увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства — крайнюю форму мистификации капитала.

«Для вульгарной экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником создания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источника прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает самостоятельное существование".

И поскольку капиталистическая политэкономия не идет дальше этой, ею же самой созданной упрощенности, постольку являются бесплодными попытки буржуазной мысли понять идеологическую сущность материализации. Даже те мыслители, которые совсем не хотят отрицать наличности самого факта материализации и более или менее отдают себе ясный отчет в его отрицательных для человека последствиях, не способны подвинуться ни на шаг вперед в деле анализа этого явления и не делают никаких попыток оторваться от производных, оторванных от внутреннего существа капитализма, а потому поверхностных и пустых внешних форм его проявления и проникнуть в сущность происхождения феномена материализации. Более того, они вообще освобождают эти опустошенные видимости от их

капиталистической естественной основы, обособляют и увековечивают их в качестве единственно возможного типа человеческих отношений вообще. (Отчетливей всего указанная тенденция выступает в местами очень интересной и остроумной книге Зиммеля «Философия денег».) Все эти господа дают лишь простое описание этого «завороженного, искаженного и на голову поставленного мира, где M-r le Kapital et M-me la Terre—(г-н Капитал и м-м Земля), как социальные характеры, и в то же время непосредственно, как простые вещи, совершают свой шабаш» [1]. Они поэтому не идут дальше описания, и их «углубление» вопроса ограничено кругом форм проявления этой материализации.

Этот отрыв явлений материализации от экономического фундамента, от той действительной базы, на основе которой она только и может быть познана, облегчается еще тем, что процесс описанной нами трансформации должен охватить совокупность всех форм общественной жизни, потому что только тогда имеются налицо все предпосылки для саморазвития до конечного предела капиталистического производства. Так капиталистическое развитие создало отвечающее его потребностям и отвечающее его структуре право, соответствующую ему систему государства и т. д. Сходство структуры всех этих форм так велико, что это должны были признать все действительно отдающие себе отчёт историки современного капитализма. Так, например, Макс Вебер [2] следующим образом описывает основной принцип этого развития: «оба (право и государство) в основном, в сущности, совершенно одинаковы. Современное государство является «предприятием»; с общественно-научной точки зрения надо рассматривать его как «фабрику»: именно это обстоятельство и является исторически характерным для него. И отношения господства определяются здесь также, как и внутри фабрики. Как относительная самостоятельность ремесленника и кустаря, помещичьего крестьянина, рыцаря и вассала покоилась на том, что каждый из них был собственником орудий производства, запасов, денежных средств, оружия, помощью которых они выполняли свои экономические и политические функции, дававшие им средства к жизни, точно также и здесь (в капиталистическом обществе) иерархическая зависимость рабочего, вояжера, технического служащего, академических и институтских ассистентов, государственных служащих и солдат основывается также на том, что необходимые для предприятия и его экономического существования орудия производства, сырье и денежные средства находятся с одной стороны во власти предпринимателя, а с другой стороны сконцентрированы у политического господина». И давая описание причины и социальной сущности явления (материализации), он очень правильно добавляет такое замечание: «Современное капиталистическое предприятие основывается внутри себя прежде всего на *калькуляции*. Оно нуждается для своего существования в юриспруденции и администрации, функционирование которых, по крайней мере в принципе, также может быть *рационально рассчитано*, исходя из твердых и общих норм, как калькулируется заранее работа какой-либо машины. Оно также мало может ориентироваться в своем расчете на случайное благорасположение судьи или на какие-либо иррациональные, правовые уловки, как и на патриархальное управление, основанное на произволе и милости, как на незыблемую, святую, но иррациональную традицию. То, что является специфическим в современном капитализме в противоположность древнейшим формам капиталистического ремесла, а именно: строго рациональная *организация труда* на основе *рациональной техники*,—все это нигде не возникало при старой, иррациональной по своей конструкции системе государства и не могло там возникнуть. Ибо современные капиталистические предприятия с их точной калькуляцией слишком чувствительны по отношению к иррациональностям права и администрации. Капиталистическое предприятие могло возникнуть только там, где судья бюрократического государства с его законами является автоматом параграфа, в который вкладываются сверху акты вместе с издержками и рисками, а снизу

[1] „Kapital" III. I. 378—379.

[2] Собрание политических сочинений. Мюнхен 1921. стр. 140—142. Указание Вебера на развитие английского права не касается рассматриваемой нами проблемы. Сравнить также собрание статей к вопросу религиозной социологии. I. стр. 393 и 437.

он, этот автомат, выбрасывает приговоры, более или менее обоснованные на законах, так что функционирование этого судебного аппарата в общем и целом заранее может быть объектом определенной калькуляции».

Процесс, который здесь происходит, как по своим причинам, так и по своим последствиям родственен тому, что происходит в сфере экономических отношений. И здесь происходит разрыв с эмпирическими, иррациональными, основывающимися на традициях, методами судопроизводства и управления и т. д., которые субъективно исходят из мотивов действующего человека, а объективно — из конкретных материальных отношений. Возникает рациональная систематизация всех правовых отправлений жизни, которая с одной стороны, по крайней мере в тенденции, представляет замкнутую систему, предусматривающую все возможные мыслимые случаи. С точки зрения нашей задачи, т.-е. задачи познать структуру современной материализации в области права, безразлично, является ли эта система, построенная на основе внутренней юридической логики, на основе чисто юридического догматизма, вполне законченной и цельной, или же судье в своей практике приходится восполнить «пробелы» законов. Ибо в обоих случаях сущность системы права заключается в том, что оно, благодаря своей формальной всеобщности, распространимо на всевозможные жизненные случаи и благодаря этой своей распространимости поддается определенной калькуляции. И даже торпаво, которое в своем развитии усиленно равнялось по хозяйственной эволюции, будучи, однако, с нашей точки зрения, докапиталистическим, даже римское право в этом отношении оставалось эмпирическим, конкретным, традиционным. Лишь в процессе современного развития возникли систематические и оформленные категории, благодаря которым могла осуществиться всеобщность правовых норм, распространяющихся на все кругом [1]). Совершенно ясно, что эта потребность в систематизации, в отказе от эмпирического элемента, традиции и материальной основы вытекала из потребности в точной калькуляции [2]). С другой стороны, именно эта потребность

[1]) *Max Weber*: Wirtschaft und Gesellschaft, стр. 491.
[2]) Там же, стр. 129.

обусловливает то, что правовая система противостоит отдельным проявлениям общественной жизни как извечно готовая, точно фиксированная, следовательно, как окостеневшая система. Понятно, на этой почве возникают неизменно конфликты между постоянно и все более развивающимся капиталистическим хозяйством и окостеневшей правовой системой. Но это приводит только к новым кодификациям и т. д., потому что новая система права вынуждена сохранять в своей структуре законченность и окостенение старой системы. Создается, повидимому, парадоксальное положение: в то время как на протяжение столетий и даже тысячелетий почти неизменное «право» примитивных общественных формаций знает преходящие, иррациональные и вновь создающиеся правовые формы,—современное право, испытавшее и испытывающее перевороты, обнаруживает свою окостеневшую, статическую и законченную сущность. Парадокс, однако, является лишь кажущимся, если принять во внимание, откуда он происходит: тот же самый факт, рассматриваемый в первый раз с точки зрения историка (позиция которого методически находится «вне» рассматриваемого процесса развития), второй раз рассматривается с точки зрения живого субъекта, с точки зрения влияния современного ему общественного устройства на его сознание. И с этой точки зрения сразу становится ясным, что здесь, в другой только области, повторяется противоречие между традиционно-эмпирическим ремеслом и научно и рационально организованной фабрикой. Непрерывно совершенствующаяся современная производственная техника противостоит (на каждой отдельной ступени ее функционирования) отдельному производителю как застывшая и законченная система, в то время как относительно более стабильное, традиционное, ремесленное производство сохраняет в сознании отдельного производителя характер чего-то текучего, постоянно обновляющегося и воспроизводимого самим производителем. Благодаря этому и здесь ясно выступает созерцательный характер той роли, которую играет суъбект в капиталистическом обществе, ибо сущность рациональной калькуляции покоится в конечном счете на том, что благодаря ей познается и учитывается (независимо от индивидуальной «воли») ход событий,

подчиненный внешне-принудительным законам. Так что вся активность человека сводится к правильному учету последствий того или иного хода вещей (законы какового хода ему заранее даны), при чем удачное преодоление нарушающих закономерность «случайностей» достигается путем применения защитительных и предупредительных мер (которые точно также основываются на знании и применении знания соответствующих «законов»). Очень часто, однако, и этот субъект, предвидя на основе теории вероятностей возможное вероятное действие таких «законов», не предпринимает попытки вмешаться в самый ход событий путем противопоставления этим «законам» других «законов». Чем более внимательно мы рассматриваем в области права существо дела независимо от буржуазных легенд о «творческих» свойствах капиталистической эпохи, тем ясней должно выступать для нас здесь при анализе всякой деятельности полное внутреннее сходство с деятельностью рабочего при машине, которую он обслуживает и за которой смотрит, функции которой контролирует, наблюдая за ней. «Творческое» начало зависит от того, в какой мере использование «законов» является чем-то (относительно) самостоятельным или подчиненным, иными словами, в каких пределах приходится отступать от чисто пассивного поведения. Но различие, состоящее в том, что рабочий противостоит отдельной машине, предприниматель — данному типу машинизации, техник — состоянию науки, с учетом выгодности ее технического применения,—это различие способно обусловить чисто количественные варианты, *а не какое-либо непосредственное качественное различие в структуре сознания.*

Лишь в связи со всем сказанным становится вполне понятной проблема современной бюрократии. Бюрократия является совершенно таким же приспособлением образа жизни и способа труда и соответствующего им сознания к социально-экономическим условиям капиталистического хозяйства в целом, какое мы констатировали по отношению к рабочему в отдельном предприятии. Рационализация форм права, государства, управления и т. п. означает объективно по сути дела подобное же разложение всех общественных функций на их элементы; те же поиски

за рациональными и формальными законами этих друг от друга отделимых частей системы и связанного субъективно с этим следствия в виде отделения работы от индивидуальных способностей и потребностей работающего; то же рационально обезличивающее разделение технически-машинного труда, каким мы его находим в предприятии [1]).

Дело идет при этом не только о совершенной механизированной, «бездушной», низшей бюрократии, работа которой весьма близко напоминает работу при машине и даже превосходит ее бессодержательностью и однообразием. Дело идет, с одной стороны, о все более усиливающемся формально-рационалистическом подходе ко всем вопросам и о все более растущем отрыве формы от качественно-материальнаго существа вещей, на которые распространяется бюрократическое воздействие; с другой стороны, дело идет о чудовищном усилении односторонней специализации и разделении труда, подавляющих в человеке все человеческое. По поводу фабричного труда Маркс замечает, что сам индивидуум здесь делится на части, превращается в автоматически-действующий инструмент частичной работы и благодаря этому превращается в неестественного урода. Это определение тем более соответствует действительности, чем в большей мере разделение труда требует более тонких, сложных и «духовных» функций. Отделение рабочей силы от личности рабочего, превращение ее в вещь и предмет, который продается на рынке, повторяется и тут, с той только разницей, что не все духовные способности подавляются благодаря машинной механизации, но что одна способность (или комплекс способностей) отделяется от личности в целом и противопоставляется личности как объективированная вещь, как товар. Но если здесь и способы общественного воспитания этих способностей и материальная и меновая стоимость их в корне отличаются от меновой стоимости рабочей силы (при чем, конечно, не надо забывать о целом ряде проме-

[1]) В данной связи мы не подчеркиваем классового характера государства, чтобы лучше понять овеществление как всеобщий фундаментальный феномен всего буржуазного общества. Ибо иначе классовую точку зрения надо было выдвинуть уже при рассмотрении машины.

жуточных звеньев и незаметных переходов), то в основном явление остается тем же самым. Специфический вид бюрократической «добросовестности» и осведомленности, неизбежное полное подчинение системе делопроизводства, в которую включен каждый отдельный бюрократ, представление, что именно его «честь», его «чувство ответственности» [1]) требуют такого полного соподчинения, доказывают, что разделение труда распространяется здесь на «этическую» область, как в системе Тэйлора на «психическую». Но это отнюдь не ослабляет, а наоборот, ускоряет и усиливает превращение типа сознания, построенного на овеществлении, в основную категорию познания для всего общества. Пока судьба отдельного работника является еще судьбой одиночки (например раба в древности), до тех пор жизнь господствующих классов может протекать совсем в иных формах. И только капитализм вместе с единством структуры хозяйства для всего общества создает (правда, формально) единство структуры сознания для всего целого. Это обнаруживается как раз в том, что проблемы осознания наемного труда в господствующем классе снова и снова возникают, и чем дальше, тем в более утонченном и идеализированном виде.

Специалист-«виртуоз», продавец своих объективированных и овеществленных способностей, превращается не только в зрителя по отношению ко всему ходу общественной жизни (до какой степени администрация и суд принимают в противоположность к периоду ремесла указанный выше характер фабрики, этого мы здесь не будем касаться), но оказывается также и в роли пассивного созерцателя по отношению к самому процессу функционирования его собственных объективированных и овеществленных способностей. Наиболее классически эта структура проявляется в журналистике, где как раз сама действующая личность, ее знания, темперамент, стиль превращаются в абстрагированный от личности механизм, обособленный и приводимый в движение независимо как от личности «владельца», так и от материально-конкретного существа трактуемого предмета. Бессовестность журналистов, проституирование их воззрений и убеждений нужно рассматривать как кульминационный пункт капиталистического овеществления [1]).

[1]) См. об этом: „*Max Weber*. Politische Schrifte. 154.

Превращение товарных отношений в вещь «призрачной объективности» не может, следовательно, ограничиться превращением всех продуктов, удовлетворяющих потребности, в товары. Оно накладывает печать и на всю структуру человеческого сознания: качества и способности человека уже не связываются теперь более с органическим единством личности, а выступают как «вещи», которыми человек «владеет», и которые он «отчуждает», на подобие различных предметов внешнего мира. И естественно поэтому, что нет ни одной формы взаимоотношения между людьми, никакой возможности для человека проявить свои физические и психические «качества» без того, чтобы они во все большей мере не подчинялись этой форме овеществления. Стоит лишь вспомнить при этом о браке, на прогресс которого в XIX веке принято ссылаться и относительно которого Кант с наивно-циничной откровенностью великого мыслителя сказал следующее: «Половое сожительство,—говорит он, [2])—есть процесс взаимного использования человеком половых органов и имущества другого... брак же — соединение двух лиц различного пола для установления взаимной собственности в течение всей жизни на их половые свойства».

Но эта, повидимому, полная, всеохватывающая рационализация мира, захватывающая до корней физическое и психическое существо человека, находит, однако, границы в формальном характере самой этой рациональности; а именно: рационализация изолированных элементов жизни и возникающая отсюда формальная закономерность, хотя на первый взгляд, при поверхностном рассмотрении, и приводит к построению единой системы всеобщих законов, однако абстрагирование от конкретной материи этих законов, на которой покоится вся закономерность, проявляется в фактической несогласованности законов, в

[1]) См. об этом статью *A. Fogarasi*. Kommunismus. T. II. №. 25/26.
[2]) Metaphisik der Sitten, I. Teil, §·24.

случайной связи отдельных частичных законов друг с другом, в относительно большой самостоятельности, которая характеризует взаимоотношение этих частичных систем законов. Наиболее ярко обнаруживается несовпадение этих законов в периоды кризисов, существо которых с той точки зрения, с какой мы рассматриваем здесь вопрос, как раз и состоит в том, что обрывается нить непрерывного перехода от одной изолированной системы законов в другую, вследствие чего их независимость друг от друга и их чисто случайное размежевание настойчиво напоминает о себе в сознании всех людей. Это дало повод Энгельсу [1]) определить «естественные законы» капиталистического хозяйства как законы случайностей.

Однако существо кризиса при ближайшем рассмотрении обнаруживается лишь как рост количества и интенсивности обыденных процессов буржуазного общества. В результате твердо установленная и кажущаяся для обывательского мышления замкнутой связь закономерностей этой жизни вдруг неожиданно нарушается, и это возможно только потому, что и при нормальном функционировании производства искусственный отрыв одних элементов исследования от других в отдельных системах делался довольно случайно. И, таким образом, видимость того, что все процессы в общественной жизни подчинены «вечным, железным» законам, которые только отдельно действуют как специальные законы в различных областях, — эта видимость теперь делается вполне осязаемой.

Наоборот, истинное существо структуры общества представляется в независимых, рационализированных и формальных частичных закономерностях, которые имеют между собою необходимую формальную связь (т.-е. что их формальная связь может лишь формально быть систематизирована); материально же и конкретно взаимные случайные связи прекращаются. Эту связь обнаруживает лишь при несколько более точном анализе уже чисто экономическое явление. Так, например, Маркс указывает, что «условия непосредственной эксплоатации и реализации не идентичны. Они не совпадают не только по

[1]) Ursprung der Familie. 183—184.

времени и месту, но и в понятии» [1]). (При чем, конечно, приводимые здесь примеры служат лишь для методического освещения вопроса и отнюдь не претендуют при этом поверхностном рассмотрении на то, чтобы дать картину материальнаго существа вопроса.) Таким образом, «не существует никакой необходимой, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт» и..... «между теми размерами, в которых общество стремится покрыть потребность, удовлетворяемую данным определенным продуктом» [2]).

Это, само собой разумеется, лишь случайно выбранные примеры. Ибо ясно, что вся система капиталистического производства в целом покоится на этом взаимодействии между строго-необходимой закономерностью отдельных явлений и относительной иррациональностью во всем процессе в целом.

«Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простые члены принадлежащего ему совокупного механизма: общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов» [3]).

Ибо капиталистическая рационализация, покоящаяся на частно-хозяйственной калькуляции, требует в каждом отдельном случае этой взаимодействующей связи между закономерностями в отдельных деталях и случайностями в целом; она предполагает подобную структуру общества, она производит и воспроизводит эту структуру в таком объеме, в каком она вообще господствует в обществе. Это необходимо уже связано и с самым существом спекулятивной калькуляции, со всем способом производства товаропроизводителей на той ступени, когда товарный обмен делается всеобщей формой. Конкуренция между отдельными товаровладельцами была бы невозможна, если бы рациональности отдельных явлений соответствовала

[1]) Kapital. III. 1. 225.
[2]) Там же. 166.
[3]) Kapital, I., 321.

бы такая же точно рационально и закономерно функционирующая система всего общества. Чтобы рациональная калькуляция была возможна, товаровладельцы должны были бы быть властны над всеми закономерностями отдельных хозяйственных процессов производства. Хотя шансы обесценения, хотя законы «рынка» также могут быть учтены заранее, и к ним применена теория вероятностей, однако господство закона здесь отнюдь не возможно в такой мере, в какой господствует закон над отдельным явлением; эти явления и процессы ни при каких обстоятельствах не поддаются рациональной организации. Это, конечно, отнюдь не исключает господства какого-либо «закона» над всем целым. Только этот закон неизбежно является с одной стороны, продуктом самостоятельной деятельности независимых друг от друга товаропроизводителей, следовательно, законом взаимодействия «случайностей», а не законом действительно рациональной организации; а с другой стороны, эта закономерность не только действует за спиной отдельных людей, но она никогда не может быть полностью и адэкватно быть познана. Ибо полное познание целого обеспечило бы субъекту этого познания такое монопольное положение, которое было бы равносильно уничтожению капиталистического хозяйства.

Но эта иррациональность, эта весьма проблематическая «закономерность» целого, *принципиально и качественно отличная* от закономерности отдельных частей, как раз с этой своей проблематичностью не только представляет постулат, предпосылку для функционирования капиталистического хозяйства, но и является в то же время продуктом капиталистического разделения труда. Выше уже было указано, что это разделение труда разрывает всякое единство трудового и жизненного процессов, разлагает их на элементы с тем, чтобы эти сознательно и искусственно обособленные отдельные функции наиболее рациональным образом выполнялись «специалистами», максимально годными для этого по своим физическим и психическим качествам. Но эта рационализация и обособление отдельных функций неизбежно порождает тенденцию к тому, чтобы каждая из последних, независимо от других отдельных функций общества, подчинялась логике специализации, развивалась самостоятельно дальше. И эта тенденция, понятно, усиливается с

ростом нормализации при разделении труда. Ибо, чем более разделенным является труд, тем сильнее обособляются профессиональные и корпоративные интересы «специалистов», которые являются носителями этих тенденций. И это движение в сторону обособленности не ограничивается частью какой-либо определенной области. Наоборот, оно делается еще более даже заметным, если мы рассматриваем большие отрасли, которые создаются на основе разделения труда. Энгельс [1]) характеризует этот процесс в отношении права и хозяйства следующим образом:

«С правом то же самое. Как только является потребность в новом разделении труда, создающем *юристов по профессии*, так сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая, при всей своей общей зависимости от производства и торговли, все же обладает способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его *выражением внутренно согласованным*, которое благодаря внутренним противоречиям не шло бы само против себя. А для того, чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более».

Вряд ли здесь необходимо приводить дальнейшие примеры, характеризующие обособление выращивания и взаимную борьбу между отдельными «пружинами» управления (стоит лишь напомнить об отделении военного аппарата от гражданского управления), между факультетами и т. д.

Благодаря специализации в работе утрачивается всякое представление о целом. Но так как в то же время потребность хотя бы в теоретическом охвате целого остается, то благодаря этому создается впечатление, что наука, работающая таким образом и тонущая в узкой области непосредственно данного, разрывает на части целостную действительность и благодаря специализации теряет образ целого. На эти упреки науке в том, что она отдельные моменты рассматривает не в их целом, Маркс [2]) справедливо заметил: «На основании этих упреков можно

[1]) Brief an Konrad Schmidt. 27. X. 1890. Dok. d. Soz. II. 68. (Русск. перев. Адоратского.)

[2]) Zur Kritik der pol. Oek. XXI—XXII.

подумать, как будто этот разрыв приносится не из действительности в книги, а из книжек в действительность». Хотя этот упрек в такой наивной форме и приходится отклонить, однако он делается вполне понятным, когда на вполне законное, как социологически, так и внутренно методологически, стремление современной науки к единому охвату целого мы на один момент взглянем с точки зрения «наивного», т.-е. не под углом зрения материализированного, сознания. Законность подобного взгляда (независимо от какого бы то ни было упрека) будет теперь все более обнаруживаться потому, что, чем более развивается современная наука, чем больше она будет достигать методической ясности, тем более решительно она будет отворачиваться от существа проблем своей области и тем решительней будет обособлять их от того, что она постигла в полной мере. Чем более совершенными и научными делаются ее достижения, тем в большей степени она превращается в формально замкнутую систему отдельных законов, систему, для которой лежащий за ее пределами мир и вместе с ним в первую голову ее собственный материал познания, ее собственный субстрат действительности, методически и принципиально будет превращаться в непознаваемый. Маркс [1]) отчетливо формулировал это по отношению к политической экономии, сказав, что «потребительная ценность, как таковая, лежит за пределами изучения политической экономии». И было бы ошибкой думать, что постановка вопроса, которую делает «теория предельной полезности», может вывести политэкономию за ее границы: попытка взять за исходный пункт субъективное поведение на рынке вместо объективных законов производства и движения товаров, каковые законы сами определяют и самый рынок и действия людей на рынке, отодвигает лишь проблему на еще более материализированную ступень, не уничтожая формального характера самого метода, выхолащивающего всякий конкретный материал. Акт обмена в его формальной всеобщности, который остается основным фактом и для теории предельной полезности, также уничтожает потребительную ценность, как таковую, и также создает отношение

[1]) Там же, 2.

абстрактного равенства между конкретно неравными и даже несравнимыми вещами. Субъект обмена является столь же абстрактным, формальным и материализированным, как и его объект. И пределы этого абстрактно-формального метода связаны также с абстрактной закономерностью как познавательной целью, которую теория предельной полезности также ставит в центре, как это делала и классическая политэкономия. Вследствие же формальной абстрактности этой закономерности экономия постоянно превращается в замкнутую Feilsystem, которая, с одной стороны, не способна ни проникнуть в сущность материального субстрата своего исследования, ни найти от него путь к познанию общественного целого. С другой стороны, именно поэтому она превращает материю своего исследования в неизменную, вечную «данность». А это делает невозможным для науки понять происхождение, изменение и характер своего исследования материи...

Здесь с полной ясностью обнаруживается взаимодействие между научной методикой, которая связана с общественным существом класса и с необходимостью для него и с его потребностью абстрактно схватить эту сущность, и между существом самого класса. Мы уже здесь подчеркивали и неоднократно, что явление кризиса составляет проблему, которая воздвигает непреодолимые препятствия для буржуазной экономической мысли. Если мы теперь, вполне сознавая всю односторонность этого, рассматриваем этот вопрос с чисто методической точки зрения, то обнаруживается, что как раз успех экономической рационалистики, превращение экономии в абстрактную, по возможности усложненную математическими формулами систему «законов» создает методические границы для понимания проблемы кризисов. Качественная сущность «вещей», потребительная стоимость, которая в виде непостигаемой и выхолощенной вещи в себе где-то существует за пределами политической экономии и на которую как будто при нормальном функционировании экономических законов можно было не обращать внимания, делается внезапно (внезапно для материализированной, рационалистической системы мышления) решающим фактором. Или, лучше говоря, ее действие обнаруживается в прекращении действия этих законов, при чем материализированное по-

знание не в состоянии понять смысла этого «хаоса». И это непонимание характерно не только для классической экономии, которая могла еще видеть в кризисах лишь «преходящее», «случайное» нарушение, но и для всей буржуазной экономии вообще. Непостигаемость, иррациональность кризисов для буржуазного сознания хотя и связаны внутренно с классовым положением и классовыми интересами буржуазии, но формально все это есть неизбежный результат самого ее метода. (Что оба эти момента являются для нас лишь отдельными сторонами диалектически-единого, об этом излишне распространяться.) Насколько это методически неизбежно, показывает, например, теория Туган-Барановского, в которой он, давая анализ кризисов на протяжении почти столетия, пытается совершенно выбросить из экономии фактор потребления и создать экономию «чистого» производства. В противовес этим попыткам найти причины кризисов (наличность которых всеми признается) в диспропорциональности между элементами производства, следовательно, в области чисто количественных взаимоотношений, Гильфердинг вполне справедливо подчеркивает следующее:

«Оперируют только экономическими понятиями: капитал, прибыль, накопление и т. д.—и думают, будто нашли разрешение проблемы, раз удалось показать те количественные отношения, на основе которых возможно простое и расширенное воспроизводство, или же, напротив, должны наступить нарушения. При этом просматривают, что этим количественным отношениям должны соответствовать и качественные условия; что противостоят друг другу не только известные суммы стоимости, которые взаимно соизмеримы с самого начала, но и потребительные стоимости определенного типа, которым предстоит исполнить вполне определенные функции в производстве и потреблении; что при анализе процесса воспроизводства противостоят друг другу не просто части капитала вообще,—так что излишек или недостаток промышленного капитала можно «уравнять» соответствующею частью денежного капитала, и что противостоят друг другу также не просто основной или оборотный капитал; совершенно не замечают, что здесь в то же время дело идет о машинах, сыром материале, рабочей силе совершенно определенного

(технически определенного) вида, и что они должны иметься в наличности, как потребительные стоимости этого специфического вида; иначе нарушения будут неминуемы»[1]).

Как мало эти экономические феномены и их изменения, которые буржуазная экономия стремится уложить в рамки своих «законов», совпадают с действительным движением всего экономического целого, насколько границы буржуазной мысли определяются непониманием роли потребительной стоимости и реального потребления, Маркс неоднократно и настойчиво указывал:[2]) «Процесс воспроизводства до известной границы может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления. Потребление товаров не входит в кругооборот капитала, из которого они произошли. Например, раз пряжа продана, кругооборот капитальной стоимости, представленной в пряже, может начаться снова, независимо от того, что сделалось с проданной пряжей. Раз удается продавать продукт, все идет нормально с точки зрения капиталистического производителя. Кругооборот капитальной стоимости, представленной продуктом, не нарушается. И если этот процесс расширяется,—что предполагает расширение производительного потребления средств производства,—то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) со стороны рабочих, потому что подготовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрастать производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и личное потребление капиталиста. Весь процесс производства может находиться в самом цветущем положении, и, однако, бо́льшая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке». Здесь необходимо подчеркнуть, что эта неспособность проникнуть

[1]) Finanz Kapital, 2 Auflage, 378—379 (русск. пер. Степанова.)
[2]) Kapital, II, 49 (русск. пер. Степанова).

в материальный субстрат науки является недостатком не отдельных лиц, но выступает как раз тем отчетливее, чем более развитой является наука, чем более последовательно (исходя из своих предпосылок) она работает. Таким образом, как это убедительно доказала Роза Люксембург [1]), отнюдь не случайно, что гениальное, хотя и примитивное, ошибочное и неточное представление Кэне об органическом единстве всей экономической жизни, изложенное в его «экономических таблицах», постепенно исчезает от Смита до Рикардо с уточнением основных экономических понятий. Для Рикардо процесс совокупного капиталистического производства, поскольку этой проблемы нельзя было обойти, составляет уже отнюдь не центральную проблему исследования.

Еще более ярко и четко — именно вследствие сознательной материализации самой структуры — проявляется эта сторона в науке о праве. Это имеет место уже потому, что здесь вопрос о непознаваемости качественного содержания рационалистически-калькуляционных форм определялся не конкуренцией двух организационных принципов в одной и той же области (как потребительная и меновая ценность в политической экономии), но уже с самого начала стоял как проблема формы и содержания. Борьба за «естественное право» в революционный период буржуазного класса методически исходила из того принципа, что формальное равенство и универсальность права, следовательно его рациональность, способны определить и его содержание. Этим оружием боролись, с одной стороны, против многообразного, пестрого, имевшего свои корни в средневековье, права, основанного на привилегиях, с другой стороны,—против неподсудности монархов законам. Революционный буржуазный класс отказывался видеть в факте реального существования какого-либо права, в его одном только наличии также и его обязательность. «Сожгите ваши законы и создайте новые, — говорит Вольтер.—Откуда же взять новые?—Из разума» [2]). Борьба против революционной буржуазии, примерно, в период великой французской революции, настолько еще велась на той же самой почве, что этому естественному праву могло быть противопоставлено лишь другое естественное право (Бурке, также Сталь). Только после того, как буржуазия победила, (хотя бы отчасти), лишь тогда в обоих лагерях появляется «критическое» или «историческое» направление, сущность которого заключается в том, что содержание права рассматривается, как нечто фактически данное, следовательно, фактически отличное от формальных категорий самого права. Из арсенала естественного права сохраняется лишь мысль о непрерывной связи всей формальной правовой системы; характерно, что Бергбом[1]) называет на языке физики всю нерегулируемую юридически область «законодательной пустотой». Однако связь всех этих законов чисто формальная; существо же того, что они выражают,— содержание правового института — никогда не носит чисто юридический, а всегда политический или экономический характер [2]). Поэтому примитивный, цинично-скептический протест против естественного права, поднятый кантианцем Гуго в конце 18-го века, получает видимость чего-то «научного». Между прочим Гуго [3]) обосновывал правовой характер рабства тем, что оно на протяжении столетий считалось закономерным у миллионов культурных людей. Этот наивный и откровенный цинизм все более соответствует той структуре, которую получает право в буржуазном обществе. Если Еллинек называет содержание права метаюридическим, если юристы «критического» направления исследование содержания права считают делом истории, социологии, политики и т. д., то в конечном счете они поступают лишь по рецепту Гуго, который требовал методологически отказаться от всякого разумного обоснования права и его качественной рациональности, который предлагал рассматривать право только лишь как формальную калькуляционную систему, при помощи которой точно могут быть учтены необходимые юридические последствия определенных поступков.

---

[1]) Akkumulation des Kapitals, I Auflage, 78—79. Было бы весьма интересно разработать этот вопрос с точки зрения методологической связи этой теории с эпохой больших рационалистических систем.

[2]) Цитата из Bergbohm: Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, 170.

[1]) Там же, 375.

[2]) *Preuss*: Zur Methode der juristischen Begriffsbildung. Schmollers Jahrbuch 1900, 370.

[3]) Lehrbuch des Naturrechts. Berlin 1799, § 141. Полемика Маркса против Гуго ведется еще на гегелианской почве. (Nachlass, I, 268 ff).

Но такая концепция права превращает происхождение и развитие права в нечто, юридически столь же непонятное, как непонятны кризисы для буржуазной политической экономии. Остроумный «критический» юрист Кельзен [1]) говорит о происхождении права следующее: «В актах законодательства проявляется мистическая тайна права и государства, и поэтому естественно, что существо права выявляется здесь лишь в неполных очертаниях». Или, иными словами: «Для существа права является показательным тот факт, что даже и незакономерно возникшая норма может быть правовой нормой, иначе говоря, условие правомерности такой нормы не может быть выведено из понятия права» [2]). «Такое критико-познавательное положение могло бы превратиться в действительное объяснение и могло бы вместе с тем означать прогресс мысли, если бы, с одной стороны, подкидываемая другим наукам проблема происхождения права действительно могла бы найти там разрешение и если бы, с другой стороны, прозрачно было бы выявлено существо права, как института, служащего только для учета последствий тех или иных поступков и для рациональной классификации по видам их. Ибо в этом случае действительный, материальный субстрат права сразу сделался бы ясным и понятным. Но ни то, ни другое невозможно. Право продолжает пребывать в тесной связи с «вечными ценностями», вследствие чего в форме философии права появляется новое разжиженное и формализированное естественное право (Штаммлер). И действительные корни происхождения права, изменение в соотношении сил между классами тонут и исчезают в науке о праве, и в соответствии со всей формой буржуазного мышления здесь, как в юриспруденции, так и в политэкономии, возникает проблема трансцендентности материального субстрата науки.

Из того, как понимается эта трансцендентность, можно видеть, насколько неосновательно было бы ожидать, что та связь целого, от познания которой сознательно отказываются отдельные науки, абстрагируясь от материального субстрата исследуемых явлений,—что эта связь может

[1]) Hauptprobleme der Staatrechtslehre, 411.
[2]) *F. Somlo*: Juristische Grundlehre, 117.

быть охвачена обобщающей наукой, охвачена философией. Ибо это было бы возможно лишь в том случае, если бы философия изменила в корне самую постановку вопросов и, направив свое внимание на конкретную, материальную целокупность объекта познания, порвала бы рамки обособленности и формализм отдельных наук. Для этого было бы необходимо постигнуть причины, происхождение и необходимость такого формализма; для этого было бы необходимо, далее, также создать не механическое единство специализировавшихся отдельных наук, но изменить их внутренний характер при помощи внутренно объединяющего их философского метода. Совершенно очевидно, что философия буржуазного общества на это неспособна.

И не потому, чтобы не чувствовала она потребности в общем синтезе; и не потому, чтоб коверкающий жизнь механизм существующего и оторванный от жизни формализм науки доставляли лучшим ее представителям удовлетворение.

Но дело в том, что радикальное изменение самой исходной точки зрения вообще невозможно на базисе буржуазного общества. Могут быть отдельные попытки поставить энциклопедический охват всех наук задачей философии (типа Вундта).

Возможны сомнения в ценности формального познания при его сопоставлении с живой жизнью (философия иррационального от Гамана до Бергсона). На-ряду с этими случайными тенденциями основная тенденция философского развития заключается в том, чтобы признать результаты и методы отдельных наук необходимыми и фактически данными и поставить перед философией цель вскрыть значение такого метода познания и оправдать его. В таком случае философия становится в такое же отношение к отдельным наукам, в каком эти последние находятся по отношению к эмпирической действительности. Поскольку, таким образом, для философии формальные и абстрактные понятия отдельных наук превращаются в неизменно данный субстрат, мысль безнадежно удаляется от всякой возможности проникнуть в то явление материализации, которое лежит в основе этого формализма. Материализированный мир в философском, а тем более в «критическом освещении» окончательно представляется как единственно

возможный, единственно постигаемый в абстрактном познании мир, который только и доступен нам, людям. И сколько бы ни было теперь попыток объяснить его, и как бы ни был велик скептицизм, и сколь бы ни старались теперь прорваться к «жизни» через иррационально-мистические преграды, это ничего уже не может изменить в существе дела. Поскольку современная буржуазная мысль исследует лишь «условия возможности» и значимости тех форм, в которых выявляется для нее лежащая в основе этих форм сущность, она сама закрывает себе путь к более ясной постановке вопроса, к вопросу о происхождении и развитии в действительном существе и субстрате этих форм. Ее остроумие все более и более осуждено разделить судьбу тех знаменитых индийских «критиков», которые в противовес старому представлению о том, что мир покоится на слоне, выдвигали «критический» вопрос: а на чем стоит слон? Когда же получали ответ, что слон стоит на черепахе, то они успокаивались на этом ответе. Между тем ясно, что даже дальнейшие критические вопросы в том же направлении могли бы дойти до какого-нибудь третьего чудовищного зверя, но не были бы в состоянии привести к его действительному разрешению [1]).

Г. Лукач.

---

[1]) Продолж. в след. книге «Вестника Соц. Акад». (*Ред.*)

Сущность идеологического воззрения [1]).

В № 11—12 журнала «Под знаменем марксизма» тов. В. Адоратский смело и весьма кстати поставил вопрос о том особом значении, который имел ныне заезженный и опрощенный термин «идеология» у Маркса и Энгельса.

Смело потому, что для этого приходилось рвать с обычным словоупотреблением, отказываться от некоторых из него вытекающих теоретических выводов, разойтись в этом вопросе с большинством марксистских теоретиков и обратиться к самым корням марксо-энгельсовского мышления. Весьма кстати — ибо только сейчас начинается генеральный пересмотр доныне мало известной и неприступной области психологии, в которой проблема образования и развития идеологий является одной из основных, если не самой важной проблемой.

Нельзя сказать, чтобы постановки этого вопроса не требовала и начавшаяся сейчас эпоха более внимательного и углубленного, чем прежде, изучения Маркса и Энгельса. Попытки установить более определенным образом теоретическую связь между Марксом и Гегелем, интерес к фейербахианству и к более ранним материалистам, — все это свидетельствует о том, что наше время хочет, по старому и удачному выражению Отто Бауэра, «иметь своего Маркса». И задача сейчас не в том, в чем видели ее марксиствующие «критики» прежнего периода. Не «исправить» и «дополнить», но понять, и притом осмыслить Маркса *в его непосредственности* — отнюдь не в передаче даже наилучших его истолкователей. Не застывать на достигнутом Плехановым, как бы мы высоко ни ставили и ни ценили его, но, отправляясь от Плеханова,

---

[1]) Статья дискуссионная. (*Ред.*)

итти дальше и брать еще глубже. Для этого нужно долгое и внимательное изучение исторического развития основных понятий и терминов, употреблявшихся Марксом и Энгельсом, постепенное проникновение в самое горнило Марксова мышления. И тогда обнаружится такое богатство и изумительное разнообразие содержания, что все знакомые, в обиход вошедшие схемы покажутся, пожалуй, самой низменной вульгаризацией, подлинной кастрацией марксизма.

Но, кстати и резко поставив весьма интересный вопрос, тов. В. Адоратский, к сожалению, не дал ему полного и цельного разрешения. Более того, отдельные положения его статьи, по характеру изложения, представляли весьма уязвимые места, которые и были атакованы появившейся в том же номере ответной статьей тов. Румия. В своей яростной защите установившегося словоупотребления тов. Румий наговорил тов. Адоратскому много неприятных вещей, изобличил его в «талмудистских изысканиях», смешал его для большего удобства с тов. Мининым, ставившим совершенно иной вопрос, использовал для остроумных и иных замечаний все «идеологические» уклоны самого тов. Адоратского, выдвинул в качестве тяжелого орудия и критические приемы и безусловный авторитет ряда марксистких теоретиков.

Однако, в результате всего этого, можно констатировать совершенно объективно одно: тов. Румий не дал надлежащего ответа тов. Адоратскому. Рассуждения на тему о якобы каких-то «неровностях» наших великих учителей и употреблении ими якобы в различном смысле одного и того же термина, все многочисленные (и весьма малосущественные) цитаты из Плеханова, в противовес Марксу и Энгельсу,—не могут произвести серьезного впечатления. Смешным может показаться то усердие, с которым критик тов. Адоратского старается доказать последнему, что в основе идеологий лежит экономическое содержание, как будто тов. Адоратский когда-либо оспаривал эту несомненную истину. А вот, в своем старании отделить форму от содержания и сделать ее малосущественной для понимания образования идеологий, тов. Румий забыл слова Гегеля:

«Рассудок, наклонный к отвлечениям, часто прилагает определения содержания и формы и рассматривает содержание как элемент существенный и самобытный, а форму как элемент несущественный и произвольный. Но оба эти элемента равно существенны; бесформенное содержание не существует точно так же, как не существует бесформенная материя...»

Вопрос об идеологии приходится ставить вторично, но подойти к нему несколько более полно. Нужно показать, в каком именно смысле (одном, а не нескольких) употребляли всегда и везде термин «идеология» Маркс и Энгельс, и сколь важное место занимает на страницах их произведений вопрос об идеологическом воззрении.

I.

Начнем с маленького исторического экскурса.

Честь введения термина «идеология» в общественно-историческую науку принадлежит сенсуалисту в области теории познания и весьма поверхностному экономисту, почтенному графу Детю-де-Траси (Destutt-de-Tracy). Основное произведение его «Элементы идеологии» (Elements d'idéologie 1806), в частности «Трактат о воле» (Traité de la volonté et de des effets), «как пример смутной и в то же время претенциозной непродуманности», довольно часто цитирует Маркс на страницах «Капитала», «Теорий прибавочной стоимости» и др. произведений.

Этот «великий логик», «замечательный писатель» (very distin guished writer), по выражению его современников, в том числе и Рикардо, принадлежал к той группе дворянства, которая идейно перешла на сторону нового общественного класса, промышленной буржуазии. Последователь Кондильяка в области философии и близкий друг Кабаниса, Детю-де-Траси пытается в своих объемистых «Элементах идеологии» продолжить сенсуалистическую точку зрения Локка и развить стройное учение о происхождении идей из чувственных ощущений. Ничего иного не означает у него термин «идеология».

Но Детю не ограничивается этим психологическим анализом и в последующих томах своей «идеологии» пытается изобразить, как идеи и принципы, развившиеся из чувственных ощущений, находят свое воплощение в действительности и образуют всю систему нашего мышления,

нравственности, воспитания, экономической деятельности. Типичное противоречие, свойственное французскому материализму того периода,—между «средой», определяющей «идеи», и «идеями», воздействующими на «среду», — характерно и для философии Детю-де-Траси. Поэтому исходя из эмпирических противоречий капиталистического производства, Детю «наивно формулирует их в качестве вечных принципов экономической деятельности». Его точка зрения—«точка зрения капиталистического общества, которое находится в восходящей части кривой линии своего движения». «Преклонение перед промышленными капиталистами», «производство для производства», «критика феодальной роскоши», изображение производительных сил труда как производительных сил капитала и т. п. черты характеризуют его воззрения, «вертящиеся в заколдованном кругу пошлостей вульгарной политической экономии». «Ребяческие нелепости», наивный цинизм по отношению к бедности, «самодовольный буржуазный кретинизм», изумление по поводу «ясности» собственных взглядов также характерны для этого «светила среди вульгарных экономистов», «доктринера с холодной рыбьей кровью»: «откуда берутся эта гармония и этот свет? Они берутся из открытой нами истины» и т. д. И вместе с тем своеобразная искренность, не ведающая классового содержания, своего мышления, когда в предисловии к «Traité de la volonté» Детю восклицает: «Я искренне сознаюсь, что полагаю, что я пришел к истине, и что никакого сомнения, никаких затруднений не может возникнуть в уме по поводу тех вопросов, которые мною изложены». Он повторяет формулы А. Смита, «не понимая их смысла; в противном случае он, этот член Institut de France, не мог бы изливать вышеуказанные потоки света» [1]).

Мы видим, таким образом, как «Идеология», отправляясь вначале от эмпирической действительности, в конце концов, превращается в замкнутый круг превратных представлений об экономической действительности. Но эти превратные представления отвлеченно отражают устремление и взгляды промышленного капитализма, санкционируя противоречия капиталистического производства и возводя их в вечные экономические законы.

[1]) О Детю-де-Траси, см. Маркс: „Капитал" I (пер. Базарова и Степанова), 1920, стр. 49, 50, 667. „Капитал" II, стр. 479 и др., „Теории прибавочн. стоимости" т. I, СПБ. 1906, стр. 284, 293, 297 и др.

Неудивительно, что группа «идеологов», во главе с Детю де-Траси и другими, пыталась играть и некоторую политическую роль, отражая настроения промышленного либерализма. Робкая их оппозиция в эпоху наполеоновского «терроризма» вызвала крайнее неудовольствие Наполеона, глубоко презиравшего эту «опасную секту идеологов», отвлеченных мыслителей, по его мнению, оторвавшихся от практической действительности. «Деспотически подавляя либерализм буржуазного общества, политический идеализм его будничной практики,—он не в большей степени щадил и его существеннейшие материальные интересы. Его презрение к промышленным hommes d'affaires было дополнением к его презрению к идеологам» [1]).

Идеологи, идеологисты — сторонники Кондильяка: таково первоначальное значение этого термина. Идеологи — отвлеченные мыслители, пустые доктринеры, оторвавшиеся от практической действительности — вторичный смысл его, укрепившийся со времени Наполеона и во всю последующую эпоху феодальной реставрации. «Идеология — бесплодное занятие, *работа мысли над самим собой*, неспособная что-либо произвести», — так формулирует общепринятую в тогдашней французской литературе точку зрения известный реакционер де-Бональд. Стремление затушевать буржуазную сущность «идеологов», подчеркивание отвлеченности их рассуждений, их доктринерства, создает особое, презрительное отношение к «идеологам»: такое понимание сохраняется и у Прудона. И только Марксу удалось открыть за этим кругом превратных представлений неясные для самих их носителей экономические причины и классовое движение.

Круг отвлеченных, превратных представлений о действительности, кажущихся самим носителям их результатом развития известных принципов и идей, в действительности же являющихся отдаленным систематизированным и сглаженным отражением умонастроений определенного класса и экономических противоречий эпохи. Таков первоначальный взгляд Маркса и Энгельса на идеологию и

[1]) *К. Маркс и Ф. Энгельс*: «Св. семейство». Литерат. наследие, т. II, пер. под ред. Л. Аксельрод и др., стр. 264.

идеологов, получивший дальнейшее развитие и выражение в их произведениях 1845—47 г.г.

Частично уже в «Св. семействе» мы находим указания на сущность идеологического воззрения в критических замечаниях о Прудоне, Бруно, Бауэре и т. д. Ограничимся двумя-тремя примерами. «Политическая экономия, принимающая отношения, основанные на частной собственности, за человеческие и разумные, непрерывно впадает в противоречие со своей основной предпосылкой — частной собственностью. Противоречие это вполне аналогично тому, в которое впадает теолог... Заработная плата и прибыль, *как кажется*, стоят друг к другу в дружественных, взаимноспоспешествующих, свиду, в самых что ни на есть человеческих отношениях. Впоследствии же оказывается, что эти отношения самые что ни на есть враждебные, что все обстоит как раз *наоборот*... При случае сами экономисты чувствуют это противоречие, и развитие этих противоречий составляет главное содержание их взаимных препирательств. Но в таких случаях, когда это противоречие не ускользает от сознания экономистов, последние нападают на частную собственность в какой-нибудь из частных ее форм... Так, напр., Детю де-Траси нападает иногда на банкиров..., на непромышленных капиталистов» и т. д.... «Так вот, шатаясь из стороны в сторону, бродят они среди этих противоречий, *сами не сознавая их*», «критика политической экономии с точки зрения политической экономии (т.-е. буржуазного общества. *П. Р.*) признает все исходящие из человеческой деятельности определения бытия, но только в отчужденной, оторванной от предмета форме», и т. д. [1]). Мы умышленно опускаем целый ряд ценных замечаний, в которых хотя и идет речь об идеологическом воззрении, но не употребляется именно этот термин.

Но ярче всего вскрывается точка зрения Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии», в частности, в опубликованных ее главах «Святой Макс».

Характерно уже самое название: «Немецкая идеология, критика послегегелевской философии в ее представителях: Фейербахе, Бруно Бауэре и Штирнере, равно как и немецкого социализма в лице его различных пророков». Почему речь идет именно о Фейербахе, Бауэре, Штирнере, немецких социалистах?.. Это становится понятным, когда в рукописи «Немецкой идеологии» мы знакомимся с характерной методологической особенностью всех идеологов и каждой идеологии:

«В *каждой* идеологии люди и их отношения представляются перевернутыми вверх ногами, как в камере-обскуре, и это является следствием их исторического жизненного процесса... *Исходным пунктом* является то, что сами люди говорили, думали, воображали, представляли. Только через рассказанного, выдуманного, воображенного, представленного человека доходили они до человека телесного. Они отыскивали землю, *исходя из неба*. Но не правильнее ли было бы обратно?.. Надо исходить из действительного, действующего человека и постараться понять, каким образом из действительного жизненного процесса развиваются идеологические отражения и отзвуки этого процесса. *Отвлеченные*, *туманные* представления в мозгу людей являются неизбежными продуктами возгонки (Sublimate) их жизненного процесса материального и связанного с материальными предпосылками». Понятие, представление, идея, принцип — таков исходный пункт всех идеологов; в результате этого и все действительные отношения представляются в «перевернутом виде» [1]).

Это в одинаковой степени приложимо как к Фейербаху, так и к другим названным представителям идеологического воззрения.

Как известно, Маркс и Энгельс не довели до конца критику Фейербаха в «Немецкой идеологии»: они ожидали от него в дальнейшем большего углубления в понимании действительных отношений. В своих известных тезисах Маркс писал о Фейербахе, подчеркивая идеологический элемент его воззрений: «В „Сущности христианства“ он рассматривает как истинно человеческую деятельность только деятельность теоретическую... Его задача состоит в том, чтобы свести религиозный мир к его светской основе. Он не замечает, однако, что после решения этой

[1]) Там же, стр. 151, 173.

[1]) Цитирую по тов. Адоратскому, выделяя, однако, несколько иные положения.

задачи главная часть дела остается еще несделанной. Светская основа отделяется от самой себя и водворяется в облаках как самостоятельное царство. Этот факт может быть объяснен только отсутствием в ней цельности и присутствием множества противоречий... Фейербах оказывается вынужденным абстрагироваться от хода исторического развития, рассматривать религиозное чувство как нечто совершенно отдельное и ни с чем не связанное» и т. д. [1]). В «Капитале» впоследствии Маркс писал, имея в виду и Фейербаха: «Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от материального базиса, — некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем наоборот... Недостатки абстрактного естественно-научного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников и т. д. [2]).

Об умозрительной спекуляции Бруно-Бауэра говорится слишком много в «Св. семействе». В юмористической статье Энгельса «Лейпцигский собор» (из рукописного наследства) мы находим такой отзыв о Бауэре: «Абстрактная и бесплодная формула... заменяет Бауэру, этой „критической“ голове, действительную коллизию... Вместо действительных людей и их действительного сознания своих, свиду самостоятельно им противостоящих, отношений, он получает одну лишь абстрактную фразу — «самосознание»... Он, наравне со всеми философами и идеологами, видит в мыслях, в идеях, в самодовлеющем мысленном выражении существующего мира — основу этого существующего мира» [3]).

Особенно много имеем мы замечаний, относящихся к «Сант-Максу», Штирнеру. Здесь термин «идеология» употребляется весьма часто и притом во вполне определенном значении. В лице Штирнера Маркс и Энгельс видят типичного идеолога, со всеми характерными особенностями этого мышления.

«Немецкий мелкий мещанин активно принял в движении буржуазного общества только воображаемое участие».

[1]) *К. Маркс*: Тезисы о Фейербахе (1875 г.).
[2]) „Капитал“, т. I, пер. Базарова и Степанова, 1920, стр. 563.
[3]) Цитирую по вводной статье Ф. Меринга к „Литерат. наслед.“, т. II.

Он не в состоянии подвергнуть критике «идеи, которые принимаются другими и циркулируют в качестве категорий»... «Отношение сознания понимается неправильно, в его спекулятивном искажении». «Св. Макс... абстрагируется от исторических эпох, национальностей, классов и т. д. или, что то же самое, — принимает господствующее сознание наиболее ему близкого класса в окружающей его среде за нормальное сознание «человеческой» жизни». «Это — школьно-учительская ограниченность». «Спекулятивные идеи, абстрактные представления, становятся двигательной силой истории... История становится, таким образом, простой историей данных идей». «Далее господство идей становится владычеством над миром спекулянтов и идеологов». «Действительность перевернута вверх ногами». «Человечество превращается в одну личность». «Для него существует только история религии и философии». «Принцип, по идеологии Санчо, создает эмпирические, различные предметы». «Все это отделение сознания от лежащих в его основе индивидов и действительных отношений — старая философская придурь», которую принимает Штирнер. «Он дает *идеологическое высокопарное выражение* только самому *тривиальному мировоззрению* мелких буржуа», «вертится на спекулятивном каблуке», «превращает практические столкновения в идейные столкновения», «дает идейному отражению самостоятельное существование», «превращает действительные столкновения — основание и прототип своего идейного отражения — в следствие этого идеологического облика» [1]). Сюда же относятся эксплоатация слов: «метод приложений» и т. п. Кстати сказать, мы видим, что Маркс различает выражения: «мировоззрение» и «идеология», «идейный» и «идеологический», употребляя их в различном смысле.

Интересны попытки выяснить происхождение некоторых идеологий. Так выясняются классовые основы «иллюзий средних веков», — «иллюзий, которыми пользовались императоры и папы в борьбе друг с другом», представлений о якобы происходившей борьбе духовной иерархии (духовной идеи) с феодализмом. Эти иллюзии были не чем иным,

[1]) *К. Маркс и Ф. Энгельс*: „Св. Макс“. М. 1920, стр. 105, 114, 117, 119, 122, 126, 145, 151, 206, 209, 214, 219, 240.

как определенной формой идеологии, отвлеченно, в форме идей, представлявшей борьбу внутри самого феодального строя и непонятную народным массам: «Иерархия и ее борьба с феодализмом (борьба идеологов известного класса против самого класса) представляет лишь идеологическое отражение феодализма и развивающейся в его же недрах борьбы» [1]). «С другой стороны, запутанная форма, в которой мнимо-святая лицемерная идеология буржуазии выражает свои личные интересы как общие», «этот идеологический обман», выявляется в немецком «политическом либерализме». Изобразив состояние Германии в конце XVIII в. и бессилие немецких буржуа, отразившееся в кантовской критике практического разума и его потусторонней «доброй воле», Маркс указывает, как и почему при медленном историческом развитии распространялись «иллюзии о государстве, а также кажущаяся независимость теоретиков от бюргеров — кажущееся противоречие между формой, в которой эти теоретики выражали интересы буржуа, и самими этими интересами». В противоположность французскому либерализму, отражавшему действительные материальные интересы французских буржуа, Кант *отделил* это теоретическое выражение интересов от самих интересов и превратил материально обусловленное направление воли французских буржуа в чистое самоопределение «свободной воли», воли самой по себе, как человеческой воли, сделав из нее, таким образом, «*чисто идеологическое понятие* и постулат нравственности». Мелкая буржуазия приписывала тогда крупной иностранной буржуазии свои идеологические взгляды и иллюзии: «Тон интеллектуальной области давали сословия, привилегия которых предаваться иллюзиям, — идеологи, школьные учителя, студенты, моралисты». Точно так же и политические формы, навязанные извне, «немецкие бюргеры признавали лишь как абстрактные идеи, как принципы, действительные в себе» [2]).

«Таким образом, берлинские идеологи, в своих суждениях о либерализме и государстве, не выходили из пределов местно-немецких иллюзий»: «этот немецкий либерализм... есть, как мы видели, не более, чем *мечтание*,

[1]) *К. Маркс и Ф. Энгельс*: «Св. Макс», М. 1920, стр. 150.
[2]) Там же, стр. 153, 161.

идеология о действительном либерализме». Штирнер же «на-слово поверил иллюзиям философии, принял за действительность, отделенное от своего эмпирического основания, идеологическое спекулятивное выражение действительности, счел иллюзии мелкой буржуазии о буржуазии — идеологией буржуазии и, таким образом, мог вообразить, что имеет дело лишь с мыслями и представлениями». Св. Макс поэтому превращает буржуа, отделяя его в качестве либерала, от его же самого — эмпирического буржуа, в святого либерала и т. д. «Ему и не приходит на мысль исследовать, не ведут ли, *неизбежно*, труд, торговля и т. д., эти способы существования индивидуумов, в силу их действительного содержания и процесса, к идеологическим представлениям, с которыми он сражается, как с самостоятельными существами» [1]).

В других местах Маркс дает указания, как вообще возникают идеологические представления. «Независящие от людей условия, в сфере которых они устраивали свою жизнь, связанные с ними необходимые формы обмена, данные этим самым личные и общественные отношения, — выраженные в мыслях, — должны были принять форму идеальных условий и необходимых отношений, т.-е. получить свое выражение в сознании, как определение, исходящее из понятия «человека», как такового, из человеческого существа, из природы «человека». То, чем люди были, то, чем были их отношения, явилось в сознании как представление о человеке, как таковом, о его способе существования. После того, как идеологи выставили предпосылку, что идеи и мысли господствовали над всей прошлой историей, что их история представляет всю историю до сего дня, после того, как они вообразили, что действительные отношения сообразовались с человеком, как таковым, и его идеальными отношениями, т.-е. умозаключениями, после того, как они вообще сделали историю человеческого сознания основанием действительной истории, — ровно ничего не стоило назвать историю сознания, идей, святого, неподвижных представлений историей «человека» и положить ее в основание действительной истории» [2]).

[1]) Там же, стр. 152, 235, 246.
[2]) Там же, стр. 157.

Интересны также соображения Маркса и Энгельса относительно условий появления и характерных черт самих идеологов. «Если обстоятельства, в которых живет индивидуум, допускают только одностороннее развитие одного свойства на счет всех других, если они ему доставляют материал и время на развитие только этого одного свойства, то этот индивидуум доходит до одностороннего и изуродованного развития. Мышление индивида, жизнь которого обнимает широкий круг разнородной деятельности, ведущего, таким образом, разностороннюю жизнь, носит такой же всеобъемлющий характер, как и каждое другое его жизнепроявление. *Оно не устанавливает себя как отвлеченное мышление*, не нуждается в растянутых *рассудочных фокусах*, когда от мышления переходят к другому жизненному проявлению. Оно всегда представляет момент, исчезающий и появляющийся, в зависимости от потребности,— момент в совокупной жизни индивидуума. У засидевшегося на одном месте берлинского школьного учителя или писателя... у такого индивида, разумеется, неизбежно, что если он обладает потребностью к мышлению, то это мышление будет таким же абстрактным, как и сам этот индивид и его жизнь, что оно становится для него, неспособного к сопротивлению, *застывшей силой*, силой, приведение которой в действие дает индивиду возможность временно *спастись* от «скверного мира», дает временное наслаждение» [1]). Так создаются идеологи типа Штирнера.

Может возникнуть вопрос: в каком отношении к «немецкой идеологии» находились немецкие социалисты, почему они были выведены в качестве носителей идеологического воззрения?

Ответ дан как в разрозненных статьях Маркса и Энгельса, так и в несколько более позднем сочинении, «Коммунистическом манифесте». Мы читаем там о «переходе на сторону пролетариата части буржазных идеологов», а на последних страницах говорится о разновидности таких идеологов, немецком или «истинном» социализме, об его «праздных умозрениях», о «воплощении в жизнь человеческой сущности», его «школьных упражнениях»,

[1]) Там же, стр. 220.

вместо подлинной защиты интересов пролетариата, об их «абстрактном человеке», «существующем не в действительности, а в небесных туманностях философской фантазии», социализме, забывающем, что он является лишь «неразумным отголоском французской критики». Таким образом, и здесь все черты идеологического воззрения, отмеченные выше.

Мы видим также, в чем заключаются отличительные черты всех перечисленных идеологий, подвергшихся изучению со стороны Маркса и Энгельса в 40-х г. г. Прежде всего, каждая из этих идеологий представляет собой совокупность оторванных от действительных отношений, замкнутый круг отвлеченных представлений. Представления эти неизбежно возникают при определенных экономических отношениях, однако, системазируясь отвлеченным мышлением идеологов, крайне своеобразно и превратно отражают эти действительные отношения. Все идеологии получают кажущееся самостоятельное развитие, благодаря методу идеологов, направляющихся от идей, принципов, а не реальных отношений. Однако принципы, эти исходные пункты идеологий, отражают в отвлеченной форме умонастроения определенных классов или иных общественных групп. Поэтому каждая такая идеология может быть отнесена к определенному классу, хотя этого не сознают сами создатели их,— идеологи.

2.

Но тут, нужно ожидать, ревнители обычного словоупотребления застигнут меня врасплох на полслове: «Позвольте,— скажут они,— может быть, все это и верно, но это относится к сороковым годам. Позже Маркс и Энгельс употребляли термины «идеология» в несколько ином смысле».

Придется поэтому показать, что и впоследствии Маркс и Энгельс никогда не отказывались от этого первоначального понимания идеологии, и это понимание получило у них лишь более углубленный характер. Начну с Маркса, ибо бедненький Энгельс, многократно цитированный тов. Адоратским, уже получил от его критика строгий реприманд за свои «неровности».

Если внимательно перечитывать более поздние произведения Маркса, специально идеологическому воззрению уже не посвященные, то можно заметить, что он (равным образом и Энгельс) сравнительно очень редко употребляет склоняемый и спрягаемый на все лады термин «идеология». Там, где это короткое и удобное слово сейчас использовывается для обозначения «системы мыслей, чувств, норм» и т. п., Маркс почему-то предпочитает пользоваться такими более неуклюжими терминами, как: мировоззрение, сознание, умственная жизнь, духовная жизнь, идеи, строй идей. Где сейчас обычно употребляется термин «идеолог», Маркс в большинстве случаев говорит: представитель, литературный, политический, научный представитель, защитник интересов, теоретик, философ и т. д. Вместе с тем, если проследить все те случаи, в каких Маркс пишет: «идеология», «идеолог», «идеологический», то окажется, что эти термины, в огромном большинстве, употребляются в более или менее определенных случаях.

И это вполне понятно: для Маркса — «идеология» не мировоззрение и не просто «система мыслей и т. д.», но вполне определенная разновидность, тип мировоззрения и даже уклон в мировоззрении. «Идеологический» — не совпадает с «духовный», «умственный», но значит—связанный с идеологической точкой зрения или с существованием некоторых идеологий. Не всякий литературный и политический представитель класса является его идеологом, но он может быть им при известных условиях, в большей или меньшей степени. Более того. Термином «идеология» у Маркса и у Энгельса объемлется очень часто не все мировоззрение, но определенная сторона его, так что то или иное мировоззрение может включать в себе (а может и не включать их вовсе) не одну, а несколько идеологий: религиозную, политическую и т. д., с бо́льшим или меньшим преобладанием какой-либо одной из них.

Но не будем предварять наших выводов и начнем, в интересах некоторой хронологической последовательности, с «Нищеты философии», если сравнительно раннего, то все же достаточно зрелого произведения Маркса. В лице Прудона Маркс выводит типичного идеолога, разоблачая попутно различные стороны идеологического воззрения. Он сам называет Прудона не только «философом, экономистом мелкой буржуазии», но также «идеологом», строящим «идеологическую систему» [1]).

Перед нами все характерные черты идеологического воззрения, отчасти подмеченные уже у Штирнера. Прудон — прежде всего отвлеченный мыслитель, оторванный от действительных отношений, «доктринер», пишущий «надутым слогом», в «напыщенной форме». Он ищет «равновесия мыслей», «ждет синтетической формулы», «разрешает все задачи одной формулой», он — «охотник за формулами». Его система — «диалектическое коловращение внутри его головы», «развитие серии идей в разуме», экономические категории «вырастают внутри его головы», его история «в лучшем случае „история идей“». Прудон не понимает окружающих действительных отношений и «если и видит вещи, то видит их навыворот». «Путем мистической перестановки он видит в реальных отношениях воплощение абстракции» — «воплощение принципов и категорий», принимает продукты буржуазного общества за самопроизвольные существа, одаренные собственной жизнью и вечные, когда они являются в форме категорий, мыслей», как «принципы, категории, абстрактные мысли» [2]).

Значительную роль в построении его системы играет применяемый им априорный, идеологический, или, как он сам называет его, «абсолютный метод». По выражению Маркса, Прудон «идет по окольной дороге»: он «допускает, что экономические отношения, рассматриваемые как неизменные законы, как вечные принципы, как идеальные категории, предшествовали людям и их деятельности»; он «отправляется от этих принципов». Таким образом, «употребляя политико-экономические категории для постройки здания идеологической системы, он разъединяет между собой различные части системы общественной, превращает эти различные члены в отдельные, одно за другим следующие общества» [3]). Прудон заранее предполагает разделение труда, обмен, меновую стоимость и т. п.: «все это просто-на-просто падает с неба». Прудон олицетворяет общество: «он делает общество-лицо», теоретиче-

---

[1]) *К. Маркс*: Нищета философии. Петерб. 1920, стр. 93. 96.
[2]) Там же, стр. XXVI, 98, XXXI, 122, 97, XV, III, XXI, 92, XXIV, 89 XXVI.
[3]) Там же, стр. 93.

скую фикцию, окружает истину мистицизмом. «Ему остается лишь привести в порядок эти мысли», и неудивительно, что от применения к категориям политической экономии абсолютного метода «они получают такой вид, как будто бы только что родились в голове, полной чистого разума; до такой степени эти категории кажутся порождающими одни другие» [1]).

Метод Прудона, его отправные точки объясняются им самим несознаваемыми социальными корнями: «пока человек остается буржуа, он не может не видеть в этих основанных на антагонизме отношениях — царство гармонии и вечной справедливости». И с этим тесно связаны его моральные устремления: поиски «хорошей» и «дурной» стороны, его «дидактические парафразы», его юридические и метафизические иллюзии собственности и т. д. [2]).

Маркс дважды употребляет в «Нищете философии» термин «идеология», *противопоставляя* действительные отношения, общественную систему, идеологической системе Прудона и рассматривая ту *«окольную дорогу»* от принципов к действительному миру, «по которой следует идеолог, чтобы выйти на большую дорогу истории».

Но «Нищета философии» все же принадлежит к 40-м годам, которые поставлены под сомнение. Обратимся поэтому к более поздним историческим работам.

На первых страницах «Классовой борьбы во Франции» Маркс говорит о том, что при Луи Филиппе в рядах официальной оппозиции на-ряду с самой промышленной буржуазией «стояли идеологические представители и защитники перечисленных классов, их ученики, адвокаты, врачи и т. д., короче, их интелектуальные силы» [3]). Может возникнуть предположение, что под идеологическими представлениями Маркс разумеет не более, как теоретических выразителей интересов крупной буржуазии, мелкой буржуазии и крестьянства. Что это не совсем так, показывает последующее изложение: «Официальные представители французской демократии находились под таким сильным влиянием *республиканской идеологии*, что лишь через несколько недель после июньской битвы догадались о ее

[1]) Там же, стр. 40, 80, 83, 91.
[2]) Там же, стр. 71, 51, 58 и др.
[3]) *К. Маркс*: „Классовая борьба во Франции". Петр. 1919, стр. 23

значении. Их как бы оглушил шум выстрелов, от которых разлеталась их фантастическая республика». И дальше мы читаем: «Февральская революция была революцией красивых порывов... туманной областью фраз и громких слов». Но так как «именно интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплоатации составляют содержание буржуазной республики», то неудивительно, что в лице Бонапарта буржуазная республика выступила против честолюбивых интриг и *идеологических требований* революционной фракции буржуазии, которая основала республику и теперь к удивлению своему нашла, что Республика выглядит совсем как реставрированная монархия». И далее: «В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии — только она могла провозгласить республику, с помощью борьбы и террора вырвать ее из рук пролетариата и дать конституции свой *идеологический налет*; в другом — вся роялистская масса буржуазии, — только она могла господствовать в осуществившейся буржуазной республике, сбросить с конституции ее *идеологический наряд* и держать в подчинении пролетариат с помощью своего законодательства и своей администрации...»

«Разумеется, „чистые" республиканцы дешевле продали свою *заоблачную идеологию*, чем земное пользование правительственной властью...» «Конституционная республика, вышедшая из рук буржуазных республиканцев *пустой идеологической формулой*, в руках роялистов стала полной содержания» [1]).

Разве не очевидно, что всюду здесь противопоставляются действительные интересы класса заоблачным мечтаниям его небольшой фракции, — кучки отвлеченных мыслителей, которые «написали на своем знамени общий режим буржуазного класса, *безымянное царство республики, идеализировавши его*», «которые *прятались за принципы*», за конституцию [2]). Термин «идеология» всюду использован здесь не только для того, чтобы указать на отражение интересов буржуазного класса, но также для того, чтобы подчеркнуть отвлеченный, отправляющийся от принципов, характер выражения этих интересов,

[1]) Там же, стр. 45, 46, 51, 65, 69, 71, 96.
[2]) Там же, стр. 71, 86.

часто приводящий идеологию в противоречие с действительными интересами.

Но обратимся к «18 Брюмера», в котором не вполне ясное употребление этого термина могло подать повод к недоразумениям. Здесь мы дважды встречаемся с идеологией. «Всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или иной идеологической области, в действительности служит лишь выражением и т. д. [1]). Под «*идеологическими областями*» здесь разумеются отдельные области идеологического воззрения. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока остановимся на втором случае: «Ораторы и публицисты, буржуазия и ее трибуны и печать, словом, идеология буржуазии и сама буржуазия, представители и избиратели, стали чужды друг другу и перестали друг друга понимать». Здесь для досужего критика удобный случай приступить, что называется, с ножом к горлу: «Разве не употребляет здесь Маркс слова „идеология" в общепринятом смысле, в смысле „представители", теоретические выразители и т. д.?». Критик в этом случае просмотрел бы, почему Маркс употребил именно это выражение, а не другие. А об этом говорит уже конец фразы: «буржуазия и буржуазные идеологи... стали чужды друг другу, перестали друг друга понимать», и тотчас же вслед за этим говорится о разрыве между легитимистами и своими вожаками, между буржуазией и ее политиками: «это буржуазия упрекала их уже не в измене принципу, чем упрекали легитимисты своих политиков, а, наоборот, в том, что они *слишком цепко держались принципов, ставших бесполезными* [2]).

Мы видим, таким образом, что и в данном случае противопоставляется буржуазия в ее реальных интересах и приверженцы отвлеченных, становящихся бесполезными, принципов, потому и оказывающиеся не вообще представителями, но более специфически—идеологами этой буржуазии. Не просто теоретические выразители интересов имеются здесь в виду, но отвлеченно мыслящие, отрывающиеся от действительности, от принципов отправляющиеся выразители интересов.

[1]) *К. Маркс* «18 Брюмера Луи Бонапарта». Петр. 1905, стр. 8.
[2]) Там же, стр. 93, 94.

Перейдем «К критике политической экономии». И здесь всего два раза встречается выражение «идеология», и оба раза в знаменитом «предисловии». Маркс подчеркивает «разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно предугадать с естественно научной резкостью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, короче идеологическими, формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых они борются». Кроме того говорится о том, что не из «сознания» нужно исходить в объяснении духовной жизни, что самое «сознание следует объяснить из *противоречий* материальной жизни». Другими словами, идеологические формы духовной жизни, различные виды идеологии, обязаны своим существованием противоречиям материальной жизни и неизбежны при этих противоречиях: противоречия ведут к тому, что выдвигаются различные принципы, во имя которых люди борются. Мы снова имеем дело не с непосредственным и точным отражением в сознании экономических отношений, но со своеобразным, абстрактным, недостоверным, от принципов отправляющимся отражением, которое Маркс противопоставляет действительным отношениям.

Что именно в этом смысле и потому применяется здесь термин «идеология», явствует из того, что через несколько строк тот же Маркс пишет о себе и об Энгельсе (надо полагать, в одном и том же смысле): «мы решили сообща заняться разработкой противоречий наших взглядов с *идеологическими взглядами* немецкой философии».

В «Капитале» Маркс крайне редко употребляет выражение «идеология», хотя о литературных и научных представителях, защитниках, сикофантах, апологетах ему приходится говорить очень часто, и лишь в отдельных случаях касаться идеологических уклонов в воззрениях экономистов.

Кроме вышецитированного указания, по поводу изучения религии, на «идеологические представления естественно-научного материализма», мы читаем в предисловии ко второму изданию I тома: «диалектика внушает буржуазии и ее *доктринерам-идеологам* лишь злобу и ужас». Здесь идеология определенно поставлена в связь с доктри-

нерством, от принципов отправляющимся теоретическим мышлением. В двух случаях термин «идеолог» применяется по отношению к экономистам. В одном случае, «капиталист и его идеолог, экономист», рассматривают производительные силы рабочего как принадлежность капитала, и таким образом возводится в экономическую систему односторонняя точка зрения капиталистического общества. Здесь термин «идеолог» относится к определенному лицу, Д. С. Миллю, на котором нам придется еще остановиться [1]). В другом месте говорится: «практические деятели капиталистического производства и пустомели, идеологи их, совершенно неспособны мыслить средства производства отдельно от той общественно-антагонистической маски, которая надета на них в настоящее время [2]). Опять подчеркиваются как бессознательность и превратность, так и бессодержательная отвлеченность и напыщенность положений идеологов.

Затем мы находим следующее интересное место: «К готовому миру капитала экономист с тем большим усердием и умилением прилагает юридические представления и представления о собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии». В скобках стоит пояснение: («мира его представлений»). Я не мог установить, принадлежит ли пояснение самому Марксу или его редактору Каутскому. Но, даже если бы оно принадлежало Марксу, очевидно, что речь идет о мире вышеуказанных юридических представлений, о так называемой «правовой идеологии» [3]). Интересно опять *противопоставление фактов и идеологии*.

Наконец, в первом томе «Капитала» имеется такое замечание: «идеологические сословия, как правительство, попы, юристы, войско и т. д.» [4]). Это место опрокидывает все привычные представления об идеологическом, как духовном, в противовес материальному. В самом деле, если «идеологические сословия» суть сословия умственного труда, то причем тут «войско»? Очевидно, что выражение «идеологическое сословие» обозначает здесь у Маркса со-

[1]) „Капитал" т. I, цит. изд., стр. 591.
[2]) Там же стр. 620.
[3]) Там же стр. 769.
[4]) Там же стр. 443.

словие, существование коего связано с какой-либо идеологией. «Войско» и «правительство» связаны тесными узами с политической идеологией, «попы» существуют в связи с религиозной идеологией и т. д.

Настоящий смысл выражения «идеологические сословия» нужно иметь в виду, когда мы встречаем его в изданной Каутским рукописи «Теорий прибавочной стоимости». Здесь в связи с рассуждениями о производительном и непроизводительном труде, имеются положения: «зависимость идеологического и т. д. класса от капиталистов», «идеологические составные части господствующих классов», «трансцендентные профессии, порождающие старые идеологические сословия», «идеологические сословия— плоть от плоти буржуазии» и т. д. [1]). Обычно здесь идеологические сословия понимаются более узко, как общественные группы, производство которых протекает в сфере чистого мышления; однако сюда входят также элементы, не связанные с духовной деятельностью («солдаты»), или даже не связанные с идеологией ни в каком смысле («врачи»). О цитированном выше предисловии «К критике политической экономии» заставляет вспоминать следующее замечание, содержащееся в «теориях»: «В буржуазном обществе различные функции обусловливают друг друга; *противоположности*, свойственные материальному производству обусловливают собой *необходимость* надстройки из *идеологических слоев*, деятельность которых,—хороша она или дурна, — хороша, потому что необходима» [2]). Иными словами, снова повторяется: идеологии и идеологические «слои» общества обязаны своим происхождением противоречиям материального производства. Для сохранения всей антагонистической системы в равновесии необходимы идеологические иллюзии и деятельность идеологических сословий.

3.

Допустим, на самый худой конец, что не во всех приведенных случаях наше истолкование вполне соответствует тому смыслу, который Маркс вкладывал в термин

[1]) „Теории прибавочной стоимости", т. I. стр. 226, 301, 319.
[2]) Там же стр. 303.

«идеология», что порою этот термин употреблялся несколько более неопределенно и исчерпывал только частично, с одной или с другой стороны, то своеобразное содержание, которое было здесь отмечено. Не в этом дело. Все же остается совершенно очевидным, что в огромном большинстве случаев Маркс употребляет эти термины во вполне определенном значении, что, начиная с 40 г.г., он вместе с Энгельсом вкладывали в это понятие один и тот же, находивший лишь дальнейшее углубление, смысл.

У Энгельса мы находим попытки дать более обстоятельную методологическую трактовку изучаемых понятий. Ограничимся лишь наиболее характерными и существенными примерами.

Так называемый, «математический метод» Дюринга, говорит Энгельс, «есть только видоизменение старого излюбленного *идеологического*, иначе говоря, априористического метода, который познает свойство какого-либо предмета не из самого этого предмета, но из его понятия. Сначала из предмета делают понятие предмета; затем переворачивают копье и меряют предмет по его отражению, понятию... Таким образом, философия действительности оказывается *чистой идеологией, выведением действительности не из ее самой, но из представления*. Если же такой идеолог конструирует нравственность и право не из действительных общественных отношений окружающих его людей, но из понятия или из так называемых простейших элементов «общества», то в таком случае какой материал имеется для такого конструирования? Очевидно, двоякого рода: во-первых, скудные остатки реального содержания, которое еще может заключаться в этих положенных в основание абстракциях, а во-вторых — то содержание, которое наш идеолог приносит из своего собственного сознания. Но что находит он в своем сознании? Большею частью нравственные и правовые воззрения, которые более или менее точно выражают (в положительной или отрицательной форме, освящая или борясь) общественные и политические условия, при которых он живет; далее, быть может, представления, заимствованные из соответствующей литературы; наконец, быть может, и личные фантазии. Наш идеолог может вертеться и изворачиваться, как ему угодно, но историческая реальность, которую он выбросил в дверь, влетит

обратно через окно и, воображая, что он составляет нравственное и правовое учение для всех миров и всех времен, он на самом деле вырабатывает *искаженное* (*ибо оно оторвано от своей реальной почвы*), „словно в вогнутом зеркале, перевернутое вверх ногами изображение консервативных и революционных течений своего времени“ [1]). Таким образом, принципы, понятия, «простейшие элементы», от которых отправляется идеологический метод в своем построении отвлеченной системы, представляют собой, в сущности, отдаленные отражения тех или иных общественных, классовых умонастроений.

Причины великих исторических перемен, говорит Энгельс в «Людвиге Фейербахе», «ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме, отражаются как сознательные побуждения в головах массы и ее вожаков... В головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности, но как отражается, это зависит от обстоятельств» [2]). Таким образом, действительные отношения могут отражаться в человеческом сознании в *двоякой форме: непосредственно и ясно или неясно — в форме идеологии*. Характерной чертой последних форм сознания служит отсутствие отчетливого сознания материальных причин, приводящих к той или иной идеологии. «Что материальные условия жизни людей, в голове, которых совершается данный процесс мышления, определяют его собой, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что иначе пришел бы конец всякой идеологии» [3]).

Характерной чертой идеологий является также замкнутость их в системе, согласованность идеологических представлений с основными отправными принципами, категориями, идеями, лежащими в основании каждой идеологии. Поэтому возникает представление о совершенно независимом от материальных причин, самостоятельном развитии каждой идеологии в сфере чистого мышления. Это представление, характерное для идеологов, находит себе некоторую опору в том обратном воздействии, ко-

---

[1]) *Ф. Энгельс:* Философия, полит. экономия, социализм, СПБ. 1907, стр. 126.
[2]) *Ф. Энгельс:* Л. Фейербах М 1918. Пер. Плеханова. Стр. 64.
[3]) Л. Фейербах. Стр. 70.

торое каждая идеология оказывает на общественное и классовое сознание: «раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т.-е. не имела бы дела с мыслями, как с *независимыми сущностями*, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам» [1]).

Наконец, важной чертой всякой распространенной идеологии является ее соответствие интересам, потребностям и сознанию господствующего класса; в зависимости от своих классовых воззрений и интересов, господствующий класс культивирует ту или иную типическую для него форму идеологии. Так, «история средних веков означала только одну форму идеологии: религию и богословие». «Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы иметь свою *собственную идеологию*, соответствующую *ее классовой точке зрения*, она в своей великой и окончательной революции — во Французской — опиралась лишь на юридические «политические идеи» [2]). То обстоятельство, что в одно и то же время мы находим существующими различные формы идеологии (религию, право и т. д.) объясняется разными причинами: прежде всего традициями и пережитками. Не одна только религия, но и всякая идеология, «всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен, так как вообще во всех областях идеологии предание является великой консервативной силой» [3]). *Поэтому идеологические представления*, принадлежащие к совершенно иному типу идеологии, могут сохраняться и наследоваться, хотя самая форма идеологии уже перестала быть господствующей. Но не меньшую роль играет и приспособляемость различных форм идеологии к идеологии господствующего класса. Так, «средние века присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию». Напротив того, буржуазия, опирающаяся на политическую и правовую

[1]) Там же.
[2]) Там же, стр. 50.
[3]) Там же, стр. 73.

идеологию, использовывает религию как вспомогательную форму идеологии [1]).

Длительное развитие и существование той или иной формы идеологии способствует накоплению идеологических представлений и заставляет забывать о материальных ее основах. По этой причине, в «идеологическую силу, подчиняющую себе людей», превращается и государство, орган классового господства. Существование государственной идеологии порождает новые производные виды идеологии: «государственно-правовую» и «частно-правовую». Чем долговременнее и «возвышеннее» идеология, тем менее заметна ее связь с общественными условиями.

В своих известных письмах к И. Блоху, К. Шмидту и Ф. Мерингу, Энгельс в сущности только повторяет то, что он и Маркс уже ранее развивали в своих произведениях. Снова указываются характерные особенности «идеологического воззрения»: отсутствие сознания действительных отношений, приводящих к идеологиям; превратность, неясность идеологических отражений; движение от определенных принципов, идей, категорий, протекающее в сфере чистого мышления; взаимоотношения идеологий со своими экономическими основами; роль традиций и пережитков.

«Идеология — это процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные причины, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными: в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Человек создает себе, следовательно, представление о ложных или призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления своих предшественников. Это человек имеет дело с материалом исключительно мыслительным; без дальнейших околичностей, он считает, что этот материал порожден мышлением и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого» [2]). «С экономическими, политическими и иными отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в чело-

[1]) Там же, стр. 71.
[2]) Письмо к Мерингу от 14 июля 1893 года.

веческом глазу. Они проходят через собирающую их чечевицу и потому представляются в перевернутом виде, стоящими на голове. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для представления поставил бы их на ноги» [1]). «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его *выражением, внутренне согласованным*, которое, благодаря внутренним противоречиям, не шло бы против себя. А для того, чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более... Реже случается, что кодекс законов представляет из себя резкое, несмягченное, правдивое выражение господства одного класса. Это противоречило бы общей правовой идее... Отражение экономических отношений в *виде правовых принципов*... совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего. Юрист воображает, что действует с *априорными положениями*, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове. Это извращение создает, *пока оно еще не открыто*, то что мы называем *идеологическим воззрением*...» [2]). «Экономика здесь ничего не создает нового (непосредственно от себя), но она определяет *вид* изменения дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала» [3]). «Экономическое положение — это основа; но ход исторической борьбы преимущественно форму ее (исторической борьбы. *И. Р.*) во многих случаях предопределяют и различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы, и ее результаты, конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д., правовые формы и даже отражения всех этих действительных битв в мозгу участников, — политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и *их дальнейшее развитие* в систему догм» [4]). В другом месте Энгельс говорит что он с Марксом из-за экономического содержания «не обращали *должного внимания* на формальную сторону:

[1]) Письмо к Шмидту от 27 октября 1890 г.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Письмо к Н. Блоху от 21 окт. 1890 г.

каким образом эти представления и т. д. возникают. У исторического идеолога в области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к данной области или к другой, но факты эти, по молчаливому соглашению, считаются опять-таки плодом мыслительного процесса и, таким образом, мы все время продолжаем оставаться в *области чистой мысли*, которая переварила счастливо самые твердые факты. Как раз этот призрак самостоятельной истории государственных конституций, правовых систем, идеологических представлений в любой области,—как раз это ослепляет большинство людей...» [1]). В цитируемых письмах Энгельс подчеркивает, главным образом, формальные свойства каждой идеологии, но это, конечно, не значит, что он проглядел классовое содержание принципов и идей, лежащих в основе идеологических систем. Из всех вышеприведенных случаев явствует, что Маркс и Энгельс совершенно отчетливо сознавали все характерные особенности идеологий и во вполне определенном значении употребляли это выражение.

Попытаемся в несколько более систематической форме резюмировать сущность упомянутых взглядов Маркса и Энгельса.

Прежде всего, идеология для них вовсе не является синонимом «надстройки». Термин «надстройка», применявшийся еще Вильямом Петти (superstructure), использовывался Марксом и Энгельсом в более широком и общем смысле и носил, преимущественно, образный характер. «Надстройка» обнимает все производное и зависящее от «базиса» и в нее может входить целый ряд как вещественно-человеческих, так и духовных моментов. Так, сюда относится, в более узком смысле, «правовая и политическая надстройка» — государственная машина со всеми своими придатками и связанное с ним законодательство. Возможна «надстройка из идеологических слоев, идеологических со-

[1]) Письмо к Мерингу от 14 июля 1893 г.

словий». Наконец, в ее состав входит вся жизнь сознания: она может состоять «из разнообразных и своеобразных чувств иллюзий, доктрин, мировоззрений» [1]). Правда, огромное большинство элементов «надстройки» так или иначе связано с существованием определенных идеологий и способствует созданию соответствующих идеологий: государство — политическая идеология и т. д. Тем не менее, употребляя выражение «идеологическая надстройка» (хотя и не встречающееся у Маркса и у Энгельса, но вполне возможное), мы должны мыслить под ней нечто гораздо более узкое, чем надстройка вообще.

Но понятие «идеология» не совпадает также и с «мировоззрением» (Weltanschauung) и не покрывает этого последнего. «Мировоззрение» — гораздо шире «идеологии»: порою оно включает в себя не одну, но различные формы идеологии (религиозную, правовую, политическую) обычно с преобладанием какой-либо одной разновидности идеологического воззрения. Поэтому вполне правильно употреблять термин «идеология» во множественном числе, характеризуя этим ряд более или менее замкнутых систем, ориентирующихся, однако, в мировоззрении на сходные или тождественные «принципы». Наконец, вполне возможно такое мировоззрение, основанное на «реалистическом понимании» действительных отношений, которое представляет собою некоторый «строй идей», содержит известные теории действительного развития, но не содержит вовсе идеологий и не основано на идеологическом подходе к действительности. «Идеологическое воззрение» (ideologische Anschauung) — это лишь один из типов мировоззрения вообще.

При этом для более ясного понимания смысла, вкладывающегося Марксом и Энгельсом в понятие «идеологии», необходимо иметь в виду и те диалектические особенности Марксова мышления, о которых Энгельс писал в предисловии к III тому «Капитала». «Недоразумение, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает. Вещи не втискивают в окостенелое определение, а рассматривают в их историческом или логическом процессе образования». Для Маркса, как он сам говорил,

[1]) См. предисл. к „Критике полит. экономии", „Теории прибавочн. стоимости", т. I, „18 Брюмера".

«политическая экономия» начинается не там, где это мыслится обычно, но уже в самих недрах буржуазного общества. И поэтому Маркс и Энгельс не разграничивают метафизически самый процесс образования идеологий и результаты этого процесса. Для них идеология и то и другое: и самый систематизирующий процесс идеологов, и совокупность в результате образующихся отвлеченных представлений. Каждая более или менее замыкающаяся идеологическая система, подобно лейбницевской монаде, мыслится ими в постоянном историческом и логическом развитии. Типической и основной в этом отношении для них остается «Гегелевская идеология», которую так и называют в разных местах и Маркс и Энгельс [1]). Многие вышеприведенные примеры употребления Марксом и Энгельсом выражения «идеология» в значительной степени уясняются, если иметь в виду это диалектическое понимание.

Всякая идеология представляет собой «экономическое отражение», отражение экономических, а, стало быть, классовых соотношений. Однако отражение экономики в идеологиях весьма своеобразно. Сознание уже по самой природе своей «идеологично», оно представляет из себя «зрительную чечевицу», которая не всегда управляется надежным «нервным аппаратом». Но к тому же формы сознания весьма склонны к дальнейшему идеологическому развитию: материальные конфликты находят себе отражение в виде противопоставляемых «принципов», идей категорий, «во имя которых люди борются». Поэтому экономика, хотя и отражается в идеологиях, но отражается «более или менее хорошо», «в зависимости от обстоятельств», в зависимости от «возвышенности» той или иной идеологии. Обычно экономика фиксируется в идеологическом отражении односторонне как нечто вечное, естественное, абсолютное, санкционированное свыше. Помимо того, в сложных идеологических системах развивающиеся понятия отражают экономику в весьма компромиссной форме, — они не должны противоречить общим принципам, идеям, которые, в свою очередь, как нечто разумное и освященное, не могут, следовательно, в не-

[1]) См. „Св. Макс", „Людв. Фейербах".

смягченной форме выражать интересы эксплоатирующего класса. Идеология поэтому вовсе не представляет собой «организующей формы бытия», как это полагает А. Богданов, но скорее есть нечто производное, «надстройка», «возгонка» (sublimate) над жизненным содержанием. Не преуменьшая исторического влияния отдельных идеологий, не нужно, однако, и преувеличивать его.

Идеология возникает на почве понятий и представлений, присущих к какому-либо отдельному, обычно господствующему классу: экономические отношения *неизбежно* ведут к идеологическим представлениям. Но совокупность понятий и представлений класса, классовое сознание, его «строй идей», еще не образуют идеологию в полном смысле этого термина. Необходимо, чтобы классовые представления и понятия были приведены в систему теоретизирующим идеологом, устраняющим из системы все противоречащее основным принципам и этим самым стушевывающим слишком резкие материальные противоречия. Идеология не непосредственное классовое мышление, но скорее искусственный продукт его, отдаленное отражение [1]). Нужно еще определенное внешнее оформление и внешняя систематизация, чтобы из этого отражения развилась идеология. Потребности господствующего класса, условия его борьбы в большей или меньшей степени способствуют развитию идеологических представлений. В зависимости от степени отвлеченности и бессознательности выражения классовых воззрений, теоретического оформления в большей или меньшей степени является идеологией. «Принципы и теория, развитые представителями буржуазии во время ее борьбы с феодализмом, были не чем иным, как теоретическим выражением практических движений; при чем можно с точностью проследить, как выражение это бывало *более или менее утопическим, догматическим, доктринерским,* соответственно более или менее развитым формам того действительного движения, которое выражали теории» [2]). Чем возвышеннее идеология,

[1]) Разумеется, чем отвлеченнее и отдаленнее идеологическое построение от изображаемого момента, тем более носит оно искусственный характер. Развитие абсолютной идеи у Гегеля или идеи семьи и идеи „политической организации“ у Л. Моргана, должно быть причислено к таким, менее всего естественным идеологиям.

[2]) *К. Маркс.* Ст. против К. Гейнцена. Литерат. наследст.; т. II, стр. 334.

тем слабее ощущается ее связь с классовым мышлением. Экономика только намечает общие тенденции, а в действительном развитии идеология зачастую воспринимает ранее накопившийся исторический и доисторический материал, традиции и пережитки.

Уже все эти причины должны привести к тому, что в идеологиях «превратно», «навыворот» отражаются действительные отношения: «все стоит на голове». Но не малую роль в этом отношении играет и самый методический подход идеологов, их априорный метод, который Энгельс и называет «идеологическим методом». Идеолог исходит из принципов, идей, категорий, в которых в мышлении того или иного класса отдаленно отражаются действительные отношения и классовые интересы, и, основываясь на них, как на чем-то естественном, разумном, абсолютном, развивает всю систему догм: «Предмет меряют по понятию, а не понятие по предмету». Отражение, получившееся «на-выворот» в «зрительной чечевице» и не поставленное на ноги «нервным аппаратом», служит исходным пунктом всех дальнейших рассуждений и от этого еще более теряется связь с действительными отношениями, еще отвлеченнее становится идеологическая система. Бо́льшая или меньшая замкнутость системы движения в кругу определенного круга представлений, оторванность от действительных отношений и порой даже от иных идеологических систем,—характерная особенность идеологического воззрения («идеологизма», по выражению Маркса о Лассале). Отрыв от действительных отношений во многих случаях обусловливается отправными пунктами мышления. Так, «если исходить из нормы прибыли»,—говорит Маркс о попытках некоторых экономистов, отправляясь окольным путем от этой «естественной и разумной» категории капиталистического производства, проникнуть в тайну прибавочной стоимости,—«то нет никакой возможности вывести отсюда специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату... Различие между основным и оборотным капиталом навязывается здесь, как единственное различие... Избыток, если он, выражаясь по Гегелю, из нормы прибыли отражается обратно в себе... представляется избытком, который ежегодно или в определен-

ный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости... Происхождение прибавочной стоимости и тайна ее существования затемнены и изглажены... Капиталистическое отношение затемняется, отчуждение идет дальше» и т. д. [1]).

Крайне характерны отношения между классом и его идеологами. Идеология как систематизированное мышление естественно получает свое оформление в головах идеологов. Но далеко не каждый литературный и политический представитель того или иного класса является идеологом, вернее сказать, не всегда и не в полной мере он оказывается им. Идеологом он может быть в большей или меньшей степени, в зависимости от своего понимания действительных отношений и своей связи с этими действительными отношениями и действительными интересами класса. Основная черта идеологов — субъективная искренность, бессознательное для самого себя выражение представлений и интересов какого-либо класса: идеологу представляется, что он исходит из «принципов», а вовсе не из материальных интересов. Идеологом он становится невольно, как показал Маркс в известном месте «19 Брюмера», «теория приводит к тем же задачам и решениям задач», какие стоят перед классом, интересы которого отражает идеолог. Сознание же действительных отношений и своей собственной роли превращает идеолога в апологета и сикофанта и лишает идеологический процесс большинства его характерных особенностей. Доктринерство и догматизм мышления крайне характерны для огромного большинства идеологов. Интересной разновидностью идеологического воззрения является также так называемый «утопизм», на котором мы остановимся в дальнейшем.

Таким образом, не откровенное, но отвлеченное и затемненное выражение классовых интересов — признак идеологии, и тем не менее именно такое «вуалированное» выражение интересов охотно культивируется господствую-

[1]) „Капитал", т. III, ч. I, стр. 21, 22. В данном случае мы имеем дело с двумя отражениями: отражением отношения прибавочной стоимости в сознании капиталистического класса и его представителей в форме категории „прибыли", и обратным отражением во всех дальнейших представлениях о взаимоотношении между капиталом и избытком этого первого отражения, от которого отправляется мысль экономиста-идеолога. Изучение гегелевских рефлективных отношений должно дать немало ценного материала для понимания идеологического процесса.

щим классом. Идеология выгоднее, чем грубая апологетика, потому что вследствие своей кажущейся беспристрастности, она легко может быть использована, как «идеологическая сила, подчиняющая себе людей». Но зато чаще возможен конфликт между идеологией и фактами, между идеологией и действительными интересами класса. Маркс охотно и часто выдвигает это расхождение между идеологией и жизнью, между идеологами и их классом. Идеология концентрирует все консервативные свойства отвлеченного мышления: «принципы» упорно охраняются идеологами, даже тогда, когда они становятся бесполезными.

4.

Маркс и Энгельс не всегда строго разграничивают два смежных понятия: идеализм и «идеологизим», и очень часто использовывают более широкий термин «идеализм», взамен более узкого и специального. Между тем «идеологизм» или идеологическая точка зрения — понятие, носящее лишь методологическую окраску. Это — идеализм в методах исследования, иначе говоря, априорный метод в применении к понятиям общественного бытия. Правда, чаще всего идеологический подход ведет к идеализму вообще, к признанию примата духовных явлений в общественно-исторической жизни, — и наоборот. Но можно быть и вульгарным материалистом, типа Дюринга, и в то же время идеологом в своих методических построениях. Можно быть и несомненным материалистом, вроде Фейербаха, и все же оставаться в методологическом отношении представителем «немецкой идеологии». Тут очень часты случаи сочетания теоретико-познавательного материализма с «историческим идеализмом».

Чтобы понять условия происхождения и развития идеологий, необходимо исходить из их социальной природы.

Мы видели уже, что идеология — не просто «классовое мышление», как ее пытался определить, в отличие от «психологии», А. Богданов. Лишь отвлеченное выражение классового мышления, в замаскированной и систематизированной форме, бессознательное для самих идеологов, становится идеологией. Поэтому идеологии немыслимы без идеологов, а стало быть, без существования особой

сферы «духовного производства», — отвлеченного мышления. С этой именно точки зрения, разделение труда и отделение труда мыслительного и физического являются, по Энгельсу, общей исторической предпосылкой развития идеологий. И, разумеется, эпоха классовых противоречий, в силу наибольшего отрыва умственного труда от труда хозяйственного, является поэтому и эпохой наивысшего развития идеологий и «идеологизма вообще». Это не значит, однако, что в зачаточном виде идеологии не могут существовать и до периода существования классов. Зато они в гораздо меньшей мере будут обладать всеми характерными чертами вполне развитых идеологий, отражая слабое разделение труда и ограниченность противоположных интересов.

Но неправильно было бы предполагать и обратное: что все ныне принявшие идеологические формы области сознательной жизни всегда являются и будут являться такими идеологиями. Политика, право, религия, искусство, философия и т. д. — все это виды идеологии со времени разделения труда и, в особенности, в эпоху классовых противоречий. Но не все эти области и не всегда суть идеологии — в строго Маркс-Энгельсовом смысле этого термина. При ином, не идеологическом, реалистическом мировоззрении — право и нравственность, искусство, философская методология перестают быть идеологиями и превращаются в сознательное отражение материальных условий жизни. «Идеологизм» остается в них лишь постольку, поскольку он неизбежно свойственен в некоторой доле жизни сознания вообще.

Важнейшие распространенные идеологии могут, по самой общей схеме, быть разделены на следующие три типа:

1) Низшие, неразвитые в самостоятельные системы, не требующие специфически теоретической работы, но использовываемые для идеологических построений, вследствие своих особых, временных свойств, формы сознания. Сюда относится человеческая речь, язык.

2) Вполне развитые и опирающиеся на более или менее постоянные «принципы», усложненные богатым историческим материалом, помимо общих, имеющие и специфические материальные основы, в качестве идеологической силы подчиняющие себе людей и исчезающие вместе с исчезновением классов идеологии. Таковы политическая и религиозная идеологии.

3) Наконец, области духовной жизни, получившие идеологический характер лишь в период отделения умственного труда и классовых противоречий, но мыслимые в иных формах, при новых общественных отношениях. Сюда можно отнести: право и нравственность, искусство, философию, отдельные отрасли общественного познания.

Человеческая речь, язык, причисляется к низшим формам идеологии, в обычном понимании этого термина. Но язык имеет менее всего характерных идеологических свойств в первобытную эпоху его происхождения из трудовых процессов и приобретает такие свойства лишь при разделении труда и появлении способности к абстрактному мышлению. Более всего идеологических свойств язык получает, однако, в капиталистическую эпоху, при наивысшем развитии классовых противоречий. Так, идеолог мелкой буржуазии, Штирнер, глагол «иметь» провозглашает неотъемлемым словом, вечной истиной. «Для буржуазии тем легче при посредстве своего языка доказать идентичность меркантильных и индивидуальных или общечеловеческих отношений, что сам этот язык — продукт буржуазии» [1]).

Политическая идеология — идеология государства, по выражению Энгельса, «является первой идеологической силой, подчиняющей себе людей». Во всех произведениях Маркса и Энгельса, начиная с их ранних гегельянских противопоставлений политического государства гражданскому обществу, проходя через их исторические работы и кончая наиболее поздними письмами, звучит один и тот же лейт-мотив: отрыв государства от общества, государство как надстройка, как общественный паразит. Возникнув из необходимых общественных функций и превращаясь постепенно в орган классового господства, государственная власть внешне становится самостоятельной по отношению к обществу, опираясь на сложную государственную машину. Но государство есть не только аппарат, но и идеологическая сила. Сознание этого проступает

[1]) „Св. Макс", стр. 195.

у Энгельса особенно отчетливо в «Происхождении семьи» и «Людвиге Фейербахе», после появления книги Л. Моргана, создавшего «искусственную» идеологию общественного развития, развития так называемой «политической организации». Борьба классов представляется в виде борьбы за отвлеченные политические принципы. «Сознание связи этой борьбы с ее экономической основой ослабевает, а иногда и пропадает совсем. Если оно еще не совсем исчезает у борющихся, то почти всегда отсутствует у историков» [1]). «Сила, стоящая, повидимому, над обществом и способная смягчать столкновения, удерживает их в пределах порядка» — такова сущность государственной идеологии [2]). Демократия — высшая ступень политической идеологии.

Государство является первой идеологической силой, подчиняющей людей, хотя «более возвышенная» религия исторически древнее государства. Но в этот ранний период религия еще не является вполне развитой идеологией или имеет лишь зачаточные идеологические свойства. Лишь в эпоху классовых противоречий, а стало быть, в эпоху существования государства, религия становится вполне развитой идеологией, опирается на сложный ритуал, представляет собой «идеологическую силу, подчиняющую себе людей» и используемую господствующим классом. Первоначальные доисторические религиозные представления, «после распадения родственных (родовых, *И. Р.*) групп, своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям» [3]). С этого времени экономическая тенденция все более начинает прощупываться в каждой религии, классовое мышление проникать ее основы. Принципы религии, ее основные идеи становятся «экономическими отражениями». Период феодализма приводит, в силу своеобразных условий, к временному подчинению религиозной идеологии всех прочих видов идеологии, в том числе и политической. Создается сложная религиозно-политическая идеология — «иерархия». За периодом высшего расцвета религиозной идеологии следует ее подчинение полити-

[1]) „Людв. Фейербах", стр. 69.
[2]) *Ф. Энгельс:* Происхождение семьи, частн. собственн. и государства. 1922. стр. 113.
[3]) „Л. Фейербах", стр. 70.

ческой и правовой идеологиям буржуазии. Весь длительный спор между М. Н. Покровским и И. Степановым по вопросу о происхождении религии основывается на недоразумении, на желании видеть в наиболее первобытных религиозных представлениях не только «общее идеальное отражение реальной связанности людей», но и вполне развитую идеологию», а стало быть, и бессознательное отражение классовых отношений — отношений господства и подчинения.

Политическая и религиозная идеологии — наиболее сложные, развитые и основные для того «заколдованного круга» идеологических представлений, в котором пребывает вся эпоха классовых противоречий. Они придают идеологические тон и окраску всем прочим областям духовной жизни, содействуя порождению новых идеологий: правовой, нравственной, философской, художественной и т. д.

Самое разделение на право и нравственность (а тем более, на «публичное» и «частное» право) носит идеологический характер и обязано своим происхождением выделению умственного труда в эпоху классовых противоречий. Взятые сами по себе, рассматриваемые во внеклассовом обществе, право и нравственность должны составлять одну стройную систему общественного поведения, точно отражающую уровень экономического и научного развития общества. Роль частного права в классовую эпоху «сводится к законодательному освещению существующих при данных обстоятельствах нормальных экономических отношений между отдельными лицами». Но при этом «приходится считаться со всей системой уже существующего права». Компромисс между государственной идеологией, «развитием основной правовой идеи» и отражением экономических отношений — создает частноправовую идеологию. У теоретиков государственного права и юристов, «идеологов частной собственности», «государственное и частное право рассматриваются как независимые области, которые имеют свое отдельное историческое развитие и которые должны и могут быть подвергаемы самостоятельной систематической разработке путем последовательного устранения всех внутренних

противоречий» [1]). Если политическая идеология воздействует на «писанные» законы, — право, то религиозная идеология оказывает свое реакционное воздействие на «неписанные» законы — нравственность, выдвигая ее «абсолютные» принципы. «Неписанные» законы перестают соответствовать «писанным» в результате разнообразного идеологического воздействия: таково историческое расхождение права и нравственности.

Не станем задерживаться на философской идеологии, основное течение которой — идеализм — обязан своим происхождением и развитием воздействию религиозной идеологии. Совершенно очевидно, что философская идеология представляет собою продукт тех же социальных причин. С исчезновением идеологического воззрения, философия сохраняется в иных формах как методология познания, как «логика и диалектика».

Остановимся несколько на искусстве. О зависимости искусства, как и всякой формы сознания, от условий производственной деятельности Маркс коротко говорит в своем введении к «Критике политической экономии». Нигде, однако, Маркс не называет, да и не может называть, всякое искусство вообще идеологией. В вышецитированном предисловии Маркс указывает лишь и на художественные формы в числе прочих, как на одно из возможных выявлений идеологического воззрения. Искусство как одна из форм идеологического отражения действительности становится таковым лишь под влиянием других сопутствующих идеологий и при определенных условиях разделения труда и классовых противоречий. «Объективное» искусство, его внеклассовая беспристрастность — таков один весьма распространенный элемент художественной идеологии, принцип, за который борются идеологи искусства, не подозревая того, что за мнимой объективностью и беспристрастностью кроется отображение классовых умонастроений. Так называемое «чистое искусство», самодавление формы в противовес содержанию — другой еще более грубый идеологический уклон в искусстве, носящий явно реакционную окраску в революционные эпохи и зачастую переходящий в художественную апологетику

[1]) „Л. Фейербах", стр. 68, 69.

существующего. Из этих «принципов», в сфере чистого мышления вне времени и пространства, получает развитие теория искусства, усердно культивируемая художественными идеологами. Одностороннее классовое изображение действительности — изображение «прекрасного» или «возвышенного», или «исключительно трагического» в лице древних героев и средневековых рыцарей, или исключительное внимание к быту нарождающейся буржуазии, все это не только отображает умонастроения различных классов, но и вносит определенные идеологические черточки в искусство. Разумеется, было бы метафизикой разделять на «идеологические» и «неидеологические» целые художественные эпохи, но несомненно: что в различное время искусство в большей или меньшей степени носит идеологический характер, что менее всего художественной идеологией было проникнуто первобытное искусство и что ее вовсе не будет в искусстве будущего, тесно связанном с действительностью и с материальным производством.

Все перечисленные виды идеологий принадлежат к типическим идеологическим формам, обычно перечисляемым у Маркса и у Энгельса. Но в изображении их нашли себе место и иные виды идеологии, принимающие форму «объективной» и «абсолютной» науки, в частности общественной науки. Идеологическое развитие науки о праве тесно связано с публично-правовой и частно-правовой идеологиями. Несколько особняком стоят, хотя связаны с этими последними разновидности «научной» идеологии в пределах политической экономии.

Хотя Маркс не перечисляет в числе прочих «экономических» идеологий и сравнительно редко употребляет этот термин в применении к политической экономии, однако идеологические уклоны экономистов занимают у него огромное место. Все три тома «Капитала», в сущности, представляют из себя изложение не только производительного процесса, но одновременно и изображение понятий и форм мышления, в которых отдельные перипетии производственного процесса отражаются в классовом сознании товаропроизводителей, и которые служат отправными точками для построения экономических идеологий. Точно также обстоит дело с «теориями приба-

вочной стоимости», где вопрос об экономических идеологиях разработан в несколько более «чистом виде», отвлекаясь от производственного процесса, находящего в них свое отображение.

В развитии идеологических воззрений в области экономических явлений играет немалую роль психология товарного фетишизма, свойственная меновому обществу. А. Богданов, определяя товарный фетишизм как идеологию буржуазного общества, в сущности, этим самым расходится со своей собственной теорией идеологии как классового мышления. А несомненно, что фетишизм товаровладельцев — одновременно и фетишизм рабочих, производящих товары [1]). Между тем у Маркса можно различить товарный фетишизм двоякого рода: фетишизм товаровладельцев и товаропроизводителей, и последующий фетишизм экономистов. В первом случае фетишизм представляет типическую для менового, а в особенности капиталистического общества психологию — сознание этого общества: «Это заколдованный и извращенный мир», «завороженный, искаженный, на голову поставленный мир» [2]). На почве усложнения капиталистического процесса нарождается «превратное сознание, которое развивается далее», «под углом зрения конкуренции все представляется в искаженном виде», «перевернутым на голову». «Капитал — саморазвивающийся фетиш» — высшее проявление этого воззрения. И тем не менее практические носители экономического отношения «чувствуют себя, как рыба в воде» в этих «опосредованных отношениях», в этих иррациональных формах проявления, «отчужденных от внутренней связи» [3]). Естественный идеологизм сознания, о котором мы уже вкратце упоминали, находит себе, быть может, наивысшее выражение в этом заколдованном мире представлений и служит весьма благоприятной почвой для развития последующего фетишизма экономистов.

Лишь в этом последнем случае товарный фетишизм становится идеологией, вернее говоря, дает основы идеологическому построению. Фетишизм есть нечто первичное,

[1]) См. о правовых представлениях как рабочего, так и капиталиста „Капитал“, т. I, стр. 544.
[2]) „Капитал“ т. III, ч. 2, стр. 364, 368.
[3]) „Капитал“ т. III, ч. 1, стр. 21, стр. 187; ч. 2, стр. 230, стр. 315.

соответствующая экономическая идеология — нечто производное, отправляющееся от категорий общественного мышления, возведенного в принципы, категории политической экономии. «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм избирает, вообще говоря, путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum, т.-е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками обращения товаров, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни к тому времени, когда люди делают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже приобрели для них характер неизменности, — а лишь в их содержании» и т. д. «К подобного рода формам и сводятся категории буржуазной политической экономии. Это — общественно-значимые, следовательно объективные, формы мысли в рамках производственных отношений товарного производства» [1]). В превращении их в естественные, абсолютные формы и заключается фетишизм буржуазной полит. экономии: она отправляется от этих, возведенных в вечные категории, «ходячих форм мышления» [2]).

Но при этом экономическая наука может итти двумя путями: или «люди стараются разгадать смысл этих иероглифов, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта», делают «поздние научные открытия», которые отнюдь не могут «уничтожать вещественную видимость общественного характера труда». Политическая экономия «раскрывает заключающееся в этих формах содержание, но она ни разу даже не поставила вопрос: почему это содержание принимает такую форму». Это происходило потому, что она, «рассматривала буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства До такой степени фетишизм, присущий товарному миру... смущает некоторых экономистов» [3]). Так, у Рикардо научное прозрение истинной борьбы соединяется с воззрением на буржуазные

[1]) „Капитал“, ч. I, стр. 44.
[2]) „Капитал“, т. II, стр. 204, 346.
[3]) „Капитал“, т. I, стр. 43, 49, 50, 51.

отношения как естественные и абсолютные. У А. Смита эзотерическая точка зрения не всегда берет вверх над экзотерической, и он часто «наивно говорит о вещах как бы из глубины души агента капиталистического производства» [1]) и т. д. Несмотря на все эти многочисленные идеологические уклоны, классическая экономия сделала так много для «исследования внутренних зависимостей буржуазных отношений производства» [2]), что Маркс не склонен применять по отношению к ее представителям выражения «идеологи». Отражая умонастроения буржуазного общества, классическая экономия лишь в большей или меньшей степени становилась его «идеологией».

«В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни, и, так сказать, приспособляет их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантически систематизирует банальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире, лучшем из всех миров, и объявляет эти представления вечными истинами» [3]). «Для вульгарной экономии как раз характерно, что то, что было оригинально, повторяется с *запозданием* на более высокой ступени» [4]).

Однако и в вульгарной экономии следует различать экономическую идеологию и экономическую апологетику, хотя возможны и самые разновидные переходы от одной к другой, и обратно. Чистым образцом первой является, напр., Дж. Ст. Милль, которого сам Маркс называет «идеологом». Это — «ученый, всецело вращающийся в пределах буржуазного горизонта. Он всегда лишь регистрирует с догматизмом школьника путаницу мыслей своих учителей». «Плоские противоречия так же сродни ему, как чуждо гегелевское „противоречие“». Он «с обычной важностью воспроизводит доктрину Смита...»: «догма

[1]) „Теория прибавоч. стоимости“, т. II, стр. 51.
[2]) „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 368.
[3]) „Капитал“, т. I, стр. 50.
[4]) „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 332

Смита становится у него ортодоксальным вероучением политической экономии. И, тем не менее, несмотря на весь его „эклектизм“, „противоречия“ и „старомодные экономические догмы“...», «было бы в высшей степени несправедливо смешивать его в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами» [1]). Таким же идеологом является и Родбертус, который «остался в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников», и видел «решение» там, где была лишь «проблема» [2]). Примеры других экономических идеологий мы приводили ранее.

«Этикетка системы отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [3]). Субъективная искренность, отсутствие сознания, что он выражает классовые интересы, в совокупности с другими особенностями идеологического мышления, характеризуют также и экономиста-идеолога.

Вопрос об «идеологизме» экономистов по тому почтенному месту, которое он занимает в произведениях Маркса и Энгельса, заслуживает самого внимательного и детального изучения. В частности, интересен вопрос о взаимоотношениях правовой и экономической идеологии в построениях некоторых экономистов.

5.

Критик тов. Адоратского, не усмотревший в его попытке поставить интересный вопрос ничего, кроме «теоретической окрошки», — прав лишь в одном отношении. Да, «мы обмелели», — обмелели уже потому, что, по выше цитированному выражению Энгельса, «видим готовые решения там, где только есть проблема». Готовые схемы, готовые формулы полонили наш ум и мешают итти дальше того, на чем остановились наши ближайшие учителя, и брать еще глубже. Всякая попытка этого рода, как, напр., сделанная тов. Н. И. Бухариным, вызывает лишь нападки и злобствование ревнителей древнего благочестия...

[1]) См. о Милле: „Капитал“, т. I, стр. 599, 607, 624; т. II, стр. 377, т. III, ч. 2, ст. 96.
[2]) Предисловие Энгельса к „Капиталу“, т. II, стр. XXIX и др.
[3]) „Капитал“, т. II, стр. 343.

Дело, разумеется, не в нашем праве применять тот или иной термин в более или менее расширенном значении. Ведь употребляем же мы сейчас, скажем, термин «империализм» отнюдь не в том значении, какое придавал ему Маркс в «18-м Брюмера». Дело и не в филологических изысканиях, которыми советует заняться тов. Румий и которым усиленно предается А. Богданов (idea, logos и т. п.)... Термин «идеология», подобно выражению «диалектический материализм», нужно рассматривать не в его филологическом, но его исторически создавшемся значении. По поводу филологических ухищрений следует вспомнить то, что давно сказано о них Энгельсом.

Все дело в том, чтобы уловить точный смысл этого термина в употреблении Маркса и Энгельса и, вместе с тем, получить возможность понять некоторые мельчайшие оттенки их мышления, отдельные, до сих пор не подмеченные или недостаточно изученные, штрихи общей картины. Только методологическая трактовка идеологического воззрения позволяет с достаточной ясностью осмыслить целый ряд сторон жизни, как общественного и классового, так и индивидуального сознания. И, разумеется, никакого противоречия с диалектическим материализмом и даже с Плехановым не будет от того, что в том или ином марксистском понятии мы обнаружили более специальное и узкое содержание.

Впрочем, менее всего Плеханов и Ленин, для авторитета привлеченные критиком тов. Адоратского, виновны в том, что понятие «идеология» получило общераспространенное значение: они просто никогда специально не занимались этим вопросом [1]). Если уже искать «виновных», то нужно обратиться, с одной стороны, к вульгаризации марксизма «левым» народничеством, с другой стороны— учесть влияние школы несколько раз цитированного нами А. Богданова, немало внимания посвятившего идеологии в целом ряде своих работ [2]).

Внутренний идеализм философских построений А. Богданова слишком хорошо известен, чтобы на нем нужно было бы здесь останавливаться. Общеизвестно также, какое значение в его схемах имеют «универсальные» организационные принципы, организационные формы, организованное познание и «организаторы» всех видов, начиная с души — «организатора» человеческого тела. К сожалению, та же идеалистическая тенденция обнаруживается в его считавшейся до сих пор почти неуязвимой и служившей основой для многих дальнейших построений теории и идеологии.

Идеология, по Богданову, — «организующая форма общественной жизни». В качестве таковой, она может быть лишь мышлением целого класса, но не бессознательно-классовым мышлением идеологов. В последнем случае Богданов совершенно незаметно для себя откидывает в сторону весь исторический материализм. Как нечто необходимое и социально-полезное, идеология соприсутствует каждой экономической эпохе. Маркс говорит о том, что наиболее распространенные формы мышления становятся категориями, исходными точками построения буржуазной экономии. Богданов превращает развитые уже идеологические системы в свойственные всему обществу общественно-пригодные формы мысли. Маркс называет общественно-приемлемые формы мысли «объективными», в отличие от субъективных переживаний отдельного индивида; Богданов делает эти формы мышления объективными в теоретико-познавательном смысле. Для Маркса идеологии — разновидности надстройки и играют классово-полезную роль; для Богданова — они общественно-полезны.

Все точки зрения Богданова приводят к преувеличению роли сознания и, в частности, идеологии в историческом процессе и тесно связаны с его воззрениями на роль «организации» и «организаторов» в общественном производстве. Мысль Маркса и Энгельса, что на определенной ступени развития господствующий класс неизбежно играет и социально-полезную роль, Богданов недопустимым образом распространяет на мир служащих иным целям идеологий, так что религиозное сознание оказывается ступенью научного познания, государство не только «по-видимому», но и в действительности «примиряет» противоречия классов; также, очевидно, обстоит дело и с товарным фетишизмом!

[1]) Кстати сказать, третий „авторитет", Ф. Меринг, обычно употребляет термин идеология в узко-Марксовском смысле, в том числе и в статье об историческом материализме, что не вызывает никаких возражений Энгельса.

[2]) См. „Из психологии общества", „Падение великого фетишизма" и др.

Необходимо отметить, что в обще-распространенных воззрениях на идеологию имеется и некоторый рациональный элемент. Как мы уже неоднократно упоминали, само сознание, вообще склонное к идеологическому развитию, приобретает некоторые особенности идеологического воззрения. В области понимания правовых и экономических явлений этот естественный «идеологизм» сознания в особенности усиливается. С другой стороны, таким идеологическим уклонам общественного сознания способствует и обратное влияние развитых идеологических систем и их распространение, внедрение характерных особенностей идеологий в общественное сознание, в особенности у так называемых «идеологических слоев».

Это приводит к тому, что не всегда строго различаются идеологические свойства общественного сознания и идеологии, как таковые, как отвлеченное, бессознательное, от принципов отправляющееся отражение этого сознания. Можно, однако, проводить различие между религиозным сознанием средневековья, подготовившим почву для развития и окрашенным в соответствующий тон воздействием идеологических систем, и религией как развитой идеологической системой. Точно так же обстоит дело и с правовой идеологией и буржуазным правосознанием. Мы говорили уже о первичном и последующем в фетишизме товаровладельцев и экономистов. Трудность различения усиливается тем обстоятельством, что для диалектика Маркса идеология — одновременно и длительно развивающийся мыслительный процесс и результат этого мыслительного процесса. С этой точки зрения и в этом смысле, напр., религиозная идеология может «возникать», начинать свое развитие уже в недрах первобытных религиозных представлений, но лишь впоследствии выливаться во вполне развитые идеологические системы. Между тем метафизическое рассмотрение закрепляет идеологию как нечто готовое и необходимое соприсутствующее за каждой общественной формой.

В заключение необходимо сказать несколько слов по вопросу о применении терминов «идеология», «идеологи», «идеологический» — по отношению к мировоззрению, общественно-исторической теории и литературно-научным представителям пролетариата. Повторяю: совершенно не

приходится спорить против возможности расширения смысла некоторых употребляемых в марксизме терминов. Но, с другой стороны, можно весьма усомниться в том, чтобы Маркс и Энгельс одобрили именно такое использование специального понятия «идеология». Напротив того: у самих основоположников марксизма мы не только не находим такого употребления, хотя о мировоззрении пролетариата им приходится нередко говорить, но находим частое противопоставление «реалистического понимания» пролетариата идеологическим фразам и понятиям. Для Маркса и Энгельса — идеология не разделялась на «буржуазную» и «пролетарскую идеологию», ибо была вполне определенным типом мышления, снабженным определенными методологическими особенностями, уклоном в мировоззрении, совершенно не свойственным пролетарскому сознанию, освобождающемуся от влияния буржуазной идеологии [1]).

Мы знаем только один случай употребления Марксом и Энгельсом термина «идеология», могущий вызвать некоторые недоразумения. Речь идет об известной фразе из «Коммунистического Манифеста», где говорится о части переходящих на сторону пролетариата «буржуазных идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения». Очень часто эта фраза истолковывается в том смысле, что речь идет о буржуа—идеологах пролетариата. Но совершенно очевидно, что такое толкование произвольно: здесь говорится именно о «буржуазных идеологах», идеологах революционизируемой историческим движением части буржуазии, и притом таких, «которые возвысились до теоретического понимания», стало быть, этим самым уже перестали или перестают быть «идеологами». Что в этом отношении возможен целый ряд переходных моментов, когда имеются уже некоторые исторические предвидения, но нет еще ясной общественно-исторической теории, показывает вся история буржуазного, мелкобуржуазного «истинного» и утопического социализма, изложенная на последних стра-

[1]) В известной своей полемике с Д. Н. Овсянико-Куликовским, происходившей в 1914 г., Л. Аксельрод, выступавшая в „защиту идеологии", была, разумеется, права по существу. Но и почтенный профессор был по-своему прав — „терминологически".

ницах «Коммунистического Манифеста». Упоминаемые здесь «идеологи»,—это те самые, которые, согласно меткому выражению «Нищеты философии», «окольным путем выходят на большую дорогу истории».

Утопия — характерная разновидность идеологического воззрения. На известной ступени исторического развития она составляет принадлежность и пролетарского мышления, в виде идей утопического социализма и коммунизма. «Пролетариат не был еще способен к революционной борьбе... поэтому должен был броситься в объятия доктринерам его освобождения, основателям социалистических сект» [1]). «Этот доктринерский социализм был теоретическим выражением пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат не дорос до своего собственного свободного исторического движения» [2]). Но по мере развития борьбы для «теоретиков пролетариата»... «становится излишним это искание науки в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что само совершается на их глазах и стать выразителями действительных событий». «Наука становится сознательным продуктом исторического движения: она перестает быть доктринерской, она делается революционной» [3]). «Теоретические положения коммунистов ни в коем случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или иным обновителем мира. Они представляют собою общее выражение действительных условий существующей ныне борьбы классов...» [4]). Для пролетариата идеи научного социализма — «идеи, которые были точнейшим отражением их экономического положения, которые были не чем иным, как ясным, сознательным выражением их собственных, еще не сознанных, а только лишь неясно ощущаемых потребностей». И потому «всеми принята одна, до прозрачности ясная теория Маркса, резко формулирующая конечные цели борьбы» [5]). В «Критике Готской программы» Маркс всячески протестует против тенденций «вытеснить в *реалистическое понимание*, с таким трудом внесенное

[1]) „Классовая борьба во Франции", стр. 79.
[2]) Там же, стр. 111.
[3]) „Нищета Философии", стр. 104.
[4]) „Коммунист. Манифест", гл. II.
[5]) Предисловие Энгельса к „Классовой борьбе во Франции", стр. 8, 10.

в умы нашей партии, но теперь уже пустившие корни, чтобы снова заменить его ходкими «*идеологическими фразами* демократов и французских демократов о праве и всем прочем» [1]).

С этой специфической марксо-энгелевской точки зрения марксизм только тогда становится «идеологией», когда перестает быть революционным марксизмом, действенной теорией, связанной с действительными отношениями и практической борьбой, и превращается в мертвую догму, в отвлеченную систему в руках опошляющих его социал-оппортунистов.

И. Разумовский.

---

[1]) „Критика Готской программы". Петрогр. 1919, стр. 19.

Организационные принципы социальной техники и экономики [1].

Задача этой статьи заключается в том, чтобы наметить необходимое развитие одной из сторон исторического материализма с научно-организационной точки зрения. Исторический материализм есть учение о связи разных сторон общественного процесса. Его основная схема говорит, что первично развитие определяется в той области, где человек непосредственно сталкивается с природой, — в области технических отношений человека к природе, в области производительных сил. В зависимости от этих технических отношений человека к природе формируются производственные отношения, а в зависимости от тех и других — идеи, нормы, идеология. Следовательно, первичный фактор — техника, ею определяются — экономика и дальше — идеология. Это закономерность развития. Что может и должна прибавить к этому научно-организационная точка зрения?

Сущность ее заключается в том, что имеются общие организационные закономерности, организационные законы, по котором идут процессы организации и дезорганизации в природе и от которых зависят и человеческие организационные методы. Следовательно, человек *не выдумывает* своих организационных методов; они имеют основу в организационных закономерностях природы и являются для человека так или иначе *вынужденными*. Это — основное положение. Далее, применение организационной точки зрения к историческому материализму заставляет

[1]) Статья эта, в основе своей, представляет доклад, прочитанный в Социалистической Академии 15 сентября 1921 года. Идет в дискуссионном порядке. (*Прим. ред.*).

нас иначе формулировать эти три стороны: техника — это организация вещей человеком для общества; экономику мы можем обозначить как организацию людей, точнее — человеческих трудовых активностей, а идеологию как организацию опыта или организацию идей. Таким образом, получается ряд: организация вещей, организация людей, организация идей. В этом ряду, согласно учению исторического материализма, первичным надо считать первый ряд, вторичным — второй и т. д. Отсюда получается вывод, что организационные принципы в той, другой и третьей областях должны быть в такой же связи, т.-е. организационные принципы в первой области должны составлять, может быть, конечно, в измененном виде, основу для второй области, и затем для третьей.

Вопрос об идеологии мы теперь оставим в стороне; целый ряд моих прежних работ был посвящен именно выяснению того, каким образом основные формы сотрудничества переходят в основные формы мышления, а это и значит — принципы экономики — в принципы идеологии. Теперь я хочу, в общих чертах, показать, каким образом принципы организации вещей превращаются в принципы организации людей, т.-е. в организационные принципы экономики. При этом сама собой получится и проверка того, насколько пригодна и полна организационная точка зрения, насколько она позволяет прийти к положительным результатам: если бы оказалось, что организационные принципы под техникой одни, а под экономикой другие, то было бы опровергнуто наше основное организационно-теоретическое положение.

Как же формулировать организационные принципы социальной техники, чтобы можно было все это выяснить и проверить? Надо искать этих принципов там, где заключается сущность и характеристика самой техники. Где же они заключаются? Человека выделила из природы, поставила в особое среди животного мира положение его *особая* техника (у животных, ведь, тоже есть техника). Она характеризуется *применением орудий*. Человека так и определяют, как существо, делающее орудия. Следовательно, организационных принципов техники надо искать в отношениях человека к орудию. Мы должны выяснить, как исторически развивалось, в какие принципы уклады-

валось отношение человека к орудию, и затем посмотреть, в каком отношении эти организационные принципы находятся к организационным принципам экономики, т.-е. к формам сотрудничества, потому что это и есть организационные принципы экономики.

Каково же вообще отношение человека к орудию? Орудие есть не что иное, как предмет, взятый из внешней природы и выполняющий в процессах труда роль дополнительного органа. Так как человек в своей трудовой практике есть существо социальное, то орудие *в конечном счете* представляет вообще орган *коллектива*; как и отдельная рабочая сила, воплощенная в организме работника, является объективно органом коллектива, — хотя это может затемняться анархичным строением общества, формальной разрозненностью его элементов. *Но непосредственно* орудие может быть связано и с отдельным лицом, выступая как орган *индивидуума в коллективе*; тогда как в других случаях связь орудия с коллективом бывает прямая и очевидная. Именно такая непосредственная связь орудия с коллективом была *первичным* их соотношением в ту эпоху, когда стадно-родовые человеческие группы еще только выделились из животного мира, но еще были далеки от формирования личности, как особого центра интересов и стремлений. Особенно характерно и наглядно выступает эта связь для того орудия, которое явилось основным двигателем выделения человечества среди зоологического мира. Огонь — главное оружие группы в борьбе с неумолимой природой, защита против чудовищно-сильных зверей, против грозного зимнего холода ледниковых периодов, против бесчисленных опасностей, в ночной темноте подстерегавших человека, — огонь был живым центром группы, его поддержание было общим ее делом. Люди, ведь, первоначально и не умели добывать его сами, а пользовались найденным в природе; его угасание означало тогда почти неизбежную гибель группы, как если бы она потеряла свою душу. Но не только огонь, а и другие первобытные орудия, при объективно необходимой теснейшей жизненной сплоченности группы, не могли не быть для нее *стихийно общими*.

Далее, отношение человека к орудию на этой ступени характеризуется столь же *стихийной органичностью*. Иным

оно не могло быть при тогдашнем уровне сознания: преобладали инстинктивные импульсы, размышление почти отсутствовало, человек слабо отличал орудие от своих органов, как не различал еще неодушевленного и одушевленного в природе; он жил с орудием, и орудие жило в его руках.

Третья характеристика: отношение к орудию отличалось величайшей устойчивостью, крайним *консерватизмом*. Если совершенствование орудий и происходило, то стихийно и незаметно для самих людей в ряде тысячелетий.

Жизнь вся была насквозь консервативна, и не могла быть иной, ибо всякое изменение сложившегося ее равновесия угрожало ей гибелью. Только из избытка сил, из прибавочной энергии общества рождается тенденция прогресса; и этого тогда не было.

Теперь мы можем формулировать исторически-первый в развитии социальной техники организационный принцип: это *стихийно органическая, консервативная связь орудия с коллективом*.

Но развитие повело к тому, что этот принцип сменился другим. Орудия совершенствовались, и уже нельзя было избегнуть того, что и люди, в зависимости от усложнения труда, сами специализировались. Это — два параллельных процесса: орудия дифференцируются, люди специализируются, и уже не каждый в равной степени может владеть всяким орудием. Выступает новая связь — связь орудия не с коллективом, а с индивидуумом в коллективе, с отдельным человеком. Это, как мы говорили, в сущности, тоже связь с коллективом, но связь между орудием и коллективом через отдельного человека. Какая же это связь? Все еще стихийно-органическая и консервативная. Человек в этой фазе развития часто сам делал свое орудие; если же он его и не сделал сам, то, все равно, специализировался в применении этого орудия. Он привыкает к этому орудию, другим он уже не может так владеть, как этим, и пользоваться своим орудием другому человеку он не даст. У него наблюдается тенденция самому применять орудие, он чувствует в нем как бы свой собственный орган. Это — чувство органической связи с данным орудием. Тут приспособление достигает максимума: другим таким же орудием владеть так хорошо он не может. Здесь именно развивается то, что этнологи

называют «чувством собственности» и что́ с «правом собственности» смешивать отнюдь не следует.

Это относится ко всяким орудиям, но всего ярче сказывается на оружии воинов древних времен. Органическая связь оружия с данным воином — одно из ярких явлений не только эпох более древних, но и эпохи феодальной. Здесь человек с его мечом как бы составляет одно. Есть еще орудие, которое особенно ярко демонстрирует этот принцип. Это живое орудие: лошадь, собака. Если посмотреть на отношения между бедуином арабом и его лошадью или на отношения между охотником и его собакой, то ясно, что эта связь глубоко органическая, вроде кровного родства, и безусловно стихийная. Потерять лошадь арабу, это все равно, как потерять часть собственного тела.

Итак, эти отношения тоже органические, тоже стихийные и тоже консервативные, потому что сама жизнь консервативна, и ее стихийная органичность предполагает, что эти отношения так и остаются, изменяясь лишь с неуловимой для сознания медленностью органического развития. Это — *второй* организационный принцип: *стихийно-органическая и консервативная связь орудия с индивидуумом в коллективе*. И это опять-таки необходимая ступень развития. Следы индивидуального «срастания» человека с орудием можно найти и сейчас еще в остатках ремесленничества, в крестьянстве, в тех мелких производственных единицах, которые сохранились от прошлого.

Но все же, с ходом развития, и эта связь сменялась иной, при чем изменение подрывало обе ее стороны: и стихийную органичность, и консерватизм. Консерватизм подрывался потому, что ход развития создавал новые условия для этого развития; эти условия подрывали также и стихийность. Например, орудия производились все в большем и большем количестве. Один человек делал их, другой, совершенно чуждый ему, не член его общины, применял; а это уже ослабляло органичность: связь с орудием была особенно сильна в тех случаях, когда человек производил орудие для себя или для кровно-близких людей; теперь же это делалось все реже. Орудия становятся в каждом деле многочисленны и разнообразны; «срастись» со своими орудиями человек не может хотя бы потому, что каждое не так уж долго бывает в его руках:

он располагает целым рядом орудий, рассчитанных на разные случаи. При этих условиях связь уже становится не стихийной, а сознательной. Человек не может уже рассматривать орудие как часть своего тела. Он может переменить орудие, оно может перейти от одного владельца к другому, орудие можно сделать лучше или хуже, его можно совершенствовать. Это уже сознательное отношение. Здесь выступает *третий* принцип: это уже не стихийно-органическая, а *сознательная*, не консервативная, а *пластичная*, т.-е. изменчивая, *связь орудия с индивидуумом в коллективе*. Орудие переходит из рук в руки, оно совершенствуется, человек сознательно стремится его приспособить.

Вот три социально-технических принципа в их смене. Далее, когда орудия усложняются, когда они растут и развиваются, — а вы знаете каким путем это происходит: через *детализацию* орудий к *машинному* производству, — тогда возникает еще новое отношение. Орудие ремесленника связано с индивидуумом в коллективе, но когда орудие — машина, тогда оно связано уже не с личностью, а с некоторым, бо́льшим или меньшим коллективом, потому что машина для своего производства, и даже в общем для своего применения требует работы не одного человека, а многих, и чем она более усложняется, тем более для нее нужно людей. А когда машина начинает применяться широко, то на сцену выступает *система* машин, при которой уже ни одна отдельная машина не является сама по себе орудием,—орудием является только целое. На фабрике масса станков, но станок сам по себе нельзя рассматривать как орудие, так как он не действует без двигателя; но с тем же двигателем связаны и другие станки. Следовательно орудием является лишь целая система механизмов. А с этой системой имеет дело не отдельный человек, а коллектив. Поэтому здесь орудие уже связано не с отдельным индивидуумом, а с коллективом, и с коллективом все более и более расширяющимся. Когда же производство электрифицировано, то и отдельные фабрики не являются орудием, потому что они связаны с электрической станцией. Связь этого гигантски разветвленного орудия возможна отнюдь не с отдельным человеком в коллективе, а с все более и более расширяющимся коллективом. Каждая отдельная часть машины, системы машин становятся все

меньше орудием, потому что они связываются с более широкой системой, и таким образом все более расширяется тот коллектив, с которым связывается орудие. Это — принцип машинной техники. Его можно формулировать так: *сознательная, пластичная связь орудия с коллективом.* Это есть последний из известных нам, высший принцип социальной техники.

Вот принципы социальной техники в их исторической смене. Их нельзя рассматривать так, что сначала явился один, затем он исчез и появился другой, и т. д. Нет, они *накладываются* один на другой. В авторитарно-патриархальной общине можно найти еще и первичную связь, не с индивидуумом, а с общиной, хотя преобладает связь орудия с индивидуумом в коллективе. При машинном производстве также можно найти остатки прежних отношений. Но каждая новая формация все более отбрасывает пережитки предыдущих.

Теперь спрашивается: в какой связи эти принципы могут находиться с экономикой, с производственными человеческими отношениями? Мы сказали: если человек не выдумывает своих организационных принципов, то те принципы, которые тут, в социальной технике, складываются, должны были послужить основой организации социальной экономики. Как же так? Очень просто: там дело идет об отношении орудия к человеку, а в социальной экономике — об отношениях человека к человеку. Здесь человек может рассматриваться как *орудие коллектива* или *отдельных людей* в коллективе. Человек есть орудие для другого человека. В коллективе более сложном — общество капиталистическое — эта зависимость сказывается особенно наглядно: там человек является прямым орудием другого человека, хотя по существу он и там есть орудие индивидуума в коллективе. Словом, человека можно рассматривать как орудие. В таком случае нам, очевидно, является возможность вывести заранее из четырех принципов, сменяющихся принципов социальной техники, четыре принципа социальной экономики, а именно: там, где мы раньше брали орудие, мы теперь берем человека как орудие и вводим в ту же формулу.

Берем первую формулу: в первобытной организации вещей, в первобытной технике, имеется стихийная, органическая и консервативная связь орудия с коллективом. Теперь подставляем в эту формулу вместо орудия — человека, рассматриваемого как орудие. Действительно, в первобытной общине каждый человек есть живой орган целого, связанный с этим целым консервативно, бессознательно, стихийно, кровно, а не связями, основанными на расчете, выборе, договоре. Строение первобытного общества в точности соответствует первому принципу социальной техники и само представляет первый принцип социальной экономики. Человек как орудие коллектива стихийно, органически, консервативно связан с ним.

Второй принцип. Здесь орудие находится тоже в стихийной, органической и консервативной связи, но не с коллективом, а с индивидуумом в коллективе. Подставляя сюда человека, получаем, что один человек для другого является орудием, а связь между ними стихийная, органическая, консервативная. Это — вторая стадия развития экономики: примитивный авторитаризм, патриархальный строй. В авторитарном сотрудничестве, в его первичной родовой форме мы имеем второй принцип социальной техники, перенесенный в экономику. Здесь также стихийная, органическая, консервативная связь человека с человеком. И надо сказать, что это связь взаимная, потому что если для патриарха отдельный член общины является орудием исполнения, то и обратно, для члена общины патриарх служит орудием руководства. Переход социально-технического принципа в экономический прекрасно поясняется примером араба и его лошади. Связь между ними как раз похожа на это первично-авторитарное сотрудничество, на связь в патриархальной общине. Таким образом мы видим, что и второй организационный принцип техники стал экономическим принципом.

Возьмем теперь третий принцип, когда орудие находится уже в сознательной, пластичной связи тоже с индивидуумом в коллективе. Попробуем человека как орудие поставить в это положение. Получаем: человек как орудие связан с другим человеком сознательно и пластично. Связь эта, во-первых, сознательная, во-вторых, переменная. Сначала человек *A* пользуется человеком *B*, потом обратно. *A* — крестьянин пользуется *B* — сапожником как орудием для добывания себе обуви; *B* пользуется им как ору-

дием добывания хлеба. Таков третий принцип в экономическом развитии; это принцип меновой. Тут действительно имеются те же самые отношения: человек как орудие в сознательной и пластической связи с другим человеком в коллективе.

Первоначально, как мы видим, эта связь должна быть приблизительно симметричной. Но если эта связь сознательная, то каждый хочет приспособить свое орудие как можно лучше, т.-е. извлечь из него как можно больше; но и тот хочет добыть через первого как можно больше. Человек с человеком в данном случае находится в меновых отношениях, и это оказываются отношения *борьбы*: тот и другой в стремлениях своих сталкиваются, противоположно приспособляя друг друга. Это — отношения противоречия и борьбы сил: *A* приспособляет *B*, (наприм., хочет с него взять побольше в обмене, но *B* также хочет взять побольше с *A*; они торгуются, экономически борются. Пока силы их равны, положение так и остается, что они — взаимно орудия друг для друга; а когда не равны — меняется: один из двух становится в большей мере орудием другого, чем обратно; этот случай называется *эксплоатацией*. Развитие обмена так и шло: сначала обе стороны были приблизительно в равных условиях, а затем одна сторона начинает эксплоатировать другую и, в конце концов, разоряет. Рано или поздно, но в процессе борьбы бо́льшая сила побеждает, и чем дальше, тем легче, и, следовательно, получается все более и более устойчивое распадение коллектива на эксплоатируемых и эксплоататоров. Тогда мы получаем картину капитализма, сменяющего собой общество мелких производителей. Здесь одна сторона приспособляет другую с бо́льшим успехом, другая — с меньшим, т.-е. эта вторая подвергается эксплоатации. И тут также мы наблюдаем отношения обмена: капиталист эксплоатирует рабочего, но и рабочий, в свою очередь, получает нечто от капиталиста. Значит, формула-то не нарушается, она объективно применяется, но только не равномерно. Вот третий принцип: товарное вообще и в частности капиталистическое общество [1]).

[1]) Заметим, что сознательность и пластичность отношения индивидуума к индивидууму вовсе не означает господства сознательности в отношениях коллектива как целого. Напротив, из сознательных индивидуальных усилий товаропроизводителей, стремящихся каждый максимально приспособить к себе как свои орудия других, рождается общая стихийность социально-экономической анархии.

Остается четвертый принцип. Вы легко сообразите, какое общество дает этот принцип. Здесь — сознательная, пластичная связь человека как орудия с его коллективом. Что́ это значит? Во-первых, то, что эта связь сознается коллективом и личностью, и коллектив старается приспособить личность максимально; во-вторых, эта связь пластичная. А что́ из этого вытекает? Если связь пластичная, и коллектив стремится приспособить к себе отдельного человека, то он должен его развить так, чтобы человек был в такой переменной связи хорошим орудием; личность будет вступать в разные трудовые отношения, и коллектив должен ее приспособить к разным отношениям. Ясно, что здесь требуется ее всестороннее развитие. Кроме того, так как связь здесь сознательная, то человек является не только орудием, но, взятый не в отдельности, а как член коллектива, сам участвует в определении своей функции. Эту форму сотрудничества я обозначил как *коллективистическую*. Это связь сознательная: коллектив сознательно приспособляет к себе члена коллектива — и обратно; и она пластичная, потому что в изменяющейся системе производства роль человека меняется, и человек совершенствуется. Вы видите, что это — товарищеская или коллективистическая связь. Четвертый принцип — принцип машинного производства, внесенный в область экономики, есть принцип социализма.

Вот, в технике и экономике, все четыре принципа. Историческая смена их здесь соответствует смене их там.

Но тут выступает другое важное обстоятельство, а именно: второй ряд должен отставать, потому что организационный принцип сначала вырабатывается в одной области, а затем переносится в другую. Процесс выработки приспособления требует известного времени; новый принцип должен шаг за шагом распространяться, и люди должны постепенно им овладевать. Вследствие этого, мы должны ожидать, что экономика отстает от техники, т.-е. господство в экономике тот или иной принцип получает позже, чем в технике. Так это и есть на самом деле.

Мы знаем, например, что в товарном обществе мелких производителей наблюдается еще масса элементов органической связи орудия с человеком. У ремесленника часто создается неразрывная органическая связь, по крайней мере, с некоторыми его орудиями; ему трудно переменить их. Третий принцип господствует, а второй еще существует. Особенно велико запоздание с четвертым принципом. Это — принцип машинного производства. Он возник тогда, когда явилась машина, сотни лет тому назад. В эпоху капитализма связь, на нем основанная, становится уже гигантской, производство всего мира образует одну систему, а в то же время в экономике господствует капиталистический принцип, т.-е. человек как орудие находится в сознательной и пластичной связи не с коллективом, а с другим индивидуумом. Мы видим, таким образом, что экономика значительно отстает от техники. Мы могли предвидеть уже a priori, что организационные принципы экономики отстают от организационных принципов техники — на основании исторического материализма.

Можно проследить и дальше связь организационных принципов, но для меня важно было наметить самые основные черты. Если взять вопрос о связи двух сфер развития в самом широком охвате, то мы можем сказать: в технике идет дифференциация орудий, а в экономике происходит дифференциация людей, разделение функций между людьми. Если мы возьмем самый масштаб коллектива, то увидим, что и этот масштаб определяется техническими принципами, которые превращаются в экономические. Принцип первобытной коммуны — стихийная, органическая, консервативная связь орудия с человеком, — отсюда: размеры коллектива ограничены, ибо органическая связь человека с человеком не может выйти из рамок прямого жизненного общения. В следующей стадии коллектив опять-таки ограниченный, потому что связь консервативна, она не может неограниченно развиваться: руководитель может руководить только в ограниченном масштабе. Когда же выступает пластическая связь, коллектив может расти бесконечно. Мы знаем, например, что обмен развивается в мировом масштабе. То же самое и относительно четвертого принципа. Это — одна сторона дела. Другая сторона вот в чем. Мы проследили процесс

развития; но надо помнить, что процесс организации и процесс дезорганизации идут рядом, и что в жизни происходит не только развитие, но и разрушение. Может случиться, что в результате дезорганизации жизнь понижается, и тогда мы можем ожидать возвращения к более низкому принципу организации. В истории это не раз и наблюдалось.

Так феодальный строй есть комбинация второго и третьего принципов со значительным еще преобладанием второго, особенно в экономике. Таково феодально-родовое общество гомеровской Греции, Италии, эпохи основания Рима. Усиление меновых связей — третьего принципа экономики — привело к переходу в рабовладельческую систему. Но «пластичная и сознательная» связь между хозяйствами не пошла внутрь отдельных хозяйств; и там связь эта осталась консервативной, в значительной степени даже стихийной. Это положение оказалось противоречивым, развитие пошло в сторону чрезмерной эксплоатации, с одной стороны, паразитизма — с другой: «сознательно пластичное» отношение господ к рабам при отсутствии такого отношения со стороны рабов к ним свелось к тому, что господа всецело односторонне приспособляли свои живые «орудия» к своим интересам. Получилось крушение античного мира, которое вернуло Европу к феодализму, т.-е. преобладанию опять второго принципа.

Более того, третий тип в экономике сам по себе, как мы видели, связан с борьбою, с противоречиями, следовательно, с растратою общественных сил. Вопрос в том, как далеко идет эта растрата фактически. Если она становится очень значительна, то может породить деградацию производительных сил; а тогда можно ожидать понижения и экономического принципа. Так это было с капитализмом: его господствующая до сих пор форма, финансовый капитал, технически уже не вполне прогрессивен. Тут организационный принцип экономики оказывает вредное влияние, способен понижать принцип техники, от которого отстает. Все это должно учитываться.

Только господство четвертого принципа может сколько-нибудь гарантировать обществу непрерывность развития. Третий принцип уже приводил к обратному движению, как это было в античном мире, и отчасти теперь, в эпоху

финансового капитализма. Четвертый же принцип к этому не приведет, он может гарантировать развитие общества и вытеснить собой все прочие принципы. Пока в обществе имеются принципиальные условия дезорганизации, всегда возможно возвращение к более низкой ступени развития, к более низкому принципу техники.

А. Богданов.

Идеалистическая легенда о Канте [1]).

СОДЕРЖАНИЕ

Гл. I. Общие черты идеалистической легенды о Канте.

1. Вырождение современной философии в филологию. 2. Кантология как ее образчик. 3. Значение легенды о Канте для современной „философии“. 4. Вторжение легенды о Канте в немецкую науку. 5. Отголоски той же легенды в русской науке: 6. Постановка вопроса.

Гл. II. Основные черты духовного облика Канта как ученого.

1. Историческая обстановка деятельности Канта. 2. Отсталость его приемов научной работы. 3. Незрелость избранных Кантом областей положительных наук. 4. Сомнительная наукообразность работ Канта по их *содержанию*. 5. Несамостоятельность Канта в области „общих идей“. 6. Общий вывод.

Гл. III. Общая задача и направление так наз. „философии“ Канта. 1. Специализация в науке и ее опасности. Особенность научной „специализации“ Канта. 2. Оправдание ходячей общественно-политической идеологии в „трудах“ Канта. 3. Оправдание ходячей религиозной идеологии. Богословское задание философии Канта взятой в целом. 4. Религиозные задания в „до-критических“ работах Канта. 5. Такие же задания в его „критическую“ пору. 6. Обобщение.

Гл. IV. Особенности „метода“ философии Канта.

1. Легенда о „двух Кантах“ у немецких профессоров философии. „Разносторонность“ или эклектизм? 2. Исходная точка пресловутой „гносеологии“ Канта. 3. Ее полная несовместимость с положительным знанием уже ко времени ее появления. Кант, Дидро и современные математики. 4. Истинное лицо Кантова метода: эклектизм падающей метафизики XVII века. 5. Проверка на последующих исторических судьбах его „философии“: разложение насильственно соединенных частей. 6. Общее заключение.

I.

1. «Философия стала филологией»[1]. Такой отзыв давал стоик Сенека о современной ему метафизике. Как известно, такого же рода отзывы уже неоднократно получала и так называемая современная философия: припомним, например, невежливое и меткое слово Энгельса о «жвач-

[1]) На настоящую статью Боричевского будет дан ответ т. Деборин ым в ближайшей книге „Вестника Соц. Акад“.

ных» и «блохоловах», — применительно к профессорам философии[2]. Как и две тысячи лет тому назад, мнимая сверх-научная наука достойно заканчивает свое бытие: вырождаясь, в лучшем случае, в бездарнейший вид филологии, она наглядно обнаруживает, что по самой своей природе она является мнимым знанием, идеологическим призраком, который навязан человеческому уму преходящими условиями его исторического развития.

2. Высмеивая пресловутые «возвраты» к прежним философам, которые иногда бывают даже среди марксистов, Антоньо Лабриола отмечает, что все эти попятные движения имеют один общий итог: они кончаются тем, что на место философии ставится филология[3]. Лабриола подчеркивает, что в особенности это следует отнести к так наз. *неокантианцам*[3]. Действительно, в истории так наз. новой философии нет более бездарной и вместе с тем более показательной картины, чем так наз. критика Канта. Даже если оставить в стороне содержание этой своеобразной литературы нетрудно подметить все признаки старого, самого неприкрытого духа схоластики. Кенигсбергский профессор метафизики провозглашается величайшим мировым гением; вся история человечества разделяется на две части: от Адама и Евы до Канта и от Канта до очередного доцента философии, предпринимающего очередное исправление Канта. Целый полк ученых кантоведов занимается изданиями и переизданиями Кантова наследия; благочестивые поклонники самоотверженно роются в самом удручающем историческом хламе и дарят миру целые энциклопедии, где собраны все клочки бумаги, на которых великий гений, рядом со своими мирообъемлющими мыслями, отмечал расходы на съестные припасы, парики и лотерейные билеты; особые диссертации посвящаются не только каждой мелочи Кантовой «философии», но и каждому отделу истории и жизни того мыслителя, у которого, по знаменитому изречению Гейне, не было ни истории ни жизни. Словом, в так наз. истории философии — этом трогательном собрании заплесневших и ежегодно слегка подновляемых идеалистических легенд — нет легенды более любовно и тщательно отделанной, чем идеалистическая легенда о Канте.

3. Отсюда и то своеобразное место, которое великая легенда занимает во всех подобного рода сборниках. Один

из русских кантоведов — впрочем, ученый весьма почтенный во многих других отношениях — бросил однажды мимоходом следующую мысль: философия XIX века является в сущности *критикою критики чистого разума* Канта[4]. Конечно, истина этой мимоходной молнии-мысли не может быть признана без оговорки: идеалистическая самогонка, известная под именем «философии XIX века», уже в силу своей полной внешней и внутренней анархии не может быть сведена к одному единственному творению кенигсбергской схоластики. Однако подобного рода утверждения все же скрывают в себе если не всю истину, то, во всяком случае, ее весьма значительную долю. «Философия» Канта вообще и ее сверхтворение «Критика чистого разума» в особенности — представляют собой одно из самых показательных явлений так наз. новой философии, одно из самых ярких раскрытий ее внутренней природы, ее подлинной души — как любят выражаться некоторые философы. «Все мы кантианцы» — так гласит сейчас первый стишок уличной песенки ученых (т.-е. метафизиков); «все они прыгают за Иммануилом Кантом, как ягненок за своей маменькой»[5]. Это свидетельство тем более заслуживает внимания, что оно принадлежит одному из самых ярых врагов Канта в лагере немецких метафизиков.

4. И так не подлежит никакому сомнению, что в мире призраков, известном под громким именем философии, Иммануилу Канту принадлежит одно из самых почетных мест. Между тем, в силу многих исторических условий, о которых здесь излишне распространяться, современное состояние подлинной философии — философии науки — иногда дает поводы для вторжения этих немощных призраков *донаучного* мышления в далекую от них область положительной науки. Не удивительно, что многие представители последней, как нельзя более далекие от всяких философских измышлений, оказываются при случае бессознательными жертвами ходячей идеалистической легенды. Достаточно напомнить, что один из крупнейших «объединителей» современного естествознания, Герман Гельмгольц, относился с великим почтением к имени Канта; мыслитель, который так много сделал для окончательного развенчания старого кумира, любил кокетничать с ним и его служителями[6]. И лишь такому исключительному по смелости

мысли научному гению, как Людвиг Больцман, удалось окончательно очистить немецкую науку от философских призраков[7]...

5. Однако Маркс не напрасно любил говорить, что «традиции кошмаром тяготеют над головами людей». Призрак Канта и до сих пор еще временами появляется у величественного престола современной науки, и всегда находятся отдельные ученые, которые готовы воздать ему подобающие почести — если не как нынешнему, то, во всяком случае, как бывшему властителю «философии». Так, еще недавно один из выдающихся наших ученых, минералог В. И. Вернадский, переиздал свою статью о «Канте и естествознании», которая заканчивается торжественной риторикой в старом вкусе. С ее образчиками мы еще познакомимся в дальнейшем; а пока достаточно отметить, что, по Вернадскому, Кант был открывателем новых путей, которых новая наука XVIII века требовала от успевших устареть философских систем XVII века; в настоящее время наука опять открывает новые кругозоры, которые потребуют нового вмешательства философской словесности[8]. Еще более резко выражена та же мысль в недавно появившейся работе выдающегося русского математика, проф. Васильева: провозглашая «философию» Канта замечательным философическим синтезом научных исканий XVIII века, почтенный ученый ожидает для бурной научной действительности нашего времени «нового Канта», столь же достойного примирителя и соглашателя[9]. Наконец, третий заслуженный представитель русской науки, биолог С. П. Костычев, идет еще дальше: он провозглашает учение Канта первой философской революцией против всякого догматизма и с трогательным простодушием повторяет все те же ходячие суждения о «Критицизме» Канта, которые проповедуются в большинстве немецких «введений в философию[10]». Конечно, кантианских увлечений наших ученых не следует преувеличивать; по крайней мере, двое последних блестяще показывают, что о своем великом гении они судят больше по наслышке, и вряд ли могли бы выдержать самый снисходительный экзамен по кантианской «гносеологии», которому до сих пор еще подвергаются студенты первого курса в некоторых европейских университетах[11]. Так или иначе, но

идеалистическая легенда о Канте до сих пор продолжает заявлять притязания не только на свое достойное поприще — на так наз. философию: она отваживается иногда на вторжения и в область *науки*. Поэтому небесполезно дать ей надлежащую оценку.

6. На первый взгляд, задача подобного рода отличается чрезвычайной сложностью. Даже если исключить из Кантова наследия упомянутые выше отчеты о доходах и расходах и т. п. — все же остается целая библиотека философской словесности, способная убить не одного Костычева разносторонностью и богатством своего содержания: мы еще убедимся ниже, что «великий философ» был одинаково великим знатоком и глубочайших законов чистого разума и самых потусторонних свойств некоторых рыбьих пород великой России. Тем не менее наша задача вполне осуществима. Дело в том, что идеалистическая легенда о Канте не нуждается в опровержении: она давно уже опровергнута; и, как мы убедимся ниже, далеко не последнюю роль в этом полезном деле сыграли некоторые представители нашей русской науки. Поэтому автор этих строк имеет полную возможность не посвящать читателя в подробности собственного исследования о знаменитой легенде: для нашей цели совершенно достаточно подвести его общие итоги и показать, что они вполне оправдываются коллективным научным опытом.

II.

1. «Иммануил Кант, основатель «критицизма», один из всецело-великих в мире философии (einer der ganz Grossen der Philosophie!!), быть может, даже величайший из всех философов, чья мыслительная энергия продолжает действовать с величайшей мощностью и всегда будет действовать, мыслитель времятворящего значения (e ochaler Bedeutung), Коперник философии, который нашел новую базу для мировоззрения и этим вызвал умственную революцию, родился 22 апреля 1724 года в Кенигсберге, в Восточной Пруссии, и *провел всю свою жизнь в черте этого города*. Он был сыном седельника... и у него была весьма благочестивая мать, которая дала ему *строго религиозное* воспитание, в духе строго-этически окрашенного благочестия»[1].

В таком духе начинают обыкновенно свои повествования о великом философе профессора философии. Оставим в стороне ограниченное самодовольство этих забавных отзывов, начинающих со «всецело-великого» и кончающих «чертою города», захолустного провинциального города полицейски-мещанской Пруссии, с ее строго-этически окрашенным благочестием. При всей своей широковещательной вздорности, они не могут скрыть одного основного, и как увидим далее, решающего обстоятельства: мнимый «великий философ» был немецким ученым конца XVIII века, который всю свою жизнь провел в захудалом немецком университете, вдали от подлинных центров научной жизни того времени, в неподвижной, мещански-ограниченной обстановке. Мы и рассмотрим сначала Канта как *ученого*, в органической связи с окружавшей его своеобразной умственной средой.

2. Начнем с краткой оценки *приемов* научной работы Канта. Здесь достаточно сослаться на свидетельство акад. Вернадского. Утверждая, что по содержанию и научности уклада мысли Кант является будто бы передовым ученым всоего времени, Вернадский не может, однако, не признать, что по привычкам и по характеру своей работы «великий философ» жил в прошлом. В противовес Дидро, д'Аламберу, Бюффону и другим деятелям науки XVIII века, Кант жил еще в старой литературе XVII века, и всегда отставал на несколько — даже на много лет от современной ему науки, в полном согласии с тем захолустным научным центром, к которому он приковал свою жизнь. «Такое отставание от быстрого роста естествознания сохранилось у него до конца жизни» [2]. Вернадский напоминает и разительный пример: в предисловии ко второму изданию пресловутой «Критики чистого разума» Кант приводит как блестящий образчик торжества разума — флогистонную теорию Сталя, которая как раз в это время была окончательно похоронена гением Лавуазье; более того — Кант ставит ее рядом с открытиями Галилея и Торричелли! В понимании роли и значения химии Кант не пошел дальше XVII века; в его работах нет и следа тех достижений химии, которые стали ходячей монетой французских теоретиков науки того времени; более того — Кант отрицает за химией

право считаться наукой, думая, что она навсегда останется тем «систематизированным искусством», которым она была в пору своего младенчества [3]! Не лишнее также прибавить, что подобные взгляды Кант высказывал тридцать пять лет спустя после того, как гениальный Дидро (в пояснении к наглядной таблице человеческих знаний, в «Энциклопедии») объявил химию «подражательницей и соперницей природы — чья область столь же обширна, как и сама природа» [4].

3. Итак, относительно *приемов* научного творчества Канта не может быть двух мнений. Обращаемся теперь к его *содержанию*, которое так высоко ценит академик Вернадский. Подчеркнем, прежде всего, обстоятельство, отмеченное и русским исследователем: Кант был натуралистом-*наблюдателем*. Средоточием его научного внимания были *физическая география* и *геология*; а в ту пору, когда началась работа Канта, эти науки значительно отставали от других областей естествознания — даже чисто-описательного. Самые *предметы* наблюдения — вроде обычных ныне понятий климатологии или геологических схем — не были еще установлены; для их вывода необходимо было охватить многочисленные данные из различных описаний путешественников, народных наблюдений и т. д.; на этой первой подготовительной ступени науки работа исследователя по необходимости должна была носить *книжный* характер. И как только эта собирательская работа была проделана, началась подлинная организация живого научного наблюдения — и все тяжелые книжные построения первых работников потеряли всякое значение и были забыты. К их числу принадлежал в данных областях и наш философ [5]. Поэтому мы заранее можем усомниться, чтобы содержание его работ было столь «научно», как это кажется академику Вернадскому.

4. Было бы, конечно, очень соблазнительно разобрать подробно некоторые своеобразные «данные», которые в таком обилии приводит Кант в своих бесчисленных статьях, записках и лекциях по физической географии, антропологии, астрономии и даже чуть ли не по медицинским наукам [6]. Но для нашей цели достаточно и того небольшого букета, который собран другим русским исследователем Е. Спекторским. Так, из лекций Канта по

физической географии мы узнаем, что негры родятся белыми. В сочинении о землетрясениях, которое так восхищает Вернадского, Кант видит одну из причин этого явления в смешении «минеральных веществ с жидкостями». Рассуждая о человеческих расах, «великий философ» дает их деление в зависимости от таких признаков, как «влажный и сухой холод и жар». Приведем, наконец, полностью следующие строки из лекций по физической географии, напрасно оставленные Спекторским без перевода: «Рыба белуга, часто встречающаяся в Волге, при каждогодном разливе реки проглатывает камни вместо балласта, чтобы удержаться на дне... Между стерлядью и осетром различие невелико — разве лишь, что первая нежнее на вкус...» [7]. Нет нужды долго останавливаться на «содержании» этих известий: это значило бы посягать на законное достояние великого рыбоведа земли русской, проф. Берга; но не подлежит сомнению, что и практические знатоки русской гастрономии — например, председатель Пепо, т. Бадаев,— не согласятся с Кантовым умалением разницы между осетром и стерлядью (желательно, чтобы эта проблема послужила предметом одной из очередных философских диссертаций нашего университета, где до сих пор цветет Кантова «гносеология»; заголовок мог бы гласить: «Гносеологические презумпции метафизической дивергенции теорий Канта и Бадаева об имманентной субстанции волжских рыб»)...

5. Так обстоит дело с многочисленными «данными», которые приводит Кант в своих трудах по описательному естествознанию. Однако нет ли основания думать, что слабое критическое чутье к «данному» не помешало Канту внести свой вклад в науку в несколько другой области— в мире теории, общих идей? Неужели не прав академик Вернадский, усматривающий в тех же трудах Канта предвосхищение целого ряда существенных идей позднейшей науки? Однако внимательная проверка обнаруживает, что «оригинальные» мысли, которые Вернадский приписывает нашему философу, задолго до него были уже высказаны другими. Так, оценка вулканических явлений как явлений космических была, вопреки Вернадскому, сделана Бюффоном за сорок лет до Канта: при изложении своего знаменитого космогонического учения великий французский «естественник» ссылается на земные вулканы [8]. Точно также Бюффону принадлежит сравнение горообразования на земле и луне; и здесь Вернадский напрасно видит «заслугу» Канта [9]. Наконец, то же относится и к знаменитой «кантовой космогонии». Вопреки ходячему мнению, которое разделяется и Вернадским, можно и должно доказывать, что подлинным предтечей Лапласа был не Кант, а все тот же Бюффон. Во-первых, совершенно ложно мнение, будто до Канта ни одна из космогонических гипотез не была логически связана с общей основой естествознания — Ньютоновой теорией тяготения: напротив, Бюффон гораздо резче, чем Кант, выдвигает всеобщее значение закона тяготения и отводит его действию еще более видное место при последовательном образовании планет, одинаково подчеркивая не только тяготение отделившихся планет к солнцу, но и внутреннее тяготение частиц в недрах самих планет [10]. Во-вторых, Бюффон и здесь упредил Канта на целое десятилетие [11], и последний, по собственному заявлению, использовал данные своего предтечи [12]. Наконец, в-третьих, нам еще придется убедиться ниже, что, в противовес Бюффону, в своем исследовании Кант ставил отнюдь не научные, а чисто богословские цели [13].

6. Подведем итоги. Мы видели, насколько отсталыми — даже для его времени — были научные приемы Канта. Мы узнали также, что его кругозор был ограничен узкой областью чисто-*наблюдательного* естествознания,— да и эта область была ему доступна только в первую, *донаучную*, зародышевую пору своего развития. Далее, мы отметили чрезвычайно сомнительную наукообразность самого *содержания* тех данных, которыми орудует «великий философ». Наконец, весьма сомнительной оказалась и оригинальность тех научных теорий, которые ходячее мнение связывает с именем Канта. В общем итоге мы приходим к выводу, который, как будет показано ниже, является решающим для научной оценки легенды о Канте.

Как ученый Кант даже для своего времени был *ограниченным естествоиспытателем-эмпириком*, чьи научные навыки не выходили за пределы первой, предварительной ступени научной работы — *книжного собирания* чужих данных и *книжной «переработки»* чужих обобщений.

III.

1. Обратим теперь внимание на одно обстоятельство, всегда игравшее большую роль в истории науки. Как справедливо указывает Больцман, узкая и ограниченная специализация — разделение труда в науке — весьма полезна для ее быстрого развития; но она таит в себе и большие опасности. «При этом *теряется кругозор целого*, необходимый для всякой мыслительной деятельности, направленной на *открытие существенно-новых мыслей*, или даже на *существенно-новое сочетание старых*» [1]. Другими словами, узкая научная специализация, как таковая, исключает всякую плодотворную деятельность в области более широких научных исканий — будь то открытие новых предметов или даже новое сопоставление уже известных: для обеих целей требуется *кругозор целого*, который неизбежно теряется при чрезмерном тяготении к частностям. Мысль Больцмана можно дополнить еще другой весьма существенной подробностью. Отнимая «кругозор целого» и способность к подлинно научным обобщениям, узкая специализация таит в себе и другую опасность: поскольку мысль ученого выходит за пределы избранного им маленького участка науки — она становится совершенно беспомощной перед всевозможными вторжениями *донаучного* мышления. А мы уже видели, что, в силу различных условий, научная мысль Канта носила на себе отпечаток такой узкой «специализации», которая не обязательна даже для избранных им частных областей (описательного естествознания) и была возможна только в пору их научного детства. Поэтому, обращаясь к дальнейшему выяснению «научного» облика нашего философа, мы заранее в праве ожидать, что мы найдем здесь самые яркие оттенки *донаучного* мышления.

2. Чтобы исключить всякую преднамеренность, обратимся сначала к панегиристам Канта — вроде уныло-кропотливого и разносторонне-ограниченного Форлендера. Этот профессор философии сделал своей жизненной задачей натаскивание Канта на современность, на каждом шагу попадая в самое комическое положение своей добросовестностью. Мы узнаем, например, что, проповедуя идею свободы, Кант в то же время был большим почитателем «существующего строя». В своем «Учении о праве» он провозгласил, что подданный не имеет права «умничать» о происхождении законодательной власти; его обязанность просто *повиноваться*. И для ручательства за общественный порядок Кант советует мудрому «государю» держать «хорошо вышколенное и многочисленное войско»; не говоря уже о революциях, всякое противодействие высшей власти, всякое поджигательство (Aufwiegelung) объявляется высшим преступлением. И само собою разумеется, события вроде казни короля Карла I или Людовика XVI являются для Канта верхом безнравственности: они должны наполнять ужасом всякую душу, «исполненную идеи человеческого права», ибо они совершенно переворачивают самую основу отношений между государем и народом, ставя народ выше государя... [2].

Остается только добавить несколько данных, которые панегиристы Канта не решаются включить в свои ученые гимны. По мнению Канта, женщинам не подобает изучать геометрию и вообще заниматься наукой; это противоречит женской природе. А в «Метафизических основоначалах права» Кант делает следующее открытие: «явившийся на свет *внебрачный ребенок*... как бы прокрадывается в общество (как запрещенный товар); поэтому общество может не заботиться об его существовании (ибо он свободно мог бы и не существовать подобным путем), а равно и об его уничтожении [3]». Таким образом, «великий философ» не довольствуется гнусными предрассудками о «незаконных детях», столь распространенными в лицемерном буржуазном обществе; творец мнимой «высшей морали», которую на все лады воспевают профессора философии, готов отказать невинным жертвам буржуазного строя даже в тех правах, которые им предоставляло любое полицейское государство! Но нет нужды входить в подробности: и приведенного достаточно для оценки общественно-политического облика Канта. Совершенно недопустимо утверждать, вслед за некоторыми панегиристами, что приведенные высказывания — случайная дань, которую всякий «гений» неизбежно платит времени и т. п. Упражнения Канта отнюдь не представляют такого постороннего, чужеродного тела, каким являются, например, вторжения

ходячей идеологии в творчество Ньютона. Напротив, Кант как будто заботится о том, чтобы у читателя не возникло никаких сомнений: не только теория полицейского государства, но и теории вроде «внебрачных детей» получают у Канта идеологическое *обоснование*, включаются в «систему», освящаются авторитетом «чистого разума»... Словом, перед нами весьма последовательный и совершенно откровенный идеолог «образованного» мещанства захолустных «университетских» городов благословенной феодально-полицейской Пруссии. И дело нисколько не меняется от того, что, разделяя и выпячивая ходячие *реакционные* предрассудки этого почтенного общественного слоя, тот же мыслитель был прекрасным выразителем его столь же вненаучных *либеральных* предрассудков.

3. Мы убедились, насколько восприимчив наш глашатай «вечной» философии к преходящим общественно-политическим предрассудкам; и мы заранее можем сказать, что в еще большей степени это относится к еще более живучему и трудно искоренимому виду идеологии — к *религиозным* догмам. Действительно, прочитаем следующее заявление нашего философа: «Средоточием всегда остается нравственность (Moralität): она есть то святое и нерушимое, что мы должны ограждать, и таково основание и цель всех наших умозрений и исследований. Бог и иной мир — единственная цель всех наших философских исследований, и если бы понятия бога и иного мира не были связаны с нравственностью, они были бы никчемны[4]».

Таким образом, по открытому заявлению Канта, вся его философия ставит себе *религиозно-нравственное* задание; бог и иной мир остаются целью *всех* философских исследований. Правда, профессора философии любят разграничивать в жизни Канта два периода — «докритический» и «критический»; но дело от этого не меняется: только что указанная *богословская* цель Кантовского творчества остается прежнею; меняются только *пути* ее достижения. И вовсе не случайным привеском являются знаменитые строки предисловия ко второму изданию пресловутой «Критики», где Кант открыто заявляет, что религия есть необходимейшая опора нравственности; философия должна двигаться под знаменем бога, свободы и бессмертия. «Я должен был преодолеть (aufheben) *знание*, чтобы предоставить

место *вере*[5]». Сохранение веры во имя нравственности — этот ходячий довод образованного и необразованного мещанства всех времен и народов — был тем глубочайшим двигателем, который определял собою — в последнем счете — все духовное творчество «великого» философа. Нет нужды распространяться о том, в каком трогательном согласии находится это религиозное благочестие с известными уже нам общественно-политическими настроениями.

4. К своеобразной «социологии» Канта мы больше возвращаться не будем; но его «философия *религии*» заслуживает особого внимания: Кант не напрасно видел в ней средоточие *всех* своих исканий. Действительно, возвратимся еще раз к научной деятельности Канта, которая подарила миру знаменитую «теорию неба». Уже давно было указано, что, по существу, Кант не был и не хотел быть естествоиспытателем; научные работы были для него всего лишь «отдохновительным междуделом», или ставили себе совершенно определенную цель, далекую от всякой науки. Так и в своей теории неба Кант вовсе не стремился создать новую космогонию; его задача была гораздо возвышеннее — доказать, что божество является основой бытия, и по своей воле упорядочивает хаотический мир материи; вот почему, вопреки ходячему мнению, Кант вовсе не был основателем современной космогонии... Все эти положения подробно обоснованы не какими-нибудь врагами Канта, а его рьяными поклонниками, в главном органе немецких кантоведов [6]. Скучнейшая кантожвачка — и все же она была бы весьма полезна нашим Костычевым, чтобы умерить их кантианский пыл. Не лишнее также добавить, что ложное впечатление от пресловутой работы Канта в значительной мере поддерживается следующим обстоятельством: издатель этой работы в известной серии Оствальда *опустил* ее предисловие, очень показательное [7]. Здесь Кант решительно подчеркивает религиозное задание своей работы и резко отмежевывается от величайшего естествоиспытателя древности, Эпикура [8]. Основоположник древней науки отказывался видеть в строгих закономерностях природы дело божественного провидения; между тем будущий «критический» философ доказывает, что порядок природы свидетельствует

о бытии «высшего разума», и все инакомыслящие естествоиспытатели «должны просить торжественного прощения перед судилищем религии»!

5. Однако теория неба представляет собою раннее, «докритическое» сочинение Канта; не придется ли нам изменить наше суждение, когда мы обратимся ко второй, «критической» поре его жизни (после так наз. переворота 1769 г.)? Никоим образом. Достаточно припомнить, что к этому времени, столь прославляемому профессорами философии, относятся такие философские творения, как знаменитая «Критика практического разума» и «Религия в границах чистого разума». Особенно любопытно последнее творение, написанное в самом расцвете «критической» полосы. Здесь Кант доказывает, что его «чистый разум» оправдывает основные истины исторического христианства. Главным предметом религии разума оказывается искупление человека от «корневого зла» (das radikal Boese), присущего, по богословским учениям, человеческой природе. А для этого искупления необходим идеал нравственного совершенства, иначе говоря, сын божий, безгрешный богочеловек, искупающий чужие грехи; идея такого существа, одновременно и божественного и телесного, «лежит уже в нашем разуме». Но и этого мало. Перед судом «чистого разума» оправдываются даже такие, выражаясь языком Гейне, блудодеяния религиозной мысли, как учение о троичности божества. Для своего «критического» подвига Кант пользуется ходячей монетой тогдашней политической идеологии—учением о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. В своей забавной «философии права» Кант объявляет эту догму своего рода вечным требованием всякого *земного* государства и даже ставит ее в связь с трояким составом силлогизма; а в своей критической «философии религии» он применяет то же учение к государству *небесному*. Чтобы сохранить троичность божества, Кант учит столько же о разделении, сколько и о единении божественных ипостасей [9]. Критический разум в своем священном порыве дает блистательное освящение ходячей мещанской идеологии, созидающей себе господа бога по образу и подобию слегка прилизанного прусского короля.

6. Мы возвращаемся к исходному положению настоящей главы. Мы подчеркнули исключительно узкий научный кругозор Канта, связанный с особыми историческими условиями его научной работы; и мы высказали предположение, что мыслитель подобного рода, столь слабо вооруженный научными приемами, окажется совершенно беспомощным перед всевозможными вторжениями донаучного мышления. Действительность превзошла наши ожидания. Не даром даже так наз. философы начинают в последнее время приходить к выводу, что «у Канта мы имеем *в сгущенном и осязательном виде господствующее мышление толпы, т.-е. суеверие* [10]»; «Кант-последний отец церкви [11]». Возьмем ли мы докритическое творчество кенигсбергского профессора, или же прославленные творения его «критического» времени—дело нисколько не меняется: это лишь различные способы исканий одного и того же духовного блага.

Рассматриваемая в *целом*, под углом своего наиобщего задания и направления, так наз. философия Канта представляет собою не более как одну из многочисленных попыток дать защиту и оправдание ходячих фетишей *религиозно-политической идеологии* — да и эта попытка окрашена в такие старозаветные цвета, что она должна быть признана устаревшей даже в пределах *донаучного* мышления.

IV.

1. Теперь нам осталось разрешить только одно недоумение. Обратимся к многочисленным профессорам философии, поющим, вопиющим, взывающим и глаголющим осанну своему критическому Саваофу; мы услышим от этих бескорыстных жрецов возгласы возмущения при всякой ссылке на связь отца критицизма с отцами церкви. Нам тотчас же будет разъяснено, что надо строго различать двух Кантов — вечного и исторического. *Исторический* Кант действительно был подозрителен по части богословия и во многих других отношениях; отсюда и значительные пробелы в *заданиях* и *содержании* его философии. Но это всего лишь внешняя, исторически преходящая оболочка, под которою скрывается Кант *вечный*, давно уже обнаруженный философским скальпелем профессоров философии: колоссальной заслугой этого настоящего Канта является не его философия, а его философствование, не *содержание* его творчества, а его изумительный критический *метод*, который навеки

останется достоянием духа, вкладом в сокровищницу, мавзолеем мысли и прочее [1]. Это велелепное витийство часто производит большое впечатление на представителей положительной науки: достаточно отметить, что легенду о двух Кантах разделяют такие крупные деятели немецкой науки, как Гельмгольц [2] и Геккель [3]; из этого же кладезя черпают, повидимому, и наши российские горе-критицисты [4]... Уже предыдущие соображения позволяют предположить, где искать корней этого своеобразного заблуждения. Богослов и метафизик до мозга костей, Кант был в то же время—хотя и очень косвенно—причастен положительной науке; поэтому заранее ясно, что его метафизическая система не может быть столь откровенно вненаучной, как, например, «мечтательный идеализм» Беркли [5]: она постарается придать себе — хотя бы в одной своей части — признак наукообразности. Другими словами, метафизика Канта лишена цельности и чеканности обычных «сверхнаучных» построений: она *эклектична* по самому своему существу. Как правильно подметил еще романтик Шлегель, именно эклектизм придает системе Канта «видимость многосторонности и величия, и это произвело немало опустошений в маленьких умах», а иногда оказывало влияние и на умы большие [6]. Проверим это предположение.

2. «Место, где водворяется критическая философия, есть правильное усмотрение научной природы *математики*». Так говорят нам поклонники Канта, гордо подчеркивая, что здание пресловутой критической философии покоится на раскрытии логической природы самой точной науки — чистой *математики*. Напомним сначала общий ход мысли «великого философа». Кант строго различает два вида суждений: в одних логическое сказуемое уже содержится, явно или скрыто, в подлежащем; в других, оно выходит за его пределы; суждения первого рода именуются *аналитическими*; второго рода — *синтетическими*. Так, суждение «все тела протяженны» аналитично, ибо понятие протяженности уже включено в понятие тела; напротив, суждение «все тела весомы» — синтетическое, ибо весомость не обязательно связана с понятием тела; мыслимы и невесомые тела. *Аналитические* суждения, как таковые, не расширяют знания; они могут только раскрывать или пояснять знание уже существующее. Знание расширяется только

с помощью *синтетических* суждений, ибо в них сказуемое присоединяет к подлежащему нечто новое. Отсюда и коренное различие обоих видов суждений по способу их логического обоснования. *Аналитические* суждения в сущности ни в каком обосновании не нуждаются: в них сказуемое уже содержится в подлежащем, и, значит, они самоочевидны. Напротив, в синтетических суждениях сказуемое выходит за пределы подлежащего; поэтому всегда должно быть указано особое *основание*, которое дает нам право на такой выход. Таким основанием может быть чувственный *опыт*; однако последний, сам по себе, не способен сообщить нашим суждениям *общеобязательность*: я могу произвести сколько угодно отдельных наблюдений над весомыми телами,— все эти отдельные опыты, сами по себе, не смогут ручаться за истину общего положения, что *все* вообще тела также весомы. Отсюда Кант делает вывод, что все синтетические суждения, притязающие на *всеобщее* значение, обладают особой природой. Их истина не является *ни выводом из понятий* (как у аналитических суждений), *ни выводом из опыта*; и тем не менее они должны быть признаны как *знание* и притом *наивысшее*, если мы вообще допускаем всеобщность и необходимость знания. Такого рода своеобразным суждениям Кант дает название *априорных* (т.-е. логически предопытных) синтетических суждений; к числу последних, по мнению Канта, принадлежит большинство *математических* истин и все наиболее общие положения *естествознания*. Однако последние имеют значимость лишь в пределах если не действительного, то *возможного опыта*. Поэтому метафизика как *знание* невозможна; но именно поэтому остается открытым вопрос об ее возможности как *веры*...

3. Не будем подробно разбирать только что изложенные положения: давно уже и неоднократно указывалась их внутренняя несостоятельность, а также их полная несовместимость с простейшими требованиями положительного знания. Достаточно отметить, что в основу своей теории об аналитических и синтетических суждениях Кант положил только один вид отношения между сказуемым и подлежащим: отношение *включения* между двумя понятиями. Только этот вид знаком старой *аристотелево-схоластической* логике. Однако в настоящее время даже так называемые фи-

лософы вынуждены признать, что существует множество других видов *отношений* между логическим сказуемым и подлежащим суждения, видов, которые никоим образом не могут быть сведены к отношению *включения* [8]. Поэтому, если даже признать Кантово разграничение верным — принятое для него основание настолько узко, захватывает такую ничтожную область видов суждения, что оно лишается всякого общенаучного значения. Вот почему и вывод, сделанный Кантом из этого разграничения, оказался в прямом противоречии с живой положительной наукой. Пресловутые *априорные* синтетические суждения, которые Кант хотел видеть в основе точных наук, представляют собой чистейший вымысел. Считаю нелишним отметить, что уже в 1754 году, т.-е. за четверть века до выхода главного творения Кантовой схоластики, гениальный Дидро резко выдвинул *условную* природу математических истин, проведя блестящее сопоставление математического познания с точными, но условными заданиями игры [9]. В тех же блестящих «мыслях об истолковании природы» создатель «энциклопедии» резко подчеркнул *гипотетическую* природу естествознания [10]. И можно было бы показать, что Дидро не был исключением: подлинная природа научного мышления начинала уже в конце XVII века, во времена Ньютона, становиться достоянием *общенаучного* сознания... Научная истина оказалась одинаково далекой и от обывательской «относительности» *скептической* метафизики и от столь же до научного «безусловного» знания метафизики *догматической*.

Застывшие роковые «предопытные» истины, какими являются пресловутые «*априорные* синтетические суждения» Канта, были вненаучной ветошью уже ко времени своего появления. А последующая научная действительность наносила им удар за ударом: достаточно напомнить хотя бы неевклидовы геометрии, которые самым своим существованием дают живое опровержение всем кантианским притязаниям на неизменные априорные истины. Только исключительной косностью мысли можно объяснить то обстоятельство, что современные кантианцы до сих пор продолжают повторять старый вздор об «единственности» евклидовой геометрии, не смущаясь ядовитыми усмешками математиков... [11]

4. Итак, с точки зрения научной *методологии*, пресловутое учение Канта вряд ли заслуживает того, чтобы о нем стоило много распространяться. Поэтому обратимся непосредственно к *исторической* стороне вопроса. Поклонники Канта прожужжали уши об «оригинальности» его учения, о новизне его постановки основных вопросов гносеологии и т. д. Отметим, прежде всего, что сам «великий философ», обычно не отличавшийся особенной скромностью, на этот раз оказался щепетильнее своих воспевателей: под давлением критиков он вынужден был признать, что пресловутое различение двух видов суждения было уже установлено до него; себе наш скромный философ, сравнивавший себя с Коперником, приписывал только одну честь — изобретение «*априорных* синтетических суждений[12]». Их логическая ценность нам уже известна; не лучше обстоит дело и с их исторической «оригинальностью». Достаточно привести отзыв первого же русского философа, который отказался от боготворения Канта и попытался поставить его на подлинное историческое место. Тотчас же оказалось, что пресловутый «критицизм» Канта представляет собой не «творение Коперника», а всего лишь «*продолжение упадка*» *метафизики XVII века*. «Философия» Канта «лавирует» между противоречивыми домыслами предшествующей метафизики; особенно большое значение сыграли две таких метафизических противоположности: *догматическая* метафизика XVII века с ее неподвижным априорным разумом, и *скептическая* метафизика Юма с ее своеобразным тяготением к «опыту». Пресловутая многосторонность Канта и сводится к тому, что, «лавируя между Сциллою и Харибдою», он пытался выбраться из нее, ухватившись за призрак «опыта» [13]. К этой вполне справедливой оценке остается добавить лишь немногое. Во-первых, по справедливому замечанию другого русского ученого, сейчас незаслуженно забытого, призывы к «опыту» отнюдь нельзя ставить в заслугу Канту: этот призыв нисколько не мешает всей «критической философии» оставаться идеалистической метафизикой чистейшей воды, покоящейся на совершенно произвольных гипотезах, которые насильственно навязываются тому же опыту и являются «довольно жалкими попытками» по сравнению даже с ничтожными зачатками дей-

ствительной науки о природе человеческого познания [14]. Во-вторых, призрак опыта вызывается Кантом только для того, чтобы помочь его «философии» выполнить уже известную нам задачу «критической» полосы Кантова творчества: «преодолеть» знание и предоставить место *вере*. Оспаривая притязания «метафизики» на общеобязательное значение, Кант делает это лишь для того, чтобы одновременно с мнимой истиной старой метафизики урезать действительную истину *положительного* знания и водворить на очистившемся месте свою излюбленную веру. Мы получаем ту же картину, которую можно наблюдать и в наше время: «Борьба критической философии против провозглашаемой ею метафизики есть прежде всего борьба против положительной науки» [15]. Таким образом, слово «опыт», во всех падежах склоняющееся в «Критике чистого разума», может обманывать только философов: для историка науки оно служит лишь одним из многочисленных свидетельств, что пресловутый критицизм Канта был *эклектической* метафизикой, ознаменовавшей собою новую ступень *не в развитии научного мышления, а в разложении мышления донаучного.*

5. Только что выставленное утверждение может быть проверено и другим путем. Если пресловутая критическая философия была всего лишь эклектической поделкой разлагающейся метафизики — ее дальнейшая судьба определяется сама собой: насильственно соединенные части должны распасться, и дальнейшая судьба системы должна дать нам картину *разложения* в самом буквальном смысле слова — в смысле полного *расползания* плохо пригнанных друг к другу частей неудачного здания... И здесь нам не приходится вести исследовательскую работу на девственной почве: вся работа уже выполнена; картина разложения Кантовой мозаики установлена. Я имею в виду, в первую очередь, известную в кругах любителей, но, к сожалению, мало оцененную работу Каринского о «Последнем периоде германской философии». Задавшись целью дать «критический разбор» преемников Канта, Каринский подробно рассматривает все те многочисленные струи и струйки, на которые распалась «критическая философия».

В итоге оказывается, что каждая из них по-своему старалась преодолеть противоречия и односторонности мни-

мого «критицизма», и каждая бессознательно *делала пролом* в основном здании. «Если свести все вместе все частные повреждения построенного Кантом здания, то тотчас окажется, что это величавое здания неудобно для помещения уже просто потому, что оно *насквозь пробито* со всех сторон. Критическая философия смотрит прочным фундаментом, пригодным для постройки на нем цельного мировоззрения, лишь благодаря тому обстоятельству, что каждое развившееся из нее направление видит в ней единственно ту пробоину, которую само сделало в ней, и тщательно закрывает глаза, когда дело идет о том, что сделано другими [16]». Таков, действительно, единственно возможный вывод, к которому приходит беспристрастный наблюдатель той жалкой метафизической сутолоки, которая известна под именем «немецкой философии». Блестящие созвездия — вроде Фихте-Шеллинг-Гегель или Шопенгауэр-Гартман — на деле оказываются только расползшимися обрывками насильственной первоначальной смеси, достойными последышами философского ублюдка — «критической» схоластики Канта.

6. Итак, с легендой о величии Кантовского метода дело обстоит не лучше, чем со всеми остальными плодами безответственного воображения так наз. философов. Мы убеждаемся в полной основательности старого отзыва Шлегеля: оригинальность и разносторонность Канта оказывается, при ближайшей проверке, всего лишь беспочвенным *эклектизмом* [17]. Более того: самый размах этих соглашательских покушений чрезвычайно узок; они целиком остаются за пределами положительной науки, в области мышления *донаучного*. Торжественные призывы к математике и естествознанию, злоупотребление призраком опыта и т. д. — вся эта внешняя мишура, столь внушительная в глазах философов, не в силах открыть подлинной природы Кантова «метода». Напротив, рассматриваемая с методологической точки зрения так наз. философия Канта является всего лишь *преходящею ступенью в разложении донаучной философии* — тою ступенью, где временно сходятся противоречивые стремления метафизики XVIII века, для того, чтобы в дальнейшем снова обособиться и порознь выявить свое полное внутреннее ничтожество.

***

Можно было бы пойти еще дальше: можно — и, по моему разумению, должно — утверждать, что эклетическое построение, именуемое философией Канта, было исторически-*отсталым* метафизическим созданием не только для *научной* мысли XVIII века (а тем более для современной): даже для тогдашнего донаучного («философского») мышления она была попятным движением,—ибо осталась за пределами более сложных и глубоких течений в пределах *самой же метафизики* (такова, например, метафизическая система Спинозы). Однако обоснование этого положения потребовало бы предварительной разработки некоторых более спорных вопросов,— а по существу мало прибавило бы к установленным выше положениям. Гораздо существеннее был бы другой вопрос: каковы те своеобразные исторические причины, которые до сих пор поддерживают бытие жалких философских призраков, вроде легенды о Канте? Мы отчасти уже затронули этот вопрос, отмечая, вслед за Больцманом, отрицательные стороны узкой специализации в современной науке. Не подлежит сомнению, что природа вопроса этим не исчерпывается: но она потребовала бы особого исследования, которое далеко вывело бы нас за пределы первоначального предмета. Что касается последнего, то, само собою разумеется, приведенные положения могли бы быть развернуты в большую университетскую диссертацию в сорок печатных листов, и одни указатели — именной и предметный — получили бы в ней такие размеры, как вся предлагаемая работа. Однако последняя, как мне кажется, дает некоторые основания думать, что для подобного рода непроизводительной траты времени и бумаги, вряд ли имеются какие-либо логические основания.

Ив. Бричевский.

23/III — 23 г.
Детское Село.

Примечания.

I.

1. Philosophia philologia facta est.
2. Wiederkaner und Flohnacker.
3. Antonio. *Labriola.* Soc. et phil., p. p. 120 sq.
4. *И. Лапшин.* Законы мышления etc., p. 4.
5. Const. *Brunner.* Spinoza gegen Kant (1910), p. 3.
6. Ex. gr. *Helmholtz.* Vortr. II[3] 4244.
7. Ср. ниже, гл. прим.
8. *Вернадский.* Очерки. II. 76.
9. *Васильев.* Пространство и т. д. (Ист. основы принципа относительности).
10. *Костычев.* Натур.-фил. и точные науки (1922), p. p. 3 sq.; 41 etc.
11. Так, проф. Васильев упорно смешивает понятия трансцендентного и трансцендентального — ошибка поистине ужасающая для всякого „критициста". А проф. Костычев уверяет нас, что всякая онтология Кантом *безусловно* устраняется и т. п. (l. c. p. 4). Слыхал ли почтенный профессор о Кантовых *постулатах* практического разума — хотя бы в самом мягком, самом „гносеологическом" их истолковании?

II.

1. Worte Kants von Dr. R. *Eisler* Einl. in.
2. *Вернадский*, op. c. II. 64.
3. *Вернадский*, ib.
4. Metaph. Anfangsgr. d. Naturw. *Канта* (которые так восхищают Костычева, op. c. 4) вышли в 1786 г.; между тем изложенное мнение *Дидро* относится к 1751 году.
5. Cf. *Вернадский*, l. c. 65 sq.
6. Их скучнейший и добросовестный перечень у Ueberweg'a.
7. Cf. *Спекторский.* Проблема соц. физики в XVII в. I. 175 sq.
8. *Buffon.* Hist. nat. (1835) I, p. 33 (preuves de la théorie de la terre, art. 1: de la formation des planètes). Эта замечательная статья помечена 20. IX. 1745, тогда как работа Канта о вулканах на луне относится к 1785 г.
9. Ib., p. 39; art. 1, sub fin.
10. La force de l'attraction du Soleil при распределении планет, ib., p. 35; en même temps l'attraction mutuelle des parties etc. Ib.
11. Ср. прим. 8; теория *Бюффона* относится к 1745 г., тогда как Allg. Naturg. u. Th. d. Himmels *Канта* написана в 1755 г.
12. *Kant*, op. c., p. 90. (Ostwalds Klassiker. Nr. 12).
13. Ср. ниже, гл. IV.

III.

1. *Boltzmann.* Ueber d. Entw. d. Methoden d. theor. Phys., in.
2. Cf. *Vorlaender.* Kant u. Marx, p. p. 22 sq.
3. Тексты у *Спекторского*, l. c.
4. *Kant.* Vorles. über d. Metaph. (hrsg. v. M. Heinze 1894): Gott und die andere Welt ist das einzige Ziel aller unserer philosophischen Untersuchungen.
5. *Kant.* Hr. d. r. V. Vorr[2]. (p. 26 Kehrb.)
6. *Gerland* in Kantstudien. X (1905).
7. *Kant*, op. c. (выше, гл II, пр. 12).
8. Ср. выпады против Эпикура ib, p. 79 sq.— Справедливость, впрочем, требует отметить, что идеалистическая легенда об Эпикуре не была еще тогда прочно укоренена, и Кант придерживался более справедливых суждений о

великом естественнике, чем наши современные Целлеры и Виндельбанды. Ср. *И. Боричевский*. Истинное лицо др. Сада Эпикура. „Зап. Н. О. Маркс." № 4. *Его же*. У древнейших истоков идеалист. легенды об Эпикуре и Платоне; „Кн. и Рев". (1922) №№ 7—10.

9. Von dem Richterstuhle der Religion eine feierliche Abbitte thun müssen etc. *Kant*. op. c. 78.

10. Желающие подробностей найдут их у *Спекторского* II 357 sqq.

11. An Kant haben wir kondensiert und handgreiflich die Mauserung des herrschenden Volksdenkens, d. i. des Aberglaubens, Const. *Brunner*, op. c., p. 4.

12. Revue phil. XVII. 558.

IV.

1. Cf. *Cohen, Natorp, Vorlander* et tutti quanti.
2. *Helmholtz*. Tatsachen in d. Wahrnehmung, ex.
3. *Haeckel*. Weltraetsel passim.
4. На *Васильеве* заметно влияние марбуржцев, на *Костычеве Wundt'a*.
5. Schwärmerischer Idealismus — любимое выражение Канта о Беркли, ex. gr. Proleg., p. 72.
6. „Das (sc. d. Eklektismus) giebt ihm (sc. Kant) einen Anschein von Vielseitigkeit und Grösse, und das hat viele Verwüstungen in kleinen Geistern angerichtet..."
7. *Fischer*. Kuno, III. 284.
8. Cf. ex. gr. Conturat, Princ. des mathém., p. 238.
9. Une affaire de conventions, Diderot de l'interprét. § 3.
10. Ib. §§ 6 sqq.
11. *Natorp*. Log. Grundl. etc. 312; ср. замечания *Study*, D. realist. Weltans. passim. и *Voss'a*. D. Wesen d. Math². Note 130. Ср. также отзывы *Russell'a*, *Frege*, *Böcher* etc.
12. *Kants* Brief an Reinhold vom 12. Mai 1789.
13. Cf. *Спекторский*, op. c. I. 173 sqq.
14. Cf. *де-Роберти*. Прошедшее философии. I. 58 слл.; 261 слл.
15. Cf. *И. Боричевский*. Введ. в фил. науки, 65.
16. *М. Каринский*. Критич. обзор посл. периода герм. фил., p. 324.
17. Проф. *Костычев* торжественно уверяет своих читателей, что Кант создал знаменитые антиномии, „которые до сих пор никем не опровергнуты и, конечно, навсегда останутся" и т. д. (l. c.). Бедный трогательный „критицист"! Наши метафизики не напрасно указывали ему, что для суждения по общим вопросам недостаточно прочесть Паульсена и Вундта. Познакомившись с литературой предмета, он узнал бы, что оригинальные антиномии почти буквально заимствованы Кантом (без указания источника) у берклеянца *Кольера*, а последний почерпнул их у знаменитого скептика *Бейла* (ср. *Л. Робинсон*. Ист.-фил. этюды, 3—43). Что касается научной ценности антиномий, то „неопровергнуты" они потому, что они вообще не имеют отношения к науке и не заслуживают опровержения: cf. *Boltzmann*, Stat. Mechanik (Pop. Schr., p. p. 352 sqq.).

Комплексный метод в доистории.

1. Современность и доистория.

В наши дни наблюдается усиленный интерес к первобытности, древнейшей полосе в человеческом прошлом, кончающейся с появлением металла и письма. На наших глазах зародилась и крепнет новая наука, которую следует назвать или доисторией (ее предмет предшествует истории) или праисторией («Urgeschichte — назвал ее Генрих Шурц). Обломки первобытности важны для современности не как пестрая коллекция примитивных орудий, детских суеверий, обычаев то зверских, то курьезных, а как «источники», отображающие минувший процесс развития древнейшего человечества. В хаос этих источников необходимо внести космос. Для всякого ясно, что история немыслима без хронологии. Но немыслима без нее и доистория, если она хочет не только *описывать* разрозненные элементы первобытности, но и *объяснять* процесс ее развития. К сожалению, попытки объяснять факты, находящиеся вне времени и пространства, делались и продолжают делаться. Однако самые мощные методы, самые бесспорные теории повиснут в воздухе, если их приложат к фактам, не размещенным в последовательный ряд. Плодом их явятся лишь гипотезы остроумные, заманчивые, блестящие, но только возможные, редко вероятные. Поэтому не менее истории нуждается в хронологии и доистория. Правда, абсолютная хронология, точно измеряющая время, лишь крайне редко, почти случайно может быть установлена доисториком. На первый план в доистории выдвигается относительная хронология, устанавливающая лишь простую последовательность явлений. Найти ее да-

леко не просто. Придется погрузиться в огромную область археологии и этнологии, чтобы, комбинируя и координируя данные этих двух наук, развернуть в временной перспективе постепенно усложняющуюся эволюцию первобытности. Этот сложный прием я назвал комплексным методом.

2. Дар археологии.

С середины 19-го века в недрах «науки о древностях» или «вещественных памятниках», какою была археология, зародилась особая, скоро ставшая самостоятельной, научная дисциплина. Это — «первобытная» или «доисторическая археология», отцом которой считают Буше де Перта. Однако и в 20-м веке эта последняя не выработала вполне своей методологии. Работа Деонна (1912), специально о ней трактующая, оставляет много пробелов, новая книга Макалистера (1921) [1]) содержит попутно много ценных указаний, важна вводная глава печатающейся «Первобытной археологии» проф. В. А. Городцева. Но всего этого слишком мало, в этом малом немногое согласовано, еще меньше общепризнанно. В 1920 г. в Германии Фриц Вигерс [2]) пытался объявить древнейший отдел доисторической археологии «дилювиальную» (ледниковую) археологию, или науку об «ископаемом» человеке, частью геологии. Понятно, что археологу, изучающему культуру ледникового человечества, приходится на каждом шагу пользоваться данными естественных наук — геологии, палеонтологии, соматической антропологии, палеоботаники и проч. Однако с точки зрения археолога это все вспомогательные науки. Археологи своим объектом считают культуру (или уже индустрию), созданную людьми. Вещественные памятники, ими изучаемые, являются для них символом умерших человеческих жизнеотношений. По объекту археология близко родственна истории, но почти не один археолог не заключает отсюда о необходимости

[1]) *Macalister, R. A. S.* Prof. A text-book of European Archaeology. P. I. The Palaeolithic Period. Cambridge, University Press, 1921, p. 610, fig. 184 (цена 50 шиллингов!).

[2]) *Wiegers, Fritz.* Diluvialprähistorie als geologische Wissenschaft (Abhandlungen d. Preuss. geolog. Landanstalt. Berlin, 1920, Heft 84 (N. F), S. S. 210 mit 68 Tekstfig...).

сблизить методы истории и археологии. Совсем напротив! Археологи скорей склонны подчеркивать свою близость к точным естественным наукам. Вещественные памятники — орудия, украшения, утварь, остатки пищи, следы жилищ и очагов, кости человека — все это обломки самой первобытности. Разве их нельзя измерить, взвесить, сфотографировать, произвести опыт выделки? Письмена, главный резервуар сведений историка, вольно или невольно преломляют, даже искажают прошлое. Вещи же, с которыми имеет дело археолог, полны бесстрастности и беспристрастия. Археологи справедливо могут гордиться точностью своего стратиграфического метода, когда они «читают» археологические памятники, откапывая и регистрируя слой (stratum) за слоем, словно перевертывая страницы книги. Здесь совершенно объективно наблюдается связь памятников с почвой и друг с другом в то время, когда они лежат на своих исконных местах, in situ, как говорят. Новая археология, как верно указывает Макалистер, заботится не о том, *что* найдено, а *как* и *где* найдено, т.-е. в каком почвенном слое, смещенном или не смещенном. Макалистер с этой точки зрения судит, напр., о скелете из Галлей-Гилл (Gallej Hill), которому пытались приписать высокую четвертичную древность, несмотря на его вполне современные черты. Он совершенно правильно считает ненаучным делать заключения о возрасте скелета, слой которого при открытии в 1888 г. не был точно определен. Стратиграфический метод при строгом применении его может дать незыблемую и неоспоримую последовательность культур путем фиксирования последовательности культурных слоев. Нижний и верхний слои соответствуют более древней и более молодой культурам, при условии, что не имело места смещение слоев. В случае смещения слоев они датируются по наиболее молодым памятникам. Так и возраст смешанных монетных кладов определяется по самым новым монетам. К сожалению, стратиграфический метод применим более к слоям, относящимся к геологическим эпохам, отличным от современной. Слои отмежевываются один от другого не столько на основании разницы в культурных остатках, сколько благодаря различию почвы, фауны и флоры. С неолита природа остается почти неизменной: стратиграфический метод утрачивает свое значение.

Археологи начинают применять типологический метод, который по точности сильно уступает стратиграфическому. Прообразом для него является классификация в естествознании. Та довольствуется, однако, при определении указанием на «род и видовое различие», напр., резеда пахучая (reseda odorata). Археологи вынуждены прибегать к тройной, даже к четверной терминологии. Величайшим мастером типологической классификации был недавно умерший швед Оскар Монтелиус. Теперь в Швеции славится его ученик Аберг, у нас в России — В. А. Городцов. Последний предлагает классифицировать предметы: 1) по категориям (совокупность однородных групп), 2) по группам (совокупность однородных отделов), 3) по отделам (совокупность однородных типов) и 4) по типам (совокупность предметов, схожих по веществу, форме и назначению). Категориями могут служить топоры, ножи, посуда, молоты, булавки, застежки, серьги и пр. Каждый топор получает три определения. Пример: топор (категория), каменный (группа), клиновидный (отдел), полированный (тип). Недостатком такой типологической классификации является ее крайний схематизм, растущий с увеличением числа ее терминов. Если орудия могут быть хорошо описаны по такой системе, то эволюцию культуры уловить сквозь эти искусственные сетки едва ли возможно. Для неолита типологическая классификация до сих пор не дала относительной хронологии. Старая и все еще молодая классификация Томсона (1836 г.) с очень редкими клетками деления расчленяет объект археологии на каменный, бронзовый и железный века. Леббок подразделил в своих «Доисторических временах» (1 изд. 1869 г.) каменный век на палеолит и неолит. В 1869 г. впервые появилась знаменитая классификация Габриэля Мортилье. В самом новом варианте ее неолит остался без подразделений. Этот вариант был опубликован в 1908 г. сыном и сотрудником Габриэля Мортилье Альфредом [1]). Вот таблица с этой новейшей классификацией, при чем названия металлических эпох я оставляю без перевода (см. табл. 1).

[1]) *A. de Mortillet.* La classification paléonthologique, 1908. Возможностью ознакомиться с ней я обязан проф. В. А. Городцову.

Таблица I.

Классификация Мортилье.

Эры	Времена	Века (âges)	Периоды	Эпохи
Современная	Историческое.	Железный.	Меровингский.	XV. Wabénien.
			Римский.	XIV. Champdolien. XIII. Lugdunien.
	Протоисторическое.		Галльский.	XII. Marnien. XI. Hallstatien.
		Бронзовый.	Цыганский.	X. Larnaudien. IX. Morgien.
	Доисторическое.	Каменный.	Неолитический.	VIII. Робенгаузенская.
Четвертичная			Палеолитический.	VII. Магдаленская. VI. Солютрейская. V. Мустьерская. IV. Ашельская. III. Шельская.
Третичная			Эолитический.	II. Пюи-Курнийская. I. Тенэйская.

Читателям этого журнала уже известна новейшая археологическая классификация, принадлежащая проф. В. А. Городцову [1]). Поэтому мы можем сравнить ее с принятой во всех странах классификацией Мортилье. С логической

[1]) См. мою статью в „Вестнике Соц. Акад." кн. 3, таблица на стр. 382. Подробнее во введении В. А. Городцова к моей книге „Очерк первобытной культуры" (безразлично 1-ое или 2-ое издание).

стороны классификация Городцова изящнее и стройнее: его эра, период, эпоха гораздо удачнее обозначают соотношение отрезков времени, чем эра, время, век (âge), период и эпоха Мортилье; от эпох отделены культуры. Количество эпох у Городцова увеличилось: прибавились археолитическая (термин употреблялся и раньше, напр., Ферворном) и мезолитическая (тоже употреблявшийся термин, напр., Жозефом де Морганом). Но для марксистов самое важное, что в основу классификации Городцова положена эволюция орудий труда. В этом ее основное значение. Что касается до относительной хронологии первобытности, то она одна и та же (в основных чертах) и у Мортилье, и у Городцова (см. на стр. 316 табл. 2). Поэтому в классификации Городцова не следует видеть абсолютной новости: она лишь усовершенствование и дальнейшая модификация великой классификации Мортилье, использующая новые достижения археологии. Как и у Мортилье, самая слабая часть классификации проф. В. А. Городцова — в области неолита. Правда, последний расчленяет неолит на три поры, как и всякую из своих эпох (такое *постоянно* трехчленное подразделение кажется несколько искусственным). Неолит состоит у него из поры микролитов («мелких камней»), макролитов («крупных камней») и полированных орудий. Уже с чисто логической точки зрения первые две «поры» выходят из рамок неолитической эпохи, которой должна соответствовать техника полировки орудий. Между тем микролиты и макролиты выделывались приемами тесаной, сколотой и отжимной техники, полировке же подвергались только лезвия орудий (пришлифовка или натачивание орудий). Равным образом из бронзовой эпохи надлежало бы выделить пору медных орудий: медь сперва ковалась в холодном виде, затем плавилась, тогда как бронза изготовлялась сложным плавлением — сплавом. Тогда получим две новых эпохи — протонеолит и халколит. Для праистории такое выделение настоятельно необходимо. Ведь для нее классификация археологов есть лишь вспомогательное средство для реконструкции первобытности в ее непрерывном становлении. В протонеолит зарождается симбиозное хозяйство с зачатками земледелия и скотоводства, ведущее к родовой организации и парциальному (частичному) мировосприятию. В халколит возникает меновое хозяйство в форме первобытного накопления с зародышевыми государствами, первыми классами господ и рабов и культом великих предков и богов. Тогда схему проф. В. А. Городцова с моими изменениями (отмечены звездочкой) и с культурными «эпохами» Мортилье (лишь для

Таблица 2.

Период.	Эпоха.	„Эпоха Мортилье".	Руководящие орудия.	Культура.	
Металлический.	Неометаллическая (железная).		Железные.	Историческая.	Высокая.
	Палеометаллическая (бронзовая).		Бронзовые.		
	Халколитическая *).		Медные *).	Протоисторическая.	
Каменный.	Неолитическая.	VIII. Робенгаузенская.	Полированные.	Доисторическая или Первобытная.	
	Протонеолитическая *).		Наточенные *).		
	Палеолитическая.	VII. Магдаленская. VI. Солютрейская.	Отжимные.		
	Мезолитическая.	V. Мустьерская.	Сколотые.		
	Археолитическая.	IV. Ашельская. III. Шельская.	Тесаные.		
	Эолитическая.	II. Пюи-Курнийская. I. Тенэйская.	Первоорудия.		

каменного периода [1]) приводимыми для сравнения, изобразит такая таблица (см. на стр. 316).

Итак, что же бесспорного дает доисторическая археология для праисториков? Это — факт изменяемости не в пространстве, а во времени первобытной техники и надежные вехи, отмечающие последовательный порядок этих изменений, т.-е., другими словами, относительную хронологию. Если бы археологи ограничивались описанием и классификацией своих вещественных памятников и фиксированием их относительных дат, то их наука была бы почти столь же точной, как естественные. Но археологи склонны шире рассматривать свою задачу, они не отказываются объяснять не только эволюцию техники, но и хозяйства, и общества, и даже мировосприятия. Археолог легко и незаметно становится праисториком. Такое расширение задачи археологии можно лишь приветствовать при условии, чтобы соответственно ей усложнялись и методы. Археолог должен работать в плоскости историзма, ежесекундно он должен помнить, что его вещественные памятники являются лишь «источниками», отображающими скрытые за ними человеческие жизнеотношения. Первобытность должна превратиться для него из механического соединения движущихся порознь и меняющихся вне связи с целым материальных предметов в единый, сплошной жизненный поток. На пути к этим расширенным задачам археологи встретят немало затруднений. Исчезнувшая жизнь слишком неполно и неясно отображается в археологических памятниках. Они ведь немы и потому не так прозрачны, как письмена. Расшифровать их смысл труднее чтения египетских иероглифов. Лучшие археологи-спецы то приписывают иной костяной поделке (напр. жезл начальника) самые разнообразные назначения, то не могут понять смысл мелкого осколка кремня (напр. эолитов). Назначение большинства каменных орудий остается скрытым от археологов, несмотря даже на опыты выделки их и работы ими. Надежно установлены лишь способы изготовления большинства орудий, почему в классификации археологов (напр. у Городцова) отмечается развитие приемов выделки (тесаные, сколотые и т. д.), а не назначения орудий, хотя последнее более интересно. Еще более тускло отображаются в вещественных памятниках хозяйственные, общественные и особенно духовные элементы культуры. Необходимо при этом помнить, что значительная часть материальной утвари первобытных людей бесследно исчезла. Из эпохи каменного периода до нас доходят лишь «нетленные» вещи — каменные, раковинные, глиняные, костяные. Дерево, ткани, кожи, плетенья за редкими исключениями истлели и до нас не дошли. Между тем, как судить о цели кремневых орудий при отсутствии их деревянной оправы? Макс Шмидт у южно-американских индейцев насчитал 13 больших групп деревянных палкообразных орудий: землекопалки, весла, копьеметатели, колотушки, песты, метательные дубинки, танцевальные палки, игрушечные дубинки и пр. [1]). Все это разнообразие деревянных форм не существует для археолога. Поэтому археолог вынужден восполнять пробелы и освещать темноты своего материала с помощью данных народоведения (этнологии). Основное значение археологии для праистории — в создании ею надежной относительной хронологии, которая может послужить Ариадниной нитью в лабиринте этнологического материала.

[1]) Между мустьерской и солютрейской эпохами после аббата Брейля и Картальяка археологи помещают ориньякскую культуру.

Вклад этнологии.

Наука о живых или на глазах истории вымерших «дикарях» накопила богатейшую сокровищницу фактов. Ее предметом являются все народности земного шара, отклоняющиеся от культурного западно-европейского типа. Во всех частях света, не исключая Европы, пожинала она обильную жатву. Даже в недрах культур «высоких» (иначе говоря, западно-европейского образца) ученые открывали странные обломки низших культурных форм, поскольку они сохранились в суеверных обрядах, сказках, песнях, заговорах и пр. Правда, все виды народного устного творчества и быта, в которых уцелели «пережитки» (термин Тэйлора) низшего культурного типа, предшествовавшего высшему, изучает особая дисциплина — фолклор («народоведение»), но данные английского, русского, немецкого и т. д. фолклора широко используются и нашей наукой.

[1]) См. Zeitschrift für Ethnologie 1918, Bd. 50, Heft 1, S. 12 ff.

Из описательной этнографии («описание народов») она незаметно в конце 19-го века обратилась в объяснительную этнологию («науку о народах»). С ростом материала естественно являлась потребность привести его в систему, классифицировать, так как иначе становились немыслимыми не только объяснение, но даже простой учет его. Адольф Бастиан, великий знаток этого материала, сделал первую большую попытку подобной классификации. Сходства в культурных элементах разных стран он объяснил наличием «элементарной» (иначе «примитивной») мысли, являющейся «общечеловеческой мыслью», а различия — «народной мыслью», осложняющейся из элементарной путем приспособления последней к особой «географической провинции». Для Бастиана элементарная и народная мысли имеют такое же значение, какое для химика соответственно атом и молекула. Внеся идею закономерной эволюции, Бастиан превратил этнографию в этнологию. Но ему не удалось порвать с географией, составной частью которой этнография когда-то была. Он и не стремился к такому разрыву: элементарная мысль усложняется (словно атомы в молекулу) в народную, по существу оставаясь одинаковой и лишь варьируясь по разным провинциям; психика людей модифицируется в плоскости пространства, а не времени. Если «географизм» Бастиана несомненен, то труднее определить направление другого великого этнолога Ратцеля. Он вовсе не прямая противоположность Бастиану. Создавая новую научную дисциплину — антропогеографию, — Ратцель лишь хотел приложить географию к истории и не собирался применять историю к этнологии, так как последней он рекомендовал «географический» метод. Последняя часть его антропогеографии носит название: «Географическое распространение этнических признаков» (Völkermerkmalen). Здесь указывается, между прочим, что ни для одного народа земли немыслима изолированная жизнь, что каждый испытывает воздействия из круга своих соседей. Из телесных (предмет антропологии), духовных (предмет психологии) и этнических (предмет этнологии) признаков народностей Ратцель выдвигает на первое место последние, ибо они могут быть изучены с наибольшей точностью. В ряду этнических признаков самое важное значение имеет «идея

формы» (Formgedanke) этнографических предметов. Антропогеография, желая проследить «географическое распространение этнических признаков», должна «отличительное в форме предметов отчетливо определить, описать и отклонение форм друг от друга поставить в ряд по степени родства». Так, работая типологическим методом, Ратцель пытался заключить о взаимных отношениях народов на основании родства форм имевшихся у них материальных «этнографических предметов». Учение Ратцеля поэтому часто называли «теорией заимствования», «теорией перенесения» или «теорией миграции», и сам он, и ученики его встали в резкую оппозицию к Бастиану с его «народной мыслью». Однако между двумя столпами этнологии не было диаметральной противоположности. Ратцель, освободившись от абстрактного психологизма Бастиана, стал конкретнее, раздвоил свой интерес между землей и человеком (антропогеография). Он вплотную подошел к истории. Его манило отыскание «исторической перспективы» [1]) в этнологии. Он выдвинул требование о превращении пространственного порядка культур во временный, а далее в причинный. Для него ясны были недочеты Лавелэ, Бюхера, Мена, Моргана. «Один берет свои аналогии, — писал Ратцель, — «из Афганистана, другой из Индии, Америки или Новой Зеландии, где он только их находит. Ни один не спрашивает, не ведет ли это, может быть, к тому, что первый побег сравнивается с цветком» [2]). Ратцель видел обетованную землю и не вошел в нее: географ не мог стать историком. Но он оставил завет историзировать этнологию. К сожалению, оставил он и теорию миграции. Тщетно великий Бастиан заявлял: «Ничего нет бессмысленнее, чем противоречие «заимствования», или «народной мысли». Такое противоречие, — я сто раз это сказал, — вовсе не существует» [3]). Тяжеловесные по форме труды Бастиана плохо усваивались даже его соотечественниками. Спор кипел именно в этом бесплодном направлении. Гораздо более существенная проблема — относительная хронология — оставалась в тени.

---

[1]) *Ratzel.* Geschichte, Völkerkunde und historische Perspektive (Historiche Zeitschritt 1904, Bd. 93, S 1. ff.).
[2]) Jbidem, S. 40.
[3]) Zeitschrift für Ethnologie, 1905, Bd. 37, S. 245.

В 1898 г. африканист Лео Фробениус попытался довершить невыполненное Ратцелем. Блестящий историк Лампрехт, строивший по образцу естествознания новую «культурную историю», видимо, был его вдохновителем. Уже Ратцель изучал родство форм африканского и меланезийского лука, исходя в своей типологии из «критерия формы» (Formenkriterium), т.-е. согласованности в свойствах, не вытекающих с необходимостью из природы и цели предмета. Фробениус первый произвел сравнение нескольких материальных предметов культуры (кроме лука, еще щита, барабана, дома, масок и пр.) и таким образом, помимо довода от критерия формы, дал доказательство от «критерия количества» (Quantitätskriterium). Он заключил, что особый «западно-африканский культурный круг» (Kulturkreis) следует назвать «малайско-негритосским», ибо он ведет свое происхождение от островной и рыбацкой культуры Океании, хотя и приобрел в Африке континентальный отпечаток [1]). Замечательно, что в своей теоретической работе 1899 г. [2]) Фробениус указывает, что он (подобно Ратцелю) исходит из критерия форм, но усиливает его в двух направлениях: 1) «географически статистическом» и 2) «биологически-эволюционно-историческом» (biologisch-entwicklungs-geschichtliche Methode). В первом направлении он выдвигает понятие «культурной формы» (Kulturform) как сочетания культурных элементов с характерной формой и областью распространения, во втором—родословную «культурных форм». Отыскивал последнюю Фробениус так. Каждая культурная форма со своими единичными элементами на своей родине обусловлена природой; отрыв от родины ведет к преобразованию культурной формы. Если на родине культурной формы все элементы «почвенны», органически связаны с целым, то в новом месте поселения некоторые элементы окажутся беспочвенными, внеорганичными. Направление определить легко. В мифах Океании и Западной Африки много сходств. Однако в Африке мелкие черточки мифов раздроблены, лишены взаимной связи, центральные сочетания представлений кажутся исчезнувшими. Отсюда ясно

[1]) *Frobenius, Leo.* Der Ursprung der afrikanischen Kulturen, 1898.
[2]) *Frobenius, Leo.* Die naturwissenschaftliche Kulturlehre (Allgem.—verständliche Naturwiss. 1899, Abh. 20).

(по крайней мере для Фробениуса), что африканские мифы произошли из Океании. Но и этот «критерий вариации формы» и взятая из биологии мысль об органическом росте культуры в природной оправе весьма спорны. «Историзм» Фробениуса столь мал, что его надо искать с лупой. Гораздо заметнее крайняя схематичность и произвольность его построений. В 1900 г. он нашел в Океании такие «культурные формы» [1]), что впоследствии раскаялся и в этой работе, и в своем методе вообще.

Значение Фробениуса в том влиянии, какое он оказал на Грэбнера, создателя «культурно-исторической школы» в этнологии, которую чаще и, по-моему, вернее зовут «теорией культурных кругов». Грэбнер перешел от европейской истории к этнологии. Он пишет, что его «испугала» «безметодичность» (Unmethodik), резче сказать, недисциплинированность (Disziplinlosigkeit) «молодой науки». Опубликовав в 1904—1908 г.г. ряд исследований о первобытных культурах Индейского океана, Грэбнер в 1911 г. напечатал свои «Методы этнологии» [2]), где историческая методология Бернгейма была приспособлена к нуждам этнологии. Грэбнер мечтал превратить этнологию в часть «культурной истории», но это ему далеко не удалось. У него два вспомогательных понятия — «культурный круг» (Kulturkreis) и «культурный пласт» (Kulturschicht). Первое, встречавшееся у Фробениуса, по признанию самого Грэбнера [3]), равнозначно «культурной форме» Фробениуса. Грэбнер лишь потому отказался от последнего термина, что еще раньше Фробениуса Фиркандт [4]) употреблял его в другом смысле, для обозначения степени высоты культуры. Термином, равнозначным с «культурным кругом», представлялся Грэбнеру «культурный комплекс» (Kulturkomplex); несколько родственных культурных комплексов он хотел называть «культурной группой» (Kulturgruppe). Дело, конечно, не в словах, а в смысле. «Культурная форма» Фробениуса, как мы видели, была признана своим творцом понятием «географически-статистическим». Правда,

[1]) *Frobenius, Leo.* Die Kulturforme Ozeaniens (Petermanns Mitteilungen, 1900, Bd. 46, S. 204 ff., 237 ff.)
[2]) *Graebner*, F. Methode der Ethnologie. Heidelberg 1911.
[3]) Ibidem, S. 132.
[4]) Geograph. Zeitschrift, 1897, Bd. III, S. 256 ff.

Грэбнер называет это определение Фробениуса «неудачным» (unglückliche), но он сам указывает, что «культурной форме» точно соответствует «этнологическая зона» Генриха Шурца [1]). Последняя — модификация «географической провинции» Бастиана. Но для уяснения смысла понятия «культурного круга» следует, конечно, взять характеристику самого Грэбнера (строгого определения он не дает). Оказывается, что «культурный круг обозначает ближайшим образом всякую область (Gebiet) единой культуры... но понятие культурного круга выходит за пределы культурного единства (Kultureinheit) в абсолютном смысле». Грэбнер приводит пример. Одна культура (напр., грекоримская), распространяясь, перекидывается в области с туземными культурами (Европа), но не может вытеснить их совершенно, местами даже ее наслойка отсутствует. Однако мы говорим о «римском культурном круге» [2]). Признак культурного круга — тот «простой факт, что определенный комплекс культурных элементов характерен для определенной области...» [3]) Теперь ясно, что «культурный круг» Грэбнера есть область (Gebiet), т.-е. территория, и вполне равнозначен «культурной форме» Фробениуса и «этнической зоне» Шурца. Грэбнер недаром рекомендует изображать распространение культурных элементов «культурного круга» картографически, правда, признавая это лишь технически вспомогательным средством, а не составною частью своего метода. По этому поводу он соглашается частично признать понятие «географически статистического метода» Фробениуса [4]). Недавно археолог Мётефиндт отметил, что величина «культурного круга» Грэбнера совсем не указана и предоставляется произволу отдельных исследователей: культурным кругом можно объявить район из нескольких частей света (в 1908 г. так и поступил сам Грэбнер, «открыв» следы своей «меланезийской культуры» на всем земном шаре). Мётефиндт причину этого видел в пренебрежении к «народным и расовым основам» [1]). Отрешившись от расовой и национальной

[1]) *Graebner* op. cit., S. 99, Anmer. 2 и 3. Мимоходом Грэбнер пишет слова: Von Kulturkomplexen, oder geographisch gesagt Kulturkreisen (ibidem, S. 137).

[2]) Ibidem, S. 132.

[3]) Ibidem, S. 133.

точки зрения Мётефиндта, мы должны сказать, что «культурные круги» Грэбнера являются мертворожденными абстракциями, ибо они не считаются с реальным расчленением общечеловеческой культуры по отдельным человеческим сообществам. Поэтому понятие культурного круга, хотя Грэбнер настойчиво зовет его «культурно-историческим», совсем не таковое. Другое его «вспомогательное понятие» — «культурный пласт» как будто бы более заслуживает это имя. Благодаря вселению, смешению, взаимному влиянию культур в области каждого культурного единства происходит своего рода напластование, так что самые «молодые комплексы» оказываются на главных пунктах, а старейшие кажутся оттесненными в самые отдаленные части области. Большие плодородные долины рек и равнины облегчают; горы, пустыни, болота и пр. затрудняют распространение культуры. Так «старейшие культурные остатки» особенно легко удерживаются в крайних ответвлениях речных областей, обособленных горных областях, трудно доступных лесах и пр. Наблюдение таких явлений дает хороший критерий для выяснения последовательности культурных слоев. Мы видим, что и культурный слой Грэбнера — понятие, казалось бы, чисто историческое — оправлен географической рамкой, в его неопределенной характеристике перекрещиваются временная и пространственная плоскости. «Культурный слой» — наиболее самобытная и интересная мысль Грэнбера. Он отличен от понятия «пережитка» у Тэйлора, хотя отчасти и скрещивается с ним.

Культурный элемент кажется бессмысленным и случайным в общем строении комплекса A_1, но выступает как нечто понятное, органическое в другом комплексе A_2. Этот элемент, по Тэйлору, есть «пережиток» более древнего комплекса A_2 в более молодом комплексе A_1. Так пережиток Тэйлора позволяет различать предшествующие и последующие стадии культурного развития. Однако Грэбнер выдвигает совсем иное объяснение. Если в прошлом в культуру A_1 внедрилась посторонняя ей культура A_2, то обломки этой последней, бессмысленные в комплексе культуры A_1, будут вовсе не «пережит-

[1]) *Mötefindt, Hugo.* Randglossen zu einigen Fachausdrücken aus dem Gebiete der vorgeschichtlichen Archäologie (Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellsch. f. Anthrop., Ethnol. u. Urgeschichte. 1918, Bd. 49, № 5/8, S. 39–47.

ком», свидетельствующим о миновавшей стадии культуры A_1, а лишь памятником примешивания к культуре A_1 культуры A_2. Хотя Грэбнеру и не удается привести к абсурду понятие «пережиток», но он сильно ослабляет его значение как критерия для определения временной последовательности культур. Однако через это подрывается хронологизирующее значение и его «культурного пласта». Последний очерчен очень неясно: скорее это осадок культуры A_2, глядящий из-под наслоившейся на нее культуры A_1, чем остаток более древней стадии культуры A_1. «Культурный пласт» Грэбнера символ не то прошлого культуры A_1, не то ее взаимодействия с культурой A_2. Передвижения, смешения, влияния культур—всегдашняя молчаливая предпосылка Грэбнера. Из двух Ратцелевских проблем взаимодействия и временной последовательности культур первая получает у него чрезмерное значение. Грэбнер заявляет, будто «первой и основной проблемой этнологии, как и всей культурной истории, остается разработка отношений культур»[1]). Правда, он признает и важность относительной хронологии. Но «методически правильным» ему кажется итти от установления родства (или взаимодействия) культур к их генеалогии, а не напротив, ибо признаки эволюции, лежащие вне культурного родства, лишены всякого критерия истинности (разумеется, видимо, пережиток Тэйлора). Итоги исследования культурных взаимоотношений должны служить и фундаментом и контрольной инстанцией при обсуждении вопросов эволюции, а совсем не наоборот[2]). Здесь лежит коренная ошибка Грэбнера. Методически правильным будет сперва датировать явление, а затем ставить вопрос о происхождении его. Типологический метод, выдвигаемый Грэбнером на первый план, далеко не так бесспорно устанавливает взаимоотношение культур, чтобы от последнего было можно заключить о временной последовательности их.

[1]) *Graebner*, op. cit., S. 107. В новейшей статье Гребнера «Этнология», помещенной в коллективном сборнике «Anthropologie unter Leitung von G. Schwalbe u. E. Fischer» Leipzig, 1923. (Kultur der Gegenwart, Teil 3, Abteilungs) находим такую основную мысль. Необходимо в каждом отдельном случае точное исследование для установления, нет ли культурной передачи. Крайне невероятно, чтобы одно и то же культурное явление с теми же формальными составными частями могло возникнуть дважды, вовсе невозможно допускать самостоятельное развитие при наличии целой группы параллельных культурных явлений.

[2]) Ibidem, S. 152.

Уже в руках самого Грэбнера его методологические приемы дали результаты сомнительного достоинства. В 1909 г. в Индейском океане он поставил культуры в такой хронологический ряд: древне-австралийские (тасманийская), тотемическая, матриархальная двухклассовая, меланезийская культура лука и, наконец, полинезийская. «Родственные» меланезийской культуре Грэбнер нашел и в юго восточной Азии, и в Африке, и в Америке, и в доисторической Европе[1]). Однако наибольшее значение имеет его взгляд на культуру австралийцев. Он признает ее не простой, а сложной, смешанной. В культуре большинства австралийцев следует даже видеть деградацию, вырождение. Проникшие в Австралию островные восточно- и западно-папуасские культуры испытали попятное движение от земледелия к охоте с собирательством.

Большая заслуга Грэбнера в том, что он правильно поставил для этнологии задачу — превращение из отдела географии в отдел истории. В этом его шаг вперед в сравнении с Фробениусом. Но ни теоретически, ни практически сам Грэбнер этой задачи не разрешил. Подорвав критерии относительной хронологии, выработанные эволюционной школой, он более надежных не создал. Опыт археологов с неолитом показывает, как трудно типологическим методом вскрыть временную последовательность культур. Допущение Грэбнером самых широких миграций делает его еще менее точным. Вина Грэбнера в том, что, вместо объективного масштаба, он дал ученым полный простор рисовать временную перспективу совершенно субъективно, согласно своим личным взглядам и симпатиям.

Ученые из лагеря клерикалов очень быстро учли те широкие возможности, которые им открывал Грэбнер. Разбитые на голову эволюционной школой этнологов, они теперь могли получить легкий реванш. Патер Вильгельм Шмидт, еще недавно проповедывавший «индивидуальное исследование» в этнологии, стал ревностно пропагандировать учение Грэбнера. Провозглашение Грэбнером австралийской культуры сложной и деградировавшей позволило патеру Шмидту на древнейшее и примитивнейшее место поставить пигмеев, пигмоидов и им подобных. Ди-

[1]) Graebner Fritz. Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten (Anthropos 1909, Bd. IV, S. 726 — 80, 998 — 1032).

лемма наибольшей примитивности пигмеев или австралийцев является важнейшим вопросом современной этнологии. Патер Шмидт, выдвигая пигмеев в роли примитивнейших дикарей, хлопочет, конечно, вовсе не о решении научной проблемы. Ему хочется доказать изначальность частной собственности, моногамии и особенно единобожия. К счастью, фигура патера достаточно колоритна, чтобы ввести кого-нибудь в заблуждение относительно его истинных целей.

Но приемы Грэбнера, выступающего под флагом исторической науки, вводят в искушение и подлинных ученых. Знаменитый философ Вильгельм Вундт уже в 1912 г. в своей популярной работе[1]) порывает с традиционной мыслью эволюционной школы, будто австралийцы являются самыми примитивными. Такой первостепенный ученый, как Вундт, конечно, не мог стать простым подражателем кого бы то ни было: слишком велика была его эрудиция и самобытность. Присоединяясь в том же 1912 г. по вопросу о происхождении плугового земледелия к Эдуарду Гану, весьма крупной научной величине, он сильно видоизменил его теорию, устранив из нее панвавилонизм. Тем не менее Ган принял это за присоединение и в 1914 г. посвятил ему свою брошюру «От мотыки к плугу». Вундт в своей «Völkerpsychologie» неоднократно полемизирует и с Грэбнером, и с патером Шмидтом, так как вовсе не стал из эволюциониста приверженцем культурно-исторической школы. Вундт признает более примитивными, чем австралийцы, пигмеев и некоторые южно-американские высокорослые племена, ибо он отвергает примитивность пигмеев в антропологическом отношении. Тогда как патер Шмидт самыми примитивными провозглашает африканских пигмеев (моногамия и прамонотеизм), Вундт стоит за большую примитивность цейлонских веддов (моногамия и анимизм). Это, конечно, большие разногласия в очень важных деталях. Взгляды Вундта на эволюцию религии гораздо ближе к магической теории Фрэзера, чем к прамонотеистической патера Шмидта. Тем не менее в решении капитальнейшей дилеммы, кто примитивнее, «первобытнее» — пигмеи или австралийцы, Вундт оказывается рядом не с Фрэзером

[1]) *Wundt, Wilh.* Elemente der Völkerpsychologie, 1912, S. 19. Sichergehört der Australier nicht in das kapitel vom primitiven Menschen;

(защитником примитивности австралийцев), а с патером Шмидтом. Такая позиция Вундта объясняется влиянием направления Грэбнера, хотя Вундт продолжает оставаться в рядах эволюционистов [1]).

Оценивая общее значение школы Грэбнера, мы не можем назвать ее «культурно-исторической». Тенью истории является хронология. Поскольку этнология стремится перестать быть чисто описательной этнографией, для нее необходима хронология, конечно, не абсолютная, а относительная. Раз школа Грэбнера не смогла создать ее, она остается «теорией культурных кругов». Она своей теорией миграций внесла в хаос этнологии лишь совершенно искусственные движения. От необузданного смещения, ею произведенного, хаос возрос еще более. Но школа Грэбнера будировала, тревожила. Она заставляла этнологов пересматривать свои взгляды, задумываться над своими методами, и в этом ее крупная заслуга.

Еще до Грэбнера, сторонники Бастиана начали борьбу с теорией миграции Ратцеля. Тилениус с этой целью извлек из биологии понятие конвергенции; Эренрейх [2]) его разработал. В биологии именем конвергенции называют явления сходства у разных животных групп, объясняемые не происхождением их от общей праформы, а сходством природной обстановки. Так сходство кита (млекопитающее) и кашалота (рыба), пингвина и страуса вызвано не единством родоначальника, а единством среды, к которой эти организмы приспособлялись. В области этнологии конвергенция означает самостоятельное происхождение культурного элемента (оружия, обычая, утвари и пр.) в различных местах земли или в различные эпохи. Таким образом, конвергенция есть отрицание «взаимоотношений» культур. Если в культурах А и Б встретится

[1]) В моем обзоре («Вестн. Соц. Акад.», 1923 г. № 3, с. 384) говорится, что Вундт «разделяет воззрения патера Шмидта о первобытности пигмеев» и «является последователем Грэбнера». Эти крайне неудобные выражения следует понимать в том смысле, что Вундт считает пигмеев первобытнее австралийцев, и притом в этнологическом, а не антропологическом отношении, и что он испытал *влияние* культурно-исторической школы Грэбнера. Проф. П. Ф. Преображенскому приношу благодарность за его устную критику этого места моего обзора.

[2]) *Ehrenreich, P.* Frage der Beurteilung und Bewertung ethnographisicher Analogien (Korrespondenz-Blatt d. deutschen Gesellsch. f. Antropologie, Ethnologie u. Urgeschichte 1903, Bd. 34, S. 176 ff.

одинаковый элемент, то теория конвергенции объясняет это не заимствованием (как Ратцель и Грэбнер), не происхождением от общей пракультуры (как Бастиан с его элементарной мыслью), а однородностью 1) культурных и 2) географических условий, при чем первые в конечном итоге сводятся к последним. Мы видим, что теория конвергенции является восполнением Бастиана, но она не является диаметрально противоположной и теории миграций. Ее последователи сосредоточивают свое внимание на одной культуре, они тщательно взвешивают, насколько оригинальны или заимствованы те или другие ее элементы. В итоге такого концентрированного изучения лучше выясняется строение отдельных культур. Зарождается то индивидуальное исследование, о котором мечтал патер Шмидт в 1906 г., выпуская 1-ую книгу своего журнала «Anthropos». Только оно вовсе не влечет за собой разгром эволюционистов, на что надеялся патер. Почва уплывает из-под ног сторонников теории культурных кругов. В своем «обзоре» на страницах этого журнала я уже отметил крупные монографии [1]), сосредоточившиеся на сравнительно небольшом круге явлений, но трактующие их социологически. Макс Шмидт изучил законы распространения культурных элементов в районе одного «культурного круга» (аруаков, в Южной Америке). Эрик Норденскиёльд, уточнивший методы теории культурных кругов, изучал два индейских племени Южной же Америки. Замечательно, что оба автора сошлись в отрицании влияния нагорной культуры перуванцев на лесных индейцев. Рихард Турнвальд предмет своего исследования ограничил рамками всего одного племени — банаро, открытого им внутри Новой Гвинеи. Лишь изучив «общину» банаро, он привлекает вспомогательный материал для решения крупной проблемы происхождения семьи и государства. О своих соотечественниках Фрице Грэбнере и Вильгельме Шмидте он упоминает лишь однократно: что они, мол, обратили внимание на порядки родства, но с точки зрения заимствования и «классификации культур». О трудах же англичан и американцев на эту тему Турнвальд, хотя и немец, отзывается с большой похвалой. При столь

[1]) «Вестн. Соц. Акад.» 1923. № 3, с. 385—86.

интенсивных исследованиях небольших культурных областей получались результаты более ценные, чем при обзоре с птичьего полета культурных кругов, охватывавших чуть не целые полушария. Не территория, а группа людей, на ней живущая, приковала исследовательские взоры. Но мы видели, что основные «вспомогательные понятия» Грэбнера, т.-е. «культурный круг» и «культурный пласт» мало соприкасаются с людьми. Вот почему оказывается необходимым их пересмотр.

Географический облик «круга» и механический характер «пласта» делают эти понятия мало полезными для изучения как развития, так и взаимодействия культур. Лео Фробениус правильно подметил, что Грэбнер дает собственно «статистический материал», но не вскрывает «внутреннюю, органическую, взаимную связь» между частями одного культурного целого. Оба его вспомогательные понятия следует поэтому заменить одним понятием — «культурный комплекс». Оно встречается и у Грэбнера и вызывает его одобрение, но мыслится им тождественным с географическим понятием культурного круга. Мы должны придать ему иное содержание. Уже давно в трудах историков и социологов повторяется в разных формах мысль о связанности и взаимной обусловленности самых различных сторон культуры (хозяйства, права, мировосприятия) каждого человеческого сообщества. Уже Огюст Конт, отец социологии, статическое состояние общества объяснял гармонией (consensus) всех сторон жизни. Активное приспособление людских сообществ к внешней среде в разные моменты и в разных местах выливалось в своеобразные единства хозяйственных, общественных и духовных сторон его жизни, изумительно соответствующих, точно совпадающих и крепко прилаженных друг к другу. Эти единства мы и назовем «культурными комплексами», эти стороны — «культурными элементами», а совокупность сходных «культурных комплексов» — «культурной группой» (по Мётефиндту).

Для обозначения культурных единств есть много терминов. Но все они не так удобны, как «комплекс». Так «ступень культуры» слишком неопределенна и разрубает цельный исторический процесс чересчур резко. «Тип» хорошо передает своеобразие культурного единства, но

молчит о внутреннем его строении. «Культурная форма» употреблялась уже Фробениусом в суженном, географическом смысле. «Культурный организм» требует признания органической сущности общества. «Культурный цикл» (круг) говорит лишь о месте, а «культурная стадия» — лишь о времени: и тот, и другой термины слишком узки. «Фаза культуры» происходит из астрономического словаря. Хотя этот термин и не выражает внутренних взаимоотношений культурных элементов, но он хорошо передает закономерное, необходимое изменение во времени. Но Мюллер — Лиер уже придал ему столь специфическое значение и столь тесно связал его со своим фазеологическим методом, что употребление его с иным содержанием повело бы к путанице. «Культурный комплекс» является наиболее подходящим названием для обозначения культурного единства людского сообщества определенных места и момента. В нем прекрасно выявляется существующая между культурными элементами единого целого сцепленность, сращенность или сплавленность: все эти слова менее удачны, ибо от них веет физикой, биологией, химией. В слове «комплекс» есть оттенок обхвата, округленности, единый поток прошлого не разрубается им на раздельные фрагменты. Комплекс достаточно емок, чтобы поглотить и «круг» и «пласт» Грэбнера, ибо он глубинен, а не плоскостен, ибо он не дает культурного профиля в разрезе только настоящего. Прошлое внедряется в него, сосуществуя с настоящим, так как комплекс обозначает культурное единство не простое, а сложное. Комплекс охватывает и «пережитки» минувших стадий данного культурного целого. Поэтому комплекс не следует считать понятием статическим, скорее он говорит о ставшем движении, при чем пережитки остаются отображениями последних этапов этого движения. Комплекс приучает ученого исследователя не к экстенсификации, а к интенсификации его работы. Круги и пласты Грэбнера (по мере нахождения новых сходств, новых взаимоотношений) увлекают на беглый обзор бескрайних культурных областей. При изучении комплекса главное внимание обращено на внутреннее его строение. Поэтому, чем меньше человеческая группа, комплекс которой изучается, тем плодотворнее изучение. Вместо мертвых схем, пытающихся охватить огромные районы земного шара, но оказывающихся *простыми* фикциями, мы получаем маленькие, но вполне реальные культурные единства. Мы можем изучать культурный комплекс папуасов «берега Маклая» на Новой Гвинее [1]) или бакаири (индейского племени в Центральной Бразилии), или ирокезов в Северной Америке. Конечно, можно изучать и целую «культурную группу», охватывающую ряд сходных «культурных комплексов»: так, в Австралии, напр., группу юго-восточных или центральных австралийцев. Но продуктивнее индивидуализация исследования, восхождение от малых людских групп к более крупным и сложным единствам, так как самое важное в комплексе — сопряженность его элементов. Существование такой сопряженности, такой связи, по верным словам т. Н. Бухарина, «всякому бросается в глаза» [2]). Вот почему люди, стоящие на разных полюсах современной мысли, сходятся в признании ее. Освальд Шпенглер пишет: «Кто знает, что между дифференциальным исчислением и династическим государственным принципом времен Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и эвклидовой геометрией... существует глубокая связь формы?» Т. Бухарин, приведя эту цитату, правильно замечает: «Против такого сопоставления, какое делает Шпенглер, можно спорить. Но нельзя спорить против самой мысли о том, что разнороднейшие общественные явления все же связаны между собой» [3]). В основу «культурного комплекса» кладется, таким образом, факт общепризнанный и потому вполне бесспорный. Вводя его в этнологию, мы смело можем упразднить «вспомогательные понятия» Грэбнера — «культурный круг» и «пласт». Но упраздняя их, мы унаследуем те задачи, которые Грэбнер пытался при помощи их решить. Это — вопрос о взаимо-

---

[1]) Только что вышла в свет, выпущенная по инициативе автора этих строк издательством «Новая Москва», книга Маклухо-Маклая «Путешествия на Новую Гвинею», где дается драгоценный материал для изучения папуасов, еще не видавших белых и не знавших железа. Книга, находившаяся под спудом при царизме, приготовлена к печати покойным академиком Д. Н. Анучиным и снабжена мною указателями, облегчающими ее изучение, которое необходимо и для этнолога, и для социолога, и даже для экономиста.

[2]) Н. Бухарин. Теория исторического материализма, 1922, стр. 148.

[3]) Там же, стр. 148.

действии культур и о временной последовательности их. Выше говорилось, и даже не раз, что первый можно решать лишь после второго.

Комплексно-сравнительный метод и хронология в доистории.

Но как целый ряд «комплексов» разместить в хронологическом порядке? Мюллер-Лиер, натуралист, популяризатор социологии с эволюционной точки зрения, устанавливал свои «фазы культуры» с помощью сравнительного метода, окрещенного им «методом линий направления» или «фазеологическим». Нам необходимо ознакомиться с его методом, чтобы решить, годится ли он для нахождения последовательности наших комплексов. Целую область культуры (или жизни общества) Мюллер-Лиер разлагает на частичные культурные элементы, называемые им «социологическими функциями», в свою очередь расщепляемые на более мелкие подразделения. Так он получает хозяйство, семью, государство, язык, науку, религию, мораль, право, искусство и пр. Каждая такая функция (даже подфункция) исследуется сама по себе: формы ее отыскиваются у народностей всех стран и времен. Затем все найденные формы функции сравниваются между собой и размещаются в хронологический ряд. По мнению Мюллера-Лиера «механизм прогресса» довольно прост, ибо дух человеческий «неизбежно переходит от простого к сложному, от конкретного к абстрактному, от частного к общему и т. д.». Алгебра не могла явиться до арифметики, исчисление бесконечно малых раньше анализа. Таким типологическим приемом Мюллер-Лиер находит в развитии каждой «функции» ряд «стадий, ступеней или фаз». Установив последовательный восходящий ряд фаз известной «функции» (напр., хозяйства), Мюллер-Лиер сравнивает каждую фазу ее со всеми последующими и открывает «линии направления прогресса» (напр., хозяйства). Наконец, он изучает причины, определившие такое направление в развитии данной «функции» и выводит из «линий направления» «законы эволюции» или «законы направления». Итак, от «фазы» через «линию» к «закону». Но Мюллер-Лиер хочет раскрыть взаимодействие между линиями направления разных функций. Он указывает, что отдельные

«социологические функции» зависят друг от друг, обоюдно влияют, взаимно прилажены. Исследовав эти «межфункциональные закономерности», можно определить «фундаментальную линию направления» и, наконец, открыть основной закон культурной эволюции. Деление на фазы было лишь средством к цели, а именно: к познанию «ступеней эволюции человечества» в целом. Но зачем столь сложный, обходный путь? Мюллер-Лиер, напротив, видит в нем упрощенный прием, облегчающий решение великой задачи, им поставленной. Дело в том, что по Мюллер-Лиеру каждая «социологическая функция» имеет своеобразный «закон развития», почему их надо изучать порознь. Так: 1) «экономия» должна изучить хозяйство, или производство общественных благ, 2) «генеономия»—размножение, или производство людей, 3) «демономия»—социальную и политическую организацию, 4) «ноономия»—язык, знание и веру, 5) «этономия»—мораль и право и 6) «эстономия»—искусство. Среди этих «функций» есть более и менее существенные. Так, хозяйство, размножение, общественная организация образуют «базис» (Unterbau), тогда как язык, знание, вера, мораль, право, искусство являются «надстройкой» (Oberbau). Среди трех функций, составляющих «базис», главенство («гегемония») принадлежит хозяйству. Тем не менее Мюллер-Лиер вовсе не монист, а по своей теории «исторических рядов» скорее близок к Ксенополю с его теорией «серий», чем к подлинному марксизму. Но и с логической стороны его метод очень несовершенен. Признав наличие «межфункциональных закономерностей», он все же вырывает отдельную функцию из комплекса других и изучает ее изолированно. Затем выводы, полученные при изучении ряда таких изолированных функций, он использует для уяснения межфункциональных связей, им же порванных. Правда, Мюллер-Лиер не забывает об этих связях. Правда, он пытается изучать каждую «функцию» в культурном окружении (особенно хозяйственном и общественном). Тем не менее он неминуемо попадает здесь в «порочный круг». Одно из двух: или он уже заранее знает межфункциональные связи (но тогда их не для чего искать) или, если они ему неизвестны, он оперирует с функциями, свободными от межфункциональных воздействий (но тогда на таком де-

формировавшем материале немыслимы правильные выводы). Мюллер-Лиер вообще избегает рисовать картины общего культурного состояния определенной народности в определенную эпоху. Для него опасен переход от его «метода продольных разрезов», устанавливающего последовательность фаз каждой функции порознь, к «методу поперечных разрезов», дающего культурные единства то первых, то вторых и т. д. фаз отдельных функций, — опасен потому, что нередко, особенно на высших ступенях культуры, раскрывалась полная дисгармония по сочетаемых в одно целое фаз. Мюллеру-Лиеру в его новейшей работе «Укрощение Норн» пришлось даже «дополнить» свой фазеологический метод. В силу своенравия своих «законов развития» отдельные «функции» имеют фазы разной длительности. Для понимания культуры народа следует знать не только на какой ступени (фазе) он стоит, но и как долго он на этой ступени (фазе) прожил и как долго к ней приспособлялся. Кроме «восходящего развития», есть еще «боковое развитие», наблюдаемое особенно у нынешних дикарей и заключающееся в «местном приспособлении». Мюллер-Лиер для большей убедительности даже начертил систему координат, где вертикальные оси обозначали ступени (фазы) культурных состояний, а горизонтальные — время требования народности на известной ступени. Я привожу ее здесь, изменив немецкие буквы на русские.

Ц	$Ц_1$	$Ц_2$	$Ц_3$	$Ц_4$	$Ц_5$
В	$В_1$	$В_2$	$В_3$	$В_4$	$В_5$
Д	$Д_1$	$Д_2$	$Д_3$	$Д_4$	$Д_5$
П	$П_1$	$П_2$	$П_3$	$П_4$	$П_5$

Буквы П, Д, В, Ц означают последовательно четыре ступени развития человечества: пракультура, дикость, варварство, цивилизация; показатели (цифры 1, 2, 3, 4, 5) при буквах означают время (в столетиях или тысячелетиях) пребывания народности на данной ступени. Обыкновенно выводят линию «направления» ПЦ, предполагая, что сравнивались П, Д, В, Ц. Но часто на деле бывает иначе. Так племя низших охотников может несколько тысячелетий жить на ступени дикости и через «боковое развитие»

достигнуть уровня $Д_5$; другое племя из ступени варварства через местное приспособление усложнило свою культуру до $В_3$, а цивилизованный народ, культуру которого мы изучаем, стоит на $Ц_1$. Здесь уже не годится линия ПЦ. Мюллер-Лиер пытается своим «дополнением» достигнуть двух целей. Он надеется объяснить несовпадение соответственных фаз разных функций. Он хочет учесть географические варианты общей культурной эволюции. Длительность пребывания доисторической народности на известной ступени определить чересчур трудно. Мысль о «боковом развитии», идущем рядом с «восходящим», до того усложняет и делает столь произвольным фазеологический метод, что последний становится орудием окончательно негодным для установления временной перспективы первобытности.

Мюллер-Лиер с недостаточной резкостью подчеркивал и понимал все соответствие (корреляцию), всю нерасторжимость социологических функций каждого культурного единства. Поэтому он и вырезал отдельные функции и сопоставлял их порознь. Предметом сравнительного метода надо сделать не отдельные культурные элементы, а культурные комплексы. Но возможно ли такое комплексосравнение? В силу корреляции всех элементов комплекса любой элемент может служить символом, отображающим сущность всего комплекса. Мюллер-Лиер не чужд этой мысли: «Как масштаб высоты культуры может быть взята, в сущности, любая социологическая функция, любое культурное явление: напр. искусство, наука, мораль, хозяйство... Вплоть до потребления мыла и т. п. И было бы даже все равно, какой масштаб выбирать, если бы все культурные явления развивались бы строго параллельно с абсолютной пропорциональностью по отношению друг к другу» [1]). Из этой длинной цитаты видно, что Мюллер-Лиер колеблется признать строгую и полную корреляцию функций, и эти колебания привели его к расщеплению культурных единств, к изучению функций порознь.

Но довольно о Мюллере-Лиере. Необходимость изучения комплекса в целом достаточно ясна особенно для

---

[1]) Цитирую по Н. Бухарин. «Теория исторического материализма» 1922, стр. 145, — чтобы показать, что согласование функций подчеркнуто Мюллером-Лиером далеко не «с большой резкостью», как выражается т. Бухарин.

историков, изучающих по «правилу контекста» все разнородные явления во взаимной связи. Нам надо лишь решить, что взять за «масштаб высоты культуры», или за символ комплекса. Ясно, что символ должен хорошо отсвечивать суть комплекса. Ясно, что он должен быть очень распространен, чтобы с помощью его можно было сравнивать как можно больше комплексов. Символ этот должен встречаться как в живой, так и в ископаемой первобытности. Для такого идеалиста, как Шпенглер, символ комплекса ищется в музыке, искусстве вообще, религиозной или философской мысли. Ведь корреляцию элементов комплекса он склонен объяснять существованием мистической «души культуры». Для марксиста, как т. Бухарин, базой такой корреляции является общественная техника, или система орудий труда данного общества, носителя данного культурного комплекса. Для изучающих первобытность важнее, что человек всегда был мастером (homo faber), изготовителем орудий, чем то, что он (как homo sapiens) имеет «разум», ткущий понятия. Орудия нетленны и остались, понятия не оставили следов своего существования достаточно внятных, чтобы по этим следам об этих понятиях можно было иметь суждение. Не только марксист, но даже идеалист должен согласиться, что орудия, изготовленные то из камня, то из бронзы, то из железа, отображают культурные комплексы разной высоты, разной сложности. Техника, остов культурного комплекса, является вполне надежным символом его. Сравнение комплексов и следует свести к сравнению орудий. Понятно, что сопоставление орудий, взятых не по одному, а по несколько, даст более надежные результаты («критерий количества»). Понятно, что и другие материальные предметы (орнаменты, украшения, принадлежности культа, музыкальные инструменты и пр.) тоже подлежат сравнению, хотя и не играют столь решающей роли, как орудия труда: те и более распространенны и более необходимы для существования людских сообществ.

Но возникает вопрос: как сравниваются орудия? Как мы уже видели, Грэбнер на первый план выдвигал «критерий формы» и «критерий количества». Но для нас первостепенное значение, по сравнению с ними, имеет критерий техники изготовлений орудий. Грэбнер не чужд был мысли о значении критерия техники для выяснения подлинности и происхождения орудий. Мираж заимствований и миграций не дал сделать ему из своей мысли всех возможных выводов. Так мы читаем у него, что «существование техники естественно зависит от природных условий, гораздо меньше, чем употребление материала; (оно) гораздо более основано на культурных отношениях, особенно же определяется культурным родством» [1]). Но нас техника интересует совсем в другой плоскости. Всем известно, что археологи или гадательно определяют смысл многих ископаемых орудий, или совсем молчат об их назначении. Но те же археологи, сомневавшиеся для *чего* употреблялось орудие, непоколебимо знают, *как* оно изготовлялось. Древнейшая техника каменных орудий столь проста, что ее нетрудно было разгадать. Поэтому при сопоставлении ископаемых и живых комплексов надежнее сравнивать не назначения орудий, а способы изготовления их. «Критерий техники» для нас оказывается важнее «критерия формы» и «количества». Само собой понятно, что знать назначения орудия чрезвычайно важно. Но не столь маловажно и знание процесса его изготовления. Почему обработка камня, бронзы, железа говорит о культурах разной высоты? Потому, что здесь различие не только и не столько в материале, сколько в приемах труда над этим материалом. Сплав меди с белым металлом, выплавка из руды железа и ковка его в горячем виде, сверление или полировка камня трением, все это — процессы, характеризующие разные этажи человеческой культуры. Негры, ковачи железа, не могут ставиться на одну доску с камнеобделывателями папуасами, австралийцами и т. д. Изучение техники даже для высоких культур является необходимым коррективом при сравнении форм орудий. Если мы, напр., имеем немецкий и английский велосипед, то для нас важно не только назначение его в обоих случаях, но и трудовые процессы, которыми он сделан. Только сочетание критериев формы и техники позволит нам ближе подойти к сравнительной оценке немецкой и английской индустрии. С выдвижением на первый план критерия техники, сравнение археологических и этнологических комплексов первобытной

[1]) Gräbner, op. cit., S. 27.

культуры делается вполне возможным, а эта возможность чревата очень важными последствиями.

Археологам не типологически, а стратиграфически, т.-е. безусловно объективно, удалось установить временную последовательность первобытных индустрий. На пути от камня к металлу человечество (если исключить сомнительные и неопределенные эолиты) прошло от тесаной через сколотую и отжимную к полированной технике (хронологическая классификация проф. В. А. Городцова). Никоим образом не следует думать, что одна техника заменяла другую, совершенно ее вытесняя. Мы имеем дело с осложнением прежней техники элементами новой. Так, с орудиями сколотыми сосуществуют тесаные и т. д. Надо твердо усвоить, что датировка техники делается по передовым элементам ее. Так в неолитическую эпоху полировались почти исключительно каменные топоры, тогда как масса орудий (напр. наконечники стрел, копий, кинжалы, и пр.) выделывалась сколотой или отжимной техникой. Но мы считаем неолитическую технику полированной. Не-археологу это будет понятно, если он попытается определить дату монетного клада: клад монет разных эпох, которые вычеканены при Петре I, Екатерине II, Николае I, Александре II, мог быть зарыт лишь после Александра II (или при нем). Это обстоятельство следует учесть при изучении техник каменных орудий и живых первобытных обществ. Техника некоторых дикарей (напр. бакаири, папуасов и пр.) не возбуждает сомнений в своем характере: ее можно считать неолитической или полированной. Но австралийская техника до сих пор вызывала разногласия ученых. Такой знаменитый австраловед, как Балдуин Спенсер, не решался указать ее место в общей классификации. Здесь сосуществовали разнообразные орудия от простых галек (эолитов) до полированных топоров. Однако австралийцы не умели распиливать и сверлить камень. Они большей частью полировали свои топоры не целиком, а лишь у лезвия; терли их изредка о камни (прообраз шлифовальных камней), чаще о мокрое песчаное ложе пересыхавших летом ручьев. Поэтому следует считать австралийскую технику орудий переходной от палеолита к неолиту и назвать ее «наточеной техникой». Технику тасманийцев, вымерших прежде чем ученые сумели их

надежно исследовать, ученые считали соответствующей мустьерской, т.-е. сколотой. Можно думать, что она является лишь немного примитивнее австралийской. Место же австралийской наточеной техники теперь может быть указано вполне определенно. Достижения новейшей археологии позволяют (стратиграфически!) заключить, что наточеная техника в Европе каменного периода вклинивается между отжимной и полированной, иначе говоря, относится к протонеолитической эпохе, промежуточной меж палеолитом и неолитом [1]). Австралийский культурный комплекс соответствует протонеолиту. Австралийцы с их наточенными орудиями оказываются самыми «первобытными» из живых дикарей. Но археология «показала» нам вполне объективно, ибо стратиграфически, людские сообщества с еще более первобытной техникой. Не говоря уже об эолитической, следует указать на тесаную, сколотую и отжимную техники. Оказывается, ряд живых комплексов первобытности короче ряда ископаемого. Абсолютно первобытных дикарей этнология не знает. Археология дает нам надежную путеводную нить, позволяющую ориентироваться (хотя и грубо приближенно) в хаосе этнологического материала. Для доистории основное значение имеют культуры живых людей камня. Мы видим, что из всех культур каменного периода до нашего времени дожили лишь культуры эпох наточенных и полированных орудий (или протонеолита и палеолита). Такие племена, как большинство северо-американских индейцев и эскимосов, уже находятся на грани между первобытной и высокой культурой. Уменье ковать первые металлы-самородки (медь, метеорное железо) заставляет относить их к заре цивилизации, а именно: к халколиту. За пределы первобытности совершенно выходят литейщики бронзы — египтяне, перувианцы, сумеры. Равным образом, непервобытны и ковачи железа — полинезийцы, негры, германцы времен Тацита, наши предки славяне, кавказские горцы и пр. Понятно, у всех у них — людей и бронзы и железа — сохранились остатки низших стадий культурного развития, — «пережитки», как их назвал Тэйлор. Факт их существования объясняется изменением культурных элементов в процессе культурной

[1]) См. мою книгу: *В. К. Никольский.* Очерк первобытной культуры. Петербург 1923, издат. Л. Д. Френкель, издан. 2-е (глава «Протонеолит»).

эволюции. Изменяется с переходом от одного комплекса к другому смысл даже материальных предметов. Так коготь броненосца у охотников и рыболовов бороро служит украшением, а у земледельцев бакаир и мотыкой. Это— чрезвычайно важный факт, который позволяет нам не только объяснить, но и оценить «пережитки». Раз изменчив смысл даже орудий, изготовленных старинейшими приемами, то тем изменчивей всевозможные верования, правовые обычаи, священные обряды. Даже сохраняя старую форму, они могут варьировать свое содержание. Понятно, что отдельные части этого фолклора варьируют не одинаково быстро и не одинаково сильно. Религиозные верования устойчивее правовых понятий, культ сохраннее мифа, заговор долговечнее молитвы. Но и в области косных «пережитков» «все течет». Нелепость «пережитков», столь поразившая Тэйлора, как раз и объясняется тем, что они деформировались, стали чужими, «нелогичными» не только в том культурном комплексе, где они дряхлеют, но и в том, где они родились. Но пусть деформация «пережитка» не так велика, пусть ею можно пренебречь, здесь выступает другой его коренной недостаток. Дело в том, что пережиток интересует ученых не столько сам по себе, как таковой, сколько в качестве источника, отобразившего (пусть и преломленно) исчезнувшее культурное явление. Пережиток есть лишь мост, ведущий ученого к этому неизвестному икс. Допустим, что он доводит до него. Немедленно встает вопрос о дате этого культурного явления, если не абсолютной, то хотя б относительной, хотя б в смысле приурочения к определенному культурному комплексу. Этот вопрос оказывается неразрешимым, пока мы не откроем сходного с ним явления в одном из низших «культурных комплексов», относящихся не к «высокой», а к «первобытной» культуре. Есть что-то общечеловеческое, общее не только всем людям сегодня, не только всем людям исторического периода, но и всем людям, включая праисторических. Элементов общественности и мировосприятия начальных стадий первобытности у европейского человечества наших дней сохранилось столь же мало, как и элементов самой примитивной техники. Случайно мы еще пользуемся первоорудием—эолитом: не только, чтобы забить гвоздь, когда нет молотка,

(с изменением назначения), но и чтобы расколоть грецкий орех, если отсутствуют стальные щипцы. Современная патологическая психология регистрирует не мало отклонений от нашей «нормальной» психики, кажущихся нам теперь психическими уродствами, даже ненормальностями. Но все попытки перебросить их в первобытность увенчаются успехом лишь тогда, когда нечто аналогичное им будет зафиксировано в культурных комплексах подлинно первобытных, т.-е. дометаллических. Все рассуждения о примитивности половой ревности, воинственности и пр. оказываются построенными на песке: у наиболее примитивных живых дикарей австралийцев воинственности совсем не наблюдается, а ревность имеет столько ограничений, что сходство ее с современной весьма отдаленно. Чем культура выше, тем она сложнее, и тем труднее расчленить ту причудливую амальгаму, в какую слились в ней напластования элементов предшествующих ей культурных комплексов, и уже совсем немыслимо проецировать пережитки, в ней наблюдаемые, в ту или иную стадию культурной эволюции. По «пережиткам» можно еще заключать на один «комплекс» назад, дальше уже заключения становятся гадательными. Так по «пережиткам» австралийского культурного комплекса (протонеолит с наточенными орудиями) можно заключать об ископаемых магдаленцах (поздняя пора палеолита с отжимными орудиями). Так мне удалось объяснить (то же сделал еще в 1914 г., о чем мне было неизвестно, Beth в Германии) «жезл начальников» магдаленцев, как трещотку, путем сопоставления пережитков австралийской культуры с мадленской. Но крайне рискованной была бы аналогия с магдаленцами эскимосов, относящихся к концу неолита и даже халколиту. Хотя, конечно, у тех и других и могут быть общие культурные элементы, но учесть их и гарантировать свежесть и сохранность мадленского в эскимосском чересчур трудно. «Пережитки», таким образом, являются лишь даже не второ-, а третьестепенным материалом для реконструкции первобытности. На первый план выдвигаются ископаемые каменные культуры. Второе место принадлежит этнологическим культурным комплексам, тоже каменным. Комплексы, в которые проникли металлы, могут принадлежать разве к закату, но вовсе не к началу или середине пер-

вобытности. С этой мыслью едва ли кто станет спорить. Но очень многие, наверно, склонны внести в нее поправку, а именно сделать оговорку относительно племен, которые не сами льют или куют металлические орудия, а выменивают их у соседей. Для обществ дикарей, находящихся на ступени неолита, проникновение от белых нескольких стальных топоров, ножей и пр., конечно, не вызывает катастрофической сломки всего их прежнего культурного комплекса, хотя перемены вносит и в хозяйство, и в общественный строй, и в идеологию. Эти перемены необходимо учитывать, и это можно сделать [1]).

Гораздо труднее решить вопрос о бродячих обществах дикарей, живущих и охотой и собирательством, но выменивающих железные орудия у своих более культурных соседей. Таковы племена пигмеев и пигмоидов: ведда на о. Цейлоне, карлики африканских лесов, сенои, семанги, андаманцы, бушмены, кубу и пр. Я не имею здесь места для обсуждения этой проблемы. Могу лишь сказать, что пигмеи и пигмоиды находятся в своеобразном симбиосе со своими великорослыми и более культурными, хотя, на наш взгляд, варварскими народностями. Если рискованно все пигмейские культуры огульно признавать упадочными, то смело можно считать их смешанными, ибо нельзя отвергнуть влияния на их структуру факта выменивания железных орудий. Придавать им значение, как первостепенной важности источнику наших знаний о наиболее первобытном человечестве, конечно, нельзя. Считать их примитивнее австралийцев— совершенно неправильно. Если даже пренебречь фактом выменивания ими железных орудий, то выделка ими лука и стрел (у многих с отравленными наконечниками) говорит о более высоком уровне техники, чем австралийская, где лук еще неизвестен, а имеется лишь его предшественник—копьеметатель да пресловутая метательная дубина — бумеранг. Когда историк имеет повествование о каком-либо событии с позднейшими вставками, то он не делает из подобного мозаичного «источника» краеугольного камня своей реконструкции события. Точно также и пигмейские культуры, примитивные как будто даже в своих хозяйственных фор-

[1]) Примером может служить работа Max Schmidt. «Indianerstudien in Zentral-Brasilien». Berlin. 1905.

мах, в силу примеси элементов высших металлических культур, не могут служить первоисточникомд ля восстановления первобытности, тем более в начальных ее стадиях. Подобно пережиткам высших культур, эти культуры могут иметь значение лишь вспомогательного материала,— самого по себе темного и запутанного, но становящегося светлым и четким лишь при помощи фактов, восстановленных на основании исследования каменных, т.-е. определенно первобытных культур. Конечно, примитивных черточек у пигмеев найдется гораздо больше, чем у каких-либо негров.

Таким образом, произведя коннексию (сшивку) этнологических и археологических «культурных комплексов», можно на базе относительной хронологии, даваемой археологией, расположить этнологические комплексы в последовательном, восходящем порядке. Правда, мы получаем хронологическую классификацию этнологического материала с чрезмерно крупными клетками деления. Но и столь грубая хронологическая сеть вносит известную перспективу, известный космос в прежний хаос. Ее достоинством является ее прочность. Она вполне надежна, потому что покоится на археологической хронологии, созданной не типологически, а стратиграфически.

В свою очередь, исходя из идеи «культурного комплекса», этнология может отблагодарить археологию. Путем сравнения сходных ископаемого (А) и живого (Б) культурного комплекса, мы можем достигнуть огромного расширения и углубления наших знаний ископаемых комплексов, изучаемых археологией. Приходится проделывать своего рода наложение. Если мы наложим живой комплекс (Б) на ископаемый (А), то получим названия для ископаемых предметов, совпавших с соответствующими им вещами из живого комплекса. Так сопоставляя сходные комплексы, можно уяснять и назначение того или иного предмета, оружия, украшения и пр. Если сравниваемые комплексы не одной высоты (о чем можно судить по типу техники в том и другом), то определение назначения оружия становится несколько спорным. Так, у эскимосов (халколит) был найден каменный скребок, по технике и внешнему виду вполне напоминавший мустьерский (мезолит со сколотой техникой). Эскимосский и мустьерский комплексы принадлежат к разным ярусам культурного

развития. Поэтому является сомнение, служил ли скребком мустьерский предмет, похожий на эскимосский скребок. Но здесь археологи производят эксперимент. Если мустьерский предмет годится для очистки шкуры звериной, то употребление его с этой целью становится возможным. Палеогеография указывает, что мустьерцы жили в великое оледенение и потому нуждались в теплой одежде. Существование у мустьерцев скребка становится вероятным. Но сравнение комплексов дает еще больше, чем выяснение назначения отдельных орудий. Если комплексы ископаемый (А) и живой (Б) совпадут (по технике изготовления орудий, частью по их форме, частью по другим материальным предметам), то можно заключить о совпадении духовных и общественных элементов этих комплексов. Стоит лишь проделать наложение материальных обломков ископаемого (А) комплекса на соответственные элементы живого (Б), как вся духовная и общественная прослойка последнего (Б) проступит между обломками первого (А). К сожалению, полного совпадения материальных элементов ископаемого (А) и живого (Б) комплексов не бывает (при конвергенции существует и дивергенция, как обозначают это отклонение). Поэтому общественный и духовный элемент, перенесенный из живого комплекса (Б) в ископаемый (А) присущ последнему на самом деле, в виде вариантов, нам, к сожалению, остающихся неизвестными. Но сравнительный метод даже в руках историков не дает столь незыблемого заполнения пробелов и темнот, как изучение источников, уцелевших от изучаемой культуры. С такой приближенностью праистории волей-неволей приходится мириться. Если при сопоставлении живого комплекса (Б) с ископаемым (А) первый окажется ступенью выше второго, то можно судить об А по «пережиткам» Б. Так, ископаемую мадленскую культуру можно изучать по пережиткам австралийской, ибо отжимная техника непосредственно предшествовала наточеной. Само собой понятно, что в этом случае сравнительный метод даст еще менее надежные результаты. Что касается ископаемых культур эпох тесанных и сколотых орудий, то для реконструкции их общественности и мировосприятия этнология может принести весьма сомнительную помощь.

5. Доисторическая эрудиция [1]).

Я лишь в нескольких словах упомяну, что доисторик имеет возможность уточнить и увеличить свои знания о минувших эпохах, опираясь на целую вереницу самостоятельных наук, но которые для него являются вспомогательными, прикладными. Я не стану здесь даже переименовывать всю эту пеструю серию наук, ибо доисторическая эрудиция столь же обширна и столь же неограничена определенными рамками, как и эрудиция историческая. Укажу лишь, что для древнейших стадий первобытности это все науки естественные. Здесь, конечно, главное значение принадлежит геологии, затем важны палеография, палеоботаника, палеоклиматология, палеозоология, петрография и пр., и пр. Чрезвычайно важна антропология, понимаемая в узком и теперь становящемся общепризнанным значении, как наука о физической природе человека. Антропология устанавливает важный факт физической изменяемости человека [2]). Особенности в строении черепа (мозговой части его, нижней челюсти и пр.) позволяют делать некоторые заключения даже относительно общественности ископаемых людей (если отсутствие подбородка—признак нечленораздельности речи, то эта неразвитость языка—символ какой-то полустадной общественности). Но чем ближе к концу первобытности, тем меньше физические отличия между людьми, тем ненадежнее данные антропологии. Изучение современного человека (т.-е. homo sapiens), существующего с эпохи отжимных орудий, устанавливает слишком ненадежные расовые признаки (у скелетов), чтобы на основании их можно было делать заключения о доисторических «народах» и их миграциях. Правда, немецкие археологи чрезмерно увлекаются этим: Шухгард, Классен и особенно ультра-немецкий патриот Коссина (хотя он не немец) вводят в археологический ископаемый мир такие же «культурные круги», какие Грэбнер ввел в этнологию. Орнамент на черепках глиняной посуды служит для них путеводной нитью в

---

[1]) Я зову «эрудицией» «вспомогательные науки».

[2]) Новое в этой области (в популярном изложении) в моей статье «Когда появился человек?» («Красная Нива» 1923 г. № 22).

прослеживании блужданий доисторических народностей Европы. Коссина пытается решить всю проблему об индогерманцах (так в Германии зовут индоевропейцев), имея исходный пункт не в лингвистических, а в антропологических и археологических данных. Это, конечно, слишком шатко и питается лишь немецким шовинизмом: «длинноголовые», предки германцев, искони обитали в Европе. Русские археологи равнодушны и не понимают «высоких» чувств, которые воодушевляют некоторых немецких ученых при мысли о «допотопности» их соотечественников.

Если антропология для второй половины первобытности теряет свое значение, то к концу ее огромное значение приобретает лингвистика, или языкознание... Психика человека находит в слове свое лучшее внешнее выражение. Язык древнейшего человечества, конечно, нам неизвестен. Языкознание, становясь сравнительным, может однако заключать на несколько стадий назад, вглубь культурной эволюции. Такое сравнительное языковедение недаром именует себя «лингвистической палеонтологией». Путем сличения родственных языков, составляющих одну семью, эта наука восстанавливает праязык, по которому можно судить о соответственном культурном комплексе, хотя он не оставил после себя ни письменных, ни вещественных памятников, нам известных. Сравнительных языкознаний не одно, а несколько. Таковое наиболее примитивных народов дало наименьшие результаты. Правда, недавно патер Вильгельм Шмидт пытался путем сравнения австралийских языков установить последовательность и взаимодействие «культурных слоев» и «кругов» в Австралии. Он, конечно, вполне доказал правильность слоирования, сделанного признаваемой им теорией культурных кругов. Но, по отзыву знатоков, ему удалось разработать лишь частный вопрос о местоимениях австралийцев. Все остальное чересчур спорно и мало обосновано. Наибольшие результаты дало старейшее сравнительное языковедение индоевропейских народов, которое восстановило праязык праиндоевропейского народа. В языке этого народа было слово для обозначения лишь одного металла—меди. Вопрос о месте жительства этого народа («прародине индоевропейцев») до сих пор не решен. Коннексию лингвистических данных, с одной стороны, и антропологических и археологических, с другой—произвести слишком трудно. Тем не менее, главным образом по языковым данным ученые рисуют очень яркую картину жизни этого индоевропейского (или индогерманского) пранарода. По культурной высоте она вполне соответствует трипольской культуре «расписной керамики», отнесящейся к халколиту, частью к самому концу неолита (если верно расчленение ее на культуры А и Б). Наш знаменитый ученый академик Марр, ныне командированный в Испанию для изучения полумертвого языка басков, явился основателем яфетического сравнительного языкознания. Яфетиды, говорившие на яфетическом праязыке, являются еще более древним пластом населения Европы, чем индоевропейцы. Их следует относить к неолитической эпохе. Но исследования Марра еще не закончены. Языковедение особенно ценно для решения проблемы, выдвинутой Ратцелем, о заимствовании или передаче культурных элементов. Язык является наиболее надежным критерием, позволяющим устанавливать и факт передачи и направление ее, т.-е. определять, кто у кого заимствовал. Заимствование для марксистов не является столь трудным вопросом, как для идеалистически настроенных ученых, которые рисуют все племена земного шара вечными учениками, жадно подражающими всякой новинке и впитывающими влияния, словно губка воду. Но взаимодействие между культурными комплексами имело место на закате первобытности, с началом обмена. Обилие языков в Австралии, непонимаемость ближайшими соседями языков друг друга говорят об изолированности мелких людских сообществ, об отсутствии между ними хозяйственных и в силу этого духовных сношений. Таков наиболее существенный багаж доисторической эрудиции.

6. Заключение.

Мы видим, что праистория (или доистория) является очень сложной наукой, комбинирующей данные, прежде всего, двух огромных отраслей знания: доисторической археологии и этнологии. Путем пестрых вспомогательных наук, среди которых важнейшими являются сравнительное языковедение (или, вернее, языковедения) и антропо-

логия, она укрепляет те выводы, которые строит на археологическом и этнологическом материале. Как об этом говорил еще Шурц, «праистория» (так следует буквально перевести его Urgeschichte) есть наука «собирательница». Но за двадцать с лишком лет, протекших со времени принадлежащей ему «Праистории культуры» (или «истории первобытной культуры», как неточно переведено заглавие его книги), новая наука обнаружила большую активность. Она не собрала и не сложила в механическую кучу этнологический и археологический материал, а попыталась на основе его реконструировать первобытность. Комплексный метод является одной из таких попыток. Центр тяжести его в «культурном комплексе» (откуда и название метода) и сравнении соответственных комплексов. При пользовании им следует лишь помнить, что изучение комплексов требует самого тщательного изучения фактического материала. Внимание исследователя, сосредоточившись на узком комплексе, прежде всего должно прощупать все элементы его, особенно стремясь вскрыть их прилаженность друг к другу. Лишь после этого оно может перенестись на серию других комплексов, в поисках аналогий, взаимных связей, передач, миграций и т. д. Но, не изучив до дна один комплекс, не следует блуждать поверхностным взором по другим комплексам, распложая безбрежные сравнения. Тем паче следует избегать сопоставления отдельных культурных элементов, взятых из комплексов, относящихся к разным стадиям культурной эволюции. Исследователя, лишь впившись взором в гущу отдельного комплекса, сживется, счувствуется, пропитается всем своенравием его хозяйственных и в связи с этим общественных и духовных элементов. Попытка реставрировать первобытную психику, исходя из психики европейца конца XIX или начала XX столетия после Р. Х., конечно, бесплодна, особенно, если этой фиктивной, выдуманной психикой идеалистически настроенный ученый станет объяснять общественный и хозяйственный уклад «дикарей». Психика первобытного человека совсем не та, что у современного. Иная техника, иная экономика, иная и психика. Она примитивна, но эта примитивность вовсе не означает упрощенности: австралийская душа гораздо более потемки, чем чужая

душа человека одной с нами эпохи. Надежнее начинать изучение не с нее, а с орудий, материальных предметов вообще, общественных учреждений, формы семьи, чтобы затем уловить первобытное мировосприятие. Следуя олимпийцу Гете, недавно Шпенглер с высоты германского Олимпа постигал «души» великих культур путем своей блестящей, но холодной интуиции. Но его внешняя интуиция разбилась о факты. Приблизиться к подлинной первобытности в становлении ее культурных комплексов можно лишь путем интуиции внутренней, схватывающей сущность комплексов изнутри их самих при погружении исследователя с головой в их недра. В ней нет мистики, но есть конкретность. Если эта интуиция и окажется неудачной, но сквозь груды источников пробьется до новых фактов (пусть и очень немногих), то и тогда она принесет новые достижения для юной праистории [1]).

В. К. Никольский.

---

[1]) В силу объема настоящей статьи я не коснулся новых марксистских работ по первобытной культуре, что обещал в моем обзоре в № 3 „Вестника".

К постановке проблемы стиля.

R. Hamann: Der Impressionismus in Leben und Kunst.

Одной из актуальнейших проблем искусствоведения является, несомненно, проблема стиля. Правильное ее решение зависит в значительной степени, конечно, от ее правильной постановки.

В этом отношении старая книга немецкого искусствоведа Р. Гамана, у нас известная разве только специалистам, «Импрессионизм в жизни и в искусстве», представляет немало любопытного и поучительного. В его исследовании нас здесь преимущественно интересует именно постановка вопроса—но совершенно естественно, что при этом нельзя миновать и описательной части его труда.

Автор ставит вопрос широко.

Он прежде всего не ограничивается только областью пластических искусств: основные черты «импрессионистического» стиля он находит затем и в других сферах художественного творчества—в музыке и в поэзии конца XIX в. Подобное синтетическое рассмотрение известного художественного стиля, совершенно необычное (прецедент имеется разве в первом дополнительном томе Лампрехта к его «Истории германского народа»), уже само по себе заслуживает величайшего внимания. Но автор на этом не останавливается. Из области художественного творчества он переходит в смежные области духовной культуры, в область философии и этики, и открывает здесь те же «импрессионистические» черты, которые составляют характерные особенности «импрессионизма» в искусстве. Так становится импрессионизм стилем не только искусства, но и культуры,—стилем жизни. Однако и этими наблюдениями и выводами автор не считает возможным ограничиться. Очевидно, должны существовать какие то внешние, в общественной действительности коренящиеся

факторы — факторы социально-экономические, — которые породили, или,—как он формулирует,—которые благоприятствовали возникновению и существованию такого культурно-жизненного стиля. Ответив и на последний вопрос, автор и этим не считает задачу исчерпанной. Ведь возможно, что подобные же социально-экономические факторы действовали в жизни цивилизованных обществ и в другие эпохи, а если это так, то, очевидно, одинаковые или аналогичные социально-экономические факторы должны были вызвать одинаковые или аналогичные последствия для культурной и художественной жизни обществ — другими словами — в таком случае должны были и раньше существовать эпохи «импрессионистической» культуры и искусства. Здесь, как видно, социальный анализ художественно-культурного явления приводит или может привести к социологическим обобщениям—к установлению закономерной повторяемости столь на первый взгляд и по почти всеобщему убеждению совершенно индивидуальных и потому неповторяющихся явлений, какими кажутся явления художественного творчества и духовной культуры.

Так широко и правильно ставит немецкий искусствовед проблему импрессионистического стиля.

И хотя,— как мы увидим,— он в самых ответственных местах своего исследования сходит со своей социологической позиции, или вернее, хотя эта социологическая точка зрения у него не выдержана, хотя его труд никоим образом не может считаться написанным методом материалистического объяснения истории, все же большая его ценность не подлежит спору.

Гаман начинает свое исследование с определения существенных черт импрессионизма в пластических искусствах. Для нас достаточно будет отметить существеннейшее [1]). «Импрессионист избегает впечатлений и восприятий,

[1]) Приводим на всякий случай определение пластического импрессионизма, предлагаемое Гаманом: «Импрессионизм в живописи предпочитает восприятие и изображение, которые могут быть названы „живописными“ в противоположность пластически-линейному. Предметам недостает отчетливости, контуры расплываются. Не получается впечатления ясных и твердых форм. Все носит характер плоскостной неопределенной расплывчатости. Не создается впечатления телесной округлости и углубленной пространственности... Все сливается, не обособляясь ни контурами, поскольку речь идет о том что стоит рядом, ни пространственным расстоянием, поскольку дело идет о предметах, из которых одни находятся впереди, а другие позади“.

имеющих связь с прежним опытом, не представляющих ценности сами по себе, побуждающих связывать их законообразно с теми или иными (ранее составившимися) представлениями» [1]) Для него значение имеют лишь «чистые впечатления», «непосредственное чувственное восприятие», тогда как «переработка впечатлений», иными словами «функция мышления», «познание» отступают на задний план. «Импрессионистическое мироощущение является, таким образом, более пассивным, сенситивно-гедонистическим, (geniessend) в противоположность более активной (концепции пластически-линейной живописи), основанной не только на психологическом координировании впечатлений и воспоминаний (настоящего и прошлого опыта), но и на их связи с волевой функцией, формообразовательной»... Отсюда явное нерасположение импрессиониста ко всяким таким оптическим формам, которые «могут быть восприняты лишь так, что глаз видит отдельные части (предмета) одну вслед за другой, одинаково четко выявленными, которые соединяются затем на основе памяти в ритмические формы». Для импрессиониста «существует, иными словами, лишь то, что можно воспринять одним взглядом». Так и импрессионистическую картину надо рассматривать только на определенном расстоянии, с которого «ее сразу можно охватить». «Более внимательное приглядывание к ней ничего нового в ней не откроет». Избегая психологической связи с прошлым опытом, восприятие-впечатление импрессиониста не может не казаться и не быть «случайным». Импрессионисту все равно, что изображать. «Чем случайнее то, что он изображает, тем лучше картина, тем непосредственнее чувственное восприятие». «Предпочтение отдается преходящим моментам, движениями, которые передаются во всей случайности мгновенно-чувственного восприятия». «Изображать события, анекдоты запрещено, потому что их можно понять, только дополняя предыдущим и последующим, помощью известных (логических) комбинаций или (как в исторической картине) на основании знания исторических фактов». Допускается в лучшем случае изображение «состояний и настроений», изображение «людей в обстановке, действующей на нервы

[1]) Слова, взятые в скобки в цитатах, вставлены нами для большей ясности.

пасмурностью или ясностью, светом или тенью». Впрочем, импрессионист предпочитает ограничиваться одной фигурой, и даже не целою фигурою, а только частью, лицом или даже глазами, оставляя все остальное неразработанным. Господствует натюр-морт и пейзаж. «Последовательный импрессионист пренебрегает всем, что не есть впечатление, виденное, оптика», «все психологическое (логическое), вносимое интерпретацией, исключается». Для последовательного импрессиониста на первом плане «совершенно чувственное, совершенно неинтеллектуальное восприятие света и цвета». «Самое характерное достижение импрессионизма — это Pointilism». «Все стало цветом и утонченностью, нервной чувствительностью». «Лишенные пространственности и телесности эти картины не дают ничего, кроме красочной мглы освещенной атмосферы или переливающей всеми цветами ткани».

Импрессионизм в живописи это следовательно такое жизнеощущение и жизневоспроизведение, которое исключает, по мере возможности, всякие мыслительные процессы, во имя отдельных случайных пассивно воспринимаемых впечатлений чрезвычайной яркости и остроты, при чем в своем наиболее последовательном проявлении он сводится к восприятию и воспроизведению цветовых и световых впечатлений, непосредственно-чувственных, лишенных интеллектуальности переживаний.

Минуя скульптуру и архитектуру перейдем, — пользуясь, как и выше, словами самого автора, — к музыке. «Как в живописи, так и в современной музыке импрессионизм характеризуется нерасположением к упорядочению и связыванию на основе памяти впечатлений в одно целое и к повышению (Steigerung) непосредственно чувственного восприятия». Подобно тому, как в живописи отживает пластически-пространственная форма, так в музыке отмирает фуга. «То, что дает фуга, есть нечто совершенно интеллектуальное, чистейшая музыкальная логика, чуждая всего чувственно-возбуждающего и звуковой красоты, так как предъявляет величайшие требования к памяти и к способности связывать звуки в образы». Отступают на задний план также симфония и соната, «сущность которых состоит в том, что отдельные музыкальные части путем связывания их друг с другом и с прошедшим соединяются

и группируются в более значительное архитектоническое целое».

Место этих «устаревших» форм занимают композиции, «предоставляющие отдельным музыкальным частям больше самостоятельности и придающие непосредственно воспринимаемому ценность и вне его связи с предыдущим и последующим». Доминирует на ряду с оперой Lied. Но и оно импрессионистически разлагается. «Мелодия суживается в один мотив, в музыкальный крик, — в жалобный или пикующий тон, дающий настроение». «Как в живописи цвет и свет, так в импрессионистической музыке конечная цель—звук и звуковая окраска». «Красота и полнота непосредственного (звукового) переживания» — вот главное. В особенности привлекают оттенки звука. Даже классики музыки издаются в соответственно модернизированном виде (напр., Бюловым). «Пуэнтилизму в живописи соответствуют в музыке богатые тонами аккорды, придающие даже тривиальным мотивам особую прелесть». В один звук объединяется много и притом далеких друг от друга тонов, так что звук распадается на тона, как краска в живописи пуэнтелистов разлагается на «точки». «Грубейшим средством этой возбуждающей нервы музыки является prestissimo, к которому в классической музыке прибегали только тогда, когда утомленный слух нуждается в таком возбудителе, т.-е. в финале».

Непосредственное чувственное переживание, лишенное по мере возможности интеллектуального элемента, живописность звука, господство оттенка звука, реакция на нервы — таковы существеннейшие черты импрессионистической музыки.

И те же особенности повторяются в соответственной вариации в поэзии конца XIX века.

«На место действия, соединяющего в романе и драме разнообразные мотивы, из которых одни подчинены другим, как следствие причине, становится изображение среды и характеров». «Отдельные акты драмы и отдельные главы романа не находятся между собой во внутренней связи, как подготовка и следствие, а образуют самостоятельные части с замкнутым действием и развитием, повторяющие основную тему в разнообразных вариациях». Драма становится все более изображением «настроения». Отсюда

мода на одноактные маленькие пьесы, на небольших размеров театры. Между тем, как драма становится лирикой, лирика, в свою очередь, сближается с музыкой. «Музыкальность и содержание находятся обычно в отношении обратно пропорциональном». Разлагается старая строфическая и рифмованная форма ради свободного ритма. Декламаторский речитатив и звукопись идут в лирике рука об руку с заменой описания и действия нанизыванием непосредственных впечатлений. Устранение связи данного переживания с предыдущим и последующим, предпочтение, отдаваемое непосредственно мгновенному моменту, объясняет тяготение новейшей поэзии к тому, что «только образ», и далее к тому, что «только краска». Словесное искусство имеет тенденцию стать живописью, врывающейся и в театр, как господство декорации. Как в импрессионистической живописи намеки на предметы заменяют самые предметы, так в импрессионистической поэзии (символизм) прелесть стихотворения вытекает из необходимости «угадывания» изображаемого (Маларме).

То особое жизнеощущение которое лежит в основе импрессионистического художественного стиля, повторяется известным образом и в других областях духовного творчества. И прежде всего в философии [1]). Можно говорить о некоей «импрессионистической» философии. «Это учение, которое заслуживает названия «психологизма», ибо оно считает реальным лишь психическое или так называемый «внутренний опыт», отрицая реальность самостоятельного внешнего мира». Как видно, это прямая противоположность естественно-научного мировоззрения, которое «базируется не только на непосредственно воспринимаемом, но и на прежнем опыте, усматривая свою задачу не в описании получаемых впечатлений, а в познании явлений».

---

[1]) Как не трудно видеть, «импрессионистическая» манера относиться к жизни и воспринимать жизнь с ее преобладанием пассивного восприятия впечатлений над систематизирующей их переработкой, по существу, враждебна философствованию. И в самом деле, последние десятилетия XIXв. (эпоха «импрессионистической» культуры) были мало благоприятны для развития и процветания «философской» мысли. Крупнейшие задающие тон мыслители — особенно Германии — не были философами в традиционном смысле. Значение Маха — в психонализе естественно-научного познания, для Дильтея — основа всех гуманитарных наук психология, а Липпс просто отожествлял философию с психологией. Почти во всех крупных университетах Германии кафедры философии заняты психологами.

Так в эпоху импрессионистической культуры возникают учения о «содержании сознания», как единственном реальном (Риккерт) или об «ощущениях», как единственном реальном (Мах). «То, что обесценивает в глазах импрессиониста трансцендентный (т. е. «внешний») мир это то, что его надо познать по известным законам, что здесь не царит непосредственное восприятие». «Естественно-научное мышление разнится, таким образом, от импрессионистического так же, как пластическо-пространственная живопись от импрессионистической». Между тем, как естественно-научное мировоззрение мыслит мир, как пространство, величину, тяжесть, движение, усматривая в звуках, в красках только «знаки» для этого мира движущихся в пространстве атомов,—импрессионист перевертывает эту точку зрения низом вверх, считая« атомы» только средством для «упрощения» воспринимаемого (Рикерт), только «средством», а не «целью» (Мах). «Можно было бы утверждать, говорит Мах, что в физике не столь важны чувственные факты, сколько атомы, силы и законы, составляющие, так сказать, ядро этих чувственных фактов. Однако беспристрастное размышление учит, что все наши практические и интеллектуальные потребности удовлетворены, как только наша мысль сможет воспроизвести полностью чувственные факты. Законы—это только средства, облегчающие нам упомянутое воспроизведение (*Nachbildung*). Ценность их зависит всецело от того, *насколько* они в этом отношении оказывают нам помощь». Для импрессионистической мысли таким образом «психология и описание» ближе, нежели «естествознание и объяснение». В области гуманитарных наук выставляется поэтому требование: давать описание факта, «однажды имевшего место». «Исторический интерес преобладает над систематизирующим, а философское обоснование этого интереса дали Виндельбанд, Зиммель, Эйкен и Рикерт». Провозглашается формула: историк (в смысле Рикерта) «ближе к идеалу познающего» субъекта, нежели естественник. «Не включение факта в систему опытного знания, а описание факта в его единобытном существовании» — вот цель гуманитарных наук. Из этой нелюбви к систематике вытекает симпатия ко всякого рода «бессистемным книгам» — к дневникам, изложенным в форме писем, к диалогам, на-

конец, к афоризмам, отражаясь и на слоге, который сближается со стилем телеграммы». С другой стороны, мысли заменяются сравнениями, образами, «мыслят образами». Достаточно указать на Зиммеля, не говоря уже о Ницше. Импрессионистическое мышление вторгается и в школу, в педагогику: вместо систематизирующих, чисто интелектуальных наук, как математика и грамматика, выдвигается принцип «наглядного» обучения, и искусству отводится значительное место в учебном плане и обиходе. Наконец, «психол гизм» переносится незаметно в природу, которая одухотворяется (напр., «Разум цветов» Метерлинка), и затем и в науку, которая таким образом насыщается лиризмом. У Геккеля одухотворена даже первоначальная «клеточка», а под влиянием эстетической теории Липпса о «вчувствовании» «линии картин начинают прыгать и скакать, свет и тени или влюбляются друг в друга, или избегают друг друга» и т. д.

Если от философии импрессионизма перейти к его этике, то мы видим, как здесь пренебрежительно отбрасываются всякие идеи — с одной стороны, абстрактные, с другой, предполагающие способность и желание связывать настоящее с прошлым и будущим, напр., идея государства, этого «чудовища» (Ницше) — «теоретический и практический анархизм—явление, сопутствующее импрессионизму», это «наиболее распространенное политическое мировоззрение». В таком же пренебрежении идея брака (вместо него свободная, не связывающая любовь), идея профессии (которой противополагается вольное богемное существование). Торжествует этика совершенно индивидуалистическая, не считающаяся с общим, лишенная всякой мысли о связи индивидуума с другими, имеющая в виду только «мгновенность». Старомодным объявляются такие добродетели, как верность, постоянство, благодарность (множество иллюстраций из новейшей литературы). Напротив, «состояния, в которых воля и интеллект подточены, экстаз во всех его видах, прославляются, как наивысшее наслаждение, возносящее человека над душным и тесным миром воли и мысли». Отсюда окрашивающий все этическое мировоззрение запада конца XIX в. сенсуализм и гедонизм... Мораль вытесняется эстетикой. Люди и вещи оцениваются исключительно с эстетической точки зрения. Хорошо все

оригинальное, интересное, даже анормальное, даже преступное, все новое — экзотика, архаика — все неизведанное, все жуткое — мистика, оккультизм, «эстетизм — вот форма утонченной жизни импрессионистического человечества».

Если резюмировать вкратце, то импрессионистическая культура это культура: 1) крайне индивидуалистическая и субъективистическая, 2) с преобладанием элемента пассивного восприятия над элементами мысли и воли, 3) отводящая преимущественное значение моменту эстетическому (по сравнению с общественным и моральным), 4) отражающая чрезвычайную возбудимость и утонченность нервной системы.

Спрашивается, из каких социально-экономических основ выросли импрессионистическая культура и импрессионистическое искусство?

В своем первом «дополнительном» томе историк Лампрехт выводил импрессионизм в его разнообразных вариациях из характерной для новейшей жизни запада Reizsamkeit, т.-е. возбудимости нервов, т.-е. факта психофизиологического. Гаман, в предисловии ссылающийся на работу Лампрехта, идет дальше и готов объяснить этот психофизиологический фактор социально-экономическими условиями, а именно, с одной стороны, крупно-городским укладом жизни, с другой, наличием класса торговцев и финансистов, т.-е., иными словами, импрессионистическая культура есть культура капитализма (известного фазиса в истории капитализма). Автор сначала весьма склонен принять это объяснение, предложенное впервые не им, и соглашается, что если стать на эту точку зрения, то становится понятным, почему культура и искусство всех «великих торговых стран и наций» была всегда насыщена импрессионистическими чертами, иллюстрируя это положение примерами из художественной жизни Эллады, Венеции, Голландии и Англии. Но согласившись, Гаман тут же бьет отбой: в виду наличия в этих странах и иных течений, он заявляет, что причину возникновения импрессионизма искать в этих «социально-экономических условиях» нельзя (216). И однакоже на той же странице он вынужден признаться, что если исходить из вышеуказанных условий (здесь нет возможности выяснять связь

между ними и импрессионизмом, как культурным стилем, ибо подробное освещение этого вопроса потребовало бы слишком много места), то становится понятным, почему импрессионизм «идет рука об руку» с такими социально-экономическими явлениями, как «централизующи тенденции», «ярко выраженное денежное хозяйство», «господство капитализма и капиталистов» — и не даром резиденциями импрессионизма являются современные крупные города капиталистического типа, как Лондон, Париж, Вена, Берлин и не случайно реакция против импрессионизма шла под знаменем реабилитации среднего класса (мелкобуржуазной культуры). Указанные колебания Гамана объясняются отчасти тем, что он пытается дать особое истолкование генезиса импрессионизма. Если мы хотим правильно понять „культурно-историческую обусловленность" (Kulturcausalität) импрессионизма, — заявляет он, — то мы должны исходить не из социально-экономических условий, а из психологии известного возроста. И в главе, по своему чрезвычайно интересный, Гаман показывает, как черты импрессионизма налицо в творчестве *стареющих художников*, остановливаясь подробно на стиле Рамбрандта, Гете и Бетковена в их *старости*. А если так, то не является ли импрессионизм вместе с тем стилем *стареющих обществ?*

В последней главе, по своему также весьма любопытной, Гаман делает характеристику 3-х эпох в истории европейских обществ, а именно: эпохи позднего эллинизма и римской империи, эпохи рококо во Франции и эпохи романтизма в Германии. Во всех этих 3-х культурах он одинаково вскрывает черты импрессионистической мысли, морали и искусства. Разумеется, в этих трех случаях мы имеем перед собою общества, которые могут быть охарактеризованы, как общества, сходящие с исторической сцены. Но встает вопрос — импрессионизм эллин-римской, галантной и романтичезаой культур является ли он идеологическим отражением психологии именно умирающих обществ или же, — как автором раньше если и не установлено, то, по крайней мере, допущено, — результатом наличия крупно-городской капиталистической кульуры? И когда он переходит к анализу трех им освещаемых эпох, то у него выходит, что иногда действует преимущественно последний фактор, а иногда, напротив, мы имеем дело с

отмирающим обществом (но, однако, иного социального типа, поставленным к тому в совершенно иные социально-экономические условия). Так эллино-римская культура несомненнейший продукт капитализма: «социальные условия эпохи римской империи—это господство капитализма, могущество вольноотпущенников, т.-е. денежных людей, тогда как старая аристократия впадала в бедность, а чиновничья и военная теряла прежнее значение. Политика диадохов сводилась к совершенно антисоциальному накоплению и удержанию в стране капиталов и золота. Вся жизнь сосредоточилась в больших центрах. Городская политика диадохов—это политика стягивания маленьких местечек в более крупные города,—процесс, имевший своим последствием обезлюдение деревни. Культура эллинизма, как культура римской империи, это культура крупно-городская». Правда, эллино-римское общество этой эпохи можно назвать находящимся в процессе отмирания, но в создании импрессионистической культуры этой эпохи какие действовали факторы — капитализм со всеми его последствиями, или отмирание со всеми его результатами, или оба вместе?

Что же касается французского рококо и немецкого романтизма, то ведь ясно, что ни, та ни другая эпоха не может претендовать на название «крупно-городской» капиталистической, — очевидно, в данном случае перед нами общества, сходящие с исторической сцены. Так оно у Гамана и выходит. «Если бы нам надлежало,—говорит он, — изобразить идеал импрессионистической культуры, как культуры утонченной общественности, праздника остроумия, грациозного кокетства, игры в любовь, рафинированной и быстрой смены впечатлений в процессе порхания над жизнью, то нам представилась бы именно эта эпоха (т.-е. рококо). Не без основания для нее было придумано выражение: смерть среди красоты». Здесь, как видно, не только дано несколько иное, чем раньше, определение для импрессионизма, но и самый импрессионизм истолкован, как культура именно умирающего общества; однако, французское общество эпохи рококо, как и общество эпохи немецкого романтизма было умирающим лишь постольку, поскольку в них имелся налицо класс феодального или полуфеодального дворянства — социальный факт, ничего общего не имеющий ни с крупно-городской культурой, ни с капитализмом вообще.

Ограничимся этими мыслями и положениями Гамана. Не останавливаясь здесь на вопросе о правильности сделанного им описания импрессионизма, ограничиваясь указаниями на двойственный характер предлагаемого им объяснения генезиса этого культурно-художественного стиля и на недостаточно четкое разграничение эпох крупно-городской капиталистической культуры и эпох, сходящих с исторической сцены обществ, которым в лучшем случае соответствуют особые разновидности импрессионизма, еще раз подчеркиваем по существу правильную постановку немецким искусствоведом постановку самой проблемы стиля.

Заслуга Гамана в том, что он зовет к синтетическому изучению стиля не только во всех областях художественного творчества данной эпохи, но и во всех смежных областях духовной культуры, при чем для него все-таки ясно — при всех его в этом отношении шатаниях и невыдержанности,—что стиль культуры данной эпохи есть лишь особое выражение социально-экономических факторов, которые, действуя и в другие эпохи, производят аналогичные идеологические последствия.

При такой постановке проблемы стиля устраняется из искусствоведения гегемония личности художника: его личный стиль — только вариант господствующего социального стиля,—падает старый предрассудок, будто художественный стиль есть нечто оторванное от жизни, нечто самодовлеющее, развивающееся по своим имманентным законам, а вместе с ним и другой предрассудок, будто явления художественного творчества, как совершенно индивидуальные, неповторяющиеся, могут быть только «описаны» в их «единобытном существовании», иными словами, расчищается почва для научного изучения стилей в их социальной обусловленности и социологической повторяемости.

В. Фриче.

Мировоззрение и формы стиля.

Более чем богатый материал, который искусствоведение накопило, собирая, сравнивая, хронологически располагая и анализируя, дает нам возможность проследить довольно точно запутанное техническое и художественное развитие изобразительных искусств и, в частности, архитектуры Европы и средиземноморских стран, хотя некоторые детали все еще окутаны довольно густой тьмой. Вполне понятно, что исследователи ограничивались чисто профессиональной трактовкой материала, оставляя без рассмотрения социальную сторону вопроса. Если же они делали иногда попытки привести историю стиля в связь с общественной жизнью, они делали это в чисто идеологическом смысле, считая материальные формы бытия отражением идей. Формы художественного стиля эти исследователи толковали таким же образом, как известное выражение «духа времени», национальной идеи или, с образно более современному направлению господствующей классовой идеологии,—определенного общественного периода.

Этот взгляд разделяли также и многие представители новейших направлений в искусстве, отстаивая при этом не столько чистоту теории, сколько возможность, благодаря ей, получить прекрасное оружие в свои руки для защиты собственной тенденции в искусстве и того нового в нем, которое, как известно, не встречает ни всеобщего одобрения, ни понимания. Что вообще является лишь теорией, то у них становится программным требованием: если стиль есть ничто иное, как выражение идеологии, мировоззрения своего времени, то и современный художник, поскольку он является сторонником прогрессивного, преследующего отдаленные цели в будущем мировоззрения, вынужден, эмансипируясь от старых форм стиля, создать свой новый стиль.

Эта формула применима также и к строительному искусству, и тогда она гласит так: «подобно тому, например, как соборы, построенные христианскими народами в средние века, являют собой каменный символ христианского *мировоззрения*, точно так же и здания, возводимые в настоящее время, должны в своем стиле отражать дух времени и, в особенности, здания, которые уже теперь строит для себя рабочий класс, носитель социалистического мировоззрения. Эти здания должны носить на себе печать пролетарского мировоззрения и в своей архитектуре выявлять «*социалистический* стиль».

Не только историк искусства и архитектор-практик должны вследствие своей специальности ближе ознакомиться с этой теорией, но и широкие слои населения, которые всегда являются более или менее терпеливым объектом для применения выводов, вытекающих из вышеизложенной теории, имеют все основания от времени до времени несколько поинтересоваться дискуссией по этим вопросам.

Эта теория есть результат довольно сложного смешения ложных выводов и неясных предпосылок. Если к ней можно отнестись несерьезно до тех пор, пока она является лишь ретроспективной попыткой разъяснения эволюционных проблем в истории искусства, то ее надо отвергнуть самым решительным образом, лишь только она претендует на роль практического руководителя уже при проектировании и выполнении произведений строительного искусства.

Стиль, о котором говорят, как о христианском,—готический,—развился из главнейшего типа постройки (Raumtypus) раннего христианства и средних веков, из так называемой базилики с одним поднятым средним нефом и несколькими боковыми, более низкими. Как пространственная форма, этот тип в своих существенных элементах существовал уже несколько десятков лет до-христианского летоисчисления в римских частных домах и послужил прообразом для будущей христианской базилики. Ясно выраженный готический стиль, который в чистом виде вполне разработан был только в немногих местностях Франции, есть не что иное, *как наисовершеннейшее решение проблемы*

вывести массивный свод над основной формой базилики в те времена, когда еще не были знакомы с железобетоном.

Не простая случайность, что это удалось сделать именно во Франции, а не в самой Италии, в стране возникновения архитектурной формы базилики. Во Франции, как и в Италии, традиция сводчатых сооружений восходит еще ко временам римской древности. Но между тем, как в Италии эта конструкционная форма применялась только в центральных постройках баптистерий, а не в церквах продолговатой формы с тремя и пятью нефами, где сводчатое перекрытие при тогдашнем состоянии техники было невозможно,—во Франции сводчатое перекрытие с самого начала было перенесено и на постройку тех продолговатых церквей, форма которых, как *имеющих один только неф в форме зала*, не представляла больших затруднений для массивного сводчатого перекрытия. Ввиду бесчисленных пожаров от ударов молнии, жертвами которых становились церкви с несколькими нефами, которые также и здесь вначале строились с деревянными потолками, вопрос о массивном потолке для них становился вопросом величайшей экономической важности. Так как сводчатое помещение, превосходящее известную величину, производит более величественное, бесконечно более торжественное впечатление, чем помещение с плоским потолком, то хозяйственная задача должна была в то же время стать и художественным лозунгом. Так возникла к концу первого тысячелетия сводчатая базилика романской эпохи, которую развили в разных строительных школах Франции и Нормандии в целый ряд различных типов, где статические условия новой системы вскоре повели к введению определенных конструктивных мероприятий. Среди них два наиболее важных — крестовидное ребро на перекрестных сводах, а затем контрфорсы и стрельчатые арки, которые должны были принять на себя боковой сдвиг среднего свода (высшего нефа). Последовательное применение их и соединение их со сводами на стрельчатых арках вместо полукруглой арки дало потом возможность перенести всю горизонтальную тяжесть сводов на отдельные столбы среднего нефа, а равно перенести боковой сдвиг от последних на контрфорсы наружных боковых нефов; благодаря этому явилась возможность открыть освобожденные таким образом от тяжести части стен между

столбами и контрфорсами в виде громаднейших оконных отверстий—все это дало большую свободу для разработки плана, для развития неимоверной высоты пространственности церкви и сделало возможным возникновение готического стиля.

Что общего имеет все это с христианским мировоззрением средневекового общества? — Чрезвычайно много: оно дало не более и не менее, как первую предпосылку для возникновения готического стиля тем, что оно поставило перед художественно-строительным творчеством грандиозную *задачу*, без коей готический стиль никогда не явился бы на свет. Но оно не имеет ничего общего со специальной формой, в которой поставленная задача нашла свое решение, — так же, как гигиеническое направление нашего времени не имеет ничего общего со специальной формой санитарных учреждений, так же, как эгоистические воззрения капиталистическаго мира не имеют ничего общего с конструкцией и формой паровой машины и электромотора.

Дальнейшим и, если возможно, еще более наглядным доказательством этому служит упадок готического стиля и замена его стилем ренессанс.

Классическими странами готики являются: Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды и Англия. Все классы тогдашнего общества, хотя и не принимали непосредственного участия в постройке церквей, все же были в этом заинтересованы, поскольку в церкви происходили многочисленные публичные акты, важные как для отдельной личности, так и для всей общины, помимо того, что церковь являлась местом религиозного культа. Соответственно и варьировала цель, которой служила церковь в каждом отдельном случае, смотря по тому, была ли она построена, как дворцовая, монастырская, как собор или приходская церковь и т. д. Но во всех этих случаях пространственный тип оставался все тем же — это *тип продолговатой постройки с одним или несколькими нефами в одном помещении, без какого бы то ни было горизонтального подразделения на этажи.* И только ограничиваясь этим пространственным организмом, из которого он развился, можно говорить о готическом стиле, как об органическом. Его последующее, чисто внешнее применение к постройкам другого рода, к

постройкам для гражданских целей — к замкам, к ратушам, к цеховым общественным домам, даже к обыкновенным жилым домам горожан — было необходимым следствием того, что художественное строительство в течение многих столетий было сосредоточено почти исключительно на сооружении церквей, как на важнейшей строительной задаче средневековья, — было следствием того, что все художественное мышление было проникнуто готическими формами. Тем не менее расчленение помещений гражданских построек в горизонтальном направлении, вследствие подразделения на этажи, в борьбе с вертикальной тенденцией готического церковного строительства настолько проложило себе дорогу, что возник компромисс, который при всех своих преимуществах обнаруживает свои слабые стороны; но этот компромисс совершенно неизбежно был оставлен в тот момент, когда в ренессансе была найдена форма, которая дала несравненно более богатые возможности развить этот тип построек со многими помещениями при помощи горизонтального расчленения, чем это было когда-либо возможно для готики.

Ренессанс появился в Италии, и это появление его именно в Италии опять-таки было не случайно. В то время, как к северу от Альп совершался процесс перехода от ранней готики к высшему ее расцвету, и главную задачу строительства, согласно с общественной структурой, составляли церкви и монастыри, ратуши и гильдейские дома, — в это время в итальянских торговых городах, в Венеции, Генуе и Флоренции процесс разложения средневекового цехового строя был в полном ходу. Рядом с организованным в цехи ремесленным сословием появился изолированный купец, рядом с классом мелкого бюргерства — класс богатых патрициев. Влияние последних на искусство в общем и на строительное искусство в особенности проявилось в том, что их потребности были направлены не столько на сооружение и украшение общественных зданий, сколько на величественную отделку собственного дома, в котором они давали *свои собственные* празднества и приглашали *своих* гостей. Их жилища, их дворцы стали теперь, когда быстро расцветающая торговля с Востоком усилила их экономическое и политическое положение, крупнейшей и самой заманчивой задачей для итальянских

архитекторов. Но чем более она такой становилась, тем отчетливее должна была обнаруживаться недостаточность применения элементов готического стиля, должна была возникнуть потребность в других архитектурных формах, адэкватных пространственной форме дома патриция, и должно было увеличиться желание освободиться от оков готических форм. Все это направило внимание на сохранившиеся в то время в гораздо большем количестве, чем нынче, памятники древнего строительного искусства, изучение которых показало блестяще пригодность их форм для нового архитекрурного типа. Так начинается тот период строительного искусства, который простирается от Ренессанса до Барокко, Рококо и т. н. Biedermeierzeit и содержание которого заключается, главным образом, в теоретической и практической разработке важнейшей для этой главы в истории строительного искусства задачи — всестороннего развития гражданского строительного искусства.

И совершенно так, как во времена готики готическая форма влияла на все художественное творчество и проявлялось не только в гражданском строительстве, но и в художественной промышленности, так и теперь поглотившие всеобщий интерес формы Ренессанса вытеснили готический стиль не только из светского, но и из церковного строительного искусства, — прежде всего в Италии, еще ранее, чем готика могла здесь прочно обосноваться, а потом и в странах севернее Альп, не исключая и Германии, где готика в церквах уже достигла таких пространственных форм, которые вполне могли бы благотворно развиваться, если бы волнения реформации почти не парализовали церковного строительства как раз в самое решающее время.

Этим дается также ответ на вопрос, который задают особенно глубокомысленные сторонники учения о влиянии мировоззрения, как общественной идеологии, на образование стиля: «разве изобретение пера повело к открытию письменности»? Письменность появилась везде там, где речь не удовлетворяла больше, как средство объяснения, и вследствие этого возникала потребность в способе обмениваться мыслями без устного изъяснения. Но вопрос об изобретении письма для нашей задачи совершенно не имеет значения, ибо объяснять надо не само существование

церквей, а изменение специальных форм *стиля*, совершившееся в течение столетий в церковном строительстве. Если мы поэтому ставим вопрос о причине изменения форм письма, то было бы смешно оспаривать решающее влияние на них употребления различных средства письма, начиная от кисти и пергамента и до открытия печатного шрифта. Сама задача вытекает из потребности общества, а потому само собой понятно, что общественная идеология, духовное состояние определенной эпохи имеет большее или меньшее влияние на особенный характер большей или меньшей части этих культурных потребностей. Но способ осуществления поставленной задачи зависит от степени развития техники, от технических возможностей и искусности, которыми располагает общество, при чем понятие техники нужно брать не в узком, а в более широком смысле слова, заключающем в себе также художественную искусность и опыт.

Но отвергая теорию, которая видит в стиле каждой эпохи, в том числе и в архитектурном стиле, непосредственное выражение ее общественной идеологии, — каковое мнение, хотя и возникло не в настоящее только время, но защищается его сторонниками, как опыт историко-материалистического объяснения проблемы эволюции стиля, — мы должны указать, как эта теория могла возникнуть.

Двумя главными корнями развития стиля являются: во-первых, социальная структура общества, которая вызывает особенные индивидуальные и общественные потребности, определяющие специальные задачи строительного искусства, и, во-вторых, техника, от которой зависит способ решения этих задач и их осуществления. Но оба эти же корня развития стиля, — социальная структура и техника, — являются также и основанием для идеологии общества, так что с изменением социальной структуры всегда поэтому сопряжено изменение как идеологии, так и форм стиля. Эта их историческая одновременность и есть причина того, что идеология и форма стиля, из которых каждая сама по себе вырастает из одной и той же основы, ставятся друг к другу в отношение причины и следствия; это же есть причина неправильного вывода, будто христианское мировоззрение создало готику, гуманизм — форму стиля Ренессанс и что, само собою разумеется, социалистическое

мировоззрение также должно создать социалистический стиль. Для социалистов этот взгляд стал как бы пунктом программы, благодаря тому наблюдению, что период капитализма, против которого ведется политическая борьба, является для искусства периодом абсолютного упадка: таким образом, дело сводится к тому, чтобы преодолеть мировоззрение капитализма, воздвигнуть на его месте социализм, дабы из нового мировоззрения могло возникнуть новое искусство.

Но поскольку легко установить a posteriori, что готический стиль есть выражение средневекового благочестия, обращенного к небу, а ренессанс есть выражение настроения светского общества, состоящего из людей наслаждающихся, настолько трудно a priori конструировать, например, из социалистического мировоззрения форму стиля, соответствующую ему и только ему. Кто когда-нибудь задумывался над произведениями самого новейшего искусства, вдохновленными одним только «революционным» порывом, стремясь постигнуть, в чем же заключается смысл и связь их с социалистическим мировоззрением, — для того пусть послужит необходимым объяснением следующая цитата из Берлинской «Freiheit» от 19-го июля 1921 года:

«Этому душевному настроению (социалиста) соответствует форма: между тем как индивидуалист, стремящий проявить свою личность, предпочитает горизонтальную линию и неподвижную колонну, социалист любит вертикальную, вьющуюся линию и закругление, которое сначала охватывает собрата, а затем захватывает небо. Уже общественные поселки будут выстроены в форме круга в противоположность прежней четырехугольной замкнутости. Жилые дома из любви к земле будут вырастать в формах, ближайших к земле: кротовин, неправильных глыб и камней, лесных грибов, кустов и т. д. Общественные постройки отражают любвеобильное охватывание всех неправильностей и всего людского разнообразия в широких, свободных и рыхлых выпуклостях. Выбор форм для них будет происходит под влиянием того чувства, что в них и в особенности в священных постройках изображается кусок вселенной. В противоположность прежней индивидуальной конечности они, таким образом, будут подчеркивать сверхиндивидуальную бесконечность в небесных и звездных формах. И от

всеобщей любви, соединенной с радостной человечностью, все расцветет в светящихся, чистых и небесных красках».

Индивидуализм равен горизонтальной линии, социализм равен вертикальной, вьющейся линии и закруглению, охватывающему сначала человека, а потом наверху небо; что можно больше сказать о таком отчаянном диллетантизме, игнорирующем самые элементарные факты истории искусства, чем то, что он есть прямое следствие идеологического объяснения стиля? Представление об исторических архитектурных стилях, как о символе мировоззрения, должно неминуемо повести к тому, чтобы и в настоящем изобретать социалистические, геометрические и кубические объемные и пространственные формы, выкроенные для социалистического мировоззрения и для социалистических чувств. Но также неминуемо это стремление должно повести к самым безумным философствованиям, *так как возможности как символизировать мировоззрение, так и объяснять и толковать «символы» вроде абстрактно-архитектурных форм — безграничны.*

История показала нам только один единственный пример прямой зависимости между общественной идеологией и формой стиля. Он состоит в том, что общественное мнение может вмешаться в борьбу уже существующих форм искусства и стать на сторону одной из них. Начало Ренессанса в Италии, явившегося следствием возникновения нового общественного класса с новыми потребностями и требованиями, связано по времени с эпохой борьбы, которую вели большие части этого окрепшего и достигшего политической власти класса против германских императоров за свою независимость. Итальянского архитектора, которому на практике и в теории нередко приходилось вести отчаянную борьбу за проведение новых архитектурных форм против готической традиции, поддерживал итальянский художественный шовинизм, для которого готика представляла символ северного варварства, а родные античные формы — принадлежность как к прекрасному старому, так и к желанному будущему величию Италии, с которым он себя отожествлял. Но не было бы ни Ренессанса, ни Барокко, если бы итальянские архитектора, художники и скульпторы сделали эту диллетантскую символику основой своего творчества. И не будет никакого «социалистического искусства»,

или, чтобы правильнее формулировать этот лозунг, социалистическое общество должно было бы довольствоваться вышеупомянутыми кротовинами, как заменой хорошего искусства, если бы когда-нибудь на практике восторжествовала теория о мировоззрении, как о факторе образования стиля. Но такого значения теория эта никогда не достигнет, несмотря на все чуждые действительности спекуляции, несмотря на все болезненные попытки находить решения проблем, которые вовсе еще не поставлены на очередь или, что еще хуже, — желать давать решения вообще без всякого отношения к какой-нибудь представляемой цели, чем самоновейший «культ материала» старается превратить искусство в бессмысленную игру идиота. В той мере, в какой рабочий класс после своей победы над буржуазией сможет начать указывать строительному искусству в связи с созданием коммунистического производства *конкретные* задачи, строительное искусство и искусство вообще станет снова на почву действительности, и наши борцы за «новое» искусство смогут почувствовать себя освобожденными от роли плохих пропагандистов, на которую они ныне сами себя обрекают из любви к необоснованным теориям.

З. Циммер.

II.

Стенограммы докладов. читаемых в Соц. Академии.

Маркс — как историк.

(Доклад т. Покровского)[1].

Товарищи! Я, прежде всего, должен извиниться за свой голос. Вы знаете, что мудрая природа, создавая яды, создает и противоядия. Мудрая природа, предвидя, что я буду говорить вещи, может быть, не вполне приятные некоторым из присутствующих здесь молодых товарищей, лишила меня голоса, дабы, во всяком случае, мои нежелательные слова были менее слышны. Но зато я постараюсь быть возможно более кратким, т.-е. не то, что я постараюсь, а опять-таки та же мудрая природа постаралась сделать мой доклад более кратким.

Из кулуарных разговоров я уже заметил, что относительно темы этого доклада существуют некоторые недоразумения. Предполагается, что я буду говорить о конкретных исторических взглядах Маркса на различные конкретные исторические события. Я не буду об этом говорить по двум причинам. Во-первых, это сделало бы мой доклад непомерно длинным и в высшей степени необъединенным в нами поставленной центральной идее. Во-вторых, как мне уже пришлось заявить, будучи более, чем многие, верным марксистской методологии, я со стороны исторических фактов вполне допускаю у Маркса ошибки—просто потому, что ему не могли быть известны многие документы. Конечно, странно было бы теперь

[1]) Прим. ред. Печатаемые ниже доклады т.т. Покровского и Аксельрод были заслушаны 14/III — 1923 г. на торжественном заседании Института Красной Профессуры и Социалистической Академии к 40-летней годовщине смерти К. Маркса. Речь т. Аксельрод подверглась некоторому исправлению.

подвергать критической оценке взгляд его, положим, на Пальмерстона, как на наемного агента Николая I, ибо в свете тех документов, которые мы теперь знаем, такое предположение в настоящее время было бы до последней степени странным. Но Маркс верил тем слухам, которые тогда ходили — эти слухи укладывались в плоскость его оценки Пальмерстона, и он этими слухами пользовался. Документами нельзя ничего подобного доказать, а можно доказать как раз противоположное, именно, что Пальмерстон был одним из самых непримиримых врагов России и Николая I, каких только можно найти в Европе в первой половине XIX века. Я привел этот факт для того, чтобы показать, что рассмотрение исторических взглядов Маркса на отдельные события, представляя, конечно, громадный интерес для выяснения облика Маркса, как публициста, для выяснения его оценок, симпатий и антипатий, очень мало дает для понимания его колоссального значения, как создателя исторического метода.

Не думаю я фиксировать вашего внимания и на двух великолепных брошюрах Маркса: «Классовая борьба во Франции» и «18-е брюмера», к которому обычно обращаются, когда хотят охарактеризовать Маркса, как историка. Вы подумаете—почему? Тут я позволю себе высказать парадокс. Брошюры эти великолепны и блестящи, но, право, в 48-м году не нужно было быть Марксом, для того, чтобы понять классовую природу того, что совершалось во Франции. Эту классовую природу не только великолепно понял Герцен, последние письма которого из Франции и Италии проникнуты классовой точкой зрения, это не только великолепно понял Чернышевский задним числом, когда писал своего «Кавеньяка», это понимал даже реакционер Токвиль, это понимали даже представители Николая I во Франции—Киселев и агент 3-го отделения—Яков Толстой, которые невольно становятся на классовую позицию, когда пытаются понять то, что происходило в Париже, это понимал даже сам Николай. Никогда еще классовая борьба, как подкладка всего исторического процесса, не била до такой степени в глаза. И не от Маркса можно было ожидать, чтобы он ее не заметил. Конечно, Маркс дал этой классовой борьбе более тонкий и глубокий анализ, чем кто бы то ни было из современников,

которые тоже изображают события 48-года во Франции, как классовую борьбу, ибо только нарочно можно было не заметить того, что тогда происходило.

Я думаю, что мы можем к Марксу, как историку, подойти с более общей точки зрения. Маркс есть один из величайших представителей исторического метода во всемирной литературе. Маркс насквозь историчен, марксизм — есть историзм. Вот, что я хотел бы вам иллюстрировать в немногих словах в тот промежуток времени, который мне дан, и, как вы увидите из моего заключения, тут я опасаюсь опять кое-кого из молодых товарищей.

Мы должны быть историками, потому что мы марксисты, а —это доказал уже предыдущий оратор — большевики ведь марксисты! Материализм, по самой природе своей, есть наиболее историческое миросозерцание. Идеализм, в сущности говоря, не знал истории, объективный идеализм не знал истории человека. Для него вся история, в сущности, была священной историей. Какую форму объективного идеализма вы ни возьмете — «Книгу Бытия», Блаженного Августина или Боссюэта—вы не увидите на сцене, как свободно действующих исторических агентов,— людей. Вы увидите нескончаемую шахматную игру господа бога с диаволом, в которой люди служат пешками — и больше ничего. Под этим углом зрения собирался громадный исторический материал. Вы найдете там промысел божий, который делает ход конем — устраивает нашествие Чингис-хана на Европу, делает ход пешкой, выдвигая на сцену швейцарцев, и т.-д., но в конце концов вы не увидите там человеческой истории. Субъективный идеализм, в лице Канта, ликвидировавший идеализм объективный, тоже был неисторичен по другой причине. Раз весь мир есть только наше представление и не больше, то естественно, что этот мир не может иметь истории вне пределов индивидуума. Человеческая история с этой точки зрения — это есть история представлений. Вот почему история «*идей*» есть любимая тема этого периода. Несмотря на то, что сам Кант со свойственной ему колоссальной широтой захвата занимался и историческим анализом, от него до нас дошла очень интересная статья: «Взгляд на историю с космополитической точки зрения» —

это было случайностью, не связанной с общей теорией Канта, точно также, как и его теория неба. В этой небольшой статье он предвосхитил многие постановки того домарксовского исторического материализма, который мы потом встречаем у Бокля и у Щапова у нас в России. Но, несмотря на глубокую проницательность этой маленькой статьи, она для Канта совершенно не характерна.

Материализм, признавая, с одной стороны объективное существование мира, признавая, в то же время, что он никем не создан, уничтожив под миром с самого начала подпорку, стал перед чисто историческим вопросом: а как все это возникло? Это вопрос чисто исторический, ибо решительно все исторические вопросы, если их облечь в универсальную форму, звучат так: а как все это произошло? И уже у Лукреция мы встречаем, очень, правда, элементарную и наивную теорию эволюции, предвосхищающую во многих подробностях теперешние постановки — в вопросе, например, о происхождении религии.

Материалисты XVIII века сюда прибавили идею детерминизма — обусловленности всех человеческих поступков,— идею, которая коротко была выражена Лапласом в его разговоре с Наполеоном I, когда Лаплас ему сказал: «Дайте мне элементы вселенной в момент ее создания и я вам предскажу ее судьбу до самого конца». Таким образом, несмотря на то, что материалисты XVIII века были плохими историками, постольку они прокладывали дорогу историческому миропониманию, поскольку они были материалистами. И в данном случае Гегель, величайший философ-историк XVIII века, в сущности только перевел на язык идеалистической немецкой философии ту мудрость, которую он почерпнул у французских материалистов XVIII века. Вот почему эта оболочка философского идеализма так тонка у Гегеля, и его идеалистическое мировоззрение оказалось так легко использовать для совершенно противоположного мировоззрения, материалистического, что и сделал марксизм.

Совершенно естественно, что основатель диалектического материализма должен был быть, прежде всего, глубочайшим образом проникнут историчностью, должен был быть историком во всем своем миропонимании. Я позволю себе это подтвердить двумя цитатами из Маркса,

отделенными промежутком в 32 года. Вот, что писал Маркс Анненкову в 1846 году:

«Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории,—потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы—это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся,—производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли (ont grandi) производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» [1]).

Нельзя было более четко поставить ту далеко не всеми нами, марксистами, — не только в ковычках, но и без ковычек—осознанную мысль, что мы не можем исторический переворот творить из ничего. Это было написано в 46-м году, а в 1877 году, в своем знаменитом письме в редакцию «Отечественных Записок», Маркс развивает ту же мысль, несколько варьируя форму.

«Спрашивается теперь,— какое же приложение к России мог извлечь мой критик из моего краткого исторического очерка? Только следующее: если Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западноевропейских наций,— а в последние годы она не мало потрудилась в этом направлении,— ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись однажды на лоне капиталистического строя, она неизбежно попадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, „Письма". Перев. и примечания В. В. Адоратского стр. 7.

грешные народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития,— в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти, в конце концов, к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека. Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне много чести, и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен.

Покажем это на примере. В различных местах «Капитал» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение римской истории они были постепенно экспроприированы, при чем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собой образование крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме способности к труду, а с другой стороны — для эксплоатации труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздношатающейся чернью, «mob», стоявшей на более низком нравственном уровне, чем даже «белые бедняки» (poor whites) южных штатов С.-Америки, а вместе с тем сложился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабский (см. примечан. 211, стр. 688 русск. изд. «Капитала»). Таким образом, события, поразительно аналогичные между собою, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (passe-partout) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство

которой заключается в ее надисторичности (consiste á être supra-historique)» [1]).

Таким образом, Маркс через 32 года совершенно определенно подчеркивает, что какие бы то ни было экономические схемы могут дать какой бы то ни было ключ к пониманию реальных общественных отношений, только если мы эти схемы поставим на исторический базис, если мы начнем их применение с вопроса: а как сложились те отношения, которые приходится в настоящий момент ликвидировать? — тогда мы получим действительно реальный способ их ликвидации. Эту индивидуальность общественных отношений Маркс подчеркивает везде, в особенности часто в том «Капитале», который служит в настоящее время жертвой упражнений товарищей, особенно любящих ставить экономические проблемы в строго абстрактной форме. Именно там Маркс на каждой странице является таким же историком, как и везде. Я не буду упоминать первый том «Капитала», который является исторической книгой на три четверти, я могу дать цитату из 3-го тома того же «Капитала», чтобы просто иллюстрировать лишний раз словами Маркса ту же основную мысль.

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.-д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств [1]).

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, „Письма". Перевод и примечания В. В. Адоратского, стр. 239—240.

Щадя время и внимание аудитории, я не привожу еще одной цитаты Маркса, которая у меня есть, где он указывает, как абстрактный экономический анализ идет иногда в направлении и должен итти в направлении диаметрально противоположном действительному развитию экономических отношений. Это там, где он говорит о происхождении прибыли, в том же третьем томе «Капитала» [2]). В этой своей историчности Маркс доходит, можно сказать, до геркулесовых столбов. Вот что писал Маркс в письме к Кугельману, в 1871 году, в расцвете своего таланта и в середине своей литературной деятельности:

«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли бы никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайно-

[1]) Карл Маркс. „Капитал". Общая редакция Д. Рязанова и И. Степанова, глава 47, стр. 327.

[2]) «В ходе научного анализа исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимости, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, обслуживающая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой соответственной части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, том шестой, отдел под общей редакцией И. Степанова, стр. 270.)

стями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоявших вначале во главе движения» [1]).

Тут дело доходит уже, как вы видите, почти до «носа Клеопатры», до которого Плеханов, совершенно точно ставший на почву Маркса, и дошел в своем очерке: «О роли личности в истории». Там признается, что некоторое относительное влияние, очень небольшое, правда, нос Клеопатры может иметь. Но, конечно, «нос Клеопатры» не может иметь влияния на ход событий в целом: в целом это влияние «случайностей» стирается, как, впрочем, сам Маркс и оговаривает. Что касается индивидуальных событий, то их индивидуальность и выражается именно в том, что они отражают часто на себе печать определенного индивидуума. И поэтому в объяснение отдельных событий не вкладывать индивидуальности со всеми ее особенностями, особенностями тех людей, которые эти события создают, нельзя. Вот все, что хочет сказать Маркс, и это истина довольно элементарная, но радикальным образом нами забываемая, и не только практиками, но и теоретиками, когда мы ставим вопрос о роли личности в истории. Может ли изменить ход истории личность? Едва ли какая-нибудь личность, будь она самой гениальной, может в стране, где преобладает в массе мелкое производство, создать условия для непосредственного перехода к социализму. Конечно, нет, никакая личность этого сделать не может. Но если мы возьмем отдельное событие — 25 октября по старому стилю 1917 года—тут личности, напр., личность тов. Троцкого, сыграли большую роль. Возьмемте, далее, всю историю большевизма. Это, конечно, мировое явление, вызванное причинами чрезвычайно общими, далеко выходящими за пределы и нашей страны, и нашего поколения, но попробуйте понять отдельные моменты истории русского большевизма, от его зарождения до последней фазы, не привлекая к делу могучую индивидуальность его вождя: вам не удастся этого сделать.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, „Письма". Перев. В. В. Адоратского, стр. 226.

Таким образом, Маркс в своем историзме доходит до конца, до признания известного влияния индивидуального момента в истории. Маркс был историком всегда, даже тогда, когда он писал целые страницы, наполненные математическими формулами, которые берутся, как таковые, как формулы, совершенно независимо от той исторической обстановки, которая дала конкретную материю, наполняющую эту форму. Это приходится очень подчеркнуть вот почему. Тут я перехожу к самой горькой части моего доклада. Товарищ Преображенский сказал, что большевики—марксисты. Совершенно верно, что большевики действительно марксисты. Но марксизм большевистский проявлялся до сих пор только в том, что мы действительно великолепно воспроизвели тактику Маркса,—ту тактику, которую он проповедывал. Но были ли мы такими же марксистами не в области тактики делания революции, а в области нашего строительства? Конечно, нет. Мы тут действовали часто именно по тому рецепту, который Маркс отвергает в своем письме в редакцию «Отечественных Записок». Мы брали марксистскую теорию, как пасцарту, как отмычку и открывали ею все замки, не стесняясь тем, что́ они запирали и что мы за отпертой дверью найдем. У нас была великолепная формула национализации банков. Мы их и национализировали действительно революционно—так, как поступили бы в Англии или Соединенных Штатах, позабыв тот маленький факт, что в России подавляющее большинство населения состоит из мелких производителей, из крестьян, вследствие чего в результате получился «земельный банк», куда крестьяне вкладывали керенки по мере накопления; а затем, когда их накоплялось достаточно, они отправлялись на Сухаревку и там приобретали сюртук и штаны какого-нибудь почтенного профессора. Профессор приобретал на эти деньги творог, масло и прочие нужные ему продукты и керенки опять шли к крестьянину обратно и отправлялись обратно в «земельный банк». Получался своеобразный оборот: от «земельного банка» на Сухаревку и обратно,—но колеса нашего банкового аппарата этого оборота совершенно не задевали. Мы пришли к заключению, что эти колеса надо остановить, потому что энергии тратится много, а результатов не полу-

чается. Возьмите вы великолепную и чисто социалистическую формулу уравнительности, которую мы проводили в теории заработной платы. Лавров в своей истории Парижской коммуны, по моему, правильно совершенно упрекает коммунаров в том, что они не попытались провести этого принципа равенства оплаты труда, не поставили социалистического штемпеля на своей строительской работе. Но нужно было вспомнить, что у нас, на нашем уровне промышленного развития, ремесленный труд, и значит личная квалификация труда, играют такую громадную роль, что ввести просто уравнительность, не взвесив исторической обстановки, могло привести лишь к тем результатам, которые и получились—к тому, что производительность труда упала чуть ли не до 6—10%, ибо квалифицированный наборщик и дворник при типографии получали, в силу этой уравнительности, одно и то же. Наконец, я не могу не припомнить и из своих грехов кое-чего. У нас была великолепная педагогическая теория, теория единой трудовой школы, самой лучшей школы в мире. И мы, не считаясь с тем, как исторически сложилась школа в России и с какого конца нужно подойти к этой исторически возникшей школе, чтобы ее преобразовать, приложили и здесь абстрактную формулу: вы знаете, что из этого получилось. Мы были марксистами не до конца в 18—19 году, поскольку мы исходили не из конкретной обстановки, а из абстрактных формул, употребляя теорию Маркса, как отмычку, которой можно отпереть всякий замок. Мы отперли огромное количество замков, но нашли не то, что нужно. Мне скажут, что в 18 году мы иначе действовать не могли, потому что нам некогда было быть историками. Мы, действительно, так были стеснены обстоятельствами, так должны были спешить, что в самом деле, если бы мы вздумали заняться историческим анализом, анализом конкретной обстановки, мы бы, вероятно, ничего не сделали и впали бы в грех Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна не просуществовала и 3-х месяцев. Нам тоже тогда казалось, что нам отведены только месяцы—это истина, в которой приходится признаваться откровенно. Я не знаю, кто кроме Ильича считал наше существование годами. Таких людей, как он, было немного. Ильич считал, но он вообще шел впереди нас на 10 верст. Он и о государственном капитализме говорил в мае месяце 1918 года, а все остальные считали, что у нас в распоряжении небольшое количество месяцев, в течение которых мы должны по крайней мере сломать все старье. И этот слом старого старья мы ставили на первое место. Теперь совершенно ясно, что мы прочно уселись у власти, всерьез и надолго. Кто этому не верит, тому я рекомендовал бы почитать белогвардейские газеты. Они исходят из того положения, что ни завтра, ни послезавтра свергнуть большевиков нельзя. Они говорят, что этого нельзя сделать по соображениям высокой политической мудрости. Объективный факт, что нас не свергнешь,—они признают, и мы должны сделать выводы, которые сделал Ильич в своем последнем фельетоне. Позвольте вам напомнить одно место из этого фельетона:

«Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе.

Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал» [1]).

Именно тот человек, который нам тогда говорил, что нам некогда быть историками—и нам действительно тогда некогда было быть историками,—теперь нам говорит, что время есть, а раз время теперь есть, то позвольте нам быть марксистами до конца, т.-е. усвоить себе тот исторической метод Маркса, тот его исторический подход к анализу современной действительности, образчики которого я вам бегло привел. Существует много историков—не марксистов на свете, но марксисты не историками, по моему глубочайшему убеждению, быть не могут. Человек, который не умеет владеть историческим методом, не есть марксист, хотя бы он наизусть знал не

[1]) Ленин, „Лучше меньше, да лучше“, („Правда“ 4 марта 1923 г., № 49).

только все 3 тома «Капитала», но и 4-й том. Он будет, может быть, марксоподобным существом по внешности своей, поскольку он усвоил себе марксистскую фразеологию и терминологию, но все же марксистом он не будет. И я этот маленький и, может-быть, чересчур неполный для торжественного заседания доклад прочел для того, чтобы напомнить нашим молодым товарищам, что они только тогда сделаются марксистами, когда пойдут по пути, указанному Марксом, т.-е. будут твердо помнить, что всякий общественный анализ начинается с анализа исторического.

Действенность и диалектика в философии К. Маркса [1].

(Доклад тов. Аксельрод-Ортодокс).

Товарищи! Если бы в этом зале присутствовал какой-нибудь академический профессор философии, он бы прежде всего был удивлен такой странной теме, как тема «Действенность и диалектика в философии Маркса». В истории философии вы очень мало найдете или, вернее, совсем ничего не найдете о философии Маркса. Обычно академический историк философии считает философом такого представителя отвлеченной мысли, который написал на специально философские темы 3—4 книги, а если больше, то лучше. Одна должна быть посвящена метафизике или теории познания, другая—логике, третья—этике, четвертая—философии религии, а пятая—введению в философию, которая является введением в его собственную философию, или, точнее, в одно из господствующих идеалистических направлений. Таких книг Маркс, как известно, не писал, и потому творец исторического материализма не является философом в глазах историков философии школьного типа.

Но в действительности есть другой критерий для оценки философа. Философом, я думаю, можно безошибочно назвать всякого мыслителя и теоретика, который в своих конкретных научных исследованиях умеет стать на общую точку зрения и открыть в самой действительности такие общие принципы которые впоследствии становятся философскими предпосылками, оплодотворяющими положительное знание. С этой точки зрения величайшими философами XIX столетия были Дарвин и Маркс.

---

[1]) См. прим. ред. на стр. 373.

«Происхождение видов» кажется на первый взгляд невероятной по своему количеству грудой фактов. Количество друг на друга нанизанных фактов даже затрудняет чтение этой замечательной книги. Но это невероятное количество разнообразных фактов служит к полному исчерпывающему обоснованию великого диалектического закона, гласящего, что происхождение и развитие видов совершается на основании диалектического движения двух противоположных начал: наследственности и изменчивости. Теория происхождения видов, выведенная при помощи терпеливого анализа фактического материала, нанесла несравненно более сокрушительный удар идеалистической метафизике, нежели самые тонкие отвлеченные рассуждения на тему о теории познания. В замечательной по своей классической простоте и глубокой искренности автобиографии Дарвин пишет: «Некоторые из моих критиков говорили обо мне: Он, несомненно, превосходно наблюдает, но не умеет рассуждать». Не думаю, спокойно замечает Дарвин, чтобы это было верно, потому что «Происхождение видов» с начала до конца — один длинный аргумент и оно убедило не одного умного человека». Да, «Происхождение видов» есть «один длинный аргумент», иначе говоря, это знаменитое произведение проникнуто глубоко-философским содержанием, так как разносторонний анализ фактов ведет с железной необходимостью к установлению одного общего закона.

То, что сказал о своем произведении Дарвин, можно сказать о всех произведениях Маркса и, в частности, о его chef d'oeuvre, о «Капитале». Все произведения Маркса пропитаны насквозь общефилософским началом. И в них мы видим при вдумчивом и серьезном рассмотрении «один длинный аргумент, который убедит не одного умного человека». Если перевести «Капитал» на отвлеченный философский язык, если развернуть всю сложную диалектику, отражающую сложную диалектику капиталистического общества в его развитии, то получим глубоко-философское произведение, которое решительно ни в чем не уступит «Феноменологии духа» Гегеля. И понимание диалектического развития социально-экономических категорий в отвлеченном облачении будет стоить не меньшего напряжения, нежели следование за движением триумфальной колесницы его величества абсолютного духа.

Что же составляет сущность «длинного аргумента» в творчестве Маркса? Каковы отличительные черты его философской мысли? Всестороннего, исчерпывающего ответа на этот важный вопрос нет возможности дать в краткой юбилейной речи. Да вы, товарищи, этого и не ждете сегодня.

Обычно философия Маркса в нашей литературе рассматривается историческим путем в следующем порядке: Спиноза, французские материалисты, немецкий идеализм, в частности Гегель, наконец Фейербах и затем Маркс. Путь исследования исторического развития философии марксизма, несомненно, правильный, да он уже указан самим Марксом и его великим другом и соратником Энгельсом.

Но, идя этим правильным историческим путем, наши теоретики подчас приписывают предшественникам Маркса большую долю «марксизма», нежели это имело место в действительности.

Сделав это беглое замечание, я, однако, отнюдь не задаюсь целью в этой краткой речи подвергнуть анализу историческое развитие философской мысли Маркса и не думаю также определять размеры того огромного вклада, который внес Маркс в философскую область.

Сегодня я намерена и считаю наиболее целесообразным выдвинуть один момент, момент чрезвычайно важный, имеющий решающее значение в философском мировоззрении Маркса, — это момент действенности.

Цельность, действенность, властное неугасаемое стремление преобразовать общественную действительность были основными чертами сильной натуры автора «Капитала». Уже восемнадцатилетний Маркс, находившийся еще целиком под влиянием философии Гегеля, т.-е. будучи идеалистом, заявляет категорически в своем знаменитом письме к отцу, что его не удовлетворило написанное им произведение в духе немецкого абсолютного идеализма, и что «он решил искать идею в самой действительности». Все существо его протестует против бесплодной спекуляции, толкая его на путь критической мысли и революционных действий. В своей диссертации, написанной с строго идеалистической точки зрения, посвященной резкой критике величайшего философа-материалиста древности Демокрита, Маркс говорит, «что это психологический закон, что самоосво-

божденный разум превращается в практическую энергию, становится волей, которая поднимает знамя протеста против мирской существующей действительности, лишенной разума». «То, что было внутренним светом, становится истребляющим пламенем, стремящимся наружу». Это значит, что теоретический разум и познание должны превратиться в энергию и претвориться в волю, преобразовывающую действительность.

Принципом действенности проникнута с самого начала диалектическая мысль Маркса.

Это не случайность, конечно, что Маркс определяет свое отношение к системе Гегеля в предисловии к «Капиталу». Диалектика, как уже упомянуто выше, составляет душу этого классического произведения. Но сущность диалектического движения у Маркса, как известно, иная, чем у Гегеля. «Мой диалектический метод,— говорит Маркс,— в своем основании не только отличается от гегелевского, но даже составляет прямую его противоположность». У Гегеля диалектика исходит из идеалистических начал, у Маркса она материалистическая... Но, несмотря на идеалистическую сущность системы Гегеля и даже в противоречии к этой идеалистической сущности, диалектика, по словам Маркса, «впервые сознательно разработана в гегелевой системе». Философа-революционера Маркса привлекает к диалектике прежде всего то, «что она объемлет не только положительное пониманне существующего, но также и понимание его отрицания, его гибели, потому что она всякую осуществленную форму созерцает и в движении, а, стало быть, как нечто преходящее, потому что ей, диалектике, ничто не может импонировать, потому что она по существу своему проникнута критическим, революционным духом». Совершенно очевидно, что в этих словах Маркса подчеркивается революционно-общественная сторона гегелевой диалектики. Но Маркс не только революционная натура, он гениальный, глубокий мыслитель. Для него поэтому ясно, что диалектика лишь тогда может стать революционным орудием, когда она вообще находит себе оправдание и подтверждение в самой действительности,— иначе говоря, когда диалектический метод мышления отражает действительный ход развития как в природе, так и в истории.

Связь идеализма с диалектикой искусственная, незаконная. Идеализм, с которым Гегель обвенчал диалектику, извращает и искажает действительность, представляя ее в фантастической и мистической форме. Диалектический метод мышления получит свое должное и надлежащее значение лишь при условии его применения к исследованию реальной действительности. Философией же действительности является материализм. Но материализм вплоть до фейербаховского включительно не лишен метафизических начал.

Материалистическая философия рассматривала явления природы и истории,— поскольку материализм вообще касался исторических явлений,— не с точки зрения их внутреннего развития имманентного движения во времени.

Диалектика же есть по своему внутреннему существу учение о формах развития реальной действительности. Она, следовательно, органически связана с материализмом. Диалектический метод, освобожденный от идеалистического плена, должен соединить себя с материализмом, и тем самым из материализма будут устранены присущие ему до сих пор метафизические элементы.

Таким приблизительно путем сложился синтез диалектики и материализма,— синтез, созданный Марксом.

С первого взгляда может казаться, а некоторым это в самом деле кажется, что создание такого синтеза не требовало особых усилий и гениальной мысли, так как оба элемента — материализм и диалектика — находились в готовом виде и были налицо, стоило только их сложить, как слагается арифметическая сумма из данных чисел.

Это, конечно, глубокая ошибка, свидетельствующая о полном непонимании диалектического материализма.

В концепции диалектического материализма старый материализм претерпел сильное и значительное изменение, а диалектика, хотя и тонко разработана в системе Гегеля, также получила другое направление в ее естественной связи с материалистическим началом.

Диалектический метод мышления при его материалистическом содержании является одним из самых сложных философских построений. Для его создания требовалось, во-первых, огромное знание фактического материала и из различных областей; во-вторых, большая изощренность и

сила философского анализа; в-третьих, был необходим ум, совершенно свободный от традиций как идеалистических, так отчасти и материалистических приемов мышления.

Кантианцы, позитивисты и отчасти материалисты смотрели на диалектику Гегеля, как на пустую, бесплодную софистику, называя ее подчас фокусничеством, а отношение идеалистов к материализму известно какое.

Как истинный гений, Маркс видит вещи в их настоящем свете. Предрассудки против материализма, которые ему, без сомнения, должны были быть свойственны в его юношеский, идеалистический период, постепенно испаряются. С другой стороны, критический анализ системы Гегеля приводит его к заключению, что в диалектике Гегеля кроется здоровое зерно, которое на плодотворной почве может дать богатые плоды... Этой плодотворной почвой оказался материализм.

Позвольте, товарищи, теперь перейти к главной теме моей речи, к проблеме действенности и связи этой последней с диалектикой.

Но что такое диалектика, в чем ее сущность?

Диалектика чрезвычайно сложное воззрение. Изложение ее принципов в их различном проявлении в природе и истории требует много места.

Я поэтому ограничусь краткими формулировками ее основной сущности.

Диалектика исходит прежде всего из отрицания абсолютизма формальной логики.

«Основных законов» формальной логики считаются три: 1) закон тождества, 2) закон противоречия, 3) закон исключенного третьего.

Закон тождества гласит—А есть А, или А=А.

Закон противоречия—А не есть—не А. Этот закон представляет собою лишь отрицательную форму первого закона.

По закону исключенного третьего два противоположных суждения, исключающих одно другое, не могут быть оба ложны. В самом деле. А есть или В или не В; справедливость одного из этих суждений непременно означает ошибочность другого и наоборот.

Все три закона сводятся в конечном итоге к одному первому коренному закону—А=А.

Если под эту алгебраическую формулу подставить более конкретное содержание, то это значит, что вещь *всегда* равна сама себе, иначе говоря данная вещь всегда одна и та же, или еще иначе, она во всякий данный момент существует абсолютно.

Диалектика утверждает наоборот, что существование данной вещи во всякое время *не абсолютно*. Вещь существует и не существует, так как она носит в себе элементы для ее отрицания, т.-е. для ее превращения в другую вещь.

Для большей ясности этого основного принципа диалектике приведу выдержку из «Феноменологии духа» Гегеля. «Почка,—говорит Гегель,—пропадает при распускании цветка, и можно сказать, что она вытесняется этим последним; точно так же через появление плода цветок оказывается ложным бытием растения и вместо него выступает плод, как истина растения. Эти формы не только различаются, но вытесняются, как непримиримые друг с другом. Но их переходящая природа делает их вместе с тем моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один столь же необходим, как другой, и эта равная для всех необходимость образует жизнь целого».

Воспользуемся приведенной выдержкой прежде всего для выявления коренного различия между диалектическим идеализмом Гегеля и диалектическим материализмом Маркса. С точки зрения диалектического идеализма Гегеля истинной, подлинной действительностью отличается идея растения. Конкретные ее моменты: почка, цветок и плод являют собою *ложное* бытие, они суть инобытие и самообнаружение движущейся идеи. С точки зрения Маркса почка, цветок, плод суть различные формы движения материи, а общая идея растения есть «переведенное и переработанное в человеческой голове материальное бытие» всего процесса. Почка, цветок и плод, несмотря на их переходящее существование, представляют собою *не ложное* бытие, а истинную, конкретную действительность.

Перейдем к моменту действенности и воспользуемся тем же примером из Гегеля. Садовник, направляя свою целесообразную деятельность на выращивание плода, является бессознательным диалектиком. Как классический

m-r Журден у Мольера не знал, что он говорит прозой, так и садовник, предполагая, что почка дает в результате процесса плод, не знает, что он руководствуется диалектическим взглядом на противоречивую действительность.

И ясно, таким образом, что целесообразная деятельность садовника, обусловленная результатом получения плода, возможна лишь при диалектическом взгляде на все конкретные моменты и на их возможное превращение или, выражаясь словами Гегеля, на их самоотрицание. И с точки зрения деятельности садовника эти формы не только различаются, но вытесняются, как непримиримые друг с другом. В содействии этому вытеснению и состоит целесообразная деятельность садовника. Если бы садовник оставался на почве формальной логики и твердо держался закона тождества, что A = A и что, следовательно, почка есть почка и не более, он должен был бы оказаться в чисто созерцательном состоянии, т.-е. не предпринимать никаких действий. Думается, ясно, что все сказанное здесь о деятельности садовника относится и ко всякой целесообразной деятельности без всякого исключения. *Деятельность предполагает возможность изменения предмета воздействия, а возможность воздействия является следствием диалектического движения.*

Но, если всякая целесообразная полезная деятельность предполагает с неотвратимой необходимостью сознательное или бессознательное диалектическое отношение к действительности, то в эпоху промышленности уже трансформация материи совершается с все большей и большей степенью интенсивности. Диалектическое движение всех процессов выступает с особенной силой и особенной выразительностью.

Диалектическое движение в области производства является *первоосновой* диалектических процессов в общественной жизни, где они проявляются с особенной сложностью и где диалектическое движение приобретает специфические формы, отличные от диалектического движения в природе.

Далее. В теснейшей связи с принципом действенности и диалектическим воззрением на действительность находится учение Маркса о роли и значении орудий труда.

«Орудие труда,— говорит Маркс,— это предмет или совокупность предметов, которые рабочий ставит между собой и объектом труда и которые служат проводниками его воздействия на данные объекты труда. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел, чтобы соответственно своей цели заставить их действовать, как силы, на другие тела» [1]. «Само данное природой вещество становится органом деятельности человека,— органом, который он присоединяет к своим собственным органам, удлиняя таким образом, вопреки библии, свое тело» [2]. Совершенно очевидно, что процессы целесообразного труда всех форм без всякого исключения представляют собой диалектическое движение, в котором орудие труда составляет основную двигательную объективную силу. Во-вторых, употребление орудия труда для целесообразного изменения предметов скрывает в себе отрицание абсолютного, неподвижного характера нашей собственной природы. Вопреки библии, человек удлиняет свои органы, которые впоследствии изменяют его собственную организацию.

Перейдем теперь к вопросу о взаимоотношении диалектики и законов формальной логики.

Критики диалектического метода мышления обычно отождествляли диалектику с софистикой или, более того, они сводили диалектический взгляд на вещи к безнадежному патологическому скептицизму, ведущему к пассивности. Диалектика гласит, что вещь существует и не существует в одно и то же время. Будем пользоваться все тем же примером.

Садовник рассуждает диалектически. — Почка есть почка и не почка. Естественно, что такой шаткий и неопределенный исходный пункт уничтожает с самого начала всякую возможность какого бы то ни было действия. И нашему диалектику ничего не остается, как отдаться поэтическому созерцанию противоречивой почки.

Такое возражение было бы вполне основательным, если бы диалектика исключала основные законы формальной логики. В действительности это не так. Диалектика

---

[1]) «Капитал», I т., стр. 110, 2-е изд. под редакцией П. Струве.
[2]) Там же.

не только не исключает, но, наоборот, включает формальное логическое мышление.

В данный момент почка выступает той своей *качественной* стороной, которая определяет ее как почку и благодаря которой она не есть будущий цветок. Следовательно, закон тождества A = A сохраняет всю свою силу. Во-вторых, почка отличается от других предметов и она, стало быть, и в этом отношении равна сама себе, а не другому предмету. *A не равно* non A. В-третьих, почка, как *единство* двух противоположных борющихся начал, также равна сама себе (A = A) и не равняется какому-нибудь другому *единству* из другого процесса, скажем, единству исходного пункта процесса развития лягушки—яйцу.

И еще далее. Весь означенный процесс—почка, цветок, плод, как *единство* растения, также выражается в законе тождества A = A. Этот процесс отличается от процесса развития лягушки. Стало быть, если первый процесс обозначить через тот же A, а второй через non A, то получим закон противоречия, т.-е. A не равняется non A.

Мы видим, таким образом, что оба принципа—принцип диалектики и принципы формальной логики—составляют своего рода *единство*. Законы формальной логики суть отражение индивидуализации вещей, или, как выражается Бергсон, отражение твердых тел, а также процессов, как целых отдельных единств. Диалектическая же логика рассматривает вещи с точки зрения их развития, т.-е. с точки зрения соединения в каждой вещи противоречаще-противоположных свойств, обусловливающих весь диалектический процесс.

Как познание, так и деятельность определяются обоими принципами—диалектическим и формально логическим.

Тот же садовник, сам того не зная, действует на основании диалектики и формальной логики.

Но действуя бессознательно в том смысле, что ему не известны ни диалектика, ни формальная логика в их теоретическом обосновании, он, тем не менее, является бессознательно в потенции больше сторонником формальной логики, нежели диалектики.

Если бы какой-нибудь теоретик формальной логики стал бы уверять садовника, что почка есть почка, а не

что-либо другое, он бы, конечно, посмотрел на такого просветителя, как на величайшего чудака, который от нечего делать повторяет всем известные вещи. Просветитель казался бы чудаком именно потому, что проповедуемая им истина ни в ком не может возбуждать сомнения. Но если бы защитник диалектики вздумал бы доказывать нашему садовнику, что почка есть и почка и не почка и что он сам садовник руководствуется бессознательно таким определением, когда оказывает содействие созреванию плода, он на такого просветителя посмотрел бы как на сумасшедшего.

Чем же объясняется такое различие в сознании? Почему логически формальный взгляд на вещи вполне ясен и приемлем, в то время, как диалектическое воззрение, которым каждый человек фактически руководствуется в своей деятельности, представляется сплошным безумием?

Прежде всего это различие обусловливается тем важным обстоятельством, что непосредственному восприятию окружающей среды мир представляется в виде отдельных самостоятельно существующих друг от друга независимых вещей, между тем, как сознание процессов развития требует глубокого проникновения и постижения связи вещей, которая скрыта от непосредственного восприятия.

Этим объяснением корня указанного различия не исчерпывается, однако, весь вопрос, так как могут быть представлены возражения с указанием на то, что существовали и существуют мыслители, которым нельзя отказать в глубине теоретического мышления и которым чужд диалектический взгляд на окружающую действительность. А поэтому полный и хотя бы более или менее исчерпывающий ответ на поставленный вопрос требует весьма сложного анализа, которым я надеюсь заняться в другом месте и в другой связи, а пока же ограничиваюсь сказанным.

В заключение позвольте еще раз подчеркнуть, что философия Маркса, начиная с ее гносеологических предпосылок и кончая социально-политическими выводами, насквозь проникнута диалектикой и принципом действенности.

В настоящую эпоху, полную крупных и серьезных исторических событий, полную сильных потрясений, дей-

ственность должна стать главным, всепроникающим началом великой марксистской армии; но действенность в духе философии Маркса, т. е. на основе диалектического проникновения в процессы реальной действительности и учета реальных, объективных условий. В частности, нуждается Россия в усиленной действенности, в развитии творческих сил и способности к упорному и настойчивому труду. Можно сказать словами гетевского Фауста, который после всех мучительных исканий пришел к принципу действенности:

«Ein Sumpf zieht am Gebirge hin,
Verpestet alles schon Errungne;
Den faulen Pfuhl auch abzuziehn,
Das Letzte wär das Höchsterrungne».

III.
Библиография.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО МИРОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ [1]).

III.

Если кризис 1920—1921 годов, и по сие время не изжитый, является кризисом мирового хозяйства, и, вопреки мнению Кондратьева, Фалькнера, Боголепова и др., не является обычным, типичным кризисом капиталистических стран, запоздавшим вследствие войны на несколько лет,—то возникает крайне важный вопрос: какие специальные характерные черты он обнаруживает, каковы пути его изживания и насколько может быть вообще речь о последнем?

Тов. Варга, стоящий на этой правильной точке зрения и утверждающий, что кризис 1920—21 г.г. не является нормальным кризисом капиталистического хозяйства,—единственный автор, который попробовал несколько углубить и обобщить этот вопрос.

„...Современный кризис,—говорит т. Варга в своей работе, изданной в конце февраля 1922 г. [2]),—отнюдь не представляет нормального кризиса капиталистическ го хозяйства. Существеннейшее различие между ними состоит в том, что при прежних кризисах оставались незатронутыми основные черты (Grundtatsachen — основные факты — основы) капиталистического хозяйства: единство мирового рынка, равновесие между Западной Европой, как промышленной мастерской мира, и окружающими ее менее развитыми аграрными странами. Предыдущие капиталистические кризисы были следствием анархии капиталистического производства и того факта, что накопление капитала требовало дальнейшего расширения капиталистического *(? М. Б.)* рынка, которое временами наталкивалось на препятствия. Причины современного хозяйственного кризиса... во многих отношениях не сходны с причинами нормального хозяйственного кризиса...“ (стр. 81)

Как же объясняет *Варга* специфичность кризиса 1920—21 и последующих годов?

---

[1]) См. „Вестник Социалистической Академии“, книги 2 и 3.

[2]) *Е. Варга.* „Кризис мирового хозяйства“. Перевод со 2-го исправленного и дополненного немецкого издания *Н. Л. Мещерякова.* Госиздат, 1923 г.

* * *

Прежде всего посмотрим, как оценивает т. Варга конъюнктуру мирового хозяйства к концу 1922 и первой четверти 1923 г. Мы уже знаем оценку положения мирового хозяйства, данную *Фалькнером* и *К нортьевым* [1]).

Что говорит т. Варга?

> „Уже в июле 1921 года—ко времени III конгресса Коминтерна—первая критическая фаза периода развала капитализма достигла своего апогея (Höhepunkt). Можно было предвидеть, что предстоит фаза улучшения конъюнктуры. И действительно с этого времени конъюнктура в мировом масштабе улучшилась и улучшение не достигло своего наивысшего уровня".

Так характеризует он общее положение мирового хозяйства в конце сентября 1922 г.

Дальше он оговаривается, что собственно при развале мирового хозяйства это улучшение конъюнктуры не обнимает одинаково все страны. Он указывает на отдельные страны, как, например, на Италию, Чехо-Словакию, Венгрию, которые не в состоянии были до сих пор изжить кризис. „Поэтому *расстройство равновесия мирового хозяйства этим улучшением конъюнктуры не уменьшилось*". Полгода спустя, к концу первой четверти 1923 года, т. Варга дает следующую характеристику положения мирового хозяйства. [2])

> „Общая картина положения мирового хозяйства за отчетную четверть года еще более запутана, чем в 1922 году. В то время, как в Соединенных Штатах, создалась настоящая высокая конъюнктура, Западная Европа стала, ввиду Рурской оккупации, новым дезорганизующим центром: как в Германии, так и во Франции производство за этот период сильно сократилось. С другой стороны, прилегающие государства—Англия и Чехо-Словакия—воспользовались сокращением добычи угля и железа в Рурской области и во Франции. Германские и французские заводы привели к улучшению положение чехословацкой тяжелой индустрии, находившейся в состоянии длительного кризиса, а в Англии уже давно наметившееся *медленное* улучшение в тяжелой индустрии превратилось в ее сильный подъем; в английской угольной промышленности усиленные заказы из Франции и Германии привели к высокой конъюнктуре: но *конъюнктура в целом и здесь улучшилась значительно меньше, чем ожидалы в начале года*. В противоположность к упомянутым улучшениям, в тех странах, где тяжелая индустрия играет незначительную роль—в Италии, Польше, Венгрии и на Балканах—обнаружилось дальнейшее улучшение экономического положения".

---

[1]) См. „Вестник Социалистической Академии", кн. 2, стр. 213 и след.
[2]) См. Inprekor № 68 от 24 апреля 1923 г., русский перевод в журнале „Социалистическое хозяйство" № 4—5. Москва. Изд. *Красная Новь*.

И в доказательство вышеизложенных обобщений автор указывает на цифры безработицы, сократившейся в Англии и Чехо-Словакии, но оставшейся без значительного изменения в Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии и т. п. Дальше указывает он на продолжающийся валютный хаос в большинстве европейских стран. По отношению к фунту стерлингов все страны, за исключением чехословацкой кроны, ухудшили свою валюту, не исключая Франции. Единственный факт в мировом хозяйстве, дающий определенное направление всему мировому хозяйству и требующий теоретического объяснения—это необычайная конъюнктура в Соединенных Штатах Северной Америки, которая далеко оставила позади себя конъюнктуру рекордного 1917 года.

Важнейший вопрос конъюнктуры мирового хозяйства, важнейшая актуальная проблема кризиса капитализма сводится к выяснению значения этого явления. И в соответствии с этим тов. Варга формулирует проблему оценки ближайшей конъюнктурной перспективы на ближайшие от двух до пяти лет так:

> „Превратится ли теперешняя высокая конъюнктура Соединенных Штатов во всеобщую благоприятную конъюнктуру, сможет ли здоровая часть капиталистического мира оздоровить его разлагающиеся части или же наоборот: не останется ли высокая конъюнктура в Соединенных Штатах изолированным явлением, по истечении которого хронический кризис капиталистического мирового хозяйства снова вступит в острую форму и таким образом внеамериканскому хозяйству не доведется пережить в текущем хозяйственном цикле периода высокой конъюнктуры".

Ответ на этот вопрос т. Варга дать не решается, но он уже теперь предсказывает, что блестящая американская конъюнктура должна, примерно, к середине 1924 года закончиться обычным крахом, и таким образом, даже если и в европейских странах и улучшится конъюнктура,—на что никак рассчитывать нельзя,—то в критическом 1924 году она и кончится.

Таким образом и 1922 год и первая треть 1923 года все еще не двинули вперед развитие мирового хозяйства, как единого целого, все еще тяжелый экономический кризис давит на экономику мирового хозяйства, и капиталистический мир не выходит из состояния развала и растраты производительных сил. Единственный просвет, это Соединенные Штаты, где замечается феерический расцвет производительных сил, гигантское развитие промышленности—и весь этот американский пир во время европейско-капиталистической чумы еще больше подчеркивает картину расстройства всего капиталистического мира.

* * *

Но в какой мере можно говорить о расстройстве основ капиталистического мира, когда одна важнейшая его часть—Соединенные Штаты, дающая в среднем почти половину мирового производства

важнейших продуктов производства и потребления, живет и благоденствует?! [1]) Как можно говорить о серьезном потрясении основ капиталистического мира, когда такой колосс капитализма, как Соединенные Штаты Сев. Америки, не только не показывает желания сойти в могилу, но, наоборот, переживает бурный период второй молодости?!

Ясно, что исключительно только путем наблюдения за состоянием конъюнктуры мирового капитализма мы никак не подвинемся вперед в оценке перспектив капитализма. Как ни важна и необходима эта работа собирания конкретного материала по изучению состояния производительных сил капитализма, необходимость теоретического углубления проблемы банкротства капитализма становится все более и более насущной.

Это чувствует лучше всего сам тов. Варга, который в своем обзоре состояния мирового хозяйства за I четверть 1923 года в примечании отмахивается от своих „немецких критиков", которые, по его словам, „снова не будут довольны его смелыми соображениями (vage Behauptungen), приспособленными к фактам".

> „Но,—говорит он дальше,—раньше, чем обрабатывать такой сложный и быстро меняющийся материал, как материал о современном мировом хозяйстве в условиях крушения капитализма, нужно научиться собирать и обозревать факты. Маркс и Энгельс в течение десятилетий собирали факты из области тогда еще значительно более просто построенного капитализма, прежде чем возник «Капитал». Механическое применение учения Розы Люксембург о накоплении без проверки фактов не могу признать достижением марксизма; скорее всего—наоборот".

Тов. Варга напрасно клевещет на себя. Он уже теоретически попробовал обобщить свои проверенные факты, попробовал уже дать теоретическое обоснование фактам, свидетельствующим о развале капитализма. Это одно. Второе: если правда, что теория идет вслед за практикой, то ведь теория развития капитализма (а теория его банкротства является составной и важнейшей частью теории развития капитализма) уже фактически существует и даже в нескольких вариантах. И тов. Варга высказался уже за один определенный вариант, отклонив вариант Розы Люксембург. Он писал:

> „Мы вполне согласны с Розой Люксембург относительно того факта (! *М. Б.*), что высоко-развитый капитализм толкает, как империализм, к конфликтам в мировом масштабе. Но в обо-

[1]) По данным, собранным в книжке т. Варги, С. Ш. С. А. производили:

40% железа и стали,	60% алюминия,
40% олова,	60% меди,
40% серебра,	60% хлопка,
50% цинка,	66% нефти,
52% каменного угля,	75% кукурузы,
	85% автомобилей.

> сновании этого существует большая разница. *Мы не признаем, что накопление капитала, более того, что дальнейшее существование капитализма невозможно без дальнейшего расширения капиталистической системы производства на сферы до сих пор некапиталистические* [1])".

Итак т. Варга определенно стоит на той точке зрения, что капиталистическим государствам для их существования, т.-е. для систематического расширенного воспроизводства, не необходимо нужны некапиталистические территории, и если и идет борьба из-за них, то в погоне за более высокой нормой прибыли. Это тоже ведь теория, и поэтому т. Варге незачем скрываться за авторитетом Маркса и Энгельса—тем паче, что едва ли ближайший период жизни даст нам всем столько времени, чтобы, подобно Марксу и Энгельсу, детально заниматься собиранием и проверкой фактов для их теоретического углубления.

Посмотрим теперь, к каким результатам приводит Варга его внимательное изучение фактов мирового капитализма за послевоенный период времени.

Детальное изучение положения мирового хозяйства дает т. Варге возможность углубить и осознать собранный материал о мировом капитализме и он охарактеризовал его, как *период распада капитализма*. В своей брошюре, изданной под этим заглавием в конце 1922 года, имеющей целью «теоретическое углубление вопроса», он следующим образом обобщает факты, характеризующие период развала капитализма.

> „1. Географическое расширение капиталистической системы производства суживается: одновременно с капиталистическими странами существуют и увеличиваются страны, в которых существует пролетарская диктатура.
>
> 2. Внутри отдельных капиталистических стран проявляется тенденция к возврату к докапиталистическим формам хозяйства.
>
> 3. Мировое (международное) разделение труда суживается, внешний товарооборот сокращается: мировое хозяйство, раньше равномерно расположенное вокруг высоко-промышленного центр.—Западной Европы, теряет свое равновесие и распадается на части с совершенно отличной хозяйственной структурой.
>
> 4. Одинаковая золотая валюта, разнящаяся только величиной своей золотой единицы, заменена уменьшающейся беспочвенной бумажной валютой, появляется тенденция возврата к натуральному обмену.
>
> 5. Аккумуляция (накопление) заменяется увеличивающимся обнищанием—дезаккумуляцией.
>
> 6. Сокращается производство.
>
> 7. Кредитная система лопается.

[1]) См. „Die Niedergangsperiode des Kapitalismus", стр. 26, примечание.

8. Понижается жизненный уровень пролетариата: под влиянием ли денежной заработной платы, рост которой не идет параллельно дороговизне, под влиянием ли безработицы.

9. Среди различных слоев правящих классов разгорается усиленная борьба за распределение уменьшающейся общественной ценности. Проявляется это политически в постоянных сменах правительств, в образовании новых партий, в отсутствии компактной правительственной партии в парламентах и т. п.

10. Идеологически подрывается вера в вечность и незыблемость капиталистического общественного строя: правящий класс принужден сам вооружаться для защиты своей власти.

В дополнение к этим признакам, характеризующим эпоху упадка капитализма, к оценке которых мы еще возвратимся, тов. Варга дает еще небольшое теоретическое оформление этого явления, которое сводится вкратце к следующему:

Нормальное капиталистическое мировое хозяйство было организацией (Gebilde) с постоянно переменчивым состоянием равновесия, в котором шло расширенное воспроизводство. Кризисы были постоянным коррективом этого равновесия. Это состояние имело еще свое конкретно-географическое дополнение.

И все было бы хорошо если бы не одно явление (здесь мы цитируем дословно нашего автора):

> „Возможность удержания этого равновесия находилась в опасности, потому что вновь накопленный капитал империалистических мировых стран, образующих промышленный центр капиталистического мирового хозяйства, не мог больше найти места приложения, сулящего достаточно высокий профит.
>
> Это привело... к мировой войне: империалистические державы нашли более целесообразным с оружием в руках решить, *кому* должна принадлежать возможность эксплоатации неимпериалистических (некапиталистических? — *М. Б.*) территорий" (стр. 13).

В результате—война со всеми своими последствиями, приведшими к результатам, охарактеризованным выше в 10 пунктах. А все это делает невозможным восстановление равновесия мирового хозяйства с его расширенным воспроизводством.

Здесь нужно, однако, оговориться. Тов. Варга, который, конечно, знает своего Бухарина, само собою стоит на той точке зрения (хотя он об этом ясно нигде не упоминает и не пробует сравнить с фактами), что проблема упадка капитализм — это вопрос невозможности расширенного воспроизводства.

> „Точка зрения *воспроизводства*,—говорит Бухарин,—обязательна в сущности во всяком экономическом исследовании. Но она *вдвойне обязательна* для экономиста, изучающего „критические" эпохи и переходные фазы развития. В самом деле:

> в так называемое „нормальное" время периодическое повторение производственных циклов заранее дано. Правда, и здесь—в особенности для капиталистического общества—возникают специфические проблемы, но в общем и целом предполагается более или менее „гладкий" ход дела. Наоборот, *„критические" эпохи ставят под сомнение каждый следующий цикл производства.* Следовательно, здесь точка зрения воспроизводства есть *единственно* методологически правильная точка зрения, ибо она как раз и анализирует условия *повторяемости* производственных циклов, т.-е. условия динамического равновесия общественной системы" [1]).

И исходя из этой методологической платформы т. Бухарин и дал алгебраическую формулу распада капитализма.

> ...„С точки зрения капиталистической системы положение не опасно, пока расширенное отрицательное воспроизводство идет за счет m (прибавочной стоимости). За этими пределами начинается, с одной стороны, проедание основного капитала, с другой—недопотребление рабочего класса, необеспеченность функционирования рабочей силы и выполнения ею ее капиталообразующей роли, т.-е. нарушение воспроизводства рабочей силы" („Экономика переходного времени", стр. 45).

Итак, проблема, которая стоит пред т. Варга, и состоит в том, чтобы выяснить: 1) насколько изменилось положение основных империалистических стран в смысле возможности расширенного воспроизводства *после* мировой войны, вызванной, по его мнению, затруднением эксплоатации некапиталистических районов; 2) насколько послевоенные пертурбации мирового капитализма содействуют или задерживают этот процесс?

* * *

Необходимо в первую очередь обратить внимание на то, что явления распада капитализма являются одновременно явлениями регенерации (оздоровления) капиталистических отношений, при чем сам метод лечения является одновременно и средством ускорить развал капитализма. К таким методам лечения больного капиталистического организма причисляются: сокращение внешнеторговых оборотов и вслед за этим сокращение общественного разделения труда в мировом масштабе; к ним принадлежат также бумажно-денежное обращение, безработица и понижение заработной платы рабочих; сокращение производства и уменьшение накопления капитала или даже частичное проедание основного капитала. В этом отношении эти самые проявления распада капитализма являются симптомами сознательной или бессознательной тенденции оздоровления капита-

[1]) *Н. Бухарин*, „Экономика переходного времени", стр. 37, Москва 1920 г. Госиздат.

лизма. Это хорошо учитывает и тов. Варга, который и указывает на „имманентные тенденции и сознательные стремления“ к преодолению кризиса мирового хозяйства.

„Под имманентными тенденциями,—говорит Варга,—я подразумеваю действие отдельных хозяйственных субъектов в интересах их собственных частных хозяйств, которые в совокупности дают тенденцию к преодолению хозяйственного кризиса. Отдельные субъекты действуют, руководимые их собственными частными интересами, а целое дает тенденцию к восстановлению мирового хозяйственного равновесия. Таким образом действует старый анархический механизм капиталистического хозяйства. Под сознательным стремлением же я подразумеваю действие государств и отдельных хозяйственных групп, требования последних, которые сознательно ставят целью преодоление кризиса“ (стр. 82 русск. перев.).

К таким имманентным тенденциям и сознательным стремлениям принадлежит целый ряд экономических явлений, которые одновременно характеризуют период распада капитализма. Возьмем бумажно-денежную инфляцию, как характернейший и недостаточно учтенный пример этой тенденции капитализма к самозащите. Ибо инфляция—это не только фактическое сокращение государственной задолженности по отношению к отдельным группам общества,—это одновременно сокращение спроса на товарном рынке, вынужденная экономия государственного хозяйства и мил ионов потребителей.

Тов. Варга указывает на важнейшие проявления этих имманентных тенденций, действующих в смысле оздоровления мирового капитализма. Так, в целях восстановления мирохозяйственных отношений, вызванных разной покупательной способностью, страны с относительным перепроизводством и высокой валютой сокращают свое производство. В то же самое время страны с низкой обесцененной валютой усиливают свою производственную деятельность, желая сравняться со странами с высокой валютой и, таким образом, связать наново разорванную нить мирового разделения труда.

К таким же тенденциям относится стремление установить наново хозяйственную связь города с деревней, расстроенную разницей в ценах сельско-хозяйственных и промышленных продуктов. Сокращение производства одной отрасли народного хозяйства и усиленное производство другой выравнивает цены, а тем самым и правильное их взаимоотношение. В том же самом направлении, выравнивающим разнополосицу капиталистического порядка, действует и экспорт капитала, который, устремясь в страны с низкой заработной платой (а таковыми являются капиталистические страны с падающей валютой), усиливает ее национально-производственную мощь и, таким образом, восстанавливает прежнюю мирохозяйственную связь и мировое разделение труда.

Кроме этих имманентных тенденций, успех которых учесть очень трудно и которым приходится бороться, и с противоположными

тенденциями, экономическая действительность указывает на целый ряд фактов, являющихся одновременно симптомами сознательного своеобразного лечения больного организма, как и ярким признаком безнадежного распада капиталистического строя. К таким сознательным стремлениям санирования мирового капитализма принадлежат, по мнению т. Варги, и попытка создания самостоятельного национального хозяйства (автаркия), попытка изолировать себя от губительного вихря мирового хозяйства путем высоких таможенных пошлин, определенной экспортной политики, запрещающей вывоз определенных продуктов и путем усиленного протежирования с.-х. производства.

Результатом этого стремления является изменение значения, или, лучше говоря, сокращение роли внешней торговли, что замечено, например, из цифр по внешней торговле за 1920—21 г.г. по сравнению с 1913 г.

Но что означает эта тенденция к организации самодовлеющего национального хозяйства по отношению к производству?—спрашивает тов. Варга.

„Очевидно, не что иное, как всеобщее падение производительности труда. Та же совокупность рабочего времени всех трудящихся капиталистического мира воплощается теперь в значительно меньшем количестве полезных благ, чем при вполне использованном разделении труда в мировом хозяйстве“.

Это бесспорно. Но ведь период лечения—это период, отличный от времени активной работы. И не в этом суть дела. Вопрос, который обходит автор, это следующий: в какой мере можно признать признаками распада капитализма те признаки, которые являются одновременно и средствами борьбы с основной болезнью капитализма—с самим распадом?

Мы процитировали 10 признаков распада капитализма, по которым т. Варга характеризует этот период. Из них некоторые означают одновременно и средство санирования больного капиталистического организма, как то:

Пункт 2—возврат к докапиталистическим формам производства.
Пункт 3—сокращение внешнего товарооборота.
„ „ 4 и 7—бумажно-денежная валюта и в результате разрушение системы кредита.
Пункт 6—сокращение производства (безработица)
„ „ 8—понижение жизненного уровня рабочих (усиленная пролетаризация).

Указывая на эти „имманентные тенденции и сознательные мероприятия“, т. Варга оговаривается: на вопрос, достаточно ли сильны эти тенденции, чтобы восстановить равновесие мирового хозяйства, он определенно отвечает:

„Мы считаем это невозможным. Состояние, при котором пятая часть рабочих в странах перепроизводства остается без работы на долгое время, невозможно. Как бы не казалось еще крепким здание капитализма в Англии и в Америке, такой нагрузки оно не выдержит“ (стр. 83 русск. перевода).

И в другом месте той же книжки, при оценке сознательных мероприятий, он спрашивает:

„Что означает эта тенденция к организации самодовлеющего национального хозяйства? Очевидно не что иное, как всеобщее падение производительности труда“.

И дальше он заявляет:

„Для стран перепроизводства это может быть необходимым, как *временное решение* вопроса, но для стран недопроизводства эта тенденция, напротив того, еще более обостряет кризис“ (стр. 97).

И дальше говорит:

„Но возврат к самодовлеющему хозяйству невозможен не только потому, что непреодолимая необходимость требует ввоза в страну непроизводимых в ней продуктов. Хозяйственная жизнь Англии и Соединенных Штатов, а также Франции и Германии построена на сильном экспорте продуктов индустрии. Для того, чтобы значительная часть вещественного производственного аппарата не осталась неиспользованной и не погибла, для того, чтобы миллионы рабочих в Англии и в Америке не оставались *все время* безработными, эти страны должны искать рынка сбыта для излишка продуктов своей индустрии. Ни одна из *крупных*,—заканчивает т. Варга свою убедительную филиппику,—а мы прибавим: и не только крупных,—капиталистических стран не может рассчитывать стать изолированной самодовлеющей страной“.

А посему „*стремление* (подчеркнуто намп.—*М. Б.*) к самодовлеющему хозяйству не может привести к изживанию мирового кризиса“ (стр. 99).

Не будем останавливаться на маленьком несоответствии всей аргументации этого абзаца с его заключительным выводом. Ибо, если ясно, что возврат к самодовлеющему нац. хозяйству отдельных стран, хотя бы обеспеченному всем необходимым и т. п., невозможен, то еще из этого вполне правильного теоретического положения совсем не следует, что „*стремление*“ к самодовлеющему хозяйству не может привести к своей временной цели, т.-е. на время ослабить „*диспропорцию*“ в мировом хозяйстве и дать возможность без серьезных кризисов пережить в тиший период бури и шквалов взбученного моря мирового хозяйства. Что капиталистические страны должны выходить на мировой рынок и „искать рынка сбыта для излишка продуктов своей индустрии“, это известно. Но почему даже такие

страны, как С. Ш. С. А., обладая внутри своего нац. хозяйства таким богатством сырья и рабочих рук, все же не могут обойтись без мирового хозяйства, это автор не пробовал выяснить.

* * *

А это было бы как раз самым важным, ибо т. Варга в другой своей работе, опубликованной на русском языке почти одновременно с этой выше цитированной брошюрой, обосновывает совсем другую точку зрения. В статье „*Критика империализма с точки зрения необходимости его для экономического развития капиталистических стран*“ [1]) тов. Варга заявляет: империализм „не необходим в том смысле, будто без империализма современному капитализму, т.-е. населению империалистических государств Европы, грозил бы экономический крах или даже невозможность существования“ (стр. 8).

И он пробует доказать свою точку зрения данными из экономической действительности Германии и Соед. Штатов. В первую очередь он пробует доказать, что борьба за внешний рынок—это только, так сказать, фантазия финансового капитала и ни в коем случае не является необходимостью для капиталистической страны.

Выясняя роль и значение экспорта товаров и капиталов, он заявляет:

„1) Значение экспорта товаров в экономической жизни страны меньше, чем это вообще думают, при чем это значение в последние десятилетия не показывает тенденции к повышению. 2) Для экспорта товаров нет надобности в вооруженном империализме. 3) Расходы на вооружение превышают чистую прибыль от экспорта товаров. 4) Важность экспорта капитала также гораздо меньше, чем это обыкновенно думают. 5) Экспорт капиталов и, таким образом, вся империалистическая экономическая политики выгодна только для финансового капитала, но отражается вредно на развитии всего хозяйства отдельных империалистических государств“ (стр. 9).

Итак, мы здесь имеем положительное обоснование теории нашего автора о необязательной необходимости некапиталистических областей для развития капитализма. Внешнего рынка капиталистическим странам не нужно. Экспорт товаров вообще незначителен, не играет никакой существенной роли в жизни страны, и, если бы, например, Германия вдруг лишилась возможности внешней торговли, то не было бы никакой катастрофы для германского народного хозяйства, ибо привозимые продукты можно было производить в самой стране, а вывозимые—потреблять дома. И это касается не только Германии, но и других империалистических стран.

---

[1]) *Е. Варга*, „Мировое Хозяйство“. Сборник статей. Москва 1922 г. Изд. Ред.-Изд. Отд. В.С.Н.Х., стр. 76

„Вследствие исторического или специального развития производства, тот или другой фабрикат не может быть произведен в Англии или Германии настолько дешево, что, при незначительных расходах на транспорт, может конкурировать с подобными фабрикатами другого государства. Но, естественно, что все эти товары можно было бы произвести в самой Германии, хотя бы немного дороже, если бы наступило предполагаемое полное прекращение экспорта“ (стр. 11).

И тов. Варга высчитывает, что:

„Убыток от полного прекращения экспорта... составлял бы для Германии 7,9% национального дохода“.

А если распределить этот чистый убыток на всю массу рабочего населения, то получится чепуха, а не деньги.

„На одного зарабатывающего падает убытка 107 марок в год или 9 марок в месяц. Ясно, что это не представляет собой значительного убытка для населения германской империи“ (стр. 13).

Но даже и этот мизерный расход—9 марок в месяц—может быть с легкостью устранен. Стоит только сократить издержки на милитаризм, необходимость которого доказывается выдуманным аргументом борьбы за внешние рынки. Тов. Варга посвятил специальную главу, чтобы доказать, что в сущности этот расход абсолютно не нужен, ибо

„... военная сила при торговой конкуренции вообще не принимается во внимание“, и т. Варга может „смело заявить, что вывоз Германии не прекратился бы и в том случае, если бы она отказалась от империалистической политики: ее вывоз, быть может, даже и вовсе не уменьшился бы“ (стр. 20).

Исходя из этого „смелого убеждения“, тов. Варга вычисляет, что от сокращения расходов на милитаризм получилась бы экономия в 71 марку на каждого рабочего. И в сущности весь дефицит от сокращения импорта и экспорта, т.-е. от отказа от империалистической политики, которая ведь никому пользы, кроме финансового капитала, не приносит и капиталистическому хозяйству совсем не нужна, сократился бы почти до минимума. Даже больше: можно с уверенностью рассчитывать, что от этого страна (капиталистическая страна) может только выиграть, ибо

„экспорт капитала уменьшает возможность получения заработка, понижает заработную плату, влияет на понижение уровня рабочего класса, уменьшает потребительную емкость внутреннего рынка и этим вредит также и доходам всего так называемого „среднего класса.“

„Хотя прекращение экспорта капитала и повредило бы доходам крупного капитала, зато оказало бы благоприятное действие на положение всего рабочего класса. Тогда бы не только увеличилась возможность получения заработка, но, благодаря основанию новых предприятий внутри страны, обострилась бы конкуренция и был бы затруднен планомерный грабеж потребителей картелями“ (стр. 27).

Итак перед нами целая и обоснованная теория, противопоставленная теории Розы Люксембург (книжка ее написана в 1912 г.) и объясняющая нам, что империализм с его борьбой за внешний рынок и за экспорт капитала не только не является с точки зрения развития капиталистического хозяйства необходимостью, но, наоборот, задерживает его развитие.

Стоя на вышеизложенной точке зрения о несущественности внешних рынков и борьбы за овладение некапиталистическими территориями (не говоря уже о роли и значении милитаризма), тов. Варга не смог объяснить себе и послевоенных экономических фактов мирового хозяйства [1]).

Исходя из своей теории, т. Варга не может нам объяснить, почему Соединенные Штаты С. А., которые, благодаря обнищанию серединной Европы, внезапно оказались без возможности экспорта, и, сознательно сократив высоким таможенным барьером свой импорт, все же не могут ограничиться богатейшим своим внутренним рынком, значительно превосходящим внутренний рынок Германии до войны.

Хотя, казалось, ему было легко это объяснить. В выше цитированной статье об империализме он уже ответил на возможное возражение, указывающее на необходимость экспорта капитала.

„Можно было бы возразить,—говорит Варга,—что такая масса капитала, в случае задержки экспорта его, вообще не могла бы найти применения внутри страны. Это возражение не убедительно: хотя капитализм и развил колоссально производительные силы, но все же еще далеко не достиг предельного пункта. Чтобы привести примеры, стоит только вспомнить, что в Германии все еще имеются большие пространства болотистых мест, которые можно было бы превратить в плодородные поля“... и т. п. (стр. 27).

Тогда германские капиталисты не послушались т. Варги и не бросали своих капиталов в болота, и едва ли будут это делать теперь и их американские собратья.

(Между прочим: что понимает т. Варга под „предельным пунктом“ капиталистического развития производительных сил? Это тоже стоило бы выяснить).

---

[1]) Статья т. Варги, впервые изданная в 1922 году на русском языке, была написана и напечатана в оригинале в 1916 г. и служила платформой борьбы с социал-империализмом и против войны. Не знаем, насколько она исполнила свою задачу. Но она была и тогда уже не верна и больше смахивала на социал-пацифизм, нежели на революционный марксизм. Теперешняя безоговорочная ее перепечатка не увеличивает числа лавровых листьев в венке на голове т. Варги.

И сейчас т. Варга утверждает, что будущность американской конъюнктуры не зависит совсем от ее внешних рынков, а исключительно от ее внутреннего рынка, от покупательной способности сельского хозяйства.

> „Расширение американского рынка в Азии и Южной Америке идет полным ходом. Это постоянное явление, которое, однако, абсолютно недостаточно, чтобы удержать конъюнктуру в Америке, если нехватит внутрихозяйственной базы. Повторяем: вывоз из Соед. Штатов составляет не больше 10%; вывоз в эти страны составляет от 3—4% производства; увеличение этого вывоза не может быть значительное. *Для отдельных индустрий экспорт играет значительную роль, для всего народного хозяйства Соед. Штатов—не играет роли*“ (см. отчет за I четверть 1923 г.).

Итак, с одной стороны, экспорт не играет роли даже для Соед. Штатов, с другой стороны и хозяйственная жизнь Соед. Штатов построена на сильном экспорте продуктов индустрии—и в конце концов ведь болот еще даже и в Америке хватит на долгие годы—почему же однако перспективы срыва конъюнктуры в Америке („летом 1924 г.“) и почему же развал капитализма?

Прав т. Варга, когда он выступает против фатализма, почивающего на лаврах, в виду исторической необходимости распада и развала капитализма и замены его социалистическим строем. Ибо и „воля пролетариата к борьбе является одним из решающих факторов в процессе социального переворота“... И дальше: „Без продолжительной ожесточенной и с обильными жертвами борьбы пролетариата капитализм никогда не уйдет со сцены. Капитализм попробует пережить все трудности всего пролетариата и все общество столкнуть на низшую ступень культуры, дабы удержать в своих цепких руках свою классовую мощь“.

Если бы мы даже с некоторой оговоркой и согласились на эту формулировку т. Варга, то ведь это не решает вопроса. Ибо сама борьба пролетариата, его увеличивающаяся сила и процесс вовлечения в орбиту его влияния и других классов и осколков классов есть отражение экономических изменений внутри самого капитализма.

Тов. Варга указал нам целый ряд явлений регресса капиталистического хозяйства, которые он сам в значительной части признал одновременно средствами оздоровления капитализма. Единственным препятствием для этого оздоровления он считает усиленное брожение среди пролетариата, ценою которого это оздоровление может единственно произойти. Это вопрос чисто политического характера, объясняющий и хорошо объясняющий усиленное наступление капитала на всем фронте, использование фашистских методов. Этим же обстоятельством надо объяснить, что воинствующему капитализму удалось привлечь на свою сторону и средние элементы, осужденные *в результате пролетаризации* попасть завтра же под гнет того же самого молота, который они теперь укрепляют. Не подлежит никакому сомнению, и для революционного

марксиста это является азбукой, что классовая борьба, заостренная и переходящая в гражданскую войну, влияет и на экономические взаимоотношения, являясь исторически прогрессивным фактором. Типичным примером из настоящего может служить в Германии—стиннесизация немецкой промышленности, а в области международных отношений—борьба за образование каменноугольного и металлообрабатывающего треста вокруг Рура, Лотарингии и французских железорудных источников в Бриэ.

Т. Варга прав, когда он связывает экономическую перспективу с учетом факта политической борьбы, указывая в пункте 9-м своих 10-ти положений о распаде капитализма на ожесточенную борьбу среди разных слоев правящего класса „за распределение уменьшающейся общественной ценности“ и на частую смену правительств, на отсутствие компактной правительственной партии в парламентах и т. п. Хотя и здесь т. Варга не ухватил основной тенденции в развитии этих политических смен, он вообще прав. Например, в Германии, Австрии, Польше, Италии и Англии он мог бы заметить процесс укрепления крупно-промышленных кругов буржуазии и ликвидации последовательно всех промежуточных группировок буржуазии, начиная от радикальной мелкой буржуазии, и переход этих обманывающих и обманутых партий в лагерь „оппозиции“ Его Величеству Капиталу.

Суть дела сводится к тому, что и в политике, как и в экономике, капитализм пробует спасаться, употребляя сильно действующие средства: к таким принадлежит, без сомнения, и временная передача власти в руки меньшевиков, как это было в ряде европейских стран. По мере успокоения в области политической (а это проявилось в успокоении рабочих масс после 1918—1919 революционных годов) в Центральной Европе крупно-капиталистические партии берут помаленьку власть в свои руки, временно коалируясь с кулацко-крестьянскими массами, для которых процесс обнищания страны и пролетаризация крестьян, как и временный процесс регресса мирового хозяйства, означал экономически классовую консолидацию. В каком направлении пойдет и пойдет ли дальше процесс укрепления крупно-капиталистического влияния в политике и экономике, зависит не только от исхода борьбы за санирование теперешнего капитализма, но и от возможности его развития и расширения.

По мнению тов. Варги, вопрос исцеления зависит от того, сумеет ли тот класс, за счет которого это исцеление должно произойти, не допустить этого и будет ли он настолько силен, чтобы провести свою систему спасения производительных сил мирового хозяйства. Это вопрос тактики и стратегии пролетарской борьбы в мировом масштабе. Не подлежит также сомнению, что период лечения—это период *ослабления* мирового капитализма в общем и целом. Это регрессивное явление временного характера, подготовляющее сильный скачек вперед в случае удачи этого лечения.

Но это еще не теоретическое углубление проблемы развала капитализма. И т. Варга, чувствуя это, присовокупляет еще целый

ряд других предпосылок распада капитализма. Он выставил в *первую очередь*, как самое характерное явление распада капитализма, и другой более важный признак, а именно, он указывает на то, что:

> „*Географическое расширение капиталистической системы производства суживается*; рядом с капиталистическими странами существуют и увеличиваются страны, в которых существует диктатура пролетариата".

Нам необходимо немного дольше остановиться на этом аргументе совершенно отличном от всей его аргументации по данному вопросу

* * *

В чем заключается это географическое сужение капиталистической системы? Означает ли это, что рядом с капиталистическим государством создалось пролетарское государство, являющееся так сказать центром, вокруг которого может сгруппироваться пролетарская революция? Имеет ли существование пролетарского государства более политическое значение, увеличивающее революционную активность пролетарских масс на всем протяжении капиталистического мира в борьбе его с наступающим или отступающим капиталом, или же это должно означать, что сфера *экспансии* капитализма сократилась? Но тогда ведь ту же самую роль, географически суживающую экспансию капитализма, исполняют и те страны, развитие которых настолько шло успешно, что из *объекта* империализма они сделались *субъектами* империализма, и, одновременно сокращая географическую территорию капиталистической экспансии, они увеличивают конкуренцию среди империалистических стран из-за объектов эксплоатации.

Что это действительно нужно понимать так, говорит сам т. Варга, указывая на роль, которую играет в настоящее время, по его мнению... *Китай* в деле изживания мирового капиталистического кризиса.

> „Если мы взглянем на карту земного шара, — говорит т. Варга, — то заметим, что Европа, Америка и Австралия уже совершенно вовлечены в капиталистическое производство. Африка поделена между европейскими государствами, но вследствие малой плотности своего населения и его слабой производительности, она не дает больших видов на будущее, а с наиболее цивилизованными частями ее — Южной Африкой и Египтом — трудно политически столковаться (?!—*М. Б.*). Остается поэтому только Азия. Но из различных частей Азии — Малую Азию *по причинам политическим* (?!—*М. Б.*) трудно приспособить для колонизации. Индией уже владеет Англия. Северная и Средняя Азия входит в состав Советской России. Остается поэтому только Китай с его северными и восточными провинциями—Монголией и Манчьжурией" (стр. 100 русск. перевода).

Оставим в стороне целый ряд неточностей. Во-первых, раздел Африки пока что закончен и то только в 1919 г., т.-е. после заключения Версальского мирного договора, передавшего германские колонии

в новый раздел среди победителей. Насколько Африка безнадежна с точки зрения капиталистической экспансии, очень сомнительно. Все-таки и Франция с севера и северо-запада, и Англия с юга и северо-востока все еще заняты грандиозными ж.-д. строительными планами и не намерены жалеть миллиардов для вытеснения варварского натурального хозяйства, могущего все еще существовать без потребления продуктов европейской промышленности — и тяжелой, и легкой, и совсем легковесной. Что же касается политических „трудностей", т.-е. трудности „столковываться" с южными или северными африканскими колониями (Египтом), то и это дело „налаживается", и колонии при более или менее свободной и независимой „декорации" оставляют еще достаточный простор для „культурной" деятельности „муттерлянда".

И Малая Азия не так уже недоступна для „колонизации". Не нужно только колонизацию проделывать слишком откровенно. Доказательство: две лозаннские конференции, концессия Честера и ж.-д. концессия для англичан.

> Но все же остается еще....Китай. Как же быть с Китаем? „Очень жирный кусок, — говорит Варга. — Четыреста миллионов культурного населения, богатые сокровища в недрах земли, плодородная почва. *Включенный в капиталистическую систему, Китай мог бы в течение нескольких десятилетий поглощать излишки продуктов промышленности стран перепроизводства* (!—*М. Б.*). И действительно, казалось, что единение капиталистических мировых держав в деле установления системы общего господства над Китаем явится „важнейшим результатом Вашингтонской конференции".

Казалось бы чего лучше? Но и тут что-то неладно.

> Оказывается, что „при внимательном исследовании вопроса выясняется, что при данных политических обстоятельствах Китай представляет страну, которой трудно овладеть, что овладение его потребует громадных военных сил и колоссальных издержек, не сооотвующих ожидаемым выгодам..." (стр. 101).

Остановимся немного на этих китайских открытиях т. Варги. Прежде всего, т. Варга совершенно забыл свою теорию о нецелесообразности экспорта и о преувеличенном значении внешних рынков. Т. Варга готов признать, что такой лакомый кусочек, как Китай с 400-миллионным культурным населением, не включенный еще в капиталистическую систему, был бы спасением мирового капитализма, „ибо мог бы в течение нескольких десятилетий поглощать излишки продуктов промышленности" стран империалистических.

Это означает, что т. Варга убежден, что капиталистическим странам нужны многолюдные области, „не включенные в капиталистическую систему", и поскольку таковые еще где-либо на земном шаре существуют, они могли бы в течение десятилетий (!—*М. Б.*) давать простор для развития производительных сил мирового капитализма.

Не понимаем, однако, почему неудача Вашингтонской конференции, долженствовавшая, по мнению Варги, провести „единение капитали-

стических мировых держав" в деле установления системы *общей* эксплоатации Китая, аннулировала это последнее китайское убежище для империалистических „стран перепроизводства"?

При чем тут единение в эксплоатации? Почему и кому нужно это единение, когда, как раз наоборот, „единение" может помешать использовать в капиталистическом смысле богатые сокровища, плодородную почву и миллионы китайцев, в целях усиленного включения в капиталистическую систему „отсталого Китая". Если в данном вопросе тов. Варга *переоценивает* любовь к единению среди империалистических стран, то в другом вопросе, в следующем же абзаце, он *недооценивает* смелости и решительности тех же империалистических громил. Ведь им грозит провал, и только Китай, по мнению т. Варги, мог бы их в течение десятилетий избавить от всяких хлопот по части спасения своего существования.

Тов. Варга предупреждает, что Китаем овладеть трудно, что на это потребуются громадные военные силы и колоссальные издержки, „не соответствующие ожидаемым выгодам".

Трудно понять, какие же издержки могут быть больше ожидаемых выгод, когда они решают вопрос о существовании капитализма на несколько десятилетий. При чем тут издержки? Да ведь за этакую выгоду и не такие уплатишь „издержки"! Тем паче, что ведь и самито издержки, работа на военное дело, это ведь тоже, так сказать, не последнее дело и что-нибудь да стоит. Да разве и теперь не идет уже работа на вооружение? Нет, такими аргументами не отогнать тов. Варге империалистических стран от Китая, сулящего им продление жизни на такой долгий срок.

Чтобы, наконец, окончательно убедить их, империалистические державы, отказатися от борьбы за Китай, тов. Варга готов даже отказаться от всех своих „теорий" и заявляет:

Во-первых:

> „Китайский народ не хочет подчиниться превращению своей страны в колонию империалистических стран".

И во-вторых:

Это совсем не верно, что „включенный в капиталистическую систему" Китай мог бы в течение нескольких десятилетий поглощать излишки продуктов промышленности империалистических стран, ибо...

> „Внутреннее развитие Китая зашло слишком далеко, чтобы капиталистические державы могли использовать эту страну, как базу для расширения капитализма".

И далее он заявляет:

> „Если мы верно оцениваем положение дел [1]), то в настоящее время Китай переживает не упадок, а переход от феодально-централистического способа правления, соответствующего докапиталистическим хозяйственным отношениям, к новым формам правления, соответствующим интересам быстро развивавшегося во время войны китайского капитализма" (стр. 100 русск. перевода).

[1]) „Русский перевод не точно передал мысль автора. Там сказано: „если мы правильно поймем положение дел, то увидим, что в настоящее время и т. д." (стр. 100 русск. перевода). В действительности автор сказал: „Beurteilen wir die Sache richtig, so ist der gegenwärtige Zustand Chinas" и т. д. (см. стр. 115 пер.).

Не знаем, насколько этот последний аргумент сумеет задержать империалистические страны временного „перепроизводства" от стремления овладеть этим китайским рынком.

Нас в данном вопросе интересует совсем другая сторона дела. Тов. Варга, говоря о „географическом сужении капиталистической системы", являющимся самым важным признаком распада капитализма (недаром же помещен этот пункт во главе этих 10 признаков распада), имел в виду Советскую Россию с ее федерациями, т.-е. страны с пролетарской диктатурой. И вдруг оказывается, что такую же роль сужения возможности регенерации мирового капитализма играет и...Китай, „потому что внутреннее развитие Китая зашло слишком далеко по пути капитализма". Таким образом, не только пролетарские страны, но и капиталистические могут сыграть определенную роль могильщика мирового капитализма. Оставляя в стороне вопрос о достоверности китайских открытий Варги,—вопрос, который в данный момент не играет решающей роли,— мы должны указать, что эта новая точка зрения, которая никак не может быть согласована ни с его взглядами, сформулированными еще в 1916 году и в 1922 году наново русской публике преподнесенными, ни с исходной точки зрения его брошюр о кризисе капиталистического мирового хозяйства, ни брошюры о распаде капитализма, повторенной в отчете о положении мирового хозяйства в первой четверти 1923 года. Ибо то, что он в конечном счете нам преподносит, клонится ко взглядам Розы Люксембург как в смысле оценки роли и значения империализма, так и в смысле понимания условий банкротства капитализма.

Уже в своей книжке, изданной до войны в 1912 г., Роза Люксембург писала:

> „Империализм,—говорит Роза Люксембург,— это политическое выражение процесса накопления в его конкретной борьбе за остатки еще свободной некапиталистической среды.
>
> Географически обнимает эта среда еще обширные территории. Сравнивая, однако, с колоссальными массами уже аккумулированного капитала старых капиталистических стран, борющихся и за возможности сбыта своих продуктов и за возможности реализации и капитализации своей прибавочной стоимости; сравнивая дальше теми, с которым в настоящее время некапиталистические культуры превращаются в капиталистические; иными словами, сравнивая с уже существующим уровнем развития производительных сил капитализма,— представляется оставшееся поле для экспансии капитала очень незначительным" (стр. 223 4-го нем. изд.).

А в последние годы войны, отбиваясь от целой армии критиков и проверяя свои теоретические положения на фактах бурной жизни военного периода, она писала то же самое. И в то же самое время, когда тов. Варга убеждал своих слушателей в безграничной глупости германской буржуазии, которая бросает деньги на ненужные империалистические замыслы и авантюры в погоне за никому ненужным внешним рынком, вместо того, чтобы свой капитал использовать внутри страны ввиду „громадных пространств болотистых мест", Роза Люксембург подтверждала свою теорию империализма, указывая и на объективную границу, ее же не прейдеши [1]):

«...Капитализм все более и более расширяется благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накопляет за их счет, но в то же самое время на каждом шагу разъедает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место. Но чем больше капиталистические страны участвуют в этой погоне за областями накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных областей накопления, тем в большей мере его экскурсии по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф, в мировые кризисы, революции и войны».

М. Бронский.

(Окончание следует.)

[1]) См. „*Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса*". (Антикритика) Русский перевод. Гос. Изд. 1922, стр. 19—20.

Обзор русской литературы по аграрному вопросу.

(Окончание) [1]).

Сельское хозяйство за время войны и революции.

Н. М. Вишневский. Статистика и сельско-хозяйственная действительность. (Оттиск из журнала «Сельское и Лесное Хозяйство»). Москва. 1922 г.

Б. Н. Книпович. Главные черты сельско-хозяйственной эволюции Европейской России в 1916—1921 г.г. Москва. 1923 г., стр. 113—24.

Проф. Н. П. Огановский. Очерки по экономической географии Р.С.Ф.С.Р. Часть I. Сельское Хозяйство. Москва. 1923 г., 238 стр.

«*Сельское и Лесное Хозяйство*» за 1922—23 г.г. №№ 1—14.

«*Сельско-хозяйственная жизнь*» за 1922—23 г.г.

I.

Пока что русская литература не богата исследованиями по эволюции сельского хозяйства за время войны и революции. Помимо тех работ, которые перечислены в начале настоящей статьи, мы имеем работы, вышедшие в прошлые годы: Хрящевой, Першина, Книповича, Кондратьева и некоторых других; кроме того имеется несколько отдельных статей, появившихся в периодической печати.

Однако материал для исследования этого периода имеется богатейший. В последнее семилетие произведен целый ряд массовых обследований сельского хозяйства — сельско-хозяйственные переписи 1916, 1917, 1919, 1920, 1921 и 1922 г.г. Материалы этих переписей лежат в основе всех работ по истории сельского хозяйства за этот период и этими же материалами должны будут пользоваться все будущие исследователи истории сельского хозяйства.

Само собой разумеется, качество материала, которым пользуется исследователь, имеет решающее значение для всего исследования, поэтому критика источников — начало всякой научной работы.

Общая оценка имеющегося статистического материала в данный момент не входит в наши задачи, мы считаем необходимым

[1]) См. „Вестн. Соц. Акад." кн. 2 и 3.

лишь познакомить читателя с имеющимися в литературе критическими работами по оценке их в части, касающейся эволюции сельского-хозяйства за последние годы.

Большой научный интерес представляет вопрос о том, насколько данные произведенных за время войны и революции переписей в своем непосредственном виде верно отображают сельско-хозяйственную действительность. Сомнения в данных ЦСУ неоднократно высказывались и отдельными статистиками, как т.т. *Струмилиным*, *Громаном*, и отдельными работниками, соприкасающимися с сельским хозяйством или работающими в нем. Но наиболее обстоятельно и полно дана критика этих данных *Н. М. Вишневским*, на работе которого мы и остановим внимание читателя. Работа тов. Вишневского составлена из ряда статей, напечатанных в «Сельском и лесном хозяйстве». Это неизбежно привело к известной нестройности изложения, мозаичности, частым повторениям и т. п. Однако все эти стилистические и внешние недостатки работы не умаляют ценности его основных положений и их выдающегося общественного интереса. Как всем хорошо известно, данные ЦСУ рисуют положение сельского хозяйства к концу гражданской войны в весьма мрачном виде: сокращение посевных площадей—этого главного показателя состояния сельского хозяйства—к 1921 г. достигало до 35% против 1916 и более 40% против 1913 г. Значительно падает урожайность, изменяется пропорция с.-х. культур, падает скотоводство. Вполне справедливо отмечает тов. Вишневский, что эти данные в свое время питали самый мрачный пессимизм—своеобразное «пораженчество» на фронте хозяйственного строительства,—«пораженчество», приводящее к требованию капитуляции перед иностранным капиталом и к исканию реакционных путей выхода из аграрного кризиса (4 стр.). Вишневский останавливается исключительно на рассмотрении вопроса о размерах посевных площадей. Несостоятельность данных ЦСУ тов. Вишневский вскрывает путем сопоставления размеров посевных площадей с фактической продукцией и потреблением населения. Прежде всего он устанавливает значительное преуменьшение данными ЦСУ потребления населения. Сопоставив данные 1921 г. о чистом сборе хлебов в 7 голодающих губерниях с данными о сборе хлебов за вычетом продналога в 20 благополучных губерниях, Вишневский устанавливает, что 20 благополучных губерний имели сбор худший, чем Вотская голодающая область, а семь губерний хуже, чем сбор в Челябинской, и три губернии хуже чем в Саратовской.

Тульская, Владимирская и Северо-Двинская одинаковы с Вятской губернией; Костромская, Московская и Калужская хуже Саратовской, Калужская же в одинаковом положении с Симбирской (89 стр.).

Подобные данные, разумеется, противоречат даже самому грубому эмпирическому опыту, который говорит о том, что в действительно голодающих губерниях люди доходили до трупоедства, а в «благополучных» губерниях, по данным статистики имевших такой же сбор, как в голодающих, население вполне благополучно поторговывало хлебом.

По официальным данным потребление на душу населения было так мало, что если бы фактическое потребление соответствовало статистическому, то мы бы имели небывалый голод по всему советскому центру. Однако, в центре России крестьянство не голодало, следовательно, оно имело значительно больше хлеба, чем то значилось по данным ЦСУ. Как вполне справедливо доказывает Н. М. Вишневский, невозможно допустить, чтобы население жило привозом из других мест. Это невозможно по той простой причине, что „статистический голод" был во всех центральных губерниях.

Поэтому ответ, что крестьяне покрывали нехватку хлеба покупкой в соседних губерниях, мало бы чем отличался от ответа анекдотического ученика на экзамене по географии. «Чем живут жители Полинезейских островов?»—спросил экзаменатор,—«Тем, что стирают друг другу белье»,—ответил ученик.

Как курьез, тов. Вишневский [1]) приводит статистическую неразбериху по Костромской губернии,—неразберихy столь типичную, что ее необходимо воспроизвести.

Костромское губстатбюро, установив по губернии недосев в 45%, приходит к выводу, что «при том засеве и при том урожае (производство на душу 9,1 п.), которые известны по губернии по данным государственной статистики, Костромская губерния в 1921—1922 г.г. переживает острый голод»... (так же, как она переживала статистический голод в 1920—21 г.г.: 8,4 п. чистый сбор), «губерния снабжается из соседних—Вологодской и Северо-Двинской». По данным же государственной статистики в первой чистый сбор на душу—13,5 п., а во второй—8,9 п., т.-е. не больше, чем в Костромской.

Костромское же Экосо, не справившись в губстатбюро об «остром голоде» в губернии, сообщает в своем отчете СТО, что в их губернии значительно увеличилось мешочничество из голодающего Поволжья. Тов. Вишневский [2]) приводит ряд аналогичных курьезов, на которых мы останавливаться здесь не будем. Для иллюстрации достаточно одного. Очевидно, что в слагаемых, определяющих размер сельско-хозяйственного производства, имеется значительное преуменьшение. Как говорил заведующий ЦСУ, тов. Попов, на заседании Президиума Госплана (см. «Эк. Жизнь» от 13/XII—1922 г.), площадь посева по методу простого подсчета ЦСУ признается преуменьшенной, но, как он утверждал, вместе с тем невозможно более или менее точно определить, какой процент поправки, принятой на общую продукцию, падает на посевную площадь, «какой на урожайность». ЦСУ старалось достигнуть кажущейся правдоподобности своих данных тем, что повышало урожайность (до 25%) и сильно преуменьшало потребление. Настолько сильно преуменьшало потребление, что, как мы видели, по всему советскому центру в 1920—1921 г.г. мы имели «острый» голод по данным государственной статистики. И если население все же не вымирало, то лишь потому, что «имело по декрету, а жило по секрету». И только значительным преумень-

[1]) *Вишневский*. Цит. соч., стр. 15—16.
[2]) *Н. М. Вишневский*, там же, стр. 17—18.

шением потребления ЦСУ более или менее правильно исчисляло продукцию и достигало того, что по ряду губерний получались даже излишки, которые и явились объектом взымания Наркомпрода.

Однако и при этом способе получаются такие несуразности, что, очевидно, поправка на одном урожае недостаточна и даже неправильна, так как урожай действительно значительно понизился, а поправки на потребление приводят к цифрам, не имеющим никакого отношения к действительности. Последнее сообщение убеждает тов. Вишневского в значительном преуменьшении главного составного элемента в размерах продукции, именно, значительным преуменьшением размеров посевных площадей. Он доказывает, что все то громадное сокращение посевных площадей, которое *констатировалось* переписями ЦСУ отнюдь не является фактическим сокращением, а лишь статистическим. Как это случилось? Тов. Вишневский [1]) совершенно правильно устанавливает следующие факторы, влияющие на установление статистикой различных размеров пашни и посева при их одном и том же фактическом размере: 1) *метод выяснения* —документально-плановой, документальный и по опросу; 2) объект учета: владение или хозяйство; 3) социально-политическая обстановка (23).

Эти положения Вишневский доказывает на примере переписей 1916—1921 г.г. Большая разница получается в цифрах, когда статистик проверяет показания населения по документам и планам, или когда он всецело должен довериться простому опросу населения.

Эта зависимость вскрывается при сравнении переписей земских документально-плановых, —1916 г. на основании опроса и 1917 г. на основании документального метода. Оказывается, что при переписи 1916 г., организованной в чисто утилитарных целях особым совещанием по продовольствию, недоучет составлял до 6%. Этим то и объясняется, что в 1917 г. для крестьянских хозяйств 26 губ. советского центра получилось увеличение посевной площади на 5% [2]), у частных же владельцев получилось сокращение на 25%. Последнее объясняется отнюдь не действительным сокращением у них посевов, а лишь дефектами учета.

В 1917 г., благодаря бегству многих помещиков из усадеб и другим причинам, просто не была учтена вся их пашня. Это доказывается Вишневским сопоставлением данных повладенного учета и похозяйственного в 1917 г. Земля, учтенная по владениям, затем не подвергалась учету по хозяйствам. По 13 губ. оказалось, что при похозяйственном учете было учтено лишь 58% того, что было учтено при повладенном [3]). То же получается в 1920—1921 г.г. при учете не по общинам (повладенный учет), а по отдельным хозяйствам. Дав увеличения против 1916 г. на 6%, перепись 1917 не доучла

[1]) Там же, стр. 21.

[2]) По данным ЦСУ имеется не увеличение, а уменьшение, благодаря пропуску значительного количества селений. Вишневский же внес поправку на неучтенные селения; благодаря этому и получился плюс, а не минус (стр. 28).

[3]) Там же, стр. 29—31.

по сравнению с земской статистикой в среднем 10% посевной площади [1]). Еще лучше вскрывается значение способов учета при сравнении данных переписей 1916 и 1917 г.г. по Юго-Востоку (+5%), Киргизии (+13%) и Сибири (+12%). Уже в 1916 г. из этих рыночных районов экстенсивного хозяйства вывоз значительно сократился (см. стр. 60) (вывоз из Сибири в Европейскую Россию в 1915 г. равнялся 54,6 м.п., в 1916 г. уже 41,6 м.п., а по главным заготовительным губерниям Сибири и Киргизии— Омской, Томской, Енисейской и Иркутской — будет иметься сокращение с 41,451 в 1915 г. до 21,886 в 1916 г.). Таким образом, если к 1916 г. еще и могло быть увеличение посевной площади, то к 1917 г. должно было быть скорее сокращение, как, вероятно, и было на самом деле, но во всяком случае не увеличение. Увеличение же на 10—13% объясняется, главным образом, тем, что в 1917 г. был применен метод документального учета вместо метода-опроса в 1916 г.

О том, насколько могут искажать действительность статистические данные, которые преподносятся в сыром, необработанном виде, как это сделано ЦСУ, показывает и пример с Украиной и Крымом. По официальным данным, с 1916 по 1917 гг. посевная площадь сократилась там на 11%. Как доказывает Вишневский [2]), это столь значительное сокращение объясняется арифметической ошибкой.

Уяснив различие данных переписей 1916—1917 г.г., тов. Вишневский приходит к следующему выводу. „Если население в 1916 г., воспользовавшись беспомощностью статистиков (пользовавшихся только способом опроса), дало им преуменьшенные показания о посевах (в среднем по 8 губ. с соответствующими данными на 6%), то до каких же размеров воспользовалось это же население подобной же возможностью после революции под влиянием регулирующих мероприятий Советской власти, одной из которых была продразверстка. Да, кроме того, переписи 1919—1920 г.г. производились осенью в разгар выполнения продразверстки, когда в одной избе сидел статистик и заполнял цифры и графы о посевах, а тут же рядом заседали уполномоченные по продразверстке. При чем население многих губерний помнило опыт 1918 г., когда продотряды сперва произвели как-будто статистическую перепись, а затем, предъявляя формуляры переписи, требовали выполнения продразверстки в определенном размере» [3]).

И действительно, в этом вполне убеждает рассмотрение переписей 1917—1920—1921 г.г. Сравнение данных первых двух переписей дает сокращение в 1920 г. на целую четверть против 1916 г. и почти на 30% против 1913 г. Однако подобное сокращение не фактическое, а статистическое.

Как выясняет нам Вишневский на примере Псковской губ., площадь пашни определена путем сложения площадей посева, пара, перелога, пустующей пашни и недосева. Так как в площадь пашни

[1]) Там же, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 63.

[3]) Там же, стр. 31.

включена и площадь недосева, то, очевидно, громадное исчезновение пашни могло быть объяснено или переходом пашни в другое угодье — выгон, луг, лес и т. п., или же просто скрыта населением. О том, что за 2—3 года пашня не могла превратиться в другое угодие, — это очевидно. Не могла она также превратиться в небытие, следовательно, просто была скрыта населением, которое в целях большей правдоподобности вместе с посевом соответственно уменьшало пар и недосев. Техника этого вранья выяснена тов. Вишневским на стр. 32—36. О том, насколько преуменьшены населением показания в переписи 1920 г., Вишневский показывает на публикуемых за последнее время данных о количестве пашни, учтенной продорганами при составлении списков налогоплательщиков на 1922 г. Например, по Пензенской губ. эти данные пашни на 20% выше, чем данные переписи 1920 г., — в Брянской на 34%. Указание на несоответствие данных переписей фактической действительности отмечалось и отдельными местными статистиками: например, по Воронежской губернии губстатбюро была внесена поправка на 65% и была принята ЦСУ (15 стр.).

Брянские статистики признали преуменьшение в 1920—1921 г. на 48%. ЦСУ признало необходимость поправки для голодающего района на 30%, для Сибири в 20%. Подобные бессистемные поправки по отдельным районам только спутывают действительность. На странице 70 у тов. Вишневского мы находим сопоставление движения посевных площадей с 1920 по 1921 г. в голодающих губерниях с поправкой, принятой ЦСУ для переписи 1921 г., и благополучных по урожаю, по которым ЦСУ поправок не внесло. Сопоставление дало явно нелепый результат. В благополучных мы имеем дело с уменьшеньем посевной площади (до 10%), а по голодающим, даже повторно-голодающим, мы имеем дело с расширением посевной площади на 10%, что явно несуразно. А для отдельных губерний такие бессистемные поправки закончились весьма печально. Так по Воронежской губернии увеличение площади на 65% и соответственное увеличение продукции означало и соответственное увеличение продналога. В результате эта губерния, где фактический урожай был не лучше, чем в соседних, в 1921—1922 г. вынесла на себе значительно большую тяжесть продналога [1]). Все это говорит за то, что ни в коей мере мы не можем оперировать данными переписей в тем виде, в каком они опубликованы ЦСУ. В этом виде они не сравнимы.

Вишневский бесспорно установил, что изменения, констатируемые данными ЦСУ, являются не столько отображением в действительности происходящих процессов, сколько результатом следующих четырех вне хозяйства лежащих причин: 1) пропусков регистрации; 2) арифметической ошибки при сводке полученных результатов; 3) различия методов получения данных и 4) влияния социально-политических условий [2]).

[1]) Там же, стр. 87.
[2]) Там же, стр. 47.

Но если данные переписей не сравнимы в их теперешнем виде, то последнее отнюдь не означает того, что их нельзя привести в сравнимый вид. В тех же материалах переписей имеются достаточные данные, чтобы с известной точностью установить необходимые поправки и привести статистическое отображение действительности в более или менее близкое соответствие с самой действительностью. Разумеется, эта работа очень большая, но выполнимая. Она выполняется уже самим ЦСУ (как то следует из заявления заведующего ЦСУ тов. Попова на Заседании Президиума Госплана) [1]). Она выполняется также сельско-хозяйственной секцией Госплана, т. т. Громаном и Вишневским, который принял данные Громана как «первый ориентировочный подход к действительности».

Путем довольно сложных вычислений, на которых мы здесь останавливаться не можем, тов. Вишневский определяет преуменьшение посевной площади данными ЦСУ в 1920 г. примерно на 25%; в 1921 г.—27—30% и в 1922 г.—32—35%. По данным Н. М. Вишневского [2]), движение посевных площадей представляется в следующем виде [3]):

Годы.	Посевная площадь в милл. дес.	% сокращения к цифре 1913 г.
1913 г.	98,5	—
1916 „	96,0	2,5
1917 „	93,5	5,0
1920 „	86,0	12,5
1921 [4])	76,0	22,6

К сожалению, тов. Вишневский не приводит данных о распространении недосевов по различным районам России. Однако, он считает, что кризис посевных площадей охватил главным образом окраины России — юг и юго-восток, жестоко пострадавшие от неурожая 1920—1921 г.г. В центральном же районе России, особенно же в потребляющей полосе, если и было сокращение посевных площадей в 1921 г., то, несомненно, весьма небольшое и скоро ликвидированное.

От территориального распространения недосевов перейдем к социальному. Весьма распространена версия о том, что недосев наблюдался преимущественно у верхов деревни, при чем, это сводилось к влиянию продразверстки. Дескать, сельская буржуазия сокращала посевы, чтобы не отдавать излишков государству. Установить это влияние продразверстки при имеющихся данных весьма трудно. Что благодаря продразверстке население значительно преуменьшало показания о посевных площадях, об урожайности, скоте и т. п., это бесспорно, но установить, что составляет действительное сокращение и что — результат простого сокрытия — весьма трудно... Но все же для установления действительного влияния продраз-

[1]) „Экон. Жизнь“ 17/VI—1922 г.
[2]) Там же, стр. 69.
[3]) Данные подтверждены с.-х. секцией Госплана.
[4]) В 1922 г. пос. площадь—64,5 милл. дес., т.-е. 34,6%;

верстки, для выяснения того, какие слои сокращали посевы, можно найти соответствующие данные. Нам представляется вполне верным наблюдение тов. Вишневского, что население само относилось к недосеву, как к несчастью—беде, и весьма ценны его указания, что в центральных губерниях недосевы в противоположность утверждению ЦСУ [1]) были у слабых хозяйств, а не у сильных.

При сравнении величины с.-х. производства на одну душу (в довоенных рублях) с % недосева по уездам Пензенской губ., Вишневский [2]) получает следующий поразительной правильности ряд:

Производство на 1 душу в рублях.	Недосев в % по показанию населения.
10,4	32,3
12,5	10,7
15,7	5,0
16,3	1,3
17,1	4,7
18,6	3,4
18,6	3,7
23,1	3,6
23,1	2,9
25,3	1,9

По Костромской губ. аналогичные данные будут иметь следующий вид:

Посевная площадь на 1 хозяйство в дес.	% недосевов.
1,1— 2,0	29
2,1— 3,0	27
3,1— 4,0	23
4,1— 5,0	21
5,1— 6,0	20
6,1— 8,0	21
8,1—10,0	21
10,1—13,0	11

По другим губерниям данных пока не имеется, но если и по тем будет аналогичная картина, то нужно будет окончательно отбросить версию о том, что в результате продразверстки верхи деревни, особенно в центральных районах, сознательно сокращали производство; что сознательно преуменьшали,—это бесспорно. Возможно, что в районах юга, юго-востока и в Сибири верхи деревни наряду с низами вынуждены были сократить размеры производства из-за недостатка сбыта и крайней дешевизны хлеба в этих районах, а главное, из-за фактической разрухи хозяйств—отсутствия скота, инвентаря и т. и. Зато для советского центра эта версия не выдерживает критики. Чем больше зажиточный крестьянин производил на имеющейся площади пашни, тем больше имел надежд утаить хлеб от продорганов и более спустить его на рынок. Недосев же

[1]) Экономическое расслоение крестьянства в 1917 — 1919 г.г.—«Труды ЦСУ» т. VI, вып. 3. Москва 1922 г., стр. 10.

[2]) Там же, стр. 22.

больше бил его самого, чем продорганы, которые все равно брали то, что подлежало отчуждению на нужды государства.

Таково в основном содержание интересной и научно-ценной работы т. Вишневского. В рецензируемой нами работе т. Вишневский остановился главным образом на критическом разборе данных о посевных площадях; несомненно, что последующие исследователи истории русского сельского хозяйства за время войны и революции должны будут критически разобрать и данные об урожайности, об изменении в полеводстве, животноводстве и т. п.

Заслуга т. Вишневского в том, что он первый, если и не разрешил всецело, то, по крайней мере, весьма правильно поставил вопрос и наметил его разрешение—именно вопрос о критике данных сельскохозяйственных переписей, этого главного нашего источника познания об эволюции сельского хозяйства за истекший период. Будущие исследователи не должны пройти мимо рецензируемой работы.

II.

Принимая во внимание отмеченные т. Вишневским неточности в отображении статистикой современной сельско-хозяйственной действительности, перейдем к работам Б. Н. Книповича и Н. П. Огановского, которые основываются в значительной степени, особенно первый, именно на данных этих переписей, взятых в их непосредственном виде.

Работа Б. Н. Книповича — «Главные черты эволюции сельского хозяйства Европейской России в 1916—1921 г. г.» — выполнена аппаратом Отдела Научных Исследований Управления Сельско-Хозяйственных Работ Наркомзема. Она является одним из докладов, которые должны послужить материалом для комиссии по выработке порайонных планов. Работа основана исключительно на данных сельскохозяйственных переписей «без внесения в них каких-либо поправок» (IV стр.), хотя автор и признает, что переписи имеют „большие дефекты". Автор считает «пользование этими данными обязательным», мотивируя это тем, что, во-первых, «это единственные массовые данные», во-вторых, «это данные официальные и с этой стороны являющиеся для других ведомств более или менее обязательными», и в-третьих, «эти данные правильно улавливают общие тенденции эволюции последних лет».

Что внести поправки в данные переписей — дело большой работы,—это бесспорно, и очень возможно, что для выполнения этой работы у плановой комиссии не было возможности. Но к чему же тогда уподобляться анекдотическому капитану, который, объясняя, почему он не мог салютовать, перечислил все причины вплоть до плохой погоды и лишь между прочим упомянул, что «не было пороха». Если у Б. Н. Книповича в данный момент «не было пороха», чтобы произвести эту большую работу, то на это прежде всего и нужно было указать. Ведь если первый аргумент его бесспорен, то второй и третий, в особенности второй, об обязательности офи-

циальных данных Ц.С.У. (очевидно даже без всяких поправок) — явно неудовлетворительны.

Очевидно, нехватка пороху, что вполне понятно и извинительно, сделала т. Книповича адептом нового догмата статистической церкви, если и не о непогрешимости Ц.С.У. то, по крайней мере, об обязательности его даже дефективных данных. Несомненно этот догмат и практически и научно весьма вреден.

Что автор не внес поправок в данные переписей, конечно, большой недостаток работы, которая имеет практическое значение для составления порайонных планов, в которых, разумеется, важно не только наметить общую тенденцию работ, но и конкретные мероприятия. Для деловых же мероприятий нужны не тенденции, а проверенные данные. На тенденции далеко не уедешь.

Работа т. Книповича представляет собою порайонные обзоры о состоянии сельского хозяйства с краткой характеристикой довоенной эволюции каждого района и более подробной послевоенной. Районы взяты на основании работ по районированию, ведущихся в Наркомземе, в Главном Управлении сельско-хозяйственной экономии и весьма близки к районам, установленным А. Н. Челинцевым. В обсуждении принятого районирования, разумеется, мы входить здесь не можем.

В характеристику каждого района входят: движение населения, изменение посевных площадей и полеводства, движение урожаев и, наконец, изменения в животноводстве. Довоенная эволюция сельского хозяйства характеризуется быстрым темпом капиталистических процессов, вовлечением деревни в товарный оборот, быстрой интенсификацией сельского хозяйства западных и центральных нечерноземных районов.

В конце XIX и начале XX века углубилось районное разделение труда в сельско-хозяйственном производстве России; наметился крупный сдвиг по переходу от экстенсивного хозяйства к интенсивному, по освобождению западного петроградского и центрально-промышленного и др. районов от невыгодного для них зернового хозяйства и переходу к травосеянию, техническим культурам и т. п.

За время войны и революции наметился обратный процесс, процесс деспециализации районов, процесс превращения крестьянина в то средневековое «чудо универсализма», который (процесс) к счастью вовремя был оборван начавшимся сельско-хозяйственным подъемом с 1922 года.

Мы, конечно, учитываем и спешность работы т. Книповича, и необходимость сжатого конспективного изложения, и тысячи других неблагоприятных причин, которые наложили свой отпечаток на работу, но все же не можем не отметить самого существенного недостатка работы — именно, отсутствия исследования тех причин, которые влияли на ту или иную эволюцию района в довоенное и послевоенное время. Ведь недостаточно констатировать наличие того или иного изменения в полеводстве и животноводстве, надо еще вскрыть закономерность этих изменений и их причины, что имеет громадное и теоретическое и практическое значение. Описание не есть исследование, а лишь ступень к этому исследованию. У Книповича же мы имеем только описание районов, да и то по статистическим данным, которые, как признает и сам автор, «имеют большие дефекты".

Жаль, что работа Б. Н. Книповича обрывается на 1921 году. В главном управлении сельско-хозяйственной экономии и плановых работ Наркомзема имеются материалы и за 1922 год, использование которых имеет немаловажное значение для построения плана на 1923 год.

III.

Теперь перейдем к работе Н. П. Огановского, также посвященной эволюции сельского хозяйства за последние годы.

Если работа Б. Н. Книповича предназначена прежде всего для внутреннего, наркомземовского потребления и для потребления, очевидно, довольно ограниченного круга читателей, более специально интересующихся вопросами сельского хозяйства, то работа Н. П. Огановского предназначена для «широкого потребления».

Это курс лекций, читанный в I Государственном университете и, как обязательный курс, обязателен к сдаче студентами. Разумеется, далеко не все студенты могут критически отнестись к лекциям и учебнику своего профессора, поэтому к выпуску подобных учебников приходится относиться с большой осторожностью.

Несомненно, автор в своем курсе старался обойти все наиболее острые углы и держаться, елико возможно, объективно, но, понятно, он не смог перестать быть тем, чем он есть. Автор принадлежит к народническому течению и народническое понимание или вернее непонимание сельско-хозяйственной эволюции сквозит во всем его курсе.

Для автора главной фактор сельско-хозяйственной эволюции — рост населения: 1) возрастание плотности сельско-хозяйственного населения и 2) увеличение городского и промышленного населения в данной стране (40 стр.). В глазах автора рост населения, этот бесспорно производный и отнюдь не первичный фактор, выпячивается на первый план, и наш автор ищет причину в том, что само является прежде всего следствием. В вопросах народонаселения автор, несомненно, стоит на позициях мальтузианства, которое, как мы говорили в прошлой рецензии на книгу Бруцкуса, нашло себе в России благоприятную почву.

Неудовлетворительна и 6 глава, где автор говорит об общих тенденциях сельскохозяйственной эволюции. Разумеется, Н. П. Огановский, как истый народник, развивает ревизионистские идеи об особых путях развития сельского хозяйства, о дроблении сельскохозяйственных предприятий. Нужно отметить, что он признает этот закон действующим лишь «при настоящем уровне техники» (68 стр.) и допускает обращение этого закона в свою противоположность при изменении техники (68 стр.).

Любопытно, что предшествующую вплоть до XIX века концентрацию землевладений он объясняет «политическими факторами» (70—72 стр.). Искание внеэкомических факторов свойственно всем историкам, которые оказываются со своими экономическими теориями бессильными вскрыть непонятные для них исторические явления. Чтобы дать читателю представление об историческом понимании рецензируемого автора, выпишем следующее его весьма достопримечательное положение: «Разделяя население на классы и сословия, предоставляя одним классам землю, власть над народной массой и даже ее даровой труд, отнимая у этой массы все права и значительную долю средств существования, *политические факторы создавали экономическую дифференциацию* такого огромного масштаба, с которой едва может сравниться современная дифференциация индустрии» (71 стр.). Цитированное место столь чудовищно для идеалистического непонимания истории, что по всем правам может претендовать на то, чтобы быть высеченным на надгробном памятнике идеалистических школ, как иллюстрация того, «как не следует объяснять историю».

И в области мобилизации землевладения во время революции Н. П. Огановский совершенно неправильно трактует переход земель к крестьянству, как завершение дореволюционного вытеснения крупного хозяйства мелким. Наоборот, как мы отмечали в прошлый раз, мелкое крестьянское хозяйство в революцию 1917—1918 г.г. внеэкономическим путем возвратило себе то, что все время теряло экономическим путем в неравной борьбе с неизмеримо более сильным крупным капиталистическим хозяйством.

Также не можем согласиться и с его объяснением эволюции земледелия и скотоводства в России за истекшие годы. Н. П. Огановский несомненно преувеличивает натурализацию сельского хозяйства за период войны. Наметившееся в полеводстве вытеснение рыночных культур продовольственными далеко еще не обозначает натурализацию сельского хозяйства. Стоит только ознакомиться с товарным оборотом периода войны и революции и с движением цен, чтобы убедиться в том, что бывшие рыночные культуры, как, например, лен, конопля, превратились почти исключительно в продовольственные. Из-за разрухи промышленности они обесценились против ржи чуть ли не в два десятка раз и сделались продуктами преимущественно домашнего потребления крестьян. Бывшие же продовольственные хлеба, которые в прежнее время в большей своей части потреблялись самим сельским населением и скармливались скоту, с голодом в городах превратились в рыночные продукты, как главные средства питания городского населения. В потребляющих районах крестьянское хозяйство отнюдь не натурализовалось, изменились лишь те товары, которые оно отчуждало. Через нелегальный рынок оно снабжало население городов бывшими продовольственными хлебами. Единственно разве сократилось количество отчуждаемых продуктов.

Для районов бывшего рыночного зернового хозяйства, для юга и юго-востока, лишение внешнего рынка несомненно вызвало известную

натурализацию, так как там из-за отсутствия экспорта и разрухи транспорта бывшие рыночные хлеба крайне обесценились.

Между прочим, в необыкновенном вздорожании до 1921 года кормовых хлебов и значительном подешевении мяса и других продуктов животноводства кроется одна из причин резкого упадка русского скотоводства. Крестьянину куда выгоднее было продавать дорогие корма, чем скармливать их подешевевшему скоту.

Таковы общие замечания по поводу рецензируемой книги. В общем можно сказать, что, пожалуй, от Н. П. Огановского нельзя было большего требовать, чем он дал в своей работе. Несомненно он проявил максимум доступной ему объективности в трактуемых вопросах революции, и бесспорно по очень удачно подобранному материалу, по живости и легкости изложения мы должны отдать ему должное.

Периодическая литература.

Нельзя сказать, чтобы мы были богаты научной периодической литературой по сельскому хозяйству. Скудность средств при жесткой политике Наркомфина, нехватка сил не позволяют развернуть ее в должном размере. Укажем, что даже центральное учреждение—Наркомзем не имеет весьма необходимой сельско-хозяйственной газеты. Им издается довольно удовлетворительно поставленный еженедельник «Сельско-Хозяйственная Жизнь», который весьма неточно назван «газетой».

В провинции кое-где издаются популярные сельско-хозяйственные журналы и газеты, из них наиболее крупные, это—издаваемые Украинским Центральным Земельным Органом. Обзор этой литературы в нашу задачу не входит.

Несомненно, пожалуй, единственный крупный научный журнал—это «Сельское и Лесное Хозяйство», издаваемый в Москве издательством Наркомзема «Новая Деревня». За время существования журнала в 1922 и 1923 г.г. пока вышло всего 7 книг, в 20—25 листов каждая. Все книги—сдвоенные номера, а последний, только что вышедший, счетверенный №№ 11—12, 13—14. Выпуск книг сильно задерживается. Это свидетельствует о неудовлетворительности технической постановки дела. Журнал освещает все вопросы, связанные с сельским хозяйством, начиная от общих экономических и политических и кончая узко техническими вопросами. Нет возможности перечислить всего богатого содержания вышедших 7 книжек. Туда входят весьма интересные статьи проф. Кондратьева по вопросам эволюции мирового и русского сельского хозяйства, Чаянова, Литошенко, Брущкуса и других представителей не-марксистской сельско-хозяйственной мысли. На страницах журнала нашла себе отражение полемика между марксистами и не-марксистами о природе крестьянского хозяйства и о путях его развития. Журнал весьма полно отображает всю современную многогранную научную работу по восстановлению сельского хозяйства.

Основным бедствием для рецензируемого журнала является нехватка коммунистических и даже просто марксистских теоретических

сил. К большому сожалению, наших коммунистических сил не хватает на обслуживание всех существующих толстых журналов, и журнал „Сельское и Лесное Хозяйство“ один из особо обойденных. Не говоря уже о чисто технических вопросах, которые находятся пока-что в неоспоримой монополии спецов-профессоров, вопросы экономические и даже вопросы сельско-хозяйственной политики весьма часто освещаются не-марксистами. Только первые руководящие статьи принадлежат коммунистам. Вот это-то значительное засилье не-марксистов придает журналу весьма большую теоретическую пестроту. Выдержать единую линию во всем журнале его руководителям в современных условиях является, очевидно, крайне затруднительным.

С. Дубровский.

Проблема логики в современной философии.

(Обзор литературы 1916—1922 г.г.)

1. *E. Husserl*: Logische Untersuchungen. Band I. Prolegomena zur reinen Logik. Dritte unveränd—Aufl. Band II—Untersuch. zu Phänom. und Theorie der Erkenntnis. I Teil. u. II. Teil. [zw. verarb. Aufl. 1913]. Dritte unver. Aufl. Halle a. S. 1922. 257 + 508 + 244 S.

2. *E. Husserl*: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweite Aufl. Halle a. S. 1922. 323 S.

3. *W. Moog*: Logik, Psychologie und Psychologismus. Wissenschaftssystematische Untersuchungen. Halle a. S. 1920. 306 S.

4. *G. Gronau*: Die Philos. der Gegennw. II B., 1922. S. 168—239: Edmund Husserl.

5. *A. Messer*: Husserls Phänomenologie und ihre Verhältnis z. Psychologie. Arch. f. Psych. XXII.

6. *A. Pfänder*: Logik. Jahrb. f. Philos. und phänomenologisch. Forschung. Hrsg. v. E. Husserl. Vierter Band. Halle a. S. S. 140 ff.

7. *J. Rehmke*: Logik oder Philos. als Wissenslehre. Leipzig. 1918, 577 S.

8. *G. Störring*: Logik. Leipzig 1916. 363 S.

9. *R. Herbertz*: Prolegomena zu einer realistischen Logik. Halle a. d. S. 1916. 224 S.

10. *Th. Ziehen*: Lehrbuch der Logik auf positivistischer Grundlage mit Berüksichtigung der Geschichte der Logik. Bonn 1920. 866 S.

11. *J. v. Kries*: Logik. Grundzüge einer kritischen und formalen Urteilslehre. Tüb. 1916. 732 S.

12. *W. Koppelmann*: Untersuchungen zur Logik der Gegenwart. Teil I—II. Berlin 1916—1918. 278 + 478 S.

Логика стала предметом ювелирного искусства. В наше время она сводится к произвольной, поражающей своей запутанностью и абстрактностью инкрустации голых понятий. Понятия лишаются реального предметного смысла, а, вместо объективного применения их, строятся темные таинственные лабиринты чисто словесных различений или понятий, добытых из чисто формального анализа языка; это—номинализм и вербализм, ищущие логическое основание для своих классификаций, различений и доказательств в грамматических формах языка; это—совершенно ‹нейтральные›, если хотите, в своей универсальности способы обработки понятий и суждений, когда фор-

мальная всеобщность логического правила обосновывается в линиях грамматики, а связь и оправдание связи отдельных доказательств и классификации диктуется скорее эстетическими, чем логическими мотивами. Сопоставление современной логики с эстетикой во многих отношениях любопытно. Можно и необходимо всемерно возражать против так наз. теории «искусства для искусства», но отрицать нельзя, что *психологически* каждое проявление эстетического чувства характеризуется, главным образом, некоторым бескорыстием, отсутствием практической заинтересованности. Такова, именно, современная логика, если рассматривать ее в ее отношении к другим идеологическим выражениям современного общеевропейского кризиса: она превратилась в размышление. Истина потеряла свою «истинность»; «критериев» «истинности» ищут не ради истины, но для того, что не может быть предметом живого исследования, реального опыта, живой борьбы и исканий, но что может сослужить большую пользу в борьбе с революционными теориями времени.

Такова общая черта всех современных попыток «реформировать» логику. «Реформы» сводятся к тому, что уничтожают последний остаток историзма, и в реставрации реакционнейшей схоластики отрывают логику от живых исторических корней в поисках вечных истин «чистого сознания», как идеологического противоядия против революционизирующих идей времени. Это более всего применимо к Гуссерлю, как одному из главнейших представителей современного идеализма.

Гуссерлианство в той общей формулировке, в которой оно выступает в последние годы, есть не что иное, как реакция против неокантианства, игравшего доминирующую роль в идеализме начала нынешнего столетия,—реакция, подготовленная самим же неокантианством, которое уже исчерпало все заложенные в нем логические возможности и как бы испытывало свою жизнеспособность, порождая наиболее чуждый и противоположный себе ход мысли. При всей противоположности неокантианству, которая откроется ниже, гуссерлианство, однако, остается в пределах неокантианского круга идей, как одна из форм идеализма.

Именно, тот же самый «факт науки», на котором столь горячо «ориентируется» неокантианская фразеология, остается той же логической почвой, из которой вырастает учение Гуссерля о логике, как науке, о «науке вообще», и о философии, как о «научном» «строгом знании». Учение Гуссерля о «теории» возможной теории вообще в основном всецело примыкает к *кантовскому* вопросу о «возможности науки» вообще, а отсюда и к общей для всех неокантианцев проблеме логического обоснования точных наук. Своеобразная метафизика науки неокантианцев расчистила почву для гуссерлианского формализирования научных истин.

Строго говоря, Гуссерль в своей «феноменологии» исходит — ни более, ни менее—как из случаев применения математического метода к общему естествознанию, в одних случаях, а в других— из чисто логического истолкования отношения общих геометрических понятий к арифметике. В этой плоскости и возникает мысль об «ин-

туиции» («идеации»—«созерцании»). Естествоиспытатель организует эксперименты, произвольно изменяет условия наблюдения, сравнивая и умозаключая на основе единичных фактов. Математик, напротив, как бы непосредственно «созерцает» такие отношения и связи, которые никогда не могут быть предметом опытного наблюдения. И далее: количественные понятия математических наук характеризуются чисто логически, как теоретические par excellence; количественность выносится за пределы реального количества и истолковывается, как принцип «формального» знания. Подобно этому от каждой теоретической науки у Гуссерля отделяются таинственные тени, которые бегут от них в полнейшем страхе скомпрометировать себя незаконною связью и образуют свое особое самостоятельное царство теней или «чистых сущностей». В области логики это происходит таким образом, что из общего контекста геометрии произвольно выдвигаются только два понятия: пространство и тело, основные логические черты которых становятся принципами объяснения формального мышления. Конечно, математически определенное тело, вопреки мысли Гуссерля, не обладает никакими преимуществами перед другими математизированными понятиями физических наук, а с другой стороны, нельзя смешивать, как это делает Гуссерль, математически-формальное с логически-формальным; математическое формализирование не обедняет, не лишает всех индивидуальных свойств, но абстрагирует в пределах данного же предмета;—логическое формализирование имеет дело, напротив, с содержанием признаков, а не предметов—оно не расширяет и не схематизирует. Но этот ход мысли был неизбежен, когда математические дедукции чистых наук достигли такой общности, которая уже становилась носителем логического значения. «Особенные затруднения испытал я,—пишет Гуссерль в предисловии к I тому «Логических исследований»,—занимаясь логическим исследованием формальной арифметики и учения о многообразиях,—дисциплины и метода, выходящих за пределы всех специальных числовых и геометрических форм. Это исследование привело меня к соображениям весьма общего характера, возвышающимся над сферой математики в узком смысле и тяготевшим к общей теории формальных дедуктивных систем». В этом стремлении дать исчерпывающую дедуктивную логику научного знания—дальнейшие общие черты гуссерлианства и неокантианства. Само движение антипсихологического истолкования „научной" логики вовсе не связано впервые с именем Гуссерля. Недаром сам Гуссерль напоминает слова Канта в том же предисловии к «Лог. иссл.»: «науки не умножаются, а искажаются, если дать сплестись их границам». Неокантианство, исходя из логического толкования этой мысли, придало ей абсолютное метафизическое значение в пределах обоснования предмета и задачи логики: логика отныне выступает, как проблема, а «логицизм», как разрешение этой проблемы: «логическое» превратилось в «онтологическое», и предмет разрешился в один из моментов саморазвивающегося метода. Такова не только „логика чистого мышления" Когена, но и других отпрысков этого направления: Риккерт, Ласк, напр. Но именно в этом пункте

неокантианство было менее всего обосновано: оно было всецело догматично в своем «критицизме» и метафизично в своем «научном» идеализме. Критика психологизма была доведена до «логицизма», т.-е. до ненужных никому размышлений на различные темы: о «чистой логике», о «методе порождения», о «трансцендентализме»; и философия права, и этика, и философия хозяйства сводились в этой плоскости лишь к методологической проверке неокантианской «логики чистого мышления» на отдельных примерах права, нравственности и хозяйства; или же, в иных случаях, психология, напр., превращалась в логику переживаний, а этика — в логику «чистой воли» или в «логику наук о духе», исследующую логические условия долженствования. «Субъект», «способности», «вещь в себе», «аффицирование» — эта общеизвестная кантовская терминология переводится на язык логики, и с его «гносеологическим субъектом», «сознанием вообще» и пр. подобное логизирование психологии внутри неокантианского же учения было не чем иным, как началом некоторого противоположного чуждого неокантианству, но из него берущего свое начало движения,—движения тех тенденций в антипсихологизме логики, которые прямо вели к алогизму в психологии. Здесь с самого начала намечалась и выдвигалась самими же адептами нового учения проблема метода: в методе — все существенное выражение неокантианства, и естественно остановиться на нем подробнее, потому что, вырастая из одного и того же предмета, неокантианство и гуссерлианство движутся по методологически диаметрально противоположным, но вместе с тем вытекающим друг из друга линиям. Феноменологический метод Гуссерля мог возникнуть только в плоскости трансцендентального метода, как его прямая противоположность, подобно тому, как трансцендентальный метод первоначально определялся формальной логикой, как проблемой.

Формальную логику принято называть также аристотелевской. В особенности это стало популярным после Канта, которому принадлежат слова в «Критике чистого разума»: «Логика со времени Аристотеля не сделала ни одного шага вперед, но и ни одн го шага назад». В этом есть, несомненно, доля истины, поскольку формальная логика обосновалась, как наука, в той средневековой схоластике, которая питалась аристотелевским «органоном»; но относительно формальной логики, выступившей после смерти Гегеля против его многочисленных учеников и Аристотеля, какого мы знаем теперь, это утверждение требует двух оговорок. Во-первых, для Аристотеля не существовало вопроса о методе в его критическом смысле, как не существовало его для всей греческой философии: «мышление» для Аристотеля оставалось некоторым природным эмпирическим фактом, именно, фактом языка в его грамматическом многообразии, и ни о каких иных критериях истинности, «достоверности», «обоснованности» в гносеологическом смысле он не спрашивал. Во-вторых, логика Аристотеля коренным образом связана с его метафизикой,—понятие «возможности», напр.,—его метафизики прямо объясняет его взгляд на «знание», как на возможность в мышлении, и, наоборот, учение

о формах мышления прямо связано с учением о формах бытия; наконец, «схоластический» способ мышления и был следствием этого отрыва средневековыми писателями логики Аристотеля от его метафизики. Различение формальной логики и логики аристотелевской важно в том отношении, что возврат к Аристотелю совершился гораздо позже в лице Франца Брентано и в области, наиболее чуждой средневековой схоластике,— в эмпирической психологии.

Внутреннее противоречие формальной логики состояло в том, что, всемерно подчеркивая и обосновывая принцип формальности, она по существу своему была бессильна провести его до конца во всех своих существенных учениях. Напр., математизирование силлогистики выражалось в ней в схемах (SMP, A = A и. т. д.), в математических комбинированиях форм умозаключения на основе этих схем и. т. д. и пр., но необходимость из 64 модусов умозаключений отбросить 45 была подсказана и оправдана исключительно их *фактической* непригодностью. Или, напр., различение принципов причинности и достаточного основания, очевидно, невозможно, если не привлечь к делу фактов и их реального основания. Это внутреннее противоречие формальной логики, бессильной разрешить в своих пределах ту задачу, в постановке которой заключалось все ее содержание, неизбежно вело к критическому пересмотру этой самой задачи. Именно, само то «содержание», от которого «отвлекалась» формальная логика, стало рассматривается как более сложное понятие, чем представлялось последней: оно стало заключать в себе прежде всего отношение знания к предмету: предмет становится неотъемлемой его чертой, т.-е. другими словами, «содержание» само становится признаком формы, содержанием знания, а не просто мышления. Этот ход мысли наглядно отражается в том развитии, которое претерпело учение формальной логики об образовании понятий. Недаром неокантианец Кассирер заметил, что все «критические преобразования логики должны сконцентрироваться на этом единственном пункте: критика формальной логики сводится к критике общего учения об образовании понятия» (Substanzbegr. u. Functionalbegriff, русск. пер. 1912, «Позн. и действ.», стр. 13). И действительно в этом пункте формальная логика повисала в воздухе. По ее теории, понятие есть результат отвлечения от индивидуальных свойств вещей и обобщения единичных фактов; таким образом самое общее понятие окажется лишенным какого бы то ни было содержания. И поэтому новая логика, возникающая из критики формальной, и должна была «оправдать», «обосновать» «содержательность» любого общего понятия. Тем самым предмет перестает быть объектом сравнения, различения, отвлечения и обобщения, этими психологическими терминами плебейского происхождения неокантианство, разумеется, слишком скомпрометировало бы себя, чтобы не перевести их сейчас же на язык чистой логики. Вместо «сравнения» выдвигается обоснование «априорной возможности» данного предмета и из логической возможности его выводится его понятие. Так то «содержание» мышления, от которого отвлекалась формальная логика, раскрывалось не как совокупность некоторых психологических условий, а как «единство логиче-

ских оснований». Но в этом и состоит «трансцендентальный метод».

Будучи выражением общего эпигонского характера всей философии второй половины прошлого столетия [1]), неокантианство исходило из «методологического» истолкования Канта,—это было попыткой на основе подобного истолкования Канта дать некоторое метафизическое универсальное учение о методе, как принципе познания и существования мира. Поэтому от Канта остается одна терминология, и было бы тщетной попыткой искать в ней подлинного исторического Канта.

Трансцендентальный метод — в априоризме формы. Логическая форма выполняет все функции настоящего демиурга действительности, при чем она выступает или как «закон формы», «закон перворождения» (Г. Коген), или как «процесс разрешения задачи», как «задача» (Наторп), или как «начало особого мира», не «элемента», но «особого измерения» (Ласк). Трансцендентальный метод ищет «основания» данного факта; «основания» выражаются в «суждениях» и в их «системе», образующей «научное единство». Процесс образования логического суждения есть процесс образования данного факта,—в нем его оправдание и обоснование его «возможности». Трансцендентальный метод ставит вопрос о «возможности» данного факта и ищет его не в психофизиологической стороне мышления, но в логических «условиях» и «следствиях», вытекающих из них: в этих «условиях» трансцендентальный метод видит основание для критики. Критика предполагает обоснование таких критериев и принципов, которые относились бы ко всем наукам и к каждой из них в отдельности. Отсюда формальный характер трансцендентального метода: в самой постановке вопроса о «возможности науки» уже намечен этот формальный ход мысли.

Все эти черты трансцендентального метода, однако, скрывали в себе одно глубокое противоречие, составляющее его внутреннюю сущность и толкающее к дальнейшей перестройке. Критикуя «формальность» формальной логики, трансцендентальный метод выдвигал со всей энергией значение «конкретного многообразия», «предметности», «содержательности», но, пытаясь обосновать «возможность» *всякой* науки, его принципы оказывались слишком богатыми по содержанию. С другой же стороны, при действительном применении к конкретной научной области, трансцендентальный метод оказывался слишком формалистическим, чтобы обосновать образование какого-либо отдельного конкретного научного понятия [2]), потому что понятие «возможного опыта вообще» есть нелепая фикция: существует только опыт той или другой исторической эпохи, той или другой науки, но не опыт, «вообще логически возможный». Обоснование обеих сторон этого противоречия и составляет содержание первого тома «Логических исследований» Гуссерля: они излагаются положительно, без

[1]) Напр. Фехнер, Паульсен, Вундт во многом зависят от Спинозы. Общеизвестны элементы лейбницианства у Лотце, фихтеанства у Р. Ойкена и т. д.

[2]) Ср. *M. Scheler*, „Die transcend. u. psych. Meth". Zw. Aufl. 1922, S. 83.

всякого сознания возникающего между ними противоречия. На этом мы остановимся ниже,—здесь же важно лишь установить, что «феноменология» Гуссерля является диалектическим детищем неокантианского трансцендентализма. Очевидно, противоречие между требованием всеобщей формы и обоснованием индивидуального факта возникает благодаря неправильному представлению о необходимости какого-то «логического предварения», каких-то «априорных форм рассудка» для понимания и обоснования данного факта или данной научной истины. Подобная же постановка вопроса сводится к вопросу о «как» познания, о «методе познания». Поэтому феноменологический метод и начинает с отрицания подобного методологизма. Он выдвигает вопрос не о «как», а «что» познания. Априоризм тем не менее, выраженный в методологизме неокантианства, остается во всем его прежнем значении, но не в области формы, а в области содержания. Если трансцендентальный метод сводится к априоризму формы, то феноменологический метод фиксируется в априоризме содержания. Формальная логика признает только форму. Трансцендентальный метод выдвигает тезис: нет ни формы, ни содержания, есть только форма содержания. Феноменологический метод, напротив, утверждает содержание, как форму. Все «содержание» данной истины, данного факта (— понятия—предмета—явления—события)—априорно. Если «категории» неокантианства «изменяют» и «преобразовывают» «факты чувственности», то феноменологический метод с самого начала отказывается привносить что-либо свое «формальное» в содержание данных опыта; само это содержание становится формой, т.-е. принципом, из которого выводится все остальное. Феноменологический метод поэтому не «исследует», не «критикует», но «созерцает», но усматривает;—строго говоря, это даже не метод, а «интуиция», «созерцание», которое требует какого-то особого состояния духа. Для трансцендентального метода мышление предстоит, как движение от следствий к основаниям, феноменологический метод с самого начала отрицает развитие, движение, прогресс, беря мышление в статическом разрезе научных аксиом. Подобно трансцендентальному, феноменологический метод также ставит вопрос об «условиях» и «принципах», но трансцендентальный метод ищет их вне данных опыта, феноменологический—в них же самих: там априоризм—во времени протекающего мышления, здесь—в пространстве одновременного появления в сфере сознания всех признаков того или другого единичного факта. «Существование» для неокантианства вытекало из логического обоснования, и в этом смысле это было то же, что и какой-либо признак данной вещи, подобно всем остальным качествам; другими словами, «существование» означало как раз то, что не существует; оно переходило в свою тень, в «сущность». Феноменологический метод, наоборот, исходит из «сущности», но под «сущностью» он требует понимать именно то, что существует. Таков логический путь от логического «существования» трансцендентализма к реальным «сущностям» феноменологизма. И действительно это—чисто логический путь. Существуют только «факты», говорит Гуссерль, а «фактом» является все то, что мы обычно назы-

ваем конкретным пространственно-временным явлением,—то, что характеризуется определенной продолжительностью и протяженностью, но что может иметь и другую продолжительность и другую протяженность, что, наконец, может меняться в зависимости от разнообразных условий конкретной действительности. Но говоря о случайности или «фактичности», мы тем самым предполагаем в этих явлениях нечто неизменное, необходимое, всеобщее, на основе которого и возможна всякая характеристика их, как явлений случайных, частных, изменчивых. Эта всеобщая и необходимая сторона всякого факта и есть «сущность», «эйдос». Итак, феноменологический метод совершенно отграничивается от всякого анализа фактов, — он ищет основания для «эйдоса» т.-е. сущности. И «антипсихологизм» явился не чем иным, как требованием обоснования логики на «сущностях»: «из фактов следуют только факты» [1]); «сущность эйдетической науки составляет то, что она проводится вся исключительно эйдетически, что она такова с самого начала, и далее» [2])... Но если «сущность» «созерцается», «усматривается в интуиции», то феноменологический метод, строго говоря, сводится к положительному отрицанию метода вообще. И в этом отношении антипсихологизм последовательно развивал свою линию: отрицая какую бы то ни было возможность психологического обоснования логики, он должен был выдвинуть значение предмета, а не метода в обосновании всякой науки, потому что вся формальная логика, всякое мало-мальски серьезное исследование прекрасно сознавало методологическое различие психологической и логической *точек зрения* [3]). Поэтому и выдвинул Гуссерль тезис: различие не в методе, но в предмете, и уже в зависимости от этого различия и в методе. Что же составляет предмет логики, по Гуссерлю?

Предметом логики является наука, как некоторое «систематическое единство знания», как некоторая «форма знания» [4]), «область теоретического вообще», «идеальный смысл специфических связей, в которых выражается объективность познания» [5]). Логика изучает те «первичные понятия, которые делают возможною связь познания в объективном смысле, и прежде всего теоретическую связь» [6]). Подобному препарированию трупов, однако, мешают такие непреложные факты действительности, как моторно-акустический факт языка или хотя бы психологический факт протекающего в сознании мышления. Конечно, отрицать их Гуссерль не станет, — конечно, он должен их «преодолеть» или, как говорят еще в «философии», «отъэллиминировать» их. И в зависимости от этих двух фактов и возникают у Гессерля два хода мысли: с одной стороны построется новая философия языка, а с другой — новая философия мышления. Язык абсолютно лишается своего конкретно-социального характера,

[1]) Ideen... 18.
[2]) Ideen... 17.
[3]) Напр. *Bergmann*: „Grundr. d. Log." 5, 28, 29. *Гефлер*, „Осн. уч. логики" русск. пер 1910, стр. 12. *Зигварт*, русск. пер. 1908, 1 т., 9.
[4]) «Log. Untersuch.» I, § 10, 62, 66.
[5]) Ib. II,[2] 21, 32, 42, 57, 92.
[6]) Ib. I, 243.

своих культурно-исторических особенностей, и вместо живого течения мыслей выдвигаются «слова» и грамматические формы их «соединений»,—другими словами, та часть логики, которая обычно трактует об отношении грамматических форм к логическим, и которая является подлинным детищем настоящей схоластики, кладется в основу всей логики. Такова «чистая идеальная грамматика» Гуссерля. *В пределах его философии* она не получила какого-либо дальнейшего развития или нового значения, да и совершенно очевидно, что она притянута за волосы, и мы к ней более не вернемся. Но что касается проблемы мышления, неприятно вставшей перед Гуссерлем, то из попытки избегнуть в этом пункте указанную выше трудность и последовала вся его «философия». Правда, на первый взгляд кажется, что опустошение и высушение конкретной индивидуальности здесь также легко произвести и дать какое-нибудь «чисто-логическое» толкование мышления не представляет трудности. Именно, Гуссерль развивает теорию «интенции», долженствующую «оправдать», «принять» мышление в сферу логики, лишив его предварительно его психофизиологического яда: мысль есть то, что «имеется в виду», мышление есть «интенциональное знание», то, что «мнится», что «помыслено», то, что обычно называют «смыслом», — и логика имеет дело не с мышлением, а со «смыслом», с «значениями». Но Гуссерль слишком искушен в абстрактном мышлении, чтобы не почувствовать сразу, что такая постановка вопроса требует обоснования новой методологии, которая подтвердила бы или позволила бы найти эту «интенциональную» характеристику мышления; но если это так, то тем самым ставится более общий вопрос о других фактах сознания. Так логические мотивы, логический антипсихологизм приводят к проблеме новой психологии, — вернее, новой психологической методологии. В фактическом ходе исследования этот логический антипсихологизм всегда сводился к психологическому антилогицизму. Чтобы увидеть психологическую транссубъектобъектность [1]) сознания, Авенариусу нужно было дать критику интроэкции в логическом по существу контексте его учения о «принципиальной координации». Правда, он исходит из фактических «частей среды со всеми их физическими и химическими, а человеческих индивидов со всеми их анатомическими и физиологическими, нормальными или ненормальными признаками [2]), но он вовсе не входит в специальное исследование всех подобных биологических фактов: «вводимым здесь терминам,—говорит Авенариус,—не должно придавать иного значения, кроме логического» [3]). Для утверждения алогической структуры сознания Шуппе понадобилась целая система «Теоретикопознавательной логики». «Мышление» у Шуппе, противопоставляемое «просто данному», не есть связанное с тем или иным конкретным содержанием реальное мышление, но лишь абстрактное

[1]) Неуклюжий, но удобный для выражения авенариусовского отрицания интроэкции термин.
[2]) Kr. d r. Erf. (1907), § 21.
[3]) Kr. d. r. Erf. (1907), I, S. 28. Ср. §§ 87, 133. B. II. S. 43, 62 — 63, 72. 83, 96, 124, 143, 149, 186 f., 196, B. II[2]. 506 (Anmerk. 186.), — русск. пер. не имею под рукою.

понятие мышления [1]). То же самое мы видим у Гуссерля: идея «чистой психологии», как наука о «сущностях», «идея основной феноменологической науки» об «идеальных предметах»,—вот что явилось результатом антипсихологизма двухтомных «Логических исследований». Правда, это противоречит утверждению автора, что «феноменология» «не должна быть смешиваема с дескриптивной психологией» [2]), и он несколько раз подчеркивает, что феноменология не имеет ничего общего с психологической постановкой вопроса, в какой бы области этот вопрос не выступал. На самом деле, отрицание методологизма неокантианства было началом того движения мысли, которое неизбежно вело к пересмотру самого понятия метода и проблему логического антипсихологизма разрешало таким образом, что исходным пунктом новой теории становилась проблема новой психологии или лучше психологического алогизма. «Интенциональная» психология не есть эмпирическая наука, которая исследует душевные состояния данного индивидуума в их причинном возникновении и исчезновении. Она исходит из совершенно иной «установки» опыта, чем естествознание,—она, правда, «наука о сознании, и все-таки не психология», не в том смысле, в каком, напр., «геометрия не есть естественная наука», но в принципиальном, фундаментальном смысле. Интенциональная психология — это систематическое применение в области фактов сознания феноменологического метода; это значит, что она может быть «только исследованием сущности, а не существования». Феноменологическая «точка зрения» стремится охватить «психическое в его чистом виде, а не в психофизическом состоянии», как «все имманентное, стало быть, все сознательно мнимое, как таковое и во всех смыслах. Как «бытие психическое само от себя (von sich aus), как «имманентная предметность, сознание не имеет никаких реальных свойств, никаких реальных частей, никаких изменений и никакой причинности», оно вообще не существует, но «значит» идеально, как «сущность». В этом смысле феноменологическая психология есть «наука об «эйдосах», т.-е. «сущностях», об «идеально значимом«, об «ирреальном» [3]). Универсальность этого чудесного способа созерцать «чистые сущности» принуждает, однако, допустить возможность его применения к области тех реальных психических явлений, которые совершенно не связаны со «смыслом» или «идеальным значением», но образуют ощущения и то, что мы называем их физиологической стороной. Мир, таким образом, до мельчайших своих пределов удваивается, и удваивается именно в пределах *психологии*, потому что «чистое созерцание сущности» вообще «*есть*», по крайней мере, должно быть, что бы о нем не измышлять—в досужие часы, так же, как «есть» обыкновенное психофизическое сознание, знакомое каждому из нас. С другой стороны, если все в мире оказывается объектом «идеации» и «созерцания», то и сами «факты» должны быть каким-то образом «обоснованы», как объекты «чистого созерцания». Любая вещь должна иметь свою «сущность», как имеет ее факт сознания. Это и наводит на мысль о более общей науке, «которая не только стала бы выше противопоставления «фактов» «сущностям», но и сама бы его впервые обосновала. И Гуссерль спрашивает: как есть *вообще* то, что есть?

Феноменология требует некоторого «идеального» отношения к миру. По мнению Гуссерля, оно доступно всякому, кто только произведет «феноменологическую редукцию». Это вот что значит. «Я постоянно нахожу (объясняет Гуссерль) перед собою эту одну пространственно-временную действительность, к которой принадлежу я сам, как все в нем находимое, так равным образом к ней относимые люди. «Действительность» я нахожу, как нечто существующее передо мною, и приемлю ее, как она мне дается, так же, как находящееся передо мною событие» [1]). Этот «догматический тезис эмпиризма» актом «созерцания» устраняется тем, что остается без применения, «заключается в скобки», «выключается». «По отношению к каждому тезису мы можем произвести это своеобразное Epoxh, определенное воздержание». «Если я поступаю так,—в чем совершенно свободен,—то я, таким образом, не отрицаю этого мира, как если бы я был софистом; я не сомневаюсь в его конкретном бытии, как если бы был скептиком; но я произвожу феноменологическое Epoxh, которое мне совершенно запрещает иметь какое бы то ни было суждение о пространственно-временном бытии» [2]). Этим путем благополучно «редуцируется» не только все опытное содержание естественного отношения к миру, но «ставится в скобки» все содержание физических и исторических наук, все факты культуры и мыслимые теоретические формы математических дисциплин. Это всеобщее выключение не есть простое сосредоточение внимания на одной стороне действительности и отвлечения от другой, выключенное не стерто с феноменологической доски, но «снято» как то, о чем «умалчивается», о чем положительно ничего не известно. Спрашивается: что же остается, если выключается весь мир? Остается «чистое сознание», как целое «поприще феноменологии», как «феноменологическая сфера», «феноменологический резидуум», «Seinsphäre absoluter Ursprünge». «Подобное сознание» становится источником новой «установки» опыта, новой проблематики, обнимающей все, что есть. Какова эта «проблематика»,—мы уже знаем: это проблематика сущности и всеобщности в индивидуальном. Всеобщность непосредственно усматривается в любой индивидуальности, а для усмотрения «необходимости» вовсе нет нужды в обобщениях и наблюдениях. Гуссерль имеет в виду не только материальную вещь вообще, но и Zeitbestimmung-überhaupt, Dauer-überhaupt, Figur-, Materialität überhaupt, что так и должно выходить по его логике. «Созерцание» единичной экземплярной данности достаточно для усмотрения всеобщей и необходимой сущности всего типа данности.

[1]) Erk. Logik. S. 321. 398.
[2]) Log. Untersuch 1,[2] (1922). S. XIV. B. II, 399.
[3]) Ideen... 4, 5, 12, L. Unt. II, 1[2], 373, 425.

[1]) Ideen, 53.
[2]) Ib. 56, 107.

Совершенно ясно, что если источником подобной проблематики является «чистое сознание», то это сознание перестает быть тем, что нам известно под этим названием. И, действительно, мы узнаем, что созерцание сущности представляется делом «неличного сознания», nicht personales Bewusstseins. Но в таком виде оно само является предметом новой обобщающей теории. Что же остается от «психологии» сознания? Ничего. Сознание становится «предметностью» вообще. Но Гуссерль стремится обосновать идеальную науку о сущностях, как «данностях» сознания, взятого, именно, в своем своеобразном полновесном психологическом значении. Этою целью и подсказано различение «бытия, как переживания» и «бытия, как вещи». «Сознание сохраняет все свое своеобразие и в этом подлинном виде переходит в эйдетическую *психологию*, ибо рядом с ним мы имеем совершенно иную область бытия—бытия, как вещи. Но, строго говоря, различение бытия, как вещи, и бытия, как переживания, *не спасает сознания от «логизации»: последнее не возвращается к реальному субъекту, к своему «владельцу»*, будучи принципиально тем же, что и опустошенное бытие вещи вообще. Попробуем доказать эту мысль, исходя из внутренней логики этой утонченной схоластики.

Бытие как, переживание, есть непрерывное и неразрывное целостное течение сознания, которое не исчерпывается реально ему присущими, в него вкрапленными переживаниями, но всегда есть нечто большее, именно, с какой-то своей стороны тожественное и необходимое, обнаженное во всей глубине и отовсюду открытое. Если «природа есть существование, которое является в явлениях», то сама реальность переживания не может «являться» вообще ни в «образах», ни в «самонаблюдении» эмпирической психологии,— это нечто открытое со всех сторон, не нуждающееся ни в каких «оттенках», ни в каких представлениях, нечто от себя идущее и в себе сосредоточенное. «Бытие, как переживание», «вместе», «со всех сторон» и «целиком» дано «одновременно», как нечто такое, что не только есть, но уже было, прежде чем на него была направлена рефлексия [1]). Рефлексия эта, принадлежащая в то же время реальному потоку сознания, означает то, что сознание должно стоять как бы над временем, в котором «уже» пребывает бытие, как переживание, и уже «готово» выступить в поле сознания; эта «готовность» переживания есть характеристика своеобразного временного бытия, которое не «является» теперь, не возникало «раньше», не пребывает «здесь» или «там», но есть «всегда» и «одновременно», «сразу» и «целиком»; это есть выражение того, что данное переживание принадлежит «одному потоку сознания», «одному феноменологическому времени» [2]). Само по себе бытие, как переживание, вообще не есть и быть не может, ибо само в себе оно не носит основания своего бытия, но всегда требует «целого» и «одного» потока, который, как непрерывное единство, уже не может сам

[1]) Ideen... 146.
[2]) Ideen .. 163, 245.

растворить во временности сознания. Внутренняя собранность всего бытия, как переживания, в «одно» и «целое» сознание есть не что иное, как принадлежность его «чистому я». Но выделение этого момента из сознания и представляет трудности по той причине, что мы не находим его в самом сознании, оно оказывается по отношению к нему «трансцендентным», но в этой трансцендентности —бытие самого же имманентного сознания. В этом смысле логическая «структура» бытия, как переживания, оказывается ни чем иным, как трансцендентностью в имманентности, идеальностью в реальности.

Теперь обратимся к рассуждениям Гуссерля о логической «структуре» второго вида бытия—«бытия, как вещи». Бытие вещи никогда не дано в той полноте адэкватности, в какой дано переживание. Воспринимаемая вещь дана только со стороны «оттенков», бесконечно многообразных и постоянно меняющихся. Эти «оттенки» не суть то же, что оттеняемое в них, они принципиально не суть то же, что сама являющаяся в них вещь. Именно в силу этой абсолютной их разнородности «оттенка» и «оттеняемого» и дается вещь, как «оттеняемое», вещь в «явлениях». Бытие, как вещь, дано в силу «являемости» в «оттенках», которые образуют идеальную «систему» [1]), «единство» [2]), «интенциональное единство» [3]); они образуют «связь возможных восприятий» [4]). Отношение «оттенков» к «самой» вещи идеального порядка, это отношение не обусловлено психологическими условиями «естественного» опыта нашей «человеческой организации», «просто для нас людей» [5]). Другими словами, вещь дается только в оттенках, и бытие в оттенках принципиально есть бытие вещи. Теперь спросим себя: каково же отличие бытия переживания от бытия вещи? Переживание дано во всей абсолютной адэкватности, в строгой имманентности, полноте и конкретности; вещь, напротив,—всегда неадэкватна, только «оттеняется», дана в трансцендентных, неполных и абстрактных оттенках. «Между ними,—говорит Гуссерль,—лежит пропасть смысла. В одном случае оттеняющееся, никогда не данное абсолютно, только случайное и относительное бытие; в другом случае—необходимое и абсолютное бытие, которое принципиально не может быть дано в оттенке или явлении» [6]). Однако это суждение Гуссерля, согласно внутренней логике всей его мысли, совершенно неправильно. Хочет ли он того или не хочет, но логика принуждает сделать отсюда противоположный вывод. Преодолев противопоставление «сущности» «факту», феноменология наталкивается на то же препятствие, но в другом, логически переодетом виде, когда различение «переживания» и «вещи» становится различением онтологическим, различением двух миров. И при ближайшем анализе действительно оказывается, что «переживание» и «вещь» вовсе не разделены «пропастью смысла».

[1]) Ib. 74.
[2]) Ib. 315.
[3]) Ib. 78.
[4]) Ib. 80 и сл.
[5]) Ib. 77, 315.
[6]) Ib. 92.

В самом деле, вещь всегда дается в «оттенках». Но неадэкватность есть его исконное свойство: в принципиальной неадэкватности вещи лежит общее правило того, как она *может* быть доведена до адэкватного выражения. Это «общее правило» и есть своего рода гарантия того, что данная вещь возможна,—как возможность бесконечного выявления вещи. «Очевидное усмотрение того,—пишет Гуссерль,—что эта бесконечность не может быть дана, не исключает, а скорее требует непосредственно усматриваемой данности идеи этой бесконечности» [1]). Речь идет не об эмпирической возможности все новых и новых оттенков, т.-е. новых иновых восприятий, но об имманентной природе самих восприятий, из которых каждое с самого начала приобщено в лице «общего правила», в нем осуществляемого, к бесконечности и внепространственности «оттенков», которые имманентны вещам. Неадэкватность вещи дает адэкватную вещь в необходимом смысле,—в неадэкватности, т.-е. в имманентных оттенках,—вневременное условие и принципиальная черта трансцендентного бытия вещи. Но если это так, можно ли отрицать логическую равнозначность «переживания» и «вещи»? Трансцендентная вещь возможна в силу имманентности его «оттенков», чистое имманентное переживание возможно в силу трансцендентности реализующегося в нем «я». Другими словами, пространственное и временное возможны в силу внепространственности и вневременности, как идеальных законов существования. Выходит так, что схема «переживание—вещь» совершенно относительна: «переживание» перестает быть тем, что мы привыкли обозначать этим словом, и «вещь» уже не то, что мы называем вещью; — мы имеем лишь одно тожественное общее понятие и о переживании, и о вещи, так сказать, «первокатегорию» («Urkategorie») [2]) бытия, понятие «предметности вообще», «основной категории». Так «феноменология» приходит к теории, которую лучше всего можно было бы назвать «теорией предметности» или «основной наукой», и которую Гуссерль предпочел назвать «эйдетической феноменологией», потому что первое название уже было употреблено Мейнонгом, а второе—И. Ремке. Но дело не в этом. Дело в том, что логическое развитие идеи «феноменологии сознания» нас приводит к полному отрицанию сознания, как такового, в его реальном, общеизвестном существовании. Сознание перестает играть роль привилегированного «субъекта» среди вещей, которые до сих пор всегда оказывались его «объектами». Ich bin — ich, der wirkliche Mensch, ein reales Objekt wie andere in der natürlichen Welt». В этих словах Гуссерля уже нет и следа гуссерлеянства. Сознание есть предмет среди предметов, вещь среди вещей: но это значит, что нельзя говорить не только о дуализме предмета и сознания, имманентного и трансцендентного, объективного и субъективного, но и о какой-то «предметности вообще», потому что «предметность» есть нечто идеальное, а схема «идеальное-реальное» должна быть отброшена, ибо в ней — психологизм Гуссерля. Так говорит Ремке, и о нем ниже.

[1]) Ib. 298.
[2]) Ib. 141.

Но прямой вывод, который сам собою напрашивается из крушения гуссерлеянства, совершенно другого характера. Если сознание есть предмет среди других предметов, то очевидно, что это прежде всего социальный предмет. Но признать социальный характер сознания—значит поставить вопрос о реальных социально-политических и экономических условиях его существования. Признание социального значения сознания ведет к историческому взгляду на мир и на человека.

Конечно, было бы наивно думать, что гуссерлеянство когда-нибудь пойдет по этому пути. Из исторического генезиса его можно было бы дать вполне убедительную картину той неразрывной связи с официальной католической философией, которою оно живо держится в умах многочисленного молодого поколения гуссерлеянцев. Можно было бы показать, какую важную роль в этом отношении играет и схоластическая философия церкви, связь с которою не скрывают лучшие представители гуссерлеянства (напр., М. Шелер). От этой задачи я должен отказаться за неимением и времени, места [1]); здесь достаточно отметить, что на факте гуссерлеянства лишний раз подтверждается та истина, что логика составляет такую же неразрывную часть идеологии данного общественного класса, как его искусство, его мораль или философия. И если уже в исходной идее «чистой логики» намечена та самая необходимость самоупразднения, которая была выражением ее внутреннего бесплодия, то таково, именно, социально-политическое значение современной церкви, которая стремится овладеть массами ценою своего «возрождения», своей «реформы» и которая в этих своих «реформах» ставит лишь одну цель—упрочение своей политической свободы при помощи доказательств самостоятельности и независимости своего «идеативного», «созерцательного» способа мышления. Но не в силах преодолеть—в своей идеологии—противоречия между реальным миром вещей, живым и человеческим, и миром «сверхчеловеческого» «идеального» «сознания вообще», католическая церковь как бы сама предает себя в руки господствующего класса, по существу, всегда протестантского умонаклонения, т.-е., другими словами, в руки той же формальной логики, которая своими «вечными» и неподвижными «истинами» всегда была лучшей защитой против революционизирующих идей и учений. Такою формальной логикой и является, строго говоря, логика Пфендера, ученика Гуссерля и видного приверженца его схоластики. Но об этом в следующем очерке.

Гр. Баммель.

---

[1]) См. мой суммарный обзор европейской философии 1917 — 1922 г.г. („Печать и Рев.“, 1922, VII, с. 28), где попутно я даю социально-политическое объяснение гуссерлеянства.

Рецензии.

Запоздалая критика Маркса. (О книге Tönnies'a «Marx Leben und Kritik»).

Фердинанд Тённис, автор превосходной, несмотря на все ошибки, книги «Община и общество», выпустил в прошлом году маленькую книжку о Марксе. Книжка должна быть только «маленькою монографией», как говорит сам Тённис в предисловии: «она предназначена, главным образом, для тех читателей, которые не в состоянии или не хотят посвятить знакомству с Марксом столько времени и столько усилий, сколько требует изучение его трудов и чтение объемистых книг, излагающих его жизнь и сочинения». Такая цель, сама по себе, не вызывает еще необходимости разбора книжки; если же мы хотим специально заняться ею, то это объясняется исключительно научной честностью, вдумчивостью автора, его совершенно особенным и своеобразным отношением к марксизму. Тённис открыл в английском философе Гоббсе первого великого философа капитализма, предтечу французского материализма XVIII века, а также и Спиноз. Он был почти единственный из немецких ученых, поддавшийся воздействию Маркса и признающий его своим учителем. Самый значительный его труд «Община и общество», появился в 1887 г. под непосредственным, как он сам это признает, влиянием первого тома «Капитала» и дождался в 1922 г. пятого своего издания; книга произвела большое впечатление не только на ученый мир и на тех кто, не разделяя пролетарской классовой точки зрения, считал возможной критику капитализма, но и на пролетарские элементы, особенно в Англии, где мелкобуржуазный гильдейский социализм, сознательно или бессознательно, нередко опирается на теоретические выводы Тённиса. Его маленькая биография Маркса или, вернее говоря, заключающаяся в ней краткая критика Маркса, примыкает непосредственно к труду его юности. Эта критика занимает в книжке и по объему лишь скромное место (19 страниц из 145 страниц текста); главное место отведено жизнеописанию Маркса, заимствованному преимущественно у Меринга, и учениям Маркса, переданым с большою верностью и пониманием. Но критика эта становится понятною и поддается критическому анализу лишь в связи с главным его трудом «Община и общество».

Все его возражения против марксовых теории стоимости, теории прибавочной стоимости и учения о средней норме прибыли можно свести к одному возражению. Он противоречит своему собственному историческому методу, усматривая ошибку Маркса в том, будто

в его схеме капиталистическому периоду истории предшествует только первобытно-коммунистический строй, основанный на рабском хозяйстве, античный строй и феодальный общественный строй. «И, однако, экспроприация у народной массы земли, т.-е. ее существенного средства производства, составляет в его историческом изложении «основу» капиталистического способа производства... Здесь именно было бы уместно исследовать с помощью диалектического метода переходы от ремесла к фабрике, от ремесленного мастера к абстрактному капиталу, как главе предприятия, от продукта собственного труда и прибавочного труда...—к полному прекращению собственного труда и исключительному занятию привлечением чужого труда,—на всех этих переходных формах следовало бы проверить основные понятия» (стр. 129). Он ставит ему в упрек, будто тем, что это докапиталистическое состояние общества представляется просто и исключительно, как «первоначальное накопление», основные понятия позднейшего способа производства переносятся на более ранний. Теория стоимости оставляет без объяснения торговую прибыль докапиталистической эпохи, где происходит товарообмен между двумя первобытно-коммунистическими общинами, между хозяйственными субъектами, производящими для собственных нужд. Если принять, что в сфере обращения не может происходить приращения стоимости, то торговая прибыль необъяснима. Тённис ссылается против Маркса на Маркса же, что сначала торговая прибыль и является простым мошенничеством и обманом. Но Тённис сопоставляет исторически неразвитые формы капитала с вполне развитым исторически и логически понятием капитала лишь затем, чтобы сейчас же подвергнуть сомнению самую подлинность развитого понятия в развитом историческом состоянии. Не только добытые с помощью абстракции законы капитализма недействительны в до капиталистическом обществе, они вообще недействительны: открытые Марксом законы действуют лишь, как регулятивная идея, и должны пониматься не как реальность, а как тенденции развития. Реальная жизнь, в лучшем случае, лишь приближается к этой цели и отнюдь ей не подчинена. Отрицание действительности чисто капиталистических категорий для докапиталистических общественных отношений превращается в их абсолютное отрицание. Не только подвергается сомнению закон средней нормы прибыли, совершенно искажается и соотношение между торговым капиталом и промышленным капиталом. Сначала Тённис сомневался только в том, что прибыль может возникать лишь в сфере производства, но потом он заявляет, что Маркс не принял во внимание свой собственный тезис, по которому в прибыли предпринимателя заключается и плата за надзор: он проглядел, что, как руководитель производства, капиталист сам создает прибавочную стоимость, что, следовательно, основною формой капитала, сферой возникновения прибавочной стоимости является не производство, но, как и прежде, торговый капитал, обращение. «Очень натянуто и искусственно он отвоит ее (т.-е. торговую прибыль), объявляя при развитом капиталистическом способе производства купеческий капи-

тал подчиненною формой части занятого в обращении промышленного капитала...» (стр. 133) И смешивая так в одну кучу «труд» капиталистического руководства с производительным трудом, он получает представление, будто антагонизм современного общества заключается не в соотношении между капиталом и наемным трудом, а в противоположности между трудом и торговлей. Не капиталистическая частная собственность, а производство на обмен кажется ему не только логически и исторически первоначальным, но и главным злом, «сущностью капитализма» (стр. 135). «Торговый капитал завладел производством».—ссылается он на Маркса, но прибавляет: «Он только забывает, что капитал, завладевший производством, нисколько не отличается от другого капитала, во всяком случае не от купеческого капитала». Торговый капитал в настоящее время точно так же является основным злом, как им он был во время разложения докапиталистических общественных форм. Не обращение стало простым моментом производства, но, наоборот, «процесс производства стал постоянным элементом обращения» (стр. 135).

Легко было бы опровергнуть эти «пошлости» вульгарной экономии наихудшего сорта. Было бы легко показать, что за всеми этими утверждениями скрывается точка зрения купеческого капитала. Но эти «пошлости вульгарной экономии» превращаются у Тённиса, так сказать, в свою противоположность. Защитник купеческого капитала в политической экономии утверждает возможность образования прибавочной стоимости в обращении лишь для того, чтобы доказать «производительность» и «социальную правомочность» купеческого капитала. Тённис, напротив, приходит к вульгарно-экономическим результатам из противоположных воззрений. Он относится к капитализму отрицательно не только с моральной точки зрения, он противостоит ему и с *исторической* точки зрения. Он не только усвоил себе результаты марксова анализа капитализма, как это сделали со скрежетом зубовным иные немецкие ученые; исходя из основных идей Маркса, он дал блестящие достижения в области, главным образом, разрушения фетишистской оболочки права. Как же случилось, что Тённис преподносит нам такую «критику Маркса»?

Это произошло благодаря общему его взгляду на историческое развитие. В «Общине и обществе» он хочет развить «основные понятия чистой социологии», но при этом он не следует буржуазной социологии, ищущей «общих законов». Сначала он устанавливает две различные исторические эпохи,—эпоху общины и эпоху общества, и утверждает, что каждой из них соответствуют разные категории. До этого места его «социологический» метод историчен. Неисторично же то, что прошедшие исторические эпохи, их связи и переходы, он рассматривает не как ступени к капиталистическому обществу (а всякое «историческое» развитие покоится, вообще говоря, на том, что последняя форма рассматривает «предыдущие, как ступени к себе самой». *Маркс*, «Zur Kritik»,) но одну независимо от другой, как отдельные атомы. Эпоха «общества» есть для него эпоха буржуазного общества, которую он затем блестяще описывает, всецело примыкая к Марксу. В противоположность «обществу», он сливает все докапиталистические общественные эпохи в единое понятие «общины», стирая все различия общественных отношений феодализма, первобытного коммунизма, докапиталистического городского строя. По Тённису, община есть «реальное и органическое соединение» людей, в противоположность обществу, представляющему «идеальное и механическое» соединение. Соответственно этому, первоначальною формой всякой общины является семья: «общим корнем этих отношений служит связь вегетативной жизни чрез посредство рождения,— тот факт,—что человеческие воли были и остаются связанными взаимно происхождением и полом» (стр. 8). Он различает, правда, общину по крови, по месту и по духу, но из них определяющей в последнем счете остается, однако, община по крови. Общественная организация общины происходит на основе кровного родства. Естественные узы и общественные отношения, связывающие людей взаимно, непосредственно идентичны. Описание этой общины, или, как сказал бы Маркс, «первобытного общинного строя», дает те же результаты, что и исследование Маркса. Когда Маркс говорит, что «самая сущность общинного производства не позволяет труду отдельного лица являться частным трудом и его продукту быть частным продуктом; напротив, она скорее непосредственно делает каждое отдельное проявление труда функцией одного из членов общественного организма» («Zur Kritik», 10), и когда Тённис говорит, что «община имеет *от природы* свою собственную жизненную волю и силу и, следовательно, свое собственное право на волю своих членов, так что последние, как таковые, являются лишь модификациями и эманациями этой общей органической субстанции» (стр. 177),—то они говорят одно и то же, только разными словами. Разница лишь та, что Маркс относит свою характеристику только к «первобытному общинному строю», а Тённис, напротив, ко всем некапиталистическим обществам. Феодальное общество, с его отношениями господства и рабства, представляется ему имеющим ту же «естественную» структуру, основанную на отношениях кровного родства. Возникновение города зиждется на столь же «естественном» разделении труда, как разделение труда внутри семьи. Отношение феодального сеньёра к крепостным кажется ему точно таким же, как отношение вождя клана к его членам. Хотя он и не упускает из виду преображенную функцию естественных взаимоотношений между людьми и видоизмененную функцию основанной на них религии («Историческое уразумение феодализма, говорит он, невозможно без знакомства с первобытным деревенским укладом, ибо он представляет собою то состояние общества, «где вера в естественное значение выдающейся семьи сохраняется даже после того, как корни этой веры отмерли", стр. 30, в сокращении), тем не менее он заявляет: „Важно лишь отметить, насколько во всей сельской культуре, а также в основанной на ней феодальной системе идея естественного распределения и ее определяющая и в ней коренящаяся идея святого происхождения властвуют над всеми сторонами жизни и соответствующими им идеями о ее правильном и необходимом укладе. Отношение между общиной и власть имущими, в последнем же

счете — между общиною и ее членами, основано не на договорах, но, как и в семье, на соглашениях» (стр. 33). Действительно, в феодальном обществе товарный фетишизм еще не имеет места, общественные отношения людей еще являются личными отношениями. Но хотя и личные, они являются все-таки отношениями господства и рабства, и их не следует смешивать в одно с отношениями первобытного коммунистического общинного строя. Естественные узы людей не являются уже непосредственно идентичными с общественными, но служат для того, чтобы их прикрывать. Отношения господства и рабства, представляясь, как естественные отношения, прикрывают, опять таки, господство условий производства над самим производителем. (Отсюда объясняется изменение функций религии, которая, выражая еще в «первобытных народных религиях» непосредственно отношение между человеком и природой, становится уже в католической форме христианства «идеологией», прикрывающей общественные отношения; нельзя поэтому говорить вообще о роли религии в общине, как это делает Тённис.) Правда, отдельные элементы феодальной общественной системы отличаются относительно большою независимостью; деревня, город, феодальный властелин живут своею собственною жизнью, и их связь и взаимоотношения постепенно лишь изменяют внутреннюю структуру соответствующего элемента. С этой точки зрения будет, напр., правильно сказать, что *внутренняя* жизнь деревни, *если заранее отвлечься от феодальных отношений*, пребывает в патриархально общинном состоянии. Подобным же образом дело обстоит с городом; если, подобно Тённису, отвлечься от того, что город был местопребыванием торгового капитала, историческая роль которого заключалась в упразднении патриархальных отношений деревни, то не только внутренняя структура города представляется родственной по существу структуре патриархальной семьи, но и отношение ее к деревне—чисто патриархальным, подобием патриархально-первобытного разделения труда. Вопрос заключается лишь в том, уместны ли такие абстракции. Они обозначают, именно, что заранее отказываются от понимания феодальной системы общества, как *исторически единой*. Ибо, несмотря на относительную устойчивость и независимость отдельных элементов феодальной системы, эта независимость является, в сущности, единством, и устойчивость, так сказать, преходящею во времени. У Тённиса начало, разлагающее общину,—торговля,—является чем то внешним по отношению к общине, т.-е. случайным. Но именно единством и взаимною обусловленностью отдельных элементов феодальной системы объясняется, что ее разложение (разложение ее патриархальных общинных отношений) не было простым грехопадением, а коренилось в самых феодальных отношениях. Маркс указывает в III томе «Капитала», что не торговля, а сам старый способ производства обусловливает собою новый. Если старый способ производства обладает достаточною внутреннею прочностью, он может сотни лет противостоять влияниям торговли (напр., долгое время Китай). «Между тем, современный способ производства в первом своем периоде,—периоде мануфактуры, развился лишь там, где в пределах средневековья для того уже создались условия» («Капитал» III, I, 317). Абстракция от отношения крепостничества, все более основывающегося на насилии (причем феодальное насилие является чисто личным отношением), абстракция от отношения феодального господина к городскому торговому капиталу, одним словом, абстракция от совокупности взаимных влияний феодального общества обозначает ведь, что абстрагируют от самой его историчности, чтобы прийти к признанию его патриархально-идиллической устойчивости. И не только это. Если ищут силы, ниспровергающие известное общественное состояние, не в недрах того же общества, а думают найти их во внешних по отношению к обществу началах, то приходят неизбежно к принятию вечной и неизменной «естественной» общественной субстанции, которая таится в каждом обществе в подавленном состоянии, а подавляющие ее «неестественные» силы остаются точно так же вечно неизменными. Если стирать конкретные различия между первобытным общинным укладом и феодализмом, то необходимо стираются и конкретные различия между феодализмом и обществом самостоятельно хозяйствующих индивидуумов, которого требует Тённис. Все представляется тогда просто в качестве общины, и неотвержимый процесс исторического превращения — только в форме развертывания, развития все того же «общинного строя», первообразом которого была и остается семья. И больше того. И «общество», капитализм, все отношения которого совершенно проникнуты товарным фетишизмом, должен, тем не менее, представляться состоянием, в котором «злое начало» общественности является только господствующею над людьми и совершенно их преображающею «фикцией», где воскрешение общинного начала, быть может, и невозможно, но где в то же время силы изначальной субстанции общинности, может быть, только скрыты и подавлены, но все еще каким-то образом живы и смогут каким-нибудь путем выпрямиться и воскреснуть за спиною буржуазного общества и вопреки ему.

Из всего сказанного становится понятным вульгарный экономизм Тённиса, его точка зрения на классовую борьбу и на кооперативное начало. Какова же эта точка зрения? Это—точка зрения докапиталистического простого товарного обращения, чего-то среднего между капитализмом и феодализмом, где феодальные отношения уже потеряли свое господство, а капиталистические его еще не приобрели. Только при такой точке зрения торговля может показаться основным злом, а феодализм—оплотом против ее разрушительного влияния. Только при такой точке зрения можно, с одной стороны, пытаться охватить всю прежнюю историю под видом «чистой социологии», а с другой—подвергнуть капитализм, как господство торговли, исторической, т.-е. трезвой, не затуманенной идеологическими моментами критике. И так как лишь в этом общественном состоянии торговля впервые представилась враждебною силой (в противоположность феодализму, где последствия торговли представлялись крепостным лишь обострением помещичьей эксплоатации), то становится понятным, почему исторические следы торговли могли оставаться затер-

ными, почему Тённис мог абстрагировать от нее и от ее феодальных отношений. У Тённиса критика капитализма исторична, но она примиренная, проникнутая реакционностью, в ней сказывается историческое бессилие, а потому и историческая наивность давно уже осужденного на смерть или отчасти уже сошедшего со сцены общественного состояния.

Эта примиренность не видит, естественно, и в пролетариате ничего иного, как противоположный полюс обезличения, как простой придаток капитализма (не только экономически, но и в отношении всего своего существа). «...Большой город и общественное состояние пагубны для народа, который тщетно старается черпать силу в своей массе и мнит, что может проявлять свою силу только в мятежах... Классовая борьба разрушает общество и государство... И так как вся культура ударилась в общественную и государственную культуру, то в этой превращенной форме культура сама идет к концу» (стр. 247). Непосредственно личные отношения между человеком и человеком Тённис умеет мыслить только в форме «естественных» отношений, и потому он не в состоянии уразуметь великую историческую функцию капитализма—полное отвержение «естественной» видимости всех общественных отношений и создание условий, в которых человек может раскрыть тайну своего бытия, став него совершенно общественным. Новая общественность не есть для него шаг вперед, он ее или совсем не понимает, или представляет себе, как шаг назад. Неприкрытые человеческие отношения, не затуманенные ни общественными фикциями, ни «природою», для Тённиса не существуют. И потому спасение возможно лишь тогда, если «рассеянные зародыши не умрут, существо и идеи общинности опять найдут пищу, и *внутри* погибающей культуры тайно развернется новая» (в сокращении). Не случайно эту роль «тайного» восстановления общинного состояния за спиною капитализма Тённис приписал товариществам, тем из пролетарских организаций, которые скорее всего способны обуржуазиться, «тайно» повернуть спину классовой борьбе. Здесь не место заниматься разбором роли и существа рабочих товариществ. Заметим только, что если бы даже товарищества призваны были сыграть какую-нибудь решающую роль в борьбе с капитализмом, то во всяком случае для воскрешения общины в духе Тённиса они не годятся. Ибо производительные и потребительские товарищества не только не могут низвергнуть капитализм в целом, они не в состоянии даже оказать решающее влияние на совокупность условий жизни своих собственных членов. Как заранее оторванные друг от друга и не связанные «органически» единицы, они только в товариществе сходятся для определенной рациональной цели, а такое определение противоречит Тённисовскому понятию об общине, по которому «для общинной связи существенно, чтобы она была так же всеобъемлюща, как сама жизнь» (стр. 198). Все реакционные пути к восстановлению человеческой личности закрыты навеки.

И. Ревз.

Первый опыт библиографии марксистской критики (О книге Мандельштам: «Художественная литература в оценке русской марксистской критики», 1923 г., 95 стр.

Дать библиографический указатель русской марксистской критики—мысль весьма своевременная. Потребность в таком указателе назрела давно, и в этом смысле книжка Мандельштам представляется насущной и в некотором роде злободневной. Первое издание этой книжки разошлось; можно поручиться, что разойдется и второе, потому что есть в данный момент массовый кадр читателей, остро нуждающихся в указателях марксистской литературы по разным предметам, в том числе и по отделу литературной критики.

Повторяем, задача, взятая на себя автором книги, весьма насущная, но в то же время и весьма ответственная и представляющая большие трудности для решения.

Это не предметный и не тематический указатель, где задача библиографа сводится лишь к исчерпывающей полноте и точности регистрации всего печатного материала, относящегося к данному предмету или теме. Самое отношение регистрируемого материала к выбранной теме здесь не может вызывать споров. Если библиограф поставил задачу дать указатель литературы о том или ином писателе, о той или иной литературной эпохе, он будет испытывать затруднения в отыскании и собирании материала, а не в его выборе, потому что с первого взгляда ясно, что относится и что не относится, например, к Тургеневу или к эпохе реформ, к Горькому или 80-м г.г. Но когда дело идет о том, чтобы дать библиографию литературы определенного направления или партии, тут к трудности собирания материала присоединяется еще большая трудность подбора в определении его партийной физиономии, его принадлежности к данному направлению. Чем здесь руководиться? Где бесспорные, объективно-обязательные критерии этой принадлежности? Даже заверения самих авторов, что они придерживаются такого-то направления, еще не является гарантией, что направление признает их подлинными выразителями своих идей. Понятие направления весьма условно. Вот почему составитель указателя в данном положении должен прежде всего условиться со своим читателем относительно понимания того направления, литературу которого он собрался библиографировать. И вся ценность указателя определится тем, насколько удачно выбрано это условное понимание, насколько приемлемо оно для тех, кто будет пользоваться указателем. В книге Мандельштам это наиболее уязвимое место. Перед нами библиография марксистской критики. Но что разумеет автор под марксистской критикой? Чем руководится он, внося того или другого писателя в инвентарь марксистской критики? Этот важнейший пункт остался в книге Мандельштам почти неосвещенным. Несколько строк в предисловии редактора книги, Пиксанова, в сущности представляют собой отказ от решения проблемы критерия. «Еще труднее было выделить прямых марксистов,— пишет редактор,—из окружающей их среды сопутствующих и проч.; составители руководились при

этом и формальными признаками (например, печатание статьи в марксистском издании) и приметами внутренними; но иногда принадлежность того или другого автора или произведения к марксистскому мировоззрению оставалась спорной. Известны случаи, когда критик от марксизма переходил к идеализму или наоборот. Иногда критик, в общем нейтральный, в данной статье применял марксистский метод. Впрочем, точная квалификация есть задача не библиографического указателя, а историко-литературного исследования, которое еще не написано, и для которого этот указатель явится пособием». Итак, указатель составлялся без определенной позиции в вопросе о принципах квалификации. Наличность такой позиции считается даже не обязательной для библиографической работы, считается задачей историко-литературного, а не библиографического исследования. Дело, однако, вовсе не в том, кому надлежит заняться решением этой задачи. Дело в том, что ее предварительное решение должно лечь в основу библиографической работы того типа, который мы находим в данной книге. Библиограф ли, историк ли литературы должны это сделать, но это должно быть сделано прежде составления библиографического указателя, потому что нельзя составлять библиографию неизвестного предмета. В конце концов составители не обошлись без некоторых принципов квалификации, относя того или иного критика к марксистскому направлению. Только принципы эти неясно формулированы, носят несколько случайный характер наудачу выбранных примет. Автор пользуется не планом и компасом, а вехой и зарубкой. «Составители пользовались и формальными признаками (например, печатанием статьи в марксистском издании) и приметами внутренними». Какими внутренними приметами они пользовались — не выяснено, а формальный критерий весьма приблизителен и не надежен. Отсутствие выдержанных, ясно формулированных принципов в деле квалификации критики марксистской, точнее—разномастность этих принципов, вносит в книгу Мандельштам какую то неприятную для глаза и несколько неожиданную для логики пестроту.

Такая смесь имен, как Плеханов, Ляцкий, Вересаев звучит как то странно. Ясно, что, относя в разряд марксистских критиков Вересаева, библиограф руководился совсем не теми соображениями, какими он руководился, относя туда Ляцкого, и что оба эти имени он ввел в марксистскую критику не по тем соображениям, по каким ввел туда Плеханова. Плеханов—марксист по методологическим приемам критики; Вересаев—по своей партийной принадлежности; Ляцкий, вероятно, потому, что печатался в полумарксистском журнале „Современный мир“. Принадлежность к марксистской критике устанавливается здесь на столь различных основаниях, что авторы, диаметрально противоположные, методологически объединяются в одно целое, что едва ли целесообразно и законно. Для того, чтобы не быть введенным в ряд заблуждений и недоразумений, читатель, пользующийся указателем Мандельштам, должен точно знать, на каком основании внесен в его инвентарь тот или другой критик, потому что основания эти очень разнообразны. Не зная этих оснований, читатель может, например, искать в критических статьях Горького и Вересаева образцы марксистского исследования литературы, и, конечно, ошибочно, потому что будучи марксистами по своим социально-политическим симпатиям, эти писатели не имеют ни зерна марксизма в своих критических статьях. Читатель должен непременно знать, что Ляцкий введен в указатель Мандельштам не потому, что в его историко-литературных трудах применяется марксистская методология, а только потому, что он печатался в „Современном мире“. Может быть для сглаживания указанных дефектов указателя Мандельштам было бы полезно не только расположить библиографический материал в алфавитном и хронологическом порядках, но и распределить его по группам в зависимости от критерия, которым пользовался автор, внося данное имя или статью в свой указатель. Может быть следовало через всю книгу провести единый принцип квалификации, принеся ему в жертву ряд имен и статей в ущерб объему указателя. А пока в книжке Мандельштам проблема библиографирования литературно критического направления не получила удовлетворительного разрешения. Как указатель критики марксистского направления, он не имеет под собой прочного принципиального фундамента и страдает некоторой хаотичностью стиля. Следует, однако, иметь в виду, что перед нами первый опыт, что библиографирование направлений дело совсем новое, принципы и приемы которого еще не выработаны. Принципиальные дефекты здесь естественны и, пожалуй, даже неизбежны. Но каковы бы ни были эти дефекты, книга Мандельштам является ценным вкладом в библиографическую литературу. Новый аспект библиографирования в разрезе направлений бросает в оборот большой капитал, доселе лежавший под спудом без всякого употребления. Собирание материала вокруг нового стержня заставило привлечь к делу ряд новых имен и новых статей, которые ускользали от библиографа, работавшего в ином аспекте. Чрезвычайно ценен и самый выбор стержня, вокруг которого идет концентрация критической литературы. Стержень этот—марксистское мировоззрение, стоящее в данный момент в центре общественного внимания. Русская литературная критика, стремящаяся опереться на теоретическом фундаменте марксизма, впервые делается доступной широкому и всестороннему обозрению, благодаря указателю, составленному Мандельштам.

В. Переверзев.

IV.

ХРОНИКА.

Кабинет внешних сношений.

Кабинет внешних сношений Социалистической Академии по соглашению с издательством «Красная Новь» приступили к подготовке и изданию «Библиотеки по вопросам международной политики», под редакцией Ф. А. Ротштейна.

Библиотека предпринята с целью создать совершенно отсутствующую до сих пор на русском языке литературу по международной политике. Такая литература стала настоятельной необходимостью по условиям нашего международного положения. Продолжая оставаться в капиталистическом и империалистическом окружении, Советской России необходимо для правильной ориентации в области внешних сношений основательно и всесторонне изучить международные проблемы, возникающие у наших противников, равно как и способы и решения, которые намечаются ими в их взаимном соревновании при трактовке этих проблем. Знать своего врага—значит наполовину уже одержать победу. Этой основной цели и будет служить настоящая библиотека. Она будет состоять из наиболее авторитетных иностранных сочинений в этой области. Намеченные к изданию авторы — империалисты и «патриоты» — рассматривают свои задачи с точки зрения так называемого национального государства, т.-е. интересов своей капиталистической и финансовой буржуазии. Но это как раз и составляет ценность их для изучающего международную проблему, не говоря уже о значении их с точки зрения фактической информации. Кроме того, каждая книга будет снабжаться предисловием и примечанием редактора, которые облегчат читателю ориентировку с точки зрения наших революционных задач.

В ближайшее время выходят:

1. *Анжеран*, Фердинанд.— Железо и франко-германские отношения.
2. *Альбен*, Пьер — История англо-французских отношений.
3. *Брейльсфорд*, Генри. — Война стали и золота.
4. *Гамильтон*, Ангус. — Проблемы среднего Востока.
5. *Пинон*, Рене. — Франция и Италия в Средиземном море.
6. *Проливы*. (Сборник статей — политика и экономика, — Пинон и др.)

Библиотека Социалистической Академии за первую треть 1923 г.

Работа библиотеки складывается из трех элементов. Из них главный, и притом наилучше поддающийся учету и наиболее очевидный, это— организация пользования библиотекой, выдача книг, обслуживание читателей. Другой элемент — логически первый — собирание книг, используемых читателем, комплектование библиотеки. Наконец, третий момент, наименее заметный со стороны, но поглощающий наиболее труда, это — обработка книг, приведение собранных книг в состояние, при котором возможно их использование читателем. Нет такой библиотеки, которая бы между основными фактами библиотечной работы—книгой и читателем — не вставляла бы промежуточного звена — обработки книги для использования ее читателем. Это — то, что ставляет основную часть внутренней работы библиотеки, но что производится обычно в далеких от глаз посетителей внутренних помещениях библиотеки. Рассмотрим работу нашей библиотеки с этих трех точек зрения.

Число лиц, состоящих читателями библиотеки, возросло с 1 января на 442 челов. и достигло на 1 мая 1.182 челов. Необходимо, однако, оговориться, что в это число входит некоторая доля таких лиц, которые крайне редко и нерегулярно посещают библиотеку. Показательнее поэтому цифры числа посещений—2.918 за январь, 4.503 за март и 2.969 за апрель,— и особенно числа выданных книг — 5.631 в январе, 8.348 в марте и 6.239 в апреле. Падение чисел, относящихся к апрелю, объясняется большим числом нерабочих дней в этом месяце. Увеличение числа читателей потребовало открытия второго читального зала, которое и состоялось в феврале текущего года. С целью ознакомления читателей с литературой, вновь поступающей в читальный зал, устроена постоянная выставка этой литературы в зале. Для ознакомления же с литературой, поступающей в кабинеты б-ки, куда имеет доступ только часть читателей, была устроена постоянная выставка этой литературы, открытая для всех читателей библиотеки. Для делегатов XII партийного съезда была организована специальная выставка книг по вопросам, могущим особенно интересовать делегатов; посетившие выставку делегаты были ознакомлены и со всей библиотекой и организацией в ней работы.

Что касается комплектования библиотеки, то общая цифра вновь поступивших книг, колеблясь по месяцам от 2 до $3^1/_2$ тысяч экземпляров, составляет за первую треть текущего года около 13.000 экземпляров. Наиболее заметной частью в этом количестве являются книги, вновь изданные в пределах России и поступающие еженедельно из Книжной Палаты. Книжных поступлений иностранной литературы за это время было мало; важно отметить предпринятые попытки побудить заграничные партийные и профессиональные организации к присылке в Академию своих изданий,—попытки, не оставшейся совершенно безрезультатной, С другой стороны, кое-что сделано для проложения путей постоянной и систематической закупки книг за границей и выписки иностранных журналов. Наконец, в последнее время начинают обнаруживаться результаты некото-

рых шагов, предпринятых для организаций обмена между библиотекой Академии с некоторыми большими библиотеками Америки и Англии, но ясно, что планомерно организовать международный книжный обмен можно только через центральные русские библиотеки и книжные органы. Внутри библиотеки введены некоторые усовершенствования в технической стороне комплектования и упрощена техника приемки вновь поступающей литературы.

Переходя к третьей отрасли работы — обработке книг, необходимо отметить, что 1) библиотека не имеет до сих пор каталога, что крайне затрудняет пользование ею, 2) значительная часть книг не оборудована технически для выдачи, 3) часть книг не учтена (не заинвентаризована), что делает ее недостаточно гарантированной от утраты, наконец, 4) громадная масса литературы, которая казалась неважной или ненужной, находилась в полном беспорядке. Пришлось несколько усилить штат и произвести перегруппировку сотрудников, чтобы вплотную подойти к ликвидации этих темных пятен в организации б-ки. Но происшедшее увеличение штата не было достаточным для того, чтобы сразу начать основную работу—создание библиографического каталога и систематическую классификацию книг. Отложив это дело до осени, когда, вероятно, представится возможность произвести дальнейшее усиление аппарата библиотеки, сейчас пришлось не расширяя каталогизации внести лишь некоторые усовершенствования в ее организацию и подготовлял общую систематическую каталогизацию путем составления инструкций, перевода классификационных таблиц, приобретения необходимых материалов и справочников и т.д. Но, отложив каталогизацию, библиотека занялась: 1) приспособлением книг для выдачи: общее число написанных формуляров поднялось с $6^1/_2$ тысяч в феврале до $18^1/_2$ тысяч в апреле; 2) инвентаризацией книг: занесено в инвентарь книг (не считая новых поступлений)—в феврале 2.150, а в апреле 7.300 и 3) ликвидацией отмеченных выше книжных завалов и приведением в порядок отделов б-ки, ранее недостаточно упорядоченных.

Необходимо также отметить проведенное в течение месяца комплектование кабинета теории и истории права и го ударства, а также производимый сейчас пересмотр состава кабинета III Интернационала и отдела философии в кабинете идеологии.

Особо придется остановиться на работе с периодической печатью. Работа ведется в следующих направлениях: 1) производится первоначальный разбор журналов, находящихся вне кабинетов — в подвале, фундаментальной библ-ке и т.-д.; эта часть работы может считаться почти законченной, при чем удалось значительно пополнить собрания кабинетов, для главной массы журналов составить запасный дублетный фонд и выделить большое количество журналов в обменный фонд; 2) производится разбор громадных газетных залежей Академии; эта крайне трудоемкая работа не может не итти крайне медленно. Пока удалось привести в порядок только газеты за текущий год и таким образом сделать возможным правильную регистрацию и хранение текущих газетных поступлений, а также контроль поступления и комплектования, 3) введены коренные изменения в технику регистрации и распределения поступающих текущих журналов и установлена техника контроля поступлений, 4) производится работа по проверке, регистрации, комплектованию и более правильному распределению периодических изданий центральных Советских органов, с целью привести

в полный и окончательный порядок эту часть периодики, 5) подобная же работа производится с русскими провинциальными изданиями, начиная с 1917 года, которые должны составить особый отдел библиотеки.

Курсы по изучению марксизма при С. А.

(По поводу 1-го выпуска).

На-ряду с потребностью повышенного уровня марксистского образования широкой партийной массы, явилась необходимость углубления теоретической подготовки и руководящих партийных работников. Эта жизненная потребность нашла свое место в круге вопросов, обсужденных X-м съездом партии.

Весной 1921 г. X съезд партии, по предложению т. Рязанова, вынес решение об организации при Социалистической Академии «систематических курсов по изучению истории, теории и практики марксизма».

Первоначально задача курсов заключалась в том, чтобы старые партийные работники в течение двух лет в качестве научных сотрудников С. А. путем «регулярных занятий по выработанной программе овладели необходимым навыком и знаниями для будущей теоретической работы».

В соответствии с этим условием приема на курсы являлось: 1) до-октябрьский партстаж; 2) наличие не только практического опыта, но интереса и склонности к разработке программных и теоретических вопросов.

Осенью же 1921 г. местными парторганизациями по разверстке ЦК РКП выделяются для курсов 60 товарищей. Теоретическая подготовка и возможности этих товарищей были подвергнуты испытанию путем вступительных работ по истории местных партийных организаций в дореволюционный период, по истории Запада и русского общественного движения. В результате этого испытания часть товарищей оказалась слабо подготовленной и была направлена в различные учебные заведения (Свердловский университет, факультет общественных наук Государственного университета и т.п... Оставшиеся же товарищи первого набора представляли следующую картину.

Партийный стаж.				Соц. пол.		Возраст.			Образован.	
до 1917 г.	с 1917 г. (до окт.)	с 1918 г. (до окт.)	с 1919 г.	Раб.	Инт.	до 25	21-25	старш. 25	Низш. и дом.	Ср. и высш.
14	19	20	7	15	45	3	27	30	10	50

С таким составом курсы в декабре мес. 1921 г. приступили к работе: Как и всякое молодое учреждение, курсы значительную часть времени потратили на организационную работу, выработку учебного плана и т. д.

В конце концов семинарские занятия начались по следующей программе:

1) Политическая экономия (две группы: одной руководил т. Рязанов, и другой тов. Дволайцкий).

2) Диалектический материализм (две группы: т.т. Бухарина и Деборина).

3) История рабочего движения и Комм. манифест (т. Рязанов).
4) История русской общественной мысли (т. Переверзев).
5) Парижская коммуна (т. Лукин).

Но так как в процессе работ по этой программе выяснилась относительно слабая подготовка товарищей, то мысль о научно исследовательском характере работ семинариев отпала и первый год занятий был объявлен пропедевтическим, подготовительным, и работа семинариев свелась к изучению и ознакомлению с предметом. Но жизненная действительность не дала возможности осуществить этот широкий план.

Летом 1922 года производится новый набор, а вместе с тем и в значительной степени меняется и учебная программа.—Курсы стали не ученым институтом, а учебным учреждением.

В связи с новым набором, в первом составе курсов произошли некоторые изменения. Созданная при Агит-Проп. Отделе Ц. К. партии комиссия, с целью подбора наиболее однородного состава, почти половину слушателей направила в различные учебные заведения, в том числе 15 человек в Институт Красной Профессуры.

В результате работ комиссии курсы получили следующий состав из 70 слушателей:

1. По возрасту:

от 20	до	25 лет	— 24 чел.	—	34,3%
„ 26	„	30 „	— 25 „	—	35,7%
„ 31	„	36 „	— 20 „	—	28,6%
„ 47	и свыше		— 1 „	—	1,4%

2. По профессии:

1. Всех занимавшихся физическим трудом — 37 чел. — 52,8%.

Из них:

Металлистов	16 чел.	—	22,8%
Деревообделочников	7 „	—	10%
Швейников	4 „	—	5,7%
Печатников	4 „	—	5,7%
Других профессий	6 „	—	8,6%

3. По социальному положению:

Рабочих	28 чел.	—	40%
Крестьян	13 „	—	18,6%
Служащих	2 „	—	2,8%
Интеллигентов	27 „	—	38,6%

4. По образованию:

С начальным	18 чел.	—	25,7%
„ средним	18 „	—	25,7%
„ 4-х классн. городск.	15 „	—	21,4%
„ незаконч. высшим	8 „	—	11,3%
„ „ средним	7 „	—	8,6%
„ домашним	6 „	—	7,3%

5. По партийному стажу (вст. в Р. С.-Д. Р. П. (б.):

Вступивших до 1905 г.	2 чел.	—	2,8%
„ в 1905 г.	2 „	—	2,8%
„ с 1906 по 1914 г.	19 „	—	27,1%
„ с 1914 по февр. 1917 г.	9 „	—	12,8%
Вступивших с февраля до октября			
„ „ 1917 г.	26 „	—	37,1%
„ „ 1918 г.	12 „	—	17,1%
„ „ 1919 г.	3 „	—	4,2%

Следовательно, вступивших до 1914 г. мы имеем 32 чел. или 45,5%, а вступивших с 1914 г. до Октябрьской революции—35 чел. или 37,1%. Всех же вступивших по октябрь 1917 г. мы в этом составе имеем 67 чел. или 82,6%, между тем как в первом составе курсов вступивших по октябрь 1917 г. было лишь 33 человека или 55%.

6. Репрессии:

Подвергалось репрессиям всего — 38 чел. — 54,3%.

Из них:

Ссылка в Сибири	3 чел.	—	7%
Каторга	1 „	—	3%
Тюрьма	14 „	—	36,8%
Крепость	1 „	—	3%
Аресты и обыски	11 „	—	29%
Высылка и надзор	6 „	—	15,1%
В плену у белых	2 „	—	6,2%

7. Масштаб работы до поступления на курсы:

Работников областного масштаба	8 чел.	—	11,4%
„ губернского (руковод. сост.)	22 „	—	31,4%
„ „	35 „	—	56%
„ уездного	3 „	—	7,2%

8. Служба в армии.

В красной армии	35 чел.	—	50%
„ царской „	12 „	—	17,1%
Участие в военных действиях	37 „	—	52,8%
Имеющих орден красного знамени	10 „	—	27%

Таков новый состав курсов в 1922 г. Он значительно отличается от первого в сторону однородности как по социальному положению, так и по партийному стажу. Программа курсов была рассчитана на $1^1/_2$ года и распадалась на следующие предметы:

1. *Диалектический материализм* (с очерком истории философии). Существовало две группы. Одна составлялась из более подготовленных, вторая—из менее подготовленных. Первой руководил т. Деборин, второй—т. Преображенский.

2. *Теоретическая политическая экономия.* Существовали 3 группы. Старшая, средняя и младшая. Руководители — т.т. Преображенский и Двойлайцкий.

3. *Экономика России* (дореволюционного и советского периодов).

4. *Курс лекций по истории социализма и рабочего движения* (для всех читал тов. Волгин). Кроме того, в качестве добавочного для всех интересующихся предмета был введен лекционный курс по экономической географии (читал т. Баранский).

Затем слушатели курсов занимались изучением одного из новых иностранных языков (немецкого, английского или французского).

Так как слушатели этого состава поступали на курсы в различное время, то они были разбиты в прохождении учебной программы на 3 группы по степени подготовленности. Метод занятий был преимущественно семинарским за исключением цикла лекций по экономической географии т. Баранского и курса по истории социализма и рабочего движения т. Волгина. К сожалению, данными о степени работоспособности слушателей мы располагаем лишь только по двум семинариям: русской экономике (т. Крицмана) и теоретической политической экономии.

Семинарий тов. Крицмана приступил к работам в начале декабря мес. 1922 г. По конец мая месяца состоялось 15 заседаний семинария. Необходимо принять во внимание перерывы в занятиях в декабре и апреле месяцах, которые в общей сложности составляли 6 недель.

За это время было заслушано и обсуждено 12 планов разработки проблем, которые в совокупности составляют объем работ семинария по русской экономике дореволюционного периода.

Из 25 участников семинария разработанные планы докладов представили 15 товарищей. Из общего количества выступлений в прениях по докладам на каждого участника в семинарии в среднем приходится — 4, а из общего количества посещений заседаний семинария на каждого товарища приходится — 9.

Кроме того, в этом семинарии заслушано и обсуждено 3 доклада.

Семинарий по теоретической политической экономии приступил к работе в начале января месяца. Он имел за этот промежуток времени по конец мая месяца — 24 заседания.

Было заслушано и обсуждено 12 докладов.

Из общего количества выступлений в прениях по докладам на каждого участника семинария приходится 2, а количество посещений — 13 (из 24).

Такова работа, проделанная слушателями курсов за отчетный период в этих двух семинариях. Необходимо иметь в виду, что это лишь весьма незначительная часть общей работы, произведенной на курсах. Нужно иметь в виду работу в других семинариях, изучение языков и т. д. и т. п.

Кроме академической учебной работы, слушатели курсов вели также и практическую партийную работу. Этой работой была преимущественно агитационно-пропагандистская работа. Получаемые слушателями в Академии знания обычно реализовались в руководимых ими марксистских кружках, школах политической грамоты, эпизодических и цикловых лекциях по целому ряду вопросов.

Все слушатели были использованы главным образом Замоскворецким и Хамовническим районными комитетами Р. К. П.

Слушателями курсов было обслужено в обоих районах 12 школ политграмоты (в качестве руководителей), 3 участковых партийных школы (в качестве преподавателей) и 10 марксистских кружков пониженного и повышенного типа (в качестве руководителей и преподавателей).

3 слушателя вели в ячейках целые лекции по различным вопросам.

Такова та часть работы, проделанной слушателями на курсах, которая в данный момент поддается учету. Повторяем, что другую, более значительную часть работы мы здесь, за отсутствием соответствующих материалов, не могли осветить.

В мае с.г. Ц. К. Р. К. П. вынес решение о выпуске части слушателей более подготовленной. Выделенная для этой цели комиссия признала возможным произвести выпуск 19 человек или 27%. Из 19 выпускаемых 16 посылаются Ц. К. на практическую партийную работу и 3 в Институт Красной Профессуры. Выпускаемые товарищи по статистическому обследованию распределяются следующим образом:

1. По партийному стажу:

Вступивших до февраля 1917 г.	5 чел.	— 26,3%
„ „ октября 1917 г.	8 „	— 42,2%
„ после „ 1917 г.	6 „	— 31,5%

Как видно, подавляющее большинство составляют товарищи, вступившие по октябрь 1917 года. Их 13 человек или 68,5%.

2. По социальному положению:

Рабочих	8 чел.	— 42,2%
Служащих	1 „	— 5,2%
Интеллигентов	10 „	— 52,6%

3. По профессии:

Металлистов	5 чел.
Деревообделочников	1 „
Печатников	1 „
Швейников	1 „
Работн. просвещ.	7 „
Учащихся	3 „
Без определ. профессий	1 „

4. По возрасту:

от 21 до 25 лет	8 чел.	— 42,2%
„ 26 „ 30 „	6 „	— 31,5%
„ 31 „ 35 „	5 „	— 26,3%

5. По образованию:

Незаконч. высшее	4 чел.	63%
Среднее	6 „	
Незаконч. среднее	2 „	37%
Низшее	3 „	
Домашнее	4 „	

Эти сведения красноречивее всего говорят за то, что часть лучших сил курсов, отточив и теоретически заострив свое классовое самосознание,

и на практической работе в современных усложненных отношениях будет также победно осуществлять задачи коммунизма, как и до поступления на курсы, в эпоху военного коммунизма.

Почти все товарищи пришли на курсы со слабо развитой теоретической подготовкой. Это и понятно. В годы ожесточенной гражданской войны мы больше занимались практикой марксизма, нежели его теорией. Теперь же, пробыв $1^1/_2$ года в лаборатории революционного метода марксизма, научившись владеть его неотразимым острием, наши товарищи поведут не менее ожесточенную и блестящую борьбу и в новых условиях.

Редакционная коллегия:
Н. И. Бухарин, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.

Крестьянское движение 1801—1860 г.г.

(Продолжение) [1])

109. **Аксаков. И. С.** в его письмах, т. III, стр. 170—172. (Сведения о движении крестьян в Киевской губ. в 50-х годах.)

110. **Альбовск й.** „Шесть месяцев в Курляндии". „Русская Старина". 1913 г., № 6, стр 599—600. (Волнения курляндских крестьян в 1841 году.)

111. **Андриевский.** Картофельный бунт в Вятской губ. в 1842 году. „Истори ч. Вестник". 1881, № 7, с р. 556—565.

112. **Антонов.** „Четверть века назад". (Воспоминания степного помещика). „Историч. Вестник". 1887, № 11, стр. 364—366. (Крестьянское движение в Харьковской губ. в конц 50-х годов.)

113. **Богданович.** История цар твования императора Александра 1-го и Россия в его время. Т. V, стр. 354—364. (Волне ия военных поселян в Новгородской, Херсонской и Харьковской губ. в 1817—1819 г.г.)

114. **Бороздин.** Воспоминания. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения". 1871, стр. 9—21. (Бунт военных поселян в Новгород кой губ. в 1831 г.).

115. **Бунт военных поселян в 1831 г.** Рассказы и воспоминания очевидцев. 1870. (Новгородская губ.)

116. **Бунт поселян** в С.-Петербургской губ. Пашском погосте. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения". 1871, стр. 79—84 (1831 г.).

117. **Бухмейер.** Письма к графу Аракчееву 1817—18 г.г. Новгородский сборник, вып. V, 1866, отд. II, стр. 31—37. (По поводу волнений среди крестьян Высоцкой волости Новгородской губ., обращаемых в военные поселяне, 1817 г.)

118. **Верещагин.** Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I. „Дела и Дни". 1922, № 3, стр. 148—165. (Чугуевский бунт 1819 г.)

119. **Весин.** „Из времен крепостного права". „Русская Старина", 1889 г., № 2, стр. 331—333. (Волнения крестьян в Воронеж кой губ. в 50-х годах.)

120. **„Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век, смоленского дворянина".** „Русская Старина". 1897 г., № 7, стр. 116. (Рост настроения протеста среди крепостных в средине XIX в.)

121. **Германские рыцари XIX столетия в Эстляндии.** „Колокол". 1858, № 29, стр. 235—236. (Расправа с крестьянами за подачу жалобы на помещика, 1858 г.)

122. **Гонения на крымских татар.** „Колокол". 1861, № 117, стр. 973—977. (О массовом переселении крымских татар в Турцию после крымской войны.)

[1]) См. Вестн. Соц. Акад., кн. 3.

123. **Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова.** „Колокол". 1859, № 57—58, стр. 482. (Предложение Строгонова о суждении крестьян за преступления против помещиков военным судом. 1859 г.)

124. **Гриббе.** Холерный бунт в новгородских военных поселениях в 1831 г. Из воспоминаний. „Русская Старина". 1876, № 11, стр. 513—536.

125. **Дело Зиновьевских крестьян.** „Колокол". 1860 № 79, стр. 656—659. (Волнения помещичьих крестьян в Тверской губ. в 1860 г.)

126. **Дело о высеченном генерале Кандыбе и его жене.** „Колокол". 1859, № 45, стр. 371—372. (Расправа дворовых с помещиком в Одессе в 1855 г.)

127. **Дело** о повешении за ноги военными поселянами священника села Коломны Иоанна Парвова. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения". 1871, стр. 30—44. (Эпизод из бунта военных поселян в Новгородской губ. в 1831 г. Первоначально напечатано в Русск. Старине. 1870, т. I, стр. 281—291.)

128. **Движение латышей и эстов в Лифонии с 1841 г.** Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. 1865, кн. 3, Смесь, стр. 109—143. (40-е годы.)

129. **Дирин.** Нападение военных поселян на село Петровское. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения". 1871, стр. 45—50 (Эпизод из бунта военных поселян в Новгородской губ. в 1831 г. Первоначально напечатано в „Русск. Старине". 1870. т. I, стр. 601—603).

130. **Донесение** товарища министра внутренних дел Сенявина о нынешнем положении Лифонии (1845). Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. 1865, кн. 4, Смесь, стр. 179—205. (Об отношении крестьян к помещикам и пасторам и о стремлении их к переходу в православие.)

131. **Дубасов.** Тамбовская холерная смута в 1830—1831 г.г. „Истор. Вестник". 1887. № 9, стр. 620—628.

132. **Европеус.** Воспоминания. Бунт военных поселян короля прусского полка 17 июля 1831. „Русск. Старина". 1872. № 11, стр. 547—558. (Новгородская губ.).

132а. **Заикин.** Бунт военных поселян в 1831 году. „Заря". 1879, № 9, стр. 142—152. (Новгородская губ.)

133. **Зырянов.** „Крестьянские волнения в Зауральском крае Пермской губ. в 1842—1843 г.г." „Русск. Старина". 1883, № 9, стр. 590—593. („Картофельные бунты" казенных крестьян).

134. **Зырянов.** „Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губ. в 1843 г.". „Древняя и новая Россия". 1879 г. № 11, стр. 232—322. („Картофельный бунт" среди казенных крестьян).

135. **Зырянов.** „Шадринский уезд в апреле 1842 года". (Из воспоминаний очевидца.) Пермский Сборник. 1860 г., кн. 2, отд. IV. стр. 13—21. (Волнения казенных крестьян.)

136. **Игнатович.** „Борьба крестьян за свое освобождение". Сборник „Освобождение крестьян", изд. „Жизни для всех". 1911 г., стр. 15—68. (Очерк крестьянского движения в первой половине XIX в.)

137. **Из Минской губ.** „Колокол". 1860, № 76, стр. 637. (Крестьянские волнения в конце 50-х годов).

138. **„Из недавнего прошлого слободской Украины".** „Киевская Старина". 1896 г. № 4, стр. 77—79. (О крестьянском движении в Воронежской губ. в 1820-х и 30-х годах).

139. **Иконников.** „Крестьянское движение в Киевск. губ. в 1826—1827 г.г. в связи с событиями того времени". Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому. Часть II, стр. 657—742. (Есть отдельный оттиск.)

140. **Каневский.** Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. „Истор. Вестник". 1887, № 3, стр. 682—689. (Новгородская губ.)

141. **Каратыгин.** Холерный год. 1830—1831. Стр. 19—24, 72, 104—243, („Холерные бунты" в Тамбовской, Петербургской и Новгородской губ.)

142. **Карцов.** О военных поселениях при графе Аракчееве. „Русск. Вестник". 1890, № 3, стр. 90—93. (Волнения в военных поселениях в Слободской Украине в 1819 г.); № 4, стр. 93—105. (Бунт военных поселян в Новгородской губ. в 1831 г.)

143. **Катрухин.** „Из народных рассказов о слободско-украинских помещиках". „Киевская Старина". 1885 г., № 1, стр. 198—200. (Расправа крепостных с помещиком в Харьковской губ. в начале XIX века.)

144. **Клебановский.** „К истории польского восстания в 1831 году". „Киевская Старина". 1905 г. № 6, стр. 432—467, passim. (Отношение к польскому восстанию крестьян Киевской и Подольской губ.)

145. **Коведяев.** К воспоминаниям о бунте военных поселян в 1831 г. Поручик Соколов. „Русск. Старина" 1885 г. № 1, стр. 153—155. (Новгородская губ.)

146. **Кокосов.** „Картофельный бунт". „Историч. Вестник". 1913 г., № 5, стр. 600—608. (Волнения казенных крестьян Пермской губ. 1842 г.)

147. **Колонна-Валевский.** „Волнения крестьян в зауральской части Пермского края в 1842—1843 г.г." „Русск. Старина". 1879 г., № 11, стр. 411—432, № 12, стр. 627—646. („Картофельные бунты" казенных крестьян.)

148. **Корнилов.** Крестьянская реформа в Калужской губ. при В. А. Арцимовиче. Сборн. „В. А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики". Стр. 135—137, 139—142, 261—262. (Крестьянское движение в Калужской губ. в 1859 и 1860 г.г.)

149. **Короленко.** „История моего современника". Т. I, „Щось буде". (Толки и настроения крестьян Волынской губ. накануне реформы.)

150. **Коц.** „Волнения крепостных в Николаевскую эпоху". „Русское Прошлое". 1923 г., № 2, стр. 74—88.

151. **Кропоткин.** „Записки революционера", стр. 98—99. (Толки и настроения помещичьих крестьян в конце 50 г.г.)

152. **Крылов.** „Накануне великих реформ". „Историч. Вестник". 1903 г., № 9, стр. 794—799. (Разгром кабаков крестьянами в Симбирской губ. в 1858 г.)

153. **Л. М.** „Заметки к истории киевской казаччины 1855 г." „Киевская Старина". 1905 г., № 1, стр. 48—65. (Движение помещ. крестьян в связи с призывом в ополчение.)

154. **Ланской.** Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время. (Всеподданнейшая записка Министра Внутренних Дел Ланского, август 1859.) „Русский Архив". 1869, стр. 1373. (О толках среди крестьян об ожидаемой воле.)

155. **Левицкий.** Переселение татар из Крыма в Турцию. „Вестник Европы". 1882, № 10, стр. 596—630. (Конец 50-х годов.)

155а. **Лемке.** Крестьянские волнения 1855 года (по неизданным материалам). „Красн. Летоп." 1923 г., № 7. стр. 131—177. (Биографии двух агитаторов, Розенталя и Каменского; первый действовал в Киевской губ., второй—в Костромской).

156. **Ломачевский.** „Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов". Часть 2, стр. 48—49. (О волнениях помещичьих крестьян в Минской губ. в 40-х годах.)

157. **Лукинский.** Бунт в военных поселениях в 1831 году. Рассказ священника-очевидца. „Русск. Старина". 1879, № 8, стр. 731—738. (Новгородская губ.)

158. **Луппов.** „Волнения вотяков Вятской губ. по поводу прикрепления их к горным заводам (в 1807—1808 г.г.)". Труды Вятской Учен. Арх. Ком. 1909 г. Вып. III, стр. 103—115.

159. **Лыкошин.** Военные поселения. „Великая Реформа". Т. I, стр. 100—104. (О волнениях военных поселян в Слободской Украине и в Новгородской губ. в 1817—19 и 1831 г.г.)

160. **Лыкошин.** Поселения военные. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, стр. 669—671. (Волнения в военных поселениях Новгородской, Харьковской и Херсонской губ. в 1817—1819 и 1831 г.г.)

161. **Мартос.** Записки. „Русск. Архив". 1893, № 8. стр. 529—537. (Волнения военных поселян Новгородской губ. в 1817 г.)

162. **Маслов.** „Крестьянское движение в XIX столетии". „Образование". 1907 г. № 10, стр. 141—151. (Крестьянское движение до реформы 19-го февраля.)

163. **Матвеев.** Бунт в Старой Руссе в 1831 г. Рассказ очевидца. „Русск. Архив". 1879, № 6, стр. 389—398. (Волнения военных поселян.)

164. **„Материалы к истории польского восстания 1831 года".** „Киевская Старина". 1901 г. № 6. стр. 150, 152, 155, 156. (Крестьяне юго-западного края во время восстания.)

165. **Можайский.** Времена военных поселений. „Историч. Вестник". 1886, № 8, стр. 352—354, 359—364. (Волнения военных поселян Новгородской губ. в 1817 и 1831 г.г.)

166. **Н. П.** „Эпизод из времен крепостного права". (Из мемуаров помещика Тульской губ.) „Русск. Старина". 1906, № 1, стр. 163—168. (Расправа дворовых с помещицей в Тульской губ. в 1842 г.)

167. **Народное восстание, народное усмирение и розги.** „Колокол". 1859. № 57—58, стр. 479—480. (Волнение

Таблица к указателю по истории крестьянского движения.

ГУБЕРНИИ	1801—1810	1811—1820	1821—1830	1831—1840	1841—1850	1851—1860
1. Архангельская	—	—	—	—	—	—
2. Астраханская	—	—	—	—	—	—
3. Бессарабская	—	—	—	—	—	—
4. Виленская	—	—	—	—	—	—
5. Витебская	—	—	—	—	198	—
6. Владимирская	—	—	—	—	—	180
7. Вологодская	—	—	—	—	—	—
8. Волынская	—	222	—	161.228	228	149
9. Воронежская	—	—	138	138	—	119
10. Вятская	158	—	—	—	111	—
11. Гродненская	—	—	—	—	—	—
12. Донская обл.	—	—	—	—	—	—
13. Екатеринославская	—	—	—	—	—	197
14. Казанская	—	—	—	—	—	—
15. Калужская	—	—	—	—	—	148
16. Киевская	—	—	139	144.164.228	177.187.228	109.153.155а.185.
17. Ковенская	—	—	—	—	—	—
18. Костромская	—	—	196	—	—	155а.
19. Курляндская	—	—	—	—	110	—
20. Курская	—	—	—	—	—	—
21. Лифляндская	198д.	—	—	—	128.130 198а 198б.198в. 198г.213.230	—
22. Минская	—	—	—	—	156	137
23. Могилевская	—	—	—	—	—	—
24. Московская	—	188.189.209	—	224а.	—	—
25. Нижегородская	—	—	—	—	—	231

26. Новгородская	—	113.117.159 160.161.165 178.223	194.206	114.115.124 127.129.132.132а. 140.141.142 145.157.159 160.163.165 168.172.174 179.184.195 204.206.207 208.220.221 224.224а.232.	206	167.205
27. Олонецкая	—	—	—	—	—	—
28. Оренбургская	—	—	—	—	203	—
29. Орловская	—	—	—	—	—	—
30. Пензенская	—	224б.	—	—	—	215.226
31. Пермская	—	—	—	—	133 134 135 146.147	—
32. Подольская	—	—	—	144.164.228	228	—
33. Полтавская	—	—	171	—	—	—
34. Псковская	—	—	—	—	—	—
35. Рязанская	—	—	182	—	183	170.173.193.218
36. Самарская	—	—	—	—	—	—
37. С.-Петербургская	—	—	—	116.141.169	—	176.180
38. Саратовская	—	212	—	—	198	191.192
39. Симбирская	—	—	—	—	—	152
40. Смоленская	—	209	—	—	—	120
41. Таврическая	—	—	—	—	—	122.155.227
42. Тамбовская	—	—	—	131.141	—	—
43. Тверская	—	—	—	—	—	125
44. Тульская	—	199	—	—	166	210
45. Уфимская	—	—	—	—	—	—
46. Харьковская	143	113.119.142 159.160 178.223	—	—	—	112
47. Херсонская	—	113.142.159 160.178.214	—	—	—	123.126 197 216
48. Черниговская	—	—	—	—	—	—
49. Эстляндская	—	—	—	—	—	121.180
50. Ярославская	—	217	175	—	—	190

удельных крестьян в Новгородской губ. в 1858 г.)

168. **Новгородское возмущение в 1831 г.** „Колокол". 1858, №№ 16, 17, 18, стр. 126—130, 133—139, 147—152. (Бунт военных поселян в Новгородской губ.)

169. **О бунте крестьян в 1831 г.** в селении Сясских рядках, Ново-Ладожского уезда. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения". 1871, стр. 51—78.

170. **Огарев.** Дворянско-чиновничий разбой в селе Деднове. „Колокол". 1858, № 26, стр. 211—214. (Расправа с крестьянами с. Деднова Рязанской губ. за иск. против помещика в 1858 году.)

171. **„О непечатании статей, относящихся до крестьян".** Отношение Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения Попечителю С.-Петербургского учебного Округа 2 марта 1821 года. „Русск. Старина". 1903, № 7, стр. 46. (По поводу крестьянских волнений в Полтавской губернии.)

172. **Орлов.** Бунт военных поселян в 1831 году. „Русск. Вестник". 1897, № 7, стр. 122—143; № 9, стр. 80—99, № 11, стр. 137—161, № 12, стр. 87—118. (Новгородская губ.)

173. **Остроухов.** „Из времен крепостного права". (Бунт крестьян в деревне Снохиной Рязанской губ. в 1850—1851 г.г.) „Русск. Старина". 1888 г. № 6, стр. 619—623.

174. **Павлов.** Воспоминания очевидца о бунте военных поселян в 1831 г. „Историч. Вестник". 1894, № 3. стр. 738—787. (Новгородская губ.)

175. **Пажитнов.** „Возмущение крестьян на фабрике князя Гагарина". (Отголоски событий 14 декабря 1825 года.) „Былое". 1923, № 21, стр. 41—48. (Ярославская губ.)

176 **Переселение крестьян на болото.** „Колокол". 1861, № 93, стр. 789—781. (Неповиновение крестьян помещику в Петербургской губ. в 186 г.)

177. **Петров.** „Общественно-политические брожения в Киевской губ. в 1846 и 1847 г. г.". „Истор. Вестник". 1885, № 9. стр. 541—556. (Сведения о настроении крестьян.)

178. **Петров.** Устройство и управление военных поселений. Сборн. „Граф Аракчеев и военные поселения", 1871, стр. 146—152, 238—245. (Волнения военных поселян в Слободской Украине и в Новгородской г. в 1817 и 1819 г.)

179. **Пирошков.** Генерал-лейтенант Эмме. „Русск. Старина". 1874, стр. 565 — 566. (К истории бунта военных поселян Новгородской губ. в 1831 г.)

180. **Письмо к редактору.** „Колокол". 1858, № 25, страницы 202—203, 206—208. (Волнения крестьян в Эстляндской, Петербургской и Владимирской губ. в 1851 г. Меры правительства против крестьянских волнений.)

181. **Пичета.** История крестьянских волнений в России. Стр. 67—117. (XIX в., до крестьянской реформы.)

182. **Повалишин.** „Неповиновение крестьян помещику своему Демидову". Труды Рязанск. Уч. Арх. Ком. 1888 г., т. III, стр. 36—38. (Рязанск. губ., 1826 год.—Вошло в книгу „Рязанские помещики и их крепостные".)

183. **Повалишин.** „Очерки крепостного права". Труды Рязанск. Уч. Арх. Ком. 1888 г., т. III, стр. 131—137. (О столкновениях рязанских крестьян с помещиками в 1841 и 1847 г.г.—Вошло в книгу „Рязанские помещики и их крепостные".)

184. **Поддубный.** Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. „Историч. Вестник". 1883 г., № 8, стр. 332—344. (Новгородская губ.)

185. **Познанский.** „Кое-что о козаччине на Украине в 1855 г.". „Киевская Старина". 1905, № 4, стр. 139—159. (Крестьянское движение в Киевской губ. в связи с призывом в ополчение.)

186. **„По поводу толков об освобождении крестьян в 1830 году".** „Русская Старина". 1896 г., № 10, стр. 130. (Циркуляры Мин. Вн. Дел от 4 мая и 22 декабря 1830 года.)

187. **Попруженко.** „Эпизоды из истории польского крестьянства". (1846 — 1848 г.г.). „Ист. Вестник". 1894 г., № 6, стр. 724. (Настроение помещичьих крестьян Киевской губ. в 1847 году в связи с Галицийским восстанием); № 7, стр. 119—131. (Настроение крестьян и крестьянское движение в западных губерниях в 40-х годах.)

188. **„Пораженцы 1812 г.".** „Былое", 1917 г., № 5—6, стр. 329—353. („Дело о дворовых людях, привлеченных к ответственности за дерзкие в Москве разговоры", по случаю нашествия Наполеона.)

189. **„Последствия для проповедника о вольности крестьян".** „Русск. Старина". 1903 г., № 8, стр. 438. (О наказании дворового человека за проповедь крестьянской независимости. Москва, 1818 г.)

190. **Последствия сечения Ярославской помещицы.** „Колокол". 1858 г., № 26, стр. 214—215. (По поводу расправы крестьян с помещицей.)

191. **По части помещичьего благодушия.** „Колокол". 1860, № 75, стр. 621. (Неповиновение крестьян помещику в Саратовской губ.)

192. **Предсмертные злодейства помещичьего права.** „Колокол". 1861, № 101, стр. 849—850. (Крестьянские беспорядки в Саратовской губ. в 1859 г.)

193. **Прокламация губернатора П. Новосильцева и воз розог.** „Колокол". 1858, № 10, стр. 75—76. (По поводу волнения помещичьих крестьян в Рязанской губ. в 1857 г.)

194. **Пупарев.** Убийство любовницы графа Аракчеева Настасьи Шумской. 10 сентября 1825 г. „Русск. Старина". 1871 г., т. IV, стр. 262—294.

195. **Радзиковский.** Эпизод из бунта военных поселян в 1831 году. „Истор. Вестник". 1889, № 11, стр. 434—447. (Новгородская губ.)

196. **Репинский.** „Народные слухи и толки". „Русская Старина". 1878 г., № 11, стр. 541—543 (Костромская губ. 1827 г.)

197. **Романов.** „В Таврию за волей". (Воспоминания очевидца.) „Историч. Вестник". 1901 г., № 4. стр. 264—273. (Крестьянское движение в Екатеринославской и Херсонской губ. в 1856 году.)

198. **„Русские достопамятные люди".** „Русская Старина". 1892 г., № 7, стр. 3—5. (О крестьянских волнениях в Витебской и Саратовской губ. в 40-х годах.)

198а **Самарин.** Окраины России. Вып. 1. Русское Балтийское Поморье в настоящую минуту. Сочинения, т. VIII, стр. 64—70. (О крестьянском движении в Лифляндии в 1841—46 г.г. в связи с переходом в православие.)

198б. **То же** Вып. 2. Записки православного латыша Индрика Страуминта (1840—1845). Сочинения, т. VIII, стр. 181—299. (О крестьянском движении в Лифляндии в 1841—45 г.г.)

198в. **То же.** Вып. 3. Православные латыши. Период первый, 1841—1842 г.г. Сочинения, т. VIII, стр. 455—622. (Волнения Лифляндских крестьян в 1841—42 г.г.)

198г. **То же.** Вып. 6 Православные латыши. Период второй, 1845—1848 г.г. Сочинения, т. X, стр. 411—480. („Волнения Лифляндских крестьян в 1845—46 г.г.)

198д. **То же.** Вып. 6. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Сочинения, т X. стр. 193—198. (Волнения Лифляндских крестьян в связи с введением положения 1804 г.)

199. **Свербеев.** „Записки", т. I, стр. 72—74. (Агитация среди помещичьих крестьян Тульской губ. в пользу Наполеона в 1812 г.)

200. **Семевский.** „Борьба крепостных с помещичьей властью в царствование императора Николая". „Русская Старина". 1887 г., № 2, стр. 389—430. (Вошло в книгу „Крестьянск. вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в.", т. II.)

201. **Семевский.** „Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в." Сборник „Крестьянский Строй", т. I, стр. 284—285. (О крестьянском движении в царствование Николая I.)

202. **Семевский.** „Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в.". Сборник „Великая Реформа", изд. Образование, стр. 54—56. (Крестьянское движение в царствование Александра I.)

203. **Середа.** Позднейшие волнения в Оренбургском Крае. „Вестн. Европы". 1868 г., № 4, стр 585—616; № 8, 631—638). (Волнения среди государственных крестьян Челябинского уезда в 1843 и 1845 г.г.)

204. **Серяков.** Моя трудовая жизнь. „Русская Старина". 1875, № 9, стр. 164—173. (Бунт военных поселян Новгородской губ. в 1831 г.)

205. **Сечь или не сечь мужика?** „Колокол". 1857, № 6, стр. 49—50. (О волнении помещичьих крестьян в Новгородской губ.)

206. **Слезскинская.** „Тени прошлого". „Русская Старина", 1910 г., № 12, стр. 645—654. (Крестьянское движение в Новгородской губ. в 20-х, 30-х и 40-х годах.)

207. **Слезскинский.** Бунт военных поселян в холеру 1831 г. „Историческ. Вестник". 1893, стр. 390—402. (Новгородская губ.)

208. **Слезскинский.** Бунт военных поселян в холеру 1831 г. (По неизданным конфирмациям). Опыт тщательной и детальной разработки того материала, который послужил для статьи, напечатанной в журнале „Историч. Вестник" под тем же заглавием.

209. **Слезскинский.** „Народная война в Смоленской губ. в 1812 г." „Русск. Архив", 1901 г., № 5, стр. 5—26. (Сведения о волнениях помещичьих и экономических крестьян в Смоленской и Московской губ.)

210. **Смесь.** „Колокол". 1859, № 54, стр. 446. (О волнениях помещичьих крестьян в Тульской губ. в 1857 г.)

211. **Соловьев.** „Манифест 19-го февраля в народном сознании". Сборник „Крепостное право в России и р форма 19-го февраля", стр. 349—363. (Настроение крестьян накануне реформы.)

212. **Спешанский.** „Письма к А. А. Столыпину". „Русский Архив". 1871, стр. 437. (О движении помещичьих крестьян в Саратовской губ. в 1818 г.)

213 **Справка** по делу о присоединении к православию крестьян Прибалтийских губерний. Чт в Общ Ист. и Др. Рос. 1865, кн. 3, „Смесь", стр. 144—172. (40-е годы.)

214. **Стороженко.** „Эпизод из истории малорусских крестьян". „Киевская Старина". 1888 год, № 6, стр. 75—78. (Волнения помещичьих крестьян в Херсонской губ. в 1815 г.)

215. **Таневское дело.** „Колокол". 1858 г., № 27, стр. 220—223. (Волнение крестьян с. Таневки, Пензенской г.)

216. **Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченого Кандыбы.** „Колокол". 1859 г., № 56, стр. 466. (Ходатайство Строганова об усилении наказаний для крестьян, посягающих на честь помещиков; по поводу дела Кандыбы.)

217. **Трефолев.** „Волнения Демидовских крестьян", „Русск. Арх." 1897, № 2, стр. 189—202. (Ярославская губ., 1815-1816.)

218 **Трубецкая.** „Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского". Т. I, кн. 2, стр. 190—192, 197. (Настроение помещичьих крестьян Рязанской губ. в 18 0 г).

219. **Уланов.** „Ход и исход крестьянской реформы". Сборник „Великая Реформа", изд. „Образование", стр. 107—108. (Настроение крестьянства перед реформой.)

220. **Ушаков.** Холерный бунт в Старой Руссе в 1831 г. „Русск. Старина". 1874 г., № 1, стр. 145—162.

221. **Чевакинский.** Рассказ о бунте военных поселян в округе короля прусского полка в июле м 1831 г. Сборник „Граф. Аракчеев и военные поселения", 1871, стр. 25—29. (Новг. губ.)

222. **Шафарук.** „Волынская бывальщина". „Киевская Старина". 1885 г., № 2, стр. 387. (О мнимых восстаниях крестьян против помещиков в Волынской губ. в 1812 г.)

223. **Шильдер.** Император Александр Первый, т. IV, стр. 34—38. (Волнения военных поселян в Новгородской г. в 1817 г.); стр. 167—170. (Бунт в Чугуевском военном поселении в 1819 г.).

224. **Шильдер.** Император Николай Первый, т. II, стр. 370—372. (Бунт военных поселян в Новгор. губ. в 1831 г.)

224 а) **Шиман.** (Schiemann) Geschichte Russlands inter Kaiser Nikolaus I. B III, стр. 149—153. (О холерных бунтах 1831 г. в Новгородской и Московской губ.)

224 б. **Шишкин.** Бунт ополчения в 1812 г. „Заря", 1879, № 8, стр. 112—151, (Пензенская губ.)

225. **Шишков.** „Записки", т. II, стр. 134. (Замятки о крестьянском движении в царствование Александра I.)

226. **Шнуровая книга обличений.** „Голоса из России", часть III, London, 1858 г., стр. 190—193. (Волнения помещичьих крестьян в Пензенской губ.)

227. **Штрайх.** „Из эпохи освобождения крестьян". „Русская Старина". 1911 г., № 2, стр. 410—413. (О массовом переселении крымских татар в Турцию в конце 50-х го ов.)

228. **Шульгин.** „Юго-Западный Край под управлением Д. Г. Бибикова". (1838—1853). „Древняя и Новая Россия". 1879 г., № 5, стр. 6—11; № 6, стр. 94—100. (Настроения среди казенных и помещичьих крестьян и крестьянские волнения в 30-х и 40-х г.г.).

229. **Щербина.** „Беглые и крепостные в Черномории". „Киевская Старина". 1683 г., № 6, стр. 233—248. (О побегах крепостных крестьян в Черноморье в конце XVIII в. и в первой половине XIX века.)

230. **Экономический и нравственный быт балтийских крестьян.** „Отечествен. Записки". 1867, т. 171, стр. 791—795. (Сведения о крестьянских волнениях в Прибалтийском крае в 1841 и 1845 г.)

231. **Юдин.** „Из Нижегородской старины". „Вольность перед волей". „Русский Архив". 1897 г., № 5, стр. 131—135. (Волнения помещичьих крестьян в Нижегородской губ. в 1860 г.)

232. **Ярош.** Доктор Иван Тимофеевич Богородский, один из жертв бунта военных поселян 1831 г. „Русск. Старина". 1886, № 3, стр. 581—586. (Новгородская губ.)

Е. Мороховец.

(Продолжение следует).

Положение рабочего класса.

(Указатель литературы на русском языке [1]).

II. Отдельные профессионально-производственные группы [2]).

I. Горнорабочие.

(Добыча угля, руд, торфа, нефти и соли).

Отдельные издания:

Авдаков. Доклад комиссии по вопросу об улучшении быта рабочих на каменноугольных копях южной России. Харьков. 1900.

Алибеков, И. Жилищные условия рабочих Черного города. Баку. 1905 г.

Баташев, П. Н. Правда о ленских событиях. [Имеются данные об условиях труда на приисках]. Москва. Изд. П. Н. Баташева. 1913. 216 стр. Ц. 2 р.

Бенкендорф, А. М. О мерах к улучшению жилищ служащих и рабочих на бакинских нефтяных промыслах. Доклад XIII съезду нефтепромышленников в Баку. Баку. 1899. 45 стр.

Бертенсон, Л. Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. СПБ. 1897. 69 стр.

Бертенсон, Л. О гигиене подводных и подземных работ. СПБ. 1909.

Быч, Л. Л. и Илюшкин, П. Ф. К вопросу об устройстве рабочих поселков в бакинском промысловом районе. Баку. 1915. 21 стр.

Бартминский, В. Е. К вопросу о жилищных условиях горнорабочих Донецкаго района. (Впечатления от осмотра рудничных поселков Варваропольского рудника). Екатеринослав. 1910. 14 стр. Ц. 75 к.

Верещинский, Л. Рабочий-шахтер в Донецком бассейне. Спб. 1893. 18 стр. Ц. 50 к.

Вырубов, А. О гигиенической обстановке и некоторых болезнях приискового населения в Восточной Сибири. Москва. 1876. 112 стр.

Записки Совета съездов горнопромышленников Уральской области по рабочему вопросу на Урале. СПБ. 1906. 24 стр.

Измаильская, О. Рабочие нефтяного дела. (Отт из „Известий Моск. Коммерческого Института"). Москва. 1913. 14 стр.

Кеппен, А. П. Материалы для истории горного дела на юге России. VI. К истории рабочего вопроса в Донецком бассейне. Харьков 1910.

Кеппен, А. О различных видах неспособности к труду рабочих, занятых в горной промышленности. Статистич. исследование. СПБ. 1899. 141 стр.

Колодуб, Е. Труд и жизнь горнорабочих на Грушевских антрацитных рудниках. Изд. 2-е. Москва. 1906. 127+XIII стр. Ц 50 к.

Коленский, А. В. Несчастные случаи при горных работах и борьба с ними. Выпуск 1-й. СПБ. 1905. 32 стр.

Колычев, А. Рабочие на приисках Сибири. Томская Горная область. СПБ. Изд. т ва „Северное Эхо". 1904. 166 стр. Ц. 1 руб.

Конев, Ф. Несчастные случаи с рабочими Витимского и Олекминского горных округов в 1909, 1910 и 1911 г.г.

Конради, Е. Черные богатыри. Жизнь рудокопов под землей. СПБ. 5-е изд. Ф. Павленкова. 1907. VIII+213 стр. Ц. 1 руб.

---

[1]) См. книгу 3-ю „Вестника Соц. Академии".

[2]) В настоящий раздел указателя включается также литература о санитарно-технических условиях труда, заболеваемости и смертности, жилищных условиях и травматизме отдельных групп рабочих, ввиду того, что соответствующие отделы подготовляемого к печати отдельным изданием библиографического указателя по охране труда на страницах „Вестника Соц. Академии" помещены не будут.

С. К.

Коренев, Е. Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. Диссертация на степень д-ра медицины. СПБ. 1903. 256+4 стр.

Крутовский, В. М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих. Красноярск. 1892.

Ларин, Юрий. Рабочие нефтяного дела. (Их быт и движение 1903 г.—1908 г.) Москва. Изд. Скирмунта. 1909. 78 стр. Ц. 60 к.

Латкин, Н. В. Очерк золотых промыслов Енисейского Округа. 1869.

Либерман, Л. В угольном царстве. Очерки условий труда и развития промышленности в Донецком бассейне. ПГР. Изд. „Сотрудничество". 1918. 132 стр.

Лященко, И. Углекоп Донецкого бассейна. Краткая объяснительная записка к экспонатам Всерос. Гигиенической Выставки Санитарного Бюро Екатеринославск. губ. Земск. Управы. Екатеринослав. 1913. 39 стр.

Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения в продовольственном отношении. Пермь. 1900 г.

Мамонтов, В. В. Несчастные случаи с рабочими в горной промышленности Урала; их значение и расходы, вызываемые ими. Екатеринбург. 1904. 88 стр.

Мейбаум, Р. И. Очерк быта торфработников на Шатурских государственных разработках. Москва. 1922. 55 стр. (Шуторф, Научно-Экспериментальный Торфяной Инст тут.)

Мерхалев, Д. Рабочие Ленских золотопромышленных приисков. (Районы выхода, возрастный состав, грамотность). Оттиск из 44 т. (1915 г.) „Известий Восточно-Сибирск. Отд. Импер. Русск. Географ. О-ва"

Мехмандаров, В. А. Заболеваемость рабочих на юге России. Статистическое исследование в связи с условиями жизни и труда рабочих. Екатеринослав. 1906.

На новом пути. Материалы по регулированию труда и заработной платы в горной промышленности. Под редакц. И. Резникова. Москва. Изд. Ц. К. Всер. Союза Горнорабочих. 1922. 50 стр. Ц. 450.000 р.

Невский, А. Ленск е события и их причины. [Имеются сведения об экономическом и бытовом положении рабочих на приисках.] СПБ. 1912. 112 стр. Ц. 60 к.

Невский, В. А. Доля шахтера. СПБ. Изд. „Прибой". 1914. 23 стр. Ц. 5 к.

Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. (1907—1910 г.г.) Баку. 1913. 111 стр. (Статистич. Бюро совета съездов нефтепромышленников.)

Никольский, Д. П. Обзор работ о несчастных случаях на горных заводах, промыслах, рудниках и копях. 1899. Ц. 40 к.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на горных работах Богословского Округа. Отд. отт. из „Вестника обществ. гигиены, судебной и практической медицины". 1895.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на горнозаводских работах. Извлеч. из „Журнала Русского Общества Охранения Народного Здравия" за 1899 г. СПБ. 1899. 21 стр.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на нефтяных промыслах. Отд. отт. из журнала „Общественно-Санитарное Обозрение". СПБ. 1897. 8 стр. Ц. 15 к.

Никольский, Д. П. О травматических повреждениях рабочих на горных заводах и промыслах. Отд. оттиск из журн. „Врач". 1893.

Никольский, Д. П. Санитарно-гигиенические условия жизни рабочих на Уральских платиновых промыслах. 1900.

Окиншевич, А. И. К вопросу об увечности и ранимости рабочих на бакинских нефтяных промыслах. Баку. Изд. Бакинского Отделения Имп. Русского Технического О-ва и О-ва врачей г. Баку. Баку. 1912. 74 стр.

Отчет Балаханской промысловой больницы совета съездов бакинских нефте-промышленников. Составлен. врачами больницы за 1905 г. Части 1 и 2. Баку. 1906.

Отчет Сабунчинской (Балаханской) больницы и амбулатории совета съездов бакинских нефтепромышленников за 1912 год. Баку. 1914. 357 стр.

Отчет Черногородской больницы и амбулатории совета съездов нефтепромышленников за 1911—12 год. Баку. 1914. 349 стр.

Отчеты Горного Департамента за 1891—1908 годы. [Имеются данные о положении рабочих и несчастных случаях с ними на горных заводах, рудниках, копях и промыслах.] СПБ 1892—1910.

Петров, П. Рабочие бакинского нефтепромышленного района. Тифлис. Изд. Луппова. 1911. 53 стр. Ц. 40 к.

Плетнев, В. Лена. Очерк истории ленских со ытий. [Имеются данные об условиях труда и жизни на ленских приисках.] Москва. Изд. Всероссийского Пролеткульта. 1923. 103 стр.

Ростовцев, Г. И. Болезненность населения бакинских нефтяных промыслов. По данным обращаемости населения в лечебницы в 1909 и 1910 г г. Баку. 1913. IV + 218 + 71 стр.

Ростовцев, Г. И. Исследование жилищ рабочих бакинских нефтяных промыслов в санитарном отношении. Вып. I-й. Биби Эйбатская промысловая площадь. Баку. Изд. совета съездов бакинских нефтепромышленников 1915. 141 + 195 стр. табл. + 25 стр. Ц. 3 р.; Вып. II-й. Старая Промысловая площадь. Баку. 1916. 851 стр. Ц. 5 р.

Рубакин, Н. Среди шахтеров. СПБ. 1906.

Семевский, В. И. Рабочие на сибирских золотых приисках. Историческое исследование. Т. I-й. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. LXXXIV + 577 стр. Т. II-й. Положение рабочих после 1870 г. СПБ. Изд. М. И. Сибирякова. 1898. Т. II. V + 914 стр. Ц. 2 х томов 6 руб.

Скочинский, А. А. Травматизм при горных работах. 1915.

Статистика несчастных случаев в горной и горнозаводской промышленности южной России. Харьков. 1901. 22 стр. (Статистич. бюро совета съездов горнопромышленников юга России № 62.)

Статистика несчастных случаев в горнозаводской промышленности южной России. Харьков. 1903. 23 стр. (Статистич. бюро совета съездов горнопром. юга России № 186).

Статистика несчастных случаев в горной и горнозаводской промышленности южной России за 1903 год и за I-е полугодие 1904 года. Харьков. 1905. 48 стр. (Статистич. бюро совета съездов Горнопромышл. Юга России. № 241).

Статистика несчастных случаев с рабочими горнозаводской промышленности южной России за 1906, 1905, 1904 г.г. Составл. под редакцией Н. Ф. фон-Дитмара. Харьков. 1908. XXX + 59 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Статистическое бюро совета съездов горнопромышл. юга России. № 319).

Статистика несчастных случаев в предприятиях горной и горнозаводской промышленности, подчиненных горному надзору, за 1907. СПБ. 1913.

Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горно-заводской промышленности южной России за 1908—1904 г.г. Под ред. Н. Ф. фон-Дитмара. Харьков. 1910. LVIII + 93 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Статистич. бюро совета съездов горнопромышлен. юга России № 370)

Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности за 1908—1909 г.г. Харьков. Изд. Совета съездов горнопромышлен. юга России. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

St.-I, А. Несчастные случаи с рабочими в нефтяной промышленности. (1907—1910 г.г.) Баку. 1912. 19 стр.

Стопани, А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку. Изд. комиссии по вопросам пром. гигиены при Общ. врачей г. Баку. 1916. XXVII + 118 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Техническое и статистическое исследование несчастных случаев на горных и горнозаводских предприятиях. Вып. I, за время с 1880—1900 г.г. СПБ. Изд. комиссии проф. Тиме при Горном Ученом Комитете. 1916.

Тюшевский, А. К истории забастовки и расстрела на ленских приисках. [Имеются данные об условиях жизни и труда на приисках.] Минск. Изд. „Вперед". 1923. 80 стр.

Условия быта служащих и рабочих на промыслах, заводах, складах и судах товарищества бр. Нобель. СПБ. 1913.

Фейнберг, Л. Б. Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. (По данным анкеты Профессион. О-ва рабочих механического производства г. Баку и его районов). Баку. 1913. 139 стр. Ц. 75 к.

Хлопин, Г. В. Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении. Отчет по командировке. Пгр. 1916.

Шор, Р. Н. Шахтеры. Спб. Изд. „Новый мир." 1906. 31 стр. Ц. 7 к.

Штоф, А. А. Доклад Комиссии, образованной по распоряжению М-ва Земледелия и Государств. Имуществ для исследования положения горнорабочих. Харьков. 1900.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Айзенберг, Л. Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от крепостной зависимости). „Архив истории труда в России", вып. ученой комиссией по исследованию истории труда в России. Пгр. 1922. Кн. 3.

Айзенберг, Л. Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 4-я.

Айзенберг, Л. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. „Архив истории труда в России". Пгр. 1923. Кн. 6—7.

Алексеев, А. И. Санитарные условия быта рабочих на золотых промыслах Кийской системы Мариинского уезда Томской губ. „Журнал Русского Общества Охранения Народного Здравия". 1900. № 1 (Рефераты).

Англия. Положение углекопов. „Горнорабочий", орг. Ц. К. Всеросс. Союза горнорабочих. Москва. 1922. № 7—8.

Андо, Хонитаро, делег. Японии [в Профинтерне]. Япония. Положение промышленности и горнорабочих. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 20.

Ан-ский, С. А. Очерк каменноугольной промышленности края России. [II. Попытки углепромышленников образовать в Донецком бассейне оседлое рабочее население. IV. Влияние каменноугольной промышленности на жизнь местного крестьянского населения. V. Одна особенность шахтерского труда]. „Русское Богатство". 1892. № 1—2.

Антипов. О горном законодательстве Англии и взгляды на положение там горнорабочего класса. „Горный Журнал". 1861. № 2.

Аргунов, П. Таежная трагедия. (Из быта рабочих золотых промыслов). „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 4 (Заметки архивистов.)

Багуцкий, Э. Ф. Положение горнорабочих в Донецком бассейне. „Юридический Вестник". 1890. № 11.

Бейлин, М. Артельная кабала. [Рабочие артели на золотых приисках). „Северный Вестник" 1898. № 1.

Белоусов, М. Д. Несчастные случаи с рабочими в Пермском Горном Округе. „Известия Общества Горных Инженеров". 1892. № 4.

Бенкендорф, А. М. О мерах к улучшению жилищ служащих и рабочих на бакинских нефтяных промыслах. „Труды 13 съезда нефтепромышленников в Баку". Баку. 1899.

Бертенсон, Л. Бакинские нефтяные промыслы в санитарно-врачебном отношении. „Горный Журнал". 1897. № 8.

Бертенсон, Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Замосковных и Средне-Волжских Округов. „Горный Журнал". 1895. №№ 4, 19—20.

Бертенсон, Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. „Горный Журнал". 1892. № 2.

Бертенсон, Л. Санитарно-врачебное дело на горных промыслах Царства Польского. „Горный Журнал". 1893 №№ 10—11.

Бертенсон, Л. Сифилис и венерические болезни среди рабочих горных заводов и промыслов. „Труды съезда по обсуждению мер против сифилиса в России". Том. 1-й. СПБ. 1897.

Блек, А. Рабочие на Ленских золотых приисках. „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 4 и 5.

Богатырев, Д. А. Материалы по быту, заболеваемости и травматизму торфяников. „Гигиена и Санитария". 1910. № 15.

Болезненность населения бакинских нефтяных промыслов. „Промышленность и Торговля". 1912. Т. 9.

Брандт, Б. Из поездки в Баку. [Имеются сведения об условиях жизни и труда рабочих на нефтяных промыслах]. „Вестник Европы". 1900. № 9.

Брусницын, Ф. О несчастных случаях на копях первого округа Привислинского края. „Горный Журнал". 1886 № 12; 1887. №№ 1 и 6.

Бульчев, Н. Горнорабочий вопрос на юге России. „Горный Журнал" 1884. № 10.

Бутенев, К. Таблица несчастных случаев при горном производстве в Саксонии с 1825 по 1831 год включительно. „Горный Журнал". 1833, ч. 3, кн. 9. (Смесь.)

Бутенев, К. Таблица несчастных случаев при горном производстве в Саксонии с 1832—1833 г. г. „Горный Журнал" 1835. Кн. 5. (Смесь.)

Вартминский, В. Е. К вопросу о жилищных условиях горнорабочих Донецкого района. „Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ." 1919. № 7—9.

Взрывы газа в каменноугольных рудниках. „Горно-заводский Листок". 1909 №№ 140—142.

Взрывы газов в австрийских каменноугольных копях в 1905 г. Пер. И. И. Шостковского. „Горный Журнал". 1907. № 6. (Смесь.)

В Кизеловском районе. [Сведения об условиях труда в копях]. „Забойщик". Екатеринбург. 1922. № 3. (По горнякским районам)

Воткин, А. В каменноугольных шахтах. „Неделя". 1876. №№ 51 и 52.

В рудниках и шахтах. „Объединение". Москва. 1915. № 11.

Генлов, П. Из Австрии. (Положение моравo-силезских углекопов.) „Начало". 1899. № 3.

Гессен, Ю. Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках. „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 5.

[Гибель 1500 рабочих во время взрыва в каменноугольных шахтах „Куррьер" в Сев. Франции]. „Русский Врач". 1906. № 9. (Хроника и мелкие известия.)

Гликман, С. Сдаточные (вольные) квартиры рабочих на новой нефтеносной площади бакинского промысловаго района в санитарном отношении. „Общественный Врач". 1915. № 7—8.

Глушков, И. К вопросу о несчастных случаях на бакинских нефтяных промыслах. „Нефтяное Дело". 1905. №№ 12, 18—19.

Горнорабочее население в разных странах. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1913. № 40.

Горнорабочее население всего мира. „Горнозаводское дело". 1913. № 30.

Горнорабочие Амурской Области. (Извлечение из отчета горного инженера Тепнана). „Вестник Финансов, Промышлен. и Торговли". 1909. № 33.

Дейвис, С. О. (делегат Южно-Уэльских горнорабочих на 2-м Конгрессе Профинтерна). Положение английских углекопов. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 20.

Д., И. Из предварительных итогов обследования рабочих бюджетов Донбасса. „Вестник Профдвижения Украины". Харьков. 1922. № 2.

Дмитриевский, К. Ф. Санитарные условия быта рабочих на золотых промыслах Кийской системы Мариинского уезда. „Вестник золотопромышленности и горного дела вообще". Томск. 1899. №№ 13 и 15.

Дондаров, П. М. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. „Труды XI Пироговскаго съезда" Том II. Соб. 1911. (Подсекция фабрично-заводской медицины.)

Дондаров, П. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. „Труды комиссии по вопросам промышленной гигиены при обществе врачей в г. Баку" Баку. 1910.

Дубинская, И. Материальные условия жизни рабочих Донбасса летом 1922 года. „Материалы по статистике труда на Украине". Изд. Южбюро ВЦСПС. Харьков. 1922. Вып. 3.

Дубинский, Б. А. Меры к улучшению природных условий жизни рабочих поселков нефтяного промыслового Эмбинского района. „Нефтяное и Сланцевое Хозяйство". Пгр. 1921. № 9—12.

Дюкло, Э. Социальная гигиена. 1904. Глава 4-я. Болезни рудокопов.

Егоров, Н. К положению промышленности и рабочих на Урале. „Мысль" Москва. 1911. № 5.

Егоров, Н Реформы 19-го февраля 1861 г. и современное положение горнозаводского населения Урала. „Просвещение". Спб. 1912. № 3—4.

Емельянов, П. П. Золотопромышленность и рабочий вопрос в Сибири. „Русский Вестник". 1899. № 11.

Жилища рабочих в Юзовке. „Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практич. медицины". 1910. № 4. (Хроника.)

Жилища рабочих на рудниках Донецкаго района. „Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практической Медицины". 1914. № 2. (Хроника.)

Жилищное строительство в Донбассе. „Доклад Центрального Правления каменноугольной промышленности о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за первое полугодие 1921 г.". Бахмут. 1921.

Жилищные условия жизни рабочего населения в Баку. „Известия Московской Городской Думы". 1905. Вып. 11—13.

Заболеваемость германских горнорабочих в 1912 году. „Вестник Фи-

нансов Промышленности и Торговли". 1914. № 2.

Заболевания горнорабочих Рурского бассейна в 1911 году. „Горно-заводское Дело". 1913. № 1—2.

Зайцев, Д. Письма из провинции. Положение рабочих на золотых приисках Приморской области. „Образование". 1905. № 3.

Заседание комиссии по рабочему вопросу в подмосковной каменноугольной промышленности. „Труды совещания по подмосковному углю и торфу, созв. в Москве на 20—22 ноября 1915 г. моск. уполномоч. председателя особого совещания по топливу". Москва, 1915.

Зинченко, Н. Письма из провинции. (Луганск. Как живут рабочие в каменноугольных рудниках). „Новое Слово" 1896. № 7.

Иванов, С. К. Условия труда и жизни рабочих на соляных рудниках Бахмутского уезда; организация медицинской помощи на них. „Труды I Всерос. Съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности". Т. II. Москва. 1910.

Иванович, Ст. Рабочая драма и рабочий вопрос. (Катастрофы в рудниках. Юзовская катастрофа.) „Образование". 1908. № 7.

Измаильская, О. Рабочие нефтяного дела. „Известия Московск. Коммерческ. Института". (Экономич. Отдел.) Москва. 1913. № 1.

Иосс, Н. [О несчастных случаях на каменноугольных копях Царства Польскаго]. „Горный Журнал" 1886. Декабрь.

Истомин, В. К. К вопросу о безопасном ведении работ на бакинских нефтяных промыслах. [Обработка официальных данных по вопросу о несчастных происшествиях с людьми при производстве промысловых работ.] „Труды Бакинского Отделения Имп. Русского Технического Общества". 1895. Вып. 1 и 2.

К. Влияние атмосферных условий в рудниках на горнорабочих. „Горнозаводское Дело". 1911. № 31.

К. Несчастные случаи в горной промышленности и их причины. „Горнозаводское Дело". 1911. № 46.

К. Несчастные случаи на угольных копях главнейших государств за десятилетие 1901—1910 г.г. и в 1911 г. „Горнозаводское Дело". 1914. № 10.

К., А. Как живут горнорабочие Англии? (Из доклада члена Бюро Профинтерна тов. Воткинса). „Горнорабочий". Москва. 1922. № 1—2.

К., А. Несчастные случаи на горных разработках Франции в 1906 г. „Горнозаводский Листок". 1908. № 67.

К., А. Несчастные случаи на рудниках, копях и каменоломнях в Великобритании в 1909 г. „Горно-заводское Дело". 1910. № 40.

Кавалеров, И. Н. О положении больных женщин—членов семейств горнорабочих на рудниках, заводах и других промышленных предприятиях, расположенных в районах Бахмутского уезда. „Труды IX Пироговского съезда". Том IV. Спб. 1905.

Кавалеров, И. Н. Производство каменноугольных брикетов в санитарном отношении. „Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практической медицины". 1913. № 10.

Кавалеров, И. Н. Производство каменноугольных брикетов в санитарном отношении „Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ." 1913. № 7—8.

Как живет шахтер юзовского района. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 14—15.

Каменноугольные копи в санит. отношении. „Горный Журнал". 1883. № 11.

Каменных, П. Труд горнорабочего. „Забойщик"—орг. Уралбюро ЦКВСГ. Екатеринбург. 1922. № 1.

[Канторович, В. С.] О состоянии лечебного дела и санитарно-гигиенического положения на копях Подмосковного бассейна. „Горнорабочий". г. Скопин, Рязанск. губ. 1920. № 2.

Канцель. Материалы к статистике несчастных случаев на промыслах Балахано-Сабунчинского района. Нефтяное Дело". 1900. № 5.

Канцель. Материалы к статистике повреждений на промыслах и заводах Балахано-Сабунчинского района за 1900 г. „Нефтяное Дело". 1902. № 4.

Канцель и Крылов. Материалы к статистике повреждений Балахано-Сабунчинского района за 1901 и 1902 годы. „Нефтяное Дело". 1904. № 2.

Карпинский, Л. А. О современном положении золотопромышленности на Олекминских приисках. (Служащие. Рабочие). „Известия Сибирского Отделения Географического Общества". Иркутск. 1886. Т. 17. № 3—4.

Катин-Ярцев, В. Н. Санитарный очерк торфяного производства. „Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практической медицины". 1909. №№ 1 и 2.

Квартирное довольствие рабочих и служащих в бакинской нефтяной промышленности. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1913. № 33.

Кеппен, А. Несчастные случаи в рудниках Великобритании. „Горный Журнал". 1897. № 7.

Каппен, А. О несчастных случаях на рудниках и заводах первого горного округа Царства Польскаго. „Горный Журнал". 1886. № 11—12 и 1887. № 1.

Кеппен, А. О различных видах неспособности к труду рабочих, занятых в горной промышленности. Статистическое исследование. „Горный Журнал". 1899. Прилож. к № 7—8.

Кеппен, А. Смертельные несчастные случаи в горных разработках по месту их происхождения и по причинам, их вызвавшим. „Горно-Заводский Листок". 1904. №№ 35—38, 40—41, 43, 48, 51—52 и 1905. №№ 1—2, 8 и 14.

Кеппен, А. Смертельные случаи в копях, рудниках и каменоломнях разных стран. „Горно-Заводский Листок". 1899. № 2.

К., И. Число несчастных случаев на каменноугольных копях Сев. Америки. „Горно-Заводский Листок". 1901. № 7.

Киржнер, Д. Жизнь и быт криндачевского шахтера. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 16—17. (Жизнь районов).

Киржнер, Д. Несчастные случаи с рабочими в каменноугольной и соляной промышленности Донбасса в октябре и ноябре 1921 г. „Донецкий Шахтер". Харьков. 1922. № 3 (7).

К., М. Санитарное состояние копей Урала и Сибири. (По данным комиссии СТО). „Горнорабочий". Москва. 1922. № 3—4. (На местах.)

Коженков. О несчастных происшествиях с рабочими людьми на горнозаводских работах 3-го Западно-Екатеринбургского Округа с 1-го июля 1886 года по 1-е января 1892 года. „Известия Общества Горных Инженеров". 1893. № 4.

[Койранский]. Медико-санитарное обследование Подмосковного угольного бассейна. (Из работ комиссии Всерос. Центр. Совета Проф. Союзов.) „Горнорабочий". Скопин, Рязан. губ. 1919. № 1—2.

Коленский, П. Несчастные случаи при горных работах и борьба с ними. „Горный Журнал". 1905. № 4.

Колодуб, Е. Положении горнорабочих горных антрацитовых промыслов в области войска Донского. „Горнозаводский Листок". 1905. № 10—11.

[Кольцов]. Нефть, уголь и рабочий вопрос. „Социал-Демократ". 1905 № 16.

Колычев, А. Жилища и продовольствие рабочих на золотых приисках в Томской горной области „Промышленность и Здоровье". 1903. № 8.

Конторович, Н. Л. К вопросу о жилищных условиях горнорабочих на каменноугольных шахтах в связи с общими санитарными условия рабочих колоний в Донецком бассейне; их влияние на здоровье шахтера и их значение в распространении эпидемических заболеваний в условиях военного времени. (Положения доклада.) „Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. (Петроград, 14—18 апреля 1916 г.) Москва, 1917.

Корженевский, О. В. О заболеваниях рабочих нефтяных промыслов. „Врач". 1887. № 17.

Кочинев, К. Отчет об увечьях за 1903 год на Биби-Эйбате. „Нефтяное Дело". 1905. №№ 5, 14—15.

Кочинев, К. А. Отчет об увечьях, смертных от повреждений случаях и повреждениях глаз за 1904-й год на Биби-Эйбате. „Нефтяное Дело". 1906. № 9.

Кошкарев, И. Материальное положение и быт горнорабочих. „Горняки IV Съезду Союзов. (Сборник статей и материалов)". Москва. Изд. Центральн. Комитета Всероссис. Союза Горнорабочих. 1921.

Крутовский, В. М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих. „Отчет Общества Енисейских врачей". 1891—92 г.

К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.) „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 2. (Заметки архивистов.)

К статистике несчастных случаев с рабочими в копях. „Вестник общественной гигиены, судебной и практич. медецины". 1890. № 11. (Хроника).

Кузнецов, А. П. Некоторые данные к вопросам о количестве выработки, о времени рабочего дня, о пищевом довольствии и об улучшении быта рабочих на золотых промыслах. „От-

чет Общества Енисейских врачей" 1891—92 г.

Кулебякин, Н. И. Травматические повреждения в Уральской горной промышленности. „Труды X-го съезда врачей и представителей земств Пермской губ." (20—29 мая 1910 года). Часть 2-я, выпуск 2. Пермь. 1910.

Л., А. О несчастных случаях на горных предприятиях юга России в 1903—1906 г.г. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1908. № 1.

Лазарев, В. Взрывы газа на рудниках Бельгии с 1891 г. по 1909 г. „Горно-Заводское Дело". 1911. № 1.

Лапшин, А. Жилища рабочих Каменского и Орловского рудников Алексеевского горно-промышленного общества. „Врачебно санитарная хроника Екатеринославской губ." 1911. № 1.

Левкович, М. О состоянии Анжерско-Судженского каменноугольного района за 1921 г. [Есть о жилищном вопросе] „Сибирский Горнорабочий". Ново-Николаевск. 1921. № 1.

Л., И. Положение английских углекопов. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 18—19.

Либерман, А. А. Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены". 1905. № 1.

Лиссер, И. Л. Горнорабочие на железных рудниках Криворожского района. „Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова". 1907. № 8.

Лопатин, А. Заметки о положении рабочих на Енисейских золотых промыслах. „Известия Сибирского Отделения Имп. Русского Географического Общества". Иркутск. 1871. Т. 2-й, вып. 4.

Лузан, Ф. Горнорабочие китайцы. „Горнозаводское Дело". 1915. № 32—33.

Лященко, И. И. К вопросу о жилищах рабочих на рудниках Донецкого бассейна. „Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ." 1912. № 8.

Лященко, И. И. К вопросу о жилищах рабочих на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна. „Общественный Врач". 1911. № 9

Лященко, И. И. О санитарном состоянии жилищ горнорабочих Донецкого бассейна. „Труды III-го губернского съезда земских врачей и представителей земских учреждений Екатеринославской губ. 20—29 марта 1914 г." Т. 4. Екатеринослав. 1914.

Лященко, И. Условия труда на рудниках Донецкого бассейна. „Общественный Врач". 1914. №№ 2 и 3.

Малахов, М. На золотом прииске. „Исторический Вестник". 1880. № 8.

Марголин, Л. Положение труда на торфяных работах. „Гигиена Труда". Москва. 1923. № 1—2.

М., Е. На рудниках Донецкого бассейна. „Общественный Врач". 1912. № 2.

Медный рудник. [Условия работы, жилища.] „Неделя". 1874. № 11.

Меньшиков, Е. С. Рабочий вопрос в торфяном деле. (Доклад). „Труды совещания по подмосковному углю и торфу, созв. в Москве на 20—22 ноября 1915 г. моск. уполномоченным председателя особого совещания по топливу". Москва. 1915.

Мерхалев, Д. Рабочие ленских золотопромышленных приисков. (Районы выхода, возрастной состав и грамотность.) Сравнительно-статистический очерк по данным 1912 года. „Известия Восточно-Сибирского Отдела Имп. Русского Географического Общества". Т. XLIV—Иркутск. 1915.

Мехмандаров, В. А. Заболеваемость горнорабочих на юге России. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены". 1905. №№ 2 и 3.

Миленов, А., секретарь болгарского союза горнорабочих. Болгарские горняки. „Горнорабочий". Москва. 1922. № 20.

М—ов, Д. Как живет английский работник. (Записки немецкого рудокопа Эрнста Дюккерсгофа.) „Мир Божий". 1900. № 4.

Н. Десятилетняя давность. (К поселковому вопросу.) „Гудок". Балаханы. 1907. № 8.

Н. Несчастные случаи с рабочими на горнозаводских работах. „Мир Божий" 1892. Сентябрь. (Из русской жизни.)

Н. Статистика несчастных случаев в горных и горнозаводских предприятиях юга России за 1904 и 1908 г.г. „Горно-Заводский Листок". 1909. № 146—148 (декабрь).

Н. Что нужно сделать, чтобы у нас были поселки? „Гудок". Балаханы. 1907. № 9.

Навяжский, Г. В ожидании холеры. (Санитарное состояние горнозаводских предприятий в Славяносербском уезде, Екатеринославской губ. „Врачебная Газета". 1908. № 38.

На торфяных работах. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине". Под ред. А. Ф. Никитина. Вып. 1-й. Харьков. 1923.

Несчастные случаи. „Горно-Заводское Дело". 1913. Т. II. №№ 27—28.

Несчастные случаи в английских рудниках в 1863 году. „Горный Журнал". 1864. № 11. (Известия и смесь.)

Несчастные случаи в английских рудниках за два последние года. „Горный Журнал". 1862. № 12. (Известия и смесь.)

Несчастные случаи в горной и горнозаводской промышленности юга России. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1908. № 1; 1909. №№ 7, 30, 31. 1910. № 1.

Несчастные случаи в Донецком бассейне в 1921 году. „Донбасс в 1921 г. Отчет Центрального Правления Каменноугольной промышленности Донецкого бассейна". Бахмут.

Несчастные случаи в каменноугольной промышленности царства Польского. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1908. № 35.

Несчастные случаи в каменноугольных копях Северо-Американских Соединенных Штатов. „Горно-Заводское Дело". 1910. № 18—19.

Несчастные случаи в районе Горного Правления Южной России в 1891 году. „Горно-Заводский Листок". 1891. № 22; 1892. №№ 1, 4, 9 и 21. То же, за 1893 год. „Горно-Заводский Листок". 1894. №№ 2—3. То же за 1894 год. „Горнозаводский Листок." 1895. №№ 14 16, 17 и 19.

Несчастные случаи на горных промыслах за 1906 г. в Германии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1907. № 44.

Несчастные случаи на промыслах за 1897 и 1898 г.г. „Труды 14 съезда бакинских нефтепромышленников". 1900.

Несчастные случаи на рудниках, копях и каменоломнях Франции за 1908 год. „Горно-Заводское Дело". 1910. № 22—23.

Несчастные случаи на угольных копях главнейших государств за последнее десятилетие. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1914. № 20.

Несчастные случаи с горнорабочими в Донецком бассейне. „Промышленность и Торговля". 1908. № 5.

Несчастные случаи со смертным исходом на рудниках Дортмундского главного горного управления в 1912 г. „Горно-Заводское Дело". 1913. №№ 44—45.

Несчастные случаи с рабочими в горной промышленности. [По данным горного департамента за 1906 год.] „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1910. № 36.

Несчастные случаи с рабочими на нефтяных промыслах в 1900 г. „Горнозаводский Листок". 1901. № 21.

Несчастные случаи с рабочими на Урале. „Уральское Горное Обозрение". 1898. №№ 42—43.

Несчастные случаи среди рабочих бакинской нефтяной промышленности. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли". 1911. № 7; 1912. № 29 1914. № 3.

Никольский, Д. П. Жилые помещения для рабочих на Уральских золотых приисках и рудниках. „Журнал Русского Общества Охранения Народного Здравия". 1892. № 5.

Никольский, Д. П. Еще к вопросу о борьбе с сифилисом среди горнозаводских рабочих. „Врачебная газета". 1904. № 34.

Никольский, Д. П. 1. К вопросу о борьбе с сифилисом среди горнозаводских рабочих. „Врачебная Газета". 1904. №№ 6—7.

Никольский, Д. П. К вопросу о влиянии горнозаводских работ на происхождение крупозной пневмонии у рабочих. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины". 1895. № 8.

Никольский, Д. П. К вопросу о несчастных случаях с рабочими на горных заводах и в частности в Кыштымском у. Пермской губ. „Записки Уральского Медицинского Общества". 1891. Т. I.

Никольский, Д. П. К вопросу о несчастных случаях с рабочими на горных заводах и в частности Кыштымском уезде Пермской губ. „Санитарное Дело". 1891. №№ 17, 21.

Никольский, Д. П. К вопросу о несчастных случаях с рабочими на горных заводах и рудниках в Пермской губ. „Санитарное Дело". 1893. № 5—6.

Никольский, Д. П. К характеристике горнозаводского дела на Урале в санитарном отношении. „Промышленность и Здоровье". 1902. № 2.

Никольский, Д. П. Обзор работ о несчастных случаях с рабочими на горных заводах, промыслах, рудниках

и копях. „Медицинская Беседа“. 1899. №№ 22 и 24; 1904. № 9.

Никольский, Д. П. Обзор работ о несчастных случаях с рабочими на горных заводах, промыслах, рудниках и копях за 2 года. „Медицинское Обозрение“. 1904. № 9.

Никольский, Д. П. О врачебно-санитарных условиях разведочных работ. „Русский Врач“. 1903. № 42.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на горнозаводских работах Богословского округа. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1896. № 12.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на нефтяных промыслах. „Общественно-Санитарное Обозрение“. 1897. №№ 4, 5.

Никольский, Д. П. О несчастных случаях с рабочими на нефтяных промыслах. „Врачебная Газета“. 1902. №№ 33—34.

Никольский, Д. П. О травматических повреждениях рабочих на горных заводах и промыслах. „Врач“. 1892. № 33; 1893. №№ 28, 30.

Никольский, Д. П. Травматизм в горнозаводской промышленности. „Практический Врач“. 1908. № 35.

Н., П. Рассказы о сибирских золотых приисках. „Отечественные Записки“. 1847. Т. 52—55; 1848. Т. 56.

Об Астраханском соляном промысле. „Русский Мир“. 1880. № 51.

Обзор Бакинской нефтяной промышленности за два года национализации. 1920—1922 г.г. [Игр. 1922.] Гл. 9В; „Жилищные нужды“.

Окиншевич, А. И. К вопросу об увечности и ранимости на бакинских нефтяных промыслах. „Труды Бакинского Отделения Имп. Русск. Технического Общества“. 1913. № 5—6.

Оленев, Г. О продовольствии мастеровых на Уральских казенных горных заводах. Прилож. № 15 к книге В. П. Безобразова: „Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов“. Спб. 1869. (Труды Комиссии, высоч. утвержд. для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 5.)

[**О несчастных** случаях в английских каменноугольных копях вследствие воспламенения горного воздуха.], „Горный Журнал“. 1834. Кн. 3. (Смесь.)

О несчастных случаях в Петроковской губ. (в каменноугольных копях и на фабриках в Домброве.) „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1889. № 12. (Хроника.)

О несчастных случаях на горных и горнозаводских предприятиях юга России за 1910 и 1911 г.г. „Горно-Заводское Дело“. 1912. № 13.

О санитарном состоянии Побединских копей. „Горнорабочий“. Скопин, Рязанск. губ. 1919. № 1—2.

О санитарных условиях золотопромысловых работ в Якутской губернии. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1891. № 12. (Хроника.)

О санитарных условиях рабочих на нефтяных промыслах. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1889. № 4. (Хроника.)

[**О тяжелом** положении рабочих на приисках южно-енисейской тайги.] „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 6. (Хроника.)

Павлов, М. Санитарное состояние железных рудников Криворожского горнопромышленного района. „Горнозаводское Дело“. 1911. № 46.

Пажитнов, К. Горная промышленность Соединенных Штатов и положение рабочих в ней. „Новый Экономист“. 1914. № 14.

Пажитнов, К. Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве. „Архив истории труда в России“. Пгр. 1922. кн. 4.

Пажитнов, К. Положение рабочих на приисках в Сибири. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1909. № 27.

Пальчинский, П. Жилища для рабочих на рудниках Донецкого бассейна. „Горный Журнал“. 1906. № 9.

Пальчинский, П. Статистика Центрального Комитета углепромышленников Франции по добыче, потреблению, ценам на каменный уголь и количеству убитых в рудниках. „Горно-Заводский Листок“. 1908. № 77.

П., Д. Рабочий вопрос в горной и горнозаводской промышленности. „Промышленность и Торговля“. Спб. 1917. № 14—15.

Пепеляев, П. На платине. [Положение рабочих платиновых приисков в 1922 г.] „Забойщик“. Екатеринбург. 1922. № 3.

Петросьян, Л. А. Жилищные условия рабочих на крестьянских каменноугольных шахтах. „Врачебное Дело“. Харьков. 1920. № 6.

П—н, Гр. О рабочем классе в ближней тайге. „Русское Слово“. 1861. № 6. (Из очерков Сибири.)

Погосская, А. Две недели среди шотландских рудокопов. „Северный Вестник“. 1889. №№ 11, 12.

Покровский, П. Как живет донецкий шахтер. „Русское Богатство“. 1913. № 12.

Положение золотопромышленных рабочих на Урале. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1913. № 51.

Положение рабочих на приисках Сибири. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1909. № 27.

Положение рабочих угольных копей и каменоломень Великобритании в 1911 г. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1912. № 42.

Положение северо-американских углекопов. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1914. № 52.

Положение труда в бакинской нефтяной промышленности. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1908. № 6.

Пономарев, М. Несчастные случаи при горных и горнозаводских работах в России в 1885 г. „Врач“. 1888. № 27.

Попов. Горнозаводский Урал. II. Рабочее население Урала. „Отечественные Записки“. 1874. Т. 217. № 12.

Попов, Р. Мраморные работники. „Неделя“. 1873. № 51.

Попов, Р. С. Контрачные. [Из жизни рабочих на горных заводах]. „Неделя“. 1871. № 8.

Попов, Р. и М. Я. Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале. „Сборник Пермского Земства“. 1874. № 1 и 1876. № 4—6.

Попович, Д. А. Золотые промыслы в Южно-Енисейском Округе. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 4.

Португалов, В. Каторжный труд. [Уральские рудники.] „Неделя“. 1870. № 32.

[**Предотвращение** притеснений рабочего класса на частных золотых промыслах Восточной Сибири]. „Русское Слово“ 1861. № 11. (Современная летопись.)

Преображенский, П. И. К вопросу о положении горнозаводского населения Урала. „Известия Общества Горных Инженеров“. Спб. 1901. № 2.

Преображенский, П. И. Некоторые данные о положении рабочих на рудниках Кривого Рога. „Известия Общества Горных Инженеров“. Спб. 1900. № 4.

Приисковые рабочие. „Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона“. Т. 25, кн. 49. Спб. 1898.

Процентное вычисление несчастий, случившихся в рудниках различных стран. „Горный Журнал“. 1861. № 1. (Известия и смесь.)

Рабочая Россия. Урал. (Из отчетов инструкторов Н. К. Т..) „Статистика Труда“. Изд. Народ. Комис. Труда. Москва. 1918. № 6—7.

Рабочие в горной промышленности во Франции. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1910. № 51.

Рабочие в горных предприятиях Великобритании за 1909 г. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1911. № 10.

Рабочие и несчастные случаи с ними в горной промышленности Великобритании за 1912 г. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1913. № 38.

Рабочие каменноугольных шахт. „Рабочая Мысль“. Орг. Спб. К-та Р.С.-Д.Р.П. 1901. № 12.

Рабочие на золотых приисках Урала. „Вестник золотопромышленности и горного дела вообще“. 1904. № 12.

Рабочие на нефтяных промыслах. „Горный Журнал“. 1889. № 11—12.

Рабочий на золотых промыслах. „Северный Вестник“. 1886. № 12. (Из провинциальной печати.)

Рабочий труд на рудниках и каменоломнях в 1907 г. в Соед. Королевстве. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1908. № 29.

Р—н, Л. К статистике несчастных случаев в каменноугольных предприятиях Юга России. „Горно-Заводский Листок“. 1909. № 96—97 (август).

Ругевич, К. Ф. История вопроса о рабочих поселках. „Труды 18-го съезда бакинских нефтепромышленников“. Т. 1. 1903.

Рума. Исследование Рудянских рудников и рабочих на них. „Сборник Пермского Земства“. 1881. Кн. 4.

Русов, С. Донецкие углекопы. „Вестник Европы“. 1888. № 6.

Рысс, П. Углекопы [в России]. „Русское Богатство“. 1907. № 4.

S. Болезненность населения Бакинских нефтяных промыслов. „Нефтяное Дело“. 1912. № 11.

Санитарное состояние Подмосковного бассейна. „Горнорабочий“. Москва. 1922. № 1—2 (на местах).

Санитарные условия жилых помещений для рабочих на золотых приисках Кунгурского уезда Пермской губ. „Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины.“ 1892. № 3. (Хроника.)

Санитарные условия рабочих на северных золотых приисках Сибири. „Вестник общественной гигиены, судебн. и практич. медиц.“. 1890. № 3. (Хроника.)

Санитарные условия горнорабочих Донецкого каменноугольного бассейна. „Вестник обществен. гигиены, суд. и практ. мед.“. 1889. № 8. (Хроника.)

Свидерский, А. На золото-платиновых приисках. Н.-Тагильского района. (Из материалов инспекции труда.) „Рабочий Журнал“. Екатеринбург. 1923. № 2.

Семевский, В. Горнозаводские крестьяне на Урале в 1860—1864 г.г. „Вестник Европы“. 1877. Январь—Февраль.

Семевский, В. Из истории обязательного горного труда. (Мастеровые и ссыльно-каторжные в нерчинских золотых промыслах с начала 30-х г.г. до 1851 г.) „Русское Богатство“. 1897. № 1.

Семевский, В. На сибирских золотых промыслах. „Вестник Европы“. 1896. № 6.

Семевский, В. И Очерки из истории быта рабочих на сибирских золотых промыслах. „Русское Богатство“. 1892. № 12; 1893. №№ 1—2.

Семевский, В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах в 50-х г.г. „Русская Мысль“. 1893. №№ 10—12.

Семевский, В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах в 60-х г.г. „Русская Мысль“. 1894. Кн. 10—11—12.

Сергеевич, И. На шахтах Донецкого бассейна. „Металлист“ Спб. 1912. № 13.

Сигов, С. Изменение численности и состава горнозаводских рабочих Урала в 1920—1921 г.г. „На Новых Путях“. Екатеринбург. 1922. № 7.

Скворцов, И. П. Горнозаводская промышленность. „Вестник общественной гигиены, суд. и практ. медиц.“. 1886. №№ 1—2.

Скибиевский, А. И. Санитарное положение рабочих на торфяном производстве в Богородском уезде. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1894. № 11.

Смертность горнорабочих в Трансваале. „Вестник Финансов, Пром. и Торг.“. 1907. № 32.

Смертность рудокопов. „Юридический Вестник“. 1884. № 11.

Смертные случаи от воспламенения газов в рудокопных. „Журнал Мануфактур и Торговли“. 1835. № 5.

Смирнов, Б. А. О санитарной обстановке жилищ рабочих, занятых в нефтяной промышленности. „Труды 1-го Всероссийского Съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности“ Т. 1. Москва. 1910.

Смирнов, Е. Иностранное обозрение. Стачка 220.000 углекопов в Рурском бассейне. Стачка углекопов в Бельгии. [Положение углекопов до стачки] „Правда“. Москва. 1905. № 2.

С., Н. Несчастные случаи в горных и горнозаводских предприятиях Юга России „Нефтяное Дело“. 1908. № 4.

Собботка, Густав. Порабощение германского горнопромышленного пролетариата. „Горнорабочий“. Москва. 1923. № 2.

Соловьев, Д. А. О заболеваемости на заводах и промыслах Пермской губ. „Труды X Съезда врачей и представителей земства Пермской губ.“ (20—29 мая 1910 г.). Ч. 2, в. 2. Пермь. 1910.

Среди чехо-словацких углекопов. Положение горнорабочих в Бельгии и др. „Горнорабочий“ М 1922. № 18—19.

St., A. Несчастные случаи с рабочими у т-ва бр. Нобель и в нефтяной промышленности вообще. „Нефтяное Дело“. 1913. № 2.

Старцев, Г. Е. Рабочие и служащие на нефтяных промыслах и заводах. „Нефтяное Дело“ 1909. №№ 5—6.

Статистика несчастных случаев в каменноугольных копях Европы. „Горный Журнал“. 1866. № 2. (Известия и смесь.)

Статистика несчастных случаев на горных и горнозаводских предприятиях Юга России в 1904—1906 г.г. „Горно-Заводский Листок“. 1907. № 93.

Статистика несчастных случаев на горных и горнозаводских предприятиях Юга России в 1904, 1905, 1906 и 1907 г.г. „Горно-Заводский Листок“. 1909. № 11.

Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности южной России. „Нефтяное Дело“. 1909. № 8.

Статистика смертности в каменноугольных копях Великобритании. „Горный Журнал“. 1865. № 8 (Известия и смесь.)

St., I. A. Несчастные случаи с рабочими в нефтяной промышленности. „Нефтяное Дело“. 1912. № 5—6.

Стопневич, А. В. Положение рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы. „Вестник фабричн. законодательства и профессиональной гигиены“. 1905. № 4.

Стопневич, А. Рабочие на золотых приисках в России. „Жизнь и Социализм“. Спб. 1906. № 3.

Страшные цифры. [Некоторые статистические данные о несчастных случаях на горных и горнозаводских предприятиях Юга России.] Реферат. „Журнал Общества русских врачей в пам. Н. И. Пирогова“. 1908. № 1.

Сурожский, П. Край угля и железа. [Донецкий бассейн.] „Современник“ 1913. № 4.

С шахт и заводов южного горнозаводского района. [Условия труда]. „Красное Знамя“. Изд. Союза русск. соц.-демократов. 1903. № 3.

Сырохватов. О пожарах в Лисиченских каменноугольных копях. „Горный Журнал“. 1835. № 4. (Горное дело.)

Таблица несчастных случаев от взрыва гремучего газа на каменноугольных копях в районе Юго-Восточного горного управления. „Горный Журнал“. 1909. № 8.

Тиме, И. Несчастные случаи с рабочими на горных заводах и в рудниках. „Горно-Заводский Листок“. 1898. № 21.

Тимкин, Г. Про нашу горняцкую жизнь. „Забойщик“. Екатеринбург. 1922. № 3. (С мест.)

Тихонравов, К. Алебастровые копи во Владимирской губ. „Журнал Министерства Внутренних Дел“. 1856. Март—Апрель.

Тумский, К. Нефтяная промышленность в санитарном отношении. „Промышл. и Здоровье“. 1903. № 7.

Увечья и несчастные случаи в горной промышленности. „Сибирский Рабочий“. Иркутск. 1919. № 8. (Рабочая жизнь.)

Условия жизни рабочих и влияние этих условий на работоспособность. „Горно-Заводское Дело“. 1910. № 11.

[Условия жизни рабочих на рудниках близ Екатеринбурга.] „Русский Врач“. 1908. № 12. (Мелкие заметки).

Условия труда бакинских рабочих. „Вестник Финансов, Промышл. и Торговли“. 1910. № 18.

Условия труда и охрана его в каменоломнях. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 1. (Сообщения из области проф. гигиены.)

Участившиеся случаи заболеваемости и инвалидности среди горнорабочих в Германии. „Вестник Финансов, Промышл. и Торговли“. 1908. № 29.

Ф., Д. Инвалидность горных рабочих и распыление во влажном воздухе. *Л. Ашера.* (Из физиологического института в Кенигсберге.) „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины“. 1908. № 9. (Рефераты по гигиене.)

Фенин, А. Несколько слов о положении рабочих на каменноугольных рудниках Юга России „Известия Общества Горных Инженеров“. 1896. № 2.

Фиалковский, В. И. Жилищные условия горнорабочих Донецкого района и организация санитарного надзора. „Труды X губ. съезда земских врачей и представителей земских учрежд. Екатериносл. губ. 4—13 марта 1910 г.“ Т. 2. Екатеринослав. 1911.

Финкельштейн, Б. К. [Об опасности, с которой сопряжена обработка разных золотоносных руд.) „Врач“. 1900. № 6. (Из текущей печати.)

Фомин, П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. Т I-й. История горной и горнозаводской промышленности Юга России со времени возникновения до восьмидесятых годов прошлого века. Харьков. 1915. Гл. III. Рабочие на каменноугольных и антрацитовых предприятиях Донецкого бассейна.

Франция. Несчастные случаи с рабочими, занятыми в рудниках и копях. «Вестник Финансов, Пром. и Торг.“. 1910. № 42.

Френкель, Л. М. Об условиях работы на каменоломнях. (Санитарно-бытовой очерк.) „Практический Врач“. 1904. №№ 43 и 45.

Хлопин, Г. В. Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении. „Горный Журнал“. 1916. №№ 4—8.

Хорошевский, В. Несчастные случаи на каменноугольных копях Царства Польского за последние шесть лет, т.-е. с 1874 по 1879 г. включительно. „Горный журнал". 1880. № 3. Тоже за 1880—1881 г.г. „Горн. Журн.". 1882. №№ 7—8.

Черемухин, Н. М. Как живут и питаются рабочие Рыковских копей в поселке Юзовке. „Врачебно-санитар. хроника Екатеринославской губ.". 1910. № 1.

[Число ежегодно гибнущих углекопов.] „Врач". 1890. № 47. (Хроника и мелкие известия.)

Ш., А. В соляной шахте. „Неделя". 1874. № 18.

Шапошников, И. М. Торфяники Московской губ. [Заболеваемость]. „Сведения о заразных болезнях и врач.-санит. организац. Моск. губ." 1910. № 11.

Швеция. Несчастные случаи в горной промышленности в 1906 г. „Вестник Финансов, Пром. и Тор." 1908. № 39.

Шебалов, А. Материалы для истории рабочих на горных заводах. „Архив истории труда в России". Пгр. 1922. Кн. 1-я.

Шебалов, А. Справка о частных горных заводах. „Архив истории труда в России". 1923. Кн. 4 (Заметки архивистов.)

Шмербер. Катастрофы и несчастные случаи в рудниках. (Пер. А. И. Сахарова.) „Записки Екатериносл. Отд. Имп. Русск. Технич. Общества". 1906. № 6—8.

Шор, Р. Н. Заболеваемость и несчастные случаи среди рабочих каменноугольных рудников. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины". 1906. № 1.

Ш[ор], Р. Крестьянские шахты и работа в них. (Санитарно-экономический очерк.) „Русская Мысль". 1904. № 1.

Шор, Р. Н. Медико-санитарные условия работ в каменноугольных рудниках. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины". 1904. № 3.

Ш[ор], Р. Н. Санитарный очерк работ на соляных копях и промыслах. „Русская Мысль". 1906. № 19

Шостковский, И. И. Статистика несчастных случаев в рудниках. „Горный Журнал". 1907. № 1 (Смесь.)

Шутяков, П. О. Стачка углекопов в бассейне реки Рур. [Причины стачки, связь ее с организацией углепромышленного дела и с положением рабочих.] „Вестник фабричного законодательства и проф. гигиены". 1905. № 3—4.

Э., В. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности за 1907—1910 г.г. „Промышленность и Торговля". 1913. № 17.

Ядринцев, Н. В мире гномов и циклопов. [Описание Алтайского серебряного рудника, рудничных рабочих.] „Неделя". 1880. № 51.

Яковлев, Р. Н. Рабочие Нелеповского каменноугольного рудника. „Медицинский журнал д-ра Окса". 1905. № 6.

Яковлев, Н. Н. Рабочие каменноугольной, железо- и сталеделательной промышленности в Европе и Америке. (Составлено по Гульду.) „Известия Общества Горных Инженеров". 1894. № 4.

(Продолжение следует.)

С. Каплун.

Обзор иностранной периодики, поступающей в Социалистическую Академию.

В этой книжке нашего «Вестника» мы начинаем ряд библиографических заметок, которые будем систематически продолжать, внимательно следя за заграничной периодической литературой и время от времени помещая возможно полный обзор периодики для нашей научной работы.

Содержание.

I. Социализм.
- а) Основные проблемы марксизма (общие методологические, социологические, историко-философские вопросы).
- б) Экономические вопросы.
- в) История (рабочее движение).

II. Буржуазная идеология.
- а) Философия (теория познания, история философии).
- б) Социология.
- в) История (историческая наука).
- г) Литература.

III. Вопросы хозяйственной жизни.
(Банковское дело, торговля, тарифы и пр.).

I. Социализм.

а) Основные проблемы марксизма.

Leichter, Otto: Marxistische Staatstheorie. «Der Kampf». Sozialdemokratische Monatschrift, 1923. April—Mai, Jhg. XVI, H. 4—5.

Теоретики социал-демократов принуждены все более заниматься марксистской теорией государства, впервые набросанной т. Лениным. После большой книги Кунова: «Die Marxsche Geschichts, Gesellschafts und Staatstheorie», теперь появилось сочинение Макса Адлера под заглавием: «Die Staatsauffassung des Marxismus». Проявленные в этой теории основные противоречия и существенные уклонения от конкретной исторической позиции, занятой социал-демократией по отношению к капиталистическому государству, были полностью вскрыты тов. Lukacs в его рецензии, помещенной в третьей книге «Вестника Соц. Академии».—Венская социал-демократическая марксистская школа занимает ту же теоретическую позицию, и потому понятно само собою, что статья Отто Лейхтера, напечатанная в «Kampf'e», официальном органе названной школы, есть не более, чем воспроизведение противоречий и уклонений, заключающихся в книге Адлера.

б) Экономические вопросы.

Gerloff, Wilhelm: Steuerwirtschaft und Sozialismus. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Hrsg. Dr. C. Grünberg, Jhg. 10, H. 2 und 3, Leipzig, C. L. Hirschfeld, S. 271—328.

Установив, что «современные публичные организмы с финансово-хозяйственной стороны характеризуются тем, что являются налоговыми хозяйствами», автор рассматривает свой предмет исторически и приходит к тому заключительному выводу, что, подобно тому, как налоговая система убила домашнее хозяйство и способствовала преобразованию хозяйства, работающего по заказу, в хозяйство, производящее на рынок, так и налоговое хозяйство будет способствовать формулированию общественного хозяйства.

Neurath, Otto: Geld und Sozialismus. «Der Kampf». Sozialdemokratische Monatschrift. Wien, 1923, April—Mai, Jhg XVI, H. 4—5. S. 145—157.

В 11 номере XV года выпуска журнала «Der Kampf», в заметке, озаглавленной Reichsgilden, автор рецензировал книгу Cole'я: Selbstverwaltung in der Industrie. В своей рецензии он упрекал теорию Коля, главным образом, в том, что она сохраняет существование современного денежного хозяйства. Чтобы усилить свои возражения, он систематически излагает в настоящей статье точку зрения социализма на денежную систему. Опираясь на цитаты, заимствованные из «Критики политической экономии», «Капитала» и проч. и из «Анти-Дюринга», автор оспаривает, будто в организованном обществе свободно ассоциированных производителей вообще нельзя говорить о денежной реформе, и утверждает, что вместе с товарообменом денежное обращение должно быть автоматически устранено. Вероятно, на первых порах подобные деньгам эквиваленты будут еще играть известную роль в балансах производств, как остатки побежденного капиталистического строя, пока технические спецы выработают нужные методы для составления производственных балансов. Редакция обещает напечатать возражение Елены Бауер.

в) История (Рабочее движение).

Среди «оригинальных сообщений» архива Грюнберга (год X, выпуски 2-й и 3) Макс Неттлау приводит «Лондонские дискуссии немецких коммунистов», относящиеся к 1845 году. Этот документ, вместе с доставленными Грюнбергом оригинальными сообщениями, появившимися и отдельною книгой под заглавием: «Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Jahren 1847—1848 (Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik», Neue Folge H 5, 1921), дает полную картину истории происхождения «Коммунистического манифеста» и почти всех жизненных проявлений «Союза Коммунистов» за время 1845 до 1847 годов, имеющих такое решающее значение для истории развития марксизма.—Известный исторический интерес имеют и прочие документы: Воззвание Юлиуса Вальтейха в 1863 году, сообщение Е. Дран.—Донос Лассаля на самого себя, сообщение д-ра Г. Майера цитировавшееся уже письмо Моисея Гесса Бертхольду Ауербаху о молодом Марксе и письмо Энгельса Марксу, относящееся к 1877 году.

II. Буржуазная идеология.

а) Философия.

Knittermayer-Götte Gusta: «Zur Grundlegung einer transzendentalphilosophischen Methode». «Logos», Hrsg. R. Kroner und E. Mehlis. Bd. 11, Heft 3. S. 329—361. Tübingen, C. B. Mohr.

Трансцендентальная философия есть, по определению Канта, «система всех принципов чистого разума» («Критика чистого разума», стр. 45), «развитие понятий из самих себя». Это неокантианское направление (Наторп, Шнейдер, Эвальди и пр.) исследует «действия и правила чистого мышления, т.-е. того, помощью которого предметы познаются совершенно a priori». («Опыт метафизики нравов». Предисловие.) Или, как пишет автор: «Объектом трансцендентальной философии служит предмет вообще или система, как таковая». Он делает попытку к обоснованию трансцендентально-философского метода. Отграничивши философию мира, природы от философии нравов и искусства, он устанавливает возможность дифференцирования общего метода в трех направлениях и говорит: «Исходной точкой размышления может быть либо утверждение, либо принцип, либо система» Termini technici должны пониматься в кантовском смысле.

Rudniansky, S.: «Die Erkenntniss theorethischen Grundlagen des französischen Materialismus (отдел из труда «Die Stellung des französischen Materialismus in der Geschichte der Philosophie»). Archiw für Philosophie, Abt. I. Archiw für Geschichte der Philosophie. Hrsg. L. Stein. Berlin. L. Simon N. F. Bd 35. N. F. 28, Heft 1 und 2. S. 3—12.

Опираясь на цитаты из «De la nature» Робине, «Histoire naturelle de l'âme» де ла Метри, «Système de la nature» Гольбаха, «De l'esprit» Гельвеция и пр., автор пытался доказать: 1) что «действительно мотивированное, а не принятое лишь афористически воззрение» на вещи в себе можно найти у вышеназванных писателей, т.-е., что французский материализм столь же материалистичен, как кантовская философия, и 2) что точкою зрения французского материализма является познавательно-теоретический номинализм, а не метафизика. Затем автор проводит беглую параллель между «естественно-научным материализмом» второй половины XIX века и французским материализмом.

б) Социология.

SHer-Somlò Fritz, Dr.: «Die Lehre von der Gewalteinteilung und die neuen deutschen Verfassungen». «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Tübingen, 1923, Jhg. 77. H. 1 und 2, S 1—51.

Автор исследует новые общегерманские конституции и конституции отдельных стран на основе традиционного принципа Монтескье о разделении властей. Он утверждает, что опаснейшая ошибка новых германских конституций заключается в чрезмерном влиянии законодательной власти на исполнительную. По его мнению, политическое давление на судебную власть недопустимо. Свою статью он заканчивает следующим предупреждением: «В духе учения о разделении властей, разумно понятого и развитого в направлении основных его идей, необходимо устранить эту роковую ошибку помощью *выработки координации* властей, необходимо найти надлежащие тормозы для парламентского всевластия, уравновешивающие и координирующие силы между отдельными органами государственной власти в духе изложенных выше соображений».

Kelsen Hans: «Gott und Staat». «Logos». Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Hrgs. R. Kroner und G. Mehlis. Bd. II. Heft 3. S. 261—284. Tübingen. I. C. B. Mohr.

Автор устанавливает психологический параллелизм между религиозной и социальной проблемами. Как и в своей появившейся в 1922 г. книге: «Der Soziologische und der juristische Staatsbegriff», он исходит из формальной познавательно-критической точки зрения. Его точку зрения можно формулировать следующим образом: предпосылкою для истинной, свободной от всякой метафизики, науки о природе, данною лишь пантеизмом, было поглощение сверхъестественного понятия о боге. Точно так же, сведение средневекового надправового понятия государства к понятию права было непременной предпосылкой «для развития настоящей науки права, как очищенной от всякого естественного права науки положительного права».

Ermanski, I.: «Das Problem des Arbeitsrytmus». Aus der Zeitschrift: «Praktische Psychologie». Monatsschrift für die gesamte angewandte Psychologie für Berufsberatung und industrielle Psychotechnik. Hrsg. v. Dr. Moede und Dr. Pirkowski. S. 165—174. Hirzel Verlag.

Следуя утверждению Рутмана, что во всей современной культуре работы чувствуется «голод ритма», автор разбирает последовательно признаки рит-

мического движения. Он видит характерные его черты, во-первых, в легком автоматизировании движения и уже само по себе связанной с этим существенной экономии в затрате физической и психической энергии человека. Затем он затрагивает проблему равенства интервалов между отдельными актами ритмического движения. Заключительный результат его статьи гласит: «Ритм осуществляет основное условие рациональной организации труда».

Szende, Paul: «Verhüllung und Enthüllung. Der Kampf der Ideologien in der Geschichte.—«Archiw für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Hrsg. Dr. C. Grünberg, Jhrg. 10, H. 2 und 3, Leipzig, S. 185—270, C. L. Hirschfeld.

Выступающие в классовой борьбе две тенденции, «консервирующую» и «разрушительную», автор называет облачением и разоблачением, при чем подвергает себя риску совершенно затереть материальный, исполненный борьбы характер нарастающей тенденции и представить классовую борьбу лишь, как «борьбу идеологий». Затем он пытается исследовать «те идеологии, которые способны вызвать как активное, так и пассивное поведение масс», как абсолютивность, априорность и пр., особенно же «облачение» и «разоблачение». Конечный результат его статьи следующий: «Тот общественный строй, который большинство признает соответствующим истинным его интересам, выйдет всегда победоносным из борьбы».—Эта статья служит ярким примером буржуазного, поверхностного «научного» журнализма. В его руках исторический материализм не есть живой исторический метод исследования действительности, а лишь сборное место для частью непонятых, частью полупонятых пустозвонных категорий понятий.

Schmitt-Dorotic, Carl: «Die Diktatur von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf». München, 1921, Duncker und Humblot, Referat von Dr. Beyer in der «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft». Hrsg. v. Dr. K. Bücher, Jhrg. 77, 1922—1923. Heft 1 und 2.

Как автор, так и рецензент доискиваются разных истинно-буржуазных правовых понятий. Таково, например, натянутое выяснение различия между суверенной и комиссарской диктатурами. Комиссарскую диктатуру они характеризуют тем, что она отменяет конституцию, чтобы ее защитить, а суверенную диктатуру усматривают там, где устраняется весь существующий порядок. Затем следует длинное рассуждение о том, является ли «комиссарский диктатор» ординарным чиновником или лишь «публичною личностью». Рецензент дает о книге самый лестный отзыв, к которому мы отнюдь не присоединяемся.

Renner Alfred, Dr: «Objectiwismus und Subjectiwismus in der Preistheorie. Eine Kritik der Wertlehre Oppenheimers». «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft» Tübingen, 1923. Jhg. 77. I—II.

в) История (историческая наука).

«Histoire de l'internationalisme», Par Ch. L. Lange. Bd. I: «Jusqu'à la paix de Westphalie» (Publications de l'institut Nobel Norvégien. Bd. 4. «Kristiania», 1919. Ein Referat von F. Hartung, aus der «Historische Zeitschrift». Hrsg. v. Fr. Meinecke un Fr. Vigener. Bd. 127. 3 Folge, Bd. 31. Heft 3. München u. Berlin, Verlag von R. Oldenbourg. S. 487—491.

Взгляд критика можно резюмировать словами: «общий результат книги скудный». Она не дает историю интернационализма до 1848 г. Критик ставит ей в упрек, что она оставила без внимания сочинение Cruce'a: «Nouveau Cynée». Однако он отдает должное большому прилежанию и обширным познаниям автора.

III. Экономические вопросы.

Die Entwicklung des internationalen Handels. «Wirtschaft und Statistik», 1923/2. April-Heft. S. 237.

Приложена статистика ввоза и вывоза важнейших стран.

Die Werte des deutschen Aussenhandels im Februar 1923. «Wirtschaft und Statistik». 1923/2. April-Heft. S. 236.

Стоимость всего ввоза на февраль месяц составляла 446,2 миллиона золотых марок, стоимость всего вывоза—360,6 миллионов золотых марок.

Die Lohnentwicklung in Oesterreich, Polen und Russland. «Wirtschaft und Statistik». 1923/2. April-Heft. S. 254.

Статистика. Заработная плата в Австрии понизилась, так как в Польше и России она повысилась.

Die Tariflöhne im März 1923. «Wirtschaft und Statistik». 1923/2. April-Heft. S. 251.

Статистика фабричной заработной платы в строительной, дерево- и металлообрабатывающей и текстильной промышленности Германии.

Niederländische Bank. Wochenanweise von Oktober bis Dezember 1922. «Die Bank». 1923. Mai. S. 335.

Статистика.

Die Ausländischen Banken im II-Halbjahr 1922. Fortsetzung «Die Bank». 1923, Mai S. 323-327.

Отчет о деятельности банков в Италии, Швейцарии, России, Бельгии и Люксембурге.

Bank von Frankreich. Wochenanweise im März 1922—1923. «Die Bank». 1923. Mai. S. 335.

Статистика.

Bank von England. Wochenanweise im März 1922—1923. «Die Bank». 1923, Mai. S. 335.

Статистика.

Der März 1923. «Die Bank» 1923. Mai. S. 289—307.

Отчет о мартовских событиях мирового хозяйства и политики.

Die deutschen Banken im März 1923. «Die Bank». 1923, Mai. S. 308—323.

Отчет о деятельности германских банков.

Bankamt beim Tschecho-Slowakischen Finanzmininstrium. Wochenanweise von Oktober bis Dezember 1922. «Die Bank». 1923. Mai. S. 336.

Статистика.

Bank in Finnland. Wochenanweise von April bis September 1922. «Die Bank». 1923. Mai. S. 336.

Статистика.

Кабинет внешних сношений Социалистической Академии.

Новые книги.

(Продолжение). [1])

Политика Европы до войны.

Cocks, F. S. E. D. Morel. The Man and his Work. London. Allen. 278 p.

Личность Е. Д. Морлея. Его борьба против колониального рабства и против войны.

Good, J. W. Irish Unionism, London. Fisher. 236 p.

Яркая картина борьбы ирландского унионизма с национализмом, закончившаяся поражением унионизма, в виду торжества в настоящий момент идеи самоопределения народностей.

Henry, R. M. The Evolution of Sinn Fein. London. Fisher. 284 p.

Ирландский национализм в XIX-м столетии. Sinn Fein в 1914—1916 г.г. Требования этой партии в настоящий момент: полная политическая, экономическая и культурная независимость Ирландии.

Kühn, Joachim. Historische und polemische Aufsätze zur französischen Politik. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 1920. 310 стр.

I. Чувство человечности во французской истории. II. Тайное посольство Б. В. Ефраима в Париж в 1790—91. III. Новые реликвии Тюильрийского штурма 1848 года. IV. Бисмарк и бонапартизм (зимою 1870—71). V. Германия, Франция и Европейский мир. Прибавление: Из последних годов жизни Фридриха - Вильгельма II.

Pribram, A. F. Die Politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879-1914. Wien. Braumüller 1920. 327 стр.

По актам Венского Государственного Архива Том I. Первый Договор Тройственного Союза от 20 мая 1882. Второй Договор Тройственного Союза от 20 февраля 1887. Третий Договор Тройственного Союза от 6 мая 1891. Четвертый Договор Тройственного Союза от 23 июня 1902. Пятый Договор Тройственного Союза от 5 декабря 1912.

Мировая война.

Ein Bekentnnis deutscher Schuld. Beiträge zur deutschen Kriegsführung. Herausg. v. W. Oehme. Berlin. Neues Vaterland. 1920. 88 стр. Бельгийские донесения. Лильский позор. Опустошения и зверства. Военнопленные.

Bouvard, commandant. Les leçons militaires de la guerre. Paris. Mossonet 317 p.

В своем этюде „Уроки войны", майор Бувар систематизирует опыт мировой войны в области военной техники как для военного времени, так и для подготовки страны к войне в мирное время.

Ferry, Abel. La guerre vue d'en bas et d'en haut. Paris. Grosset. 324 p.

Сборник речей, докладов и переписки члена военной комиссии Палаты Депутатов, А Ферри, делегированного на фронт, касающихся важнейших вопросов и эпизодов мировой войны, с момента наступления в Шампани в марте 1915 г. до прорыва французского фронта при Chemin des Dames 27 мая 1918 года.

Gascouin, général. L'évolution de l'artillerie pendant la guerre. Paris. Flammarion. 287 p.

Генерал Гаскуен рассматривает действия и роль артиллерии во время мировой войны. Книга богата цифровыми данными.

Mangin, général. Comment finit la guerre. Paris. Plon-Nourrit. 330 p.

Генерал Манжен разбирает военные операции 1914—18 г.г. на западном фронте, касаясь вкратце действий союзников и на других фронтах. Он излагает германские и французские планы войны и выясняет причины поражения немцев.

Maricourt, baron. Foche. Paris. Berger-Levrault. 237 p.

Характеристика маршала Фоша, в личности которого автор видит гармоничное соединение большого ума с твердой волей, благородством души и воспитанностью.

Nikolai, W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimung im Weltkrieg. Berlin. Mittler. 1920. 226 стр.

Часть I. Изложение: Разведочная служба высшего командования. Разведка Антанты и немецкая контр-разведка. Служба прессы. Патриотическое образование.

Часть II. Обсуждение: Отряд III B. Враг. Пресса. Правительство и партии. Высшее командование. Настроение народа.

Pierrefeu, Jean. G. Q. G. Sector 1. (Trois ans au Grand Quartier Général) Paris. Edition française illustrée. 242 p.

В своих воспоминаниях о трехлетнем пребывании в Штабе Верховного Главнокомандующего в качестве редактора оффициальных бюллетеней Жан Пьерфе описывает штаб с его тремя отделами (снабжения, операционным и осведомительным) и отдельные операции (кулисы боя при Вердене, трагическая авантюра генерала Невиля), а также дает характеристику главнокомандующих: Жоффра, Петена и Фоша.

Recouly, Raymond. La Bataille de Foche. Paris. Hachette. 186 p.

Автор, Р. Рекули, день за днем освещает деятельность маршала Фоша, со дня его назначения до победоносного окончания войны. В тексте две схематических карты: 1) Германское наступление март-июль 1918 г. и 2) наступление маршала Фоша июль-ноябрь 1918 г.

Политика Европы во время войны.

Andrassy, T. Graf. Diplomatie und Weltkrieg. Berlin. Ullstein. 348 S.

До войны. Война. Внутренний кризис и разложение армии. Октябрьская революция. Буржуазная республика. Советская республика.

Cook, E. The Press in war-time. London. Macmillan. 194 p.

Роль прессы во время войны. Случаи свободы и стеснения прессы. Организация бюро прессы. Принципы цензуры.

Delbrück, Hans. Kautsky und Harden. Berlin. Curtius. 47 стр.

Дельбрюк в своей брошюре горячо выступает против Каутского и Гардена, находя, что эти немецкие публицисты несут долю вины перед страной за тяжкие условия Версальского мира.

Die „Enthüllungen" des Prozesses Suchomlinow. Bern. 1920. Freie Verlag. 56 стр.

Автор книги „J'accuse".

„Разоблачения" процесса Сухомлинова. Бюро Вольфа и Сухомлиновский процесс. „Краткие телеграфные искажения" и другие „неточности" Вольфа.

Gerlach, H. (Herausgeber). Briefe und Telegramme Wilchelms II an Nikolaus II (1894—1914). Wien. Meyer. 238 S.

Письма Вильгельма II к Николаю II, помимо их документальной ценности, представляют богатый материал для характеристики Вильгельма II.

Телеграфная переписка заключает телеграммы обоих монархов.

Groener, W. Der Weltkrieg und seine Probleme. Berlin. Stilke. 111 S.

Задачи политики до и во время войны. Экономический кризис. Спасение автор видит в дружной работе всех наций.

Haldane, Viscount. Before the war. London. Cassel. 207 S.

Политика Англии по отношению к Германии до войны. Поведение Германии. Военная подготовка. В заключение автор указывает, что единственный путь для избежания войн есть полное воплощение в жизни идеи, создавшей Лигу Наций.

Handbuh der Politik. Zweiter Band. Der Weltkrieg. Berlin. Rotschild. 413 S.

Взаимоотношения держав до войны. Ведение войны. Экономическая война

[1]) См. «Вестн. Соц. Акад.» книга 2—3.

и экономическая оборона. Революция в Германии. Условия мира. Вопросы о мировом господстве после войны.

Helmolt, Hans F. Kautsky der Historiker. 1920. 119 стр. Charlottenburg Verlagsgesel. f. Politik.

Критическое исследование Зеленой книги Карла Каутского: „Как загорелась всемирная война?"

Kautsky, Karl. Delbrück und Wilhelm II. Berlin. Berger. 1920. 55 стр.

Добавление к книге о войне: Русско-сербский заговор. Мобилизация. Заметки Вильгельма II-го на полях документов. Поддержание мира в Европе. Внешняя политика будущего.

Lutz, H. Ein gerechter Engländer über die Schuld am Kriege. Berlin. Engelmann. 287 S.

Перевод с английского („Truth and the war" Е. Д. Море я) глав, трактующих о виновниках войны.

Menschliche Rechtfertigung Wilhelms II. Herausg. v. F. Freksa. München. Rösl. 1920. 74 стр.

По заметкам Вильгельма II на полях документов Министерства Иностр. Дел. „Потсдамский заговор". Каутский и Эйснер. Вопросы о виновности.

Montgelas, Max. Graf. Glossen zum Kautsky-Buch. Charlottenburg. Deutsche Verl. Gesel. f. Politik.

До войны. Ультиматум Сербии. Ультиматум в Петербург и в Париж. Поход в Бельгию. Доклад комиссии Антанты от 29 марта 1919 г.

Прибавление: Русско-французская военная конвенция 27 декабря 1893—4 января 1894.

Nekludoff, A. Diplomatic Reminiscences before and during the World War 1911—1917. Перевод с французского. London. Murray. 541 p.

Болгария и король Фердинанд. Отношения Болгарии к России и Сербии. Балканская война 1912 г. Бухарестский мир 1913 года. Швеция в 1914—15 г.г. Ее нейтралитет. Революция в России. Испания.

Niemeyer, Th. u. Strupp, K. (Herausg.). Die Völkerrechtlichen Urkunden des Weltkrieges. IV Band. München. Duncker. 326 S.

Международные документы мировой войны. Соединенные Штаты Америки. Подводная война. Мирные предложения 1916—1918.

Stuart, C Sir. Secrets of Crewe House. London. Hodder. 240 p.

История знаменитой кампании. Организация пропаганды. Пропаганда среди австрийской и германской армий. Операции против Болгарии. Пропаганда среди пленных. Необходимость совместных действий союзников в вопросе пропаганды. Пропаганда мира.

Wehberg, Hans. Wieder den Aufruf der 93! Berlin. 1920. 39 стр. Deutsche Verlagsgesel. für Politik.

Результат кругового опроса 93 ученых по поводу виновников войны. Статья „Против манифеста 93-х!" снабжена добавлением, состоящим из XV глав, в большинстве заключающих письма известных ученых и политических деятелей по поводу этого манифеста.

Wex, H. Die Urheber des Weltkrieges. Hannower. Helwing. 1920. 131 стр.

До войны. Дипломатические переговоры по цветным книгам. Австро-Венгрия, Россия, Германия, Англия, Франция.

Windischgraetz, L. Prinz. Vom Roten zum Schwarzen Prinzen. Berlin. Ullstein 458 S.

До войны. На фронте. В Военном Совете. Последние дни. В Швейцарии. Политические соображения о падении и возрождении Германии.

Политика Европы после войны.

Angel, Norman. Le Chaos Européen. Paris. Grasset. 1920. 143 стр.

(Перевел с английского Андрей Пьер). I часть. 1) Голод: наша ответственность и наши интересы. 2) Последствия договора. 3) Экономическая разобщенность Европы. 4) Что нужно делать? (Свод экономических законов для Лиги Наций и пр.).

Angel Norman. Der Friedensvertrag und das wirtschaftliche chaos in Europa. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 1920. 116 стр.

Перевод с английского А. дю Буа-Реймонда. В немецком переводе имеется часть, озаглавленная: „Зависимость Англии от устойчивости средней Европы", которой нет во французском переводе.

Autenrieth, Otto. Die drei kommenden Kriege, Naumburg. Tancré. 1920. 82 стр.

Столкновение Англии с ее братьями по Антанте. Возвышение Германии во время будущей смуты. (Военно-политическое предсказание.)

Brailsford, Henry. After the Peace. London. Parsons. 1920. 185 стр.

Может ли капитализм прокормить Европу? Запутанность политики. Концентрация сил. Эхо Мальтуса. Как будет реагировать Европа? Мандаты и Лига Наций. Заключение.

Burns, C. D. International Politics. London. Methuen. 189 p.

Часть I: политические, торговые и общекультурные сношения народов.

Часть II: Международная организация этих сношений.

Demangeon, A. Le Déclin de l'Europe. Paris. Payot. 314 p.

Слабость Европы. Финансовое могущество Соединенных Штатов Америки. Япония. Морские силы Соединенных Штатов и Японии. Сила индустрии. Рост территорий Японии и Соединенных Штатов. Европа и пробуждение народов Востока. Очаги смуты: Египет, Индия. Условия возрождения Франции.

The Mirrors of Downing street. London. Mills and Boon. 203 p.

Размышления о политике „джентльмена с метелкой". Анонимный автор дает яркую характеристику политических деятелей Англии: Ллойд-Джорджа, лордов Керзона и Фишера, мистера Асквита, лорда Нортклифа и др. В заключение автор говорит, что каждая нация имеет правителей, каких она заслуживает.

„The New Europe". Vol. XV. 15 April—8 July 1920. London. Eyre. 511 p.

Еженедельный журнал. Книга заключает статьи: Торговые сношения с Советской Россией. Германские выборы и впечатление, произведенное ими на Европу. Конституция Чехо-Словацкой республики. Современное положение Бельгии. Противоречивая политика Востока и другие.

Pinon René. La Reconstruction de l'Europe Politique. Paris. Perrin. 1920. 339 стр.

Мир народов через Лигу Наций. Свободный Рейн. Перестройка Восточной Европы. Перестройка Придунайской Европы. Ликвидация Оттоманской Империи. Наступление Азии.

Poincaré, Raymond. Histoire Politique Chronique de quinzaine (15 Mars—1-er Septembre 1920.) Quatriéme Edition. Paris. Plon. 1920. 286 p.

Выполнение Версальского договора. Сен-Жерменский договор. Союзники в Брюсселе и Спа. Ллойд-Джордж и Красин. Италия и Джиолитти. Америка и союзники. Вопрос о Константинополе. Права Франции на Востоке. Севрский договор. Необходимость разоружения Германии. Верхняя Силезия. Рурская область. Слишком много уступок Германии. Польша и ее природные враги.

Ruden, Ch. and Buxton, D. F The World after the War. London. Allen. 155 p.

Балканизация Европы. Новое политическое равновесие. Экономический упадок. Значение большевизма. Кого покарают боги? Под шквалом войны: международный социализм, новая религия.

Ruedorffer, J. S. Grundzüge der Weltpolitik in der Gegenwart. Berlin. Deutsche-Verlags-Anstalt. 1920. 323 стр.

Основные тенденции. Развитие национальной и космополитической тенденций. Взаимоотношения и методы. Исследование настоящего политического положения. (Лето 1920.)

Thomson, C. B. Old Europe's Suicide; London. Allen. 188 p., или «Нагромождение ошибок».

Обзор событий в Европе в период 1912—1919. Балканы. Парижская Конференция (1919).

Winter, G. und Rakowski, A. Mit Russland gegen Frankreich!

Вчерашние и завтрашние враги Германии и новые орудия ее борьбы: большевизм, несогласия победителей, „Священный" международный союз с его теоринями, игнорируемыми практикой. Взгляд на несколько лет вперед. Гибель Франции.

Кабинет экономики Социалистической Академии.

Новые книги:

I. Сочинения общего характера.

1) **Prof. Konrad.** Leitfaden zum Studium der politischen Oekonomie. I Theil. Nationalökonomie. 11-е издание, обработанное проф. Гессе. Iena. 1921. 137 стр.

Конспект политической экономии, с многочисленными указаниями источников, часто 1917—20 г.г. Данные об акционерных обществах, ценах, денежном обращении последних лет. Заключительный отдел—краткая история политической экономии.

2) **Prof. Konrad** Grundriss zum Studium der Politischen Oekonomie. II Theil. Volkswirtschaftspolitik. 8-е издание, обработанное проф. Гессе. Iena. 1920. 673 стр.

Экономическая политика государства по отношению к земледелию, ремеслу, индустрии, путям сообщения и т. д., с историческими справками вплоть до Египта и Греции. Четвертый отдел—промышленные рабочие (236—398 стр.). В восьмом издании расширены отделы о сел.-хоз. организациях, горном деле и общих основах торговли. Учтены изменения правовых отношений в связи с Версальским договором и новой германской конституцией. Пополнены статистические данные и указатели литературы. На стр. 656 приведены изменения в германском законодательстве во время печатания книги.

3) **Sieveking.** Grundriss der neueren Wirtschaftsgeschichte vom 17 Jahrhundert bis zur Gegenwart. 3-е издание. Berlin. 1921. 110 стр.

Меркантилизм, основы свободного менового хозяйства, развитие современного капитализма. Последняя глава—социализм и капитализм.

4) **Liefmann.** Grundsätze der Wolkswirtschaftslehre. I. Grundlagen der Wirtschaft. Второе, вновь обработанное издание. 1920. 703 стр. II. Grundlagen des Tanschverkehrs. 1919. 838 стр.

Осветить механизм современного обмена в его основах—задача двух колоссальных томов *психо-реалистической* или *психо-динамической* теории Лифмана. Ставя крест над всеми раньше существовавшими теориями, психо-динамическая или *психо-индивидуалистическая* теория Лифмана в конце концов приходит к выводу, что без выдающихся руководящих личностей всякое социальное целое ничего сделать не может.

5) **Meerwarth.** Einleitung in die Wirtschaftsstatistik. Iena. 1920. 329 стр.

Критическое изложение методов по статистике предприятий, профессий, производства, внешней торговли, цен, зараб. платы, рабочего рынка.

6) **Günther.** Sozialpolitik. I Theil. Theorie der Sozialpolitik. 1922. 476 стр.

Метод. Общество. Разделение труда. Производство. Потребление рабочей силы. Стоимость жизни. Зар. плата. Социальные группы и организации. Право, государство и социальная политика.

7) **Frenz.** Kritik des Taylor-Systems. (Zentralisierung. Taylors Erfolge. Praktische Durchführung des Taylor-Systems. Ausbildung des Nachwuchses). Berlin. 1920. 113 стр.

Централизация и организация. Децентрализация и мелкие предприятия. Человеческая энергия. Основные положения системы Тэйлора. Высшая производительность и нормальная производительность. Тэйлор и социальная политика. Практические применения в машиностроении. Подготовка инженеров. Выбор одаренных. Подготовка ремесленных учеников. Теоретическое образование.

8) **Business Statistics.** Edited dy Melvin T. Copeland. Cambridge. Harvard University Press. 1917. 696 стр.

66 статей различных авторов по вопросам деловой, частно-предпринимательской статистики („на которую лишь недавно направлено научное внимание"). В четвертом и пятом отделах статьи о фабричной статистике (напр., автоматическая квалификация рабочих, графический ежедневный баланс фабрики, методы определения издержек в хлопч.-бумаж. предприятиях) и о статистике для главного управляющего.

9) **Проф. С. Г. Лозинский.** История труда. Очерки по экономической истории. 2-е дополненное издание. Петербург, 1923. 214 стр.

Хозяйственной жизни первобытных народов, Греции, Рима и средневековья отведено 140 страниц, новому времени и социализму — 74 стр. Хозяйственная жизнь России в загоне.

10) **Мендельсон.** Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. 1923. 112 стр.

Основные направления теории стоимости в литературе на русском языке.

11) **Dr. Louise Sommer.** Die österreichische kameralisten in dogmengeschichtlicher Darstellung. I Theil. Wien. 1920. 119 стр.

Общая характеристика меркантильной системы. Типы меркантилизма—Франция, Англия, Голландия, Италия, Пруссия, Австрия. Австрийский меркантилизм в связи с нарождающимся учением о государстве и расцветающими естественными науками. Меркантилизм и современные естественные науки. Меркантильная система и философский рационализм. Меркантильная теория торгового баланса.

12) **Prof. Stolzmann.** Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft. 1920. 227 стр.

Границы хозяйственно-философской сферы. Социальное в метафизике и этике. Философия—ключ к социальному познанию. Индивидуум и общество. Естественные и социальные категории в народном хозяйстве. Социальные отношения силы. Собственность. Ее будущее. Проблема труда. Сущность капитала. Капитал и труд. Пути примирения.

II. Финансы.

1) **Mannstaedt.** Finanzbedarf und Wirtschaftsleben. Eine theoretische Betrachtung. Iena. 1922. 30 стр.

Теоретический очерк связи финансовых потребностей с общими условиями хозяйственной жизни.

2) **Schmidt (Essen).** Währungsfragen der Gegenwart. 27 небольших очерков по вопросам золотого обращения, инфляции и т. д. Несколько статей посвящено Кнаппу, Бендиксену, утопиям Сильвио Гезелля полемике с Бруно Моллем.

3) **Behnsen und Genzmer.** Die Folgen der Markentwertung. Leipzig. 1921. 127 стр.

Военное вознаграждение. Много победителей, мало побежденных. Хозяйственные потери Германии в итоге войны. Германский платежный баланс. Налоговая тяжесть и налоговая сила. Печатание денег. Европейский валютный кризис. Приложения: стоимость германских промышленных акций в золотых марках, дивиденды герман. промышленности в зол. марках.

4) **Elster.** Die deutsche Not im Lichte der Währungstheorie. Iena. 1921, 124 стр.

12 статей, между прочим: Германское денежное обращение в будущем. Интернациональная валютная политика. К проблеме мировых денег. „Делание денег". Германское народное богатство во время мировой войны.

5) **Gustav Cassel.** Das Geldproblem der Welt. *Erste* Denkschrift. III Auflage. 1922. 141 стр. *Zweite* Denkschrift. 1922. 64 стр.

Существенные черты положения денежного рынка. Предложение Delacroix об интернациональном банке. Военное вознаграждение. Борьба вокруг товаров. Социализм и национальный монополизм. Новая торговая политика и лига наций. Политика дефляции. Вопрос о золоте. Практические мероприятия. Интернациональные военные долги.

6) **Евзлин.** Деньги. Под редакцией и с предисловием проф. Боголепова. 2-е перер. издание. Петроград. 1923. 294 стр.

Металлическое обращение—денежные системы, монетные системы, монетный металл; кредитное обращение—общие понятия, банкноты и чеки, иностранные векселя и переводы. Теория происхождения и запасов золота в земной коре.

7) **Ottel.** Die Technik des wirtschaftlichen Verkehrs. Wien. 1922. 304 стр.

Книга — результат продолжительного чтения лекций по вопросам торговли в высшей технической школе в Вене. Подробное освещение торговых операций и приемов торговли. Кредитное обращение, банковое дело, организация рынка. Купеческая служба связи.

8) **Kix-Miller and Baar.** United States Income and War tax guide. Based on revenue law of 1921 and current regulations. 1921. 335 стр.

Подоходный налог в Соед. Штатах — нормальный и добавочный, обложение сверхприбыли. Определение чистого дохода. Налоги на капиталы и недвижимые имущества, штемпельные налоги, остальные военные налоги.

III. Мировое хозяйство, империализм, кризис.

1) **Варга.** Кризис мирового капиталистического хозяйства. Перевод со второго исправленного и дополненного немецкого издания. Н. Л. Мещерякова. 1923. 126 стр.

Изменения в мировом хозяйстве, вызванные войной. Высокая конъюнктура после войны. Современный хозяйственный кризис. Условия жизни рабочего со времени начала войны. Производительность труда со времени начала войны. Кризис в 1921. Симптомы улучшения. Тенденции и стремления к преодолению кризиса.

2) **Нулишер.** Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны и состояние его к началу 1923 года. С таблицами, диаграммами и картограммой. Петербург. 1923. 135 стр.

Расходы прежних войн и мировой войны. Долги прежде и теперь. Гибель людей. Земледелие. Сахар, кофе, чай и какао, хлопок и хлопчато-бумажная промышленность. Запасы и добыча жел. руды и каменного угля. Медь. Свинец. Нефть. Безработица. Внешняя торговля. Колебания валюты. Движение цен в 1914—22. Заработная плата.

3) **Берзин.** Мировая борьба за нефть. I. Москва. 1922. 125 стр.

Три причины мировой борьбы за нефть. Рост мировой добычи. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Иностранная и русская нефть в настоящее время. Задачи советской власти.

4) **Каутский.** К теории кризисов. 1923. 70 стр.

Сочинение было напечатано в виде серии статей в „Neue Zeit“ за 1902 г. Русский перевод 1907 г. стал библиографической редкостью. Содержание: Падение нормы прибыли. Объяснения кризисов недопотреблением. Теория кризисов Туган-Барановского. Изменение в характере кризисов.

5) **Pesl.** Das Dumping. Preisunterbietungen im Welthandel. 1921. 139 стр.

Вывозная политика картелей. Что такое демпинг? Итальянские экономисты о демпинге. Предпосылки демпинга. Валютный демпинг. Борьба против демпинга.

6) **Dettmar.** Die Beseitigung der Kohlennot. Berlin. 1920. 112 стр.

Положение с углем. Увеличение добычи топлива. Уменьшение потребления топлива. Широкое применение малоценных видов топлива. Транспорт. Значение электротехники.

7) **Shirras.** Indian finanse and banking. London. 1920. 535 стр.

Торговый баланс Индии. Поглощение золота и серебра. Индийская денежная система до и после войны. Исторический очерк индийского денежного обращения. Бумажное и золотое обращение. Индийская банковая система. Влияние войны на индийские банки.

8) **Bogart.** Economic history of the United States. III Ed. 1916. 597.

Колониальный период. Борьба за независимость — торговую и производственную. Промышленная революция и движение на запад. Экономическая интеграция и промышленная организация (1860—1912 г.г.). Много таблиц, иллюстраций и карт, при каждой главе библиографический указатель.

IV. Концентрация, коллективное начало в хозяйстве, социализм.

1) **Van Hise.** Concentration and control. A solution of the trust problem in the Un. States. New-York. 1921. 298 стр.

Причины, выгоды и цели концентрации. Формы организации. Примеры из практики главнейших американских трестов. Законодательство о трестах. Меры борьбы с отрицательными сторонами трестов.

Небольшая глава посвящена другим странам.

2) **Wood.** Modern business corporations, including the organisation and management of private corporations with financial principles and practices. 2 ed. Indianopolis. 1917. 600 стр.

Юридические рамки современных американских акционерных обществ в связи с хозяйственной, деловой (business) жизнью. Большая половина книги — формы и образцы деловых бумаг, уставов, договоров,

3) **Harry Jones.** Social economics. London. 1920. 239 стр.

Рост современной индустриальной проблемы. Индустриальная организация. Организация рабочих. Индустриальная система перед войной. Влияние войны на индустрию и на положение труда. Индустрия и государство. Проблема коллективного контроля.

4) **Mc Vey.** Modern Industrialism. An outline of the industrial organisation as seen in the history, industry, and problems of England, United States and Germany. Illustrated. N.-York. 1919. 300 стр.

Индустриальная эволюция Америки. Подъем Германии. Формы индустриальной организации. Государство — основные задачи, вмешательство, регулирование. Государственная собственность.

5) **Feig.** Unternehmertum und Socialismus. Eine dogmen- und wirtschaftsgeschichtliche Betrachtung. Iena. 1922. 64 стр.

Развитие предпринимательства. Отношение социализма к предпринимательству. Централистический социализм (Сен-Симон, Базар). Кооперативный социализм (Фурье, Овен). Государственный социализм (Родбертус, Маркс). Предпринимательство и социализм в наши дни.

6) **Cole.** Selbstverwaltung in der Industrie. Berlin. 1921. 271 стр.

Перевод с *пятого*, наново переработан. издания работы видного представителя английского гильдейского социализма. Переводу предшествует введение Гильфердинга.

Содержание: Имперские гильдии. Реорганизация профсоюзов. Уничтожение наемной системы. Сущность государства. Государственная собственность и государственный контроль. Свобода в гильдиях. Имперские гильдии и потребители. *Приложения.* — Возникновение синдикализма во Франции. Рабочая политика после войны.

7) **Woolf.** Cooperation and the future of Industry. London. 1918. 138 стр.

Корни движения. Демократическая система в промышленности. Труд и кооперативное движение. Проблемы прогресса. Кооператоры и политическая деятельность. Возможности и перспективы кооперативного движения.

8) **Штейн.** Экономическая политика. Петербург. 1922 г. 162 стр.

Рационализация трудового процесса. Рационализация накопления. Рационализация организации народного хозяйства. Рационализация техники и потребления.

9) **Lukas.** Spekulation und Wirklichkeit im ökonomischen Marxismus. Eine Untersuchung zum Dogma der kapitalistischen Ausbeutung. Essen-Ruhr. 1922. 100 стр.

Автор — ученик Пленге. Опирается на работу последнего — „Маркс и Гегель“. Задача — еще раз попытаться опровергнуть теорию прибавочной ценности Маркса.

10) **Davis.** Essays on the earlier history of American corporations. 2 тома. 547+419 стр. 1917 г.

История американских акционерных обществ и др. коллективных форм предпринимательства *до* 1800 г. В первом отделе история не только торговых и колонизационных, но и воспитательных и благотворительных корпораций. Второй отдел посвящен Дрюеру (1747—1799), крупному предпринимателю, игравшему огромную роль в американском акционерном деле XVIII века. Третий отдел освещает деятельность одной лишь акционерной компании (Первая Нью-Джерсейская сельская корпорация). Четвертый отдел группирует факты из истории свыше 300 корпораций.

V) Хозяйство России.

1) **На новых путях.** Итоги новой экономической политики 1921—22. Под редакцией комиссии СТО в составе В. П. Милютина, А. М. Лежава, С. Г. Струмилина, П. И. Попова, Л. Н. Крицмана, А. С. Киселева. Вып. I. Торговля. 423+26 стр. Вып. II. Финансы. 224 стр. Вып. III. Промышленность. 210 стр. Москва 1923.

Выпуск I. Статьи: проф. Кондратьева (о ценах в 1921—1922 г.г.), Громана и Кауфмана (внешн. торговля), Буринова (государств. торговля), Удинцева (кооперация), Крона (частная

торговля), Удинцева (госуд., кооп. и частный торг. аппараты), Жирмунского (биржи и ярмарка), Ходорова (капиталы и обороты торговых предприятий, кредитование торговли), проф. Сиринова (накладные расходы торговли). В конце—торговое законодательство и таблицы к статье проф. Кондратьева.

Выпуск II. Статьи: Головачова (гос. бюджеты РСФСР), Шмелева (система местных бюджетов), Строгого (местные финансы в 1922 г.), Менькова (налоги и налоговая политика), Силина (денежное обращение), Чалхушьяна (валютная политика), Дезена (кредит)

Выпуск III. Статьи: Л. К. (гос. промышленность), Собсовича (организация гос. промышленности), Берзина (положение Донбасса), Губкина (нефтяная промышленность), Милютина (аренда предприятий), Лежава (о концессиях, акцион. обществах), Струмилина (зараб. плата 1913—1922), Киселева (о калькуляции), Кричмана (об отчетности), Попова (промышленность в 1912—22 г. г., связь сельск. хоз. с промышленностью).

2) **Ларин.** Итоги, пути, выводы новой экомической политики. Москва 1923. 283 стр.

Послевоенное двухлетие. Рынок и социализм. Заработная плата и промышленность. Обложение деревни и хлебные цены. Советское производство и частный капитал. Внутреннее хозяйство и внешняя торговля. Организация промышленности—тресты и их реформа, ВСНХ, немецкие и русские тресты.

3) **Красин.** Ближайшие перспективы русского экспорта. Москва 1920. 68 стр.

Отдельные части работы выполнены сотрудниками НКВТ Бакштом, Геллером и Гринбергом.

Основные вопросы российского экспорта в связи с мировой конъюнктурой. Организация экспортной торговли. Возможности экспорта России в 1922—23 г. г. Конъюнктуры товарных рынков (кожи, пушнина, льны, щетина и конский волос, лес, хлеба). Несколько таблиц (размеры экспорта, цены).

4) **Кузовков.** Азбука финансовой политики. Москва. 1923. 109 стр.

Работа советского государства. О бумажных деньгах и их курсе. Последствия эмиссионной политики. Кредит. Эмиссия—тот же налог. О налоговой политике. Меры советской власти для сокращения государственных налогов.

5) **Смирнов-Омудрянский.** Организация хозяйства и сельско-хозяйственное счетоводство. 1923. 232 стр.

Разделение России по сел.-хоз. районам. Организация хозяйства. Выбор системы хозяйства и системы земледелия. Организация капитала и труда. Сел.-хоз. счетоводство. Текущее и отчетное счетоводство. Упрощенное счетоводство.

6) **Материалы** местных совещаний, областных конференций Нар. Ком. Земледелия о весенней кампании 1922 г. Москва. 1923. 337 стр.

Результаты весенней кампании 1922 г. Резолюции областной конференции в Москве об организации строительства, по финансовому контролю. Отчеты и итоги кампании по разным губерниям.

7) **Н. К. Ф.** Сборник главнейших статистических сведений по государственному бюджету, денежному обращению, кредиту, движению цен и курсов за 1922 г. и начало 1923 г. 1923 г. 116 стр.

Основные показатели конъюнктуры. Товарные индексы и курсы валют. Денежное обращение. Темп эмиссии. Доходы и расходы государства. Кредит. Налоговые ставки, жел.-дор. и почтовые тарифы.

8) **Пленум** бюро правлений жел.-дор. и водного транспорта. Всероссийский съезд представителей правлений и уполномоченных жел. дорог и гос. пароходства (От 4 по 8-ое марта 1923 г.). 1923. 402 стр.

Доклады о финансовом положении транспорта, о золотом исчислении на транспорте, о топливном вопросе, об исчислении себестоимости работ жел. дорог, о районных объединениях на жел. дорогах, об организационных вопросах правлений; прения по докладам и резолюции.

Опечатки, замеченные в 3-й книге „Вестника Соц. Акад."

На стр. 415.

Вместо слова „правое" (стр. 20 сверху) нужно читать — „правовое".

На той же стр.

Вместо слов: „Относящийся непосредственно к определенному хронологическому моменту" (стр. 25—26) должно быть: „относящийся непосредственно к определенному району или к определенному хронологическому моменту".

На стр. 425.

При описании книги „Современная фабричная система на Западе" пропущено: „*Киев. 1911*".

На стр. 426.

Напеч.: Вигдорчик, Н. Фабричная жизнь и т. д. № *6*. Надо: № *46*.

На стр. 427.

Напеч.: Глезмер, С. По рабочему вопросу. „Промышл. и Торговля". *1901*. Надо: *1910*.

Дадонов, Русский Манчестер... № *13*. Надо: № *12*.

Дембо, В. Промышленность и труд... № *5*. Надо: № *25*.

На стр. 428.

Напечат.: К. Е. Письмо в редакцию. [По поводу статьи: „Рабочий вопрос о рабочих. . ."] Надо: [По поводу статьи: „Рабочий вопрос и вопрос о рабочих"...

К-ов, П. Анкета о влиянии войны и т. д. „Статистическ. Вестник". 1916. № 3—3. Надо: № 3—4.

На стр. 430.

После статьи Погожева: „Из жизни фабричного люда..." пропущена статья: „Погожев, А. В. К истории фабричного вопроса в России. „Медицинская Беседа". 1891. № 22".

На стр. 431.

Напечат.: Райвид, Н. О быте рабочих. „Пролетарий". Тамбов. 1921. № 2—3, 7—8. Надо: № 2—3 (7—8).

На стр. 432.

После ст. Шестерина пропущ. ст.: „Шефлер, М. Новые твердые цены и бюджет рабочего. „Народное хозяйство". М. 1918. № 12".

После кн. Шульце-Геверниц пропущ. ст.: „Щербина Ф. Потребности, как предмет научного изучения и бюджеты рабочих семей. „Народное Хозяйство". 1900. № 5.

торговля), Удинцева (госуд., кооп. и частный торг. аппараты), Жирмунского (биржи и ярмарка), Ходорова (капиталы и обороты торговых предприятий, кредитование торговли), проф. Сиринова (накладные расходы торговли). В конце—торговое законодательство и таблицы к статье проф. Кондратьева.

Выпуск II. Статьи: Головачова (гос. бюджеты РСФСР), Шмелева (система местных бюджетов), Строгого (местные финансы в 1922 г.), Менькова (налоги и налоговая политика), Силина (денежное обращение), Чалхушьяна (валютная политика), Дезена (кредит)

Выпуск III. Статьи: Л. К. (гос. промышленность), Собсовича (организация гос. промышленности), Берзина (положение Донбасса), Губкина (нефтяная промышленность), Милютина (аренда предприятий), Лежава (о концессиях, акцион. обществах), Струмилина (зараб. плата 1913—1922), Киселева (о калькуляции), Кричмана (об отчетности), Попова (промышленность в 1912—22 г. г., связь сельск. хоз. с промышленностью).

2) **Ларин.** Итоги, пути, выводы новой экомической политики. Москва 1923. 283 стр.

Послевоенное двухлетие. Рынок и социализм. Заработная плата и промышленность. Обложение деревни и хлебные цены. Советское производство и частный капитал. Внутреннее хозяйство и внешняя торговля. Организация промышленности—тресты и их реформа, ВСНХ, немецкие и русские тресты.

3) **Красин.** Ближайшие перспективы русского экспорта. Москва 1920. 68 стр.

Отдельные части работы выполнены сотрудниками НКВТ Бакштом, Геллером и Гринбергом.

Основные вопросы российского экспорта в связи с мировой конъюнктурой. Организация экспортной торговли. Возможности экспорта России в 1922—23 г. г. Конъюнктуры товарных рынков (кожи, пушнина, льны, щетина и конский волос, лес, хлеба). Несколько таблиц (размеры экспорта, цены).

4) **Кузовков.** Азбука финансовой политики. Москва. 1923. 109 стр.

Работа советского государства. О бумажных деньгах и их курсе. Последствия эмиссионной политики. Кредит. Эмиссия—тот же налог. О налоговой политике. Меры советской власти для сокращения государственных налогов.

5) **Смирнов-Омудрянский.** Организация хозяйства и сельско-хозяйственное счетоводство. 1923. 232 стр.

Разделение России по сел.-хоз. районам. Организация хозяйства. Выбор системы хозяйства и системы земледелия. Организация капитала и труда. Сел.-хоз. счетоводство. Текущее и отчетное счетоводство. Упрощенное счетоводство.

6) **Материалы** местных совещаний, областных конференций Нар. Ком. Земледелия о весенней кампании 1922 г. Москва. 1923. 337 стр.

Результаты весенней кампании 1922 г. Резолюции областной конференции в Москве об организации строительства, по финансовому контролю. Отчеты и итоги кампании по разным губерниям.

7) **Н. К. Ф.** Сборник главнейших статистических сведений по государственному бюджету, денежному обращению, кредиту, движению цен и курсов за 1922 г. и начало 1923 г. 1923 г. 116 стр.

Основные показатели конъюнктуры. Товарные индексы и курсы валют. Денежное обращение. Темп эмиссии. Доходы и расходы государства. Кредит. Налоговые ставки, жел.-дор. и почтовые тарифы.

8) **Пленум** бюро правлений жел.-дор. и водного транспорта. Всероссийский съезд представителей правлений и уполномоченных жел. дорог и гос. пароходства (От 4 по 8-ое марта 1923 г.). 1923. 402 стр.

Доклады о финансовом положении транспорта, о золотом исчислении на транспорте, о топливном вопросе, об исчислении себестоимости работ жел. дорог, о районных объединениях на жел. дорогах, об организационных вопросах правлений; прения по докладам и резолюции.

Опечатки, замеченные в 3-й книге „Вестника Соц. Акад."

На стр. 415.

Вместо слова „правое" (стр. 20 сверху) нужно читать — „правовое".

На той же стр.

Вместо слов: „Относящийся непосредственно к определенному хронологическому моменту" (стр. 25—26) должно быть: „относящийся непосредственно к определенному району или к определенному хронологическому моменту".

На стр. 425.

При описании книги „Современная фабричная система на Западе" пропущено: „*Киев. 1911*".

На стр. 426.

Напеч.: Вигдорчик, Н. Фабричная жизнь и т. д. № *6*. Надо: № *46*.

На стр. 427.

Напеч.: Глезмер, С. По рабочему вопросу. „Промышл. и Торговля". *1901*. Надо: *1910*.

Дадонов, Русский Манчестер... № *13*. Надо: № *12*.

Дембо, В. Промышленность и труд... № *5*. Надо: № *25*.

На стр. 428.

Напечат.: К. Е. Письмо в редакцию. [По поводу статьи: „Рабочий вопрос о рабочих. . ."] Надо: [По поводу статьи: „Рабочий вопрос и вопрос о рабочих"...

К-ов, П. Анкета о влиянии войны и т. д. „Статистическ. Вестник". 1916. № 3—3. Надо: № 3—4.

На стр. 430.

После статьи Погожева: „Из жизни фабричного люда..." пропущена статья: „Погожев, А. В. К истории фабричного вопроса в России. „Медицинская Беседа". 1891. № 22".

На стр. 431.

Напечат.: Райвид, Н. О быте рабочих. „Пролетарий". Тамбов. 1921. № 2—3, 7—8. Надо: № 2—3 (7—8).

На стр. 432.

После ст. Шестерина пропущ. ст.: „Шефлер, М. Новые твердые цены и бюджет рабочего. „Народное хозяйство". М. 1918. № 12".

После кн. Шульце-Геверниц пропущ. ст.: „Щербина Ф. Потребности, как предмет научного изучения и бюджеты рабочих семей. „Народное Хозяйство". 1900. № 5.

Содержание вышедших книг „Вестника Социалистической Академии“.

Содержание 1-й книги.

I. Стр.

От редакции 3
Ближайшие задачи Социалистической Академии. *Е. Преображенского* . 5
Очерк истории Социалистической Академии (1918—1912 гг.) *А. Удальцова* 13
Фактические замечания к очерку истории Соц. Акад. *М. Покровского* . 38
Внеклассовая теория развития русского самодержавия *М. Покровского* . 40
Русская революция *Л. Кришмана* . 55
Идейное наследие бабувизма. *В. Волгина* 67

Вопросы научной организации труда и производства.

Основные положения организации предприятий (статья проф. Шиллинга и инж. Герлиц) *Д. Бружес* . . . 85
Перечень из новейшей немецкой литературы по научной организации производства. *Д. Хлебникова* . . 96

II.

Стенограммы докладов, читаемых в Академии, и прения по ним.

„Версальское устроительство“, доклад *А. Богданова* 106

III. Стр.

Научная библиография.

а) ЭКОНОМИКА.

Проф. Шиттау. „Революция и народное хозяйство“ *Е. Преображенского* 154

б) ПОЛИТИКА и ПРАВО.

Д. М. Кейнс. „Пересмотр мирного договора“. *В. Милютина* 157
Проф. Котляровский. „Развитие международн. отношен. в новейшее время“. *Ф. Р.* 160
Манабендра Нат Рой. India in transition. *Ф. Р.* 163
Библиография по теории права и государства. *П. Стучка*. 164
Общая теория права тов. П. И. Стучки. *Н. Рейснера* 173

в) ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

Очерки научно-художественной литературы. *А. Луначарского* . . . 182
Seger „Kunst und histor Materialismus“. *Ф. Фриче*. 189
Сакулин. „Русская литература и социализм“. *В. Переверзева* . . . 192

IV.

Хроника 195

Содержание 2-й книги.

I отдел — статьи. Стр.

Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. *М. Покровского* 3
Финансовая система в период первоначального социалистическ. накопления. *Д. Кузовкова* 18
Учение об аналогиях (по книге Мишеля Петровича). *А. Богданова* . . 78
О предмете диалектики. *Тальгеймера* 98

Стр.

Научная организация труда и производства.

Проблема трудового ритма. *О. Ермакского* 106
Положение и задачи психотехники на Западе и Р.С.Ф.С.Р. *И. Шпильрейна* 114

Стр.

II отдел — стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

О сущности религии, доклад. *Б. Горева* 140
Роль государств. капитализма в системе советского хозяйства, доклад. *В. Милютина* 165

III отдел — библиография.

а) ЭКОНОМИКА.

Обзор литературы по мировому хозяйству. *М. Бронского* 210
Е. Преображенский. „От Нэп'а к социализму“. *В. Милютина* . . . 223
За 5 лет. Сборник агитотд. ЦК РКП. *В. Фирсова* 226
Современная русская литерат. по аграрному вопросу. (Критич. очерк). *С. Дубровского* 239
Проблемы социализации в германской литературе (Сводный обз.) *А. Базарова* 247

б) ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Козьмин. „П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов“. *М. Покровского* 259
Айзафт. „Зубатовщина и Гапоновщина“. *М. Покровского* 262

в) ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ.

Новые книги по философии марксизма *Б. Горева*. 268
Карл Форлендер. „Общедоступн. история философии“. *Б. Горева* . . . 271

г) ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Очерки научно-художественной литературы. *А. Луначарского*. . . . 272
Кризис буржуазного искусства. *В. Фриче* 281

д) ПРИЛОЖЕНИЕ.

Списки книг, получен. из последние годы Кабинет экономики 285
Кабинет мировой войны и международной политики. 290

IV отдел — хроника.

О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде. . 293
Кабинет Карла Маркса при Томском Рабфаке. 293

Социалистическая Академия в Москве.

О секции по общей теории и истории права и государства 297
О работе экономической секции . . . 298
Секция литературы и искусства . . 299
Читальный зал Социалистич. Академии 299
Общество „Октябрь Мысли“ 300

Содержание 3-й книги.

Стр.

I отдел—статьи.

К постановке пробл м теории исторического материализма. *Н. Бухарин* . 3
Исторический материализм и вопросы первобытной жизни. *А. Богданов* . 16
Диалектика в системе Фихте. *А. Деборин* 28
Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле *Е. Преображенский* 58
Математические законы денежной эмиссии. *О. Шмидт* 85
К теории рынка. *Ш. Дволайцкий* . 100
Зак ни тенденции нормы процента к понижению. *В. Е. Мотылев* . . . 134
В защиту революционно-марксистского понятия классов. права. *П. Стучка* 159

Стр.

Научная организация труда и производства.

Задачи научной организации труда и ее положение. *О. Ермански* . . 170
Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике. *Исаак Шпильрейн* 200

II отдел — стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Проблема психологии в теории исторического материализма. — Доклад *М. А. Рейснера* 210
Прения по докладу О. Ю. Шмидта: «Математические законы денежной эмиссии, и заключительное слово докладчика 256

Стр.

III отдел — библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. *М. Бронский* 278
Обзор литературы по аграрному вопросу. *С. Дубровский* 295
Статистика 1918—1922 гг *П. Попов* 311
Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. *В. Базаров* 324
Литература по чартизму. *Ф. Ратнштейн* 342
Обзор литературы о революции 1848 г. *Ст. Кривцов* 363
Старое и новое в доисторин. (Обзор литературы по первобытной культуре.) *В. Никольский* 376

Рецензии.

Оптимальные размеры с.-х. предприятий. (Труды Высшего Семинария с.-х. экономии и политики при Петровской С.-Х. Академии). *Л. Н. Крицман* 400
Мако Адлер: Учение марксизма о государстве. *Г. Лукач* 407
Кайо. Куда идет Франция. *М. Павлович* 411

Приложение.

Опыт библиографическ. указателя по истории крестьянского движен. *Е. А. Мороховец* 415
Указатель русской литературы по положению рабочего класса. *С. П. Каплун* 421
Книги изд. 1921 г., полученные в кабинете—Миров. войны и внешн. полит.—Соц. Акад. 433

IV отдел — хроника.

Доклады в Социалистической Академии 441
Издание „Соц. энциклопедии" . . . 441
Подарок уральских рабочих 442
Секция советского строительства . . 442
Секция по общей теории и истории права и государства 443
Библиотека Социалистической Академии 443

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Знаменка, Мал. Знаменский, 11.
Телефоны: 1-94-66, 1-94-54. Кремль, доб. 2-75.

N
Ag 17'25

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ПЯТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1923—ПЕТРОГРАД